

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

1908.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1908.

Христіанская заповѣдь о любви—„новая“ заповѣдь¹⁾.

(Противъ Геккеля, Саладина и пр.).

4. Секстъ-«пифагореецъ» отнесенъ у Саладина къ «406 г. до Р. Хр.»²⁾. Но это лицо извѣстно только одному Саладину, а съ его голоса—Геккелю. Дѣло въ томъ, что въ числѣ пифагорейцевъ не указываетъ кого-либо съ этимъ именемъ никто болѣе: см. перечень пифагорейцевъ, напр., у Rudolf'a Eisler'a³⁾, у Ueberweg'a—Heinze⁴⁾, у Zeller'a⁵⁾ и друг., напр., у проф. П. Г. Рѣдвина⁶⁾, у Виндельбанда⁷⁾ и проч. Это разъ. А во-вторыхъ, лица, носящія подходящія имена и исторически извѣстныя, относятся къ другой эпохѣ. Напр., Квинтъ Секстій (но не Секстъ)—«пифагореизировавшій эклектикъ»—родился уже «около 70 г. до Р. Хр.» «За нимъ слѣдовалъ одноименный съ нимъ сынъ его» (т. е., снова Секстій, а не Секстъ⁸⁾). Далѣе, «Секстъ Клодій» извѣстенъ — какъ «учитель триумвира Марка Антонія»⁹⁾, родившагося «въ 83 г. до Р. Хр.»¹⁰⁾

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душенол. Читенія* 1908 г.

²⁾ Op. citat. Saladin'a: S. 174.

³⁾ R. Eisler: „Wörterbuch der philosophischen Begriffe“... Zweiter. Band; Berlin, 1904. 2 Aufl. S. 169.

⁴⁾ Op. cit. S. 57.

⁵⁾ Eduard Zeller: „Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung“. Erster Theil. 3 Aufl. Leipz. 1869. S. 287 и слѣд., S. 241 и слѣд.

⁶⁾ „Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще“. Т. 2. СПб. 1889 г., стр. 63—65...

⁷⁾ См. его „Исторію древней философіи“. СПб. 1893 г., стран. 80.

⁸⁾ Ueberweg: op. cit., S. 323, 311. Виндельбандъ: op. cit., стр. 285.

⁹⁾ Ueberw. op. cit. S. 326.

¹⁰⁾ Брокгаузъ-Ефронъ: „Энциклопедическій Словарь“; полут. 2; СПб. 1890 г., стр. 858.

А Секстъ эмпирикъ жилъ уже «около 200 г. по Р. Хр.»¹⁾. Ни одинъ изъ нихъ, словомъ, не восходитъ къ эпохѣ, упоминаемой Саладиномъ—Геккелемъ. Въ третьихъ, однако, допустимъ, что называемый ими «Секстъ-пифагореецъ» отъ «406 г. до Р. Х.» существовалъ дѣйствительно. Чему онъ,—спрашивается,—училъ по увѣренію Саладина? «Золотое правило Секста (пифагорейца)»,—читаемъ у послѣдняго,—таково: «чѣмъ ты желалъ-бы видѣть «для себя твоего ближняго, тѣмъ-же будь для него также и ты» самъ²⁾. Безспорно—почтенное правило.

Но,—помимо всего прочаго, что въ данномъ случаѣ можно было-бы сказать,—это «правило» а) не выражаетъ всей сущности христіанскаго ученія о любви и даже не содержитъ прямого указанія на необходимость этой послѣдней. Въ крайнемъ случаѣ здѣсь выдвигается лишь принципъ одного юридически-сухого соотвѣтствія—не больше и, при томъ, окрашеннаго эгоистическимъ моментомъ. Чѣмъ ты—для ближняго, тѣмъ и онъ—для тебя. И только. И, при томъ, ты будь хорошимъ по отношенію къ ближнему для того,—предполагается,—чтобъ и онъ затѣмъ таковымъ-же былъ для тебя. Это ясно. Эгоистическій расчетъ сомнѣнію не подлежитъ. Онъ—на-лицо. Христіанство-же, призывающее насъ «не оставаться должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви» (Римл. XIII, 8),—«дѣлать добръе всѣмъ» (Галат. VI,10), кто-бы это ни былъ, хотя-бы даже и наши враги (Римл. XII,20. Матѣ. V, 44 и слѣд.),—«побѣждать зло добромъ» (Римл. XII,21),—любить другихъ безкорыстно, неэгоистично (Матѣ. VI, 3.4. Лук. VI, 35...), изъ переполненнаго любовью сердца (ср. Римл. XII,8; ср. 2 Корѣ. IX, 7),—«полагать душу свою за друзей своихъ» (Іоанн. XV, 13), т. е., проявлять къ своимъ ближнимъ любовь высшую, нежели какую человѣкъ проявляетъ къ себѣ самому...³⁾),—такое христіанство оставляетъ очень и очень

¹⁾ Ueberweg: op. cit. S. 295.

²⁾ Saladin: op. cit. S. 174.

³⁾ Подробности см. въ моихъ статьяхъ: „Христ. любовь“ (цитов.

далеко позади себя Секста (воображаемаго) и ему подоб-ныхъ. б) Это правило Секстово (!) не могло представлять какой-либо диковины для знакомыхъ съ ветхозавѣтнымъ божественнымъ Откровеніемъ. Такъ, въ IV главѣ книги Товита читаемъ въ числѣ прочихъ наставленій, какія давалъ Товитъ своему сыну Товіи, и такое: «что ненави-стно тебѣ самому, того не дѣлай никому» (ст. 15) (ср. Матѳ. VII,12: «во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами по-ступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки»; Лук. VI,31: «и какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними»). И если согласиться съ пресловутымъ Саладиномъ, что его Секстъ жилъ въ 406 г. до Р. Хр., то и въ этомъ случаѣ хронологическое первенство будетъ на сторонѣ книги Товита, которая,—какъ это совершенно точно ус-тановлено въ библейской наукѣ,—произошла очень рано: «первыя XIII главъ книги были написаны вскорѣ послѣ исцѣленія» Товита «отъ слѣпоты (послѣ 675 г. до Р. Хр.)», а окончательно книга была «редактирована» и дополнена XIV-ю главою «вскорѣ послѣ смерти Товіи, но до разру-шенія Соломонова храма, т. е., между 598—586 г. до Р. Хр.»¹⁾ Книга, слѣдовательно, произошла до рожденія даже самого Пифагора, еслибъ кому-либо вздумалось прив-лечь въ данномъ случаѣ и послѣдняго (онъ «родился, вѣ-роятно, въ 582 г. до Р. Хр.», а «умеръ около 500 г. до Р. Хр.»²⁾ Относительно-же, въ частности, Товитова изре-ченія, должно сказать, что оно и подобныя ему «служать лишь развитіемъ заповѣди закона о любви къ ближнимъ», записанной еще въ «Лев. XIX,18». «Что же касается самой формы ихъ, то она, безъ сомнѣнія, издавна установилась въ

выше) и „Сущность христ. уч. объ отнош. челов. къ ближнимъ“ (ци-тов. выше).

¹⁾ Проф. Н. Дроздова изслѣдовав. „О происхожденіи книги Товита“ (Кіевъ, 1901 г., стр. 638 и друг.).

²⁾ Ueberw. op. cit. S. 56. 57.

устьномъ іудейскомъ преданіи, откуда они и могли быть заимствованы независимо другъ отъ друга какъ писателемъ книги Товита, такъ и евангелистами Матеемъ и Лукою... «Филонъ, приводя подобнаго рода выраженіе» (ἅ τις παθεῖν ἔυχαίρει, μὴ ποιεῖν αὐτόν—«что кто ненавидитъ, т. е., не желаетъ потерпѣть, пусть не дѣлаетъ и самъ»,—предполагается,—другимъ), «прямо относитъ его къ неписаннымъ законамъ іудейскимъ»... ¹⁾.

Коротко сказать: совершенно напрасно привлечень къ дѣлу и «Секстъ-пифагореецъ». Его «правило» было не новость для іудея: сущность его ясно была выражена въ книгахъ Ветхаго Завѣта, происшедшихъ до эпохи Секста; а кромѣ того, даже ученіе и этихъ книгъ по данному пункту, какъ увидимъ ниже, далеко не достигаетъ до высоты христіанскаго міровоззрѣнія.

5. Аристиппъ Киринейскій (435—360 г.г. до Р. Хр.) ²⁾ извѣстенъ «умѣньемъ утѣшать друзей»,—изреченіями, призывающими «терпѣть обиды», «равнодушно переносить оскорбленія», «злословіе», «уклоняться отъ спора», «подавлять гнѣвъ», избѣгать «раздоровъ» и пр. ³⁾ Все это и подобное рекомендуетъ даннаго мыслителя древности съ весьма симпатичной стороны.

Но за-то другія данныя характеризуютъ его иначе. При ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ оказывается, что онъ—гедонистъ, что руководящимъ принципомъ нравственной дѣятельности для него является «удовольствіе». «Эгоистическій» моментъ въ этикѣ Аристиппа, словомъ, есть моментъ регулирующий. Все въ ней такъ или иначе имъ обрабатывается, какъ-бы кто ни старался возвышенно пони-

¹⁾ Проф. Н. Дроздовъ: *op. cit.*, стр. 541.—О Филонѣ (и друг.) чит., между прочимъ, книгу С. Н. Трубецкого: „Ученіе о Логосѣ въ его исторіи“ (1900 г. Москва) (ср. мой отзывъ въ „Церк. Вѣстн.“: 1900 г. № 49)...

²⁾ Виндельбандъ: *op. cit.*, стр. 122.

³⁾ Zeller: *op. cit.*, II Th., I Abth. (3 Aufl. Leipz. 1875), S. 317... „Изреченія... греч. мыслителей“—*op. cit.*, стр. 187, 188, 192 и др.

мать ученіе Аристиппа объ удовольствіи и его значеніи... ¹⁾ «Когда Аристиппа порицали за то, что онъ роскошно живетъ», философъ отвѣтилъ: «еслибъ это было дурно, то не было-бы допускаемо при празднествахъ въ честь боговъ» ²⁾. Характеренъ способъ оправдыванія проявленій эгоизма!.. «Когда разъ Аристиппъ плылъ въ Коринѣъ, и была буря, то онъ началъ сильно беспокоиться. Кто-то сказалъ ему: мы—люди простые, и то не боимся, а вы—философы, да трусите. Аристиппъ на это замѣтилъ ему: это зависитъ отъ того, что не одинакова душа, за которую каждый изъ насъ беспокоится» ³⁾. Эгоизмъ Аристипповъ выступаетъ здѣсь еще болѣе ярко. Такъ и чутся Платоновъ аристократическій взглядъ на «философовъ-правителей», обладающихъ высшею нравственною природою не только по сравненію съ варварами и греческими рабами, но и сравнительно съ «воинами» и «ремесленниками-земледѣльцами» (ср. выше). Этого аристократизма, раздѣляемаго и другими древне-греческими мудрецами..., невозможно было вытравить у язычниковъ той эллинской эпохи, если надъ нею не могъ возвыситься даже и такой геніальный умъ, каковъ былъ Аристотель (см. выше). «Когда Симъ, казначей Діонисія, показывалъ Аристиппу роскошные дома и прекрасныя мостовыя..., Аристиппъ, отхаркнувшись, плюнулъ ему въ лицо; когда-же тотъ вознегодовалъ на это, философъ сказалъ: я не нашелъ болѣе удобнаго мѣста, куда-бы плюнуть» ⁴⁾. Какое грубо-эгоистическое отношеніе къ ближнему, возможное только въ язычествѣ, не знакомомъ съ идеальными нравственными принципами христіанства! По Христову ученію, «всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду; кто-же скажетъ брату сво-

¹⁾ Чит., напр., у Luthardt'a: „Die antike Ethik“—op. cit., S. 97—99. (Ср. Köstlin'a „Geschichte der Ethik... 1 Band, 1 Abth. Tübing. 1887. S. 307. 310.

²⁾ „Изреченія“...—op. cit., стр. 187—188.

³⁾ Ibid., стр. 189.

⁴⁾ Ibid., стр. 190.

ему рака, подлежить синедріону; а кто скажетъ: безумный, подлежить гееннѣ огненной» (Матѳ. V, 22). А пресловутый Аристиппъ плюетъ въ лицо «брату», такъ какъ всякое иное мѣсто, куда онъ могъ-бы плюнуть,—по его словамъ,—чище, приличнѣе этого лица! Можно-ли придумать что-либо другое—болѣе абсурдное?! Непроходимая по-истинѣ пропасть отдѣляетъ христіанское и Аристиппово міровоззрѣнія. Христіанинъ никогда не пойметъ этого киринейскаго плевателя. Но пойдѣмъ дальше. Эгоизмъ Аристиппа всецѣло, наглядно и безъ всякихъ покрововъ проявляется въ его положеніи, записанномъ у Діогена Лаэртія: *τὸν τε σοφὸν ἐκαστοῦ ἕνεκα πάντα πράξειν* ¹⁾). Т. е., «мудрецъ будетъ дѣлать все ради себя самого». Не краснорѣчиво-ли? Ближній для него неинтересенъ, и имъ игнорируется. У него въ виду—только онъ самъ, его личные интересы и потребности... Ясно, что Аристиппъ никогда не пойметъ христіанскаго ученія, напр., о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, любви безкорыстной, неэгоистичной, любви искренней, а тѣмъ болѣе любви до самопожертвованія для ближняго и за ближняго, когда собственные интересы любящаго всецѣло отступаютъ назадъ и совершенно игнорируются. Одинъ «все дѣлаетъ ради себя самого», а другой забываетъ о себѣ и за ближняго «полагаетъ» свою жизнь (см. выше)... Два міровоззрѣнія, исключаютъ себя взаимно... Эгоизмъ и чистѣйшій альтруизмъ! Не мудроно послѣ всего сказаннаго, что если иногда Аристиппъ и рекомендуетъ «взаимное благотвореніе» ²⁾, то рекомендуетъ съ эгоистически-корыстной точки зрѣнія, которая, какъ и сказано, всюду у него о себѣ заявляетъ,—заявляетъ или явно, или болѣе или менѣе прикровенно, но непремѣнно. Гедонистъ Аристиппъ есть гедонистъ всегда...

¹⁾ Diogenis Laertii „De vitis philosophorum libri X.“ Lipsiae, 1877. T. I. Lib. II, cap. VIII, sect. 9, § 95. Pag. 103.

²⁾ Сравн. Saladin., S. 174.

Не касаясь другихъ подробностей его нравственнаго ученія, такъ какъ и отмѣченныхъ считаемъ совершенно достаточными для нашихъ цѣлей, мы должны сказать, что напрасно искать (какъ мы видѣли) у Аристиппа чего-либо вродѣ христіанскаго ученія о любви къ ближнему. Аристиппъ,—мы видѣли,—стоитъ на совершенно другой, нехристіанской, точкѣ зрѣнія.

Повѣривши Саладину, Геккель впалъ въ грубую ошибку, привлекиши и имя Аристиппа.

6. **Исократъ** (род. въ 436 г. до Р. Хр.), а умеръ, «кажется, въ 338 году» ¹⁾. Это былъ почтеннѣйшій мыслитель древности. Въ издаваемыхъ подъ его именемъ твореніяхъ содержится масса поучительныхъ и назидательныхъ положеній. «Предъ громкимъ именемъ Исократа», говоритъ В. Θ. Коршъ, «блѣднѣютъ другія, болѣе скромныя, имена ораторскія четвертаго столѣтія» ²⁾. Въ нашу задачу не входитъ излагать міровоззрѣніе этого оратора въ его цѣльномъ видѣ. Мы, какъ и въ другихъ случаяхъ (относительно иныхъ языческихъ мыслителей, выше охарактеризованныхъ), и здѣсь отмѣтимъ лишь то, что для нашихъ цѣлей сравнительно болѣе характерно.

Исократъ проповѣдуетъ благоговѣніе къ Богу, почтеніе къ закону, родителямъ, добродѣтели и добродѣтельнымъ, расположеніе къ друзьямъ, воздержаніе отъ порока и нехорошихъ вообще проявленій и пр. Приписываемыя этому оратору произведенія переполнены такого рода сентенціями. «Бога бойся; родителей почитай; къ друзьямъ будь почитателемъ; законамъ повинуйся» ³⁾. «Не столько бы-

¹⁾ И. В. Никитина проф. и академика „Лекціи по исторіи греческой литературы“. Спб. 1890—1891 г.г. Стр. 241. 242.

²⁾ В. Θ. Корша „Исторія греческой литературы“ (въ 1-мъ томѣ „Всеобщей исторіи литературы подъ редакціей В. Θ. Корша“; Спб. 1881 г., стр. 1124).

³⁾ Ἰσοκράτους Λόγῳν ἢ συμμαρτία παρανεητικῆ—„Исократа, Аоннейскаго оратора и философа политическія рѣчи о должностяхъ“... (русскій перев. И. Дмитревскаго). Спб. 1789 г. (греч. и русск. тексты). Стр. 20. 21.

вають всѣми ненавидимы проводящіе порочную жизнь, сколько тѣ, которые, давъ обѣщаніе быть добродѣтельными, ничѣмъ не разнятся (въ порокахъ) отъ перваго встрѣчнаго... ¹⁾ «Должно стремиться къ честности и добродѣтели...» ²⁾ «Гордись добродѣтелю» только... ³⁾ «Лучше предпочитай умереть честно, чѣмъ жить постыдно» ⁴⁾. «Подражайте не тѣмъ, кто владѣютъ огромными богатствами, а людямъ, не сознающимъ за собою ничего дурного...» ⁵⁾ и т. под. Въ особенности часто Исократъ указываетъ на тѣ чувства, поступки и пр., какіе мы хотѣли-бы видѣть со стороны другихъ по отношенію къ намъ,—совѣтуя, въ свою очередь, и намъ самимъ подобнымъ-же образомъ поступать въ отношеніи къ нимъ, тѣже питать и къ нимъ чувства и пр. Этотъ наглядный пріемъ, дѣйствительно, убѣдительно для лицъ, не потерявшихъ способности убѣждаться,—для лицъ, могущихъ судить по себѣ о другихъ, ихъ чувствахъ, состояніи и т. п. «Таковъ будь къ твоимъ родителямъ, каковыми желалъ-бы видѣть въ отношеніи къ тебѣ самому своихъ дѣтей» ⁶⁾. «Тебѣ всего болѣе стали-бы воздавать славу, еслибъ оказалось, что ты не дѣлаешь того, за что порицаешь прочихъ дѣлающихъ» ⁷⁾. «Приучайся къ самообладанію, когда разгнѣваешься», а также «среди удовольствій, печали»... Ты въ этомъ случаѣ будешь имѣть успѣхъ, если, «разгнѣвавшись, станешь относиться къ преступникамъ подобно тому, какъ желалъ-бы, чтобъ и остальные относились къ тебѣ самому, когда допустишь проступокъ; если, веселясь, станешь считать постыднымъ дѣломъ—владѣть рабами и находиться въ рабствѣ у удовольствій; если, печалясь, станешь взирать на

¹⁾ Ibid., стр. 62. 63.

²⁾ Ibid., стр. 66. 67.

³⁾ Ibid., стр. 108. 109.

⁴⁾ Ibid., стр. 118. 119.

⁵⁾ Ibid., стр. 210. 211.

⁶⁾ Ibid., стр. 18. 19.

⁷⁾ Ibid., стр. 22. 23.

несчастія прочихъ и припомянуть себѣ самому, что и ты—человѣкъ»... ¹⁾ Такъ Исократъ говоритъ Димонику. А обращая рѣчь къ «кипрскому царю Никоклу», даетъ ему такіе, напр., совѣты. «Со слабѣйшими государствами обходись такъ, какъ желалъ-бы, чтобъ къ тебѣ самому относились сильнѣйшія» ²⁾. «Что сталъ-бы совѣтовать своимъ дѣтямъ, то и самъ считай справедливымъ непрестанно дѣлать» ³⁾. Далѣе, обращая слова отъ имени Никокла къ «подданнымъ», ораторъ, между прочимъ, говоритъ. «Слѣдуетъ, чтобъ вы были таковы въ отношеніи къ прочимъ, какимъ желаете видѣть меня въ отношеніи къ вамъ» ⁴⁾. «Не дѣлайте прочимъ того, что терпя отъ другихъ—приходите въ раздраженіе» ⁵⁾. «Ожидайте» для себя съ нашей стороны «такихъ-же поступковъ, какіе будете замышлять» и сами «по отношенію къ намъ...» ⁶⁾ и т. под.

Всѣ эти и подобныя имъ Исократовы сентенціи, число которыхъ можно было-бы еще и еще увеличить, если-бы въ томъ была надобность, несомѣнно дѣлаютъ честь мыслителю языческой древности и выдвигаютъ его далеко впередъ изъ ряда остальныхъ его современниковъ. Многие могли бы у него поучиться и въ наше время, выдвинувшее Ницше, Горькихъ, Андреевыхъ и подобную имъ гнусную гниль. Все это вѣрно. Но, *во-первыхъ*, нужно принять къ свѣдѣнію, что, напр., «Утѣщеніе къ Димонику» (Πρὸς Διμόνικον παραίνεσις)—рѣчь, въ которой въ особенности много превосходныхъ мѣстъ съ высочимъ нравоучительнымъ содержаніемъ ⁷⁾, есть сочиненіе не Исократовское, а

¹⁾ Ibid., стр. 26. 27. 28. 29.

²⁾ Ibid., стр. 100. 101.

³⁾ Ibid., стр. 120. 121.

⁴⁾ Ibid., стр. 196. 197.

⁵⁾ Ibid., стр. 212. 213.

⁶⁾ Ibid., стр. 214. 215.

⁷⁾ Изъ этой рѣчи—всѣ тѣ мѣста, которыя приведены *выше* по изд. 1789 г. (СПБ.) и которыя находятся въ послѣднемъ на стран. 1—67 (отсюда же будутъ приводиться мѣста и *ниже*).

подложное, какъ это въ новѣйшее время установлено вполне твердо ¹⁾. *Во-вторыхъ*, если мы не придадимъ упомянутому обстоятельству особаго значенія въ виду того, что общій характеръ мѣстъ изъ подложной рѣчи совпадаетъ съ такимъ-же характеромъ мѣстъ изъ другихъ, несомнѣнно Исократовскихъ, произведеній, то не должны игнорировать слѣдующаго. Высшая точка, до какой возвышается мораль Исократова,—какъ мы видѣли,—не различается (поскольку дѣло идетъ объ отношеніяхъ людей другъ къ другу), напр., отъ высшаго пункта морали «Секста-пифагорейца», уже охарактеризованнаго и, по словамъ Саладина ²⁾, проповѣдывавшаго: «чѣмъ ты желалъ-бы видѣть «для себя твоего ближняго, тѣмъ-же будь для него также и ты» самъ. Посему все то, что было сказано нами по этому поводу о морали «Секста», сравнительно съ моралью христіанскою и ветхозавѣтною (кн. Товита, кн. Левитъ...), должно принять къ свѣдѣнію и въ настоящемъ случаѣ. Къ прежней рѣчи своей и отсылаемъ, не желая повторяться. *Въ третьихъ*, другія, не отмѣченныя еще нами, мѣста изъ «Isocratiana» заставляютъ насъ взглянуть на нравственное міровоззрѣніе этого языческаго оратора совсѣмъ иными глазами. Чтобъ не быть многословными, приведемъ лишь нѣсколько болѣе или менѣе характерныхъ примѣровъ.

а) Изъ послѣднихъ видимъ, что Исократъ рекомендуетъ нѣкотораго рода приспособляемость къ лицамъ, имѣющую далеко не безукоризненный въ нравственномъ отношеніи характеръ. «Хотя ко всѣмъ будь ласковъ, но имѣй сношенія» только «съ лучшими. Ибо такимъ путемъ ты не станешь ненавистенъ для однихъ и сдѣлаешься другомъ для другихъ» ³⁾. Данъ чисто житейскій совѣтъ не высо-

¹⁾ Проф. П. В. Никитина *op. cit.*, стр. 242. 243.

²⁾ Если только,—повторяемъ прежде сказанное,—онъ не выдуманъ этимъ Саладиномъ.

³⁾ „Исократъ“—*op. cit.* 1789 г., стр. 26. 27.

каго нравственнаго качества: чтобъ только не заслужить ненависти дурныхъ, рекомендуется въ отношеніи къ нимъ ласковость, пріятное обхожденіе! Такая приспособляемость, обезпечивающая лишь спокойствіе, благополучіе приспособляющагося, а не торжество нравственнаго закона, практикуется и одобряется развѣ лишь нынѣ, напр.,—когда человѣка, не извивающагося, а руководящагося въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ людямъ голосомъ совѣсти, называютъ неуживчивымъ, полагая въ этой уживчивости, житейской тактичности (хотя-бы примѣненіе ея шло въ разрѣзъ съ требованіями нравственности) всю суть дѣла... У Спасителя нашего «не было лести въ устахъ» (1 Петр. II, 22). Не Ему ли во всемъ должны подражать и мы? б) Исократъ, далѣе, рекомендуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., для разузнанія внутреннихъ чувствъ друзей,—истиннаго ихъ настроенія) «притворство», «обманъ»,—разрѣшая «притворяться имѣющимъ нужду» человѣку не нуждающемуся,—разрѣшая выдавать «не тайное» за «тайное»... ¹⁾ Притворство, порицаемое еще ветхозавѣтнымъ псалмопѣвцемъ (Псал. XI, 3), тѣмъ болѣе, разумѣется, несовмѣстимо съ возвышенною христіанскою точкою зрѣнія (ср. Лук. XX, 20 и др.). Только беззаконники,—по христіанскому ученію, — «наслаждаются обманами своими» (2 Петр. II, 13). «Обманщики будутъ преуспѣвать во злѣ» (2 Тимое. III, 13) (ср. Римл. III, 13. Іак. I, 22 и др.). Рѣчь Исократа напоминаетъ то, что говорилъ по адресу своихъ слушателей пророкъ—обличитель Іеремія: «каждый обманываетъ своего друга, и правды не говоритъ: приучили языкъ свой говорить ложь, лукавствуютъ до усталости» (Іер. IX, 5). «О чемъ стыдишься открыться явно»,—говоритъ Исократъ,—«однако, желаешь сообщить нѣкоторымъ своимъ друзьямъ, предложи рѣчь твою такъ, какъ» еслибы разговоръ шелъ «о чужомъ дѣлѣ: такимъ путемъ узнаешь ты и ихъ мысли, и не обнаружишь себя»... ²⁾ Коммента-

¹⁾ Ibid., стр. 23. 33.

²⁾ Ibid., стр. 46. 47.

рѣи къ такимъ жизненно-практическимъ совѣтамъ излишни... в) Разрѣшая «кипрскому царю Никоклу» войны, Исократъ совѣтуетъ ему въ данномъ случаѣ руководиться только принципомъ «выгоды» ¹⁾. На видъ выдвигается, слѣдовательно, корыстное, грубо-эгоистическое начало, достаточно характерное для выясненія Исократовскихъ взглядовъ по вопросу объ отношеніи къ ближнимъ вообще. Совершенно иная христіанская точка зрѣнія уже отмѣчалась выше. г) «Похвала отъ толпы (народа)—*τοῦ πλῆθους*—лучше большихъ богатствъ»,—говоритъ Исократъ, который поэтому и совѣтуетъ занимающимъ «общественныя должности» лицамъ пріобрѣтать себѣ вышеотмѣченную «славу», а не «обогащаться»,—предполагается,—незаконнымъ путемъ. ²⁾ Послѣдній совѣтъ хорошъ, конечно,—но рекомендовать стремиться къ пріобрѣтенію народной похвалы—дѣло не христіанское. Христіанство знаетъ и рекомендуетъ одну только «похвалу»: «свидѣтельство совѣсти нашей» (2 Коринѣ. I, 12). Когда послѣднее будетъ на-лицо, когда наши «сердечныя намѣренія» будутъ чисты, тогда въ свое время получимъ «похвалу» и «отъ Бога» (I Коринѣ. IV, 5). «Людская»-же «похвала» не должна въ нашихъ глазахъ имѣть руководящаго значенія (ср. Римл. II, 29)... ³⁾ Людской похвалѣ Исократъ придаетъ большое значеніе, если говорить, что для «добродѣтельныхъ» есть нѣчто «ужасное—жизнь, сопровождаемая безславіемъ» (*ἀδοξία*), ⁴⁾ какъ будто это вѣншнее безславіе, являющееся часто незаслуженно со стороны слѣпой толпы или злыхъ, завистливыхъ... людей, а не внутреннее спокойствіе совѣсти, независимое отъ окру-

¹⁾ Ibid., стр. 100. 101.

²⁾ Ibid., стр. 50. 51.

³⁾ Ср., между прочимъ, мою статью: „Христіанская добродѣтель—смирение“ (Христ. чт. 1900 г., февр. и мартъ). Интересна книга Karl'a Thieme: „Die christliche Demut. Eine historische Untersuchung zur Theologischen Ethik. I Hälfte: Wortgeschichte und die Demut bei Jesus“. Giessen. 1906.

⁴⁾ „Исократъ“—ор. cit., изд. 1789 г., стр. 56. 57.

жающей среды, только и цѣнно, только и должно быть цѣнно въ глазахъ человѣка. «Мы», говоритъ Апостоль, «сдѣлались позорищемъ для міра, для Ангеловъ и человѣковъ... Мы въ безчестіи... Злословятъ насъ, мы благословляемъ... Хулятъ насъ, мы молимъ; мы, какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый донинѣ. Не къ постыженію вашему пишу сіе, но вразумляю васъ, какъ возлюбленныхъ дѣтей моихъ» (1 Коринѣ. IV, 9—14). Не несчастны, а «блаженны вы», говоритъ Господь «ученикамъ» Своимъ, «когда возненавидятъ васъ люди и когда... будутъ поносить, и пронесутъ имя ваше, какъ безчестное, за Сына человѣческаго» (Лук. VI, 22. Ср. Матѣ. V, 11)... Вотъ какова истинная, христіанская точка зрѣнія!... д) Исократъ учить «Никокла» лицемѣрію, когда, снисходительно смотря на «ззорныя» его дѣла, какія этотъ можетъ при случаѣ совершить, совѣтуетъ лишь, чтобъ объ этихъ дѣлахъ никто не узналъ. И этого будетъ достаточно! И наоборотъ: если онъ совершаетъ какія-либо «весьма важныя» дѣла, тогда пусть позаботится о томъ, чтобъ это происходило на глазахъ всѣхъ... ⁴⁾ Какъ, однако, не похоже ученіе христіанское! «Не труби передъ собою, какъ дѣлаютъ лицемѣры..., чтобы прославляли ихъ люди» (Матѣ. VI, 2), — будешь-ли «творить милостыню» (—2), «молишься»-ли (—5), «постишься»-ли (—16)...,—говорилъ Господь Своимъ слушателямъ. Всѣмъ «лицемѣрамъ» Спаситель возвѣщаетъ не радость, а «горе» (Матѣ. XXIII, 13. 14. 15. 23. 25. 27. 28. 29. Лук. XI, 44). Въ свое время «Богъ будетъ судить» и «тайныя дѣла человѣковъ» (Римл. II, 16). Следовательно, мы должны избѣгать и тайныхъ грѣховъ, потому что они—грѣхи, а не руководствоваться въ этомъ случаѣ тѣмъ, увидятъ-ли ихъ другіе, или нѣтъ... Христіанство и Исократъ—двѣ совершенно различныхъ плоскости! е) Чѣмъ дальше присматриваетесь къ Исократову нравственному ученію, тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждаетесь,

⁴⁾ Ibid., стр. 110. 111.

что здѣсь нечего и искать чего либо вродѣ христіанскаго ученія о любви къ ближнимъ. «Благодѣтельствуй», говоритъ Исократъ, «добрымъ; ибо драгоцѣнное сокровище—благодѣніе, оказываемое добродѣтельному человѣку. Если же станешь благотворить злымъ, то потерпишь подобное тѣмъ, кто кормятъ чужихъ псовъ. Послѣдніе лаютъ и на дающихъ (имъ пищу чужихъ), какъ и на (всѣхъ) встрѣчныхъ. И злые люди поступаютъ несправедливо со своими благодѣтелями, какъ и съ вредящими (имъ)»¹⁾. И такъ, во-первыхъ, благодѣтельствуя ближнимъ, каждый ни на минуту не забываетъ при этомъ о своихъ *корыстныхъ интересахъ*: когда послѣдніе могутъ пострадать, тогда благодѣтельствовать не рекомендуется. Во-вторыхъ, слѣдовательно, *враги* не должны служить объектомъ нашего благодѣтельствованія. Христіанству же чужда подобная корыстная точка зрѣнія. Христіанство заповѣдуетъ любить и враговъ... «Любите враговъ вашихъ», говоритъ Господь, «благословляйте проклинающихъ васъ, *благотворите ненавидящимъ васъ*... Иначе ничѣмъ не будете отличаться отъ «мытарей» и «язычниковъ» (Матѣ. V, 44—47. Лук. VI, 32—35),²⁾ напр.,—скажемъ,—отъ Исократы и ему подобныхъ. О безкорыстїи христіанской любви къ ближнимъ уже было говорено раньше. Пропастъ между сравниваемыми сторонами, слѣдовательно, очевидна и сомнѣніямъ не подлежитъ. ж) Чтобъ покончить съ Исократомъ, на которомъ пришлось довольно долго остановиться (въ виду симпатичности нѣкоторыхъ его положеній, выше указанныхъ), отмѣтимъ еще одинъ характерный его нравоучительный совѣтъ. «Одинаково постыднымъ считай: быть побѣждаемымъ злодѣянїями враговъ, а также и благодѣянїями друзей», говоритъ Исократъ.³⁾ Иеронимъ Вольфъ въ своихъ замѣчанїяхъ къ тексту Исократовыхъ произведеній говоритъ: «здѣсь—два правила, изъ которыхъ одно—до-

1) Ibid., стр. 38. 39.

2) Оба мѣста (изъ Мѣ. и Лук.) подробно были приведены выше.

3) „Исократъ“: op. cit., изд. 1789 г., стр. 34. 35.

стойно одобренія» (разумѣется правило: благодарствовать друзьямъ непременно отплачивать благодареніями-же, не оставаясь у нихъ въ долгу), «а другое»—результатъ «нашего испорченнаго» (т. е., не-христіанскаго) ¹⁾ «самолюбія» (разумѣется правило: воздавать врагамъ злодѣяніями-же и, при томъ, такъ, чтобъ не остаться въ долгу и у нихъ) ²⁾. Последнее правило, разумѣется, должно быть отвергнуто христіанами, какъ совершенно не согласное съ христіанскимъ ученіемъ объ отношеніи къ врагамъ, выше уже достаточно охарактеризованномъ у насъ...

Ясно, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, что и Исократъ не могъ возвыситься и не возвысился до великаго христіанскаго ученія о любви,—вопреки иного рода голословнымъ и фальшивымъ утвержденіямъ Геккеля, безразсудно положившагося на «легкомысленнѣйшаго» Саладина. Слѣдовательно, долженъ быть зачеркнутъ и Исократъ, подобно прочимъ, выше охарактеризованнымъ, мыслителямъ языческой до-христіанской древности.

Мы окончили разсмотрѣніе нравственнаго ученія, въ частности—ученія объ отношеніи къ ближнему, возвѣщавшагося называемыми у Геккеля (по руководству Саладина) лицами. Выводы, къ какимъ мы *всюду* приходили, говорятъ не въ пользу, а безусловно противъ этого антихристіанскаго мыслителя, въ книгѣ котораго разсматриваемое нами мѣсто должно быть зачеркнуто, какъ всецѣло извращающее дѣйствительное положеніе вещей...

А. Бронзовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ О томъ: что такое „христіанское самолюбіе“—см. мою статью подъ этимъ заглавіемъ въ „Христ. Читаніи“: 1897 г., Авг. и Сент.

²⁾ „Isocratis scripta, quae quidem nunc extant, omnia, graecolatina postremo recognita, annotationibus novis et eruditis illustrata... Hieronymo Wolfio... interprete et auctore“... Basileae. 1570. Annotation.: pp. 161. 162.—См. еще „Исократъ.“—изд. 1789 г. (цитов. выше): стр. 34—35, примѣчан.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Почему Господь не постоянно пребываетъ съ учениками по воскресеніи, а—*являясь* имъ по временамъ? — Потому, конечно, что Онъ уже жилъ другою жизнію, съ совершенно новыми законами и условіями, — жизнію, которую не слѣдовало, такъ сказать, «обмѣрять», дѣлать зауряднымъ явленіемъ. Съ другой стороны, слѣдовало приучить Апостоловъ, въ виду предстоящаго вознесенія Господа на небо, что Онъ, являясь имъ по временамъ, *всегда* съ ними, не только когда они Его видятъ, но и невидимо, сохраняя возможность всегдашняго новаго явленія, какъ было Савлу, Петру и другимъ многимъ по вознесеніи уже Его на небо, во исполненіе неложнаго Его обѣщанія: *«се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка!..»*

* * *

«*Елико отстоятъ востоцы отъ западъ, удалилъ есть отъ насъ Господь беззаконія наша*»... Господи! Какое утѣшеніе Ты даешь намъ въ покаяніяхъ нашихъ! Видѣть грѣхи наши удаленными отъ насъ настолько, насколько востокъ отъ запада, т. е. на безконечность и несоединимость — нѣтъ болѣе сильнаго и дѣйствительнаго утѣшенія, нѣтъ лучшаго выраженія мысли, что грѣхи наши, очищенные покаяніемъ, являются не только не нашими, но какъ бы противоположными и совершенно чуждыми намъ.

* * *

Господь помогаетъ всякому доброму дѣлу во славу Его. Объ этомъ могли бы много поучительнаго и трогательнаго рассказать всѣ тѣ, которые испытали то на собственной жизни, когда, приступая къ тому или другому доброму и великому дѣлу совершенно беспомощными, они благополучно доводили его до успѣшнаго конца и процвѣтанія—самыми поразительными и неожиданными проявленіями помощи и попеченія Божія.

* * *

Каждый храмъ Божій есть какъ бы другой *гробъ Христовъ*, краснѣйшій всякаго чертога царскаго, въ которомъ, по подобію истиннаго гроба Христова, и нынѣ полагается и воскресаетъ Божественное Тѣло нашего Распятаго Страдальца и Искупителя. Разница та лишь, что Онъ уже не говоритъ: *«не прикасайтесь»*... а напротивъ—зоветъ всѣхъ: *«примите, ядите... пійте... вси Тѣло... и Кровь Мою—во оставленіе грѣховъ!..»*

* * *

«Адъ рыдаетъ»... (вторн. нед. Мироносиць). Вотъ рыданіе—не возбуждающее нашей жалости! Вотъ бѣдствіе, которому не должно быть состраданія, но напротивъ—радость и ликованіе наше. Слава Тебѣ, Побѣдителю ада и смерти, этихъ заклятыхъ враговъ и татей радости и счастья нашего.

* * *

Законы милосердія Божія и донывъ тѣ же, что были всегда. Посему, какъ Господь помиловаль нѣкогда разбойника въ одно мгновеніе, блудницу за слезы, блаж. Таисію за часъ раскаянія, такъ же точно и насъ донывъ милуетъ и прощаетъ. Зачѣмъ же намъ въ такомъ случаѣ жизнь монашеская, продолжительна - покаянная? Зачѣмъ труды, продолжительные подвиги, молитвы во всю жизнь?—Зачѣмъ, что мы—чада семьи Божіей, и намъ такъ тяжело

должно быть всякое оставленіе, хотя бы и на минуту жизни этой семьи, тяжело перестать жить ею, какъ тяжела бываетъ любящему сыну или дочери и малая разлука съ родною семьею...

* * *

Господи! Какъ Ты премудръ, окруживъ Себя простыми, скромными учениками—рыбарами, и уловивъ ими вселенную, посрамивъ и побѣдивъ ими всякую мудрость чело-вѣческую. Неученые это были люди, а какъ они научились отъ Тебя всему, какъ прониклись Твоею высшею мудростію, какъ они хорошо дѣйствовали, учили, гсво-рили, писали во славу Твою, нигдѣ не уронивъ Твоего достоинства, какъ этого можно было бы ожидать.

* * *

О, сколькихъ благъ, какихъ сладостей, какой пищи духовной, какого богатства лишаетъ себя человекъ, отвыкая отъ ежедневнаго чтенія св. Евангелія, Псалтири и другихъ книгъ священныхъ! Этотъ голодь души, ея истощеніе отъ недостатка духовной пищи — незамѣтенъ намъ такъ, какъ бываетъ замѣтенъ и ощутителенъ голодь тѣлесный. Только особая чуткость души къ духовному и Божественному замѣтитъ можетъ этотъ недостатокъ и лишеніе со всѣми ихъ пагубными послѣдствіями.

* * *

Говорятъ, зачѣмъ влагаются въ уста священныхъ лицъ (въ службахъ и пѣснопѣніяхъ церковныхъ) разныя слова и рѣчи, едва ли ими въ дѣйствительности сказанныя? Говоря такъ, не понимаютъ ничего въ поэзіи церковно-религіозной. Тогда надо возражать вообще противъ всякаго искусства, возражать противъ живописи, которая такъ же изображаетъ на св. иконахъ лица и событія едва ли непогрѣшимо точно. Христіанское богослуженіе, въ частности — въ своихъ пѣснопѣніяхъ, есть высокохудожественное созданіе людей, при благодатныхъ дарованіяхъ, обладавшихъ высокохудожественною душою, ко-

торая и воплотила въ богослужебныхъ гимнахъ высшую силу и красоту религіознаго чувства и настроенія, создаваемаго тѣмъ или другимъ священнымъ событіемъ.

* * *

Рыба начинаетъ портиться съ головы. Такъ и человѣкъ начинаетъ свою нравственную порчу съ растлѣнія ума, съ порабощенія разсудка страстямъ, слабостямъ и распутству, которыя потомъ совершенно опутываютъ человѣка, до невозможности выпутаться при всѣхъ соображеніяхъ и усиліяхъ разсудка.

* * *

«Сынъ человѣческой, когда придетъ, обратитъ ли въру на землѣ?..» Ужасныя слова! Безотрадно уже и нынѣшнее время своими ужасающими преступленіями и упадкомъ вѣры и благочестія. А Господь предвидитъ и еще худшія времена. Гдѣ же всякіе прогрессы, усовершенствованія, усилія людей создать счастье на землѣ? Ужели всѣ эти усилія совершенно отрѣшатся отъ вѣры и будутъ построены на отрицаніи ея? Господь сказалъ, и—будетъ! «Смотри же всякій, что обратитъ въ тебѣ Господь!..»

* * *

«Почему или для чего Господь повелѣлъ ученикамъ *«отъ Иерусалима не отлучатися»* по Его вознесеніи? Для того, чтобы, начавъ проповѣдь въ отдаленныхъ мѣстахъ, они не были бы «оболганы» (синаксарій на Вознесеніе Господне), т.-е. обозваны лжецами. Въ Иерусалимѣ это удалось бы гораздо труднѣе, ибо столько было, помимо Апостоловъ, другихъ свидѣтелей и достовѣрныхъ вѣстниковъ проповѣдуемыхъ ими событий. И такъ еще живъ былъ въ памяти всѣхъ Самъ Проповѣдуемый!

* * *

Какъ пуста и шатка земная жизнь безъ чувства опоры, безъ чувства прочной связи съ нею. Придетъ время, придется все оставить... О, если бы теперь не привязываться ни къ чему на землѣ! О, если бы глубже и прочнѣе была у насъ связь съ небомъ и чувство бѣльшаго общенія и родства съ нимъ, а не съ землею, гдѣ мы—лишь временные гости, не всегда желанные и довольные.

* * *

Сколько достоинства и простоты въ рѣчахъ и отношеніяхъ Господа къ ученикамъ! Онъ и смиренъ предъ ними, но и властенъ, и ласковъ и строгъ, и отечески-близокъ и благоговѣнно-сдержанъ въ предѣлахъ, приличныхъ Божественности и владычеству!

* * *

Господи! Сколько подтвержденій Твоего существованія и истины воплощенія во св. Евангеліи и во всей исторіи человѣчества—ветхой и новой! Кажется, это несомнѣннѣе всякой очевидной истины, и намъ остается лишь испытывать новую и новую болѣе глубокую и совершенную радость, по мѣрѣ все бѣльшаго и бѣльшаго утвержденія въ этой истинѣ, съ которою приходится соприкасаться постоянно помысламъ нашей души,—къ которой приходится обращаться на каждомъ шагу дальнѣйшаго развитія нашей жизни и самосознанія.

* * *

Какое дивное дѣло Божіе — дыханіе и неразрывное съ нимъ сердцебіеніе человѣка! Какая это сложная, великолѣпная машина, заведенная Господомъ въ моментъ рожденія нашего до конца жизни нашей! Остановится нѣкогда это дыханіе, умолкнетъ сердце, застопорится машина, и—не станетъ насъ... Прежде нежели это будетъ, Господи, Ты—дыханіе и жизнь моя—помилуй меня и не лиши участія и счастья жизни вѣчной и нетлѣнной!

А. I.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свѣтъ Христовъ среди мрака человѣческихъ страданій¹⁾.

Г Л А В А III.

Въ мѣръ будете имѣть скорбь, но мужайтесь! Я побѣдилъ мѣръ (Іоан. 16, 33).

Человѣческая природа не есть машина, устроенная по извѣстному образцу и назначенная исполнять извѣстное дѣло; она есть дерево, которое по самой природѣ своей необходимо должно расти и развиваться во всѣ стороны, сообразно стремленію внутреннихъ силъ, которыя и составляютъ его жизнь. Эти силы слѣдующія: познавательная или разумъ съ его стремленіемъ къ истинѣ, дѣятельная или воля — съ ея влеченіемъ къ добру и сила желательная или чувство—съ его жаждой красоты. Душа человѣка въ постоянномъ развитіи указанныхъ силъ или способностей должна постепенно созрѣвать, крѣпнуть, совершенствоваться,—и со временемъ человѣкъ становится такъ же не похожимъ на свое первобытное я, какъ рослый дубъ на жолудь, какъ пестрая курица на яйцо,—такъ что по справедливости воспитаніе называютъ второй натурой. Мы рождаемся для себя, а истинное воспитаніе дѣлаетъ насъ способными жить для другихъ. Оно управляетъ наши мысли, умѣряетъ наши страсти, образуетъ свойства, открываетъ добродѣтели, умножаетъ душевныя наши силы и увеличиваетъ всецѣлое наше бытіе.

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1908 г.

Это воспитаніе нельзя ограничивать одними только дѣтскими годами домашняго руководительства, да школьнаго обученія. Нѣтъ, оно должно продолжаться всю жизнь и достигаться не путемъ усвоенія однихъ только чужихъ наставленій, заимствуемыхъ изъ книгъ, да отъ старшихъ,—но путемъ суровыхъ испытаній жизни, путемъ горькаго собственнаго опыта. Все, что легко достигается, не западаетъ глубоко въ душу и скоро стусшевывается и забывается. Но то, что выстрадано въ горнилѣ собственнаго тяжелаго размышленія, чувствованія и дѣянія,—то только становится неотъемлемымъ сокровищемъ души, ея прочнымъ достояніемъ. И блаженъ, кто взялъ на себя яремъ Господень отъ юности своей, пребывая постоянно въ наказаніи и ученіи Господнемъ, ибо дѣло добраго, христіанскаго воспитанія совѣсть не такое легкое, какъ полагаютъ тѣ, которые не знаютъ или забываютъ о человѣческой прирожденной испорченности. Корень этой испорченности—грѣховный эгоизмъ, котораго такъ много въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ, и на борьбу съ которымъ Господь посылаетъ намъ разныя скорби, бѣды и злословія. Они то и являются прекраснымъ возбуждательнымъ средствомъ для приведенія въ силу всѣхъ душевныхъ качествъ: они углубляютъ разумъ въ пониманіи религіозныхъ истинъ о Богѣ и человѣкѣ, укрѣпляютъ характеръ, воспитываютъ совѣсть, вызываютъ сердечный порывъ и пробуждаютъ упованіе на вѣчность. Законъ природы требуетъ, чтобы тѣлесная пища пріобрѣталась трудомъ, а духовная испытаніемъ и страданіемъ. Этотъ законъ, можетъ быть, суровъ, но онъ непреложенъ. Не отрицать, поэтому, должны мы страданіе, подобно Эпикуру, и не трусливо склоняться предъ нимъ, подобно стоикамъ, но смѣло и бодро смотрѣть ему въ глаза, сознавая, что если оно тяготѣетъ надъ нашей энергіей, то оно не есть уничтоженіе, а, напротивъ, это—условіе жизни, при которомъ душа христіанина зрѣетъ и, восходя отъ силы въ силу при помощи благодати, стремится къ безконечному *совершенству* по образу *Отца*

небеснаго (Мѣ. 5, 48), въ мѣру полного возраста Христова (Еф. 4, 13). Не закапывать должны мы въ вѣдрахъ земли спасительное древо креста, но явить его спасительную силу и славу Распятаго на немъ всему міру, такъ чтобы даже невѣрующіе изъ нашего примѣра убѣдились въ истинности нашей религіи, религіи креста. *Такъ да просвѣтитесь свѣтъмъ вамъ предъ людьми! Мужайтесь!* ободряетъ Христось. Итакъ,

Крѣпись и сердцемъ и умомъ
И будешь находить
Ты много благъ высокихъ въ томъ,
Чтобъ въ горѣ сильнымъ быть.

И первое изъ этихъ «высокихъ благъ» заключается въ томъ, что страданіе заставляетъ насъ лучше и глубже понимать религіозную истину. Изъ религіозныхъ вѣрованій, которыя часто могли бы оставаться только отвлеченными понятіями, оно дѣлаетъ дѣйствительность. Какъ гроза въ природѣ приводитъ въ зрѣлость жатву, такъ гроза бѣдствій чудеснымъ образомъ ускоряетъ зрѣлость идей. Мы убѣдимся въ этомъ, если вникнемъ въ то истинное понятіе, которое даетъ скорбь и страданіе о Богѣ, о другихъ людяхъ и о насъ самихъ.

Богъ для разумнаго существа есть непреложное реальное бытіе, начало всѣхъ началъ, Создатель и Отецъ небесный. Но многіе познаютъ Его только въ смыслѣ идеи; для нихъ Онъ—высочайшая идея, но все-таки только идея. А еще кому улыбается мірская жизнь, у того очень часто, съ возрастающимъ тяготѣніемъ къ земному центру, все болѣе и болѣе поражаются безсиліемъ стремленія къ внутренней жизни. Бъ душѣ зачинается и ведется будто тайный заговоръ, и выѣзжаютъ въ ней на бой два витязя, — одинъ съ открытымъ лицомъ — вѣра и другой съ опущеннымъ забраломъ—страсти, таящіяся подъ прикрытіемъ невѣрія. Послѣдній врагъ, дѣйствуя скрытно и коварно, если не обращаетъ соперника въ совершенное

бѣгство, то всенепремѣнно его обезсиливаетъ религіознымъ индиферентизмомъ и сердечной холодною къ вѣрѣ... Что же нужно, чтобы къ вѣрованію разума присоединилась вѣра сердечная, религіозная, чтобы Богъ предсталъ живымъ и сущимъ? Нужно, — говорить одинъ глубокой мыслитель (Шлейермахеръ), — чтобы человекъ чувствовалъ себя въ зависимости отъ Бога. Только съ сознаниемъ зависимости рождается религія; только сознание своихъ бѣдствій приводитъ къ испуленію. А что, какая сила, всего вѣрнѣе производитъ въ насъ это сознание, какъ не страданіе? Самый стонъ скорбящей души, самый вопль боли, ею испускаемый, самое чувство беспомощности, естественно рождающееся въ минуты невзгоды внѣшней и неисходной тоски внутренней не обращаютъ ли даже невольно очи страдальца къ Богу Спасителю, къ небу? Самое безвѣріе не стремится ли естественно тогда переродиться въ вѣру, самая безнадежность не окрыляется ли невольно хотя слабою надеждою, увлекаясь естественнымъ и невольнымъ желаніемъ выбиться изъ тоски и отчаянія, избавиться отъ душевно-тѣлесной боли, устранить отъ себя грозу смерти? Да, тогда сокрушается гордость сильныхъ и ложная безопасность невѣрующихъ; они склоняютъ свои головы и признаютъ себя побѣжденными, зависимыми. Такъ и оправдывается извѣстное философское изреченіе, что Богъ есть постулатъ (потребность) скорбящаго сердца. Звонкомъ колокола церковь созываетъ христіанъ на молитву, а сердечной скорбью нашей Богъ заставляетъ насъ къ Нему обратиться, по пословицѣ: «въ тревогу и мы къ Богу, а по тревогѣ забыли о Богѣ. Кто въ горѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился».

Кто со слезами свой хлѣбъ не ѣдалъ,
 Кто никогда отъ пеленъ до могилы
 Ночью на ложѣ своемъ не рыдалъ,—
 Тотъ васъ не знаетъ, небесныя силы! ¹⁾

¹⁾ Гёте.

Указанный способъ воспитанія Господь всегда употребляетъ въ отношеніи къ чадамъ своимъ, которыхъ хочетъ поставить свѣтильниками и наставниками всѣхъ вѣковъ; Онъ ведетъ ихъ стезею продолжительныхъ страданій, чтобы научились ходить *върою, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7). Когда-нибудь Онъ, можетъ быть, вель ихъ видѣніемъ, являя Свое присутствіе въ очевидныхъ доказательствахъ Своей доброты. Такимъ образомъ возрастала ихъ набожность, защищаемая отъ всѣхъ жестокихъ испытаній. Но это время прошло. Всѣ видимые знаки Божественнаго заступничества разсѣялись, и все, что удовлетворяло видѣнію, рушилось. И чѣмъ болѣе возвышалась ихъ христіанская жизнь, тѣмъ казалась она суровѣе и заброшеннѣе. Напротивъ, кажется, что Господь назначаетъ пути болѣе удобные тѣмъ, кто не пользуется еще особымъ благоволеніемъ Его: сотникъ копернаумскій, имѣющій лишь языческое понятіе о Богѣ, идетъ къ Иисусу, — и просьба его объ исцѣленіи слуги тотчасъ же исполнена; а жена хананейская, умоляющая со слезами о помилованіи единственной дочери ея, получаетъ сначала строгій отказъ и укоръ; но здѣсь является высокое смиреніе бѣдной язычницы, которымъ заслуживаетъ она милость Господа и становится для всѣхъ побудительнымъ примѣромъ. Отсюда мы видимъ, что страданія приближаютъ къ Богу не только тѣхъ, кто ихъ переноситъ, но даже и тѣхъ, кто на нихъ смотритъ только со стороны. Какъ видъ счастья приковываетъ нашъ взоръ къ землѣ, такъ, наоборотъ, видъ несчастія устремляетъ его къ небу.

Въ этомъ смыслѣ страданія суть «перлы жизни», откровеніе живаго Бога на землѣ, громогласный проповѣдникъ Провидѣнія.

Обращая наши взоры къ Богу, страданія прежде всего открываютъ намъ Его святость и правосудіе. Они непременно убѣждаютъ насъ, что Богъ *воздастъ каждому по дѣламъ его* (Прит. 24, 12) и блюдетъ законы, которые Онъ установилъ, что въ Его царствѣ и предъ Его очами грѣху

неизбѣжно сопутствуетъ страданіе, за заблужденіями сердца всегда слѣдуютъ бѣдствія, какъ тѣнь слѣдуетъ за тѣломъ подъ лучами солнца, и что «ни хитру, ни горазду суда Божьяго не избѣгнуть». Осмѣлимся сказать, что если бы мы не страдали, то могли бы подумать, что наши прегрѣшенія не имѣютъ важности, и что законъ совѣсти можетъ быть нарушаемъ безнаказанно. Но когда наступаетъ страданіе, неся съ собой ясный отпечатокъ наказанія, когда съ болью физическою нами овладѣваетъ уничтоженіе, которое заставляетъ насъ упасть духомъ, тогда необходимость искупленія блеснетъ предъ нами, какъ правосудіе, тогда мы поймемъ, какъ недостойно приписывать Богу крайнюю снисходительность; тогда мы догадываемся, что между нами и Богомъ долженъ вмѣшаться высшій актъ сожалѣнія и раскаянія, который одинъ только можетъ возвратить намъ покой. *Накажетъ тебя нечестіе твое, и отступничество твое обличитъ тебя; итакъ, познай и размысли, какъ худо и горько то, что ты оставилъ Господа Бога твоего* (Іер. 2, 19). Съ трепетомъ въ сердцѣ, съ ужасомъ въ умѣ, самый умъ, научаемый повседневымъ опытомъ, заставляетъ насъ заключать, что тамъ будетъ тьма безъ конца, гдѣ возмущеніе противъ свѣта будетъ продолжаться безъ конца, и что напрасно мы пренебрегаемъ долготерпѣніемъ Божиимъ. Такъ-то, *когда суды Божіи совершаются на землѣ, тогда живущіе въ міръ научаются правдѣ* (Ис. 26, 5).

Но всегда ли такъ бываетъ? Не научаютъ ли страданія и совершенно противоположно? Не возбуждаютъ ли они недумѣнныхъ и тревожныхъ вопросовъ, вроде слѣдующихъ: *почему путь нечестивыхъ благоуспѣшенъ, и всѣ въроломныя благоденствуютъ* (Іер. 12, 1)? Зачѣмъ окровавленный, несчастный, влачится праведникъ подъ крестною ношею, тогда какъ нечестивый, счастливый и побѣдоносный, ѣдетъ на гордомъ конѣ?

Или Господь не всемогущъ? Или самъ Онъ виновникъ зла?

Такъ не перестаемъ мы спрашивать, пока, наконецъ,

намъ не заткнуть рта горстью земли. Но что же это за отвѣтъ ¹⁾).

И точно, отвѣта нѣтъ, если все ограничивается земнымъ существованіемъ: *еще въ животъ семъ точію упо- вающе есмь во Христа, окаянныйши възхъ человекъ есмь* (1 Кор. 15, 19). Но въ томъ-то и заключается существенная особенность религіи христіанской, что она немыслима безъ надежды на будущую загробную жизнь; о настоящей же земной жизни она учитъ, что добродѣтель не только не можетъ, но и не должна получать здѣсь ожидающей ее награды и полного воздаянія, иначе въ нашу вѣру вкрался бы интересъ и расчетъ, мы бы слѣдовали тогда за Христомъ ради насыщенія, какъ іудеи, *чтобы Онъ умножалъ алтбы*; тогда не стало бы на землѣ ни возвышенной добродѣтели, ни безкорыстной заслуги. Въ этихъ случаяхъ юридическое воззрѣніе на страданія, какъ на наказанія, мы должны пополнять другимъ взглядомъ на нихъ, какъ на средства педагогическія, воспитательныя орудія, каковыми они и являются по преимуществу въ сей жизни земной, гдѣ очень часто «Судія не спѣшитъ пресѣчь время долготерпѣнія, потому что имѣетъ впереди вѣчность правосудія» ²⁾). Тамъ только, въ вѣчности, за предѣлами гроба будетъ окончательное рѣшеніе судебъ нашихъ. Тамъ кроткій страдалецъ, подобно Лазарю, можетъ очутиться на лонѣ Авраама, а жестокосердый богачъ, утопавшій въ роскоши на землѣ, можетъ опуститься на самое дно адаво (Лук. гл. 16). И пропасть между этими состояніями настолько *громадна*, что не можетъ выдержать никакого сравненія съ неравенствомъ земного счастья. Въ самомъ дѣлѣ, вы видите завидное благоденствіе беззаконника, но не видите, что дѣлается въ его сердцѣ... Увы, развѣ вы не вѣрите писанію, говорящему весьма ясно: *нечестивымъ нѣтъ мира* (Ис. 48, 21), и развѣ неизвѣстно

¹⁾ Гейне.

²⁾ М. Филаретъ.

вамъ, что на землѣ ложное величіе всегда и неизбѣжно искупается должнымъ униженіемъ (Лук. 18, 15)? А прослѣдите жизнь нечестиваго *до конца*,—и тогда вы уразумѣете, что это за счастье. *Видѣлъ я нечестивца*,—говорить державный пророкъ,—*грознаго, расширявшагося подобно многовѣтвистому дереву*. И что же? долго ли продолжалось видѣніе? *Онъ прошелъ мимо,—и вотъ нѣтъ его; ищу его и не нахожу* (Пс. 36, 35). *Какъ сновидѣніе по пробужденіи исчезаетъ, такъ Ты, Господи, пробудивъ ихъ, уничтожилъ мечты ихъ* (Пс. 72, 19). Не безуміе ли посему вымѣнивать это призрачное, какъ сонъ, мимолетное, какъ дымъ, счастье вмѣсто вѣчнаго блаженства за гробомъ съ неизреченными благами, *которыхъ глазъ не видѣлъ, и ухо не слышало, и на сердце человеку ничего подобнаго не приходило* (1 Кор. 2, 9). А это непременно должно такъ быть по закону справедливости: *вспомни, что ты получилъ уже доброе въ жизни твоей* (Лук. 16, 25). За нѣкій остатокъ добродѣтели нечестивые получаютъ здѣсь на землѣ и соотвѣтственную ничтожную мзду въ земномъ благоденствіи и этимъ самымъ уготовляютъ себѣ за гробомъ однѣ только муки.

Напротивъ, праведники, претерпѣвая здѣсь страданія, гоненія, часто даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ заслужили, часто даже за вину ложную, за правду, за другихъ, за братію, за церковь, за Христа, за имя Божіе, тѣмъ самымъ оплачиваютъ свои дѣйствительныя вины, — а кто Богу не грѣшенъ, даже изъ вѣрныхъ рабовъ Божіихъ (1 Петр. 4, 18), — и помогаютъ Христу въ Его страданіяхъ, а посему имѣютъ и несомнѣнную надежду на прославленіе со Христомъ. Они уже въ этой жизни стораютъ единымъ желаніемъ *разрѣшиться отъ узъ плоти и со Христомъ быть* и на свои страданія смотрятъ не какъ на свои, а Христовы; такъ апостоль Павелъ говоритъ о себѣ, что онъ *носитъ язвы Господа Иисуса на тѣлѣ своемъ* (Гал. 6, 17), и насъ убѣждаетъ носить поруганіе Христово,— и все это въ той цѣли, *да вмасть наказани бывше, вели-*

кими благодѣтельницами будемъ (Прем. 3, 5). *Терпѣніе Іовле слышите и кончину Господню видѣть*, — говоритъ Апостоль, яко *многумилостивъ есть Господь и щедръ* (Іак. 5, 11)... Такъ, только послѣдній *конецъ*, усматриваемый вѣроу, и можетъ объяснить намъ всѣ затрудненія настоящаго часа.

Уже пѣз сказаннаго открывається, что хотя страданіе посылается человѣку за грѣхи, но нельзя полагать, будто страданіе и грѣхъ *соразмѣрны*, какъ думали, на примѣръ, друзья Іова, и какъ думаетъ донинѣ масса особенно простаго народа. Вся книга Іова есть прекрасное опроверженіе этого именно заблужденія. Его опровергаетъ и Христось, когда говоритъ, что Отець небесный повелѣваетъ *солнцу свѣтити на злыхъ и на добрыхъ, посылаетъ дождь на праведныхъ и на неправедныхъ* (Мѣ. 5, 45). А на вопросъ учениковъ, почему человѣкъ страдаетъ, *слѣпымъ родился*, — по своимъ ли грѣхамъ или по грѣхамъ родителей, отвѣчаетъ: ни по тѣмъ, ни по другимъ, *но да явятся дѣла Божіи на немъ* (Іоан. 9, 2—3). Восхитительное слово, которое напоминаетъ намъ о нашемъ невѣдѣніи и предписываетъ намъ смиреніе. Разумѣется, больной, о которомъ говорилъ Спаситель, все-таки страдалъ, какъ дольникъ грѣха, и словами Его устраняется только ложная идея мѣры, ибо иначе мы должны бы были предположить, что больной страдалъ сверхъ мѣры, т.-е., несправедливо ¹⁾. Ту же идею мѣры устраняетъ Христось и въ другомъ случаѣ, когда по поводу участи Галилеянь, кровь которыхъ Пилать смѣшалъ съ кровію жертвъ, сказалъ: *думаете ли вы, что эти Галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ? Нѣтъ, говорю вамъ, но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете* (Лук. 13, 2—3). Главная мысль этого назиданія Христова та, что всякое бѣдствіе и всякое страданіе въ жизни не есть дѣло пустого случая или прямого возмездія, но составляетъ часть въ великомъ планѣ промыш-

¹⁾ Хомяковъ.

ленія, изъ котораго человѣку дано знать только одинъ господствующій законъ, именно, что такъ называемыя несчастныя случайности жизни могутъ быть съ каждымъ, но что всѣ должны въ надлежащее время получить каждый по дѣламъ своимъ (Ам. 3, 6; 9, 1).

Открывая Божественное правосудіе и святость, страданіе вмѣстѣ съ симъ пробуждаетъ въ страждущемъ идею любви и благодати Божіей, выражаемую въ исповѣданіи: *благо, яко смирилъ мя еси* (Пс. 118, 71). Только въ минуту, когда Богъ насъ поражаетъ, мы сознаемъ, что до сего времени Онъ насъ щадилъ. Въ Его гнѣвъ проявляется Его любовь; справедливый Богъ открываетъ благого Бога и подъ ударами Его правосудія мы постигаемъ впервые безграничность Его милосердія: *строго наказалъ меня Господь, но смерти не предалъ меня* (Пс. 117, 18), — благодарственно сознаемъ мы. Таковъ ужъ законъ нашей духовной жизни, что всякое благо мы сознаемъ и цѣнимъ только, какъ потерянное. Когда являлась болѣзнь, мы узнавали цѣну здоровья; когда падала одна изъ нашихъ силъ, слабѣло зрѣніе или слухъ, мы понимали, какое горе ниспосылаетъ намъ Богъ. Когда пустота водворялась въ нашемъ жилищѣ, мы чувствовали, чего стоили тѣ привязанности, которыя такъ мало освящались нашей благодарностью тогда, когда могли мы наслаждаться ими! Такъ, самая привычка къ благодѣяніямъ Божиимъ отнимаетъ въ глазахъ нашихъ всю стоимость ихъ, — и чаще всего наблюдаютъ, что выраженія любви и благодарности скорѣе исходятъ изъ устъ несчастныхъ, чѣмъ счастливыхъ, что несчастіе вообще признательнѣе счастья. И какое это глубоко-поучительное явленіе! Можно ли взирать безъ волненія, когда въ бѣдности, на ложѣ страданія, или боясь болѣзни, вѣрующій со тщательнымъ вниманіемъ напоминаетъ *всѣ воздаянія* Божіи, *не забывая* ни одного (Пс. 102, 2)... Какъ забыть, что выраженія благодарности съ такой силой вырывались у мучениковъ, на кострахъ, въ темницахъ и на ложѣ пытокъ! Это великое зрѣлище, при-

созерцаніи котораго церковь можетъ сказать съ апостоломъ Павломъ: *благодареніе Богу, даровавшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ* (1 Кор. 15, 57). И чѣмъ инымъ достигалась эта побѣда, какъ не созерцаніемъ среди самыхъ жестокихъ страданій безмѣрнаго величія Божественной любви, подобно тому, какъ среди ночной тьмы созерцается чудный хороводъ звѣзднаго неба!

Но если Богъ есть любовь, зачѣмъ же Онъ меня мучить? Какъ съ этимъ совмѣстить крестъ, который человекъ долженъ носить постоянно въ жизни? Нашъ вѣкъ судить объ этомъ вопросѣ, примѣняясь къ своей слабости, и извращаетъ Евангеліе, объясняя себѣ, что Богъ любитъ твари, какъ бы онѣ ни были порочны... Тогда небо открывается для всѣхъ,—для нераскаянныхъ и непокорныхъ такъ же, какъ для сокрушенныхъ и смиренныхъ сердцемъ. Тогда святость есть только придатокъ къ праву избранныхъ, и прощеніе есть объявленіе всеобщей индульгенціи. Къ чему же послужить вѣра, возрожденіе, борьба съ грѣхомъ и раскаяніе? Что сдѣлается съ закономъ? Всѣ эти недоумѣнія разрѣшаетъ фактъ существованія страданій, эта неумолимая дѣйствительность изаконъ исторіи. Страданія убѣждаютъ насъ, что Божественная любовь не отдѣлима отъ Его правосудія, что Богъ любитъ твари, какъ и все доброе по самому его существу, и что самый гнѣвъ Божій есть ни что иное, какъ та же любовь Божія высоко нравственная и справедливая, любовь въ томъ ея состояніи, когда она видитъ, что предметъ, на который она готова излиться, отвращается отъ нея. Тогда она «вооружается правдою и судомъ,—но для чего? дабы разрушить оплотъ раздѣленія»¹⁾. Не будь страданія, въ чловѣкѣ изгладилось бы понятіе о Богѣ, какъ абсолютной святости и высочайшемъ добрѣ. Грѣшить и не страдать было бы противно и законамъ природы. Прощеніе грѣха не есть еще освобожденіе отъ наказанія. Это было бы не

¹⁾ М. Филаретъ.

только невозможностью, но и несчастіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ большаго несчастія, какъ благосостояніе во злѣ. Великодушіе дурной поступокъ выставляетъ еще мрачнѣе; это горячіе уголья на голову грѣшную и виновную. Нѣтъ, не страданіе человѣка, а его полное счастье послѣ грѣхопаденія было бы явленіемъ въ высшей степени антилогичнымъ и непонятнымъ.

Напротивъ, страданіе утверждаетъ насъ въ истинномъ понятіи не только о Богѣ, но и о человѣкѣ. Всегда народная молва говорила, что не узнаешь человѣка, пока не пострадаешь. Нужно лишиться высокаго положенія, вкусить горечь бѣдности, чтобъ узнать, насколько человѣческое сердце жестоко или, по крайней мѣрѣ, осторожно эгоистично. «Безграничная и ужасающая сила эгоизма, обнаруживаемаго человѣкомъ; превышаетъ лишь явленіемъ злости, которая совершенно безкорыстно ищетъ страданія другихъ, безъ всякаго разчета на свою собственную выгоду отъ этого» ¹⁾. Повсюду кровь, повсюду безжалостное закланіе жертвъ, и все въ надеждѣ создать себѣ на несчастіи и страданіи другихъ Вавилонскую башню собственнаго благополучія: это пьедесталь, основаніе, съ котораго всѣ начинаютъ. И вотъ, возстаетъ братъ на брата, Каинъ на Авеля, братъ на сестру, сестра на брата и такъ далѣе. Совершаются разнообразныя грѣхопаденія, насилія, обиды и все въ той мысли, чтобы другіе послужили моему счастью, моему честолюбію, моей зависти, моему глухому, но неодолимому для меня влеченію видѣть все у ногъ своихъ, а что противится, то раздавить и растоптать.

Св. Писаніе также мало оставляетъ намъ иллюзіи о человѣческой нищетѣ. *Всякъ человекъ ложь* (Пс. 115, 2); *нѣтъ праведнаго никого, нѣтъ разумющаго, нѣтъ творящаго благодѣянію, нѣтъ даже ни одного* (Рим. 3, 12),— вотъ что оно говоритъ намъ о человѣческой бѣдственно-

¹⁾ Шопенгауеръ.

сти. Но какъ отнестись къ ней серьезно, когда живешь въ довольствѣ, ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждаешься, кругомъ себя видишь только улыбки, услуги и слышишь только лесть и ласкательство? Кому все удается въ жизни, у того тройная повязка на глазахъ. Только униженіе, неудачи, переменна счастія, продолжительныя болѣзни разрушаютъ наши иллюзіи:

Я жилъ не сонной жизнью человѣка,
 А жизнью, полной бдѣнья и тревогъ,
 И столько бѣдъ извѣдалъ въ четверть вѣка,
 Что ими вѣкъ наполнить я бы могъ.
 . . . И сердце вновь себя корило
 За то, что міръ когда-то такъ любило ¹⁾).

Эти укоры, это разочарованіе бываютъ такъ сильны, что могутъ сдѣлать насъ несправедливыми и заставить не признать того, что по отношенію къ человѣку, на какой бы низкой ступени онъ ни находился, дѣйствуетъ воля Божія, могущая завершить свое дѣло.

Направляя нашъ умъ къ наблюденію внутреннему надъ душой человѣка, страданія достигаютъ наибольшаго успѣха въ этомъ отношеніи, когда отгрываютъ намъ для познанія нашу собственную душу. «На этомъ пути, говоритъ нашъ великій знатокъ души человѣческой — Гоголь, поневолѣ ближе встрѣтишься съ Тѣмъ, Кто одинъ показалъ въ Себѣ полное познаніе души человѣческой». На дельфійскомъ храмѣ въ качествѣ надежнаго руководства въ жизни была выставлена замѣчательная надпись: «познай самого себя». Кто хочетъ знать, что значитъ обжогъ, долженъ положить руку въ огонь; видъ обожженнаго человѣка для этого недостаточенъ, а тѣмъ болѣе недостаточно, когда о свойствѣ огня мы узнаемъ только по слуху или изъ книгъ. Но знаемъ ли мы себя, если не страдали? Придаемъ ли серьезное значеніе боли, если не вкусили ея

¹⁾ Байронъ.

горечи? Можемъ ли измѣрить свою слабость, если не были побѣждены? Сознаемъ, хотя это и больно для нашей гордости, что блудный сынъ тогда только вспомнилъ объ отцовскомъ домѣ, когда почувствовалъ голодь, тогда только онъ созналъ свою ошибку, свое бѣдственное положеніе. Такъ на солнце смотреть, когда оно затмевается. Напротивъ, когда человѣку хорошо, мозгъ его мало дѣйствуетъ; чувство удовлетворенія, проникая все его существо, поглощаетъ въ немъ даже сознание своей личности. Есть люди, у которыхъ только ударъ грома можетъ разбудить совѣсть; есть люди, настолько увѣренные въ себя, что только порывъ бури можетъ отнести ихъ на разстояніе. И гдѣ были бы мы съ своей самонадѣянностью и безпечностью, если бы страданіе не приводило насъ къ горькому сознанию нашей слабости и ничтожества? Но «въ томъ и величіе человѣка, — скажемъ словами Паскаля, — что онъ сознаетъ свое ничтожество. Дерево не сознаетъ его. Сознавать свое ничтожество — значить быть ничтожнымъ, — но въ этомъ-то сознаніи и заключается все величіе». И ничто этому сознанію не способствуетъ въ такой степени, какъ страданіе. Если *смерть есть возмездіе за грѣхъ* (Рим. 6, 23), то страданіе — унижительный задатокъ, и только въ немъ мы можемъ ясно различать жестокое изображеніе того хозяина, которому мы продались. Оно и есть плодъ того дерева познанія, вкушеніемъ котораго мы опытно убѣждаемся, какое добро заключается въ послушаніи волѣ Божіей и какое зло въ противленіи оной. *По плодамъ ихъ узнаете ихъ, поучаетъ Господь. Собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые* (Мѣ. 7, 16—17). Посему и говорить писаніе: *горе беззаконнику, ибо будетъ ему воздаяніе за дѣла рукъ его* (Ис. 3, 11). *Какою мѣрой мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить* (Мѣ. 7, 2). Свѣ грѣхъ произвольно и пожиная страданіе невольно, мы опытно убѣждаемся, что грѣхъ не даетъ того счастья, которое

объясняетъ, что онъ всегда есть зло, какими бы коварными прелестями ни прикрывался, что подъ цвѣтами розъ онъ всегда скрываетъ смертоносную ядовитую змѣю. При свѣтѣ этой истины мы уясняемъ себѣ не только окружающую насъ жизнь, но также и прошедшую, равно какъ и прозрѣваемъ надежный исходъ для человѣчества въ будущемъ.

Мы непреложно убѣждаемся, что источникъ нашихъ золъ не внѣ насъ, а внутри насъ, что «всякъ человѣкъ самъ себѣ на съдѣніе преданъ», нося свой рай и адъ въ себѣ. И мечется онъ постоянно, какъ рыба, проглотившая уду, бесполезными усиліями побороть терзающее его зло: *желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ.. О, несчастный я человѣкъ* (Рим. 7, 18—20)! Палачъ нашъ постоянно съ нами, при дверяхъ нашего сердца, и каждый разъ предъявляетъ себя: чуть-чуть оплошность, тотчасъ задымится и закурится похоть, *похоть же, зачавши, рождаетъ грѣхъ; а сдѣланный грѣхъ рождаетъ смерть* (Іак. 1, 15). Вотъ и бѣда. Тамъ, гдѣ, повидимому, оканчивается брань противъ плоти и крови, вновь начинается борьба противъ начальниковъ и властей, *духовъ злобы поднебесныхъ и міродержителей тьмы вѣка сего* (Ефес. 6, 11). Кто мы, какъ не слабыя трости, *внутрихъ діавольскимъ колеблемыя* (Мѡ. 11, 17)? Дохнулъ діаволь своею хулою въ наше сердце,—и сейчасъ оно колеблется, смущается, унываетъ. При такомъ печальномъ состояніи нашей природы все для насъ становится сѣтью и камнемъ преткновенія,— не только злосчастіе, но и благоденствіе.

Вотъ, предъ нами первые грѣшники Адамъ и Ева. Они еще въ раю, только что вкусили запрещенный плодъ; они еще не успѣли съѣсть его, какъ отверзлись очи у обоихъ, — и что жъ они, только что желавшіе быть богами, проникнуть своимъ существомъ всю суть вещей, что они увидѣли первое? Увидѣли, какъ они нехороши. Самимъ

стыдно стало. Уразумѣли, что они наги; поскорѣе нужно прикрыть наготу отъ себя самихъ. Въ смятеніи смущенныхъ сознаниемъ чего-то вехорошаго чувствъ, они спѣшати связать хоть какъ-нибудь листвіе отъ смоковницы и навязываютъ себѣ препоясаніе... Ну, препоясались, скрыли срамное. Нѣтъ, не все скрыто. Самихъ себя всецѣло скрыть нужно отъ срама, отъ совѣсти мятущейся, отъ позора, гложущаго сердце до мозга костей. Даже явленіе Бога, *ходящаго въ рай по полудни* (Быт. 3, 8), ужъ не радовало несчастныхъ, и они предпочли отъ Него скрыться,... скрыться отъ вездѣсущаго и всевѣдущаго!.. Вотъ, какъ отравило все существо человѣка ядовитое дыханіе грѣха.

И пока эта ядовитая отравка не изгнана изъ человѣчества, пока не умолкаетъ страшный плачь, который грѣхи и преступленія заставляютъ насъ возносить къ Богу, до тѣхъ поръ и страданія не прекратятся на землѣ. Они проникли въ нѣдра человѣчества глубоко, какъ и самый грѣхъ, и изъ этого всегда открытаго источника распространяются въ силу закона однородности до послѣднихъ его членовъ. *Нѣтъ мира въ костяхъ моихъ отъ грѣховъ моихъ* (Пс. 37, 4). Примѣнимъ сказанное къ переживаемому времени. О чемъ теперь говорить, о чемъ хлопочуть, о чемъ волнуются? Выборные законы, управление государствомъ, раздѣлъ земли, рабочее законодательство, классовая борьба, сокрушеніе капитализма, прибавочныя цѣны, число рабочихъ часовъ, монархія или социаль-демократическая республика... Всѣ спорять, всѣ доказываютъ свое, и каждый думаетъ при этомъ, что стоитъ только принять его разсужденія и предположенія,—и тотчасъ всѣ несчастія на землѣ прекратятся, и рай среди людей воцарится. Забываютъ одно, и самое главное, то единое на потребу, безъ чего блага земныя то же, что вкусная пища мертвецу: забываютъ о нравственномъ возрастаніи человѣка, забываютъ о заповѣди Спасителя: *ищите прежде всего царствія Божія и правды его и все прочее прило-*

жится вамъ (Мѣ. 6, 33). И, наоборотъ, даже всѣ блага земныя не принесутъ счастья человѣку, если душа его будетъ гибнуть отъ голода душевнаго. И сквозь золото слезы льются, и въ богатствѣ живетъ преступленіе, и въ довольствѣ человѣкъ не свободенъ отъ того, чтобы его кто-либо не обидѣлъ. А чистота совѣсти и миръ душевный,—развѣ дасть ихъ мамона?

Вотъ, какіе полезныя уроки преподаетъ намъ страданіе. Оно утверждаетъ насъ въ истинномъ понятіи о Богѣ, о другихъ людяхъ и о насъ самихъ. Оно обличаетъ насъ, что мы живемъ безбожно, безчеловѣчно и въ рабствѣ у грѣховной природы, что, слѣдовательно, для истинной жизни и счастья намъ нужно обратное: добровольное и сердечное подчиненіе Богу, единодушіе другъ съ другомъ и владычество надъ плотью. Отсюда вытекають три главные начала: молитва, милостыня и соединенный съ трудомъ постъ,—въ самомъ широкомъ значеніи этого слова,—три элемента того *самоотверженія*, въ которомъ человѣкъ полагаетъ душу свою, чтобы воспринять ее. Идеальное общество, гдѣ служеніе личности общему благу совмѣщается съ безпечальнымъ и безмятежнымъ существованіемъ, блаженствомъ ея, есть скорѣе общество утопическое, невозможное ни психологически, ни физически въ настоящихъ условіяхъ. Мы предпочитаемъ этому обществу и знаемъ исторіей упроченное и оправданное общество, гдѣ личность обрѣтаетъ свое блаженство и совершенство на пути самоотверженной любви къ ближнимъ и самоотреченія...

На этомъ пути страдалецъ находитъ для себя великую опору въ молитвѣ. Молитва есть дыханіе души, непрестанное возношеніе ума и сердца къ Богу, источнику всѣхъ благъ и утѣшенія,—свѣтильникъ въ жизни, успѣхъ въ дѣлахъ, бодрость и мужество при всѣхъ скорбяхъ и искушеніяхъ жизни, живая вода души, духовная пища и питіе, вмѣщеніе въ сердца всѣхъ людей любовью, низведеніе неба въ душу, вмѣщеніе въ сердца Троицы, по ска-

завному: къ нему придемъ и обитель у него сотворимъ. Молитва въ скорби—для христіанина долгъ: злостраждетъ ли кто въ васъ, да молитву днѣтъ (Іак. 5, 13). Призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя (Пс. 49, 15). Основаніе молитвы — стремленіе образа къ Первообразу, какъ подобнаго къ подобному. Кто только молился со скорбію и проливалъ слезы, тѣ знаютъ, какую получали они радость, какъ очищали совѣсть, какъ возставали съ благою надеждою, и это потому, что не свойство вещей, а мысль наша обыкновенно печалитъ и радуется насъ. Тѣлу вредитъ и пользуетъ не столько свойство воздуха, сколько собственное устройство; то же бываетъ и съ душою, и тѣмъ еще болѣе, что тамъ необходимость природы, а здѣсь все зависть отъ свободной воли:

Въ минуту жизни трудную
Тѣснитса-ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко ¹⁾.

И если мы настроимъ свою душу такъ, каковою ей быть должно, то будемъ имѣть залогъ всякаго благодушія.

И тотъ цвѣтокъ, чудесный исцѣлитель,
И та звѣзда съ таинственнымъ огнемъ,
Тотъ райскій духъ, незримый утѣшитель,—
Молитва теплая предъ Божьимъ алтаремъ..

¹⁾ Лермонтовъ.

Молитесь, сказала Господь, *чтобы не впасть въ искушение* (Лук. 22, 40). Если же мы искушаемся и падаемъ, то, безъ сомнѣнія, потому, что не молимся, или молимся не такъ, какъ должно. Настоящая, истинная молитва есть всецѣлое преданіе себя въ волю Божию, такъ что все, случающееся съ нами по волѣ Божіей, случается также и по нашему желанію. Въ этомъ и состоитъ для христіанина источникъ постоянного утѣшенія. Это великій свѣтильникъ нашъ во мракѣ бѣдъ и злоключеній, свѣтильникъ самый яркій и свѣтозарный.

Но для того, чтобы свѣтильникъ этотъ всегда горѣлъ полнымъ свѣтомъ, ему необходимъ елей добрыхъ дѣлъ, христіанскаго благотворенія, — и духовнаго и вещественнаго, — какъ и выражаемъ мы это въ молитвѣ Господней: *и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ... И блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ* (Мѡ. 5, 7), говоритъ писаніе. *Благотворящій бѣдному, даетъ займы Господу, — и Онъ воздастъ ему за благодѣаніе его* (Прит. 19, 17). Воздастъ прежде всего тѣмъ высокимъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, которое дано испытывать только любвеобильнымъ, самоотверженнымъ христіанамъ. *Пребывающій въ любви, пребываетъ въ Божь, и Богъ въ немъ* (1 Иоан. 4, 16); гдѣ любовь, тамъ и Богъ, а гдѣ Богъ, тамъ радость, миръ и счастье, тамъ истинная жизнь души. *Любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ* (Иоан. 13, 34), — вотъ новая заповѣдь, давная роду человѣческому Спасителемъ, Который Самъ возлюбилъ насъ до конца и душу Свою положилъ за «друзей Своихъ», — что я говорю, — за друзей, за злѣйшихъ враговъ, давно отпавшихъ и забывшихъ Его. Такая же высокая, самоотверженная любовь и намъ заповѣдана: *любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ обиды* (Мѡ. 5, 44). *По тому узнаютъ всь, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою* (Иоан. 13, 35), — вотъ, отличный признакъ учениковъ Христовыхъ,

это любовь. Ей принадлежит первое мѣсто въ экономіи жизни міра, въ ней весь смыслъ бытія, совокупность совершенства, вѣчная основа блаженства вѣчнаго, освѣщающая и согрѣвающая жизнь и сердца, и людей. Любовь важнѣе вѣры, потому что включаетъ ее въ себѣ, какъ составную часть; нельзя любить ближнихъ, не любя Творца ихъ; нельзя любить Бога, не вѣруя въ Него, нельзя любить человѣчество, не вѣруя въ возможность его преображенія, до свѣтлаго идеала, достойнаго любви.

О, нѣтъ, не вѣрю я... Не вовсе заглушили
 Въ насъ голосъ истины корысть и суета;
 Еще настанетъ день... Вдохнетъ и жизнь, и силу
 Въ нашъ обветшалый міръ ученіе Христа ¹⁾.

О если бы это ученіе Христа проникло всѣхъ Его послѣдователей до полнаго самоотверженія во имя великихъ завѣтовъ любви. Тогда безъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ, безъ вооруженныхъ возстаній, безъ убійствъ, насилій и забастовокъ, наилучшимъ и совершеннѣйшимъ образомъ обновился бы строй государственный, облегчилась бы участь трудящагося класса, справедливо были бы удовлетворены всѣ въ своихъ нуждахъ и потребностяхъ. Тогда возвратился бы на землю золотой вѣкъ первенствующей церкви, когда у всѣхъ вѣрующихъ, по выраженію книги Дѣяній Апостольскихъ, *было одно сердце и одна душа, такъ что между ними не было никого нуждающагося, ибо каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду* (4, 32. 35).

Но вотъ наше горе. Мы забываемъ, что золотой вѣкъ первенствующей церкви созданъ не насильственнымъ, не принудительнымъ отчужденіемъ имущества, а добровольнымъ, любвеобильнымъ пожертвованіемъ имущихъ на пользу общую; первые христіане говорили: «все мое—твое», а современные реформаторы требуютъ: «все твое—мое!»—

¹⁾ Плещеевъ А.

Цѣль, повидимому, одна и та же, да средства не одинаковы. Христіанство вездѣ и всегда прежде всего требуетъ отъ человѣка доброй настроенности, чтобы душа человѣка была добра, — тогда и всѣ дѣла его будутъ добры, и будетъ царство добра. Но является діаволь и предлагаетъ дѣло болѣе легкое: «Прежде всего нужно, чтобы люди имѣли блага: отнимите у имущихъ и отдайте немущимъ. Ущербъ, причиненный немногимъ, дастъ довольство многимъ». Какой простой путь! Если бы счастье міра зависѣло *только* отъ перераспредѣленія богатствъ, это давно было бы сдѣлано. Напрасно думаютъ, что въ теченіе тысячелѣтій люди не догадались сдѣлать того, что такъ легко сдѣлать. Если бы можно было раздѣлить поровну не только матеріальныя блага, но и знанія и умѣнье работать, то и тогда, — хотя значительно увеличилось бы благополучіе человѣчества, — осталась бы безграничная территорія для проявленія зла: зложелательство, злорадованіе, зависть продолжали бы отравлять жизнь. А при такихъ условіяхъ развѣ возможно царство мира и любви, котораго такъ жаждетъ душа, и о которомъ ежедневно молятся христіане: *да придетъ царствіе Твое?* Правда, кромѣ царствія Божія внутри насъ, въ душахъ нашихъ, есть еще царство Божіе внѣ насъ, во внѣшнемъ мірѣ, и совпаденіе того и другаго должно составлять цѣль нашихъ усилій. Правда также, что жизнь, среда оказываютъ воздѣйствіе на самую душу, въ которой источникъ обновленія жизни. Но въ нравственномъ злѣ лежитъ *главный* корень бѣдствій. *Свѣтильникъ для тѣла есть око. Если око твое будетъ чисто, то все тѣло твое будетъ свѣтло. Если же око твое будетъ худо, то все тѣло твое будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, — тѣма, то какова же тѣма?* Поистинѣ, наше спасеніе только въ неуклонномъ слѣдованіи завѣтамъ самоотверженной, за міръ распятой Любви.

Если же эти завѣты слишкомъ мало дѣйствуютъ для добра, если и повинѣ мы страждемъ и задыхаемся въ

оковахъ мертвящаго эгоизма, ненависти и вражды, то это наша собственная вина и нашъ собственный стыдъ. Стыдъ въ томъ, что не любовью, а самолюбіемъ создается и поддерживается въ общемъ современный строй или лучше «хаосъ жизни». Погоней за земными благами и стремленіемъ обезпечить ихъ, какъ можно больше, за собою и звѣрскою борьбою изъ-за нихъ создается этотъ хаосъ, именуемый жизнью. Что здѣсь видимъ? Матеріализмъ и натурализмъ въ наукѣ, философіи и искусствѣ, милитаризмъ и націонализмъ въ международныхъ отношеніяхъ, павперизмъ и капитализмъ въ социальнo-экономическихъ отношеніяхъ, конфессіонализмъ въ отношеніяхъ церковныхъ,—всюду хаосъ вражды и раздѣленія, который идетъ за эгоизмомъ. Это наше величайшее горе, наше роковое преступленіе, что мы, исповѣдуя религію христіанскую, всюду систематически и организованно отрицаемъ христіанство въ самомъ существѣ его, — въ любви, всюду отрицаніе любви, какъ основы жизни,—господство мыслей, чувствъ, привычекъ ей противныхъ, антихристіанскихъ, языческихъ. Такъ на каждомъ шагу мы оказываемся недостойными высокаго имени христіанина, такъ нагло и явно унижаемъ мы дарованія святой нашей вѣры! Гдѣ же спасеніе? Гдѣ выходъ?

Любите другъ друга—сказалъ Христосъ, открывая намъ тайну, какъ найти рай на землѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какое это счастливое расположеніе духа, когда мы, такъ сказать, согрѣваемся любовью къ Богу и доброжелательствомъ къ ближнимъ. «Тогда мы забываемъ всѣ оскорбленія и непріятности, и умъ, по какому-то мгновенному откровенію, постигаетъ тайный порядокъ всего, такъ же, какъ по струѣ, прокравшейся сквозь ставень, мы узнаемъ о ясномъ днѣ и солнцѣ. Тогда всѣ предметы, не измѣняясь, принимаютъ для насъ видъ новый, и на каждое впечатлѣніе въ насъ что-то отвѣчаетъ съ любовью, что міръ Божій прекрасенъ и человѣческой лишь кажется дурнымъ»¹⁾.

¹⁾ Гр. Блудовъ.

Справедливо сказано, что жизнь собственно начинается только съ момента отреченія. Это единственное средство побѣдить всякое; затрудненіе, всякое страданіе. Это подвигъ Христа и Симона Киринейскаго, — чужой крестъ, за коимъ воскресеніе.

Укрась чело терновымъ ты вѣнцомъ
И, обливаясь страдальческою кровью,
Съ улыбкой обратись къ гонителямъ лицомъ,
И за обиды ихъ ты заплати любовью ¹⁾.

Дѣятельная любовь къ ближнему, состраданіе, готовность жертвовать собой и своимъ достояніемъ ради страдающаго брата,—эти благородныя, возвышенныя настроенія внушаютъ тебѣ такую любовь къ жизни, что отъ нея уже не сможешь оторвать ни своего взора, ни своихъ помысловъ. Они раскроютъ смыслъ жизни, убѣдятъ тебя, что жить стоитъ, и заставятъ думать о томъ, какъ притти на помощь тѣмъ, которые болѣе всего въ этой помощи нуждаются и безъ нея страдаютъ.

Твоя жизнь—это подвигъ страданья,
Какъ на жертву смотри на нее.
Въ благѣ ближнихъ твои упованья,
Въ этой жертвѣ все счастье твое.

А это счастье проистекаетъ изъ того, что при состраданіи къ ближнему, мы чувствуемъ въ себѣ *силу* помочь несчастному. И какое это великое утѣшеніе, что подобная помощь всегда возможна, если не самимъ дѣломъ, помощью матеріальной, то, по крайней мѣрѣ, добрымъ словомъ, наставленіемъ, ободреніемъ, или даже однимъ только сердечнымъ вниманіемъ, расположеніемъ, благожелательствомъ и молитвой. Это такія средства, что при добромъ желаніи всегда у насъ найдутся и вмѣстѣ съ облегченіемъ страданія другихъ утолятъ наши собственные муки. *Побѣждай благомъ всякое зло* (Рим. 12, 21), которое видишь или ко-

¹⁾ Изъ Трегера.

торое кажется тебѣ,—вотъ въ чемъ заключается мудрость духовная и подвигъ христіанской любви.

Но возможны ли при нашей крайней грѣховной испорченности эта высокая мудрость и этотъ спасительный подвигъ? Не безвозвратно ли заключены мы въ этомъ Вавилонѣ бѣдствій, и не навсегда ли умолкли для сладостныхъ пѣсней сіонскихъ повѣщенные на вербахъ чужой земли органы наши? Вотъ вопросы, которые естественнымъ образомъ возникаютъ въ нашей душѣ, когда она въ глубокое, скорбное раздуми останавливается наблюдениемъ надъ окружающею насъ дѣйствительностью. Изъ этого затрудненія выводитъ насъ христіанство, когда утверждаетъ въ человѣкѣ не безнадежную извращенность, какъ, напримеръ, въ монахахъ, а только ниспаденіе,—и притомъ по искушенію совнѣ,—въ чувственность и порабощеніе духа плотью, раздвоенность, привнесенную грѣхомъ въ его природу, изначала добрую и по паденіи сохранившую остатки добра. Для того, чтобы дать торжество этимъ добрымъ остаткамъ, христіанинъ долженъ призвать себѣ на помощь постъ и трудъ. Какъ черви, родившіеся во внутренностяхъ дѣтей отъ несваренія пищи, истребляются только пиіемъ горькимъ, такъ во глубину души вошедшая сила поста убиваетъ таящійся тамъ грѣхъ. Задача поста не тѣло убивать, а страсти умерщвлять и подвиги благочестія облегчать. Постъ для молитвы то же, что крылья для птицы. Путемъ добровольнаго отказа отъ всякихъ усладеній плоти и грѣховныхъ удовольствій христіанинъ навываетъ къ ограниченію себя, къ добровольному перенесенію разныхъ лишеній и недостатковъ въ жизни, подчиняетъ чувственность духу и торжествуетъ побѣду надъ ветхимъ человѣкомъ. Практическая польза отсюда та, что сберегая достатокъ путемъ воздержанія, христіанинъ получаетъ возможность не только сохранять копейку на черный день, но и другимъ благотворить. Напротивъ, злоупотребленіе благами земли, пьянство особенно,—гибельно отражается не только на душѣ, но и на

тѣлѣ, подвергая его болѣзнямъ и нищетѣ. А повсемѣстное умноженіе хищеній, разбоевъ, убійствъ и грабежей? Развѣ это не спутники все того же зла, безпросвѣтнаго пьянства, отъ котораго всегда тяжело страдала наша родина-Русь. И дорого, дорого оплачивается отъ дней Владиміра святого донинѣ наше злосчастное «веселіе — пити»! Въ наши же дни всеобщаго распада нравственныхъ устоевъ и разгула страстей, пьянство превзошло всякія вѣроятія. Какъ же при такомъ положеніи создать намъ свое счастье?! И оно убѣждало отъ насъ нынѣ болѣе, чѣмъ это было раньше, что можно видѣть изъ повсемѣстныхъ жалобъ, раздраженія и недовольства «нашимъ тяжелымъ временемъ»... Да, только постъ, въ его истинномъ и благотворномъ пониманіи, да постоянный усиленный трудъ, отвлекающій человѣка отъ праздныхъ мыслей, пожеланій и дающій цѣну жизни, — вотъ надежный фундаментъ для счастья. Трудъ есть прямое назначеніе человѣка (Іов. 5, 7) и заповѣданъ Богомъ еще въ раю (Быт. 2, 15); съ той поры и донинѣ «въ пустой толчеѣ, которую мы называемъ жизнью, есть только одно истинное и безотносительное счастье: удовлетвореніе работника, когда онъ, погруженный въ трудъ свой, забываетъ всѣ мелочи жизни, и потомъ, окончивъ его, можетъ сказать себѣ съ гордостью: да, сегодня я создалъ благое» ¹⁾. *Отъ всякаго труда есть польза*, поучаетъ Премудрый (Прит. 14, 23). *Трудись*, наставляетъ Апостоль, *дѣлая своими руками, чтобы было изъ чего отдѣлать нуждающемуся* (Ефес. 4, 28). При движеніи и въ большой холодъ тѣло наше не охладѣваетъ, при занятіи и въ большой бѣдѣ не упадешь духомъ. Трудъ кормить, а лѣнь портить. Безъ усилій и труда человѣку нельзя достигнуть ничего истинно полезнаго и прочнаго, такъ какъ на семь пути поставлены большія препятствія, и корень этихъ препятствій и затрудненій заключается, какъ мы видѣли, въ нашей поврежденности, отъ которой

¹⁾ В. Гаршинъ.

не свободенъ ни одинъ человѣкъ. Это очень важная точка, отъ которой исходить все. Безъ сознанія сей испорченности надлежало бы одно изъ двухъ: или судить о человѣкѣ слишкомъ высоко, какъ о существѣ неиспорченномъ, или, видя его недостатки, считать ихъ безнадежно несправимыми. Первое привело бы насъ къ гордой самонадвѣянности, второе—къ отчаянію; то и другое удалило бы отъ истины и привело бы къ гибели. Этой опасности благополучно избѣгаетъ страдалецъ только при самосознаніи христіанскомъ:

Я тѣломъ въ прахъ истлѣваю,
 Умомъ громамъ повелѣваю.
 Я—царь, я—рабъ,
 Я—червь, я—Богъ.
 Твоей-то правдѣ нужно было,
 Чтобъ смертну бездну проходило
 Мое безсмертно бытіе,
 Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
 И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
 Отецъ, въ безсмертіе Твое ¹⁾!

Свящ. Н. Залевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Державинъ.

Великій старецъ и нестяжательный иногъ-скитникъ.

(Краткій біографическій очеркъ жизни и дѣятельности преподобнаго Нила Сорскаго).

(Къ 400-лѣтію со дня кончины, 7 мая).

Исторія любитъ шутить надъ людьми и часто исполняетъ ихъ прихотливыя желанія вопреки всякимъ ожиданіямъ. Исполнила она и желаніе того, память кого готовится на-дняхъ праздновать Русская Церковь. Мы говоримъ о великомъ подвижникѣ земли русской, преподобномъ Нилѣ Сорскомъ, умершимъ 400 лѣтъ тому назадъ въ 1508 году. Передъ своею смертію этотъ великій подвижникъ, унаслѣдовавшій отъ исторіи имя «великаго старца», завѣщалъ своимъ ученикамъ бросить трупъ его въ ровъ и похоронить «со всякимъ безчестіемъ», такъ какъ онъ изъ всѣхъ силъ старался не удостоиться никакой чести и славы ни при жизни, ни послѣ смерти. Древне-русская агиографія, какъ нельзя лучше, исполнила его завѣтъ, не составивъ его житія и церковной службы ему.

Но Церковь все же причислила его къ лику преподобныхъ и празднуетъ его память въ день его смерти—7-го мая. И этотъ преподобный достоинъ того, что-бы его никогда и никому не забывать, а всегда и всѣмъ помнить и говорить о немъ. Въ данный же моментъ, когда Церковь празднуетъ особенно торжественно память преподоб. Нила Сорскаго по случаю исполнившагося четырехсотлѣтія со дня его кончины, тѣмъ болѣе намъ нужно самимъ вспомнить и напомнить другимъ о немъ; нужно вспомнить и

про тѣ завѣты, за которые преподобный боролся до самой своей смерти, стараясь по нимъ устроить иноческую жизнь, и которые онъ передалъ въ дорогое наслѣдіе всѣмъ своимъ потомкамъ. Нужно вспомнить обо всемъ этомъ затѣмъ, чтобы видѣть, что осталось отъ этихъ завѣтовъ теперь, — черезъ 400 лѣтъ послѣ ихъ провозглашенія, и какъ все-сильное время, пользуясь услугами спѣшащихъ къ нему на помощь людей, успѣло многое стереть съ лица земли и сдѣлать многое же неузнаваемымъ.

Преподобный Нилъ Сорскій, и въ міру носившій то же имя, былъ постриженникомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Въ исторіи нашей русской церкви онъ извѣстенъ, какъ основатель скитскаго иночества. Не задаваясь цѣлью составить полный біографическій очеркъ жизни преподоб. Нила, мы коснемся общихъ чертъ его жизни и съ большей подробностью остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ изъ нихъ въ связи съ общей же характеристикой и его дѣятельности.

Родившись въ небогатой семьѣ, въ глухой подмосковской деревенькѣ, препод. Нилъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни обращалъ на себя вниманіе своей религіозностью и вдумчивостью, чѣмъ онъ прямо выдѣлялся изъ ряда всѣхъ своихъ сверстниковъ: не принимая участія въ обычныхъ незатѣйливыхъ играхъ деревенскихъ ребятишекъ, преподоб. Нилъ не любилъ даже собираться съ другими дѣтьми въ столь любимое ими «ночное», — онъ все ходилъ одинъ и долго, напряженно думалъ о чемъ-то. Какъ бы убѣгая отъ міра и желая спрятаться отъ его зоркихъ, соблазнительныхъ глазъ, Нилъ забирался въ глухую, безлюдную чащу лѣса и тамъ среди таинственнаго шопота деревьевъ погружался въ созерцаніе природы, — и опять о чемъ-то много думалъ и еще больше молился.

Когда Нилъ сталъ подростать, всѣмъ и его матери стало ясно, что онъ — не отъ міра сего, и что мірскія блага со всѣми своими прелестями его къ себѣ не тянутъ. Идя на встрѣчу желаніямъ сына, мать отдала его на воспита-

ніе къ своему далекому родственнику Нифонту въ Москву. Это былъ добродушный старичокъ подъячій, у котораго Нилъ могъ исполнить свое давнишнее желаніе—научиться читать и писать. Принятый старикомъ съ распростертыми объятіями, Нилъ скоро подъ его руководствомъ сдѣлался грамотеемъ; а обладая отъ природы красивымъ и четкимъ почеркомъ, онъ въ письмѣ быстро превзошелъ даже своего учителя, такъ что ему, какъ уже зарекомендовавшему себя скорописцу, стали давать сложныя и почетныя порученія. Съ этихъ поръ переписка вообще и, въ частности, переписка священныхъ книгъ дѣлается его любимымъ занятіемъ. Не менѣе же значительные успѣхи оказывалъ Нилъ и въ наукѣ, дѣлая по поводу переписываемаго или читаемаго не по лѣтамъ умныя и глубокія замѣчанія и удивляя этимъ опытныхъ въ писаніяхъ старцевъ, часто не находившихъ отвѣты на его вопросы.

Такъ тихо и мирно текла жизнь преподоб. Нила въ домѣ радушнаго родственника, не возмущаемая никакими бурями и невзгодами. По прежнему Нилъ, не оставляя привычки золотого дѣтства, много думалъ и никуда не выходилъ изъ дому, развѣ лишь въ церковь, которая теперь вмѣсто лѣса сдѣлалась для него мѣстомъ бесѣды съ Богомъ. Въ церковь онъ ходилъ во всякую свободную минуту и тамъ, уединившись въ темный уголь, по цѣлымъ часамъ выстаивалъ на колѣняхъ передъ иконой. Въ это время въ душѣ его происходила тяжелая глухая борьба вырисовывающихся въ туманной дали идеаловъ съ печальными фактами наличной дѣйствительности. Яркой иллюстраціей къ характеристикѣ настроенія Нила за это время можетъ служить такой разговоръ, нерѣдко происходившій между нимъ и старымъ Нифонтомъ:

— Не жилецъ ты въ мірѣ Нилъ. Въ монастырь бы тебѣ, скажетъ ему, бывало, Нифонтъ.

А Нилъ ему отвѣтитъ: «я, дяденька, только этого и хочу».

— Такъ отчего же? продолжаетъ Нифонтъ. Подростешь

вотъ, да и переговорю я съ отцомъ архимандритомъ Чудовскимъ. Онъ тебя, небось, знаетъ, такъ съ радостью приметъ. Скорописцемъ у нихъ будешь...

«Нѣтъ, дяденька, въ Москвѣ я не хочу»,—скажетъ Ниль.
— А что такъ? спросить опять Нифонтъ.

И вотъ тогда начинаетъ Ниль раскрывать передъ нимъ свою душу, высказывать затаенныя желанія, взлелѣянныя мечты; онъ говоритъ, что въ московскихъ монастыряхъ грѣха много, живутъ иноки не по-монашески,—отрекаются отъ міра, а міру же кланяются, передъ міромъ заискиваютъ, угождать, богатствами владѣютъ, сутяжничаютъ изъ-за этого другъ съ другомъ и съ мірскими властями... Воодушевляясь за разговоромъ на излюбленную и наболѣвшую тему, Ниль спрашивалъ: развѣ это поиночески? Вѣдь, иноки потому такъ и называются, что они иные для міра, чужіе ему. «Міръ во злѣ лежитъ», и они должны бѣжать изъ него навсегда совершенно, въ пустыни, въ непроходимыя дебри. Тамъ среди безмолвія иноки видятъ иную землю, иное небо...

Дядя, думая сперва, что это—просто безотчетный восторгъ размечтавшагося юноши, пробовалъ было охладить его пылъ и говорилъ ему: «строгонекъ ты больно, Ниль. А все потому, что молодъ.»

Но у мальчика былъ не простой порывъ юношескаго увлеченія: въ его рѣчахъ выливалась вся его молодая, чистая душа.

Видя полную искренность и глубокую убѣжденность мальчика, тронутый его непонятной печалью и чувствуя, что его душа ищетъ чего-то, тоскуетъ по чемъ-то, Нифонтъ начиналъ принимать ближе къ сердцу невѣдомое горе племянника и говорилъ ему: «а ты, Ниль, поищи. Вѣдь есть же на свѣтѣ истинные иноки и угодныя Богу обители!»

— «Я ищу»... тихо и грустно, но не безнадежно отвѣчалъ ему на это Ниль.

«Я ищу»... Эти слова выражали лучше всего настроеніе...

віе мятущейся души мальчика; въ нихъ была скрыта за-таенная грусть недостигнутыхъ желаній, неосуществлен-ныхъ мечтаній. Нилъ въ самомъ дѣлѣ «искалъ», искалъ такую обитель, въ которой можно бы было найти полное воплощеніе иноческихъ обѣтовъ, истинную монашескую жизнь.

Долго томилась душа Нила въ бесплодныхъ поискахъ желанной обители, мечту о которой онъ лелѣялъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей жизни. Наконецъ, и его горячее желаніе исполнилось: искомая обитель нашлась,—это былъ основанный преподоб. Кирилломъ Бѣлозерскій монастырь. Натолкнуло на эту обитель Нила житіе ея основателя, попавшее къ нему въ руки случайно для переписки—по порученію составителя житія святогорскаго іеромонаха Пахомія. Познакомившись съ жизнью преподоб. Кирилла Бѣлозерскаго, Нилъ сразу былъ плѣненъ обаятельнымъ величіемъ личности святого и строгаго подвижника; его особенно поразило то, какъ велика была нестяжательность Кирилла и какъ строгъ онъ былъ въ этомъ отношеніи къ своимъ ученикамъ. Тогда же Нилъ сразу почувствовалъ, что въ этомъ именно заключается та главная черта, которая должна быть присуща иночеству, и что въ обители преподоб. Кирилла, какъ нельзя лучше, выполненъ величайшій изъ монашескихъ обѣтовъ. И тутъ же у Нила зародилось и созрѣло рѣшеніе,—покинуть Москву и отправиться въ невѣдомый, далекій и, быть можетъ, тернистый путь къ Бѣлому озеру.

Задуманное рѣшеніе Нилъ почти сейчасъ захотѣлъ привести въ осуществленіе: не смотря на горячія просьбы матери,—остаться съ нею хотя бы для того, чтобы закрыть ей глаза передъ смертью,—Нилъ, всетаки, послушался голоса своей совѣсти и отправился, оставивъ домъ и мать на волю Божию. Онъ благополучно и скоро дошелъ до обители, прибывъ къ ней въ самый день празднованія памяти ея преподобнаго основателя, 9-го іюня. На вопросъ настоятеля Кассіана: «откуда пришелъ?» Нилъ отвѣчалъ:

«изъ грѣшнаго міра». А на другой вопросъ: «зачѣмъ пришелъ въ нашу обитель?»—онъ отвѣтилъ такъ: «ищу, отче праваго образа иночества».--Подкупленный непосредственной искренностью чувства Кассіанъ не сталъ уже больше ни о чемъ его спрашивать, а прямо принялъ юношу, предложивъ ему сперва пожить безъ всякихъ обѣщаній, поосмотрѣться и попробовать привыкнуть къ новому тяжелому уставу. Нилъ съ радостью принялъ предложеніе настоятеля и остался въ обители, а скоро принялъ и постриженіе. Отданный подъ ближайшее руководство инока Мартиніана, ближайшаго ученика Кирилла и Ѳерапонта, Нилъ очень скоро ознакомился съ жизнью бѣлозерскихъ монаховъ и многими сторонами ея остался весьма доволенъ. Особенно же привлекала къ себѣ Нила искренняя, глубокая религіозность иноковъ, ихъ тяжелые, неустанные труды, непрестанное памятованіе о Богѣ и христіанскихъ обязанностяхъ. И вотъ Нилъ, подъ впечатлѣніемъ рѣзкости контраста между жизнью московскихъ и подмосковныхъ иноковъ и — тихой, скромной жизнью бѣлозерскихъ монаховъ, первое время думалъ, что онъ здѣсь, въ обители Кирилла, достигъ цѣли,—нашелъ то правое иночество, тотъ истинный образъ его, къ которому давно тяготѣла его душа. Но это только такъ казалось: на самомъ же дѣлѣ Нилъ и теперь еще не получилъ полнаго удовлетворенія, и тотъ видъ иноческой жизни, который онъ нашелъ въ Кирилло-Бѣлозерской обители, не отвѣчалъ его идеалу. Въ душѣ у молодого инока все еще оставался какой-то незаполненный пробѣлъ, и онъ все стремился куда-то, искалъ чего-то и... не находилъ.

Со своими сокровенными думами и затаенными желаніями Нилъ не оставался одинокимъ. Руководитель Нила, инокъ Мартиніанъ, вскорѣ послѣ ознакомленія его съ монастырской жизнью, благословилъ своего ученика на такое дѣло, которое всѣ въ монастырѣ считали святымъ и душеполезнымъ и которое было уже хорошо знакомо Нилу; это дѣло — списываніе священныхъ книгъ. Оно-то

теперь и сдѣлалось любимымъ занятіемъ Нила; оно же способствовало его самообразованію, сдѣлавъ его весьма опытнымъ въ писаніяхъ. Для списыванія книгъ, по монастырскому уставу, иноки послѣ прослушанія всенощной собирались въ особой комнатѣ, называвшейся «книгохранилищемъ», и здѣсь всѣ располагались по своимъ мѣстамъ. Со всѣми другими приходилъ и Нилъ. Его сосѣдомъ по столу оказался Германъ, пришедшій раньше него въ обитель изъ Новгорода и ушедшій отъ своихъ богатыхъ родителей. Нилъ скоро сошелся съ нимъ очень близко и сдѣлался его лучшимъ другомъ. Съ нимъ онъ дѣлился своими впечатлѣніями и мыслями, ему высказывалъ наболѣвшія въ душѣ сомнѣнія, передъ нимъ раскрывалъ свои, теперь уже созрѣвшіе, идеалы.

Часто и подолгу бесѣдовали Нилъ и Германъ. Имъ тѣмъ болѣе было пріятно говорить другъ съ другомъ, что оба они обладали впечатлительной, тоскующей душой и оба же искали правды и истинной иноческой жизни. Только иногда Германъ не совсѣмъ вѣрно понималъ Нила, когда послѣдній начиналъ развивать передъ нимъ подробности своего взгляда на неудовлетворительность знакомаго имъ типа иноческой жизни и на стѣсненіе здѣсь строгими, дробными правилами свободы проявленія чловѣческаго духа. Нилъ, насколько возможно проще, старался изложить передъ Германомъ сущность своего взгляда на иночество и его задачи. Это было, обыкновенно, главной и неистощимой темой разговоровъ двухъ искреннихъ друзей. У Германа уже давно назрѣло рѣшеніе, что нельзя спастись въ такомъ мірѣ, гдѣ «люди били, давили, рѣзали другъ друга, а о душѣ совсѣмъ не думали, отчего она становилась у нихъ черной да сорной». И Нилъ смотрѣлъ на міръ такъ же: уже тогда, когда его, забывшагося за молитвой въ церкви, послѣ службы выводилъ изъ религіознаго настроенія окликъ сторожа, у него въ душѣ поднималось какое-то чувство протеста; онъ чувствовалъ тогда, что между Богомъ и его душой

кто-то хочет встать, что тутъ скрыты какія-то цѣпи, которыя хочетъ надѣть міръ на душу, рвущуюся къ Богу. Ему тогда базалось, что міръ мѣшаетъ видѣть и чувствовать Бога и нужно уйти отъ міра, чтобы увидѣть въ себѣ Бога.

Само Божественное Провидѣніе какъ бы пришло на помощь Нилу, натолкнувъ его на житіе преп. Кирилла-Бѣлозерскаго и приведя его въ Кириллову обитель. Но и здѣсь онъ увидалъ только половинчатое осуществленіе своихъ желаній и не нашелъ въ жизни иноковъ полного удовлетворенія требованіямъ его монашескаго идеала. Тутъ особенно смущалъ его рассказанный Мартиніаномъ случай про то, какъ князь Андрей облагодѣтельствовалъ обитель домами великими, озерами и угодьями. «Конечно, этотъ даръ—не великій и не скуетъ онъ цѣпей нашимъ богумудрымъ старцамъ», разсуждалъ Ниль, «а только все же не иноческое дѣло отъ міра подарки брать». Да и кромѣ того въ этомъ было, по мнѣнію Нила, прямое нарушеніе заповѣди Кирилла о полной нестяжательности иноковъ.

Такъ зародилась въ душѣ Нила во время его пребыванія въ Кирилло-Бѣлозерской обители первая «непокорная» мысль. Поддерживая ее въ своемъ настроеніи, Ниль тосковалъ и болѣлъ душой не столько за настоящее, сколько за будущее время; онъ боялся за потомковъ иноковъ, опасался того, что разрастутся богатства—увеличится соблазнъ, и станутъ иноки не иноками.

Вскорѣ какъ бы на помощь къ этой первой «непокорной» мысли подоспѣла другая. Последняя заключалась въ томъ, что Ниль обманулся въ своихъ ожиданіяхъ на счетъ свободы хотя бы въ молитвенной бесѣдѣ съ Богомъ: онъ думалъ, что, придя въ обитель, найдетъ тамъ полную свободу своимъ порывамъ къ Богу, и что душа его по-этому будетъ жить легко и свободно. Но вышло не такъ.

Въ разъясненіе этой второй «непокорной» мысли плохо понимавшему его Герману, Ниль говорилъ: «Если въ обитель приходимъ мы, чтобы уйти отъ міра и начать жить

по душѣ, то зачѣмъ тутъ для всѣхъ одинаково указано, — когда, что и какъ нужно дѣлать. Души, вѣдь, разные, такъ по разному каждый и служить Богу хотѣлъ бы. При этомъ Ниль вовсе не хотѣлъ устроить монашескую жизнь безъ всякихъ правилъ, а добивался только того, чтобы люди изъ внѣшнихъ правилъ благоповеденія не создавали ковъ для своей свободной души, чтобы они не заставляли его работать тогда, когда ему хочется молиться. Ниль настаивалъ лишь на томъ, чтобы люди вели только внутренне-духовную жизнь, потому что все внѣшнее для нихъ имѣетъ значеніе только постольку, поскольку оно не мѣшаетъ, но содѣйствуетъ росту внутренности зерна человѣческой личности. По его мнѣнію, души нельзя стѣснять ничѣмъ и нужно только прислушиваться къ ея голосу. Чтобы лучше и вѣрнѣе понять этотъ голосъ, людямъ дано свыше величайшее руководство—божественныя писанія...

Вотъ обо всемъ этомъ и говорили между собою Ниль и Германъ и, просиживая далеко за полночь, обсуждали наболѣвшіе у нихъ на душѣ вопросы. Какъ можно видѣть, и въ Кирилло-Бѣлозерской обители неудовлетворенный ея уставомъ Ниль все продолжалъ искать истинную форму иноческой жизни. Эта форма теперь вырисовывалась въ его сознаніи болѣе или менѣе ясными и опредѣленными чертами, склоняясь, повидимому, на сторону скитскаго иночества. Однакоже, самъ Ниль не могъ дать этой формѣ никакой положительной опредѣленности, потому что она была слишкомъ нова и слишкомъ бы выходила изъ рамокъ обычныхъ воззрѣній: онъ нигдѣ еще не встрѣчалъ ее и даже не предполагалъ возможности ея фактическаго существованія. Ниль только вѣрилъ, чувствуя душой, что долженъ притти и придеть въ обитель такой человѣкъ, который объяснитъ ему все недоумѣнное въ вопросѣ объ иночествѣ и укажетъ прямо истинный образъ иноческой жизни. И вѣра его не оказалась тщетной: она, какъ нельзя лучше, оправдалась тогда, когда въ Бѣлозерскую обитель прибылъ изъ Спасокаменнаго монастыря старецъ Паисій Ярославовъ.

Вновь прибывшій къ Бѣлозерскимъ инокамъ великій подвижникъ, извѣстный строгимъ исполненіемъ аскетическаго устава Спасокаменнаго монастыря, придававшего всей жизни иноковъ возвышенно-созерцательный характеръ, воспиталь и въ лицѣ Нила великаго подвижника земли русской и разрѣшилъ всѣ томившія его душу сомнѣнія. Нилъ былъ очень обрадованъ приходомъ старца Паисія и тотчасъ же твердо рѣшилъ просить у него руководства и наставленія. Послѣ перваго же знакомства и разговора съ Паисіемъ, Нилъ былъ плѣненъ его мудростью, духовнымъ опытомъ и знаніемъ и захотѣлъ сойтись съ нимъ какъ можно ближе. Желаніе его скоро исполнилось: Паисій, видя неподдѣльную искренность Нила и удручающую тоску его души, ищущей истиннаго иночества, съ радостью пошелъ на встрѣчу его духовнымъ запросамъ; онъ горячо полюбилъ Нила и съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ, отвѣчая, по мѣрѣ возможности, на всѣ его вопросы. Нилъ не удовлетворялся тѣмъ временемъ, которое позволялъ ему монастырскій уставъ бывать у Паисія. Тогда Паисій, по его просьбѣ, выпросилъ у настоятеля Кассіана разрѣшеніе—заходить къ нему Нилу во всякую свободную минуту. И вотъ, съ этихъ поръ начинается цѣлый длинный рядъ задушевныхъ бесѣдъ маститаго старца и пытливаго юноши, бесѣдъ, въ которыхъ Нилъ раскрывалъ передъ Паисіемъ всю свою душу, а Паисій наставлялъ и училъ Нила. Нилъ жаловался Паисію на то, что міръ мѣшаетъ людямъ видѣть у себя въ душѣ Бога, — и Паисій говорилъ ему, что въ мірѣ нельзя найти живого Бога, Который здѣсь заслоненъ отъ людей перегородками грѣха и разнузданной чувственности; чтобы почувствовать присутствіе этого живого Бога у себя въ сердцѣ, нужно уйти совсѣмъ отъ міра и погрузиться въ самосозерцаніе души въ тиши пустыннаго уединенія. Нилъ спрашивалъ у Паисія о цѣли иноческой жизни, думая, что таковая заключается въ самопознаніи,—и Паисій разъяснялъ ему, что иноки — это такіе люди, которые, оставивъ ярекую,

пышную и плотоугодную жизнь міра, бѣжали изъ этого міра, дѣлались иными для него и удалялись въ пустыни для того, чтобы въ ихъ глуши и безмолвіи взглядѣться въ свою душу, познать самихъ себя и найти въ своемъ сердцѣ начертанную на его скрижаляхъ волю Божию. Паисій разъяснялъ Нилу, что монастыри не должны владѣть вотчинами, и иноки должны быть полными нестяжателями и безсребренниками. Онъ говорилъ, что не нужно принимать обителямъ приношенія отъ мірскихъ людей даже и для украшенія храмовъ Божіихъ, потому что этимъ онѣ больше грѣха дѣлають, чѣмъ служатъ Богу: вѣдь, Богу не нужны алтари, сіяющіе золотомъ и драгоценными украшениями, такъ какъ «Богъ не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ».

Все это были такія мысли, которыя давно уже гвѣздились въ глубочайшихъ тайникахъ души Нила и только не находили себѣ соответствующей формы выраженія. Въ словахъ Паисія Нилъ находилъ давно желанный отвѣтъ на всѣ мучившіе его вопросы. Паисій же познакомилъ Нила съ тѣмъ скитскимъ образомъ монашеской жизни, основателемъ котораго на Руси впоследствии сдѣлался Сорскій подвижникъ. Въ этомъ именно скитскомъ иночествѣ Нилъ увидалъ какъ разъ свой монашескій идеалъ, который былъ для него руководящимъ свѣточемъ на всемъ долгомъ и тернистомъ пути исканія истинной иноческой жизни. Паисій указалъ Нилу и реальное воплощеніе его завѣтнаго идеала, отчасти въ Спасокаменномъ монастырѣ, гдѣ скитскій уставъ былъ введенъ старцемъ Діонисіемъ, пришедшимъ съ Аѳона, а главнымъ образомъ, на самомъ этомъ Аѳонѣ. Много рассказывалъ Паисій Нилу про святую гору; рассказывалъ про то, какъ живутъ тамъ братья не всѣ вмѣстѣ, а по одному или по два въ келіяхъ; не расписано у нихъ по правиламъ, что когда кому дѣлать, когда, кому и какъ молиться. Дѣлаетъ тамъ каждый то, что велитъ ему его душа. Имѣють скитскіе иноки и старшаго надъ собой; только старшій изъ братіи тамъ не

начальникъ надъ прочими, а только руководитель, совѣтникъ, высшій между равными. Золота, серебра и драгоценностей иноки вовсе не имѣютъ и даже иконъ ими не украшаютъ. Работаетъ каждый на себя и милостыню строго воспрещено брать въ какомъ бы то ни было видѣ, развѣ лишь по особой нуждѣ. Главное же занятіе восточныхъ иноковъ составляетъ душесозерцаніе, познание воли Божіей и ея исполненіе въ жизни...

Своими увлекательными разсказами объ Аѳонской горѣ Паисій до того плѣнилъ горячее сердце Нила, что у него зародилось въ душѣ непреодолимое желаніе—попасть на ту гору, во что бы то ни стало: «Отче», сказалъ однажды онъ Паисію, «туда душа моя отнынѣ неизмѣнно будетъ стремиться!» Съ этимъ принятымъ, твердымъ рѣшеніемъ Ниль сталъ выжидать только удобнаго случая для исполненія своего намѣренія.

Ожидаемый случай для Нила насталъ тогда, когда прибылъ въ Бѣлозерскую обитель изъ далекой Москвы для постриженія богатый бояринъ Иванъ Охлѣбисевъ. Принявшій великій постригъ съ именемъ Иннокентія, бояринъ былъ отданъ подъ руководство Нилу, который въ это время пользовался уже большимъ уваженіемъ въ обители, главнымъ образомъ, за свою начитанность и книжную мудрость. Учитель и ученикъ скоро сошлись другъ съ другомъ очень близко на почвѣ одинаковости настроенія. Когда Иннокентій узналъ о твердомъ рѣшеніи своего учителя—отправиться на востокъ,—онъ умолялъ Нила и его взять съ собой, на что тотъ охотно согласился. Наконецъ, насталъ и моментъ, когда Ниль могъ исполнить свое намѣреніе; прибывшее въ Москву изъ Константинопольской патриархіи греческое посольство заѣхало въ Кириллову обитель. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Ниль рѣшилъ присоединиться къ этому посольству на его обратномъ пути на Аѳонъ. Послѣ трогательной сцены прощенія съ Бѣлозерскими иноками, Ниль оставилъ ласково пріютившую его обитель для того, чтобы исхать

себѣ убѣжища въ другой, еще болѣе тихой пристави. Паисій напутствовалъ своего ученика такими словами: «Иди, братъ, туда, куда влечетъ тебя твоя душа. Иди, и, когда познаешь свѣтъ истины, возвращайся на родину. Россіи, чувствую я, скоро, очень скоро весьма будутъ нужны такіе, какъ ты, люди»... Эти слова Паисія оказались пророческими, и Нилъ свято исполнилъ завѣтъ своего учителя, какъ это мы скоро увидимъ.

Нилъ съ греческимъ посольствомъ прибылъ прямо въ Константинополь. Проживши нѣсколько времени въ Царьградѣ, онъ скоро отправился на Аѳонъ, бывшій конечной цѣлью его путешествія; тамъ онъ и поселился. Всего Нилъ пробылъ въ отлучкѣ 13 лѣтъ, съ 1465 по 1478 г. За время своего странствованія по востоку Нилъ усердно изучалъ греческій языкъ и творенія святыхъ отцовъ; не бросалъ онъ и особенно любимаго имъ занятія—списыванія священныхъ книгъ, что еще больше умножало его ученость. Изучивши детально и со всѣхъ сторонъ скитскую жизнь Аѳонскаго иночества, Нилъ, наконецъ, возвратился на свою родину—Русь, привезя съ собой полный уставъ скитскаго иночества. Исполняя завѣтъ своего учителя, Нилъ, по возвращеніи въ Россію, прямо прослѣдовалъ въ Кириллову обитель, хотя въ ней къ этому времени Паисія уже не было,—онъ ушелъ по случаю перемѣнившася настроенія бѣлозерскихъ иноковъ, настроенія, поддерживаемаго и новымъ игуменомъ Нифодтомъ, избраннымъ на мѣсто умершаго Кассіана. Правда, за небольшой, сравнительно, промежутокъ времени отъ ухода Нила на Аѳонъ и до его возвращенія на родину, физіономія обители успѣла измѣниться почти до неузнаваемости: не было въ ней той строгости исполненія монастырскаго устава, того неукоснительнаго соблюденія иноческихъ обѣтовъ, которые составляли ея отличительныя черты при Нилѣ. Отъ этого, тѣмъ съ большою радостью и надеждами былъ встрѣченъ Нилъ защитниками святой старины, блюстителями прежней монастырскаго строгости, которыхъ въ обители оставалось, все-таки, немало.

По возвращеніи съ Аеона, Ниль рѣшилъ основать въ Россіи скитское иночество на тѣхъ самыхъ началахъ, на которыхъ была устроена монашеская жизнь въ Греціи; найдя на православномъ востокѣ полное осуществленіе своего монашескаго идеала, Ниль хотѣлъ видѣть его въ реальномъ воплощеніи и у себя на родинѣ. Поэтому онъ перенесъ скитскую форму иноческой жизни всю цѣликомъ съ греческой на русскую почву, и первое въ Руси скитское иночество вышло сколкомъ съ аеонскаго. Ниль не спѣшилъ и приступалъ къ дѣлу съ замѣчательной постепенностью. Поселившись сперва въ уединенной келии за оградой Кирилловой обители, Ниль сталъ готовить почву; къ нему безпрестанно приходило много иноковъ изъ монастыря,—кто за совѣтомъ, кто за утѣшеніемъ, кто просто хотѣлъ послушать умнаго и ученаго старца. Ниль со всѣми приходившими къ нему велъ продолжительныя бесѣды, въ которыхъ, главнымъ образомъ, старался разъяснять имъ сущность иночества, его смыслъ, задачи и цѣли; при этомъ, конечно, онъ вниманіе, чувство, мысли и волю всѣхъ направлялъ въ сторону скитскаго образа жизни, какъ единственно истинной формы подвижничества, занимавшей середину между общежитіемъ и уединеннымъ отшельничествомъ ¹⁾).

Черезъ нѣсколько времени Ниль удалился изъ монастырской келии въ глубь пустыннаго уединенія и поселился въ 15-ти верстахъ отъ нея на берегу рѣки Сорки. Здѣсь-то и получило свое начало русское скитское иночество. И въ пустынномъ, безлюдномъ мѣстѣ на берегу Сорки люди не оставляли любвеобильнаго старца и попрежнему толпами приходили къ нему. Часто приходилъ къ нему за совѣтомъ даже вновь избранный игуменъ Ки-

¹⁾ Въ скитскомъ образѣ иноческой жизни есть и элементы отшельническаго монашества — это его тѣсный составъ изъ трехъ, двухъ и даже одной, келии,—и элементъ общежительнаго иночества,—у монаховъ все общее: пища, одежда, работа и пр.

вилловой обители, Гурій и оставался на бесѣдахъ дольше, чѣмъ другіе ¹⁾). Многіе изъ приходившихъ желали остаться навсегда съ Ниломъ и жить подъ его руководствомъ. Но Ниль первое время отказывалъ всѣмъ: онъ все боялся принимать къ себѣ кого-либо на жительство, думая, что онъ не въ силахъ совладать и съ собой, и съ другими. Только тогда, когда къ нему пришелъ его бывший ученикъ Иннокентій (Иванъ Охлѣбшенинъ) и сказалъ, что онъ пришелъ къ нему затѣмъ, чтобы уже больше не уходить отъ него, Ниль не могъ отказать своему другу, вмѣстѣ съ нимъ путешествовавшему по востоку и изучавшему жизнь скитскихъ иноковъ на Аѳонѣ. Онъ велѣлъ придти Иннокентію на слѣдующій день. Иннокентій пришелъ не одинъ: онъ привелъ съ собой своего друга, старца Діонисія, родомъ изъ Звенигородскихъ князей, жившаго прежде въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ; вскорѣ потомъ были приняты и нѣкоторые изъ другихъ пришедшихъ къ Нилу съ желаніемъ — поселиться у него. Съ этихъ-то трехъ старцевъ и началось на Руси «скитское житіе».

Во вновь образованной обители иноки стали жить подъ руководствомъ Нила по скитскому уставу, совсѣмъ еще почти неизвѣстному у насъ на Руси. Жили они по одному

¹⁾ У Нила съ Гуріемъ были тѣмъ болѣе тѣсныя связи, что послѣдній былъ какъ бы замѣстителемъ перваго. Въ Кирилло-Бѣлозерской обители игумень Нифонтъ былъ сосланъ въ монастырь за свое неблагоповеденіе; вся монастырская братія пришла къ Нилу и просила его принять на себя настоятельство, говоря: „отче, не оставь насъ сирыми; будь нашимъ руководителемъ къ Богу!“ Ниль наотрѣзъ отказался отъ предложенной чести, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ затѣмъ и удалился въ пустынное уединеніе, чтобы порвать всѣ связи съ міромъ и со всѣми его прелестями и соблазнами, хотя бы въ видѣ игуменской власти. Попросивъ у иноковъ прощенія, онъ предложилъ имъ избрать кого-нибудь другого, мужа „мудраго, къ истинному иноческому житію привлежнаго“. Тогда-то и былъ избранъ Гурій, который никогда не забывалъ того, кого единственно онъ считалъ достойнымъ быть на своемъ мѣстѣ.

и по два въ келіяхъ, расположенныхъ одна отъ другой на разстояніи брошеннаго камня. Число всѣхъ иноковъ въ скиту не превышало двѣнадцати. Они сами зарабатывали себѣ пропитаніе, довольствуясь самымъ малымъ и только необходимымъ; въ храмъ для общей молитвы собирались по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ. Храмъ, построенный самими иноками, отличался чрезвычайной простотой, какъ и все вообще въ жизни братіи. Однимъ изъ главныхъ иноческихъ обѣтовъ была полная нестяжательность; запрещено было даже употребленіе дорогой утвари въ церкви ¹⁾. Иногда Нилъ собиралъ по утрамъ всю братію и обращался къ ней со словомъ поученія и назиданія. Выслушавши съ глубокимъ вниманіемъ своего почитаемаго настоятеля, иноки тихо расходились по келіямъ и затворялись въ нихъ, чтобы начать трудный подвигъ «умнаго дѣланія» — цѣль иноческой жизни по мнѣнію Нила. Чтобы лучше понять эту цѣль и смыслъ иноческаго скитскаго жительствова, нужно обратиться къ монастырскому уставу самаго Нила.

Правила скитской жизни иночества изложены Ниломъ въ его скитскомъ уставѣ, въ которомъ онъ, строгій и убѣжденный пустынножитель, обнаруживаетъ глубокое и вѣрное пониманіе пустыннаго монашескаго житія. По этому уставу подвижничество разсматривается не какъ дисциплинарная выдержка инока предписаніями о внѣшнемъ благоповеденіи, не физическая борьба съ плотью, не изнуреніе ея всякими лишеніями, — постомъ, переходящимъ въ голодовку, сверхсильнымъ тѣлеснымъ трудомъ и безчисленными молитвенными поклонами. «Умная молитва», писалъ онъ, «выше тѣлесной. Кто молится только устами, объ умѣ же небрежетъ, молится воздуху». Иночество—

¹⁾ Сохранилось преданіе, что впоследствии царь Іоаннъ Грозный захотѣлъ изъ уваженія къ памяти Сорскаго подвижника построить въ Сорской пустыни богатый каменный храмъ; тогда къ нему явился самъ преподобный и велѣлъ воздвигнуть храмъ самый простой деревянный.

это есть жизнь, сокровенная во Христѣ и посвященная молитвѣ и внутренней работѣ души. Внутренній міръ этой души, сокровеннѣйшіе изгибы сердца, ума и воли, борьба со злымъ, начиная отъ невольнаго возникновенія грѣховнаго помысла до полнаго ослабленія воли въ ея стремленіяхъ ко грѣху, — вотъ истинная жизнь инока. Не требуя отъ своихъ учениковъ строгаго поста и многочисленныхъ поклоновъ, Нилъ предлагалъ имъ вмѣсто того заниматься внутреннимъ самонаблюденіемъ, неустанно слѣдить за собою, «умомъ блюсти сердце» отъ помысловъ и страстей и воспитывать въ себѣ такое устойчивое настроеніе, чтобы сдѣлать свою душу недоступной для житейскихъ тревогъ и мірскихъ соблазновъ. Лучшей помощью въ этомъ случаѣ служить молитва, но опять, не внѣшняя, а только внутренняя, мысленная, когда человекъ не устами лишь шепчетъ, но всѣми своими помыслами и желаніями души устремляется къ Богу. Также и истинное соблюденіе заповѣдей состоитъ не въ томъ только, чтобы дѣломъ не нарушить ихъ, но въ томъ, чтобы въ умѣ и волѣ не было и помышленій о возможности ихъ нарушенія.

Такая - то сосредоточенная внутренняя работа духа надъ собою и есть истинный скитскій подвигъ; это и есть «умное дѣланіе». И только въ этой работѣ достигается то высшее духовное состояніе, въ которомъ «духъ уже не имѣетъ ни молитвы, ни движенія, ни самовластиа, а наставляется силою иною», — тогда человекъ имѣетъ у себя въ душѣ какъ бы предчувствіе вѣчнаго блаженства, и умъ его, «пребывая превыше молитвы», забываетъ и и себя, и всѣхъ, сущихъ здѣсь на землѣ.

И вотъ, осуществляя въ жизни свои идеалы, со взоромъ, устремленнымъ всегда въ высъ на небо къ Богу, какъ бы паря надъ грѣшной землей, Нилъ съ своими учениками-подвижниками жилъ въ тиши и уединеніи Сорской обители. Жизнь его текла ровно и спокойно, далекая отъ міра и невозмущаемая никакими житейскими бурями и

невзгодами. Однакоже ему нѣсколько разъ приходилось покидать свою тихую пристань и даже выступать на трибуну общественной жизни. Это было тогда, когда преподобный подвижникъ, видя, какъ врагъ наступаетъ на церковь Христову и затаптываетъ провозглашаемые имъ для него его святые завѣты, не могъ стерпѣть и считалъ себя вынужденнымъ итти въ міръ и бороться тамъ за свои идеалы. И мы, дѣйствительно, видимъ преподобнаго Нила два раза присутствующимъ на московскихъ соборахъ, куда онъ являлся затѣмъ, чтобы съ твердостью отстаивать свои убѣжденія, требуя милосердія къ кающимся еретикамъ и полной нестяжательности иноковъ. Эти соборы, на которыхъ присутствовалъ преподобный Ниль, были—одинъ въ 1490 году, собранный въ Москвѣ по поводу ереси жидовствующихъ, занесенной въ Новгородъ евреемъ Схаріемъ, прибывшимъ изъ литовскаго Кіева, а другой—также въ Москвѣ въ 1503 году по поводу вообще не порядковъ и нестроеній въ церковной жизни. На первомъ соборѣ Ниль заявилъ себя своимъ снисходительнымъ отношеніемъ къ кающимся еретикамъ. Такое отношеніе вытекало у него изъ такихъ соображеній: вѣдь, общее умственное состояніе людей того времени было таково, что отъ человѣка закрывали живого Бога, держали его во тьмѣ предрассудковъ и суевѣрій, чѣмъ, конечно, прямо и толкали живыя души, искавшія живого Бога, въ объятія заблужденій и ересей. Поэтому, нельзя было не относиться снисходительно, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ изъ еретиковъ, которые каились и возвращались въ лоно Христовой церкви; тѣмъ болѣе нельзя было осуждать всѣхъ ихъ огуломъ безъ разбору на сожженіе, что готовъ былъ дѣлать ревностный архіепископъ Новгородскій Геннадій. Это, между прочимъ, дало поводъ обвинять Нила въ сочувствіи еретикамъ, отъ чего, однакоже, онъ всегда былъ слишкомъ далекъ, почему это обвиненіе было явно несправедливо и характеризовало только усиленную злобу враговъ Сорскаго подвижника.

Особенно же знаменательно было присутствіе Нила на соборѣ 1503 года, сдѣлавшаго память о преподобн. Нилѣ незабвенной въ исторіи. На этомъ соборѣ, уже въ самомъ концѣ его засѣданій, самимъ Ниломъ былъ поднятъ вопросъ о монастырскомъ владѣннн вотчинами. Вотъ тутъ-то, въ отрицательномъ рѣшеніи и обоснованіи этого вопроса, Нилу пришлось встрѣтиться и столкнуться со своимъ принципиальнымъ противникомъ и борцомъ—Іосифомъ Волоколамскимъ. Дѣло въ томъ, что Іосифъ Волоцкій, основатель Волоколамскаго монастыря, совершенно иначе, чѣмъ Нилъ Сорскій, смотрѣлъ на иночество: въ то время, какъ Нилъ въ иногѣ видѣлъ лицо, совершенно отрешенное отъ міра, и не желалъ даже, чтобы иноки принимали церковныя должности, Іосифъ видѣлъ въ монашествѣ силу, которая должна вліять на міръ, воспитывая въ стѣнахъ монастыря будущихъ дѣятелей для виѣшней церковной жизни: мудрыхъ наставниковъ, пастырей церкви, твердыхъ и просвѣщенныхъ поборниковъ истины и обличителей лжи. Строгій къ монахамъ и къ самому себѣ, Іосифъ всей душой скорбѣлъ объ упадкѣ монашеской жизни и считалъ необходимымъ подчиненіе монаховъ болѣе строгому уставу; даже не прочь былъ реорганизовать ихъ жизнь на другихъ, болѣе аскетическихъ началахъ. Но при этомъ онъ всѣмъ своимъ существомъ былъ на сторонѣ монастырскаго владѣннн вотчинами: послѣдннн, по его мнѣннн, были необходимы инокамъ для того, чтобы обезпечить имъ спокойствіе существованнн и тѣмъ дать возможность — съ болѣею легкостью исполнить свое назначеніе общественнаго служеннн міру.

При такомъ настроеннн и міросозерцаннн, столкновеннн на соборѣ Іосифа и Нила было неизбѣжно. Вѣдь, скитское міросозерцаннн сорскаго подвижника было все сплошь противъ монастырскаго землевладѣннн. Его всегда «возмущали кружащннся ради стяжаннн монахи, по винѣ которыхъ жизнь монашеская, нѣкогда превозделѣнная, стала мерзостной». Онъ негодовалъ, не видя прохода отъ этихъ

лже-монаховъ въ городахъ и весяхъ; онъ смущался вмѣстѣ съ домовладѣльцами, видя, какъ эти «прошаки» толкуются у ихъ дверей. И вотъ, когда Нилъ на соборѣ выступилъ съ такими обвиненіями современнаго ему иночества, онъ сталъ умолять великаго князя, чтобы онъ отобралъ у монастырей всѣ села и угодья, освободивъ ихъ отъ всякаго землевладѣнія, чтобы жили чернецы по пустынямъ и кормились бы плодами дѣлъ своихъ рукъ. Великій князь Іоаннъ III-й, поставивши на соборѣ вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ, предоставилъ его рѣшеніе усмотрѣнію отцовъ, а самъ уѣхалъ. Тогда-то и выступилъ противъ Нила и стоявшихъ за нимъ бѣлозерскихъ старцевъ Іосифъ Волоколамскій. Всею силою своей учености и краснорѣчія обрушился на не менѣе же ревностныхъ защитниковъ истиннаго смысла и назначенія иночества—поборникъ монастырскаго землевладѣнія. Онъ ссылался на примѣры изъ исторіи восточной и русской Церкви и при этомъ высказалъ цѣлый рядъ практическихъ соображеній. Несмотря на горячую защиту Ниломъ своихъ идеаловъ, несмотря на его ревностное опроверженіе Іосифовскихъ мудреныхъ силлогизмовъ, все-таки перевѣсъ остался на сторонѣ Іосифа, съ которымъ, вопреки Нилу, согласился соборъ, предоставивъ свое рѣшеніе великому князю въ нѣсколькихъ докладахъ, очень умно составленныхъ съ нѣсколькими, искусно подобранными, историческими и каноническими справками.—И ушелъ съ собора Нилъ, а съ нимъ и всѣ бѣлозерскіе старцы, направляя свой путь къ Сорскимъ берегамъ тихой обители, ушелъ молча, непонятый въ своемъ взглядѣ на задачи иночества и вообще всей внутренней духовной жизни человѣка.

Такъ кончились активныя выступленія Сорскаго подвижника на защиту тѣхъ идеаловъ, которые были завѣтной мечтой всей его жизни, реальное воплощеніе которыхъ онъ искалъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своего земного существованія, нашелъ это на Аѳонѣ и оттуда пересадилъ на русскую почву. Попытка Нила, вообще, реорганизовать

монастырскую жизнь русскаго иночества на началах скитскаго житія не увѣнчалась успѣхомъ и должна была ограничиться узкими предѣлами основанной подвижникомъ Сорской обители, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ и жилъ со своими единомышленными учениками свободно— по любимому и всегда желанному идеалу. Да это и понятно: у Нила не было, какъ у Юсифа, подъ ногами туземной, угодной почвы. Въ современномъ ему русскомъ обществѣ, и особенно въ монашествѣ, направленіе его не могло стать сильнымъ и разростись въ широкое движеніе. Самое большее, что оно могло сдѣлать, по глубоко вѣрному замѣчанію проф. В. О. Ключевскаго, это— «собрать вокругъ пустытника тѣсный кружокъ единомысленныхъ учениковъ-друзей, влить живительную струю въ литературныя теченія вѣка, не измѣнивъ ихъ русла, бросить нѣсколько свѣтлыхъ идей, способныхъ освѣтить всю бѣдноту русской духовной жизни, но слишкомъ для нея непривычныхъ». Направленіе Нила это и сдѣлало, всколыхнувши русскую жизнь, но не привившись къ ней. И Сорскій подвижникъ, этотъ аеонскій созерцательный монахъ-скитникъ въ рясахъ русскаго инока, на чуждой ему почвѣ почти совершенно одинъ подвизался въ «умномъ, мысленномъ дѣланіи».

Ушедши съ собора, на которомъ онъ не встрѣтилъ поддержки въ своихъ идеалахъ со стороны враждебнаго имъ общерусскаго, привычнаго настроенія, Нилъ торопливо бѣжалъ изъ міра въ тихую пристань Сорскихъ спокойныхъ береговъ; онъ поспѣшно уходилъ изъ міра затѣмъ, чтобы уже болѣе не возвращаться къ нему. И съ этихъ поръ Нилъ, дѣйствительно, замыкается у себя въ скиту и не принимаетъ никакого участія въ общественной жизни. Ученики его, подъ именемъ «заволжскихъ старцевъ», во главѣ съ Кассіаномъ подняли горячую борьбу противъ Юсифа и его послѣдователей, перенеся вопросъ съ почвы практической на литературную; — но самъ Нилъ уже совсѣмъ не вмѣшивался въ эту борьбу и жилъ только со-

зерцательной жизнью, чуждый всѣхъ мірскихъ заботъ и интересовъ.

Уже умершій для міра, онъ скоро умеръ и для жизни, тихо и со спокойной радостью отойдя въ вѣчность 7-го мая 1508 года...

Такъ кончилась жизнь основателя скитскаго иночества на Руси, этого «великаго старца» и добраго нестяжателя-инока, все время неустанно боровшагося за свои идеалы, а прежде того—нашедшаго ихъ и воплотившаго въ своей жизни. Нельзя не преклониться передъ величіемъ духовнаго образа этого великаго старца, нельзя не быть подъ обаятельнымъ вліаніемъ его свѣтлой личности. Такіе люди слишкомъ рѣдки и дороги, чтобы ихъ можно было забывать, но нужно всегда оживлять въ своемъ сознаніи память о нихъ, о ихъ завѣтахъ и идеалахъ. Это слѣдуетъ намъ дѣлать особенно потому, что всесильное время, за 400 лѣтъ существованія тусклой памяти о Сорскомъ подвижникѣ, успѣло стереть многое изъ того, что онъ оставилъ въ дорогое наслѣдіе всѣмъ своимъ потомкамъ. Тѣмъ больше для насъ оснований—исправить ошибку времени, вспоминать самимъ и напомнить всѣмъ другимъ о преподобномъ Нилѣ Сорскомъ; тѣмъ скорѣе нужно оживить во всеобщемъ сознаніи померкшій образъ Сорскаго подвижника, нужно вспомнить полузабытые завѣты и идеалы великаго пустынножителя, этого, «инога для міра», настоящаго инока, инока въ собственномъ, лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ слова.

П. Н. К.

П И С Ь М А

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

къ Н. И. К.

22 октябръ 90 г.

Милость Божія буди съ вами!

Я собирався писать, но, получивъ извѣщеніе, что вы собираетесь домой, отложилъ.—Виновать, что причинилъ вамъ чрезъ неписаніе безпокойство. Прошу извиненія.

Итакъ, опять домой.—Благослови Господи ваше возвращеніе. Господь вездѣ есть, и вездѣ тотъ же. Равно ко всѣмъ близокъ и милостивъ, — ко всѣмъ, призывающимъ Его во истинѣ.

Вы и тамъ болите?! Хорошъ ли докторъ?—Помню, Аркадія Алексѣевича Колобова лѣкаря лѣчили отъ катарра... и уморили было. Того не ѣшь, другого не трогай. Наконецъ попалъ докторъ посмысленѣй и сказалъ: «пустое; никакого нѣтъ у васъ катарра... Кушайте все, что любите»... Сталъ онъ такъ дѣлать и поправился. У меня былъ катарръ желудочный и кишечный.—Лѣчили пилюлями ляписовыми, — и прошло. Бываетъ, что катарръ и самъ проходитъ.

Вы уединяетесь въ Москвѣ. Доброе дѣло!—Господь да устроить дѣла ваши, какъ лучшимъ благоволитъ быть.

Бѣличка писала о своихъ замыслахъ насчетъ имѣнія. Не знаю, лучше ли то, что придумала, именно—продать и жить процентами?—Я такъ и отвѣчалъ, что не пони-

маю дѣла и предложилъ подождать вашего возвращенія, чтобъ сообща разсудить.

Писала еще, будто Лиза желаетъ хозяйничать и готова ѣхать къ отцу. И на это сказалъ, чтобъ дождала васъ и рѣшимъ вмѣстѣ.

Мнѣ пришло на мысль: ужъ не тяготится ли Лиза жизнью у нихъ, по чему либо?

Мать Черничку благослови Господи. Ходить въ церковь. Доброе дѣло. Нигдѣ нельзя такъ хорошо научиться молиться, какъ въ церкви. Тамъ все ужъ и располагаетъ къ молитвѣ.

Аносинъ ей не такъ понравился. Думаетъ, что лучше будетъ въ Дивѣевѣ или въ Понетаевкѣ.—Ну—какъ Богъ устроить! Когда нибудь съѣздите туда и увидите, гдѣ лучше. Съ Богомъ вездѣ хорошо!

Благослови васъ Господи всякимъ добромъ.

Спасайтесь!

Вашъ доброты

Еп. Теофанъ.

Илья писалъ. Напишу ему, что можетъ подкрѣплять его. Вотъ карточка м. Іоаннѣ, игуменіи Аносина.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю... и если вы рады возвращенію, сорадуюсь вамъ.

Я писалъ къ вамъ въ Москву 2 декабря. А что не прежде написалъ, причина та, что затеряли между бумагами адресъ вашъ. Какъ только попался въ руки адресъ, я и поспѣшилъ написать.

Ну—слава Богу! Теперь опять на старомъ пепелищѣ. И душа, я полагаю, усѣлась. Даруй вамъ Господи сидѣть и благодушествовать. Очень радъ, что къ вамъ на помощь явился Илья Муромецъ—грозный. Авось и совсѣмъ въ должную колею вступитъ—недобрый Андрей.

Илья спрашиваетъ, какъ ему быть съ братьями? — Живи съ ними въ мирѣ, не презирай ихъ; но отъ путей ихъ держись подалѣ. Всякій свое пожнетъ, какъ сказало слово Божіе неложное.—Держись же!

Мать Черничка разломилась отъ хлопотъ. Терпѣніе и молитва. Уляжется душа, тогда протолкните ей должное.— Держите ухо остро. Врагъ обычно во время такихъ же нестройной ловить себѣ добычи.

Благослови васъ Господь всѣхъ!

Спасайтесь!

Вашъ доброхоть

Еп. Теофанъ.

У меня большой насморкъ, кашель и слабость общая... И писать не охота!

28 января 91 г.

Милость Божія буди съ вами!

Вы порываетесь на Вышу, а Богъ иначе судить. Вооружитесь терпѣніемъ. Въ свое время и это состоится.

Радуюсь о рѣшеніи Иліи. Да благословить его Господь! Наскажите ему побольше предостереженій отъ соблазновъ солдатскихъ!

Господь да утѣшитъ и васъ хорошою солдатскою выпрямою Иліи—воина.

Благослови васъ Господи!

Прежняя болѣзнь моя прошла. Но пришла новая—головокруженье. Оно было очень сильно; но теперь утишается понемногу.

Мать-Черничка вѣрно воротилась изъ поѣздки, какую намѣревалась предпринять. Успѣшно ли совершила дѣло свое?

Благослови ее Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхоть

Еп. Теофанъ.

17 февраля 91 г.

Милость Божія буди съ вами!

Очень вамъ благодаренъ за лѣкарство.—У меня головокруженіе. Оно отъ нервовъ. И ваше лѣкарство идетъ противъ моей немощи. Ктому же бромъ — одинъ прямо употребляется противъ головокруженія. Я пью воды... дня черезъ четыре это кончится, и тогда стану употреблять по вашему рецепту.—Благодарствую.—Болезнь моя не мѣшаетъ дѣло дѣлать, но все же она досадлива.

Иль немного приходится ждать. Терпѣнію наука! Всему свое время!

Я не понимаю, въ какое положеніе поставитъ васъ отреченіе отъ наслѣдственныхъ правъ, и въ чемъ будетъ состоять ваше обезпеченіе... И боюсь, какъ бы вы не остались не при чемъ.—Думаю, что вамъ лучше не соглашаться на это.

Бѣличка сама себѣ стелитъ постелю. Сама же на ней и спать будетъ. Спаси ее Господи!

Желаю вамъ всего хорошаго—паче же покоя.

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

Посылаю два экземпляра новой книжки.

12—16 мар. 91 г.

Милость Божія буди съ вами!

Благодарствую за поздравленіе и благожеланія! — Поздравляю и васъ съ постомъ, съ добрымъ говѣніемъ и причастіемъ св. Христовыхъ тайнъ. Да будетъ сіе вамъ во спасеніе! Даруй вамъ Господи и весь постъ провести въ благодатномъ настроеніи.

Андрей сокрушаетъ! — Терпите и молитесь о немъ. Если угодно будетъ Господу, онъ образумитъ его. А если нѣтъ, туда ему и дорога.

Относительно уступки, не знаю что сказать. Стою однакожь на томъ, что лучше не уступать.

Очень радъ, что Илья держится избранной части, Благослови его Господи и навсегда пребыть такъ.

Очень вамъ благодаренъ за бромистый натръ.—Теперь круженіе головы очень-очень малое. Кажется, обычная крѣпость воротилась. Эти порошки приберегу, или употреблю, когда кончу крупинки гомеопатическія. Кажется, и они помогли.

Все—слава Богу!

О болѣзни м. Леониды очень жалѣю. Помогите ей Господи оздоровѣть. Посылаю для ней книжку: Начертаніе...

Благослови васъ Господи!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

Сонъ вашъ—не худой!

А что значить—не видно.

25 мая 93 г.

Милость Божія буди съ вами!

Мужайтесь!

Воодушевляйтесь надеждою, о которой поминаете. И воистину, не все пасмурно бываетъ,—дожди и слякоть. Проглядываетъ и солнышко и отрадную даетъ погоду. Если бъ не надежда на измѣненіе худшаго на лучшее, жить бы нельзя. Всѣ и живемъ надеждою, всякій въ своемъ родѣ. Такъ Господь устроилъ естество наше.

Вотъ Богъ послалъ дождичку... и оживетъ жаждущая тварь всякая. А для души—церковь отъ лица Господа зоветъ: жаждай да грядетъ ко мнѣ и да пьетъ...

Господь да утѣшитъ васъ. Терпите! Вамъ вѣнецъ мученической предлежитъ.

Черничка воды пьетъ укрѣпляющія. Да поможетъ ей Богъ. Пусть припоминаетъ, какіе воды душу укрѣпляютъ,—и не забываетъ приобрѣтать ихъ и употреблять. Спаси ее Господи.

Есть новая книжка Митериконъ, впанданъ Патерикѹ: тутъ отцы, а тамъ матушки. Не шлю ее съ старицею вашею, чтобъ не обременить ее, хоть книжка невелика. Приѣдете,—сами возьмете.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

ПОБОРНИКЪ ПРАВДЫ, СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ.

(къ 9 мая).

Условія жизни, среди которыхъ началась общественная дѣятельность Св. Николая, побуждали всѣхъ свѣтлыхъ личностей того времени къ долгой и упорной борьбѣ во имя Того, кто далъ жизнь—во имя Христа. Выступление Св. Николая на поприще общественнаго служенія совпало со временемъ усиленной борьбы двухъ міровъ—ветхаго, уже почти отжившаго, языческаго, и новаго, только что зародившагося, христіанскаго. Христось умеръ и воскресъ; царство свѣта и добра въ яркихъ картинахъ и образахъ было начертано общечеловѣческому сознанию. Но страшный и смертоносный ядъ тьмы и зла все еще продолжалъ свое разрушительное дѣйствіе, и весь языческій міръ, уже побѣжденный, уже обреченный на гибель, въ бессильной злобѣ противъ побѣдителя—Бога бился въ предсмертной агоніи, все еще пытаясь завладѣть человѣчествомъ. Въ началѣ IV вѣка страшное гоненіе Діоклитіана, несшее съ собою кровь, казни и убійства, съ страшною силою обрушивается на весь христіанскій міръ, и въ одинъ изъ такихъ страшныхъ дней въ Никомидіи сожигаются 20.000 христіанъ. Спустя нѣсколько лѣтъ эта же темная стихійная сила зла находитъ себѣ сторонниковъ въ средѣ самой христіанской общины, и нѣкто Арій—пресвитеръ, объявляетъ

Христа простымъ человѣкомъ. Но всѣ эти кратковременныя вспышки уже отживавшей силы зла, не могли, конечно, устоять предъ величіемъ той нравственной мощи, которую несли съ собою свѣтлыя личности того времени, а между ними и Св. Николай. Этотъ «пречудный мужъ», это «церковное украшеніе», какимъ величаетъ его св. церковь — получилъ воспитаніе въ домашней обстановкѣ, которая располагала его къ внутреннему самосозерцанію и самоуглубленію. Непосредственное вліяніе родителей создало въ этомъ мужѣ особенную нравственную мощь и духовную энергію, и, вышедши въ жизнь, Св. Николай не остался глухъ и безстрастенъ къ открывшейся предъ его глазами борьбѣ двухъ началъ—темнаго и свѣтлаго, и задачей своей жизни онъ поставилъ осуществленіе въ жизни добра. Сильный нравственною мощью, полный сознанія о величіи Христа, Св. Николай прежде всего проявилъ самую горячую дѣятельность во время гоненія Діоклитіана. Величественный образъ сильнаго и святаго мужа чарующе и обаятельно дѣйствовалъ на всѣхъ, подвергавшихся въ то время страшнымъ испытаніямъ; и горячая защита Христа привела, наконецъ, Св. Николая въ темныя неприглядныя стѣны тюрьмы. Лишенный возможности свободно и открыто осуществлять въ жизни добро, Св. Николай и въ темницѣ все еще продолжалъ проповѣдовать Христа, и воспитаніе мужества и стойкости въ заключенныхъ въ борьбѣ со зломъ — вотъ послѣдствія его проповѣди.

А затѣмъ въ отрицаніи Аріемъ Божества Христа Св. Николай увидалъ то же стремленіе къ возрожденію стараго, уже побѣжденнаго, начала зла, и въ цѣляхъ защиты истиннаго христіанскаго ученія Святитель принимаетъ самое горячее участіе на первомъ вселенскомъ соборѣ, осудившемъ Аріа и возстановившемъ истину о Христвѣ.

Такова та общественная задача, на осуществленіе которой Св. Николай положилъ всю свою нравственную мощь, всю свою духовную энергію, и выполненіе которой

составляло конечный смыслъ и послѣднюю цѣль его жизни. Но это стремленіе къ осуществленію въ общественной жизни добра все же никогда не позволяло Св. Николаю закрывать глаза предъ жизнію, непосредственно предъ нимъ протекавшею—предъ жизнію повседневною, будничною, и осуществленіе этого же добра, этого же новаго начала Христа въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ составляло одинаково задачу этого побѣдителя. Предъ духовными взорами этого мужа ежеминутно раздверывалась пестрая картина человѣческихъ страданій, жестокостей и несправедливостей, и Св. Николай свое вниманіе направлялъ къ тому, чтобы и здѣсь создать предварительно почву для окончательнаго осуществленія въ жизни добра. Онъ стоялъ какъ бы въ центрѣ страшнаго хаоса страданій, который называется будничною жизнію — стоялъ какъ бы со свиткомъ евангелія въ одной рукѣ и съ изображеніемъ Христа въ другой, и стремился показать этотъ святой ликъ тамъ, гдѣ безсознательно попирали и низвергали чистый образъ Христа. Полный сознанія своей нравственной мощи, Св. Николай былъ неустрашимъ въ своемъ служеніи и смѣло переступалъ пороги лицъ, властію облеченныхъ, и съ любовію посѣщалъ лачугу какого-нибудь бѣдняка. Когда, напр. въ городѣ Мѹры было готово совершиться страшное кровопролитіе при казни нѣсколькихъ лицъ, и рука палача была уже занесена, чтобы покончить съ этими жизнями, — Св. Николай предупреждаетъ эту страшную несправедливость, и жизнь побѣждаетъ смерть. Затѣмъ, когда въ томъ же городѣ Мѹры открылась страшная нужда въ хлѣбѣ, готовая поглотить всѣхъ жителей этого города, Св. Николай является къ одному торговцу хлѣбомъ и, вручая ему въ видѣ задатка 3 золотыя монеты, повелѣваетъ везти хлѣбъ на мѣсто голода. Святитель обнаружилъ самое горячее и дѣятельное участіе въ помощи бѣднякамъ. Въ городѣ Патарахъ жилъ одинъ человѣкъ, дошедшій до крайней нищеты; Св. Николай оказываетъ ему матеріальную поддержку, и этотъ

человѣкъ благополучно устраиваетъ трехъ своихъ дочерей.

Таковъ образъ этого великаго поборника правды, этого сильнаго борца за Христа. Таковы тѣ условія жизни, среди которыхъ протекала общественная дѣятельность Св. Николая.

П. Н. К.

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

(Къ 10-му мая—дню памяти св. отца нашего Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго).

«Смиренія учитель».

Послѣ многолѣтнихъ подвиговъ въ монастырѣ Печерскомъ, блаженный Симонъ, свидѣтель и писатель житій Святыхъ, въ этой достославной обители просіявшихъ, призванъ былъ на престолъ епископскій въ г. Владиміръ на Клязьмѣ. *Не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя* (Мате. 5, 14)... Такъ и св. Симонъ, свѣтомъ добрыхъ дѣлъ своихъ, просіялъ и въ далечайшія страны, и изъ Кіева свѣтъ этотъ достигъ даже до Владиміра: ибо достойно званія иноческаго работалъ святой мужъ въ монастырѣ Печерскомъ, подвизаясь въ послушаніи смиренномъ, въ усердномъ моленіи соборномъ и въ безмолвіи уединенномъ... Просвѣтился свѣтъ его предъ человѣки, которые увидѣли добрыя дѣла преподобнаго и возжелали вознести его на гору высокую—каедру епископскую. Самъ же смиренный инокъ Симонъ, конечно, никогда не помышлялъ о столь высокой чести и не желалъ ея, и принялъ санъ епископскій только послушанія ради. Добръ управляя ввѣренною его попеченію епархіею Владимірскою, онъ, однако, душою и умомъ всегда пребывалъ въ Кіевѣ съ преподобными Печерскими. Въ письмѣ къ блаженному Поликарпу, архимандриту Печерскому, св. Симонъ, будучи уже епископомъ, смиренно высказалъ, что предпочиталъ бы быть послѣднимъ изъ послѣднѣйшихъ въ Кіево-Печерской обители: «Азъ грѣшный Симонъ, епископъ сый святыхъ соборныхъ Владимірскія и Суздальскія церкви, колико имамъ

градовъ и сель и десятину взимаю по всей земли той, обаче (вѣсть Сердцевѣдецъ) истину глаголю ти, яко всю сію славу и честь вмѣнилъ бы въ персть, и работалъ бы въ послушаніи игумена святаго Печерскія Лавры, и аще бы мнѣ мощно сметіемъ пометену быти въ Печерскомъ свягомъ монастырѣ и попираемому ногами, или единому быти отъ убогихъ предъ враты честныя тоя Лавры лежащихъ, то лучше бы мнѣ единъ день въ дому тамо Божія Матери приметатися, паче неже тысячу лѣтъ жити славну и честну». Таково смиреніе святаго,—таково его смиренное стремленіе не начальствовать, а подчиняться, и въ то же время проявленное имъ въ жизни смиренное подчиненіе своей воли — волѣ Божіей, призвавшей его къ сану епископскому. Но отъ Господа стопы челоуѣка исправляются, и до конца дней (+1226 г.) блаженнаго сего мужа Господь судилъ ему пребывать на свѣщницѣ служенія святительскаго. Тѣло же его честное, по желанію, извѣщенному въ посланіи къ блаженному Поликарпу, и по вѣрѣ его и любви къ преподобнымъ, перенесено въ Кіевъ и погребено въ пещерѣ, гдѣ и донинѣ въ неуваждаемомъ нетлѣннѣи пребываетъ въ честь, славу и хвалу Богу, во святыхъ почивающему. Трогательна любовь преподобнаго къ св. Лаврѣ Печерской, поучительно его непрестанное памятованіе о мѣстѣ произнесенія обѣтовъ иноческихъ, достоподрожательно глубокое смиреніе блаженнаго мужа, смиреніе, коему всѣ потщимся слѣдовать, ибо только смиреннымъ Господь даетъ благодать, а безъ благодатной помощи Божіей, предоставленные самимъ себѣ, мы ничто, и сами отъ себя ничего добраго совершить не можемъ. Святитель Тихонъ Задонскій говоритъ: «Якоже на смиренное сердце изливаются дарованія Божія, тако въ смиrenomъ сердцѣ, яко въ сокровищѣ нѣкоемъ, сохраняются. Ибо таковое сердце благодать и страхъ Божій окружаетъ, и, какъ вѣрный стражъ, хранить его. Кто мнитъ себе ничто же, изъ того нѣчто Богъ всемогущій содѣлываетъ. Отсюда бываетъ, что смиренный невѣжда и

земледѣлецъ—разумнѣйшій и мудрацій въ званіи христіанскомъ, хотя красныхъ рѣчей и писменъ не знаетъ, нежели гордый міра сего мудрецъ. Смиреніе есть какъ основаніе нѣкое, на которомъ духовную добродѣтелей хранину должно намъ созидать. Безъ сего основанія, все, что ни соизидется духовное, падется и въ прахъ обратится. Фарисей думалъ, яко онъ создалъ хранину свою; но, понеже твердаго сего основанія не положилъ, обманулся, какъ пишется въ Евангеліи. Паче же безъ смиренія и наздать ничего духовнаго невозможно, ибо безъ благодати Божіей ничего духовнаго сотворить не можемъ, *зане гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (1 Петр. 5, 5). Безъ смиренія истинное покаяніе быть не можетъ, но есть притворное и ложное, которое только на устахъ, а не на сердцѣ имѣется. Ибо какъ больному, который хочетъ исцѣлиться, должно первѣе признать свою немощь и лѣкарю объявить, тако грѣшнику, который душею немоществуетъ, должно, во-первыхъ, душевную свою признать немощь, бѣдность и окаянство, признать себе, яко святого закона Божія преступника, предъ судомъ Божіимъ виноватымъ, временнаго и вѣчнаго Божія наказанія достойнымъ, и съ таковымъ исповѣданіемъ прибѣгать вѣрою ко Христу, душъ и тѣлесъ врачу¹⁾. И тогда только мы станемъ мудры, тогда только будемъ на истинномъ пути, когда смиренно сознаемъ свою никуда негодность, свою нищету духовную. И Господь не оставитъ насъ Своею благодатною помощію, ибо неложно слово Его: *блаженнѣишии духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Матѳ. 5, 2). Сего да сподобитъ насъ благодать Божія, по молитвамъ воспоминаемаго нынѣ великаго «смиренія учителя», блаженнаго епископа Симона, егоже память свѣтлопразднуня, умильно глаголемъ: святителю отче Симоне, моли Бога о насъ!

А. Зеландъ.

¹⁾ Творенія св. Тихона Задонскаго, изд. 5-е, т. 2-й, стр. 242.

ЗАТОПИЛО.

Маленькій, но чистый и уютный, домикъ огородника Григорія Петровича стоялъ на самой окраинѣ города, на небольшомъ холмѣ, съ одной стороны котораго полукругомъ выгибалась рѣка, а съ другой тянулось старое пересохшее русло. Отъ дома тянулись парники по отлогому берегу, и ихъ старое выгорѣвшее стекло отливало въ весеннихъ лучахъ солнца всѣми цвѣтами радуги. Быстро таялъ послѣдній снѣгъ, и ручейки мутной воды проворно бѣжали по канавкамъ межъ парниковъ. Подъ окнами на солнышкѣ грѣлись куры.

Елена, жена огородника, вмѣстѣ съ широколицей съ калмыцкими глазками работницей, Александрой, кончали на кухнѣ послѣднія приготовления къ празднику. Миша игралъ на половикѣ. Всюду была чистота. Пахло мытым поломъ, куличемъ и жаренымъ. И чувствовалось наступленіе чего-то необыкновеннаго, что носилось въ воздухѣ, что душа готова была принять. Но оно теперь то тревожно, то больно отзывалось на сердцѣ, совсѣмъ не такъ, какъ прежде. Было ли это напряженнымъ ожиданіемъ праздника или тревогой за парники, которымъ угрожала большой разливъ рѣки, или инстинктивнымъ предчувствіемъ грядущаго бѣдствія, — этого они не знали.

«А вода все прибываетъ», сказалъ вошедшій въ кухню Григорій Петровичъ.

«Прибываетъ?!», полувопросительно, полуиспуганно переспросила Елена.

«Да, Богъ дастъ, бѣда минуетъ, какъ-нибудь сбережемъ

парники. Я рамы прибилъ кольями, а длинныя веревкой связалъ. Бревна перевезены къ сараю, дрова тоже въ безопасности. Лодку вытащилъ и на всякій случай привязалъ ко двору. Если даже и огородъ заляжетъ, то и въ такомъ случаѣ, думаю, убытокъ не будетъ большимъ».

«Ой, не дай то, Господи!», съ мольбой и надеждой сказала Елена.

Солнце садилось, и красноватые лучи его зловѣще освѣщали мутныя, бурныя воды рѣки, уже залившей часть парниковъ. Вода все прибывала и прибывала. Хозяйство огородника было окружено водою уже со всѣхъ сторонъ и частью залито, но каждый годъ во время половодья онъ жилъ на островѣ, нерѣдко и раньше случалось, что заливало его огородъ и парники, а потому это теперь и не внушало Григорію Петровичу особаго безпокойства. Онъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, собирался съ женой ѣхать въ лодкѣ къ Свѣтлой заутренѣ. Лодка большая, теченіе по оврагу не быстрое, проѣхать вполне возможно,—думалъ онъ и совершенно успокоился.

Передъ заутреней прилегли немножко отдохнуть. Скоро въ домѣ воцарилась полная тишина, только по временамъ во снѣ стонала Елена и безпокойно ворочалась, — знать снились ей недобрые сны, знать чуткое женское сердце предчувствовало опасность. Ей снилось, что волной подхватило ея Мишу и потянуло вглубь, а онъ хватается рученками за доску и кричить: «мама, мама!», прося у нея помощи, она же лежитъ разслабленная и не можетъ даже пошевелиться, и его крикъ, какъ ударъ палача, такъ больно, больно отзывается у нея на сердцѣ. Она проснулась; Миша плакалъ. Поправивъ сыну подушку и перевернувъ его, она нѣжно его поцѣловала и взглянула въ окно. Крикъ испуга вырвался у нея изъ груди. Елена отскочила отъ окна, разбудила мужа, работницу, старика отца, и всѣ съ ужасомъ смотрѣли сквозь вспотѣвшія стекла въ туманную мглу. Было видно лишь отраженіе огонька лампы въ волнахъ подступившей къ самому дому рѣки.

Съ крыльца нельзя было уже сойти. Посмотрѣли въ подвалъ, онъ былъ полонъ воды; еще четверть аршина, и она выступитъ изъ щелей пола. Вещи одна за другой тотчасъ же начали перетаскивать въ высокую горенку. Только кровать Миши пока не трогали, — жаль было матери будить и тревожить мальченку; Елена съ беспокойствомъ глядѣла на сына, а онъ, заложивъ ручки подъ голову, спалъ крѣпкимъ безмятежнымъ сномъ и дышалъ такъ ровно, ровно.

Вода начинала выступать изъ-подъ пола, и сердитые валы съ шумомъ ударялись объ избу. Кровать осторожно перенесли въ горенку, а Александру послали подтянуть лодку къ крыльцу. Но это дѣло оказалось очень труднымъ, такъ какъ сильное теченіе, неся бревна, дрова и льдины постоянно ударяло въ лодку, которая боязливо жалась къ воротамъ двора, какъ бы прося впустить ее туда. Бревна, сани, телѣги — все, оказалось, было уже смыто водой, овцы погибли на дворѣ. Лошади жалобно ржали.

«Хоть бы лошадокъ спасти», мелькнуло у Григорія Петровича, и онъ мигомъ бросился на дворъ, пробрался надъ водой по стѣнѣ, вытащилъ засовъ и отворилъ ворота, но не тѣ, гдѣ была лодка, а съ противоположной стороны, гдѣ ледъ не бился о стѣны. Лошади поплыли тотчасъ же вонъ со двора, свиньи за ними и, какъ полинейкѣ, нисколько не уступая теченію, перерѣзали оврагъ и съ радостью захрюкали на берегу.

«Гриша, а теперь самимъ нужно подумать о спасеніи», сказала Елена мужу.

«Сами-то мы какъ-нибудь доберемся въ лодкѣ или даже на чердакѣ просидимъ. Больше, мнѣ кажется, и не должно бы прибывать. Вѣдь, у насъ и до дому вода ни разу не доходила»...

Въ это время такъ сильно ударило въ стѣну, что дворъ задрожалъ, и что-то затрещало. Григорій Петровичъ поводѣ прошелъ на крыльцо и увидалъ, что отъ лодки оста-

лась какая-то безформенная, сплюснутая масса, которую на его глазах заврутило въ водоворотъ. Печальный вернулся онъ обратно.

«Теперь остается только одно, перебираться на чердакъ».

И лишь одна Александра воспротивилась этому.

«Басурманка я что-ли какая, что въ Свѣтлую заутреню буду дома сидѣть».

«И мы съ радостью пошли бы въ церковь, да видишь—домъ заливааетъ и ѣхать не на чемъ», возразила Елена.

«Не на чемъ!»—сказала работница съ презрительной усмѣшкой. «На воротахъ можно ѣхать. Какъ хотите, я одна уѣду».

Зная упрямый ея характеръ и своеобразное благочестіе, было совершенно напрасно удерживать. Она сошла съ крыльца и по поясъ въ водѣ стала по стѣннѣ пробираться къ воротамъ, надѣясь снять съ петель одну половину и на ней плыть. Но въ это время въ крыльцо ударило большимъ досчатымъ заборомъ и прижало имъ Александру къ стѣнѣ. Она воспользовалась готовымъ плотомъ, влѣзла на него и скрылась въ туманѣ.

Вода все прибывала. Семья огородника уже устроилась на чердакъ и приготовилась разговляться. Посрединѣ стоялъ столъ, на немъ лампа, пасха, куличъ, яйца, масло и солонина, а въ слуховое окно дымилъ самоваръ. Старикъ и Елена сидѣли на сундукѣ, а Миша, прижавшись къ матери, спокойно спалъ. Всѣмъ стало какъ-то хорошо, уютно, тепло и приятно. Григорій Петровичъ уже шутилъ.

«Вотъ давно бы намъ перебраться сюда. Выше,—къ Богу ближе, вотъ и спокойнѣе».

Вдругъ чердакъ зашатался, лампа покачнулась, упала и погасла, самоварная труба свалилась и загремѣла, ударившись о сундукъ, въ углу жалобно замыкала кошка.

Тьма.

Страхъ, искорка надежды, слѣпое отчаяніе старика и любопытный взоръ малютки составляли полный контрастъ съ тѣмъ, что въ это время происходило у полунощницы

въ церкви. Елена первая вспомнила это, и крупная слеза сердечной боли покатилаь по ея блѣднымъ щекамъ и упала на русую головку сына.

Григорій, проломавъ доски, выбрался на крышу и сѣлъ верхомъ на конькѣ. Онъ пробовалъ кричать, махать, зажигалъ спички, но вокругъ свистѣлъ вѣтеръ, шумѣла вода, и тьма одѣла ихъ своимъ похороннымъ покрываломъ.

Они плыли медленно, и догонявшія ихъ льдины, полѣвня и бревна то и дѣло ударяли сзади въ крышу и каждый разъ до основанія трясли послѣднее убѣжище несчастныхъ, готовое каждую минуту разрушиться отъ болѣе сильнаго толчка. Корзины, рамы отъ парниковъ, разбитая лодка— все это догнало Григорія Петровича и, какъ будто нарочно, прошло вблизи мимо него и скрылось въ темной мглѣ. А онъ беспомощно глядѣлъ по сторонамъ, надѣясь увидеть кого-нибудь, откуданибудь получить желанную помощь. Но на берегу рѣки было пустынно, да и все равно ихъ никто не замѣтилъ бы во тьмѣ. Въ городѣ шель торжественный звонъ, храмы были красиво иллюминированы, внутри щедро освѣщены, и люди, одними устами и однимъ сердцемъ радостно пѣли: «Христось воскресе». Они радовались, что прошелъ тяжелый, долгій постъ, радовались торжественному пѣнью, радовались воскресенію Христа. Словомъ, у нихъ было такое настроеніе, когда забываются въ мірѣ всѣ несчастія, когда кажется, что въ мірѣ всѣмъ хорошо...

Семинаристъ Петровскій, постоявъ въ церкви, вышелъ отъ заутрени и отправился на мостъ посмотрѣть ледоходъ. Одинокіе встрѣчные всѣ куда-то спѣшили, а онъ шель медленно, раздумывая о томъ, какъ теперь бушуетъ рѣка, сколько убытку принесетъ она въ затопленныхъ поляхъ и деревняхъ. Петровскій пришелъ на мостъ, облокотился на перила и сталъ наблюдать, какъ вертѣло бочки за быками моста, какъ рамы отъ парниковъ трещали межъ льдинами, какъ вертѣла вода на плотикѣ куръ и какъ въ воронкѣ отправила ихъ вглубь и скрыла изъ глазъ.

Но вотъ до него по вѣтру донесся какой-то крикъ. Петровскій перебѣжалъ на противоположную сторону моста и сталъ прислушиваться, но лишь бурлила вода, да трещалъ и ломался ледъ. Что-то темное и высокое показалось впереди. «Должно быть овинъ», подумалъ Петровскій, но крикъ повторился снова: кричалъ человѣкъ, но такимъ голосомъ, въ которомъ слышна была мольба о спасеніи.—Это Григорій Петровичъ, увидавъ мостъ и зная, что его ковчегъ не подойдетъ подъ мостъ и разрушится, въ отчаяніи кричалъ о помощи. Петровскій разглядѣлъ на крышѣ фигуру человѣка, перелѣзъ черезъ перила моста и, зацѣпившись ногой и рукой за рѣшетку, готовился другою рукой помочь утопавшему.

Раздался страшный трескъ, — то чердакъ ударился о мостъ. Григорій Петровичъ ухватился за помость и съ помощью Петровскаго съ трудомъ выбрался на мостъ и въ изнеможеніи повалился на землю...

Во мглѣ, средь треска и шума въ бурномъ потокѣ плылъ потолокъ, на немъ между наваленныхъ досокъ, жердей и кирпичей стоялъ и плакалъ сиротка Миша.... Его мать утонула, а его самого спасли....

Влад. Соколовъ.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ ¹⁾.

VII.

О помощи, какую мы можем оказать отошедшимъ отъ насъ покойникамъ.

Всѣ мы хорошо знаемъ, какъ измѣнчивъ, непостояненъ и полонъ противорѣчій каждый человѣкъ въ своихъ чувствахъ и привязанностяхъ. Изъ многихъ примѣровъ и свидѣтельствъ этого непостоянства я укажу вамъ только на одинъ примѣръ. Посмотрите, на земную жизнь нашу вотъ съ какой стороны. Пока два или нѣсколько человѣкъ живутъ вмѣстѣ, въ одной семьѣ, или вблизи, по сосѣдству другъ съ другомъ,—рѣдко или—вѣрнѣе—никогда не обходится безъ того, чтобы между этими близкими людьми не возникло какого-нибудь несогласія, неудовольствія, неприятности, размолвки и даже крупной ссоры. Даже самые близкіе родственники,—какъ-то: мужъ и жена, отецъ и дѣти, братья и сестры,—часто досаждаютъ другъ на друга, обижаются, раздражаются и жалуются другъ на друга. Но разлучите этихъ недовольныхъ другъ другомъ людей на продолжительное время,—и чаще всего они начинаютъ скучать и тосковать другъ по другъ. Что у насъ подъ руками, того мы не цѣнимъ и не бережемъ, или цѣнимъ и бережемъ очень слабо. Живя постоянно вмѣстѣ и вблизи съ другими людьми, человѣкъ склоненъ

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол.* Чт. 1908 г.

скорѣе замѣчать въ своихъ близкихъ разныя ошибки, не исправности и все, что въ другихъ людяхъ ему не нравится,—все, чѣмъ они ему мѣшаютъ, досаждаютъ и вводятъ въ раздраженіе. Только въ продолжительной разлукѣ съ своими близкими человекъ познаетъ, какъ эти люди (на которыхъ онъ раньше гнѣвался и даже ругался),—какъ они ему дороги и необходимы, — какъ важны и незаменимы для него услуги и помощь этихъ людей. Разлука заставляетъ забывать о взаимныхъ неудовольствіяхъ, размолвкахъ и обидахъ въ прежней жизни близкихъ людей; разлука какъ бы открываетъ глаза человекъ и научаетъ его лучше и полнѣе понять покинутаго, увидѣть въ немъ много хорошаго и добраго, чего раньше онъ какъ-то не замѣчалъ и что принималъ, какъ что-то привычное и малоцѣнное...

Еще сильнѣе примиряетъ насъ съ человекомъ разлука съ нимъ вѣчная, т.-е. смерть человека. Надъ гробомъ человека часто умолкаетъ самая сильная вражда и злоба. Какъ бы ни обижалъ насъ человекъ при жизни, — послѣ смерти его мы чаще всего забываемъ его обиду, и — наоборотъ — вспоминаемъ заслуги и достоинства почившаго. Нечего и говорить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть уноситъ отъ насъ человека, особенно дорогаго намъ, — наприм., любимаго мужа или жену, любимую мать, вѣжно-любимое дитя, вообще когда мы теряемъ такое существо, которое при жизни своей наполняло нашу жизнь отрадою, свѣтомъ, тепломъ и счастьемъ, — въ этихъ случаяхъ вѣчная разлука съ человекомъ бываетъ особенно чувствительна, особенно горестна для насъ, и воспоминаніе объ этомъ человекѣ особенно для насъ трогательно. Въ такихъ именно случаяхъ съ глубокою скорбью и болью сердечною мы вспоминаемъ, какъ при жизни дорогаго намъ покойника мы иной разъ обходились съ нимъ неосторожно, иной разъ напрасно обижали его, доставляли ему огорченія и неприятности. Какъ бы хотѣлось намъ теперь хоть взглянуть на своего милаго покойника, пого-

ворить съ нимъ, попросить у него прощенія, заглядить свою вину предъ нимъ, сдѣлать ему что-либо пріятное и доброе. Горькія слезы подступаютъ къ горлу при мысли, что теперь уже поздно,—что все уже кончено,—что никогда намъ не видать дорогого покойника и ничего добраго сдѣлать для него мы уже не въ силахъ...

Да, скорбь наша о дорогихъ покойникахъ была бы безутѣшна и неисцѣлима, если бы и въ этомъ случаѣ не приходила къ намъ на помощь вѣра Христова и Церковь православная. Вѣра христіанская убѣждаетъ насъ, что мы разлучаемся съ покойниками только на короткое время,—мы не можемъ видѣть ихъ только до тѣхъ поръ, пока живемъ здѣсь на землѣ, а по переходѣ нашемъ въ міръ загробный насъ ждетъ свиданіе со всѣми нашими дорогими покойниками. Но и во время нашей жизни на землѣ наше общеніе и наша связь съ умершими не прекращаются. Была бы только у насъ искренняя любовь къ покойнику; любимому покойнику мы всегда можемъ доставить истинное утѣшеніе и самую цѣнную помощь. «Любовь», говоритъ апостоль, «никогда не отпадаетъ».

Въ самомъ дѣлѣ,—хочешь ли ты бесѣдовать со своими почившими родными и друзьями? Это всегда возможно, несмотря на то, что покойники живутъ теперь не съ тобою, а въ другомъ мірѣ. Бесѣдуй съ покойными посредствомъ слова Божія, посредствомъ молитвы. Слово Божіе и молитва сердечная — такія двѣ силы, которымъ повинуются все, что на небѣ и на землѣ, что въ раю и преисподней. «Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ Его вся сила ихъ».

А о силѣ молитвы Самъ Спаситель сказалъ намъ: «если чего попросите у Отца во имя Мое, то сдѣлаю, да прославится Отецъ въ Сынѣ (Іоан. XIV, 13). Мы, живущіе,—по всегдашней разбросанности нашихъ мыслей, по грубости и черствости душъ нашихъ, наполненныхъ всегда земными и суетными заботами и думами,—слабо чувствуемъ благодатную силу и сладость слова Божія и молитвы.

Но души умершихъ, уединенныя отъ видимаго міра, удаленныя отъ суеты и заботъ житейскихъ, жаждутъ слова Божія и молитвы, какъ манны небесной. Молитва и слово Божіе для умершихъ—истинная пища, которая питаетъ и улаживаетъ ихъ, укрѣпляетъ, ободряетъ и утѣшаетъ. Особенно важна молитва за умершихъ церковная. Въ церкви, за обѣдней вмѣстѣ съ нами присутствуетъ и молится за умершихъ весь соборъ ангеловъ и Святыхъ. Вотъ безцѣнная услуга, вотъ незамѣнимая ничѣмъ помощь, которую всегда ты можешь оказывать своимъ умершимъ сродникамъ!

Желаете ли принести что-либо въ даръ умершимъ сродникамъ вашимъ? Возможно и это. Пошлите имъ туда черезъ руки нищихъ и страждущихъ,—сотворите, по силѣ своей, милостыню во имя ихъ, какъ это было заповѣдано еще въ древнее время. «Хлѣбъ твой при погребеніи праведнаго давай, — сказано въ книгѣ Товита (Тов. 4, 16). И премудрый сынъ Сираховъ пишетъ: «благодать даянія предъ всякимъ живымъ да будетъ, и *надъ мертвецемъ не возбрани благодати* (Сир. 7, 36)». Будьте увѣрены, что даръ вашъ дойдетъ до вашихъ умершихъ сродниковъ и доставитъ имъ истинное утѣшеніе. Поручкою въ томъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который говоритъ, что все, что мы сдѣлаемъ для меньшихъ Его братій (для нуждающихся людей), то для Него Самого сдѣлаемъ (Мѡ. 25, 40). «А Онъ ли, всемогущій, можетъ оставаться въ долгу у насъ хотя бы на малое время? Онъ ли, премилосердый, не воздастъ сторицею душамъ отшедшихъ отъ насъ братій нашихъ за всякое благодареніе, сдѣланное нами отъ имени умершихъ? Онъ ли, сладчайшій Утѣшитель всѣхъ скорбящихъ, не найдетъ, чѣмъ утѣшить души усопшихъ сродниковъ нашихъ, если мы утѣшимъ во имя ихъ хотя одну душу, страждущую здѣсь на землѣ. Быть можетъ, душа твоего сродника, лишенная добродѣтелей, стыдится предъ св. ангелами и сама укрывается отъ лица Божія во тьмѣ и мракѣ преисподней. Одѣнь во имя ея раздѣтаго, упокой

измученнаго путника,—и Господь милосердый за твое милосердіе, оказанное въ честь покойника, явить ему Свое милосердіе и заступничество. Быть можетъ, преслѣдуемая и гонимая духами злобы и терзаніями собственной совѣсти, душа сродника твоего ищетъ покровы и защиты, и не находитъ ихъ за свое недостоинство. Защити въ память твоего родственника другаго человѣка, котораго гонять и преслѣдуютъ въ этомъ мірѣ,—и Господь покроетъ грѣхи твоего сродника своимъ милосердіемъ, и духи злые удалятся отъ него, и ангелы оградятъ его кровомъ крыль своихъ».

Итакъ, мы всегда можемъ оказывать самую дѣйствительную помощь и доставлять самое истинное утѣшеніе своимъ умершимъ друзьямъ въ молитвѣхъ и милосердіи въ память ихъ. Была бы только у насъ истинная любовь къ умершимъ; тогда мы всегда будемъ близки къ умершимъ и они къ намъ, ибо, по Апостолу, «любовь никогда не отпадаетъ».

Свящ. Іоаннъ Утѣхинъ.

23 ПИСЬМА ОПТИНСКАГО СТАРЦА

О. МАКАРІЯ

КЪ Г-ЖѢ С. И. N. ¹⁾

(1857—1860).

11.

Благодареніе Господу, что ты, С. И., успокоилась. Храни же сей даръ смиреніемъ! Бравъ вражія не можетъ тебя одолѣть, когда не будешь согласоваться съ возмущающими тебя помыслами;—но прибѣгая къ самоукоренію и откровенію, сказанное тебѣ принимай съ вѣрою, а строгости не ищи—не понесешь. Здравія и спасенія тебѣ желаю.

Многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

7 іюля 1859 года.

12.

Ты скорбишь, почтенная N, о лишеніи маменьки твоей. Поскорбѣть не мѣшаетъ, но умѣренно. Св. Апостоль не велитъ скорбѣть объ умершихъ, подобно тѣмъ, кои не имѣютъ упованія на будущую жизнь. А мы, благодареніе Богу, вѣруемъ и надѣмся, что будетъ вѣчная жизнь; и маменька твоя въ вѣрѣ и надеждѣ преставилась, удостоившись напутствія христіанскаго, принятіемъ пречистыхъ таинъ Христовыхъ и елеосвященія. Въ ея преклонныя лѣта при болѣзняхъ и скорбяхъ жизнь ей не была отраднa, а теперь она перешла къ успокоенію, и мы должны надѣяться, что Господь, по милосердію своему,

¹⁾ См. апрѣльскую кн. *Душ. Чт.* 1908 г.

сотворить съ ней милость, давъ ей здѣсь напутствіе св. Тайнствами; а вашъ долгъ есть не плакать и не скорбѣть безотчетно, а поминать ее по уставамъ церкви и благодарить Господа, что христіанскою кончиною разрѣшилъ ее отъ узъ плотскихъ въ духовный міръ. Ты съ своей стороны можешь читать псалтырь, но не такъ какъ ты предположила: даже и правило оставлять, а все псалтырь читать; стало быть, ты думаешь много о своей за нее молитвѣ; церковная молитва больше твоей. Ты положи прочесть нѣсколько каѳизмъ, 5 или немного болѣе, а то и правило по силѣ; да не все надо читать, а надо и физическое дѣлать дѣло, чтобы не помрачился умъ твой; все надобно дѣлать съ совѣта старицы: это надежнѣе. Пишешь ты, что было смутилась во время сообщенія, но ея совѣтами успокоилась. Мира, здравія и спасенія твоего желатель многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

25 августа 1859 года.

13.

Пишешь ты, почтенная N, о своихъ домашнихъ дѣлахъ, еще не устроенныхъ, а также, что и о твоёмъ обезпеченіи ничего не сдѣлано; но объ этомъ надобно возложить упованіе на промыслъ Божій и помнить Его заповѣдь: ищите прежде царствія Божія и правды Его, а сія вся приложатся вамъ. Исполни заповѣди Божія и отвергай свою волю и свой разумъ... а ты уже въ этомъ и прогрѣшила, оставя мальчишку ночевать у себя въ келліи, когда тебѣ отъ старицы и отъ игуменіи было воспрещено.—Ты нашла старый примѣръ, что одинъ старецъ принялъ жену въ келлію отъ мороза, а о томъ забыла, что онъ пострадалъ: руку сжогъ на огнѣ, а она сдѣлалась мертвою.—Ты думала этимъ угодить сестрѣ, а нарушила обѣтъ послушанія.—Читала ли ты: къ одному старцу пришелъ въ монастырь одинъ братъ, привелъ съ собою и сына малаго; старецъ потребовалъ отъ него послушанія; когда онъ совсѣмъ расположился, готовъ былъ все исполнить, (а въ это время топилась печь у старца въ полномъ раз-

гарѣ), старецъ говоритъ ему: когда ты хочешь имѣть послушаніе, то брось сына своего въ печь горящую. Онъ нимало не усумнился, — бросилъ сына въ печь, и, о! сила послушанія какъ велика! въ ту жъ минуту печь угасла, и сынъ остался живъ. Подобнымъ образомъ другой старецъ, испытывая своего ученика, велѣлъ бросить въ печь книгу, которую онъ всегда читалъ. Печь прогорѣла, а книга осталась невредима.—Вотъ намъ примѣры послушанія, да и много найдется такихъ. И дѣти бы сохранились на гостиницѣ невредимы, и ты бы исполнила долгъ послушанія, отъ котораго рождается смиреніе; а у тебя напротивъ отъ гордости родилось преслушаніе. Теперь сама смотри свое устройство и впередъ попейсь о исправленіи ко спасенію. О сестрѣ твоей ничего не знаю. Пусть молится Господу, да устроить Онъ ее по волѣ Своей.

Остаюсь желатель твоего спасенія многорѣшный іеромонахъ Макарій.

28 сентября 1859 года.

14.

Что же это значить, почтенная N, отъ чего въ тебѣ такое неустройство, о коемъ ты пишешь въ письмѣ отъ 25 сентября? Сама пишешь, что понимаешь изъ писаній отеческихъ пользу отъ послушанія... Ибо отъ онаго рождается смиреніе, а смиреніе всѣхъ страстей есть губитель. — Явно это происходитъ отъ брани вражіей. Онъ завидуетъ твоей пользѣ и нападаетъ на тебя, какъ пишетъ Θεодоръ Едесскій въ главахъ, которыя я тебѣ давалъ читать. Когда будешь противиться ему, то при помощи Божіей побѣдишь его, а если ты вдашься гордости, то отъ него будешь побѣждена, ибо онъ на гордыхъ имѣетъ силу. Взгляни на прошедшую твою жизнь, какую пользу принесло тебѣ исправленіе тобою правилъ? Не обращая вниманія на нравственность, ты водилась однимъ только мнѣніемъ объ исправленіи и думала, что уже спасаешься, а теперь совсѣмъ другое.

3 октября 1859 года.

часть II.

15.

Почтеннѣйшая о Господѣ N!

Изъ двухъ твоихъ писемъ отъ 17 и 21 ноября вижу коловратность твоего устройства, борьбу и волненіе въ твоихъ предположеніяхъ; все это лишаетъ тебя душевнаго мира и спокойствія. Отчего же это? Явно, что это твой нравственный недугъ. Страсти въ полной мѣрѣ тобою обладаютъ, а паче страсть самолюбія. Ты жила въ мірѣ, основывала свое спасеніе на одномъ исполненіи правила и на постѣ, а о нравственности нисколько не помышляла, и страсти въ тебѣ спали, а когда вышла на подвигъ, то онѣ и возбудились, и возстали на тебя; хотя тебѣ и помогаетъ правильный путь боренія со страстями и на нихъ побѣды—отверженіе своей воли и разума и истинное послушаніе; но врагъ напротивъ вооружаетъ тебя противъ сихъ спасительныхъ дѣйствій, какъ написано у св. Θεодора Едесскаго, въ гл. 40-й и далѣе, о коихъ я тебѣ много разъ писалъ и лично предлагалъ. Ты, принявши злой его совѣтъ, видишь въ М. противное, а когда воспротивилась оному, то пишешь, что получила успокоеніе. Изъ сего ты должна впередъ быть опытною. Ты все увлекаешься своими молитвенными исправленіями; но какую же пользу обрѣла? Много читала, и послѣ умъ помрачился; а надобно раздѣлять время на все. Мы составлены изъ духа и плоти, и должны каждому давать свое дѣланіе; а ты ничего не дѣлаешь, отъ того и впадаешь въ такое смущенное устройство. Надобно непременно чѣмъ нибудь заниматься, т. е. руководіемъ и какимъ нибудь послушаніемъ, чтобы тебѣ и со стороны могли быть какія нибудь толчки, къ познанію своей немощи и къ смиренію. Хорошо правило, постѣ и поученіе въ писаніяхъ, но это воздѣланіе земли и посѣвъ, а когда же будетъ плодъ терпѣнія, смиренія, любви и проч.? И какъ ты оныя стяжешь, не имѣя ни съ кѣмъ соображенія? Имѣя брань

противъ М., ты желала бы жить съ сестрою; но какая бы была тебѣ отъ сего польза? Обѣ вы немощны духовно, и что же бы вы дѣлали? Слѣпецъ слѣпца и водили бы, а тутъ и отъ ямы не далеко. Что это значить, что ты уже ощутила нѣкоторыя мечтанія! Это есть плодъ твоего самочинія, дѣяніе правилъ и протч.; помысль твой влечетъ тебя въ С . . . ; а что бы тамъ нашла! Тоже бы увидѣла въ нихъ немощи и стала бы искать другого мѣста; этимъ предпріятіямъ конца не будетъ, если не смиришь себя покореніемъ М., хотя врагъ тебя и не допускаетъ, но ты не слушай его, а понудь себя, изъ чего ты и сама нашла пользу. Оставь эту мысль, что м. М., интересуется жить съ тобою; она имѣетъ столько, что можетъ прожить и съ двумя келейницами и будетъ спокойнѣе. Ты проси ее, чтобы она тебя не оставила ради твоей пользы. А что это значить жить по сестрински? Это не по ее лѣтамъ и званію; она монахиня и опытная, а ты еще новоначальная и ничего не знаешь; этого и быть не можетъ. Также и отношеніе твое къ м. игуменіи, живши съ м., невозможно; мира не будетъ. Итакъ поручая тебя покрову Божію, остаюсь желатель твоего здравія и спасенія многотрѣшный іеромонахъ Макарій.

30 октября 1859 года.

16.

Христось Воскресе!

Пишешь ты, почтенная N, что не можешь опомниться отъ того, что съ тобою совершилось. Да, жизнь монастырская требуетъ искушенія для познанія намъ своей немощи—и своего устройства. Намъ показанъ путь самимъ Спасителемъ:— «Иго благо и бремя легкое» — отверженіе своей воли и разума; но ты этого не понесла; сила страстей твоихъ, кроющихся въ тебѣ, не допустила, и ты осталась въ рукахъ своей воли и разума: нехорошіе эти руководители! Ты плачешь, что сестра опредѣляется къ и не будетъ жить съ тобою; а между тѣмъ ты съ нею ни въ чемъ не сходишься въ нравахъ и въ дѣйствіяхъ, а тебѣ

по моему мнѣнію необходимо къ совлеченію страстей отвергнуться своей воли и разума... Не говорю, что предъ м., но хотя предъ сестрою и то хорошо, а ты думаешь довольствоваться только откровеніемъ м. игуменіи. Этого одного мало; если открыть свои раны, надобно и лѣкарства на нихъ: укоризну, досаду, поношеніе, насмѣяніе и прочія непріятности для самолюбія и гордости, врачевства которыхъ ты и не будешь имѣть, а будешь обольщать себя, что живешь съ откровеніемъ.

Теперь ты живешь въ одиночествѣ самохотѣнно; надобно управляться и съ дѣвочками и смотрѣть за порядкомъ; достанетъ ли на это тебя? А когда жила съ старшою, то была какъ за каменною стѣною, а какъ будетъ еще тамъ сестра, за которою ты должна надзирать, что—будетъ; тутъ-то и ищи спасенія, но не въ мнимыхъ твоихъ подвигахъ, а въ познаніи своей немощи и въ противленіи страстямъ. Пишешь, что если угодно матушкѣ, пусть все остается по прежнему—только чтобъ тебѣ относиться къ матери игуменіи. Въ чемъ же «состоять по прежнему»? Не въ томъ ли, чтобъ быть съ нею въ смущеніи, и это открывать м. игуменіи? Будетъ ли изъ этого польза—не знаю. Неизвѣстно еще, когда м. возвратится, а ты пока поживи одна. Если мать игуменья благословитъ относиться къ ней съ откровеніемъ,—и увидишь свою пользу или тщету.

Да наставитъ тебя Господь на истинный путь и поможетъ смирившись свободиться отъ страстей. Остаюсь многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

9 мая 1860 года.

Сообщено изъ Оптиной пустыни.

ЧУДЕСНЫЙ ЛОВЪ.

Наставникъ! мы трудились всю ночь и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сѣть. Сълавимъ это, они поймали великое множество рыбы, и даже сѣть у нихъ прорывалась (Лук. 5, 5—6).

Необычайное, чудесное событіе разсказано въ Евангеліи. Иисусъ Христосъ стоялъ однажды у озера Геннисаретскаго. Около Него было множество народа. Народъ тѣснилъ Его, желая услышать слово Божіе. Въ это время у берега стояли двѣ лодки, которыя ничѣмъ не были заняты: рыболовы, вышедши изъ нихъ, вымывали сѣти. Одна изъ нихъ принадлежала Симону рыболову. Чтобы удобнѣе было бесѣдовать съ народомъ, Господь вошелъ въ лодку Симона и просилъ его нѣсколько отплыть отъ берега. Отплыли. Спаситель сѣлъ и началъ учить изъ лодки. Долго ли Христосъ училъ, чему училъ Онъ народъ, Евангелистъ не говоритъ; говоритъ же только о томъ, что произошло послѣ этой проповѣди. Всѣ слушали Господа съ глубокимъ вниманіемъ; слушали Его и рыбаки, не смотря на свою усталость отъ трудовъ цѣлой ночи. Окончивши поученіе, Спаситель говоритъ Симону: «отплыви на глубину и закинь сѣти для лова». Симонъ изумляется такому повелѣнію Господа и говоритъ: «Наставникъ! мы всю ночь съ товарищами трудились и ничего не поймали». Къ тому же, какъ опытный рыболовъ, онъ зналъ, что если ночью не поймано ничего, то днемъ тѣмъ болѣе

трудно что-либо изловить. Однако повинуется Учителю говоря: «но по слову Твоему закину сѣть!» Сѣть была закинута. И вотъ — чудо! Они поймали такое множество рыбы, что даже прорывалась сѣть, справиться съ ней не могли, — пригласили товарищей Иакова и Иоанна, которые находились въ другой лодкѣ, и обѣ лодки наполнили рыбой, наполнили доверху, такъ что лодки даже стали тонуть. — Ловить цѣлую ночь и ничего не поймать, а теперь днемъ, когда обыкновенно рыбаки не ловятъ, — поймать такъ скоро, такъ легко, почти безъ труда и такое множество, — все это такъ подѣйствовало на Симона и другихъ рыбаковъ, что страхъ объялъ его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Сейчасъ же понялъ Симонъ, что съ нимъ Тотъ, Кто выше не только всей твари, но и человѣка; Онъ живо почувствовалъ, что предъ нимъ Господь, Владыка твари, Царь вселенной; что бездны морскія повинуются Ему, и рыбы морскія слушаются гласа Его. И вотъ, въ чувствѣ своего ничтожества, въ сознаниі своего недостойнства, Петръ падаетъ къ ногамъ Христа, говоря: «выйди отъ меня, Господи, потому что я человѣкъ грѣшный!» Но Спасителю грѣшниковъ только и нужно было такое смиреніе, сознание своего недостойнства въ грѣшникѣ. Онъ ободряетъ Симона и общаетъ сдѣлать его ловцомъ человѣковъ, т. е. апостоломъ: «не бойся, отнынѣ будешь ловить человѣковъ», говоритъ Симону Господь. Кончилось все тѣмъ, что рыболовы, оставивши все — и лодки, и сѣти, и даже пойманную рыбу, — всѣ трое: Симонъ, названный впоследствии Петромъ, Иаковъ и Иоаннъ навсегда послѣдовали за Христомъ. Сдѣлались апостолами Его.

Много поучительнаго въ этомъ краткомъ евангельскомъ рассказѣ о чудесномъ ловѣ рыбы; но я намѣренъ остановить ваше вниманіе на одной лишь подробности, а именно: «отчего это Симонъ или Петръ, не поймавшій ничего въ продолженіе ночи, поймалъ вдругъ такъ много тогда, когда вовсе не время было ловить рыбу?» — Отъ благословенія и помощи Божіей. Кто велѣлъ ему заки-

нужь сѣти? Господь... Онъ же, Господь, благословилъ и трудъ его, помогъ ему; а гдѣ сила Божія, тамъ нѣтъ препятствій; гдѣ благословеніе Божіе,—тамъ успѣхъ, радость, счастье.

Въ нынѣшнее время всѣ почти жалуются на дѣла свои, всякій на свое: услышите и отъ ремесленника, что ремесло его идетъ плохо, мало даетъ ему средствъ къ жизни,—и отъ торговца, что не столько пользы, сколько убытковъ терпитъ онъ отъ торговли своей; жалуются родители, что мало видятъ утѣшенія отъ дѣтей своихъ, — что при всѣхъ ихъ стараніяхъ дѣти обнаруживаютъ склонности больше худыя, чѣмъ хорошія,—и устроенныя — мало радуютъ; словомъ, всѣ жалуются на неуспѣшность своихъ дѣлъ и предпріятій. Отъ чего же это? — Видимое дѣло—нѣтъ благословенія Божія надъ нашими дѣлами... А отъ чего его нѣтъ? — Отъ того, что не просимъ его, какъ должно, не заботимся, чтобы оно почивало надъ нами; не на Бога больше полагаемся, но на себя самихъ: на свой умъ, на свое богатство, на людей. «Нѣтъ, у меня не будетъ такъ, какъ у другихъ. Нѣтъ, я дѣло поставлю несравненно лучше. Я приму всѣ мѣры, чтобы не уронить себя!..» говорятъ обыкновенно нынѣшніе самонадѣянные люди. — Что же слышится въ этихъ словахъ? — Гордость, самонадѣянность, надежда единственно на свои силы. Забывается, что мы слабы, немощны, ничтожны, и если что можемъ, то *можемъ* только *все о укрѣпляющемъ насъ Господь!* Не лучше ли бы намъ, не естественнѣе ли твари обратиться къ Творцу, слабому человѣку, въ сознаніи своихъ немощей, обратиться къ Всемогущему Господу, все человеческое поставить ни во что предъ силою Божественною и сказать бы Богу въ сердцѣ своемъ такъ: «я слабъ и немощенъ, Господи; Ты моя крѣпость и сила; на Тебя вся надежда: всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный отъ Тебя одинаго исходить!» — Да, скажите такъ, предайтесь въ волю Божію—и вы увидите въ жизни своей другое... Ахъ, какъ часто молитва въ тишинѣ домашней, или

слезная, усердная молитва въ храмѣ предъ тѣмъ или другимъ дѣломъ дѣлаютъ то, что всѣ препятствія человѣческія рушатся сами собою, доброе желаніе исполняется, и въ концѣ получается то, чего прежде и на мысль не могло притти.—Вотъ, бѣжить изъ дома родительскаго отъ брата своего Исава кроткій Іаковъ, сынъ Исаака,—ушелъ онъ изъ дому безо всего, только съ однимъ посохомъ въ рукѣ,—но у него была твердая надежда въ сердцѣ на Бога. И что же? Этотъ, неимущій ничего, на дорогѣ, въ полѣ видитъ во снѣ,—въ видѣніи,—Господа, Который утѣшалъ, ободрялъ и благословлялъ его. А прошло 20 лѣтъ, и этотъ ничего неимѣвшій изгнанникъ возвратился въ домъ родительскій съ огромнымъ богатствомъ, наслѣдовалъ еще богатство отцовское, имѣлъ двѣнадцать сыновей, изъ которыхъ Іосифъ сдѣлался спасителемъ народа отъ голода, а Іуда родоначальникомъ парей Еврейскихъ, — родоначальникомъ Самого Христа! Видите, что дѣлаетъ надежда на Бога.

Не будьте самонадѣянны; дѣлайте все съ благословенія Божія. Каждый, начиная всякое свое доброе дѣло, прежде всего помолись хотя только въ душѣ своей, чтобы Господь благословилъ твое дѣло, помолись съ твердой вѣрой, призови съ благоговѣніемъ имя Божіе, осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, — и благословеніе Божіе низойдетъ на тебя и на твое дѣло; оно низойдетъ, конечно, невидимо, но сила его не замедлитъ обнаружиться и успѣхомъ видимымъ. А чтобы успѣхъ былъ несомнѣннѣе, и самое благословеніе Божіе очевиднѣе, прибѣгай къ помощи святой Церкви: Церковь есть хранительница различныхъ благодатныхъ даровъ, въ томъ числѣ и благословеній Божіихъ. Вотъ почему св. Церковь и имѣетъ у себя готовыя молитвословія на всѣ замѣчательные случаи нашей жизни. Научая чадъ своихъ молитвою начинать каждый день и каждое свое дѣло, какъ бы оно незначительно ни было, молитвою же заповѣдуетъ она намъ начинать и оканчивать ученіе, строить домъ и входить въ него, отправляться

въ дальній путь или предпринимать какое-либо важное въ нашей жизни дѣло; на всѣ эти случаи есть свои особыя молебныя пѣнія. И Самъ Господь во св. Евангеліи говоритъ: *просите, и дастся вамъ* (Мѡ. 7, 7). *Вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко приѣмлете, и будетъ вамъ* (Мѡ. 11, 24).

Хорошо еще и потому при началѣ всякаго дѣла испрашивать Божія благословенія, что узнаешь достоинство самаго дѣла, — узнаешь, стоитъ ли дѣло того, чтобы его начинать... Обращаясь къ Богу за благословеніемъ при началіи недобраго дѣла, — ты тотчасъ почувствуешь обличеніе въ своей совѣсти, страшно будетъ тебѣ сказать: *Господи, благослови!* когда самъ увидишь, что къ твоему дѣлу примѣшался грѣхъ. На всякое худое, грѣховное дѣло не можетъ быть Божія благословенія. И ты поэтому оставишь свое нечистое намѣреніе, если совѣсть, просвѣщенная молитвою, укажетъ тебѣ въ немъ что-нибудь грѣховное; или попросишь Божіей помощи очистить свое дѣло отъ примѣси грѣха, попросишь благословенія Его исполнить дѣло со всею чистотою сердца, со всею прямою и честностью помышленій, лишь къ истинному благу твоему и благу твоего ближняго.

Такъ полезно и такъ спасительно начинать всякое дѣло съ благословеніемъ Божіимъ! Не даромъ же благочестивые наши предки ни одного дѣла не начинали безъ благословенія Божія. И не даромъ также всегда въ Церкви все начинается съ благословенія Божія. Помните и храните этотъ обычай прекрасный и истинно христіанскій. Предъ началомъ всякаго дѣла, даже маловажнаго, сотворивъ крестное знаменіе, говорите: *Господи, благослови!* А предъ всякимъ болѣе важнымъ дѣломъ усердиѣ молитесь дома, въ уединеніи, — прибѣгайте къ молитвамъ церковнымъ. И тогда, будьте увѣрены, всякое дѣло, при помощи Божіей, будетъ спориться въ рукахъ вашихъ, и будетъ успѣхъ во всемъ, подобно тому, какъ былъ успѣхъ въ рыбномъ ловѣ у св. апостоловъ, по благословенію ихъ Исусомъ Христомъ.

Къ сожалѣнію, въ наше время люди, зараженные ложною мудростью, мало придають значенія этой заботливости о насъ св. Церкви, мало соблюдаютъ заповѣдь ея— все начинать съ молитвою и благословеніемъ Божиимъ. Увѣренные въ своихъ только силахъ, или надѣясь на людей же покровителей, болѣе сильныхъ, чѣмъ сами, они менѣе всего ожидаютъ успѣха въ своихъ предпріятіяхъ отъ Бога или даже вовсе не вѣрятъ въ помощь Божію; за то не много же удачь и счастья мы видимъ въ жизни и дѣлахъ ихъ! Да! не напрасно слово Божіе: *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудитася зиждущій*, т.-е. если не благословитъ Господь нашего дѣла или предпріятія, напрасны будутъ и наши труды.

Да посудите и сами, разумно ли безъ Божія благословенія начинать дѣло, хотя бы и легко его можно было исполнить, хотя бы оно и не важно было. Мы, вѣдь, всѣ знаемъ, что во всемъ зависимъ отъ Бога: Онъ есть Владыка и верховный Обладатель и Распорядитель всего міра, всякаго человѣка, всѣхъ дѣлъ, трудовъ и начинаній нашихъ. Когда слуга или рабъ, не спросясь съ своимъ господиномъ, начинаетъ хозяйничать въ его домѣ, кто не назоветъ его безразсуднымъ?— Безъ сомнѣнія, тѣмъ болѣе неестественно, тѣмъ болѣе неразумно поступаетъ тотъ, кто въ мірѣ — въ этомъ великомъ домѣ Божиимъ—хочетъ дѣлать что-нибудь, не испросивъ соизволенія и благословенія верховнаго Распорядителя и Всевидащаго Владыки— Бога!

Не слушайте не менѣе безумныхъ толковъ этихъ же современныхъ умниковъ - маловѣровъ, которые говорятъ еще: «а зачѣмъ же намъ даны и умъ, и руки, и силы, если все Богъ, да Богъ?»— Скажите имъ, что искать благословенія Божія не значитъ отказываться отъ своего ума, отъ своихъ рукъ и силъ, отъ своихъ способностей. У всякаго человѣка всѣ его способности, его разумъ и его силы не отнимаются въ его дѣлахъ и предпріятіяхъ помощію и благословеніемъ Божиимъ, но возбуждаются, на-

правляются и укрѣпляются лишь необходимою намъ силою Божественною... Вѣдь, признаютъ же эти мудрецы: «умъ хорошо, а два лучше»; стало быть, умъ одного человѣка не всегда для него достаточенъ! Не могутъ они отвергнуть и того, что каждый изъ насъ, на каждомъ почти шагу жизни, не можетъ обойтись безъ пособія другихъ людей. А если намъ нужны и умъ, и помощь человѣческія, то во сколько нужнѣе и полезнѣе для насъ должна быть всеильная помощь Божія, Его Премудрости и Всемогушества?!.. И благословіе Божіе, испрашиваемое при началѣ дѣлъ, и имѣетъ именно тотъ смыслъ, чтобы получить высшее вразумленіе для нашего ума и высшее укрѣпленіе для нашихъ силъ. Какъ Всевѣдущій и Премудрый, Богъ лучше насъ знаетъ, какими средствами, какими путями привести насъ къ желаемой доброй цѣли. Какъ Всеблагій и Всемогушій, Онъ больше насъ самихъ желаетъ намъ счастья, устрояетъ все благопотребное для жизни нашей, предупреждаетъ даже прошенія наши, когда они касаются славы Его имени, блага ближнихъ и блага нашего.

«Гдѣ Богъ», разсуждаетъ святитель Димитрій Ростовскій, «тамъ и все доброе; а гдѣ нѣтъ Бога, тамъ все злое. Съ кѣмъ есть Богъ, тотъ все доброе дѣлаетъ, и все доброе съ нимъ дѣлается; а съ кѣмъ нѣтъ Бога, тотъ дѣлаетъ все злое, и съ нимъ все злое дѣлается. Если Богъ съ нами, кто же на ны (Рим. 8, 31); если же нѣтъ Бога съ нами, то всѣ враги наши возстаютъ на насъ и одолеваютъ насъ». Какъ же поэтому не отдаться промышленію такого Всеблагого и Всемогушаго Существа? Какъ дерзать, вопреки собственному счастью, жить и дѣйствовать по своей только грѣшной волѣ и по своимъ лишь ошибочнымъ мудрованіямъ?—Нѣтъ, да не будетъ сего съ нами! Скажу еще болѣе: мало только просить и искать Божія благословія, Божіей помощи. Его благословіе, Его помощь всегда готовы; но чтобы заслужить и получить эти благословіе и помощь, отъ насъ требуется нѣчто боль-

шее молитвы о нихъ и сознанія нужды въ нихъ. Что же именно? Это полная вѣра, совершенная покорность Господу Богу, послушаніе Его слову, Его заповѣдямъ, какъ показываетъ это и ап. Петръ своимъ примѣромъ. Ап. Петръ, какъ опытный рыболовъ, зналъ, что не время лова рыбы, когда велѣлъ закинуть сѣть Господь; однакоже не воспротивился Господу и, несмотря на безуспѣшность трудовъ цѣлой ночи, закинулъ теперь снова сѣть единственно «по слову Господа». Послушался онъ воли Господа, и вотъ какой плодъ послушанія: поймалъ столько, что едва могли вытащить!.. Если бы и намъ, вмѣсто гордой самонадѣянности и дерзкаго умничанія, приобрѣсти такой же духъ полной покорности Богу, смиреннаго послушанія Его слову; тогда—вѣрьте—благословеніе Божіе не отступило бы отъ насъ, и Самъ Богъ помогаль бы намъ во всемъ добромъ и полезномъ.

Свящ. Георгій Раевскій.

ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ,
Епископа Пензенскаго и Саратовскаго,
къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской и
князю и княгинѣ Мещерскимъ.

П и с ь м о 1-е.

Графинѣ Орловой А. А.

Возлюбленная о Господѣ графиня Анна Алексѣевна!

Меня увѣдомили и увѣрили, что на сихъ дняхъ вы должны принести благодареніе Господу Богу за прошедшій годъ и просить благословенія небснаго на новый! Ничего не смѣю желать отъ Господа, какъ Его благословенія на васъ, на весь домъ вашъ, на всѣхъ окружающихъ васъ, знаемыхъ и незнаемыхъ, на всѣхъ подчиненныхъ вашихъ. Новое лѣто жизни вашей обновить новыми трудами во славу Господа Иисуса Христа! Обновится сердце ваше, обновится мысль, обновится все окружающее васъ. Я говорю—*обновится*—поелику въ любви возрастной ко Иисусу Христу все иначе видите, нежели безъ любви. Вамъ нужно болѣе тишины отъ шума, постоянной единообразности отъ разсѣянія, мирнаго покоя отъ тревогъ житейскихъ. Успокойтесь, графиня, съ Господомъ Иисусомъ Христомъ наединѣ. Пусть выкатится слеза! ee увидитъ Иисусъ Христъ. Мнѣ очень пріятно видѣть въ вашемъ письмѣ, что сухость миновалась раствореніемъ или умягченіемъ сердца. Берегите сію жемчужину, она очень дорога! Не слишкомъ любуйтесь ею, иначе — отыметса. Но приемля въ тишинѣ и кротости духа, благода-

рите возлюбленнаго Иисуса Христа и благоговѣйте предъ Нимъ; считайте себя недостойною толикой милости и мысленно повергнитесь предъ Нимъ ниже всѣхъ людей: смиреніе наше должно простираться до той глубины, гдѣ мы должны видѣть себя ниже всѣхъ. Теперь, если сіе уединенное собесѣдованіе съ Господомъ будетъ нерѣдко повторяемо, утвердится на васъ милость Его ниспосланная и возрастетъ въ другую высшую. Ей, графиня, работать надъ собою надобно, но потихоньку, понемногу только трудиться, ибо путь узокъ и тѣсенъ къ царствію. Господь Самъ простираетъ руку Свою и ведетъ или влечетъ cadaго, но и намъ итти надобно, повиноваться влеченію, отдалять препятствія; молиться, чтобы послалъ руку Свою на очищеніе грѣховъ ежедневныхъ и ежеминутныхъ. Намъ много очищаться должно, чтобы удостоиться ощутительной Его благодати, ибо очень засорено, и каждый очень много засариваетъ наше сердце. Да и самое сердце, грубое сердце, къ чему-нибудь привязано земному, а тайно къ самому себѣ; сія привязанность препятствуетъ единенію съ Господомъ. О, если бы мы перестали любить себя скрытно и тонко, то, конечно, стали бы любить болѣе—и единственно—Господа. Страшно, какая хитрость въ насъ самихъ—для насъ же! Хотимъ вытти изъ своего самолюбія, разрѣшиться отъ узъ гордости,—и въ то же время обращаемся на себя, хвалимъ себя, трубимъ передъ собою. Хотимъ совершенно предаться Господу, и, повидимому, предаемся; но въ то же время смотримъ на себя, какова наша преданность, какъ намъ полезна, какъ трудна, какъ мы дѣйствуемъ. О! передъ Господомъ надобно забыть себя, дабы съ Нимъ быть: надобно забыть все, дабы всесовершенно Ему предаться и съ молитвеннымъ благоговѣніемъ повергнуться къ Его стопамъ и повергнуть все, какъ бремя, съ плечъ своихъ, какъ ношу, подъ кою мы страдаемъ.

Вотъ вамъ маленькая посылочка на новый годъ, на тезоименитство Анны.

Письмо 2-е.

Авг. 5 дня 1829 г.

Возлюбленная о Господѣ графиня Анна Алексѣевна!

Вчерашній день я получилъ Господа Иисуса Христа изображеніе; какая благодарность за неоцѣненное сокровище, какія могутъ быть слова за неизреченное Слово? Благодарю Тебя, Господи, что посылаешь чувства и мысли избраннымъ Твоимъ къ прославленію великаго и чуднаго имени Твоего. Получивши, я подивился, что такъ скоро изображеніе написано и такъ цѣло и чисто доведено. Господь хранить, дѣйствуетъ, творить, водить, повелѣваетъ и совершаетъ все руками, силами, умами или мыслями человѣческими, когда и гдѣ восхоцетъ. Царство Его всѣми обладаетъ!

Такъ, ваше сіятельство, сознавайтесь простѣе и смиреннѣе, но въ тишинѣ, въ покоѣ, а не въ смущеніи, а не въ тяжелой торопливости и излишнемъ рвеніи. Все должно расти постепенно, потихоньку. Ничему не можно быть внѣ законовъ постепенности, внѣ законовъ покоя, въ коемъ Богъ почиваетъ. Онъ Самъ есть *покой*, а потому и намъ въ покоѣ къ Нему итти должно. Чтобы не оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, не сдѣлавши впередъ ни шагу, идите каждый день понемногу. Забудьте за собою каждый день, что дѣлаете, что дѣлали и что сдѣлали. Каждый день поставляйте себя предъ Господомъ, сколько можете въ правосудіи, въ чистотѣ совѣсти, въ простотѣ мыслей. Повторяйте пресвятое имя Его со страхомъ и любовію, какъ можно чаще наединѣ, или, при людяхъ, въ умѣ.

Сдѣлайте милость, берегитесь наружности: она обнажаетъ сердце и открываетъ врагу способъ выкрадывать все духовное сокровище. Любите, графиня, хранить драгоценности взаперти, въ тайныхъ или скрытыхъ мѣстахъ. Жемчужина и брилліантъ не валяются, ихъ убираютъ съ

осторожностію и хранять съ прилежаніемъ. О! сколько дороже, блистательнѣе, чище жемчужина молитвенная и брилліантъ духовный! Какъ она бѣла и чиста, какъ онъ свѣтитъ и блистаетъ! Имя Исуса Христа, какъ брилліантъ, не угасаетъ въ сердцѣ, если засвѣтится любовію; какъ жемчужина въ душѣ лежитъ и украшаетъ тишину духовную, если бдительнымъ вниманіемъ къ молитвѣ пріобрѣтается. Пріобрѣтается и то, и другое. Потерпи, Господи! потерпи, Господи! и услышитъ, и придетъ, и вселится! Не можно, повторяю, возлюбленная о Господѣ графиня, не можно спѣшить тамъ, гдѣ едва ползти можно. Летаютъ птицы, люди ходятъ; а намъ хотя бы съ насѣкомыми досталось чуть-чуть передвигаться по узкому и тѣсному пути Божію: о семъ позаботимся, о семъ помолимся, сего поищемъ.

Письмо 3-е.

Князю Мещерскому.

Ваше любезное письмо срѣтило, или, лучше сказать, нашло меня въ Пензѣ; на него вы не получили отвѣта. Множество хлопотъ удерживали отъ того и руки, и голову. Господь Исусъ Христосъ да укрѣпитъ васъ на пути Своемъ, конечно, узкомъ и тѣснымъ. Мірскія отличія, коими почтены всѣ окружающіе васъ, вопреки общему желанію, васъ не достигли. Что нужды? Правда, едва ли я въ томъ не участвую, ибо вы весьма много во мнѣ принимали участія. Мой любезнѣйшій! обратите и это въ благое душѣ вашей. Терпѣніе, какъ твердыня, укрѣпитъ васъ передъ Господомъ въ благодарности и за сіи небесныя милости, и за земныя немилости или неблаговоленія. Чѣмъ кто ближе къ Господу, тѣмъ болѣе чувствуетъ скорбей на землѣ. У меня живетъ одинъ послушникъ Тихонъ Смирновъ, который писалъ бумагу въ Синодъ въ видѣ жалобы на Пензенскую консисторію; онъ проповѣдуетъ всеобщее

покаяніе, *«ибо близъ есть, при дверехъ!»*, повторяетъ онъ. «Еще 7 лѣтъ, и что будетъ?»;—а мы вѣрующіе должны говорить и чувствовать — еще 7 минутъ, и что будетъ, кому достанется—и чего ожидать на этой землѣ, какъ не разрушенія всего? О, князь, будемъ молиться, чтобы Господь всѣхъ вразумилъ не раздѣляться, но въ любви итти къ Нему; чтобы великіе и мудрые съ низкими и глупыми нами, соединясь и сердцемъ, и духомъ, все творили къ славѣ Господа нашего Іисуса Христа!

Пензенская квартира походить на шалашъ. Но страннику и того довольно. Консисторія хочетъ изъ шалаша сдѣлать домъ и имѣть на то деньги! Вотъ и опасность, чтобы постоянный дворъ не превратился въ постоянный домъ, въ любимое жилище.

Письмо 4-е.

Іюля 1819 г.

Возлюбленный о Господѣ Петръ Сергѣевичъ!

Не только мы—грѣшники, прикованные къ землѣ и со всѣмъ земляные, но и пророкъ Давидъ жаловался то на плоть свою: «нѣсть исцѣленія въ плоти моей», то на міръ: «весь день боряху мя врази мои», то на всѣхъ враговъ совокупно: «увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися». Да что и слѣдовать за подражателями, за крестоносцами учениками? Самъ Подвигоположникъ—Крестоносецъ—Учитель молился, «да мимо идетъ чаша сія!»—чаша искушений, скорбей, трудностей, отъ коихъ Онъ тужилъ и сѣтовалъ душею. Ахъ, ваше сіятельство, можно ли въ мірѣ зла быть безъ зла? Тѣ ошибаются, которые думаютъ не тѣснымъ и не прискорбнымъ путемъ достигнуть царствія. Безъ тѣсноты и притѣсненія мы очень широки—нѣтъ покорности и смиренія истиннаго. Безъ скорби нѣтъ истинной духовной радости. Всегда спокойны среди мятежа, воздвигаемаго на землѣ страстями и проч., не знаемъ и не слышимъ мятежа, — слѣдственно, не тутъ же ли, не

вмѣстѣ ли съ прочими шумимъ, мятемся, волнуемся и не помнимъ, и не можемъ разобрать, что такое страстный мятежъ и что спокойствіе. Горе намъ, горе намъ, покоющимся и благоденствующимъ нынѣ, за то, что духъ, развлеченный дѣлами, неудовольствіями, суетами, неисправностями, неловкостію—страждетъ, оскорбляется. Но скорбь—знакъ самолюбія. А это корень всякаго зла. Его исторгаетъ только державная рука (ибо самолюбіе державствуетъ надъ всѣмъ человѣкомъ), державная вышняя—Господня. Разсѣянность—конечно, отъ нашей слабости, которая также рождается или отъ любви къ плоти, или отъ любви къ міру, или вообще отъ любви къ себѣ. Жаль, что мы считаемъ разсѣянностію дѣла по должности! Они не разсѣянностію, но обязанностію нашею будучи поставлены,—слагаютъ совокупно крестъ, приспособленный раменамъ и силамъ нашимъ. Они, если будемъ стараться поднять ихъ до конца,—такъ же обременяютъ насъ, какъ Великаго Крестonosца; и нужно будетъ просить помощи, дабы кто-нибудь пособилъ тащить на гору, на то высокое преспѣяніе, гдѣ оканчивается возможное исполненіе должности. О, какъ возможно безъ Господа что сдѣлать, чему-нибудь сдѣлаться или случиться съ нами? И какъ возможно итти за Нимъ не по слѣдамъ Его? Не думайте, князь, что ваша молчаливость есть недостатокъ, ваша тихость какъ будто слабость, ваша кротость какъ будто незнаніе. Нѣтъ, въ царствіи Божіемъ это не такъ цѣнится. Берегите сіи дары: они очень многоцѣнны. Обрабатывайте ихъ усугубленіемъ. Пусть міръ смѣется, пусть презираетъ, пусть даже лишаютъ должности! Вамъ свое обрабатывать надобно. А ваша собственность есть сія. Господь (а по свѣтскому природа), надѣливъ васъ сими дарами, поставилъ въ кругу такомъ, гдѣ бы они могли усовершенствоваться столько, сколько требуетъ *мра возраста Христова*. Вотъ мое мнѣніе, грѣшное и грубое, о вашемъ положеніи.

Письмо 5е.

Княгиня Мещерской.

Дѣло, княгиня: вы прислали къ нищему за милостыней, да еще такому нищему, который не сознается въ нищетѣ, хотя ни одной крошечки изъ-подъ стола Господа не удостоивался. Примѣтно, вы хотѣли уединеніемъ приблизиться къ единенію и найти Единого Возлюбленнаго. Нѣтъ, этотъ внѣшній путь такъ же далекъ, какъ и всѣ прочіе: надобно искать уединенія внутри себя.

Правда, врагу непріятно, что вы нашли тихій уголокъ, время для молитвы, удобность для созерцанія, потому онъ, безъ сомнѣнія, кинулъ на васъ другія сѣти, чтобы вы менѣе могли примѣтить и, вѣрно, не примѣчаете. Теперь Господу непріятно, что душа запутана сѣтями вражьими и не распутывается, не хочетъ изъ нихъ вырваться, или хочетъ, но не вполнѣ, а наипаче не просить силъ отъ Десницы, разрушившей державу смерти, сирѣчь діавола.

Все *летитъ*, или все *течетъ*. Чтобы не летѣла душа, надобно остричь крылья или совсѣмъ отсѣчь. Чтобы не текла вода, надобно положить плотину. Сама природа или Господь во гласъ всѣхъ тварей научаетъ насъ и посрамляетъ гордость нашего сердца и разума. Кромѣ души—воображеніе, плодовитое мыслями; мыслей умноженіе или увлеченіе добромъ съ преемствомъ злымъ происходитъ изъ поврежденной или порочной памяти. Теперь, чтобы составить лѣкарство для душевной слабости, нужно взять такой составъ, который бы дѣйствовалъ частію на воображеніе и частію на память. Невозможно однакожь было бы всегда изыскивать приличныхъ и годныхъ средствъ для онаго состава, если бы мы не хотѣли терпѣть—въ терпѣніи ожидать, когда посѣтитъ Господь Своею милостію и уврачуеетъ насъ, какъ вѣдаетъ. Слѣдственно, 1-й способъ—*благодарше* въ сей слабости и *упованіе*, что, когда придетъ врачъ, а онъ, вѣрно, придетъ, исцѣлитъ страждущую.

Между тѣмъ, чтобы болѣзнь болѣе не умножалась, выберите себѣ одну какую-либо *краткую молитву* и долѣе держите на ней все вниманіе, не пускайте и прекрасной мысли, пусть все стоитъ, пусть остановится и воображеніе и память; можетъ быть, нужно будетъ съ нѣкоторою тяжестью останавливать и дыханіе. Берегитесь, терпите: имя Іисуса Христа, какъ пламенное оружіе въ рукахъ серафима, не пустить въ сердце никакой скверны, никакого земного падшаго существа, колыми паче змія.

Знаю, что сперва покажется работа сія чувственною, но что жъ дѣлать; она скоро будетъ очищать чувства и очищаться отъ земляности, если не охладѣтъ наша любовь къ призываемому имени. О, пусть одно имя, одно великое, неопѣненное *имя* лежитъ въ сердцѣ, пусть одно оно, безъ всякой мудрости, безъ всѣхъ созерцаній, безъ всѣхъ глубокихъ блистательныхъ мыслей, которыя суть обманчивые огни или звѣзды князя поднебснаго; пусть, говорю, одно имя Возлюбленнаго и не болѣе — будетъ и въ умѣ, и въ памяти, и въ воображеніи, и въ очахъ, и въ ушахъ, и на кровѣ дома, и на дверяхъ, и на постели, и за столомъ, и вездѣ! О, возлюбленное, святое, страшное, великое,—вѣчную жизнь дающее имя укрѣпитъ умъ вашъ на враговъ, только какъ можно тише, спокойнѣе, благоговѣйнѣе приближайтесь къ нему. Оно есть также огонь поядающій все — но и угашаемый въ насъ нашимъ нерадѣніемъ. Оставьте-ка на нѣсколько часовъ всѣ прежнія занятія и дайте дышать сердцу однимъ возлюбленнымъ именемъ; предварительно принести сознаніе, что во всемъ существѣ—во всѣхъ дѣлахъ, хотѣніяхъ и мысляхъ нашихъ ничего нѣтъ, кромѣ грѣховной гнусности. Вѣрно, что почувствуете исцѣленіе, хотя въ то же время сознаюсъ и раскаиваюсъ въ гордости моей, которая заставила написать, что вѣрю.

Къ тому же нужно какъ можно болѣе однообразія въ занятіяхъ и правильности, дабы самую неправильностію мысль не разсѣивалась (что сказать разнообразіемъ или

добровольною разсѣянностію). Если единообразіе приведетъ въ слезамъ, благодарите Великаго Подателя сей великой милостыни и дайте имъ свободу; но отнюдь не дѣлайте принужденія, когда текутъ; и не слишкомъ наслаждайтесь ими, поелику очень сладки.

Іюня 15 дня 1817 года.

Сообщила игуменія Магдалина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ возраженій противъ религіознаго воспитанія дѣтей.

Если бы всѣ существенныя и важнѣйшія потребности человѣка въ продолженіе его жизни находили полное удовлетвореніе, вслѣдствіе ли естественнаго и правильнаго развитія его тѣла и духа, или вслѣдствіе напряженной дѣятельности самого человѣка, то и въ этомъ случаѣ могла бы возникнуть въ человѣкѣ религіозная потребность. Если бы человѣкъ былъ вполне доволенъ, счастливъ и блаженъ, то и тогда, несомнѣнно, чувствовалъ бы въ себѣ глубокую потребность искать опоры въ Существоѣ высочайшемъ и совершеннѣйшемъ, Которое, сотворивъ міръ, охраняетъ его и управляетъ имъ, въ частности заботится о жизни и благѣ каждаго человѣка, и въ общеніи съ Которымъ послѣдній надѣется найти полное удовлетвореніе всѣмъ своимъ высшимъ стремленіямъ. Но въ дѣйствительности ни стремленія нашего сердца, ни стремленія нашего ума не находятъ полнаго удовлетворенія. «Слабымъ и беспомощнымъ существомъ является человѣкъ въ міръ и всю жизнь проводитъ среди заботъ и огорченій. Сердце его стремится къ счастью и миру, но ничто на землѣ не можетъ дать его желаніямъ прочнаго и полнаго удовлетворенія. Бренно его тѣло, ограниченъ его умъ, слабы силы, недолговѣчна его жизнь. Ни на что въ мірѣ онъ не можетъ положиться съ увѣренностью. Все въ немъ и вокругъ него измѣнчиво и переходяще. Пристращается ли онъ сердцемъ къ чувственнымъ наслажденіямъ,—ему грозитъ пресыщеніе, болѣзнь и смерть;

погружается ли въ глубины науки,—его мучать противорѣчія и сомнѣнія; посвящаетъ ли себя практической дѣятельности,—доля его—тяжкій трудъ и безплодные усилія. Самое честное стремленіе встрѣчаетъ неодолимыя препятствія и затрудненія; въ самомъ вѣрномъ, повидимому, расчетѣ оказывается ошибка, самыя чистыя намѣренія бывають осмѣяны и поруганы. Всѣ земныя опоры нашего счастья не вѣрны, будемъ ли мы читать ихъ въ самихъ себѣ, въ другихъ людяхъ, или во внѣшнихъ благахъ. И если обратимъ взоръ на жизнь цѣлыхъ народовъ, всего человечества, то гдѣ мы найдемъ неомрачаемое и постоянное счастье?

Такъ какъ, съ одной стороны, ни въ чемъ земномъ человѣкъ не можетъ найти полнаго удовлетворенія высшимъ стремленіямъ своего духа, а съ другой—все земное напоминаетъ ему о его безсиліи и зависимости, то онъ обращаетъ взоръ свой къ Богу, къ тому всесовершеннѣйшему Существо, въ общеніи съ Которымъ человѣкъ испытываетъ полное духовное удовлетвореніе, находитъ свое полное счастье и блаженство, и свою независимость, и свободу отъ всего временнаго и тлѣннаго (Псал. 72, 25, 26),—Которое обладаетъ не только совершенною силою и могуществомъ, но и совершенною премудростью и благостью. И такъ какъ здѣсь на землѣ человѣкъ не имѣетъ вѣчнаго пребыванія и не находитъ ни невозмущаемаго блаженства, ни достаточнаго просвѣтлѣнія ума, ни удовлетворенія своему нравственному сознанію, то онъ возлагаетъ надежду свою на жизнь за гробомъ, на ту жизнь, въ которой онъ ожидаетъ исполненія всѣхъ своихъ желаній, разрѣшенія всѣхъ загадокъ, примиренія всѣхъ несогласій.

Вышесказанное показываетъ намъ, что человѣкъ вообще имѣетъ потребность въ религіи. Какъ же воспитатели относятся къ этой природной потребности? Прежде всего замѣтимъ, что имъ не слѣдуетъ пренебрегать этой потребностью, не слѣдуетъ подавлять ее или давать ей ложное

направленіе; задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать всѣ стороны развитія, лежащія въ человѣческой природѣ, и каждую вести прямымъ путемъ къ своей цѣли. Какъ мы стараемся удовлетворить умственнымъ, нравственнымъ и эстетическимъ потребностямъ ребенка, сообщая ему знанія, развивая въ немъ убѣжденія и художественный вкусъ, такъ точно мы должны содѣйствовать и его религіозному стремленію, давая ему совершеннѣйшее понятіе о Богѣ и божественныхъ предметахъ. Какъ мы не ожидаемъ, что дитя само собою приобрѣтетъ тѣ знанія, навыки и качества сердца и характера, которые могутъ развиваться въ немъ по природнымъ его способностямъ, такъ не можемъ ожидать, что каждый человѣкъ, предоставленный собственнымъ своимъ силамъ, начнетъ снова процессъ правильнаго религіознаго развитія, совершавшійся въ человѣчествѣ, или пройдетъ всѣ его фазы; на это не стало бы никакой человѣческой жизни. Въдѣ воспитаніе и существуетъ для того, чтобъ передать подрастающему поколѣнію все, что есть лучшаго и совершеннѣйшаго въ умственномъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніи. При этомъ оно, конечно, должно сообразоваться съ естественнымъ ходомъ человѣческаго развитія, но вмѣстѣ съ тѣмъ дать этому ходу болѣе прямое направленіе и ускорить его. Воспитаніе есть, такъ сказать, сокращеніе и ускореніе процесса общечеловѣческаго развитія. Истины, которыми уже владѣетъ все старшее поколѣніе, должны послужить на пользу и подрастающему»¹⁾).

Здѣсь умѣстно разсмотрѣть возраженія Руссо и его послѣдователей противъ религіознаго воспитанія дѣтей. Исходя изъ той мысли, что ребенокъ, вслѣдствіе ограниченности своихъ способностей, можетъ понимать только видимый, чувственный міръ,—что ему недоступны «чисто интеллектуальныя понятія», что верховное Существо, не-

¹⁾ *Диттесъ* Очеркъ практ. педагогики. Перев. Паульсона, стр. 305 и д.

видимое и непостижимое ни однимъ изъ нашихъ чувствъ, не можетъ быть доступно пониманію ребенка,—Руссо находитъ невозможнымъ говорить дѣтямъ о Богѣ и Его свойствахъ: ученіе о Богѣ, существѣ духовномъ, вѣчномъ, вездѣсущемъ, всемогущемъ, имѣетъ смыслъ только для философа и непостижимо «для молодого ума, занятаго еще первыми дѣйствіями своихъ внѣшнихъ чувствъ». Руссо думаетъ даже, что тѣ, которые заботятся о пробужденіи религіознаго чувства въ дѣтяхъ и раскрытіи имъ истиннаго понятія о Богѣ, только вредятъ ихъ религіозному воспитанію, препятствуя имъ сдѣлаться впоследствии истинно религіозными людьми. «Хотятъ сдѣлать дѣтей набожными, говоритъ Руссо, ихъ ведутъ въ церковь, гдѣ они должны скучать. Заставляя ихъ бормотать нескончаемыя молитвы, ихъ заставляютъ считать за счастье, когда они могутъ не молиться Богу... Ребенокъ, когда говоритъ, что вѣруеть въ Бога, то не въ Бога онъ вѣруеть, а въ какого-нибудь Петра или Якова, который ему сказываетъ, что есть нѣкоторое существо, которое называется Богомъ, и онъ вѣритъ на подобіе Еврипида, который сказалъ: о Юпитеръ! о тебѣ не знаю ничего, кромѣ одного названья твоего!... Въ младенчествѣ разумъ человѣческой не въ силахъ производить нужныя сужденія для признанія Божества. Напрасно полагаютъ, будто семилѣтнія дѣти имѣютъ эту способность, а я не полагаю въ нихъ оной и въ пятнадцать лѣтъ... Лучше не имѣть никакого понятія о Богѣ, нежели имѣть понятія низкія, оскорбительныя для Него и недостойныя Его; меньшее зло не знать Его, нежели богохульствовать... Величайшее зло, которое происходитъ изъ нелѣпыхъ образовъ, которые запечатлѣваютъ въ умѣ дѣтей, состоитъ въ томъ, что они въ дѣтяхъ остаются на всю жизнь и бываютъ причиною того, что многіе, и достигнувъ зрѣлаго возраста, представляютъ Бога такимъ, какимъ они представляли Его себѣ въ дѣтствѣ»¹⁾).

¹⁾ Руссо Емилъ стр. 228.

Но эти возраженія Руссо противъ религіознаго воспитанія дѣтей не обладають достаточной основательностью. Не отрицаемъ, что въ словахъ Руссо есть доля правды. Такъ не подлежитъ сомнѣнію, что силы дѣтей слишкомъ слабы для пониманія высокихъ религіозныхъ истинъ, что представленія дѣтей о Богѣ и Его совершенствахъ бываютъ очень ограниченны и недостаточны: возвыситься до чистаго понятія о Богѣ они не могутъ. Несоизмѣримость высокаго и таинственнаго содержанія религіи съ дѣтскими силами и способностями воспріятія этого содержанія поражаетъ воспитателя особенно при началѣ религіознаго воспитанія. Поэтому-то г-жа Неккеръ-де Соссюръ, приступая къ изложенію ученія о религіозномъ воспитаніи, и говоритъ: «Когда я хочу говорить о религіи, какой-то страхъ овладѣваетъ мною: величіе предмета меня изумляетъ и останавливаетъ, слабость возраста, который я имѣю здѣсь въ виду, меня озабочиваетъ. Какъ сказать, что я совѣтую представить скудному понятію младенца трехъ или четырехъ лѣтъ предметъ, превышающій всякое понятіе, необъятный для человѣческаго разума, вполне развитаго... Понять Бога кто можетъ, кромѣ самого Бога!»¹⁾ Далѣе несомнѣнно, что дѣти даже и не чувствуютъ живой потребности въ религіи. Такъ какъ о нихъ во всѣхъ отношеніяхъ заботятся родители и удовлетворяютъ всѣмъ ихъ нуждамъ, то дѣти еще не чувствуютъ потребности въ высшей помощи; и такъ какъ они не имѣютъ представленія о концѣ своего земнаго существованія и не знаютъ страха смерти, то имъ чужда также мысль о вѣчной жизни.

Но изъ того, что предметы религіи несравненно выше силъ дѣтскаго ума, никакъ не слѣдуетъ, что религіозное воспитаніе должно быть чуждо дѣтскому возрасту. Развѣ въ послѣдствіи, начиная съ 15-лѣтняго возраста, воспитанникъ въ состояніи будетъ постигнуть умомъ своимъ

¹⁾ *Неккеръ-де-Соссюръ*. Постепенное воспитаніе, пер. 1805 г. Ч. I. стр. 305.

религіозные предметы? Развѣ полное пониманіе ихъ можетъ быть *когда нибудь* доступно человѣку? Въ религіи всегда останется много такого, что доступно лишь вѣрѣ и надеждѣ; даже высшее развитіе религіознаго сознанія не предполагаетъ вполнѣ яснаго пониманія; и такимъ образомъ выходитъ, что религія всегда должна остагься не вполнѣ сознательной для насъ. Религіозныя чувства и убѣжденія утверждаются собственно *не на пониманіи*, а на согласіи своемъ съ высшими нравственными и духовными потребностями человѣка ¹⁾. «Въ созерцаніи такого предмета, какъ Богъ, всякое понятіе объ обыкновенной разницѣ исчезаетъ: въ присутствіи безпредѣльности все кажется на одной ступени... Младенецъ, взрослый человѣкъ, ангелъ—всѣ могутъ только поклоняться Ему. Благоговѣнно чтить и благословлять Его, повиноваться Его святому закону, покоряться Его неисповѣдимымъ судьбамъ, приникать въ Его совершенства, не постигая полного ихъ сіянія—вотъ нашъ удѣлъ во времени и въ вѣчности» ²⁾. Поэтому спрашивать: нужна ли религія для дѣтей все равно, что спрашивать, нужна ли она вообще для человѣка.

Далѣе говоря: «лучше не имѣть никакого понятія о Божествѣ, нежели имѣть понятія о немъ низкія, поносительныя и недостойныя Его; меньшее зло не знать Его, нежели богохульствовать» — Руссо и его послѣдователи хотятъ сказать, что благоговѣніе къ Святѣйшему не позволяетъ имъ сообщить дѣтямъ понятіе о Немъ прежде достиженія ими разумнаго возраста. Такая мнительность какъ будто извинительна; но почему тѣ, которые страдаютъ такою мнительностію, когда нужно бываетъ говорить дѣтямъ о Богѣ, не имѣютъ ея, когда говорятъ съ дѣтьми о другихъ предметахъ, ими весьма уважаемыхъ? Тревожатъ ли ихъ такія сомнѣнія, когда они хотятъ возбудить

¹⁾ Бенке Руководство къ воспитанію Ч. I. стр. 384.

²⁾ Неккеръ-де-Соссюръ стр. 306.

въ дѣтяхъ какое-нибудь другое чувство необходимое или только похвальное? Чтобъ возбудить въ дѣтяхъ любовь и почтеніе къ земному отцу, будутъ ли ждать того времени, когда дѣти въ состояніи будутъ понять все значеніе званія отца? Не стараются ли воспитать въ дѣтяхъ пламенную любовь къ земному отечеству прежде, нежели они могутъ понять отношенія гражданъ между собою? Если такіе люди не хотятъ поставить въ зависимость отъ случая возбужденія въ дѣтяхъ чувствъ любви и благодарности къ ихъ земному отцу и отечеству, то почему же они не хотятъ позаботиться о пробужденіи въ нихъ любви и благодарности къ Богу? ¹⁾

«Лучше не имѣть никакого понятія о Богѣ, нежели имѣть понятія низкія, поносительныя и недостойныя Его» — ерго не нужно говорить дѣтямъ о Богѣ. Если, держась такого начала, мы будемъ разсуждать послѣдовательно, то придемъ къ выводу, что не нужно преподавать дѣтямъ никакой науки, потому что понятія дѣтей о наукѣ всегда бываютъ низкія, поверхностны, ограниченны, недостойны науки. И однакожь на практикѣ никто не держится такого правила относительно преподаванія наукъ дѣтямъ. Напротивъ, хорошо зная, что дѣтскій умъ неспособенъ вполне понять ту или другую науку, начинаютъ однако давать ее дѣтямъ въ надеждѣ на то, что понятія дѣтей мало-по-малу разовьются, усовершенствуются. Занимаясь наукой, дѣтскій умъ совершенствуется, исправляетъ свои прежнія недостаточныя понятія о ней, которыя такимъ путемъ достигаютъ возможно полнаго соотвѣтствія своему предмету. Поэтому нѣтъ никакого достаточнаго основанія бояться, что несовершенныя понятія дѣтей о Богѣ такъ и останутся съ ними на всю жизнь, и что дѣти, сдѣлавшись взрослыми, не будутъ имѣть иного совершеннѣйшаго представленія о Богѣ, кромѣ представленія, сложившагося у нихъ въ дѣтствѣ. — Нужды нѣтъ, что дѣтскія

¹⁾ Тамъ же стр. 308.

представленія о Богѣ несовершенны, ограниченны; съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ дѣтей будетъ развиваться и просвѣтляться и понятіе ихъ о Богѣ.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что за преподаваніе религіи малолѣтнимъ дѣтямъ высказывались такіе люди, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ слишкомъ большой привязанности къ церкви и ея догматамъ. При этомъ мы имѣемъ въ виду Локка, Гербарта, Гегеля, Бенеке и др. Они нисколько не отрицаютъ того, что дѣтскія понятія о Богѣ и духовномъ мірѣ ограниченны и несовершенны. Но соглашаясь въ этомъ съ Руссо, они не раздѣляютъ его опасеній, какъ бы это несовершенство дѣтскихъ религіозныхъ понятій не помѣшало дальнѣйшему развитію питомцевъ въ религіозномъ отношеніи; потому что они убѣждены, что дѣтскія представленія и понятія о Богѣ могутъ постепенно совершенствоваться, очищаться и возвышаться по мѣрѣ развитія воспитанника въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Такъ *Локкъ* требуетъ, чтобы при нравственномъ воспитаніи ребенка не забывали о религіи и сообщали ему истинное понятіе о Богѣ, изображая Его высочайшимъ существомъ, творцомъ вселенной, отъ котораго мы получаемъ всякое благо, который любить насъ, какъ отецъ, видитъ и знаетъ всѣ наши мысли, желанія и дѣла. А Гегель прямо называетъ вреднымъ и неосновательнымъ предразсудкомъ мысль Руссо, будто несовершенныя религіозныя понятія дѣтства служатъ большимъ препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію человѣка въ религіозномъ отношеніи. «Однимъ изъ предразсудковъ нашего времени, говоритъ Гегель, является мнѣніе, будто юношамъ не нужно рано сообщать какъ нравственныхъ понятій, такъ и религіозныхъ наставленій на томъ основаніи, что они не поймутъ ихъ и изъ нихъ усвоятъ памятью только слова. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этого предмета легко замѣтить, что нравственныя понятія хорошо усвоятся ребенкомъ, мальчикомъ и юношей по мѣрѣ силъ ихъ возраста. Въ томъ и должна

состоять вся наша жизнь, чтобъ учиться понимать ихъ значеніе и объемъ все глубже и глубже и на основаніи новыхъ примѣровъ и случаевъ уяснять себѣ все больше и больше многостороннее ихъ содержаніе. Если же для сообщенія ихъ воспитанникамъ захотѣли бы дожидаться того времени, когда они будутъ вполне способны усвоить себѣ нравственныя понятія во всей ихъ истинѣ; то немногіе изъ нихъ оказались бы обладающими этой способностью, да и то развѣ къ концу своей жизни¹⁾.

Но для окончательнаго рѣшенія этого вопроса намъ нужно обратить вниманіе на то, какъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи Иисусъ Христосъ. Изъ евангельской исторіи намъ извѣстно, что Апостолы сначала многого не понимали въ словахъ своего божественнаго Учителя, или понимали ученіе Его въ чувственномъ, превратномъ смыслѣ (Лук. 24, 21—27; Иоан. 6, 43—63; Дѣян. 1, 3—6); тѣмъ не менѣе Онъ сообщалъ имъ тайны Своего ученія, предоставляя времени раскрыть ихъ. — Мы любимъ слушать лепетъ дѣтей, несмотря на его неправильность, съ удовольствіемъ и участіемъ смотримъ, какъ они усиливаются объяснить намъ то, что имъ хочется, не умѣя выбрать или произнести правильно годныя къ тому слова; такъ и Отецъ Небесный любитъ изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей слышать Себѣ хвалу²⁾. Страшно было бы послѣ этого несовершенство дѣтскихъ понятій и представлений о Богѣ приравнивать къ богохульству!

«Ребенокъ, когда говоритъ, что вѣруеть въ Бога, то не въ Бога онъ вѣруеть, а въ какого нибудь Петра или Якова, который ему сказываетъ, что есть нѣкоторое существо, которое называется Богомъ»... говоритъ Руссо. Но что же въ этомъ дурного? И въ основаніи всѣхъ другихъ нашихъ знаній непремѣнно лежитъ вѣра. «Начала всѣхъ наукъ должны быть усвоены вѣрою... Самъ

¹⁾ Бона Мейеръ стр. 165.

²⁾ Тамъ же стр. 364.

собою человекъ не можетъ усвоить первыхъ элементовъ знанія; онъ долженъ научиться имъ у другихъ, и тѣмъ, которые его учать, онъ долженъ вѣрить. Если бы мальчикъ началъ спорить о томъ, почему одна буква называется *A*, а другая *B*, если бы онъ захотѣлъ познать основную причину всего; то онъ могъ бы цѣлые годы спрашивать объ этомъ, но все-таки ничему бы не научился. Да во многихъ случаяхъ ему и нельзя было бы дать отвѣта. Вѣдь часто мы не въ состояніи дать себѣ отвѣта въ первыхъ элементахъ. Если бы кто спросилъ: почему это называется точкою, линіею, плоскостью, и не хотѣлъ бы принять эти названія на вѣру, прежде чѣмъ ему докажутъ ихъ причину; то онъ въ цѣлую вѣчность ничему бы не научился» (Геснеръ Т. I. стр. 155). «Какъ передаете вы ребенку всѣ другія науки? спрашиваетъ г-жа Неккеръ-де-Соссюръ. Вы говорите ему, что земля кругла, прежде нежели можете это ему доказать. Вы заставляете его затверживать исторію прошедшихъ вѣковъ, не вдаваясь въ разсужденія о большей или меньшей точности повѣствователей. Вы излагаете событія просто какъ событія, а критику оставляете до другого возраста. Почему же не поступать такимъ же образомъ въ отношеніи къ религіи?» ¹⁾

Допустимъ, что дитя не чувствуетъ еще живой потребности въ религіи, потому что оно живетъ беззаботно, въ довольствѣ и безопасности подъ защитой родителей; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что религія должна оставаться чуждой дѣтскому возрасту, и преподаваніе религіи должно начинаться только тогда, когда въ воспитанникѣ пробудится религіозная потребность. Сообщеніе необходимыхъ свѣдѣній, развитіе полезныхъ навыковъ (обученіе, наприм., чтенію и письму) и преподаваніе другихъ наукъ дѣтямъ мы начинаемъ, не дожидаясь того времени, когда у нихъ пробудится потребность

¹⁾ Тамъ же стр. 323.

знанія, разовьется пониманіе важности и необходимости тѣхъ или другихъ наукъ. Если бы обученіе всюду стало дожидаться того времени, когда у самого воспитанника появится живая потребность узнать извѣстный предметъ; то обученіе многимъ предметамъ никогда бы и не начиналось, а чаще всего начиналось бы не во время. Напротивъ, такая потребность по б. ч. пробуждается только во время изученія самой науки и по мѣрѣ обогащенія свѣдѣніями; и какъ ни важно постоянно заботиться о возбужденіи и оживленіи этой потребности, но все-таки, сообразуясь только съ потребностью самого ребенка, никогда нельзя указать ни времени, ни способа, когда и какъ должны дѣйствовать на дитя воспитательныя силы. Если прочія науки мы начинаемъ преподавать дѣтямъ, не дожидаясь пробужденія въ нихъ потребности—узнать эти науки, и руководствуемся въ этомъ случаѣ опасеніемъ, какъ бы дѣти не опустили времени *удобнаго и благоприятнаго* для умственнаго воспитанія, и надеждой, что любовь къ познаніямъ пробудится въ дѣтяхъ во время самыхъ занятій науками; то на какомъ достаточномъ основаніи хотять дожидаться пробужденія въ воспитанникѣ религіозной потребности и не боятся опустить время дѣтства, столь важное для религіознаго воспитанія? потому что только то, что посѣвается въ душѣ во время дѣтства, можетъ достигнуть полнаго развитія и сдѣлаться могущественнымъ двигателемъ душевной жизни человѣка.—Да при томъ же мысль объ отсутствіи въ дѣтяхъ религіозной потребности если и справедлива, то—относительно развѣ только самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства. Первые проявленія религіознаго настроенія и чувства въ дѣтяхъ замѣчаются иногда очень рано, подъ вліяніемъ созерцанія природы. «Солнце, луна, звѣздное небо, громъ, молнія, вѣтеръ и облака, различныя атмосферныя явленія, перемѣна времени года, земля съ ея красотою, ея богатою и разнообразною жизнью,—вотъ предметы, въ которыхъ сердце дитяти съ удивленіемъ чувствуетъ присутствіе высшей силы.

Его наблюденія и предчувствія побуждаютъ его къ мышленію. Оно хотеть знать, откуда, почему, зачѣмъ все существуетъ и задаетъ безчисленное множество вопросовъ, на которые мы можемъ отвѣчать не иначе, какъ указавъ на Бога. Здѣсь-то лежитъ зародышъ религіознаго сознанія и представляются случаи навести ребенка на представленія о единомъ, всемогущемъ, премудромъ и всеблагомъ Богѣ. Кромѣ того мало-по-малу начинаетъ развиваться въ ребенкѣ чувство зависимости. Самые заботливые родители не въ состояніи вполнѣ обезпечить счастье, здоровье, жизнь дитяти. Они сами подчинены высшей силѣ. Никакая земная сила не можетъ обезпечить успѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Все, къ чему прилѣпляется здѣсь сердце человѣческое, шатко и измѣнчиво; каждая могила напоминаетъ о нашемъ безсиліи. И для ребенка брѣньность всего человѣческаго не можетъ долго оставаться тайною, и потому поученіе о Высшей Силѣ и помощи и о лучшей жизни становится для него вразумительнымъ и даже желаннымъ. «Если бы мы вздумали оставить безъ вниманія эти религіозныя движенія дитяти, то житейскія заботы и одностороннее разсудочное направленіе заглушили бы религіозную жизнь въ самомъ зародышѣ, или навели бы ее на ложный путь» ¹⁾.

Но главная ошибка Руссо заключается въ томъ, что онъ религіозность считаетъ исключительной принадлежностью человѣка, достигшаго полного развитія разсудочной дѣятельности и способнаго къ разумному пониманію возвышеннаго ученія о Богѣ,—что только воспринятое вполнѣ развитымъ разсудкомъ это ученіе можетъ оказывать свое благотворное вліяніе на жизнь человѣка. Отсюда понятно, почему Руссо считаетъ простой народъ и дѣтей, вѣрующихъ въ Бога, идолопоклонниками, неспособными къ усвоенію высокихъ религіозныхъ идей, почему своему Емилю до его возмужалости ни слова не говорить о Богѣ и по-

¹⁾ *Диттесъ*, стр. 315.

чему съ ожесточеніемъ возстаеъ противъ религіознаго воспитанія дѣтей, находя его не только бесполезнымъ, но и вреднымъ для нихъ.—Но религія или тѣсное общеніе человѣка съ Богомъ утверждается не на разсудочномъ только познаніи Бога, но главнымъ образомъ на чувствахъ преданности и любви къ Богу, удивленія и благоговѣнія предъ Его величіемъ и непостижимыми совершенствами; а эти религіозныя чувства, подъ вліяніемъ созерцанія природы, подъ вліяніемъ семьи и тѣхъ или другихъ обстоятельствъ жизни, могутъ пробуждаться и развиваться въ человѣкѣ до значительной глубины и силы очень рано, задолго до наступленія времени полного развитія познавательной способности. Есть какое-то сродство между нѣкоторыми внѣшними дѣйствіями другихъ и внутренними ощущеніями нашими, и чувствованія сердечныя по какому-то таинственному закону сообщаются отъ одного лица другому. Такъ радость и горе, смѣхъ и слезы, благоговѣніе и любовь одного возбуждаютъ такія же чувствованія и явленія въ другихъ. Такою впечатлительностью отличаются особенно дѣти. Неккеръ-де-Соссюръ замѣчаетъ: <уже у шестинедѣльнаго ребенка, который еще совершенно чуждъ окружающему его міру и столь неясно еще различаетъ внѣшніе предметы, что не обнаруживаетъ еще ни малѣйшаго стремленія взять ихъ или устранить ихъ отъ себя,—уже въ этомъ возрастѣ замѣтны признаки, что ребенокъ доступенъ вліянію внѣшняго выраженія чувствъ къ нему со стороны его окружающихъ. Въ то время, когда еще никакіе вещественные предметы, повидимому, не привлекаютъ его вниманія къ себѣ, онъ уже обнаруживаетъ сочувствіе, т.-е. движеніе чувства, соотвѣтствующее тому чувству, которое обнаруживаютъ къ нему другіе. Улыбка, ласковый голосъ вызываетъ улыбку на его устахъ, и мы радуемся, видя, что этому маленькому существу уже доступны душевныя движенія. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, могъ бы подсказать этому ребенку, что извѣстное выраженіе чертъ лица означаетъ любовь къ нему?

Могъ ли бы ребенокъ, не знающій чертъ своего собственнаго лица, подражать выраженію другого лица, если бы его не одушевляло чувство, соответственное тому, которое обнаруживается въ этомъ выраженіи? 1) Замѣтимъ вообще, что если чувству будетъ предъявленъ предметъ, его возбуждающій, то, помимо воли ребенка, оно возбуждаетъ къ дѣятельности точно такъ же, какъ возбуждается зрѣніе удареніемъ на глазъ лучей свѣта. Какъ мы не можемъ никакимъ усиленіемъ воли сдѣлать такъ, чтобы не видѣть, когда лучи свѣта ударяютъ на наши глаза; такъ не можемъ воспрепятствовать возбужденію къ дѣятельности какого-либо внутренняго чувства, когда этому чувству предъявляется предметъ, его возбуждающій. То же надобно сказать и о религіозномъ чувствѣ. Оно симпатически можетъ пробуждаться въ дѣтской душѣ; глубокое и искреннее религіозное чувство родителей, особенно матери, и въ дѣтской душѣ пробуждаетъ любовь и благоговѣніе къ Тому невидимому Существо, которое служить предметомъ любви и благоговѣнія родителей.—Если же такъ рано—съ первыхъ лѣтъ дѣтства—можетъ начинаться религіозная жизнь; то, очевидно, такъ же рано должно начинаться и религіозное воспитаніе, которое сначала должно состоять не столько въ преподаваніи религіозныхъ истинъ, сколько въ заботѣ о возбужденіи въ ребенкѣ живыхъ религіозныхъ ощущеній, которыя служатъ основаніемъ дальнѣйшаго религіознаго развитія челоуѣка.

Вопреки Руссо, который говорить, что дѣти неспособны къ усвоенію религіозныхъ идей, мы утверждаемъ, что, напротивъ, *только въ дѣтствѣ* и возможно положить основаніе искренней и глубокой религіозности: дѣтскій возрастъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ больше удобствъ для возбужденія искренняго и глубокаго религіознаго чувства и для насажденія въ душѣ чистыхъ,

1) *Неккеръ-де-Сосюръ* 1 ч., стр. 153; ср. *Комбъ*—уходъ за дѣтскими стр. 234 и д.

свѣтлыхъ и радостныхъ представленій о Богѣ, чѣмъ остальные возрасты. Никто, конечно, не станетъ утверждать, что умъ ребенка можетъ постигнуть систему религіозныхъ истинъ во всей ихъ широтѣ и глубинѣ; но въ религіи есть много такого, что воспринимается не умомъ, а сердцемъ, что можетъ возбуждать въ немъ любовь, благоговѣіе къ Богу, упованіе на Него, поддерживать и возвышать челоуѣка и подавать ему утѣшеніе; а все это доступно и дѣтской душѣ.—При созерцаніи разнообразныхъ явленій природы рано пробуждается въ дѣтяхъ мышленіе и приводитъ ихъ къ вопросамъ о причинѣ всего существующаго. Это даетъ воспитателю возможность предложить дѣтямъ первые уроки о Творцѣ вселенной, указать на Его премудрость, всемогущество и благодать, открывающіяся въ видимой природѣ. Дѣти съ искренней вѣрой принимаютъ ученіе о премудромъ и благомъ Создателѣ вселенной, безъ затрудненія вѣрятъ, что отъ Бога происходитъ всякое благо, радость и наслажденіе. Въ дѣтствѣ, когда челоуѣкъ радостно смотритъ на міръ Божій, когда жизнь улыбается ему, когда окружающіе его любятъ и берегутъ его, — представленіе о Богѣ, какъ любящемъ Отцѣ, легче всего овладѣваетъ душой челоуѣка. А это чрезвычайно важно для нашей религіозной жизни. Только при такомъ настроеніи религіознаго чувства утверждается въ насъ непоколебимая увѣренность въ томъ, что Богъ никогда не оставляетъ насъ, съ любовью заботится о насъ и самыя страданія наши обращаетъ намъ во благо. Когда пробуждается въ дѣтяхъ нравственное чувство, когда въ душѣ ихъ начинаетъ слышаться голосъ совѣсти, то одобряющей, то осуждающей ихъ желанія и дѣйствія,—нетрудно бываетъ внушить имъ понятіе о святости Бога, вѣщающаго въ ихъ душѣ, о Его всевѣдѣніи и вседѣйствіи.—Религіозное чувство, въ которомъ благоговѣіе предъ Богомъ, смиреніе предъ Нимъ и сознаніе зависимости отъ Него соединяются съ любовью къ Нему, съ желаніемъ угодить Ему и опасеніемъ про-

тѣвать Его,—всегда оказываетъ самое благотворное вліяніе на жизнь человѣка, очищая и облагораживая побужденія его нравственной дѣятельности и укрѣпляя его волю въ добрѣ. И чѣмъ раньше оно пробуждается въ душѣ человѣка, тѣмъ больше укрѣплется въ ней: оно становится главнымъ двигателемъ жизни человѣка и охранителемъ его нравственной чистоты.

«Думать,—говоритъ Неккеръ-де-Соссюръ,—что всѣ эти впечатлѣнія, воспоминанія и привычки ранняго дѣтства можно замѣнить впоследствии какимъ-нибудь драматическимъ эффектомъ, неожиданнымъ, потрясающимъ явленіемъ, какъ совѣтуютъ Руссо и филантрописты ¹⁾—значитъ мало понимать сердце человѣческое. Тысяча обстоятельствъ можетъ помѣшать такому подготовленію; а если бы оно и удалось, то произвело бы впечатлѣніе, положимъ и сильное, но преходящее. Скоро жизнь потекла бы опять обыкновеннымъ порядкомъ и унесла бы съ собою всѣ религіозныя мысли, искусственно возбужденныя, между тѣмъ какъ та же самая жизнь безпрестанно вызывала бы эти мысли, если бы онѣ были неразлучны съ воспоминаніями дѣтства. Если началу религіи въ нашей душѣ можно

¹⁾ Вотъ какъ Вольке, одинъ изъ филантропистовъ, приготовлялъ мальчика къ ученію о Богѣ,—мальчика, который до сихъ поръ не слыхалъ о Богѣ: „Нынѣ я сообщилъ Фрицу о бытіи Бога. Долго я подготовлялъ его къ этому важному моменту; я тщательно обращалъ его вниманіе на все въ природѣ и, гдѣ онъ видѣлъ дѣйствіе, заставлялъ думать и о причинѣ его“. Въ продолженіе 4 дней онъ не выходилъ съ мальчикомъ изъ дому для того, чтобъ послѣдній былъ тѣмъ впечатлительнѣе и воспримчивѣе, когда нужно будетъ въ первый разъ возвѣстить ему о Богѣ, творцѣ солнца и пр... „Кто хочетъ произвести въ воспитанникѣ болѣе глубокое впечатлѣніе, возбудить въ это время большой восторгъ предъ красотою природы и ея Творцомъ; тотъ долженъ просидѣть дома еще дольше и послѣдній день провести съ своимъ воспитанникомъ въ одной комнатѣ, окна которой были бы закрыты днемъ и ночью и которая освѣщалась бы только слабымъ свѣтомъ. Впрочемъ воспитанникъ ничего не долженъ знать о цѣли подобнаго заключенія?“ Раум. 2 т. 303 стр.

указать день и часъ, если мы помнимъ ея возникновеніе, если есть воспоминанія, ей предшествующія; то она никогда не будетъ неразлучной спутницей нашей жизни. Изъ всѣхъ идей, принадлежащихъ религіи, сильнѣе всѣхъ побуждающая насъ блюсти чистоту нашего сердца, именно убѣжденіе, что Богъ вездѣсущъ, не будетъ имѣть въ себѣ непрерывности привычки и глубины впечатлѣнія, всегда возобновляющагося. Допустимъ, что и впоследствии можно внушить эту идею посредствомъ страха, но въ такомъ случаѣ она будетъ имѣть характеръ мрачный.

И. К.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Изъ области таинственнаго.

Гдѣ-то во Франціи или Швейцаріи проживаетъ одна англичанка, миссъ Елена Смитъ, которая извѣстна за выдающуюся спиритку и сомнамбулистку. Во французскомъ журналѣ «Archives de Psychologie» (іюль, 1907 г., Genève) про нее рассказываются довольно интересныя вещи. Она между прочимъ обнаружила способность къ созданію новыхъ языковъ «неземныхъ»,—тѣхъ, на которыхъ будто бы говорятъ жители планеты Марса. Конечно весьма странно, что эти вымышленные пророчицей языки служатъ на западѣ предметомъ даже серьезныхъ научныхъ изслѣдованій. Еще страннѣе видѣнія миссъ Смитъ, которыя также дали поводъ къ появленію ученыхъ изслѣдованій. Елена первоначально упражнялась въ живописи и съ особеннымъ удовольствіемъ набрасывала карандашомъ портреты разныхъ *умершихъ* лицъ. Но вотъ въ концѣ іюля 1900 года ей будто бы явился самъ Христосъ, среди солнечнаго блеска, который постепенно превратился въ блестящую точку. Черезъ два года и четыре мѣсяца, именно 2 декабря 1903 года Елена опять увидѣла Христа, похожаго на того, котораго она видѣла въ первый разъ. Эти видѣнія и были ею нанесены въ натуральную величину на бумагу карандашомъ 8 января 1904 года. Елена въ это время впала въ сомнамбулическое состояніе и предъ тѣмъ попросила свою мать, которая жила вмѣстѣ съ ней въ одной виллѣ, позаботиться о томъ, чтобы никто не входилъ къ ней въ комнату, и за одинъ присѣсть начертила на бумагѣ съ необычайною быстротою въ полчаса или три четверти часа «замѣчательную» картину, которая послужила образцомъ для послѣдующихъ

ея вдохновенныхъ картинъ. Лицо Христа на этой картинѣ обрамлено длинными и кудрявыми волосами и съ короткой, но не раздвоенной, бородой. Черезъ нѣсколько времени Елена, опять во время припадка, нарисовала ту же картину, но не карандашомъ, а масляными красками. Это было въ январѣ 1905 года послѣ предсказаній, услышанныхъ Еленой, со стороны небесныхъ силъ. Небесные голоса усладительно и быстро повторяли Еленѣ: «нарисуй Его!» Около того же времени умерла мать Елены и она, впавъ въ сомнамбулическое состояніе, безъ всякихъ размышленій и приготовленій, взяла кисть и въ четверть часа нарисовала носъ и глаза Христа, а затѣмъ и цѣлую картину, которая была вѣрнымъ воспроизведеніемъ прежде нарисованной картины. Сомнамбулическое состояніе Елены было однимъ лицомъ записано подъ ея диктовку, и вотъ что это лицо пишетъ: «утромъ, просыпаясь, говорила Елена, и будучи еще на постели, я увидѣла и почувствовала, что въ моей рукѣ (лѣвой) находится кисть. Я поняла, что наступить сеансъ. Я соскочила съ своей постели, накинула на себя одежду и сѣла предъ мольбертомъ. Когда я хотѣла узнать время, въ теченіе котораго будетъ продолжаться сеансъ, то шея моя одеревенѣла и я не имѣла возможности взглянуть на часы; поэтому я повѣсила ихъ на каминъ, чтобы имѣть возможность считать часы и минуты, не поднимая глазъ. Въ теченіе пяти или десяти минутъ я увидѣла, какъ образуется на эстампѣ очень легкое бѣлое облачко, которое затѣмъ сгущается, а потомъ раздѣляется на клочки; показались патна какъ бы отъ запекшейся жидкости и каждое изъ нихъ дѣлалось прозрачнымъ. Это было похоже на иней. Въ концѣ прозрачность стала увеличиваться и предо мною находилось какъ бы настоящее оконное стекло, достаточно прозрачное, за которымъ ничего не было видно. Затѣмъ, позади этого какъ бы стекла, появился Христось очень тихо, и чрезъ мгновеніе сталъ близко отъ меня, весь въ бѣломъ». Елена нарисовала Его изображеніе. Черезъ нѣсколько времени и приблизительно такъ же она нарисовала картину Богоматери, «Христа въ Геесиманіи» и «на крестѣ». Однажды, когда Елена писала картину, изображая Христа, Онъ явился ей и говорилъ: «не бойся! Мое изображеніе переживетъ тебя! Въ печальные и скорбные часы жизни Я буду съ тобою! Не бойся». Елена рыдала. Христось положилъ Свою руку на ея правое плечо. Она

подняла лѣвую руку, чтобы дотронуться до Его руки, но Онъ исчезъ изъ виду.

Можетъ быть и было что-нибудь подобное во время припадковъ этой, извѣстной на западѣ, спиритки и сомнамбулистки. Только всѣ эти свѣдѣнія записаны съ ея собственныхъ словъ, другихъ свидѣтелей, кромѣ нея, описанныхъ ею явленій не было,—какъ имъ вѣрить? Обстоятельство же, что Елена будто бы знала и создавала какіе-то новые языки, которые были «неземными», накидываетъ сильную тѣнь сомнѣнія на всѣ сообщенныя ею обстоятельства и доказываетъ, что на западѣ не мало заблуждающихся людей, запутавшихся въ ложныхъ религиозныхъ идеяхъ. Эти заблужденія могутъ, конечно, служить предметомъ психологическихъ изслѣдованій, которымъ нельзя отказать въ нѣкоторой научности. Но религиозное значеніе эти явленія врядъ ли имѣютъ.

Какъ и чѣмъ писали въ древности?

Новѣйшія изслѣдованія о матеріалахъ, употреблявшихся древними для письма и способахъ этого письма, имѣютъ значеніе для изслѣдованія библейскихъ памятниковъ и даже весьма близко ихъ касаются. Поэтому мы дадимъ короткій очеркъ этихъ матеріаловъ и способовъ письма, прибавивъ, что свѣдѣнія объ этомъ имѣютъ и сами по себѣ весьма значительный интересъ, даже и независимо отъ изслѣдованій библейскихъ памятниковъ. Изъ матеріаловъ, которые употреблялись для письма въ древности, извѣстны преимущественно три: папирусъ, кожа и бумага, и эти матеріалы, вслѣдствіе ихъ изобилія и удобства, постепенно вытѣснили всѣ другіе. Но кромѣ папируса, бумаги и кожи, употреблялись для письма въ древности металлы, камни и другіе предметы. Въ первобытномъ состояніи человѣческаго общества писали обыкновенно на листьяхъ деревьевъ, если только они обладали достаточною твердостью для этой цѣли. Въ различныхъ мѣстахъ Индіи и востока древесные листья употреблялись для письма въ теченіе многихъ столѣтій, также въ Греціи и Италіи, на что указываютъ классическіе писатели. Плиніи въ

Ест. исторіи (XIII, II) пишетъ: «въ древности не употребляли хартій; писали первоначально на пальмовыхъ листьяхъ, а потомъ на корѣ какихъ-либо другихъ деревьевъ». Древесная кора для письма была пригодна, чѣмъ листья. Кажется, отсюда именно получило названіе, которымъ въ древности назывались книги — «свитокъ» (латинское слово *liber*—книга, первоначально означаетъ: кора, лыко, береста и проч.). Далѣе, для письма употреблялся холстъ, преимущественно у римлянъ, а вавилоняне и ассирійцы писали на кирпичикахъ, на которыхъ появилась «цѣлая литература», или же просто на глиняныхъ черепкахъ. Въ Помпей находятъ множество надписей на *стѣнахъ* различныхъ зданій. Цѣнные металлы употреблялись для письма сравнительно рѣдко и притомъ въ особенно важныхъ случаяхъ, когда документы имѣли особенную важность и на глиняные черепки нельзя было понадеваться. Въ такихъ случаяхъ употреблялись пластинки изъ платины, золота и серебра. На употребленіе свинца при письмѣ указываютъ Плиній и Павзаній. Въ Додонѣ были открыты свинцовыя таблицы, на которыхъ написаны прошенія къ оракулу и отчасти отвѣты послѣдняго. Бронза употреблялась греками и римлянами въ качествѣ матеріала, на которомъ выгравировывались посвячительныя надписи и другіе важные документы. При императорахъ было издано пятьдесятъ восемь подобныхъ документовъ—это былъ родъ «военныхъ дипломовъ», выдававшихся солдатамъ—ветеранамъ для сообщенія имъ правъ римскаго гражданства и въ видѣ дозволеній на вступленіе въ бракъ. «Дипломы» состояли изъ двухъ четырехугольных металлическихъ табличекъ, скрѣпленныхъ кольцами. Подлинная надпись дѣлалась на внутренней сторонѣ табличекъ, и повторялась на внѣшней сторонѣ первой таблички. Такія повторенія дѣлались и у ассирійцевъ. Деревянные таблички употреблялись съ незапамятнаго времени. Такія таблички съ написанными на нихъ именами умершихъ встрѣчаются вмѣстѣ съ муміями. Одинъ изъ самыхъ древнихъ образцовъ съ греческимъ письмомъ есть документъ, состоящій изъ деревянной дощечки съ написанными на немъ чернильными буквами—хранится въ Британскомъ музеѣ (5849, с) и относится къ тридцать первому году царствованія египетскаго царя Птолемея Филадельфа (254 или 263 г. до Р. X.). Приготовлявшіяся для письма дощечки обыкновенно покрывались воскомъ и такъ дѣлалось из-

давна у грековъ и римлянъ. Онѣ были похожи на употребляющіяся въ нашихъ школахъ аспидныя доски и имѣли такія же возвышенія по краямъ. На нихъ накладывался тонкій слой, обыкновенно чернаго воска. Онѣ снабжались тесемками или веревочками, чтобы ихъ можно было вѣшать. Если двѣ дощечки соединялись вмѣстѣ и скрѣплялись кольцами вмѣсто петель, то онѣ назывались *codex* или *codex*. Отсюда—слово кодексъ. Если этотъ кодексъ состоялъ только изъ двухъ табличекъ, то назывался *диптихомъ*, изъ трехъ — *триптихомъ* и т. д. Чтобы сохранить содержаніе написаннаго на нихъ втайнѣ, чрезъ края дощечекъ продѣвали нити и затѣмъ эти нити припечатывали къ дощечкамъ печатами свидѣтелей. Вѣроятно на одной изъ такихъ дощечекъ Захарія, отецъ Предтечи, написалъ имя своего новорожденнаго сына.

Теперь скажемъ нѣсколько о наиболѣе употребительныхъ матеріалахъ для письма. Папирусъ—особое растеніе, широко культивировался на египетской дельтѣ. Теперь онъ тамъ не разводится и не растетъ, но встрѣчается въ Нубіи и Абиссиніи. Геродотъ постоянно называетъ это растеніе словомъ *βύβλος*—слово египетскаго происхожденія. Это полезное растеніе, достигавшее высоты шести футовъ, употреблялось не для одного только письма. Хохловидныя головки его употреблялись для гирляндъ въ языческихъ храмахъ; изъ корней дѣлалась разная домашняя утварь; а изъ стебля, часть котораго употреблялась въ пищу, выдѣлывались разные предметы, включая и матеріалъ для письма: нитки, корабельныя снасти, маленькія лодки, обувь и проч. Въ качествѣ матеріала для письма папирусъ употреблялся у египтянъ съ самаго древняго времени. Папирусныя свитки представлены на покрытыхъ скульптурою стѣнахъ египетскихъ храмовъ; а самыя свитки существовали съ незапамятной древности. Наиболѣе древній папирусный свитокъ хранится въ Парижѣ и содержитъ въ себѣ письма, составленныя въ правленіи одного египетскаго царя пятой династіи, т. е. около 2500 лѣтъ до Р. Х. или даже раньше. Сухой египетскій климатъ былъ благоприятенъ для сохраненія этихъ непрочныхъ (хрупкихъ) документовъ. Положенные съ трупами въ гробницахъ или завернутыя въ пелены вмѣстѣ съ муміями, они нисколько не испортились и во многихъ случаяхъ отличаются такою свѣжестью, что какъ будто только что были написаны. Въ эпоху имперіи папирусъ былъ обычнымъ матеріаломъ

для письма у римлянъ. Чтобы сдѣлать «свитокъ», листы папируса скрѣплялись особой мазью; предписывалось скрѣплять такимъ образомъ не болѣе двадцати листовъ. Однако это число не было постояннымъ; иногда скрѣпляли и большее количество листовъ. Первый листъ папируса назывался *протоколомъ*.

Кожи животныхъ употреблялись для письма также въ глубокой древности. Въ Британскомъ музеѣ есть одна такая рукопись, время написанія которой относятъ къ 2000 г. до Р. Х. У іудеевъ кожаные свитки были также въ употребленіи и употребляются даже и теперь въ синагогахъ. Апостолъ Павелъ писалъ о «кожаныхъ книгахъ». Кожи, особымъ образомъ приготовленные для письма, назывались пергаментомъ. Главнымъ мѣстомъ производства и торговли этими обработанными кожами былъ Пергамъ.

Бумага вырабатывалась первоначально и въ отдаленнѣйшіе періоды времени въ Китаѣ. Введеніе ея въ Европѣ было обязано дѣятельности арабовъ. Они, говорятъ, впервые ознакомились съ употребленіемъ бумаги въ Самаркандѣ, который они захватили въ 704 году по Р. Х. Выдѣлываніе бумаги распространилось въ ихъ имперіи; одно изъ названій ея было *charta Damascena*, потому что Дамаскъ былъ однимъ изъ центровъ писчебумажной торговли. Древнѣйшая рукопись, написанная на бумагѣ, дошедшая до насъ, относится къ 866 году по Р. Х.

Письменные приборы, которыми писали, дѣлались изъ желѣза, бронзы или другого металла, слоновой и простой кости, и были преимущественно приспособлены для письма на покрытыхъ воскомъ дощечкахъ, буквы выцарапывались на нихъ остриемъ. Другой конецъ палочки былъ закругленный или плоскій и написанное, въ случаѣ надобности, уничтожалось имъ чрезъ сглаживаніе воска. Отсюда фраза *vertere stylum* (переворачивать грифель), корректировать. Для письма на папирусѣ употреблялись палочки, а на золотыхъ предметахъ—кисточки. О перѣ упоминается въ первый разъ анонимнымъ историкомъ, который говоритъ, что для того, чтобы дать возможность неграмотному Теодориху (вождю остроготовъ) написать свое имя, ему дали особую трафаретку, по которой, вода перомъ, онъ и начерталъ первыя четыре буквы своего имени. Составъ чернилъ разнился въ разныя столѣтія. Иногда они были совершенно черными, а иногда — съ

коричневатымъ оттѣнкомъ. Въ Италіи и южной Европѣ они были вообще чернѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Въ глубокой древности для письма употреблялась жидкость каракатицы, а Плиніи упоминаетъ о сажѣ и гумми, употреблявшихся для изготовленія чернилъ. Позднѣйшіе авторы упоминаютъ о черпильныхъ орѣшкахъ. Для того, чтобы на папирусѣ можно было писать, онъ прикрѣплялся къ свинцовой дощечкѣ. Чернила смывались губкой; но выскабливать написанное на папирусѣ ножомъ было едва ли возможно. Если чернила еще не высохли, или писаніе было недавнее, то смыть написанное губкой не было особенно затруднительно. Марціалъ (IV, 10) посылаетъ губку вмѣстѣ съ своей, только что написанной, книгой поэмъ, чтобы можно было смыть всѣ написанные имъ стихи. Августъ уничтожилъ свою полуоконченную трагедію объ Аяксѣ, съ замѣчаніемъ: «Ajacem solum in spongiam incubuisse» (своего Аякса уложилъ въ губку). Для выскабливанія написаннаго на кожахъ употреблялись ножички.

Оливеръ Лоджъ, ректоръ Бирмингамскаго университета. Сущность вѣры въ связи съ наукой. Катехизисъ для родителей и учителей. Перев. съ 7-го англійскаго изданія. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Докторъ Оливеръ Лоджъ — неважный англійскій писатель, раньше былъ извѣстенъ нѣсколькими сочиненіями по электричеству и механикѣ. Мы не видали англійскаго подлинника его сочиненія «Сущность вѣры»; судя по русскому переводу этой книги въ ней попадаются кое-гдѣ дѣльные мысли, хотя и такого рода, что ихъ можно все-таки частію или цѣликомъ оспаривать. Но во всякомъ случаѣ англійскій подлинникъ, вѣроятно, лучше русскаго перевода, который представляетъ изъ себя нѣчто невыразимо нелѣпое, неясное и, повидимому, невѣжественное. Не говоря о грамматическихъ ошибкахъ, по мѣстамъ встрѣчающихся въ книгѣ, хотя и не важныхъ (напр., напечатано мыслью, вм. мыслию—стр. 66), многія выраженія въ ней показываютъ, что переводчику или не совсѣмъ знакомъ русскій языкъ, или же что онъ не уразумѣлъ, какъ слѣдуетъ, англій-

скаго подлинника. «Я взялъ на себя задачу формулировать основы или субстанцію (почему же не: сущность?) религіозной вѣры въ духъ Божественной Имманентности» (стр. VIII)—что за смыслъ этихъ словъ? «Положительныя или построятельныя утвержденія религіознаго ученія»... (стр. IX). «На религію существуетъ все возрастающій взглядъ» (стр. XI)... «Ухо есть органъ для оцѣнки вибрацій воздуха или колебаній въ немъ»... (стр. 4). Съ другой стороны «глазъ есть органъ для оцѣнки колебаній ээира» (стр. 5). «По теченіямъ, перекрещивающимся въ водѣ, мы составляемъ себѣ понятіе о корабляхъ и лодкахъ (?!), и другихъ препятствіяхъ (!), стоящихъ (!! въ гавани» (стр. 5). «Одна невинность, свобода отъ грѣха только за недостаткомъ перцепсіи (перцепціи?), не есть высшее состояніе» (стр. 16). «Посредствомъ снадобій (!! взрослый человѣкъ можетъ настолько ослабить свою волю» и т. д. (стр. 24). Однако попадаются перлы еще почище и этихъ. Вотъ, напр., какое разсужденіе встрѣчается на 47 стр.: «высочайшій атрибутъ сознательнаго стремленія къ святости, каковая способность составляетъ преимущество свободныхъ существъ, способныхъ стремиться къ нравственнымъ цѣлямъ, или иначе къ добру, и обозначаетъ громадную степень развитія въ природѣ, — вызываетъ возможность паденія столь одаренныхъ существъ съ высшей ступени и, определяя себя ко злу вмѣсто добра, они могутъ злоупотреблять своими духовными способностями и подвергнуться за это возмездію, вызываемому грѣхомъ». Читая такія разсужденія, которыми переполнена вся эта странная и недѣлая книжонка, мы вправѣ сказать, что издатель напрасно потратилъ деньги на ея изданіе, и, во всякомъ случаѣ, если онъ хотѣлъ оказать услугу русской литературѣ, ему слѣдовало бы поручить перевести книгу хотя бы сколько-нибудь опытнымъ и умѣлымъ переводчицамъ. Мы не могли прочитать всей этой книги до конца, и думаемъ, что даже и у ревностныхъ читателей на это не хватитъ терпѣнія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Я Т Е Л Ъ“

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, правительственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учреждений. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ трезвости въ Россіи и за границею. 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и библиографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля. Полугодовая подписка не принимается, а съ приложеніемъ №№ газеты Русь Православная и Самодержавная за годъ 5 руб.

Журналь за 1904 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народ. Просвѣщ. въ безплатныя народныя библиотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906 и 1907 годы платятъ 22 рубля и получаютъ всѣ изданія общества безплатно.

Адресъ редакціи: Казань.

Черезъ редакцію журнала „ДЪЯТЕЛЬ“ можно пріобрѣтать книги, допущенныя Ученымъ Комитетомъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ и народныхъ чтеній:

Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи: Императоръ Александръ II. Изд. 8-е. Проф. А. И. Александрова, ц. 10 к.

Отчего гибнутъ люди. Вино ядъ. Защитникамъ умѣреннаго употребленія вина. Русскимъ матерямъ. За сотню ц. 2 р.

Слова отца Іоанна Ильича Сергіева противъ пьянства. За сотню ц. 1 руб.

Вино для человѣка и его потомства—ядъ. За сотню ц. 2 р.

Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заботѣваніямъ человѣка. Проф. И. М. Догеля. (Одобрен. Ученымъ Комит.), ц. 30 к.

Знаніе и довѣріе, какъ лѣкарство. Его же, ц. 30 к.

Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ (некрологъ, съ портретомъ). Проф. А. И. Александрова, ц. 10 к.

Исторія Казани. К. Ф. Фукса, ц. 50 к.

Развалины Болгаръ и древніе Болгары. Турнерелли, ц. 50 к.

Письма С. А. Рачинскаго духовному юношеству о трезвости, ц. 30 к.

Царь и народъ. Русь православная въ Саровѣ. Епископа Андрея, ц. 10 коп.

О любви Божіей на страшномъ судѣ Христовомъ. Епископа Андрея, ц. 30 коп.

Современныя задачи сельскаго пастыря. Н. Троицкаго, ц. 40 к.

Редакторъ-издатель **А. Т. Соловьевъ**.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всеѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ заведеній Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнѣе преподаванія, распределение лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованныя.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеѣми приложеніями 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **А. Александровъ**.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ НЕДѢЛЮ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ

(изъ посмертныхъ бумагъ Епископа Виссаріона).

Совершаемое въ сей воскресный день празднованіе памяти всѣхъ Святыхъ состоитъ въ прославленіи ихъ подвиговъ и достоинствъ и вмѣстѣ въ призываніи ихъ на помощь намъ въ нуждахъ духовныхъ и тѣлесныхъ.

На какомъ основаніи мы прославляемъ святыхъ угодниковъ Божіихъ церковными службами въ честь имъ? На томъ основаніи, что Самъ Господь прославилъ ихъ на землѣ и на небесахъ знаменіями своего благоволенія къ нимъ, ибо все, что они ни дѣлали, какіе подвиги ни совершали, они дѣлали и совершали силой благодати Божіей. Онъ прославилъ ихъ на небесахъ, даровалъ имъ вѣчное блаженство. Итакъ, если Богъ прославилъ ихъ, какъ же намъ не прославлять? Онъ прославилъ ихъ потому, что они Его прославляли своею жизнію. Прославляя ихъ, мы прославляемъ самого Бога. *Мнѣ згло честни быша друзи твои, Боже* (пс. 138, 17). Какъ намъ не чествовать друзей Божіихъ? Самъ Иисусъ Христосъ нарекъ ихъ Своими друзьями (Іоан. 15, 14). Мы чествуемъ Святыхъ, празднуя ихъ память церковными службами, устрояя въ честь ихъ храмы, поклоняясь предъ ихъ иконами и мощами, именуя своими Ангелами тѣхъ изъ нихъ, имена которыхъ носимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ глава церкви, Господь Иисусъ Христосъ согласно Своему обѣтованію, вознесшись на

небеса, неотлучно пребываетъ и до скончанія вѣка будетъ пребывать въ основанной Имъ церкви, находится въ тѣснѣйшемъ общеніи съ вѣрующими въ Него, такъ и святые люди, по отшествіи въ загробную жизнь, не прекращаютъ общенія съ живущими на землѣ, принимаютъ живое участіе въ нихъ и молятся за нихъ Богу вмѣстѣ съ Ангелами. Господь Иисусъ Христосъ есть глава земной и небесной церкви: объ онѣ составляютъ Его тѣло. Принадлежа къ сему тѣлу, святые угодники Божіи не могутъ не сочувствовать членамъ земной церкви, не могутъ быть праздными зрителями всего, что происходитъ въ земной церкви, ибо не могутъ не любить принадлежащихъ къ ней. Любовь, по слову Апостола, «никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе исчезнетъ» (1 Кор. 12, 8). Любовь переходитъ съ любящими въ вѣчность. Въ странѣ вѣчнаго покоя они вмѣсто того, чтобы самодовольно наслаждаться блаженствомъ, принимаютъ живое участіе въ судьбѣ живущихъ на землѣ братьевъ своихъ: радуются ихъ преуспѣванію въ жизни духовной, скорбятъ о безпечныхъ и нераскаянныхъ грѣшникахъ, такъ же объ испытывающихъ напасти, и за всѣхъ возносятъ молитвы, за всѣхъ ходатайствуютъ предъ Господомъ Богомъ. Правда, «единъ есть посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, человѣкъ Иисусъ Христосъ, предавшій Себя для искупленія всѣхъ» (1 Тим. 2, 5, 6); но сіе ходатайство отнюдь не устраняетъ ходатайства за насъ Святыхъ, ибо они ходатайствуютъ о имени Иисуса Христа, указуя Богу Отцу на умиловительную жертву Христову, или непосредственно обращаются къ самому Христу по вѣрѣ въ силу этой жертвы. Сама Матерь Божія, предстательство христіанъ непостыдное и ходатайство за насъ непреложное, умоляетъ Сына своего и Бога, да спасетъ души наши. Итакъ, если несомнѣнно, что Святые не прекращаютъ общенія съ нами и ходатайствуютъ за насъ своими молитвами, то понятно, почему мы обращаемся съ нашими молитвами не только непосред-

ственно къ самому Господу Богу, но и къ Святымъ Божиимъ человекѣмъ вкупѣ съ Ангелами въ надеждѣ на ихъ заступленіе за насъ предъ Богомъ.

Ученіе о призываніи Святыхъ ясно выражено въ Новозавѣтномъ писаніи. Святой Апостоль Іоаннъ Богословъ въ своей книгѣ Апокалипсисъ свидѣтельствуеетъ, что онъ видѣлъ Ангела, держащаго въ рукахъ своихъ кадильницу, и дано было ему множество еиміама, для того, чтобы онъ съ молитвами всѣхъ Святыхъ возложилъ его на золотой жертвенникъ предъ престоломъ, и вознесся дымъ еиміама съ молитвами святыхъ отъ руки ангела предъ Богомъ (Апок. 8, 8—4). Во всѣхъ древнихъ литургіяхъ поминаются Святые, и выражается вѣра въ предстательство о насъ Святыхъ. Что ученіе о призываніи Святыхъ по надеждѣ на силу ихъ молитвъ существовало и въ ветхомъ завѣтѣ, это видно изъ того, что самъ Господь устами пророка Іереміи, обличая за нечестіе и беззаконіе іудеевъ, грозилъ имъ строгой карою Своего правосудія, не взирая на ходатайства за нихъ величайшихъ Святыхъ: *аще стануть Моисей и Самуилъ предъ лицемъ Моимъ, нѣсть душа Моя къ людемъ симъ* (Іер. 15, 1). Нѣтъ сомнѣнія, что Моисей и Самуиль, съ успѣхомъ ходатайствовавшіе за народъ предъ Господомъ Богомъ при жизни своей, не переставали ходатайствовать и по смерти, и Господь внималъ ихъ ходатайствамъ; но если Онъ грозитъ не принимать ихъ ходатайствъ, причиною тому могло быть только то, что Господь въ сильнѣйшей степени разгнѣванъ грѣхами Своего народа, такъ что ничьими ходатайствами нельзя утолить праведный гнѣвъ Его.

Христіанская заповѣдь о любви—„новая“ заповѣдь¹⁾.

(Противъ Геккеля, Саладина и пр.).

§ II.

Далѣе скажемъ, хотя-бы и болѣе или менѣе кратко, объ ученіи по тому-же вопросу: 1) буддистовъ, Ригъ-Веды, браминовъ,—2) перипатетиковъ, 3) стоиковъ, 4) ессеевъ-ебрапевтовъ и 5) Гиллея,—а также и ветхозавѣтнаго божественнаго Откровенія,—*только болѣе или менѣе коротко...* потому, что всѣ эти міровоззрѣнія, ²⁾ подчеркиваемыя первоисточникомъ Геккеля—Саладиномъ ³⁾ и отсюда для насъ интересныя, самимъ Геккелемъ или игнорируются, или отмѣчаются безъ особыхъ цѣлей, безъ усвоенія имъ особаго въ данномъ случаѣ значенія... ⁴⁾.

1. а) **Буддисты**, можно сказать, «самый кроткій и мягкій народъ изъ языческихъ». Свою жалость они простираютъ не только на подобныя имъ существа, т. е., разумныя, но и на неразумныя, на все, что только такъ или иначе живетъ. Однако, такое ихъ поступаніе и настроеніе является «не столько выраженіемъ двѣтельной ихъ любви, сколько, напротивъ, лишь состраданія», ⁵⁾ имѣеть, слѣ-

1) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол Чтенія* 1908 г.

2) Ветхозавѣтное—библейское отмѣчается *только одними нами*.

3) Saladin: op. cit., S. 173—174.

4) Геккель: op. cit., стр. 184.

5) Wuttke: „Handbuch der christlichen Sittenlehre“. 1 Band. 2 Aufl. Berlin, 1864. S. 36.

довательно, не столько положительный, сколько одинъ лишь отрицательный характеръ. «Въ буддизмъ нѣтъ ни основанія, ни цѣли для утвержденія и развитія основного принципа христіанской нравственности—любви, которая какъ сама исполнена жизни, такъ, въ свою очередь, повсюду и творить жизнь; ее замѣняетъ здѣсь состраданіе—эта добродѣтель больного, который чуждъ корыстныхъ личныхъ стремленій, потому что не чувствуетъ интереса къ жизни, и не можетъ удовлетворять своимъ личнымъ цѣлямъ и стремленіямъ,—эта добродѣтель человѣка разочарованнаго, который никому не врагъ, потому что не другъ и самому себѣ, потому что ничего не ждетъ онъ отъ жизни и ничего въ ней не ищетъ» ¹⁾ и т. п. ²⁾ Да, впрочемъ, нельзя сказать и того, что буддисту чуждъ корыстный, эгоистическій двигатель, какъ-бы его ни понимали,—если только изъ области отвлеченной перейти въ область реальную. Если «столкнутся любовь къ себѣ и другимъ, тогда» послѣдняя, «даже естественная любовь къ родителямъ, къ дѣтямъ, къ женѣ, къ друзьямъ должна» у буддиста «уступить свое мѣсто любви къ себѣ». ³⁾ Эгоизмъ буддійской любви проявляется всюду. Почему, напр., буддійскій монахъ имѣетъ «любовь и доброжелательство къ другимъ»,—по крайней мѣрѣ, долженъ имѣть ту и другое? Да потому, что «чрезъ ненависть происходятъ страданія,—любовь-же и доброжелательность умалютъ ихъ». Въ буддизмъ важно «не столько то, чтобъ мы любили своихъ враговъ, сколько то, чтобъ не питали къ нимъ ненависти... Поступать благожелательно въ отношеніи ко всѣмъ выгоднѣе: съ такимъ образомъ жизни и дѣятельности можетъ, согласно есте-

¹⁾ Проф. М. А. Олесницкій: „Исторія нравственности и нравственныхъ ученій“. Ч. 2-я. Кіевъ. 1886 г., стр. 169...

²⁾ Чит. мою статью: „Сущность христіанскаго ученія объ отношеніяхъ человѣка къ ближнимъ“ (Христ. Чтен. 1897 г. Ноябрь, стр. 245).

³⁾ Келлогъ: „Буддизмъ и христіанство“. 2-е русск. изд. Кіевъ, 1894 г., стр. 263 и слѣд.

ственному закону возмездія, соединиться и бѣлая награда. Тоже нужно сказать и относительно заповѣдуемаго буддизмомъ прощенія обидь. Мысль, лежащая въ основѣ этой заповѣди, та, что въ житейскихъ дѣлахъ прощеніе обидь и миръ со всѣми—наиболѣе выгодный образъ поведенія»¹⁾...

Коротко сказать: странно было бы искать въ буддизмѣ чего-либо, напоминающаго христіанскую любовь, любовь безкорыстную, чистую, дѣятельную, любовь до самопожертвованія за ближняго и проч. Кто сталъ бы утверждать противное, тотъ или обнаружилъ бы полное незнаніе дѣйствительнаго положенія вещей, или сознательно говорилъ бы неправду...

б) «Древнѣйшій, извѣстный намъ, періодъ индійской религіи называется ведійскимъ, по имени священныхъ писаній этого времени». Въ частности, «Ригъ-Веда»—это—«книга, содержащая религіозные гимны». Время происхожденія ея неизвѣстно. «Обыкновенно его относятъ къ 1200 — 1000 гг. до Р. Хр.». При этомъ не слѣдуетъ забывать, что «веды въ теченіе столѣтій были передаваемы устно, а не письменно»²⁾. Слѣдовательно, нельзя игнорировать вопроса о позднѣйшихъ наслоеніяхъ, измѣненіяхъ. Итакъ, время возникновенія Ригъ-Веды опредѣлить точно невозможно: иные относятъ его даже къ «1200 — 800 гг. до Р. Хр.» и, притомъ, не только иные, а, по выраженію Беттани и Дугласа, «большинство»³⁾... Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, достоинства ведійской мудрости, древней «индійской» вообще сводятся обычно къ проповѣдыванію ея извѣстнаго моральнаго принципа: «не дѣлай другому

¹⁾ Ibid., стр. 265 и слѣд.

²⁾ Шантени-де-ля-Соссей: „Иллюстрированная исторія религій“: Т. II. Москва, 1899 г., стр. 8, 9, 10, 12... Ср. у проф. А. И. Введенскаго: „Религіозное сознание язычества. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій“. Т. I. Москва, 1902 г., стр. 242, 736—738.

³⁾ Беттани и Дугласъ: „Великія религіи Востока“. Москва, 1899 г., стр. 22.

того, чѣмъ оскорбился бы ты самъ», или: «дѣлай другому то, что желалъ бы ты, чтобы и другой тебѣ дѣлалъ; и не дѣлай другому того, чего ты не желалъ бы, чтобы и другой тебѣ дѣлалъ» и пр. ¹⁾ А что мы уже говорили объ этомъ принципѣ?

аа) Онъ далеко не выражаетъ всей сущности христіанскаго ученія о любви къ ближнему и даже не заключаетъ прямого указанія на необходимость этой любви; въ крайнемъ случаѣ это — сухой юридическій принципъ, воздающій сухо «suum cuique»,—принципъ—на эгоистической, корыстной подкладкѣ, отрицаемой христіанствомъ и проч.,—принципъ, далеко превзойденный христіанствомъ ²⁾... бб) Нашедшій свое выраженіе въ книгѣ Товитъ, этотъ принципъ заимствованъ здѣсь по своему существу изъ Пятикнижія Моисеева, будучи развитіемъ лишь заповѣди изъ Лев. XIX, 18... и дойдя до Товита чрезъ посредство «іудейскаго преданія» и т. д. ³⁾. А Моисей—писатель Пятикнижія — жилъ за 1500 лѣтъ до Р. Хр. ⁴⁾, слѣдовательно, раньше происхожденія Ригъ-Веды. Выводъ отсюда (дальнѣйшій) ясенъ.

Во всякомъ случаѣ, если даже не придавать значенія второму обстоятельству («бб»), то вполне будетъ достаточно и одного перваго («аа»), чтобы отвергнуть всякую силу у Саладиновыхъ положеній.

в) «Ведаизмъ смѣнился **Браманизмомъ**», подобно тому какъ этотъ послѣдній—«Буддизмомъ» ⁵⁾ (о которомъ рѣчь была *раньше*, потому что онъ—явленіе, нынѣ обычно подчеркиваемое въ особенности)...

Что-либо подобное христіанскому ученію о любви къ

¹⁾ Срав. Saladin: S. 173.

²⁾ См. выше: нашу рѣчь о „Секстѣ—пифагорейцѣ“.

³⁾ См. *ibidem*.

⁴⁾ См., напр., у проф. А. П. Лопухина „Библейскую Исторію“, Ветхій Зав., т. 2-й, Спб. 1890 г., стр. 1041: „Исходъ“ изъ Египта падаетъ на „1496 г. до Р. Хр.“.

⁵⁾ См. подробности у проф. А. И. Введенскаго: *op. cit.*

ближнему не могло возникнуть и въ періодъ Браманизма. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно привести лишь двѣ-три справки. Такъ, извѣстно, что «брамины»¹⁾ считали себя «выше другихъ, даже самихъ боговъ»²⁾. Дѣленіе на «касты»³⁾, столь рѣзко заявляющее о себѣ въ браманизмѣ, содѣйствовало разобненію однихъ слоевъ населенія отъ другихъ въ высшей степени сильно. Совершенно вѣрно, что «браминская система доводила нѣкоторые народныя классы до чисто-скотскаго состоянія». Напр.: дѣти отъ совокупленія не-брамина съ «браминской женщиной», называвшіяся «презрѣннѣйшими смертными, лишены были всякихъ человѣческихъ правъ..., жили въ городовъ и сель..., употреблялись для самыхъ низкихъ услугъ», ставились на одну линію съ «собаками и воронами»⁴⁾... Кромѣ того, цѣлая половина человѣческаго рода—женщины—въ браманизмѣ «поставлены были слишкомъ низко»; ихъ положеніе въ семьѣ было ужасно: «если бѣ жизнь мужа была даже достойна порицанія, если бѣ даже онъ распутствовалъ съ другими женщинами и не имѣлъ ни одного добраго свойства, то и тогда жена должна почитать его, какъ бога»⁵⁾... Такой невѣроятно-унизительный взглядъ на женщину перешелъ и въ буддизмъ⁶⁾, гдѣ «женщина трактуется, какъ существо низшей породы»,—гдѣ «человѣку, въ наказаніе за его дурную жизнь», обѣщается, что онъ «возродится женщиною»,—гдѣ «жена, дочь, мать имѣютъ совершенно одинаковое значеніе съ непотребной женщиной» и проч.⁷⁾... Возвращаясь къ браминамъ, должны сказать, что «браминъ несравненно лучше обращался съ

1) „Брамыны или гимнософисты“ (Salad. S. 174).

2) Проф. А. О. Гусевъ: „Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству“ (Спб. 1874 г.), стр. 27.

3) Ibid., стр. 28.

4) Ibid., стр. 28—29.

5) Ibid., стр. 28.

6) Ibid., стр. 123, 124 и др.

7) Ibid., стр. 135 и др.

животными, чѣмъ съ людьми, принадлежавшими къ низшимъ классамъ. Тотъ же индѣецъ, который могъ безчувственно смотрѣть на страданія паря и вовсе отказывать ему въ рукѣ помощи, боялся... сорвать травку»¹⁾... Обращая вниманіе на характеръ «побужденій къ добродѣтельной жизни» въ браманизмъ, всюду усматриваемъ только корыстный, эгоистическій моментъ, въ частности: «только страхъ грядущихъ наказаній» заставляеть здѣсь челоуѣка бытъ добродѣтельнымъ²⁾...

Но довольно! Уже и изъ намѣченнаго ясно видно, что тамъ, гдѣ господствуетъ эгоизмъ, презрительное отношеніе высшихъ къ низшимъ, а этихъ, конечно, къ еще болѣе низшимъ,—гдѣ безнравственно принижена цѣлая половина челоуѣческаго рода—женщины...,—гдѣ всюду преслѣдуется только корысть и корысть...,—не можетъ быть и разговоръ о чемъ-либо, напоминающемъ чистую, самоотверженную, безкорыстную любовь христіанскую, не различающую ни высшихъ, ни низшихъ, ни мужчинъ, ни женщинъ,—полную..., единственную³⁾.

2) О «перипатетикахъ»⁴⁾ собственно не стоило бы и говорить здѣсь послѣ того, что уже было сказано объ

¹⁾ Ibid., стр. 31.

²⁾ Ibid., стр. 30.

³⁾ Литература о ведаизмѣ, браманизмѣ и буддизмѣ (особенно о послѣднемъ) необозрима: см. у проф. А. И. Введенскаго (ор. cit), у Шантени-де-ля-Соссей (ор. cit., т. II и въ приложеніи: „Библиографическій указатель книгъ и статей на русск. яз. по исторіи религій“)... Нѣкоторые буддійскіе первоисточники переведены и на русскій языкъ: напр., „Буддійскій катихизисъ“ — Олькотта (особенно въ переводѣ проф. о. Т. И. Буткевича; Харьк. 1888 г.), Буддійскій катихизисъ— „ламаитскій“ (въ перев. іеромон. Мееодія; 2 изд. Спб. 1902 г.), „Путь къ истинѣ (—Даммапада)“ (въ перев. Н. Герасимова; Москва, 1898 г.) и друг.—У Шантени... въ „прилож.“ (см. выше) указана литература (замѣтимъ здѣсь, чтобъ не повторяться лишній разъ по отношенію къ этой книгѣ) и по другимъ вопросамъ нашего очерка, касающаяся „Китаа“, „Вавилона“, „Евреевъ“, „Греціи“, „Рима“ и др.

⁴⁾ Виндельбандъ: ор. cit., стр. 250—254.

Аристотелѣ и другихъ греческихъ моралистахъ. Часто повторяя своихъ предшественниковъ, въ особенности Аристотеля (таковъ, напр., преимущественно Эвдемъ Родосскій) ¹⁾, они не внесли въ область этики, которую, конечно, мы здѣсь и имѣемъ въ виду, ничего сколько-нибудь существенно новаго: основная греческая точка зрѣнія осталась безъ измѣненій въ сущности. А если—такъ, то остальное уже ясно. «Чтобы изъ грека вышелъ христіанинъ», говоритъ проф. Фр. Паульсенъ, «требуется ни больше, ни меньше, какъ смерть стараго и рожденіе новаго человѣка. Все, что имѣло цѣну у грековъ, не имѣетъ никакого значенія въ христіанствѣ, и наоборотъ: все, что имѣетъ цѣну здѣсь, не имѣло никакой цѣны тамъ. Добродѣтели грека являются препятствіемъ для рожденія вновь... На мѣсто всѣхъ естественныхъ добродѣтелей эллинизма христіанство ставитъ одну новую: милосердіе. Любовь къ ближнимъ коренится въ любви къ Богу»... Но эта «добродѣтель милосердія грекамъ» неизвѣстна, и ея «нѣтъ въ числѣ ихъ добродѣтелей». Напрасно указываютъ на «щедрость»—добродѣтель греческой этики (Аристотельской...): она «не имѣетъ ничего общаго съ христіанскимъ милосердіемъ; въ основѣ христіанской любви къ ближнему лежитъ отреченіе отъ себя, тогда какъ щедрость является одной изъ формъ самоуслажденія. Милосердый обращаетъ все вниманіе на нужду ближняго и забываетъ себя, чтобы помочь ему, — а щедрый заботится о томъ, чтобы даваніе приличествовало даятелю. Дѣла милосердія совершаются въ тайнѣ,—а для щедрости необходима огласка. Милосердіе проявляется по отношенію къ чужому, съ которымъ

¹⁾ Объ его сочиненіи: „Νεῖκα Εὐδῆμια“ и отношеніи къ Аристотелю см. въ литов. *моей* диссертациі: „Аристотель“ etc., стр. 1, 2, 3... „Основная мысль, проходящая по Этикѣ Эвдемовской, въ сущности мало представляетъ собою чего-либо такого, что могло бы особенно отличать ее отъ основной мысли Аристотелевской Этики Никомаховской“... (ibid., стр. 3).

совершающей дѣла милосердія не связанъ ничѣмъ...; щедрость же направляется на родню, кліентовъ, согражданъ. Христiанская любовь къ ближнимъ не вытекаетъ изъ естественнаго стремленія воспользоваться плодами собственной предусмотрительности въ формѣ оказанной помощи; корни ея не лежатъ и въ области естественнаго влеченія симпатiи, вырастающей на почвѣ родовой жизни и связывающей человѣка съ его ближними¹⁾...

Достаточно! Грековъ вообще и перипатетиковъ въ частности слѣдуетъ оставить въ сторонѣ, въ особенности—когда идетъ рѣчь о добродѣтели любви, любви христiанской, потому что въ томъ и другомъ случаяхъ на-лицо—міровоззрѣнія совершенно различныя, другъ друга не понимающія... И зачѣмъ Саладину потребовались перипатетики? Просто хотѣлось бросать именами, часто первыми встрѣчными въ расчетъ на невѣжество читателей²⁾.

Въ свое время мы спеціально занимались вопросомъ объ отношеніи къ этикѣ Аристотеля этики перипатетиковъ—его «непосредственныхъ послѣдователей» (Феофраста, Эвдема Родосскаго, Критолая и др.) и давно твердо себя выяснили то, что выше нами уже и отмѣчено, т. е. зависимость учениковъ отъ учителя, повтореніе первыми послѣдняго, за «незначительными» лишь исключеніями, не имѣющими существенной важности³⁾. Отсюда то, что было говорено объ Аристотелѣ, надлежитъ припомнить и здѣсь⁴⁾.

¹⁾ Проф. Фр. Паульсенъ: „Основы этики“. Москва, 1906 г., стр. 85, 86, 87, 88.

²⁾ Ср. Luthardt: *op. cit.* („Die ant. Eth.“), S. 96. Ср. мою статью: „Нужно-ли учиться христiанству изъ Ипполита—Еврипидовой трагедіи?“ („Хр. Чт. 1903 г., Апрель, Май, Августъ) (см. по отдѣльному „оттиску“ особенно стр. 24, 36, 37—40, 41, 52, 53... 56... 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67 и друг.). По вопросу объ Ἠθικά Μεγάλα и ея отношеніи къ Аристотелевской „Никомаховой Ἠθикѣ“ см. въ цитов. моей диссертациі: „Аристотель“ etc., стр. 2, 3...

³⁾ См. мою диссертацию: „Аристотель“ etc., стр. 221—223.

⁴⁾ Нѣкоторыя отдѣльныя положенія, напр., Феофраста, весьма сим-

3) **Стоики**, какъ мораллисты, истые греки ¹⁾). Общій духъ ихъ этики не даетъ почвы для ученія, подобнаго христіанскому, о любви къ ближнимъ. Это ясно и вѣрно выражено у г. Невзорова: «въ противоположность нравственности стоической, состоящей только въ простомъ *горделивомъ* возвышеніи надъ всѣмъ окружающимъ, нравственность христіанина есть рядъ практическихъ дѣйствій, совершенныхъ по любви къ Богу и ближнимъ»... ²⁾),—говоритъ онъ въ результатъ своей долгой работы...

Представители иной точки зрѣнія указываютъ чаще всего на Цицерона ³⁾). Будучи «электикомъ», въ нравственномъ своемъ ученіи онъ—чистѣйшій стоикъ (я Аристотеликъ...) ⁴⁾). Цицеронъ, повидимому, дѣйствительно заслуживаетъ особеннаго вниманія въ данномъ случаѣ. Такъ, имъ рекомендуется добродѣтель «благотворительности», «благожеланія» одного человѣка въ отношеніи къ другимъ («*beneficentia, benignitas vel liberalitas*»), «и здѣсь, повидимому, возвѣщается основная христіанская добродѣтель любви». Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла приходится разочаровываться все болѣе и болѣе. Такъ, «высшею добродѣтелью и, при томъ, съ очень рѣшительнымъ

натичны (чит. цитов. выше „Изреченія“..., стр. 239—242): онъ возстаётъ противъ „злыхъ“, противъ „не любящихъ людей стороннихъ“ (стр. 242) (хотя и въ древне-греческомъ, а не христіанскомъ духѣ), противъ „завистливыхъ“ (стр. 241), „лстивыхъ“ (*ibid*); совѣтуетъ „заботиться“ о семьѣ, родителей (хотя и съ корыстною цѣлью) (стр. 240) и пр. „Презрѣнія къ славѣ“ (стр. 242) онъ, какъ истый грекъ, однакожъ, не одобряетъ (хотя и подъ благовиднымъ предлогомъ)... Ср., между прочимъ, Марк. IX, ст. 12. Филипп. II, 7, 8... (ср. ст. 5)...

¹⁾ См. мою диссертацию: „Аристотель“ etc., стр. 224—226.

²⁾ И. Невзоровъ: „Мораль стоицизма и христіанское правоученіе“. Казань, 1892 г., стр. 118...

³⁾ См. о немъ въ *моей* диссертациі: „Аристотель“ etc., стр. 228—229.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 228 (въ концѣ—предъ примѣчаніями...), 229. См. еще мою же статью: „О столбовеніи обязанностей“ („Христ. Чт.“ 1897 г., Февр., стр. 320).

ограниченіемъ любви, остается справедливость, какая господствовала и въ этикахъ Аристотеля и Платона. Хотя рекомендуется оказываніе помощи, однако, оно, по Цицерону, не должно быть обременительно для дателя. Высшая норма: *suum cuique* («каждому свое»). Въ собственномъ смыслѣ милосердія этика Цицерона не знаетъ. Благожеланіе ограничивается степенью достоинства другого. Слѣдовательно, оно имѣетъ мѣсто и разсматривается «не съ точки зрѣнія любви, но съ точки зрѣнія только справедливости и нерѣдко—безжалостной, жестокой»¹⁾... Такъ и припоминаются (уже приводившіяся выше) слова Господни: «если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?» (Матѳ. V, 46. 47)... У Цицерона всюду именно и проглядываетъ холодная расчетливость, опасеніе, какъ бы мы не оказали своимъ «друзьямъ» или вообще ближнимъ благъ больше, нежели сколько мы получили отъ нихъ,— больше, нежели насколько они имѣютъ права и проч.²⁾ Онъ ясно высказывается даже противъ «прощенія обидъ», находя это прощеніе «дѣломъ преступнымъ» (общественная точка зрѣнія), — по противоположности христіанству, учащему, что «любовь все покрываетъ..., все переноситъ..., не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла..., долготерпитъ, милосердствуетъ» и проч. (1 Коринѳ. XIII, 7, 5, 4; ср. и 6 и др.)...³⁾

«Въ собственномъ смыслѣ состраданіе» къ ближнему

¹⁾ См. мою диссертацию: „Аристотель“ etc., стр. 220, 216. 163 и слѣд. Luthardt: op. cit. („Die ant. Eth.“), S. 142, 143. См. мою статью (цитованную): „Сущность христ. ученія объ отнош. чловѣка къ ближнимъ“, стр. 246.

²⁾ См. мою цит. статью: „Сущн. хр. уч.“, стр. 246—247.

³⁾ См. у Bittner'a: „Lehrbuch der katholischen Moraltheologie“, Regensburg, 1855, S. 421; ср. и др.

неизвѣстно и стойку Сенеки—весьма видному въ школѣ ¹⁾. «Древній аристократизмъ обнаруживается» у него «въ чванливости мудреца», который является «земнымъ богомъ, живущимъ лишь съ однимъ собою въ самосозерцаніи» ²⁾... «Истиннаго чувства любви въ христіанскомъ смыслѣ мораль Сенеки не только не знаетъ, но, съ точки зрѣнія своихъ основныхъ принциповъ, и знать не можетъ. Истинный альтруизмъ по самому существу чуждъ ей, такъ какъ для него здѣсь нѣтъ достаточныхъ мотивовъ и истинныхъ побужденій». Не удивительно, поэтому, что «Сенека не помѣщаетъ любви не только въ числѣ основныхъ, но и даже просто въ числѣ добродѣтелей»... Все это и подобное обстоятельно выяснено г. В. Фаминскимъ въ спеціальной диссертациі... ³⁾

Общая стоическая точка зрѣнія теперь понятна. О другихъ стойкахъ говорить уже не будемъ, если не нашли того, чего искали, даже у этого стоическаго колосса... ⁴⁾

Слѣдовательно, Саладинъ не имѣлъ права привлекать и стойковъ, какъ не проповѣдывавшихъ воззрѣній, какія онъ легкомысленно имъ навязываетъ.

4) **Ессеи и ѳерапевты.** Ессеи — «іудейскіе сектанты», появившіеся вѣка за полтора до Р. Хр. и жившіе на берегу Мертваго моря... ⁵⁾ ѳерапевты — «іудейскіе» же «се-

¹⁾ Ср. о немъ въ *моей* диссерт. „Аристотель“ etc., стр. 225—226.

²⁾ Luthardt: op. cit., S. 151.

³⁾ „Религіозно-нравственныя воззрѣнія Л. Анвѣя Сенеки (философа) и отношеніе ихъ къ христіанству“. Кіевъ, 1906 г. стр. 373, 374 и мног. др. (315—400 и пр.).

⁴⁾ Послѣ того, какъ мы рассмотрѣли нравственное ученіе вышеотмѣченныхъ греко-римскихъ мыслителей,—на основаніи добытыхъ нами результатовъ должны сказать, что появленіе книгъ съ заглавіями въ родѣ: „Соперники христіанства“—проф. Ѳ. Зѣлинскаго (Спб. 1907 г.) представляется намъ удивительнымъ: „античная мысль“, какъ мы видѣли при сопоставленіи ея съ христіанскою (по центральному пункту этики) не имѣетъ права претендовать на столь громкій титулъ.

⁵⁾ Zeller Ed. „Die Philosophie der Griechen“... III Th., 2 Abth. 3

ктанты», жившіе въ Египтѣ и въ особенности «у Маретскаго озера вблизи Александріи»... ¹⁾ Терапевты—«секта, родственная ессеямъ». Ученіе обоихъ «нравственное» «очень сходно» ²⁾. Впрочемъ,—по мнѣнію нѣкоторыхъ,—терапевтовъ на самомъ дѣлѣ и не существовало ³⁾. Съ ними знакомить насъ «исключительно Филоновское сочиненіе *Περὶ βίῃς θεωρητικῆς* (*De vita contemplativa*)», которое нынѣ признается «неподлиннымъ». Отсюда естественно—«какъ «историческое явленіе» — могутъ разсматриваться «лишь ессеи», но не терапевты ⁴⁾. Объ ессеяхъ только и будемъ говорить, привлекая терапевтовъ лишь между прочимъ. И такъ (умалчивая о другихъ историческихъ... вопросахъ, связанныхъ съ именемъ ессеевъ и терапевтовъ, какъ вовсе не интересныхъ для нашихъ цѣлей), спросимъ: учили-ли данные сектанты о любви?

Свѣдѣнія объ интересующихъ насъ сектантахъ находятся: у Иосифа Флавія («О войнѣ іудейской»: кн. II, гл. VIII; «Древности»: кн. XVIII, гл. I), Филона («*Quod omnis probus liber*»... §§ 12—13), Плинія Старшаго («*Historiae naturalis libri XXXVII*»...: lib. V, cap. XVII), Евсевія («*Praeparat. evangel.*», lib. VIII, cap. XI)... ⁵⁾

Ессеи—«истинные виртуозы нравственности». Такъ ихъ обычно аттестуютъ изслѣдователи ⁶⁾. И въ самомъ дѣлѣ, вышеназванные источники рисуютъ ихъ «умѣренными», чуждающимися «роскоши», бѣгущими отъ «славы»... Въ

Aufl. Leipz. 1881. S. 278. А. А. Смирнова „Объ ессеяхъ въ отношеніи къ христіанству“ (Москва, 1868 г.), стр. 15, 16 и др.

¹⁾ Zeller: S. 302. Смирновъ А. А: стр. 21.

²⁾ Zeller: S. 302, 303. Ср. у А. А. Смирновъ: стр. 22, 23.

³⁾ Th. Ziegler: „*Geschichte der christlichen Ethik.*“ 2 Aufl. Strassburg, 1892, S. 40.

⁴⁾ Jbidem.—Zeller: S. 307, 308...

⁵⁾ Нижеслѣдующихъ заимствованій изъ этихъ источниковъ цитовать особо не будемъ.

⁶⁾ D. Emil Schürer: „*Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi.*“ 3 Aufl. II Band. Leipz. 1898 S. 566.

ессейской общинѣ «все» было «общимъ», «все» совершалось «ради общей пользы». Считая всѣхъ людей «равными», «братьями», ессеи (и еерапевты) отрицали «рабство»¹⁾. Въ отношеніи другъ къ другу они были «услужливы», воздавая «услугою за услугу», «одолженіемъ за одолженіе», «уважали старшихъ», окружали всевозможными попеченіями «больныхъ»; воздерживались отъ «гнѣва», «ярости»; «справедливостію превосходили всѣхъ грековъ и варваровъ»; любили «дружбу», «миръ»; были добροжелательны; «болѣе прочихъ любили другъ друга» и проч. Какъ бы подозрительно ни относились мы къ достовѣрности вышеуказанныхъ источниковъ, изъ которыхъ особенное значеніе признается за Флавіемъ и Филономъ²⁾,— какъ бы ни находили «возможности» «подозрѣвать», напр., перваго «въ прикрасахъ и преувеличеніяхъ»³⁾, а равно и втораго,—обоихъ въ тенденціозности (они желали «представить грекамъ въ лицѣ ессеевъ образецъ истинной мудрости и добродѣтели», причемъ Флавій «считаетъ ессеевъ древнѣе всѣхъ мудрецовъ греческихъ, а Филонъ возводитъ начало ихъ даже къ самому Моисею»; иногда оба «противорѣчатъ другъ другу» и т. п.)⁴⁾,—во всякомъ случаѣ предъ нами на-лицо, несомнѣнно, выдающихся нравственныхъ взглядовъ сектанты: ихъ взаимоотношенія удивительны для до—христіанской эпохи,—особенно обращаетъ на себя вниманіе ихъ «любовь» въ отношеніи другъ къ другу, которую они, какъ сказано, проявляли «болѣе прочихъ»... Пусть будетъ такъ! Пусть здѣсь нѣтъ преувеличеній (хотя это и болѣе, чѣмъ сомнительно)!

1) Ср. мою статью: „Безплодно-ли христіанство“ (Страпникъ, 1907 г., Дек., стр. 633—634)...

2) См., напр., ср. cit. проф. А. А. Смирнова: стр. 5, 6.

3) А. Эдершеймъ: „Жизнь и время Иисуса Мессіи“. Т. I. Москва, 1900 г., стр. 410. Перев. о. М. П. Фивейскаго.

4) Проф. А. А. Смирновъ: стр. 14, 15.

Присмотримся къ другимъ сторонамъ ессейской этики: не дадутъ-ли онѣ намъ ключа къ уясненію ихъ ученія о человѣческихъ взаимоотношеніяхъ, какъ нормальныхъ? аа) Ессеи смотрѣли на тѣло—какъ на «темницу», въ которую введена душа (то же находимъ и у еерапевтовъ) ¹⁾. Отсюда ясно, что они не видѣли необходимости заботиться о немъ (—какъ о своемъ каждый, такъ и о тѣлѣ ближняго). Стремленія всякаго должны были направляться къ стѣсненію его, къ подавленію его потребностей (по примѣру стоиковъ, Платона...). Христіанская, напротивъ, точка зрѣнія, называющая наши тѣла «храмомъ Святого Духа» (1 Коринѣ. VI, 19...), считаетъ заботу о нихъ нашею обязанностью (Колосс. II, 23. 1 Тимое. V, 23. Сравн. I. Сирах. XXXVIII, 1...) ²⁾. бб) Ессеи проповѣдывали «безбрачіе» (еерапевты—также) ³⁾. При этомъ они смотрѣли на женщину въ высшей степени пренебрежительно (еерапевты—лучше) ⁴⁾. Въ ихъ общину (у Мертваго моря) женщины не допускались. Женщина у нихъ считалась «самолюбивою, неумѣренною, завистливою, способною колебать нравы мужа, непрерывною соблазнительницею, льстивою, притворщицею, обманщицею»..., женщина — «мать—высокомѣрною, дерзкою, безстыдною, враждебною обществу», «порабощающею» мужа и пр. (см. у Евсевія, напр., loco citato). Аттестуя такъ женщину, ессеи eo ipso неприкровоенно аттестуютъ и самихъ себя: болѣе горделивыхъ людей трудно себѣ и представить! Они хороши, а женщина—чуть-ли «не зла злѣе» (по древне—русскому выраженію). Половина человѣческаго рода сразу вычеркнута, какъ негодная. Эгоисты—высокомѣрные—мужчины не хотятъ имѣть ее въ своей средѣ: эта «половина», ви-

¹⁾ О нихъ см., напр., у Zeller'a: S. 306, 305.

²⁾ См. объ этомъ мою статью: „Христіанское самолюбіе“: Хр. Чтен. 1897 г., Авг., стр. 245—256.

³⁾ См., о нихъ, напр., у Zeller'a: S. 304.

⁴⁾ Ibid., S. 303.

дите-ли, мѣшала-бы ихъ личному безмятежію, смущала-бы, разстраивала-бы! Здѣсь ессеи сказались «всѣ». И о какой тутъ любви можетъ быть рѣчь, кромѣ любви къ себѣ только, кромѣ эгоизма? Съ ессеями могли-бы конкурировать здѣсь развѣ буддисты... Нужно-ли еще продолжать? Думаемъ, что совершенно излишне. И совсѣмъ изъ другого уже міра, ессеиству непонятнаго, слышимъ слова: «всѣ вы сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Иисуса. Всѣ вы, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись. Нѣтъ уже Иудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; *нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго*: ибо всѣ вы одно во Христѣ Иисусѣ» (Галат. III, 26—28). Христіанская церковь знаетъ безчисленный сонмъ великихъ женщинъ: подвижницъ, святыхъ..., возглавляемыхъ «Приснодѣвою Божіею Матерью, Пренепорочною»... вв) «Равенство», «братство»! Прекрасныя слова, но, повидимому, только слова, къ сожалѣнію... Женщины-то, какъ мы уже видѣли, оказались не равны мужчинамъ, ниже этихъ. А затѣмъ? «Члены секты не были равны и между собою: они раздѣлялись на четыре степени» ¹⁾. Это бы еще не бѣда, еслибъ представители высшей «степени» не относились съ высокоуміемъ къ низшей, какъ къ чему-то нечистому: «одно прикосновеніе къ низшей степени оскверняло есеея и дѣлало для него необходимымъ очищеніе чрезъ омовеніе»... ²⁾ Хорошо братство, хорошо равенство, хороша любовь! Какъ у Платона, напр., «правитель—философъ» горделиво относился къ «воину», а этотъ — къ «ремесленнику — земледѣльцу», а эти—къ «рабамъ», къ «варварамъ» ³⁾,—такъ и здѣсь представители высшихъ «степеней» къ низшимъ, а эти, въ свою очередь, ко всѣмъ не—есееямъ. При такихъ условіяхъ, не можетъ быть и рѣчи у есеевъ о любви христіанской, исключаяющей даже и тѣнь горделивости,—

¹⁾ Проф. А. А. Смирновъ: стр. 18.

²⁾ Эдершеймъ: op. cit., стр. 414.

³⁾ Ср. выше.

о любви именно искренней, нелицемѣрной и пр. ¹⁾. Тамъ, гдѣ «высокомѣріе», не можетъ быть и разговоръ объ истинной взаимной любви. Это извѣстно всякому, сколько—нибудь способному понимать психологическіе вопросы и состоянія... г) «Услуга за услугу», «одолженіе за одолженіе»... Это понятно и напоминаетъ ветхозавѣтное «око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу» (Исх. XXI, 24) — принципъ, не идущій далѣе вѣшне—юридическаго соответствія и отмѣненный Спасителемъ, уведшимъ челоувѣчество безконечно далеко впередъ. Вотъ, еслибъ ессеи учили о необходимости воздавать услугой за враждебное къ намъ дѣйствіе, одолженіемъ за злословіе, за оскорбленіе насъ, тогда они приблизились—бы къ новозавѣтной Христовой проповѣди, призывающей насъ: къ тому, «кто ударить въ правую щеку, обратить и другую», — «отдать и верхнюю одежду» тому, «кто захочетъ взять» у насъ «рубашку» и пр. (Матѣ. V, 39, 40, 41...). Но до этой высокой точки зрѣнія ессеямъ было слишкомъ далеко: отъ нихъ вѣетъ корыстью, которая чуется и въ ихъ совѣтѣ — почитать старшихъ, ухаживать за больными пр. (моль-де и съ вами въ подобныхъ положеніяхъ такъ-же будутъ обращаться другіе)... д) О любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, ессеи не учатъ. Тѣмъ болѣе имъ совершенно неизвѣстно ученіе о самопожертвованіи за ближняго. До такихъ высокихъ ученій они не доросли и сами—своимъ естественнымъ умомъ—не могли, конечно, и дорости...

А слѣдовательно,—въ виду всего сказаннаго, — невозможно безпристрастному и понимающему дѣло челоувѣку и говорить, что христіанская заповѣдь о любви не представляетъ заповѣди новой, по сравненію съ ессейскимъ ученіемъ. Поэтому совершенно правъ, напр., Эдершеймъ, утверждающій, что «ни Іоаннъ Креститель со своимъ

¹⁾ Чит. о ней цитов. мою актов. рѣчь (Хр. Чт. 1899 г., Мартъ) и цитов. мою статью изъ Хр. Чтен. 1897 г., Ноябрь.

крещеніемъ, ни христіанское ученіе не имѣли никакихъ связей съ ессеизмомъ»... ¹⁾). Совершенно правъ и Гарнакъ (въ удивленію, высказавшій здравую о христіанствѣ мысль), который замѣчаетъ: I. Христосъ «не могъ быть въ какой-либо близости къ ордену ессеевъ. Въ противномъ случаѣ мы должны были бы признать Его однимъ изъ тѣхъ учениковъ, которые проявляютъ свою зависимость отъ учителей въ томъ, что проповѣдуютъ и исполняютъ совершенно противоположное тому, чему ихъ учили»... ²⁾). Характерно и совершенно убійственно для Саладина и К-о.

И если у ессеевъ имѣется кое-что, — какъ мы выше видѣли, — и даже немалое — симпатичное (хотя снова говоримъ, что до христіанскаго ученія о любви, напр., они не возвысились), то все это ими заимствовано изъ ветхозавѣтнаго божественнаго Откровенія, хорошо имъ (какъ іудейской сектѣ) извѣстнаго. Имъ извѣстны были: кн. Товита и кн. Левитъ (см. выше объ интересныхъ изъ той и другой мѣстахъ). Извѣстно было библейское ученіе о томъ, что всѣ люди произошли отъ одной четы и суть, слѣдовательно, братья по плоти, равны по природѣ и проч. и проч.

И поскольку христіанское ученіе стоитъ въ согласіи съ ветхозавѣтнымъ — откровеннымъ, постольку первое можетъ стоять въ извѣстномъ соотвѣтствіи и съ ессеизмомъ, воспроизводящимъ второе. Но это соотвѣтствіе не касается, какъ увидимъ ниже, центрального пункта христіанской этики (о любви), — оно относится лишь къ сторонамъ второстепеннымъ, случайнымъ... ³⁾). Дѣло, такимъ образомъ, ясно ⁴⁾).

¹⁾ Эдершеймъ: *op. cit.*, стр. 410.

²⁾ Ад. Гарнакъ: „Сущность христіанства“. Спб. 1907 г., стр. 24...

³⁾ Жаль (замѣтимъ мимоходомъ), что изслѣдованіе К. Чемены: „Происхожденіе и сущность ессеизма“ (Черкасы, 1894 г.) остановилось на первомъ томѣ и доселѣ не продолжено. — См. указаніе литературы объ ессеяхъ, напр., у D. Wilhelm'a Bousset'a въ его „Die Religion des Judentums im neutestamentlichen Zeitalter“ (2 Aufl. Berlin, 1906. S. 524—525). О ессеевѣхъ ср. *ibid.* S. 536—539. См. и у друг.

⁴⁾ Отселѣ теряютъ смыслъ такіа безграмотныя книги, какова, напр.,

5) «Золотое правило Гиллеля (50 г. до Р. Хр.), говоритъ Саладинъ ¹⁾, таково: «не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали». Больше Саладинъ ничего о Гиллелѣ не передаетъ. Изъ другихъ источниковъ знаемъ, что Гиллель прибавилъ къ сказанному слова: «вотъ весь законъ; все остальное — толкованія на него»... ²⁾).

Что-же отсюда? А то, что дѣлать какія-либо особыя заключенія преждевременно. Во первыхъ, нѣтъ возможности рѣшить: что изъ приписываемаго Гиллелю дѣйствительно ему «принадлежитъ»? «Сами іудейскіе писатели» это утверждаютъ. Многое, приписываемое ему, могло «принадлежать его школѣ», ³⁾ слѣдовательно, произойти гораздо позже. Во вторыхъ, самый духъ ученія Гиллеля, насколько о немъ можно судить, совсѣмъ иной по сравненію съ христіанскимъ. Это — «тотъ» именно «самый духъ, который поборолъ Христосъ всюю Своею жизнью и дѣлами и который осуждался всѣмъ Его ученіемъ» ⁴⁾. «Сравнивать ученіе Гиллеля съ ученіемъ Спасителя», говоритъ Фарраръ, «нелѣпо. Оно было законническое, казуистичное и узкое, между тѣмъ какъ ученіе Иисуса—религіозное, нравственное, человѣчное... Умъ Гиллеля былъ занятъ мелкими и безконечно пустыми и формальными вопросами (: нужно-ли сначала умыть руки и затѣмъ наливать стаканы, или наоборотъ; на столъ или ни сидѣнье нужно класть салфетку и пр.). Съ какою жадностью І. Христосъ отнесся-бы къ мнѣнію, что такіе

„Die Ethik Jesu“ — Albr. Rau (Giessen, 1899), гдѣ, въ числѣ прочихъ нелѣпостей (о „Платонѣ“, „Филонѣ“ и т. п.: Кар. II и друг.), разсказываются сказки (въ духѣ Саладиновомъ) и объ „ессеяхъ и терапевтахъ“—этихъ мнимыхъ „христіанахъ до Христа“ (Кар. III).

¹⁾ Saladin., op. cit., S. 174.

²⁾ Ф. В. Фаррара „Жизнь Иисуса Христа“. Перев. проф. А. П. Лолухина. 3-е иллюстр. изд. Спб. 1900 г. т. I. стр. 357.

³⁾ Ibid. стр. 356.

⁴⁾ Ibid., стр. 357.

вопросы имѣютъ глубокую важность! Конечно, нельзя порицать Гиллея, что онъ стоялъ не выше своего вѣка; но сравнивать раввинство съ христіанствомъ, Гиллея со Христомъ—значить или безстыдно лгать, или совершенно не имѣть критическаго смысла¹⁾. Въ третьихъ, съ положеніемъ, приписываемымъ Гиллею Саладиномъ, мы уже встрѣчались не разъ: когда была рѣчь о такъ называемомъ «Секстѣ пифагорейцѣ», объ ораторѣ Исократѣ, о Ригъ-Ведѣ... Говоря о «Секстѣ», мы уже достаточно выяснили дѣло. Не желая повторяться, къ прежней своей рѣчи и отсылаемъ читателей²⁾. Къ сказанному выше добавимъ только слѣдующее. «Что Гиллель не былъ авторомъ разсматриваемаго выраженія, а заимствовалъ его, какъ стереотипную сентенцію», самъ изъ другого источника, именно «изъ народнаго преданія», напр., или изъ (ранѣе его эпохи происшедшей) кн. Товита (см. выше), «доказательствомъ этого можетъ служить то, что разговоръ Гиллея съ язычникомъ» (данное выраженіе находится въ приписываемомъ Гиллею «Разговорѣ съ язычникомъ») «происходилъ на ново-еврейскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ разсматриваемое выраженіе приведено въ этомъ *Разговорѣ* по-арамейски, т. е., на томъ языкѣ, на которомъ обыкновенно излагаются въ народномъ іудейскомъ преданіи парафразы библейскихъ текстовъ»³⁾..., и на которомъ «первоначально была написана и кн. Товита»⁴⁾...

Отсюда, оставивши въ сторонѣ такъ называемаго «Секста пифагорейца» и др., тѣмъ болѣе (въ виду послѣдняго обстоятельства, какъ вновь привзошедшаго) мы должны отвергнуть нелѣпное заявленіе Саладина и о Гиллелѣ и его отношеніи къ Основателю христіанства⁵⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 360—361.

²⁾ Между прочимъ и отчасти ср. *ibid.*, стр. 357, примѣч. 3.

³⁾ Проф. Н. Дроздовъ: *op. cit.*, стр. 541, 542.

⁴⁾ Ibid., стр. 86 и друг.

⁵⁾ Интересна, — замѣтимъ здѣсь между прочимъ, — брошюра Delitzsch'a-

Слѣдовательно, заповѣдь о любви, возвѣщенная христіанствомъ, была «новою» по сравненію съ нравственными принципами какъ буддизма, ведаизма, браманизма (1), такъ и перипатетиковъ (2), стоиковъ (3), ессеевъ— ерапевтовъ (4) и Гиллея (5).

А. Бронзовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Jesus und Hillel“ (Erlangen; 3 Aufl. 1879)... Ср., по контрасту, негѣпѣйшую брошюру Dr. Paul'я Rieger'a: „Hillel und Jesus“. Hamburg, 1904.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

«*Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣки!*» (Псал. 72, 26)... О, сердце! Какого ты имѣешь драгоценнаго Обладателя! Никакая земная твоя привязанность, никакая сладость не сравнится съ Нимъ! Онъ—удѣлъ твой, часть твоя, Онъ—женихъ твой! Проникнись же къ Нему чувствомъ чистой невѣсты! Ожидай Его прихода, жаждай Его ласки, Его сладкаго слова, утѣшенія и тѣснѣйшаго общенія, въ которомъ соединившіеся не имѣють уже ничего своего, но все единое, общее, безраздѣльное!..

* * *

«*Сосѣднѣемъ Отца почтесе естество наше отпадшее...*» (2-й канонъ Вознесенію Господню, п. 9-я). Вотъ и исполненіе Адамова желанія: «*будете, яко божи...*» Но исполненіе — не сатаню лживымъ, коварнымъ, а Господомъ милосерднымъ, истиннымъ, благословеннымъ! И какъ чудно, премудро пришло къ намъ это исполненіе! Человѣкъ хотѣлъ осуществить свое желаніе съ дерзостію. А Господь покрылъ его и исходатайствовалъ намъ исполненіе этого желанія съ безпредѣльнымъ Своимъ смиреніемъ и самоотреченіемъ. Человѣкъ возжелалъ стать «дерзкимъ» богомъ. А Господь Богъ въ Сынѣ Своемъ благоволилъ воплотиться въ смиреннѣйшаго немощнаго человѣка, и это безпредѣльное Божественное смиреніе настолько вознесло и обогатило человѣчество, насколько непослушаніе и самочиніе этого человѣчества дерзнуло на Божество!...

* * *

Нарушеніе нищеты и нестяжательности для монаха есть тоже своего рода нарушеніе душевнаго цѣломудрія, ибо какъ послѣднее есть привязанность сердца и потеря его въ плѣнъ женщинъ и сластолюбію, такъ и первое есть привязанность къ вещамъ и деньгамъ—отверженіе отъ Бога и сдача въ плѣнъ всякому чревоугодію и самолюбію.

* * *

«Спасеніе Твое, Боже, да обгійметъ мя!..» Самъ я не вижу въ себѣ и отъ себя ничего кромѣ немощей, страстей, увлеченій, прихотей, похотей, самолюбія, самоугодія и всякаго убожества! И ничего самъ не предпринимаю для исправленія, очищенія и спасенія своего. Но—Господи! развѣ и Ты спасешь насъ, если мы сидимъ на печи сложа руки и пальцемъ не двинемъ на встрѣчу Тебѣ!? Только мертвому трупу свойственно это, и мы—таковые именно трупы, которые прежде всего нуждаются въ Твоемъ зиждательномъ, властномъ—«*востани!*..» «*приди вонъ*» изъ своего смердѣнія, нечувствія, окоченѣнія. Есть и еще состояніе, въ которомъ люди и живы будучи, повидимому, не могутъ двинуться къ Тебѣ: это—состояніе дѣвольскаго ожесточенія, пренебреженія и невниманія къ Тебѣ,—то, чѣмъ живеть адъ! О, отъ сего избавь еще болѣе, чѣмъ отъ перваго! Въ этомъ состояніи пожалѣй насъ и приди на помощь еще скорѣе.

* * *

Поосторожнѣе будь въ мысляхъ, будто Господь въ нашихъ скорбяхъ посылаетъ намъ наказаніе. Это иногда большой грѣхъ. Операцію больной, вѣдь, не считаетъ наказаніемъ отъ врача, а Господь—истинно нашъ милосердый Врачъ, и всѣ наши скорби, страданія и болѣзни—Его милости, а не наказанія, не месть. Это—операція, исцѣляющая насъ отъ ядовитаго загноенія и гибели нашей души!..

* * *

Представляй Господа больше—не суровымъ мстителемъ, а милосердымъ Отцомъ. И что Ему съ насъ взять? Кто мы, чтобы стоять даже и Его мести? Вѣдь, мы предъ Нимъ, какъ мошки ничтожныя: раздавилъ—и пятнышка не останется. Ему ли считаться съ нами? Ему ли придирааться ко всякой нашей ребяческой выходкѣ и глупости? Нѣтъ, Онъ только дѣлаетъ насъ послѣдствіями нашихъ же дѣлъ и нашихъ ошибокъ, воспитывая въ мысли, что Онъ—единственно истинное наше Благо и спасеніе, прибѣжище и утѣшеніе! Мы—полнѣйшее ничтожество безъ Него, но съ Нимъ и въ Немъ мы—одно съ Нимъ.

* * *

Сильныя скорби, какъ золото въ горнилѣ, очищаютъ душу, оживляютъ, укрѣпляютъ и закаляютъ ее. Человѣкъ становится менѣ чувствительнымъ къ обыденнымъ скорбямъ и страданіямъ на землѣ, дѣлается спокойнѣе, уравновѣшеннѣе, серьезнѣе и трезвѣе смотритъ на міръ, менѣ приверженъ къ земному, болѣе жаждетъ небснаго, вѣчнаго, непрестающаго.

* * *

Въ человѣкѣ много силъ для дѣятельности, только надо ихъ пробудить. Будить же ихъ нужда, скорбь, борьба за существованіе, любовь къ Богу, жажда спасенія, сознаніе бренности здѣшней жизни и сладости будущей и многое другое, что воспитывается средствами, коими Церковь Божія обладаетъ для руководства и просвѣщенія всякаго человѣка, ей преданнаго...

* * *

Вся сила врага нашего спасенія—въ нашихъ слабостяхъ. Никакія искушенія вражія не будутъ дѣйственны въ насъ, пока мы владѣемъ собою и не выпускаемъ изъ рукъ руля совѣсти, честности и твердости въ соблюденіи

того, что извѣстно намъ какъ удобное Богу и согласное съ любовію и вѣрностію Ему.

* * *

«*Близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ...*» Какое это великое утѣшеніе сокрушеннымъ сердцамъ! Когда дитя плачетъ, родители часто унимаютъ его, увѣряя, что *близко* что-нибудь грозное или утѣшительное для него. Такъ св. Церковь напоминаетъ намъ въ скорбяхъ нашихъ: *близко Господь*: не плачь, не скорби, вотъ Онъ тутъ и есть, стоитъ, готовый по зову твоему и дѣйствительной нуждѣ твоей предложить скорбь на радость, или подать терпѣніе, которое нужно при скорби, ниспосылаемой на уврачеваніе души и жизни нашей.

* * *

«*Мати Божія и Дѣва... не естества дѣло, но Божія снисхожденія...*» (Минеи 19 число, ирмось)... Если бы первому (т. е. естеству) только приписывалась возможность столь страннаго сочетанія, какъ—Дѣва и Матерь, Богоматеринство и Богомладенчество, ты имѣлъ бы полное право дать мѣсто своему сомнѣнію и отрицанію. Но когда ты можешь увѣриться, что это—дѣло второго, т. е. снисхожденія и любви Божественной, Его силы и мудрости, гдѣ твоя мудрость—суетная и ничтожная, о человѣкъ! Покорись же достаточно удостовѣренному всѣми знаменіями чуду Божію и не дерзай ставить рядомъ съ нимъ свое жалкое мудрованіе!

* * *

Много поименовывается въ календарѣ Святыхъ. Каждый Божій день воспоминается тотъ или другой дивный угодникъ Божій и цѣлые сонмы ихъ. Если подсчитаешь ихъ всѣхъ, насчитаешь много-много тысячъ... Но—ужели это и все, что приходится на многіе билліоны людей—за все время существованія вѣры Христовой? Нѣтъ, конечно.

Должны быть еще болѣе неисчислимыя, оставшіеся невѣдомыми міру угодили Божіи, не попавшіе ни въ какіе календари и святцы и записанные лишь въ небесныхъ книгахъ живота вѣчнаго.

* * *

Все, что есть жалостнаго въ страданіяхъ Спасителя, приведи на память и сознай, что и ты—виновникъ всего этого. И ты—участникъ распятія Господа твоими предательскими къ Нему отношеніями, твоимъ отреченіемъ отъ Него грѣховною жизнію. Ты осуждаешь Его въ себѣ на смерть со злодѣями, когда идешь въ общеніе злодѣевъ. Ты окровавляешь Его, заушаешь, тиранишь и ругаешься Ему, когда не ведешь жизнь Его достойную во всѣхъ мельчайшихъ ея подробностяхъ и во всѣхъ дѣлахъ твоихъ!

* * *

Чѣмъ больше мы надѣемся на человѣческую помощь и защиту другихъ, тѣмъ дальше отъ насъ спасающая и милующая благодать и помощь Божія. И это естественно: вѣдь, получивъ помощь отъ Бога въ то время, когда мы надѣялись ее получить отъ человѣка, мы приписали бы Божіе человѣку, и славу Божію обратили бы въ славу человѣческую. Поэтому Господь и устрояетъ такъ, что Его помощь является намъ тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ вѣрнѣе и яснѣе наша безпомощность и все упованіе на Него!

* * *

Какъ часто ядъ діавольской зависти, вражды, злобы, ненависти прокрадывается въ самыя святыя, дружескія семьи и общества, разрушая ихъ благополучіе и мирное состояніе. Какъ часто и тамъ, гдѣ успѣху дѣла не могли бы повредить никакія другія препятствія, все это дѣло рушится и гибнетъ отъ одного дыханія тлетворнаго діавольскаго вѣтра, развѣвающаго миръ, согласіе и единомушіе человѣческое, какъ пухъ.

* * *

Не ищи у людей справедливой оцѣнки твоихъ трудовъ! Ихъ никто не оцѣнитъ во всемъ безпристрастіи, и никому они не нужны. *«Кійждо своего си ищетъ...»*—узнаешь при внимательномъ разсмотрѣніи путей и дѣлъ каждаго. Господь, твой подвигоположникъ—пусть Самъ видитъ и знаетъ все. Трудись ради Него, но именно трудись, не считая за трудъ пустоудѣліе или небрежное лишь *«кое-какъ-дѣліе»*, что мы очень часто любимъ считать и трудомъ, и заслугою.

* * *

«Господи, Боже силъ, блаженъ человекъ, уповаяй на Тя!». И еще болѣе блаженъ онъ, когда узнаетъ это не по слышкѣ отъ другихъ, а по испытаніи собственнымъ опытомъ тщетности упованія на свои силы и помощь другихъ, и могучей силы упованія на милость и помощь Божию. Въ избыткѣ этого чувства восклицаетъ съ Давидомъ всякій, опытно познающій то и другое.

* * *

Бѣдное мое сердце! Жалкое, рваное, измотавшееся сердце! Кто-кто не играетъ тобою! Кто-кто не плѣняетъ тебя, отрывая отъ единого источника истинной отрады и утѣшенія!

* * *

«Азъ во Отца, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ...!» Великія, отрадные, несравненныя и неоцѣненныя для насъ слова! Золотыми буквами неизгладимо должны залечь они въ сердцѣ каждаго вѣрующаго. Въ нихъ вылилась вся полнота и глубина любви Господа нашего къ человѣку. Они выражаютъ и высшій идеаль счастья и блаженства на землѣ и на небѣ.

ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ,

Епископа Пензенскаго и Саратовскаго,

къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской и
князю и княгинѣ Мещерскимъ. ¹⁾

П и с ь м о 6-е.

Вы нашли лѣкарство для болѣзней душевныхъ, только примите его съ дѣтскою простотою, съ полнымъ довѣріемъ исцѣленія: успокойтесь глубоко — въ молчаніи внутреннемъ побудьте, какъ можно долѣе — поставляйте себя чаще и живѣе въ присутствіи Всесильнаго, Всеблагаго, Вѣчнаго, Непреступнаго Бога и Премилосердаго, безпредѣльно возлюбившаго насъ Иисуса Христа.

Въ то же время для Иисуса Христа подайте, если ничего нельзя, со стола половину куска своего, только, повторяю, ради Иисуса Христа, Коего хотите причаститься; подайте нищему, найдите его, поищите, какъ брата, или какъ сестру Господу; если же самъ придетъ, поблагодарите его, что пришелъ, но особенно Господа, что привелъ. Когда вы подадите кусокъ хлѣба Господу, Онъ подастъ вамъ исцѣленіе, по мѣрѣ вашей любви и вѣры: будь то мѣра и сила лѣкарства, вами избраннаго. Кажется, врагъ плоти побѣжденъ. Можетъ быть, онъ такъ же уступаетъ намъ, какъ искусный вождь уклоняется отъ непріятеля для того, чтобы сильнѣе поразить, нападши нечаянно. Опасность не прошла, доколѣ нѣтъ вѣнца побѣднаго. Од-

¹⁾ Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чт.* 1908 г.

нако образъ побѣды пріобрѣтенной долженъ утвердить въ вѣрѣ въ Сладчайшаго Посѣтителя Іисуса: долженъ научить побѣдѣ надъ другими врагами.

Видите, какая неприступная тайна Господь нашъ! «Явленъ быхъ неищущимъ Мене и обрѣтохся не вопрошающимъ о Мнѣ».

Гордость житейская не прошла. Она приняла только видъ справедливости, является только въ одномъ лицѣ, заставляетъ непокоряться одному только человѣку. Нѣтъ, она господствуетъ всею душою моею, когда я только осужу словомъ или мыслию одного не только человѣка, но какую-нибудь вещь, какое-нибудь твореніе или что-нибудь: ибо я всего хуже подъ гнѣвомъ затворенный, въ грѣхахъ погружившійся, мерзостями утѣшающійся и считающій ихъ за благо, судящійся съ Богомъ моимъ и требующій отъ Него награды за оскорбленіе Его дѣлами, словами и даже молитвою. Я *ничто*, но сего не чувствую, когда дѣло дойдетъ до меня со стороны, *ничто*, но сіе забываю, когда хочу съ кѣмъ говорить или что дѣлать. Итакъ, изъ ничтожества своего я составляю все. Тогда я ничто, какъ ничто и никто меня не касается; т. е. когда до меня дѣло не доходитъ, а напротивъ, когда я хочу взять верхъ, хочу, чтобы меня выслушали, чтобы мнѣ сказали, или вообще, когда хочу чего-нибудь себѣ: я изъ себя или въ себѣ поставляю истуканъ, коему кланяюсь, коему хочу служить и другихъ заставляю служить. О, гордая ничтожная душа моя, сама отъ себя закрывается, дабы не вытти изъ себя и не предаться всей Богу.

Видите, княгиня, *ничто*—у насъ только въ воображеніи, а не на самомъ дѣлѣ: если же оно хотя нѣсколько коснулось духа нашего, тогда кому бы мы не захотѣли покориться? Совѣтую, между прочимъ, быть чаще въ присутствіи Божиемъ: особенно же, когда приходитъ судія въ лицѣ человѣка—бойтесь и любите его. Благодарите Господа, что Онъ удостоилъ къ вамъ послать человѣка—столь милосердо судить насъ; столь щедро награждаетъ насъ недостойныхъ.

Притомъ, свидѣтельствуйте любовь къ Невидимому посредствомъ любви къ убогимъ, къ рабамъ, къ ненавидимымъ лицамъ—но сильно что-нибудь для любви дѣлайте—разсуждая, что вы дѣлаете для невидимо стоящаго и приемлющаго Бога Иисуса Христа. Прямо нападать на врага не всегда можно, а путь косвенный къ любви кровной—любовь къ ближнимъ. Впрочемъ, замѣтите, что, *не имѣя любви, мы ничего не имѣемъ*. Не принося плодовъ любви, мы ничего и никому не приносимъ. Какъ въ бездну поглощаемъ все въ себя, все вовлекаемъ въ себя, къ своему отягощенію. Впрочемъ, одушевляйте все молитвою. Изъ нея, какъ изъ источника, потекутъ рѣки любви и прочихъ благъ духовныхъ. Да, терпите съ радостію, когда страждете: ибо каждую мысль и каждый вздохъ слышитъ Иисусъ Христосъ, претерпѣвшій за насъ смерть. Утро и вечеръ воспоминайте о смерти—сіе научаетъ смиренію.

П и с ь м о 7-е.

Не зная, въ какомъ вы состояніи, радуюсь, что Господь держитъ десницу Свою надъ вами высоко. Въ то же время, какъ вы не думаете и не ожидаете, Онъ посѣщаетъ ваше сердце и духъ. Слеза, падающая иногда и съ самохвальствомъ, есть малый подарокъ изъ океана щедротъ небесныхъ. Пусть она будетъ нечиста, замарана, вся въ грязи—но ежели будетъ чаще падать, ежели будетъ что-нибудь смывать, если будетъ съ воздыханіемъ о ея нечистотѣ, то скоро просвѣтлѣетъ. Знаете ли, какъ не красенъ и не взраченъ былъ Тотъ, Который *не имѣлъ ни вида, ниже доброты*, а былъ весь израненъ, оплеванъ, окровавленъ, однако — *весь любовью*, весь *желаніе* и къ Кому любовь должна быть *крупче смерти*. Роняйте чаще, княгиня, хотя по одной слезѣ: онѣ, какъ жемчужины, соберутся въ украшеніе душъ нашей. Онѣ суть изрядное лѣкарство для непостоянства, раждающагося отъ мечтательности о себѣ, разсѣянія. Простите, прошу вашихъ молитвъ.

Письмо 8-е.

Да благословить ваше путешествіе Тотъ, Который въ трудахъ, скорбяхъ, въ нищетѣ, притомъ необувенными ногами путешествовалъ, дабы содѣлать наше спасеніе! При путешествіи воспоминаніе такого путешественника будетъ для васъ утѣшительно. Его призывали вы и приняли, съ нимъ будьте неразлучно, какъ не разлучается отъ насъ мысль, душа и дыханіе. Вотъ мое желаніе, болѣе коего и лично засвидѣтельствовать не могу. Если желаете бесѣды, то возьмите Евангеліе и потихоньку съ кротостію и мирною слезою бесѣдуйте предъ Іисусомъ. Ей, бесѣда будетъ казаться небесною предъ болтаньемъ человѣка, коего вы знаете.

Мнѣ хотѣлось знать состояніе ваше послѣ причащенія Святыхъ Святѣйшаго Тѣла и безцѣнной Крови. Изъ долговременнаго же молчанія вашего, твердаго упованія, какъ вы изъясняли, и наипаче изъ безпредѣльнаго милосердія, готоваго всегда спасать и миловать, я, недостойный, заключилъ, что ваше состояніе, или состояніе духа вашего подъ управленіемъ слова, а не подъ властію прихотей или искушеній. Если же что имѣете сомнительнаго, скажите Іисусу Христу: Онъ разрѣшить, потребовавъ отъ васъ одной вѣры, или полной Ему довѣренности, или малой надежды на ваши силы, или вашего истиннаго смиренія.

Такъ же какъ вы просите молитвъ, позвольте просить и вашихъ молитвъ. Предметъ моленія одинаковъ, Податель молимаго Одинъ, средства къ моленію одинаковы, обѣщаніе къ подаванію также — вы указываете на единеніе, да будемъ и мы едино въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

Отсутствіе не воспрепятствуетъ, но наипаче укрѣпитъ единеніе и вѣру, что единый Іисусъ Христосъ есть соединеніе — есть источникъ или податель тѣхъ духовныхъ благъ, которыя сообщаются невидимо, однако ощутительны.

Сила молитвы, если проходить небеса и касается престола Божія, то, безъ сомнѣнія, не заграждается ни стѣнами, ни тѣлами, ни сердцами, кромѣ мыслей нашихъ порочныхъ и порочныхъ дѣлъ.

Письмо 9-е.

Ваше желаніе о моемъ здоровьѣ тѣлесномъ такъ велико, что вы готовы окормить мое грѣшное тѣло. Простите грубому выраженію, но оно точно. Если бы не любовь, которую я испыталъ въ вашемъ сердцѣ, изъяснила ваше усердіе къ недужнымъ, то оно показалось бы ко мнѣ недостойному излишнимъ. Что смотрѣть на плоть тѣлесную? «Какая польза въ крови моей», вопіетъ пророкъ, «всегда сходится мнѣ во истлѣніе?» Что за міръ? Что за жизнь? Смотрите, княгиня, чаще за предѣлы жизни, все лучше увидите въ этой жизни. Тогда и моему тѣлу не пожелаете крѣпости неизлишней:—ибо, когда изнемогаетъ тѣло, непременно хоть по малу возмогаетъ душа. Простите мнѣ, что больной учу здоровыхъ.

Письмо 10-е.

Дѣло не въ томъ, чтобы я пререкалъ вашей любви. Она, поколику безкорыстна и основана на любви ко Іисусу Христу, есть дѣло Божіе, хотя бы равнялась единой угасающей искрѣ въ мрачномъ пеплѣ. Павелъ и Епафродитъ, подвижники Евангелія, сопряжены были узами духа Христова, евангельскими, и потому жизнь Епафродита нужна была Павлу, не собственно Павлу, но подвижничеству Павлову, и потому нужна была евангельскому проповѣданію, Іисусу Христу, проповѣдуемому Павломъ.

О, если бы намъ хотя отчасти подобиться подвижникамъ Іисуса Христа! Хотя бы словомъ единымъ, ибо дѣлать, что-нибудь содѣлать во славу Іисуса Христа неви-

димаго, но намъ присущаго, Іисуса Христа, слышащаго и видящаго ваши и мой строки сіи, такъ же какъ и сердца, проникающаго наши намѣренія и мысли! О, если бы Господь благословилъ и освятилъ наши желанія и все только къ Его славъ.

П и с ь м о 11-е.

Ваша болѣзнь еще не къ смерти, но къ очищенію души, именно отъ тѣхъ слабостей, коихъ вы за собою не примѣчаете. Призовите Пресвятую Богородицу, чтобы Она за васъ умолила Сына Своего Іисуса Христа, да спасетъ душу отъ суетъ, отъ нечистотъ, отъ грѣховъ неизнаемыхъ, тайныхъ, отъ любленія міра въ тонкихъ и различныхъ видахъ. Предайтесь Ей въ полнотѣ вашего сердца, какъ Она предавалась въ полнотѣ всего существа Своего Господу, предайтесь молитвою и сердечнымъ успокоеніемъ въ Ея молитвъ, въ Ея силѣ, въ Ея высотѣ, чистотѣ и святости,—предайтесь, княгиня, по крайней мѣрѣ, на минуту; въ вашей преданности вы почувствуете покой въ вашемъ сердцѣ и, можетъ быть, покой въ вашей болѣзни. Господь нашъ Іисусъ Христосъ отъ насъ недостойныхъ не приемлетъ молитвъ, ибо все наше нечисто и корыстолюбиво, и любодѣйно, и пристрастно, а молитва о насъ Святыхъ Его угодниковъ, особенно Пречистой Богородицы, дѣйствительно успѣваетъ столько, *что мы и не знаемъ, а уже получаемъ Господни милости.*

О, Іисусе Христе! Боже видящій сіе, и слышащій движеніе пера, движеніе мыслей и сердца, спаси, сохрани и исцѣли Твоею всеблагою десницею сердца наши въ Твое служеніе всевышнее, къ славъ Твоего имени между братьями нашими, еще требующими и словъ, и побужденій, и молитвъ, и утѣшеній, и оскорбленій, и наипаче благодати Твоей, подаемой чрезъ Твое слово или чрезъ уста чловѣковъ, составляющихъ церковь Твою. Господи Іисусе

Христе, прійди и вселися въ ны! Твое вселеніе исцѣлитъ или уврачуеъ насъ отъ всего, отъ болѣзней и отъ грѣховъ.

П и с ь м о 12-е.

Ничего нѣтъ тяжелѣе для души еще на путь вступающей, какъ сомнѣніе, куда итти, какъ что будетъ на пути и проч. и проч. Посему, чтобы на первый разъ съ помощію Іисуса Христа сколько-нибудь облегчить сію тяжесть вашу, скажу, что сомнѣніе есть *грѣхъ*, поелику все, еже не отъ вѣры, *грѣхъ*. Вѣдущему добро творити и не творящему, грѣхъ ему есть. Сомняйся уподобися волненію морскому, вѣтры возметаему и развѣваему. Господь слышитъ молитвы ваши, княгиня, ибо Онъ къ намъ ближе всего; слышитъ, но не всегда снисходитъ на нихъ.

Слышитъ, но духъ все еще остается въ волненіи, чувства не очищены, умъ не совсѣмъ освѣщенъ, совѣсть не совсѣмъ спокойна, воли не совсѣмъ управлена. Видите, княгиня, сердце еще не сіяетъ, еще не свѣтитъ свѣтомъ Христовымъ; или свѣтъ Христовъ еще не возсіялъ въ сердцѣ. А сего надобно искать, желать и молить. Горе намъ, если въ сей жизни сего начатка не приобрѣтемъ; въ будущей ему начинаться едва ли останется надежда. И кто въ этомъ можетъ успокоить, когда Господь нами не принятъ, и какъ отверженъ въ сей жизни? Если вы согласитесь, что сердце еще не обновлено силою Божіею, которая можетъ въ немъ жить, какъ описываетъ святыи Апостоль, то надобно пробиться сквозь перепонку или мракъ, облегающій сердце, пробиться ко Іисусу Христу, стоящему и толкующему при дверехъ сердца. Если также чувствуете въ этомъ надобность, то сознайтесь, что еще не такъ слышитъ Господь молитвы ваши, какъ бы услышалъ, вселившись въ сердце или соединившись съ духомъ. Теперь надобно искать причины, отъ кого сіе зависить?

Не отъ Господа, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но отъ насъ, отъ нашей нечистоты; слѣдовательно, мы недостойны, слѣдовательно, намъ надо искать помощи.

Да для чего вы просите, чтобы о васъ молился я—молился духовникъ вашъ и другой кто-нибудь, а Пресвятую Богородицу попросить о семъ не хотите?! Вспомните, княгиня, слова Божественной пѣсни, слова пророчесвенныя—*«Отнынѣ ублажатъ мя вси роди»*, а вы изъ числа ублажающихъ или не изъ числа ихъ? Я хочу, чтобы любовь ваша расширилась ко святымъ угодникамъ Божиимъ, молитвенная, говорю, любовь ваша простиралась ко всѣмъ въ Бозѣ почивающимъ и въ коихъ Богъ почиваетъ: иначе ко Пресвятой Богоматери. Просите и какъ дочь Матерь свою, какъ виновницу благъ, поданныхъ намъ во Іисусѣ Христѣ. Молите, да Она молитъ Господа нашего Сына Своего о насъ, о нашемъ спасеніи, молитъ хотя два раза въ день—по утру и по вечеру.—Повторяю вамъ, если просите молитвъ о себѣ людскихъ, нечистыхъ, то просите и святыхъ, небесныхъ и пречистыхъ.

Сообщила ижеменія Магдалина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОХВАЛА СВ. АПОСТОЛУ ПАВЛУ.

(Къ 29 іюня).

Кто этотъ человѣкъ, которому воздаеть честь вся вселенная? вельможа ли это какой, богачъ ли какой? Нѣтъ, это—Павель, который плелъ циновки и дѣлалъ палатки.

Величайшій проповѣдникъ христіанства среди язычниковъ въ I вѣкѣ, вслѣдствіе чего называется «апостоломъ язычниковъ», онъ былъ сыномъ зажиточныхъ іудейскихъ родителей, принадлежавшихъ къ партіи фарисеевъ. Получилъ онъ образованіе въ знаменитой школѣ Гамалиила, гдѣ изучилъ основательно весь законъ Моисеевъ со всеми тонкостями его талмудическаго истолкованія. Обладая обширною ученостію, молодой Савль не могъ остаться равнодушнымъ къ начавшемуся въ его время великому движенію и, подобно другимъ, жаждалъ пришествія Мессіи, но хотѣлъ видѣть въ Немъ могущественнаго царя, который возстановитъ еврейское царство во всемъ блескѣ его древняго величія. Держась такихъ взглядовъ, Савль гналъ послѣдователей безвѣстнаго Учителя изъ Назарета, какъ вредныхъ сумасбродовъ. Будучи ближайшимъ участникомъ побіенія камнями св. Стефана, Савль не довольствовался этимъ. Онъ порѣшилъ произвести общее гоненіе на христіанъ и съ этою цѣлью, заручившись полномочіями, отправился въ Дамаскъ; но на пути туда съ нимъ совершился тотъ чудесный переломъ, который превратилъ яростнаго гонителя Савла въ апостола христіанства—Павла. (Дѣян., IX).

Есть ли нынѣ во всей вселенной человѣкъ, который достойно прославилъ бы святого апостола? Что мы придадимъ къ тѣмъ пѣснопѣніямъ, которыми восхваляетъ его Церковь Божія? Какіе мы на него возложимъ вѣнцы, если онъ украшенъ теперь вѣнцами небесными? Какова можетъ быть для него слава земная противъ небесной славы? Самъ же онъ говоритъ о себѣ: «если должно мнѣ хвалиться, то буду хвалиться немоцію моею (2 Кор. XI, 30)». И это кто говоритъ съ такимъ глубокимъ смиреніемъ и уничиженіемъ?... Это говоритъ тотъ, кто былъ такъ крѣпокъ тѣломъ и духомъ, что могъ безъ усталости пройти многіе города и селенія и безбоязненно проповѣдать имя Господне по всей тогда извѣстной землѣ; это говоритъ тотъ, кто былъ такъ силенъ дѣломъ и словомъ, что милліоны душъ извелъ изъ тьмы заблужденій и извелъ въ чудный свѣтъ истины,—кто словомъ исцѣлялъ и воскрешалъ умершихъ,—кто всегда неустрашимо и побѣдоносно велъ брань противъ началъ и властей, и міродержителей тьмы вѣка сего, кого страшились демоны, кого трепеталъ самъ князь ада; это говоритъ тотъ, кто за высокое достоинство свое, еще во время земной жизни своей, восхищенъ былъ превыше видимаго неба къ престолу Царя царей и слышалъ тамъ такіе глаголы, которыхъ на языкѣ человѣческомъ и выразить нельзя; это говоритъ апостоль, за труды свои ставшій выше другихъ апостоловъ, апостоль первоверховный.

Подивитесь, смертные, любви къ намъ этого святого мужа. Наши предки-язычники, чуждый для іудея народъ, называли его «апостоломъ-языковъ» (Римл., XI, 13). И имя это онъ носить болѣе, чѣмъ достойно. Самъ онъ говоритъ о себѣ: «Я... былъ въ трудахъ, безмѣрно въ ранахъ, болѣе въ темницахъ и многократно при смерти. Отъ іудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сорока ударовъ безъ одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три рѣза я терпѣлъ кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ въ глубинѣ морской. Много разъ былъ

въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ въ пустынѣ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ между лжебратіями, трудъ и изнуреніи, часто въ бдѣніи, въ голодѣ и жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ. Кромѣ постороннихъ приключеній, у меня ежедневное стеченіе людей, забота о всѣхъ церквахъ. Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? (2 Кор. XI, 23-29)». Всего этого вполне достаточно, чтобы онъ имѣлъ право сказать: «Будьте подражателями мнѣ, какъ я Христу» (1 Кор. XI, 1).

Апостолъ въ назиданіе наше написалъ очень много, и въ дошедшихъ до насъ писаніяхъ его мы находимъ многочисленныя правила истинно-христіанской жизни. Помимо этого, посланія эти подобны глубокому кладезю: чѣмъ болѣе изъ нихъ почерпаешь, тѣмъ болѣе находишь мудрости. Его изреченіе—огонь, поѣдающій страсти, мечъ, отсѣкающій всякую похоть, стрѣла, уязвляющая любовію къ Богу и ближнимъ, свѣтъ, озаряющій помраченныхъ умомъ, зеркало, открывающее всѣ грѣховныя пятна, громъ, поражающій всякую гордыню, свѣтильникъ, указывающій путь къ небесамъ, лѣствица, возводящая въ горнее царство... Словомъ, хотите вы знать всѣ христіанскія обязанности, отъ исполненія которыхъ зависитъ вѣчное наше спасеніе; хотите знать, какіе поступки, какія дѣйствія, какіе помыслы—суть грѣхи и добродѣтели; хотите знать, что дѣлается на небѣ, на землѣ и въ преисподней; хотите знать прошедшее и будущее: о явленіи антихриста, о смерти и воскресеніи, о наградахъ праведниковъ и наказаніи грѣшниковъ—все это вы можете узнать изъ посланій его. Эти посланія, покорившія Христу вселенную, могутъ, при чтеніи ихъ, и гордость смирить, и похоти устранить, и дурную волю обуздать, и разумъ просвѣтить, и совѣсть очистить, и поучить благочестивой жизни.

Итакъ, мы видимъ предъ собою такого апостола, который былъ и пророкъ, и преподобный, и мученикъ, и безсребренникъ, и праведникъ, и учитель, и святитель, и проповѣдникъ, и ученый, и слуга, и властелинъ, обладавшій милліонами душъ человѣческихъ и управлявшій всѣми церквами. Что еще хотите видѣть въ немъ?.. чудотворца?—Онъ былъ и чудотворцемъ: платки и опоясанія съ тѣла его исцѣляли больныхъ и прогоняли бѣсовъ. Вотъ какой великій предъ нами образъ. Всепобѣждающая сила его словъ, безчисленныя чудеса, неимовѣрное терпѣніе, святая жизнь,—предъ всѣмъ этимъ преклонялись цари и царства, народы и философы, богатые и бѣдные; весь міръ покорился ученію апостола, и никто, и ничто не могло противиться благодати Божіей, дѣйствовавшей чрезъ него. Чудеса, имъ совершенныя, церкви, имъ основанныя, рѣчи, имъ произнесенныя, посланія, имъ написанныя, громадный и необыкновенный успѣхъ его апостольскихъ путешествій, видѣнія и откровенія, которыхъ онъ удостоился отъ Бога, узы и страданія, которыя онъ претерпѣлъ за Христа и наконецъ—дѣйствительное засвидѣтельствованіе своей вѣры мученическою кончиною,—все это несомнѣнно доставляетъ ему неотъемлемое право на высокое чествованіе его отъ лица всей церкви, какъ наслѣдницы всѣхъ его перечисленныхъ подвиговъ. Несмотря на то, что онъ нѣкогда презиралъ, ненавидѣлъ, преслѣдовалъ христіанство, но затѣмъ сдѣлался ревностнымъ распространителемъ его, церковь дала ему званіе равное апостолу Петру, высшему изъ числа близкихъ сопутниковъ Господа на землѣ,—званіе первоверховнаго апостола, хотя онъ вовсе и не былъ въ числѣ 12-ти, но больше ихъ потрудился.

Ужъ, кажется, кому, кому долженъ казаться Павелъ великимъ, такъ это намъ низкимъ, но вмѣстѣ надменнымъ, намъ—не имѣющимъ ничего, чѣмъ обладаетъ онъ. А, между тѣмъ, что говорятъ о немъ мужи столько же славные и замѣчательные, какъ Павелъ? Послушаемъ Златоустаго святителя: «Какъ все предвидѣла,—говоритъ святитель, эта

святая и божественная глава, этотъ мужъ, высшій небесъ, имѣющій душу, способную обнимать все, первоверховный Павелъ! Одного имени его знающимъ достаточно для того, чтобы возбудить душу къ бодрствованію, чтобы прогнать всякій сонъ. Римъ принялъ его священнаго, прибывшаго по морю, спасшагося отъ кораблекрушенія, и избавился отъ тревоженій заблужденія. Какъ бы какой царь, бывшій въ морскомъ сраженіи и побѣдившій, онъ вошелъ въ царственный городъ. Вся жизнь его была: узы, страданія, борьба, темничное заключеніе, козни, клеветы, ежедневная смерть... Этотъ мужъ—небо, вмѣщавшее въ себѣ Солнце правды, а не простое солнце; посему и самъ онъ выше неба. Чему можно уподобить слова его: морю или океану? Ничто не можетъ сравниться съ ними. Потоки ихъ гораздо обильнѣе, чище и глубже моря, такъ что не погрѣшилъ бы, кто назвалъ бы сердце Павлово и моремъ, и небомъ, небомъ по чистотѣ, моремъ по глубинѣ. Это море не изъ города въ городъ переселяющее плывущихъ по нему, но отъ земли на небо. Кто плыветъ по этому морю, тотъ плыветъ при попутномъ вѣтрѣ. На немъ не вѣтры, но вмѣсто вѣтровъ Святый Духъ Божій сопровождаетъ плывущія души... Будемъ сохранять душу здоровою и подражать Павлу, этой доблестной и адамантовой душѣ, дабы, шествуя по слѣдамъ его жизни, мы могли проплыть море настоящей жизни, достигнуть безмятежной пристани и сподобиться благъ, обѣтованныхъ живущимъ достойно Христа (Бес. на Дѣян.).

Будемъ же подражать Павлу, какъ подражалъ Златоустъ. Апостоль не оставитъ насъ своей помощью и вразумленіемъ при чтеніи и изученіи его чудныхъ посланій, какъ не оставлялъ онъ мудраго святителя Константинопольскаго.

Павелъ былъ человѣкъ, подобныхъ которому было немного со времени сотворенія міра и досель. Если взглянемъ на него, какъ на писателя, то въ посланіяхъ своихъ онъ превосходить всѣхъ величайшихъ авторовъ изъ

язычниковъ и христіанъ современной ему и послѣдующихъ эпохъ. Младшій Плиній извѣстенъ своими письмами, но у него нѣтъ ни одного, подобнаго посланію къ Филимону. Сенека, какъ моралистъ, въ языческомъ мірѣ не имѣлъ соперниковъ, но самый лучшій изъ его афоризмовъ по своей теплотѣ и силѣ несравненно ниже каждаго изъ нравственныхъ правилъ, преподаваемыхъ въ посланіяхъ св. Павла. У Эпиктета и Марка Аврелія мы видимъ образцы стоической возвышенности мыслей, но одна глава о милосердіи въ посланіяхъ Апостола затмеваетъ все, что они написали. Обращаясь къ христіанскому міру, найдемъ, что величайшій изъ христіанскихъ дѣятелей по служенію вѣрѣ не можетъ сравниться со св. Павломъ по многосторонности и размѣрамъ дѣятельности... Онъ сохранилъ вѣру среди жесточайшихъ бѣдствій, не утратилъ надежды среди горькихъ противодѣйствій, и когда отъ темницъ и мученичества перешелъ къ вѣнцу праведности, то оставилъ жизнь, которая, по величію отразившейся въ ней силы Божіей, не умретъ въ исторіи міра, будетъ приносить плодъ до конца временъ, среди постоянно увеличивающейся благодарности грядущихъ поколѣній.

Обращеніе Павла изъ яростнаго и жестокаго гонителя церкви въ кротчайшаго и ревностнѣйшаго защитника и проповѣдника ея будетъ вѣчнымъ самымъ разительнымъ доказательствомъ истинности христіанской религіи, такъ какъ фактъ этого обращенія ничѣмъ неопровержимъ.

Эта заслуга его предъ христіанствомъ да послужитъ Апостолу вѣнцомъ отъ имени всей Церкви и окончаніемъ нашей недостаточной ему похвалы.

* * *

О, святой первоверховный Апостоле Павле, весь міръ просвѣтившій своимъ ученіемъ! Умоли милостиваго Бога, дабы Онъ не ради нашихъ заслугъ, но ради твоего имени, твоихъ подвиговъ и страданій, употребилъ Свои Божескія средства къ нашему покаянiю и спасенію.

Иером. Валентинъ (Ляховскій).

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

1. Христіане дѣлаются, а не рождаются.

(Къ 15 іюня на 2 нед. по Пятидесятницѣ).

«Христіане дѣлаются, а не рождаются», говоритъ церковный писатель Тертуліанъ. Христова вѣра, евангельскія начала и правила жизни, чистота, кротость, терпѣніе, самоотверженность и пр., — все это пріобрѣтается, пріобрѣтается трудомъ, усиліями, путемъ неусыпнаго и твердаго самовоспитанія, безъ допущенія послабленій себѣ не только въ большемъ, но и въ маломъ. Правда, то, что христіанская высота духа и жизни — великій даръ милосердія и любви Божіей, но этотъ даръ — не прирожденная собственность человѣка, а награда Отца любящему, послушному и трудолюбивому сыну. Примѣръ того — прежде всего сами апостолы Христовы.

Вскорѣ послѣ крещенія Своего Іисусъ Христосъ призвалъ къ Себѣ учениковъ. «Иди за Мною», говоритъ Онъ то одному, то другому, и тѣ, къ кому обращался призывъ, оставляли дѣла свои и семью и слѣдовали за Христомъ (Мѣ. 4, 18—23).

Достойно глубокаго вниманія то, что призванные разомъ порывали все, никакія связи, ни семейныя, ни общественныя, не останавливали ихъ. Голосъ Христа былъ для нихъ такъ силенъ! И казалось бы, что ученики Христа, съ такой рѣшительностью послѣдовавшіе за Нимъ, стали твердо на избранномъ пути. Не такъ было на самомъ дѣлѣ. Первый шагъ учениковъ былъ рѣшительный.

Но много еще нужно было имъ переиспытать и поработать надъ собой, чтобы вѣра во Христа стала крѣпкой и Его законъ—закономъ изъ сердца.

Апостолы всюду слѣдовали за Христомъ, слышали каждое слово Его о царствѣ Божіемъ, видѣли дивныя дѣла Его. Слышали и видѣли такъ много, что, будь все описано подробно, не хватило бы земного шара всего, чтобы помѣстить на немъ написанное (Іоан. 21, 25). Все это дало возможность и заставило учениковъ устами ап. Петра исповѣдать Иисуса Сынномъ Божіимъ. Но вѣра учениковъ была все-же слаба. Это зналъ Сердцевѣдецъ. И вотъ Онъ возводитъ учениковъ на гору преображенія и здѣсь показываетъ имъ славу Божію. Подходятъ дни страданій, Христось предупреждаетъ объ этомъ учениковъ, увѣщаетъ ихъ быть твердыми, не смущаться ничѣмъ, утѣшаетъ ихъ обѣщаніями. За нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, какъ слуги архіерейскіе возложили на Христа руки свои, апостолы смотрятъ на Него съ вѣрой въ силу Его и съ надеждой на Него, а ап. Петръ обѣщаетъ умереть за Него, если-бы это понадобилось. Вѣрно и другіе апостолы готовы были сказать то же. Но вотъ показываются слуги архіерейскіе и конны, берутъ Христа и уводятъ. Одинъ только Петръ вскинулъ желаніемъ защищать Учителя, но и тотъ скоро опускаетъ руки. Ученики быстро разбѣгаются, и только двое слѣдуютъ до двора первосвященника. А здѣсь? Довольно было подойти служанкѣ съ вопросомъ «ты не изъ учениковъ ли Его», какъ ап. Петръ отрекается, увѣряетъ, что не знаетъ Его и въ томъ клянется. Такъ мало еще было стойкости въ этой душѣ, что отреченіе совершилось какъ - то врасплохъ. Страхъ мгновенно обуялъ душу Апостола, и онъ едва сознавалъ, что онъ дѣлалъ и говорилъ. Онъ стоялъ въ растерянности. Но вотъ пропѣлъ пѣтухъ. Тутъ только вспомнилъ онъ слова Христовы, и... градомъ полились слезы раскаянія. Сердце сжалось отъ боли, — и эта боль по Христу вытѣснила стыдъ и страхъ предъ міромъ.

Плакалъ онъ и не скрывалъ своихъ слезъ. — Не легко было положеніе и другихъ апостоловъ. Учитель умеръ позорной смертью и уже похороненъ. Что же далѣе? Туча смущающихъ мыслей и сомнѣній и страхъ предъ іудеями подавляютъ ихъ. Они вдумываются въ свое положеніе, припоминаютъ все, что было съ ними за эти годы слѣдованія за Христомъ, и переживаютъ страшную внутреннюю борьбу... Христось воскресъ. Своими глазами они видятъ Его по воскресеніи. Удостоиваются затѣмъ быть свидѣтелями вознесенія Христова. Теперь сомнѣніе и страхъ смѣняются высокой радостью и несомнѣнною, твердой вѣрой, что съ ними былъ и общалъ навсегда пребыть Господь и Богъ. — Далѣе видятъ апостолы и переживаютъ сошествіе Духа Святаго, силу Котораго — по волѣ Спасителя — воспринимаютъ въ себя. Теперь открывается для нихъ поле самостоятельной дѣятельности. Пережившіе всѣ стадіи духовной, внутренней борьбы, окрѣпшіе въ вѣрѣ, облеченные «силою свыше» и горящіе желаніемъ послужить дѣлу Христову, выходятъ они на дѣло проповѣди. И здѣсь каждый шагъ ихъ, каждое столкновеніе съ врагами Христа испытываетъ ихъ силу, заставляетъ на дѣлѣ показать свою вѣру, свою рѣшимость — служить Христу. «Идите, научите людей», сказалъ имъ Христось, — и они свято исполняютъ повелѣніе. Европа, Азія и Африка оглашаются словомъ Христова ученія. Евангельское ученіе пронесли по землѣ эти «худородные и буи міра», идущіе безъ золота и серебра, безъ дорожной сумы, даже лишней, запасной одежды не имѣющіе, но имѣющіе въ сердцѣ своемъ незаглушимый юношескій пылъ любви къ своему Учителю. Эта любовь вела ихъ путемъ труда и лишеній, не давала мѣста лѣнности и разсѣянности, постепенно возгрѣвала въ душѣ исканіе подвига, не давала сердцу содрогаться предъ опасностями и малодушествовать въ страданіяхъ. Тяжело было, но они терпѣли. Въ трудахъ и скорбяхъ закалялся ихъ духъ и достигъ такой высоты вѣры, надежды и преданности

къ Богу, что страданія и крестъ стали не только не страшны, но вожделѣнны. Вотъ тому примѣры.

Апостоль Петръ, какъ преступникъ, присуждается къ распятію и выводится на мѣсто казни. Безъ слова, безъ тѣни скорби или ропота сотни другихъ исповѣдниковъ принимаютъ смерть или распинаются на крестъ. Но апостоль возвысилъ голосъ. О чемъ? «Распните, умоляетъ онъ исполнителей казни, распните меня, но не такъ, какъ распять былъ Господь мой и Учитель: не достоинъ я того, распните внизъ головой»... — Апостоль Андрей, проповѣдавшій «Слово крестное» въ дикой Скиѣи, подъ конецъ дней своихъ идетъ къ просвѣщеннымъ эллинамъ. Горячая проповѣдь и чудодѣйственная сила надъ болящими и бѣсноватыми въ короткое время привлекаетъ многихъ ко Христу. Правитель Ахаіи, Эгей, заключаетъ апостола подъ стражу и рѣшаетъ предать его казни. Назначенъ и день для этого. Но Апостоль, заключенный подъ стражу, ничего не знаетъ. Выводятъ его изъ заключенія. Куда и зачѣмъ, не говорятъ. Но вотъ видится вдали крестъ. Взглянулъ апостоль и... понялъ все. Остановился онъ, поднялъ руки къ небу и громко воскликнулъ: радуйся, кресте, плотию Христовою освященный!. И радостно вступилъ на крестъ.

Такую несокрушимую мощь духа подаетъ Богъ вѣрнымъ послѣдователямъ своимъ. Это — вѣнецъ, которымъ Онъ благословляетъ ихъ за ихъ вѣру въ Него, за ихъ любовь къ Нему, за ихъ послушаніе закону Его и за ихъ труды ради славы имени Его.

Что говоримъ о первыхъ послѣдователяхъ Христа Спасителя, то надо сказать и о всѣхъ, кто носитъ имя Христово. Христіане не рождаются, а дѣлаются.

Таковъ ли взглядъ на жизнь у христіанъ нашихъ дней? Не чаще ли всего видимъ явленіе, какъ разъ обратное. Принявшіе крещеніе во имя Христово какъ-будто ждуть, что это самое христіанство и совершить дѣло нравственнаго перерожденія ихъ, а сами или бездѣйствуютъ, или

языческія склонности свои прикрываютъ хитрыми измышленіями и послабленіями.

Жизнь есть борьба: зло воюетъ противъ добра, тѣло воюетъ противъ духа. — Тѣло и страсти его, гордость и исчадія ея тяжелымъ грузомъ лежатъ на волѣ человѣка и не даютъ духу свободы. Добрые порывы духа часто и остаются порывами. — Труденъ подвигъ, если его нести по точному указанію евангелія, скорбень, болѣзненъ путь его: лѣнивое и прихотливое тѣло и ищетъ, какъ бы обойти трудъ, какъ бы скрасить, сгладить скорбь. Ищетъ и находитъ доступныя утѣшенія. Что же отсюда получается? Христіанство признано и принято милліонами людей, но оно слабо растворилось въ душѣ и въ жизни. Побуждаемые внутреннимъ, въ тайникахъ души скрытымъ желаніемъ славить Бога, люди воздвигли церкви, создали домъ благотворенія, но вошли въ нихъ своей внѣшностію только, сердце же ихъ осталось во власти языческихъ кумировъ. Законы евангельской любви и милосердія такъ высоки и чисты, что нельзя не преклониться предъ ними. Но исполненіе ихъ — высокій подвигъ, на который нѣтъ силъ и рѣшимости. Вотъ лукавство слабости и измышляетъ законы свои, законы человѣчности (или какъ принято говорить — гуманности). Здѣсь вся казовая внѣшность имѣетъ христіанскую окраску, но при ней люди въ массѣ своей въ нѣдрахъ души своей остаются все тѣмъ же «прахомъ земли», что были и до Христа. — Крестъ Христовъ, путь апостольскій оказывается непосильнымъ большинству людей, и евангельскія требованія принимаются въ уменьшенномъ, сокращенномъ видѣ. Взгляните въ наши храмы. Они украшены. Бываютъ въ нихъ и богомольцы. Но когда преимущественно? — По праздникамъ! — Вотъ по праздникамъ-то они и думаютъ о Богѣ, а на будни гасятъ «праздничный свѣтильникъ», отдавъ эти дни всецѣло заботамъ житейскимъ съ неизбѣжными спутниками этихъ заботъ: ложью, завистью и злобой. Упомянаніе о храмѣ только примѣръ. Свѣтильникъ правды евангельской га-

сится въ большей или меньшей степени всякій разъ, какъ только заговорятъ интересы и расчеты житейскіе. И живутъ такъ многіе съ совершенно спокойной совѣстью, не утруждая себя вопросомъ, христіанинъ ли тотъ, кто не живетъ по евангелію. Постоянное послабленіе себѣ въ прихотяхъ, лукавые обходы закона вытраиваютъ въ душѣ не только любовь или уваженіе къ закону, но и сознаніе того, что евангельскій законъ есть голосъ Бога. Внѣшняя, обрядовая (и та по временамъ!) праведность стала на мѣсто любви, и послушаніе Богу замѣнено послушаніемъ обычаю. Бываютъ, конечно, моменты, когда обстоятельство заставляють вздрогнуть и вспомнить Бога и отъ сердца вздохнуть Ему, — но потомъ опять овладѣваетъ лѣнь и духовный сонъ, который — за именемъ христіанскимъ и христіанской обрядностью — обращается въ духовную непробудность и оцѣпенѣніе. И получается какое то полухристіанство... Утратили, забыли люди истину, что христіаниномъ нельзя родиться, а можно только сдѣлаться.

Къ забывшимъ и обращаетъ свой голосъ Предтеча Христовъ: покайтесь, принесите плодъ, достойный покаянія, происхожденіемъ отъ Авраама не хвалитесь и... помните, что всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубають и бросаютъ въ огонь (Мѡ. 3, 7—16).

II. «Господи силь, съ нами буди».

(Къ нед. 4 по Пятидесятницѣ).

Христосъ Спаситель исцѣлилъ слугу сотника (Мѡ. 8, 5., Лк. 7, 1..). Сотникъ былъ язычникъ, но любилъ людей, любилъ добро. Іудеи чужды были ему и по вѣрѣ, и по положенію, и по происхожденію; но онъ и ихъ любилъ и благодѣтельствовалъ имъ. Секретъ такого настроенія язычника открыто указанъ въ евангеліи: онъ твердо вѣровалъ въ Бога. Онъ зрѣлъ Бога предъ собой и, твердый въ вѣрѣ, былъ твердъ въ добрѣ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ примѣромъ для іудеевъ, которые, хотя удостоены были имѣть у себя слова Божіи, откровеніе небесное, но осуетились въ дѣлахъ мірскихъ, закрыли отъ себя Бога пеленой «преданій старцевъ» и очерствѣли сердцемъ.

И всегда бываетъ такъ: въ чьей душѣ живетъ Богъ, путь того красенъ прямою и твердостью, честностью и добротой; а гдѣ ослабѣваетъ и затемняется мысль о Богѣ и желаніе служить Ему, тамъ шатанія, колебанія, пороки и паденія.

Кто собственнымъ опытомъ не извѣдалъ, какъ часто приходится дѣлать выборъ между Богомъ и мірскими благами, между истиной, правдой, честностью и кривою суетой? Кому не приходилось замѣчать за собой самимъ, какъ вкрадчиво лукавая мысль нашептываетъ душѣ: «живи для себя, пользуйся случаемъ, не пренебрегай настоящимъ», и какъ бессильна бываетъ иной разъ душа противъ такихъ внушеній? Успѣхъ, извѣстность, блескъ сулятъ радость и блаженство, и сердце поддается иску-

«шенію и горить пожеланіемъ ихъ. Небо высоко, путь къ нему тернистъ и далекъ, а кругомъ... сколько раскинуто всюду утѣхъ. Стоитъ только подойти поближе. Мысль о Богѣ тускнѣветъ. Испушеніе ярче и ярче рисуетъ соблазнительные виды. И рука человѣка тянется къ опьяняющей чашѣ доступныхъ утѣшеній. Помню я, рассказываетъ Іоаннъ Кассіанъ, когда я жилъ въ пустынѣ Скитской, одинъ старецъ, придя къ келліи молодого брата съ цѣлію провѣдать, посѣтить его, услышалъ, что тотъ внутри что то говоритъ. Прислушавшись внимательно, старецъ разобралъ, что братъ, воображая себя въ храмѣ, предлагаетъ поученіе народу; это значило, что инокъ, обольщенный духомъ тщеславія, представлялъ себя іереемъ и исполнялъ мечтательно лежавшее на немъ дѣло. Подождавъ еще немного, старецъ услышалъ, что братъ кончилъ поученіе и, перемѣнивъ себѣ должность, будто уже въ санѣ діакона, и — конечно — обладающаго звучнымъ и сильнымъ голосомъ, началъ возглашать: «оглашенніи, изыдите». Старецъ постучалъ въ дверь. Братъ смолкъ, быстро вышелъ и съ обычной почтительностью встрѣтилъ гостя, извиняясь, не задержалъ ли онъ его у двери: очевидно, совѣсть угрызала его за мечты и за то, что дѣлалъ онъ, поддавшись имъ. Старецъ ласково, но вразумляюще отвѣтилъ смущенно стоящему предъ нимъ: я только — что пришелъ и какъ разъ въ то время, когда ты возглашалъ: «оглашенніи, изыдите» (Добротолюбіе т. 2, стр. 78). И въ стѣнахъ монастыря, и въ мірѣ такія и подобныя явленія обычны. Такъ бѣдную душу нашу терзаютъ страсти. Такъ служеніе Богу подмѣниваемъ мы служеніемъ себѣ самимъ, своимъ пожеланіямъ и низменнымъ влеченіямъ.—Блаженъ тотъ, кто во время одумался, успѣвшиль воскресить въ душѣ Бога и осудить въ себѣ зло. Вѣгутъ отъ него тогда враги, и испушенія разсѣиваются, какъ дымъ.

Но не всегда и не всѣмъ это удается. Борьба съ собой — самая трудная: она продолжается всю жизнь до послѣд-

няго предсмертнаго вздоха. И особенно трудна она бываетъ въ вопросахъ матеріальныхъ у людей нуждающихся или обязанныхъ трудами рукъ своихъ добывать насущный хлѣбъ. Желаніе большаго, исканіе лучшаго, вызываемыя естественной нуждой, близки и дороги сердцу. Къ ихъ внушеніямъ съ охотой прислушивается сердце, угнетаемое тяжелыми картинами нужды и безпросвѣтнымъ трудомъ изо-дня въ день. Законное само по себѣ желаніе при невидержанности и горячности быстро охватываетъ душу. Покой и довольство дѣлаются предметомъ пожеланія, и непримѣтно затемняется въ душѣ свѣтъ Божьей правды. Кривые пути тогда уже не кажутся такими, не тревожатъ совѣсти. Жажда виѣшняго благополучія толкаетъ человѣка на сдѣлки съ совѣстью, и онъ не замѣчаетъ, что хочетъ соединить несоединимое—Бога и мамону. Духовная косность и расслабленіе быстро растутъ, съ каждымъ днемъ все плотнѣе и плотнѣе стягиваютъ въ душѣ свои тенета, и духъ Христова воодушевленія утрачивается. Съ религіозной, духовно-нравственной стороны человѣкъ становится «ни горячъ, ни холоденъ». И Богу угождать желанія не оставляетъ, и прелестей міра опустить не хочетъ. Велика ли цѣнность такого настроенія, говорить излишне: пустота его видна сама собой. «Ходить изреченіе св. Василія Великаго, которое онъ сказалъ одному сенатору, цѣпенѣвшему такую холодностью. Вельможа отрекся отъ міра, но не впиталъ въ себя духа воздержанія евангельскаго. Чтобы не испытать бѣдности и недостатка, опасаясь за скудость содержанія трудами рукъ своихъ, и въ то же время не желая скорбнымъ трудомъ обучаться истинному смиренію чрезъ скудость во всемъ ради Христа,—онъ изъ своего имѣнія оставилъ при себѣ столько, сколько считалъ необходимымъ. Св. Василій въ бесѣдѣ съ нимъ сказалъ ему: и сенатора ты потерялъ, и монахомъ не сдѣлался (Іоан. Касс. 72 ст.). — Почему не сдѣлался?—Забота о довольствѣ, страхъ предъ тяжестью труда, опасеніе скудости и лишеній высокой и твер-

дой стѣной заслонили въ душѣ Бога, и вѣра въ Промыслъ потускнѣла, ея голосъ сталъ глухъ и невнятенъ. Сталь человѣкъ на полдорогѣ, споткнулся здѣсь и не можетъ подняться. И не падаетъ совершенно-то, но и не поднимается. Долго ли онъ можетъ продержаться такъ? Не будучи въ силахъ подняться, не предпочтетъ ли онъ совершенно припасть къ землѣ, чтобы облегчить свое неестественное положеніе?... Часто и отдаются такъ землѣ съ ея изменными цѣлями, и ползутъ по ней въ пыли и грязи...—Ни происхожденіе, ни положеніе, ни санъ не спасутъ тогда человѣка, если самъ онъ не вспомнить Бога и съ слезою покаянія не воззоветъ къ Нему: воскресни, Боже!

Религіозное настроеніе, опредѣляемое словами «ни тепло, ни холодно», было всегда. Минуемъ то, что было, и взглянемъ на настоящее. Эта «теплохладность» сколько зла несетъ въ нашу жизнь, какой просторъ даетъ всякимъ «новымъ вѣяніямъ», просторъ для всякихъ рѣзкихъ выступленій.

Мы обтерпѣлись, присмотрѣлись къ такимъ явленіямъ, которыя въ сущности ужасны. Скрыть экспроприатора, убійцу, политическаго преступника многіе считаютъ геройствомъ. Восхищаются иные смѣлостью и самоотверженностью такъ называемыхъ «страдальцевъ за идею», этихъ ловкихъ проходимцевъ, умѣло прячущихъ злую волю въ складки громкихъ и красивыхъ словъ. Увлекаются, зачитываются многіе описаніемъ походовъ такихъ героев, которые кромѣ чувственности и животныхъ инстинктовъ и знать ничего не хотятъ. (Назовемъ ли героя Санинъ, или еще какъ, суть дѣла не измѣнится)... Откуда все это? Неужели отъ незнанія и неопытности?—Нѣтъ, въ указанномъ грѣхѣ повинна не молодежь только. Ей (молодежи) многое прощается: молодость всегда пылка и малоразборчива. Увлеченія видны въ средѣ болѣе зрѣлой и обстоятельной. Выступленія (прискорбныя и печальныя!) допускаютъ иной разъ лица съ большимъ положеніемъ,

съ большимъ опытомъ и съ большимъ образованіемъ. Вотъ, напр., всѣмъ ясно, какъ много въ настоящее время у насъ неразрѣшенныхъ вопросовъ въ церковной жизни. Кто этого не сознаетъ, кто объ этомъ не скорбитъ! Но находятся нетерпѣливыя души, которыя въ рѣзкой формѣ совершаютъ осужденіе существующаго строя, громко кричатъ, вызываяще себя держать и, при столкновеніи съ силой, ихъ превышающей; шумно и демонстративно или слагаютъ оружіе и уходятъ отъ общаго дѣла, или — что еще печальнѣе — уклоняются въ сектантство... Что вчера для человѣка было святыней, то нынѣ перестаетъ быть такимъ. Кто вчера объявлялся заблудшимъ, съ тѣмъ нынѣ братаются... Какъ это возможно? Откуда это?...

Не удивляйтесь. Не при свѣтѣ Евангелія взглянули люди на жизнь, а чрезъ призму расчета, внушеній духа времени, а можетъ быть — и вождѣвній. Пелена ихъ — подобно древнимъ «преданіямъ старцевъ» — закрыла Бога. Нѣтъ Бога, нѣтъ свѣта евангельской правды, вѣтъ евангельскаго крестоношенія въ душѣ. И темень ихъ путь — темны дѣла ихъ.

Господи силь, съ нами буди!

Свящ. Н. Орловъ.

ДНИ ЛУКАВЫЕ.

Странное и порою даже безобразное и нелѣпое зрѣлище представляет собою современная наша журнальная и газетная литература. Все, что только приходитъ къ голову всевозможнымъ умственнымъ и нравственнымъ недоноскамъ, все, что только можетъ придумать извращенное и разнузданное воображеніе, равно какъ и все то, что только гнѣздится въ различныхъ тупоумныхъ головахъ, все, чего прежде стыдились и тщательно скрывали,—все это теперь открыто и безстыдно выносится на свѣтъ Божій, причемъ различные умственные и нравственные недоноски, изъ-за страстнаго желанія—если не прославиться, то по крайней мѣрѣ выдѣлиться и заставить говорить о себѣ и блеснуть чѣмъ-нибудь новымъ и оригинальнымъ, угождая вмѣстѣ съ тѣмъ и извращеннымъ вкусамъ общества,—извергаютъ нерѣдко на свѣтъ Божій такія мерзости и такія нелѣпости, за какія даже въ разговорѣ они въ сравнительно недавнія времена рисковали бы попасть въ тюрьму или сумасшедшій домъ.

И въ этомъ-то странномъ и безобразномъ калейдоскопѣ нерѣдко мелькаютъ и религіозные вопросы и темы, равно какъ и разсужденія, и толки о служителяхъ религіи—православномъ русскомъ духовенствѣ. На первый взглядъ такое явленіе кажется удивительнымъ: такъ далеко, повидимому, ушло отъ Бога и вѣры наше общество. Но это только на первый взглядъ. На самомъ дѣлѣ вопросы духа и жизни, каковы вопросы религіозные, вопросы о Богѣ,

о первопричинѣ бытія и цѣли, и смыслѣ жизни, никогда не могутъ устарѣть и забыться и въ настоящее время звучать такъ же сильно и властно, какъ и прежде, и чувствуются остро. Только теперь они зачастую до такой степени заслоняются разными декадентскими выдумками и облекаются въ такія странныя и нерѣдко уродливыя формы, что изъ-за нихъ трудно иногда бываетъ разсмотрѣть сущность дѣла. Нужно также замѣтить, что ни о чемъ теперь такъ откровенно и развязно не толкуютъ, ни о чемъ не судятъ такъ вкривь и вкось, какъ о религіи. Объ этихъ важнѣйшихъ и серьезнѣйшихъ вопросахъ духа и жизни въ наше лукавое время даже серьезные, повидимому, люди нерѣдко толкуютъ съ чисто мальчишескою напвностью и задоромъ. Декадентство въ своихъ многочисленныхъ развѣтвленіяхъ истощается и изнемогаетъ въ усиліяхъ придумать, ради оригинальности и задора, что-либо особенно богохульное и уродливое: даже дьяволизмъ и смѣшеніе христіанства съ язычествомъ ему уже начинаетъ казаться устарѣлымъ и прѣснымъ. Мережковскій и Розановъ съ компаніей все еще никакъ не могутъ выяснитъ и обосновать свое новое христіанство, представляющее не то смѣшеніе христіанства съ язычествомъ, не то совершенное отрицаніе христіанства, и во всякомъ случаѣ полное, до неузнаваемости, его искаженіе и извращеніе. Новое христіанство, розовое христіанство, новое религіозное сознаніе, новая церковь (въ противоположность «церкви исторической»), и такъ далѣе, и такъ далѣе—вотъ что можно теперь встрѣтить постоянно на страницахъ газетъ и журналовъ и не однихъ только декадентскихъ. Все, что въ видѣ смутныхъ и невснхъ отрывковъ сохранялось въ головѣ отъ когда-то крайне поверхностно и недостаточно ученаго «Закона Божія», выносится на свѣтъ съ самою откровенною, чтобы не сказать больше, безцеремонностью ¹⁾).

¹⁾ Напр., въ рассказѣ Б. Лазаревскаго „Сила“ („Образованіе“ апрѣль 1908 года) повѣствуется, какъ одному университетскому профес-

Для иллюстрація того, какъ въ наше время разсуждаютъ о религіи и духовенствѣ, ознакомимся съ двумя небольшими новѣйшими разсказами. Первый изъ нихъ—это разсказъ И. Данилина «Радѣтель», помѣщенный въ 37 № «Русскаго Слова» за 1908 годъ. Разсказъ очень небольшой и писателю принадлежитъ неважному, но, какъ увидимъ ниже, весьма характеренъ для обозначенія современной путаницы въ религіозныхъ вопросахъ и понятіяхъ.

Разсказъ распадается на двѣ половины. Въ первой изображается ветхая, хотя и столичная церковь.

«Старая, старая церковь, въ прошломъ бѣлая, съ синими куполами, даже подъ яркими солнечными лучами казалась сѣрой, цвѣта табачнаго пепла, а когда-то синіе купола выцвѣли и темнѣли на голубомъ небѣ ржаво-зеленоватымъ пятномъ. И стояла она, окруженная деревьями, ветхая, полинявшая, и вѣяло отъ нея покоемъ, тишиною, отчужденностью отъ земного и святостью молитвы)... Такъ же убогъ и невзраченъ былъ и ютившійся у церковной ограды домикъ причта, деревянный низенькій, старенькій и покривившійся на бокъ, съ маленькими подслѣповатыми оконцами. А вокругъ храма весело и беззаботно вились ласточки, свившія гнѣзда на высокихъ окнахъ.

Ветхо и убого было все и внутри церкви. Облупился иконостасъ, позеленѣли густо закапанные воскомъ подсвѣчники... И служилъ въ церкви старичекъ-священникъ, «такой-же старый, какъ и самый храмъ, худенькій, сѣденькій, трясушійся, служилъ дряхлымъ, дрожащимъ голосомъ и плакалъ искренними слезами вѣры. И было въ голосѣ его что то трогательное и глубоко-вѣрящее, и молящіяся, въ большинствѣ бѣдный людъ, за богослуженіемъ забывали все земное и уходили въ мольбахъ къ Тому, Кто вѣка

сору, боящемуся смерти заболѣвшаго тифомъ ребенка, мерещится смерть этого ребенка и то, какъ священникъ передъ его домомъ, *на улицѣ, будетъ читать заупокойное евангеліе.* И такія вещи въ современной литературѣ можно видѣть на каждомъ шагѣ.

парить надъ міромъ, ободря уставшихъ и отчаявающихся и призывая трудящихся и обремененныхъ, чтобы утѣшить ихъ въ земной юдоли сладкой надеждой на покой въ томъ, другомъ мірѣ. О службѣ стараго батюшки шла тихая и скромная слава, и храмъ былъ полонъ молящимися, и всѣ по окончаніи службы уходили умиленные и успокоенные, и никто не замѣчалъ бѣдности храма, и всѣ чувствовали въ немъ святость Божьяго дома... А когда батюшка появлялся на улицѣ, съ своимъ сморщеннымъ, потемнѣвшимъ лицомъ, бѣленькой бородкой и ласковой, блаженной улыбкой, согбенный и трясущійся, встрѣчавшіеся съ нимъ всѣ низко ему кланялись или подходили къ нему подь благословеніе, и никто не сворачивалъ отъ него въ сторону, не плевалъ ему въ слѣдъ, и встрѣчу съ нимъ считали не дурною примѣтою, а счастливымъ предзнаменованіемъ. Говорили о немъ съ уваженіемъ и умиленіемъ и называли его молитвенникомъ и богоугоднымъ. И когда онъ умеръ, всѣ прихожане съ искреннимъ горемъ проводили его къ мѣсту вѣчнаго упокоенія.

И вотъ явился другой священникъ, молодой, красивый, образованный, съ ласковымъ лицомъ, и молодымъ, пѣвучимъ голосомъ и, несмотря на все это, всетаки сразу же «спугнулъ то кроткое, любвеобильное, что, казалось, незримо витало отъ стараго батюшки». И хоть и хорошо служилъ новый батюшка, а прихожане имъ все же были недовольны и все вспоминали прежняго священника. Между тѣмъ новый батюшка очень огорчался запущенностью и неблаголѣпіемъ храма, вина въ этомъ своего предмѣстника, склонялъ богатыхъ прихожанъ къ пожертвованіямъ на храмъ и добился выбора новаго старосты, «богатаго радѣтеля»; прежній староста, старичекъ, ревностный и богобоязненный, не могъ быть полезнымъ храму: онъ былъ бѣденъ.

Новый староста былъ «плотный, краснощекій человекъ», съ красной шеей и степенной, широкой, красивой черной бородой. Движенія его были неторопливы, говорилъ онъ.

раздѣльно и вѣско, и во всемъ чувствовалось, что онъ знаетъ цѣну своимъ словамъ и умѣетъ дѣлать дѣло твердо, основательно и практично. Онъ истово крестился, низко клалъ поклоны, и когда кланялся въ землю, то вставалъ, отдуваясь, красный, вспотѣлый. Онъ пришелъ, осмотрѣлъ храмъ, кое-гдѣ постучалъ по штукатуркѣ пальцемъ, кое-гдѣ колупнулъ иконостасъ и поскоблилъ подсвѣчники, помоталъ головой и сказалъ:

— Чтобы это да въ порядокъ — много денегъ надо!

И, нахмуривъ брови и важно помолчавъ, прибавилъ:

— Ну, для Бога и души своей можно и постараться. Вотъ, если на-дняхъ одно дѣльце выгорить, то жертвую на окраску храма сего».

И на подобострастныхъ слова священника дѣловито прибавилъ:

— Молись, отецъ духовный, потому дѣло у насъ теперь общее: твоя молитва, моя работа.

«Дѣльце» выгорѣло, и вскорѣ храмъ былъ заново обращенъ. А староста, самодовольно выслушивая похвалы и благодарности священника, сказалъ:

— «Погоди, отецъ духовный, не то еще будетъ. Вотъ если тутъ съ однимъ дѣльце обтяпаемъ, такъ тогда и иконостасъ можно будетъ подновить и вообще на счетъ внутренности пройтись».

— Господь не оставитъ дома Своего! Онъ пошлетъ успѣхъ радѣтелю его!—какъ бы въ экстазѣ, прорицая, воскликнулъ батюшка.

— Да надо бы!—дѣловито замѣтилъ староста. — Для Бога, кажись, стараюсь! Да и маклеръ—парень оборотистый, запутался только, такъ я его на куртажъ поймалъ, побѣщалъ наличными—подмигнулъ радѣтелю. И оба они, и батюшка, и староста, смотрѣли другъ на друга и смѣялись глазами, какъ люди, понимающіе многое, о чемъ не принято говорить. А черезъ недѣлю радѣтель ходилъ, сіяя лоснящимся, довольнымъ лицомъ и, время отъ времени отдуваясь, расправлялъ свою широкую бороду на двѣ сто-

роны. И въ церкви начались работы, и скоро все заблестѣло: и паникадило, и иконостасъ, и подсвѣчники... Восхищенные щедростью старосты, благодарили его знатные прихожане; священникъ обѣщалъ ему награду на небѣ, а староста, принимая благодарности, самодовольно отвѣчалъ, что старается единственно для Бога и души своей.—«Обѣщаль,—не могу я Бога обманывать. Стараюсь»—важно отвѣчалъ онъ.

Заодно—спилили и верхушки, и сучья деревьевъ, окружавшихъ храмъ. Исчезла вѣтвистая зелень, и голые стволы деревьевъ почервѣли и сдѣлались похожи на обгорѣлыя головешки. Исчезли веселыя ласточки; отшибли съ карнизовъ ихъ гнѣзда; улетѣли и голуби, и пропала такъ умилявшая душу тихая кротость и ласка прежняго храма...

Разсказъ, повторяемъ, неважный, но онъ замѣчателенъ и характеренъ тѣмъ, что выражаетъ собою взглядъ на религію и вѣру, ставшей теперь моднымъ. Слишкомъ часто высказывается теперь мнѣніе, что религія есть исключительно личное дѣло каждаго и должна таиться исключительно же въ тайникахъ его души, не выносясь на свѣтъ. О религіи и о Богѣ и говорить-то можно только лишь въ самой интимной бесѣдѣ, съ глазу на глазъ и едва ли не на ухо, а отнюдь не публично и не открыто. Отсюда выходитъ, что религія боится свѣта и гласности, и молиться можно лишь въ старенькой, укрытой отъ нескромныхъ людскихъ взоровъ вѣковыми деревьями, церкви, маленькой, тѣсной, темной и убогой, облупившейся и только что не обвалившейся. И священникъ въ ней долженъ служить лишь ветхій, убогій и немощный, малообразованный, съ дрожащимъ и дребезжающимъ голосомъ, и только такой священникъ можетъ молиться «тепло» и благоговѣнно, и искренно умиляться и восторгаться «величіемъ бытія и скорбно, отъ всего сердца, просить о ниспосланіи благодати и отпущеніи грѣховъ и плакать отъ искренней вѣры тихими старческими слезами». И даже и имя-то у священника старинное, теперь уже рѣдко встрѣчаемое—Сидоръ; у новаго

же священника, наоборотъ, общеупотребительное—Іоаннь. Хотя, какъ бы то ни было, нечищенные и густо закапанные воскомъ подсвѣчники ни коимъ образомъ не служатъ къ чести служащихъ при храмѣ. Бѣдность въ церкви можетъ быть, но лѣности и нерадѣнія быть не должно ¹⁾. Выходить далѣе, что всякое благолѣпіе во храмѣ, а тѣмъ болѣе храмъ просторный, свѣтлый и украшенный, является какимъ-то преступленіемъ, нарушеніемъ идилліи, въ какую новѣйшимъ христіанамъ угодно обратить религію и вѣру. Всякій, заботящійся объ украшеніи и благолѣпніи храма—непремѣнно мошенникъ и лицемеръ; деньги, идущія на украшеніе храма—ворованныя, или даже награбленныя, а священникъ, заботящійся объ украшеніи храма—одного поля ягода съ такими «радѣтелями»; вмѣняется въ вину священнику и то, если онъ молодъ, здоровъ, образованъ и имѣетъ звучный голосъ. Все это, повторяемъ, среди новѣйшихъ «христіанъ» обычные взгляды. Поэтому и никакъ не слѣдуетъ увлекаться рассказами, подобными разбираемому, и взглядами, въ нихъ проводимыми, а нужно обращать вниманіе на проникающую ихъ тенденцію. А тенденція эта такая—загнать религію въ самый дальній и темный уголокъ, чтобы выгнать ее потомъ и оттуда и такимъ образомъ выгнать ее изъ жизни совсѣмъ.

Другой рассказъ касается уже не вопросовъ религіи и вѣры, а жизни и быта православнаго русскаго духовенства. Это рассказъ И. Н. Потапенко «Поиски протодіакона» («Историческій Вѣстникъ» январь 1908 года) и носить на себѣ прежде всего всѣ отличительныя особенности

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что если староста дѣйствительно человекъ усердный и честный, какимъ рисуется староста изображаемой церкви,—онъ всетаки можетъ немало сдѣлать для церкви, тѣмъ болѣе, что въ описываемомъ приходѣ все же есть богатые прихожане. Но дѣло въ томъ, что всякое благолѣпіе храма здѣсь считается ненужнымъ, даже лишнимъ.

шаблоннаго писательства указаннаго автора. Такъ же здраво и убѣдительно разсуждаютъ и благоразумно дѣйствуютъ герои и героини разсказа, такъ же прямо и безпрепятственно стремятся они къ цѣли и такъ же благополучно и непремѣнно ея достигаютъ; тѣ же басни о томъ, что кандидаты священства получаютъ мѣсто не иначе, какъ только «со взятіемъ» невѣсты, т. е. только женившись на дочери своего предмѣстника; такъ же быстро сходятся и нравятся другъ другу женихи и невѣсты и такъ же благополучно и основательно устраиваются они потомъ на всю свою жизнь.—Перейдемъ теперь къ изложенію и разбору разсказа.

Въ Москвѣ, при древнемъ соборѣ, въ которомъ постоянное архіерейское служеніе,—соборѣ, который, по описанію его авторомъ, былъ бы похожъ на храмъ Василія Блаженнаго (официально называемый Покровскимъ соборомъ), если бы онъ былъ приходскою церковью, стоялъ не на площади, а среди улицы, «тѣсно соединенный съ цѣлымъ кварталомъ принадлежащихъ ему одноэтажныхъ домовъ»,—словомъ, при церкви, каковой въ Москвѣ въ дѣйствительности нѣтъ,—въ самое недавнее время былъ протодіаконъ ¹⁾, отецъ Ксенофонтъ Явленскій, обладавшій такимъ по-истинѣ феноменальнымъ и колоссальнымъ басомъ, какого не было еще не только въ Москвѣ и не только въ Россіи, но даже и въ цѣломъ свѣтѣ». Это былъ не голосъ, а «поразительное рыканіе». «Звукъ его голоса, казалось, впитался въ самыя стѣны храма. Когда онъ раскрывалъ ротъ, и оттуда медленно, спокойно, выливалась густая, тяжеловѣсная лава звуковъ, то казалось, что эту массу звуковъ никоимъ образомъ не можетъ производить глотка одного человѣка, и было такоё впечатлѣніе, что звучало все: и стѣны, и полы, и потолки, и иконы, и подсвѣчники, и прихожане, наполнявшіе храмъ, уста же отца

¹⁾ Протодіаконъ полагается вообще только при кафедральныхъ соборахъ.

Ксенофонта были только трубой, чрезъ которую проходили эти звуки. Безъ всякихъ усилій, безъ повышенія голоса, только лѣнливымъ движеніемъ губъ онъ производилъ тягучій, продолжительный громъ, и всѣ другіе голоса, раздававшіеся во время службы въ храмъ, казались безпомощнымъ щебетаніемъ маленькихъ птичекъ... А когда онъ, искусно модулируя въ минорныхъ тонахъ, солидно «мурлыкалъ» «вѣчную память»,—это «мурлыканье» было такое могучее, что его, навѣрно, слышали и ангелы на небесахъ»... Фигура у отца Ксенофонта была такая же колоссальная, какъ и голосъ; ѣсть и пить онъ могъ въ невѣроятномъ количествѣ.

И какъ только прихожане настоящимъ образомъ раскусили и опѣнили отца Ксенофонта,—они сдѣлались такими его закадычными пріятелями, что ни одна свадьба, ни одни поминки,—словомъ, ни одно пиршество уже не обходилось безъ ближайшаго и непосредственнаго его участія. И на каждомъ пиршествѣ происходила обыкновенно такая исторія.

Вначалѣ отецъ Ксенофонть громовымъ голосомъ выносили многолѣтіе хозяину, хозяйкѣ и ближайшимъ родственникамъ, а подвыпившіе гости нестройными голосами подхватывали. Это была, такъ сказать, оффиціальная часть праздника. Но по мѣрѣ того, какъ головы туманились, а глаза разгорались, веселье принимало болѣе интимный характеръ. Начало этому полагалъ кто-нибудь изъ наиболѣе почтенныхъ гостей. «Онъ стыдливо вынималъ изъ кармана толстый бумажникъ и, незамѣтно для сосѣдей, подъ столомъ вытаскивалъ изъ него бумажку такого достоинства, какое соотвѣтствовало его собственному достоинству. Обыкновенно это бывала четвертная, но бывали случаи, когда изъ-подъ стола блеснула и радуга.

— Вотъ, отецъ Ксенофонть... возгласи и на мою долю!

И бумажка изъ его руки переходила на столъ передъ самымъ носомъ отца Ксенофонта. Тотъ громово откашливался, грузно поднимался и провозглашалъ многолѣтіе...

И когда голосъ его достигалъ такой высоты, что отъ сотрясенія воздуха начинали звенѣть тарелки, всѣ сидѣвшіе за столомъ дружнымъ, хотя и нестройнымъ хоромъ подхватывали и пѣли многолѣтіе... Но едва замолгалъ хоръ, какъ уже другая пара рукъ возилась съ бумажникомъ, и новая кредитка предъ отцомъ Ксенофонтомъ присоединялась къ первой, и нѣкто говорилъ:

А ну, отецъ Ксенофонтъ, разодолжи!

Отецъ Ксенофонтъ опять откашливался и снова поднимался.

— Теперь за супругу... Вали за меня, отецъ Ксенофонтъ!.. Хватай-ка и на мою долю!.. Теперь моя очередь!.. За мое семейство!.. За тещу!... За свояченицу!..

Отецъ Ксенофонтъ каждый разъ поднимался, откашливался и отхватывалъ многолѣтіе, аккуратно называя всѣхъ полными именами. Не было надобности подсказывать ему. Онъ зналъ всю родню своихъ прихожанъ, всѣхъ тещъ и свояченицъ. И голосъ его гремѣлъ, а подтягивавшій ему хоръ становился все крикливѣе и нестройнѣе. Но въ то же время куча кредитокъ передъ нимъ возрастала... И хотя отецъ Ксенофонтъ какъ будто даже и не замѣчалъ этихъ кредитокъ, тѣмъ не менѣе голосъ его звучалъ всегда въ соотвѣтствіи съ положенной предъ нимъ кредиткой, «а когда къ кучѣ присоединялась радужная, казалось, всѣ его внутренности приходили на помощь его глоткѣ, и тогда нѣкоторые опасались за цѣлость потолка въ комнатѣ».

Но и этого всего было еще недостаточно. Квартира отца Ксенофонта была полна изящныхъ и дорогихъ вещей, а къ обѣду зачастую подавались дорогія вина и закуски ¹⁾. Все это были дары почитателей отца Ксенофонта. Стоило только ему притти въ лавку и похвалить что-нибудь, какъ эта вещь немедленно посылалась къ нему на квартиру. Иногда это дѣлалось и безъ всякаго напоминанія съ его

¹⁾ Напр., „стерлядь аршина въ полтора длины“. Это въ наше-то время!

стороны, просто отъ полноты сердца восхищенныхъ прихожанъ.

Такъ многіе годы благоденствовалъ и увеличивалъ капиталъ отецъ Ксенофонтъ. Но однажды на именинахъ у старосты, когда отецъ Ксенофонтъ былъ въ изрядномъ подпитіи, а кучка кредитокъ предъ нимъ достигла прямо колоссальныхъ размѣровъ, какихъ она ни разу еще не достигала за все время его службы, онъ хватилъ многолѣтне хозяину съ такою необыкновенною силою что у него лопнули горловые связки, и онъ окончательно и совершенно лишился голоса. И хотя прихожане подарили ему роскошный домъ,—онъ не могъ перенести постигшаго его удара,—началъ хирѣть и скоро умеръ.

Осиротѣвшіе прихожане, вмѣстѣ съ причтомъ и даже при участіи преосвященныхъ, долго и тщетно ищутъ достойнаго замѣстителя отцу Ксенофонту. Наконецъ, находится одинъ провинціальный семинаристъ, по фамиліи Иссоповъ, обладающій такимъ необыкновеннымъ басомъ, что можетъ замѣнить собою покойнаго. Разумѣется, онъ тотчасъ былъ посвященъ, предварительно женившись на единственной дочери отца Ксенофонта Варенькѣ. Эта послѣдняя, несмотря на то, что получила совершенно свѣтское образованіе (окончила курсъ въ гимназіи и консерваторіи), хорошую пенсію, значительный капиталъ и доходный домъ отъ отца,—только ради того, чтобы не потерять отцовское мѣсто и квартиру,—безъ всякаго колебанія рѣшается выйти замужъ за челоуѣка, котораго видитъ первый разъ въ жизни и совершенно не знаетъ.

Прочитавъ рассказъ, только и можно развести руками и, не въ обиду автору, сказать: «послушай, ври, да знай же мѣру!» Для кого—эти малопристойныя выдумки? Даже сотою доли того, что здѣсь находится, не бываетъ и быть не можетъ. Въдѣ дѣйствіе происходитъ въ настоящее время! Чтѣ подумаютъ люди, незнакомые съ бытомъ духовенства, прочитавъ подобный рассказъ? Чтѣ доходы духовенства колоссальны и жадность непомѣрна, что оно занимается

только объѣданіемъ, опиваніемъ и обираниемъ богатыхъ прихожанъ, которые для него ничего не жалѣютъ? И это пишетъ человѣкъ, самъ происходящій изъ духовнаго званія. Чего же требовать отъ постороннихъ? — Не мало въ разсказѣ и другихъ несообразностей. У преосвященныхъ—они непременно—старцы, хотя они только еще викарные, на груди не панагій, а крестъ; священникъ отвѣчаетъ преосвященному черезчуръ смѣло, почти дерзко. Фамиліи духовныхъ лицъ—все библейскія или церковнослужебныя: Иссоповъ, Явленскій (это, впрочемъ, обычно у Потапенко), а купцы носятъ непременно самыя неудобопроизносимыя имена. Семинаристу пятого (богословскаго—прибавляетъ еще авторъ) класса—двадцать шесть лѣтъ (не забудемъ, что дѣйствіе происходитъ въ настоящее время). Священники всѣ—богатыри: «рослые, толстые, пузатые, съ длинными кудрявыми гривами»; говорятъ они такими страшными, низкими басами, что приводятъ въ испугъ слушателей; голоса ихъ похожи на грохотъ, «какъ будто тяжелые камни упали на крышу храма», и не на членораздѣльные звуки, а на какое-то ворчанье.

И такъ далѣе.

Вотъ какими выдумками наполняется литература въ наше время. Поистинѣ лукавые переживаемъ мы дни!

Свящ. Н. Колосовъ.

23 ПИСЬМА ОШТИНСКАГО СТАРЦА О. МАКАРІЯ КЪ Г-ЖѢ С. И. П. ¹⁾

(1857—1860).

17.

Почтенная о Господь!

Письма твои отъ 7, 14 и 17 мая получилъ, хотѣлъ самъ отвѣчать, но не имѣю ни силъ, ни времени. Пишешь, что приходитъ помысль: «я не могу понять тяжести совершеннаго отсѣченія воли и разума». Надобно противиться сему и понуждать себя къ благому дѣланію, ибо «нуждницы восхищаютъ царствіе Божіе», въ неисполненіи же чего-либо укоряй себя и приноси покаяніе. Относительно пострига твоего, если уже на это есть воля м. игуменіи, то надобно повиноваться, немощи же свои должно объяснять, и смиряться; желаю, чтобы Господь устроялъ полезное о тебѣ и даровалъ миръ душевный и улучшилъ спасеніе твое.

Испрашивая на тебя и на живущихъ съ тобою Божіе благословеніе, остаюсь многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

¹⁾ См. майскую кн. *Дум. Чит.* 1908 г.

18.

Изъ писемъ твоихъ, почтенная о Господѣ N, видится неосновательное твое устроеніе. Ты желала проходить послушанія въ общежительныхъ монастыряхъ, но бывши немного на общемъ послушаніи — занемогла, какъ же ты могла бы нести постоянные труды въ общинѣ? Теперь сама видишь на опытѣ, что тамошней жизни понести не могла бы. Относительно устройства твоей жизни, тоже скажу: то устранишься отъ M., то опять желаешь съ нею жить;—надобно рѣшиться на что-нибудь обстоятельнѣе: относиться къ м. игуменіи или къ м. Макаріи, а жить по своей волѣ тебѣ не полезно.

Прочти у св. Лѣтвничика въ 4 словѣ 8 стих. въ коемъ сказано, что св. отцы псалмопѣніе противу бѣсовъ почитаютъ оружіемъ, молитву—стѣною, непорочныя слезы—умывальницею, а блаженное послушаніе назвали такою добродѣтелью, безъ которой никто же, отъ заплетенныхъ страстями, узреть Господа.—Совѣтую тебѣ прочитатъ всю 4 степень, гдѣ найдешь много полезнаго для себя. Касательно жизни твоей съ M. я не могу тебѣ ничего сказать,—улаживайте сами съ нею, по ея пріѣздѣ, съ общаго согласія и м. игуменіи, а я желаю чтобы между всѣми былъ миръ. Также и насчетъ купножителства вашего съ N предоставляю возможности и умудренію къ пользѣ.

Испрашиваю на тебя миръ и благословеніе Господне, остаюсь желатель спасенія твоего и здравія многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

10 іюня 1860 г.

19.

Два письма твои, почтенная N, получилъ я въ одно время отъ 27 іюля и отъ 3 августа; они противоположны одно другому, но я очень радъ, что на лучшее, и ты находишь себя виновною противъ м. M. и желаешь жить съ нею въ

повиновеніи, мирѣ и согласіи. Это для тебя нужно и спасительно; хотя и будутъ брани вражіи, но надобно ихъ познавать и противиться: самоукореніемъ и смиреніемъ; о семъ много было говорено. Читай у Θεодора Едесскаго съ 40 главы и далѣе.

Да благословить тебя Господь миромъ, остаюсь многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

13 августа 1860 г.

20.

Что съ тобою сдѣлалось почтенная N? Ты всякимъ вѣтромъ влаешься и измѣняешься какъ луна? Давно ли ты была мирна и къ обители, и къ своей старицѣ? И вдругъ уже хочешь переходить въ другой монастырь. Это твое непостоянство и слабость характера; ты разсѣялась, оставя все и правило, и молитву, и повиновеніе; потому врагъ взялъ надъ тобою силу.—Которые ты проходила въ мирѣ подвиги, какую пользу тебѣ принесли? Ни мало ни много: ты только тѣмъ и утѣшаешься, что исполняешь правила и постишься, а на нравственность ни малѣйшаго не обращаешь вниманія. Это—то же, что дерево украшенное листіемъ, а плода нѣтъ. Странный твой вопросъ: «не знаю почему не могу пріобрѣсти до сихъ поръ постоянного чувства покорности и смиренія?» Отвѣтъ удобный; послѣднее пріобрѣтается первымъ. Да какъ же ты хочешь такъ скоро пріобрѣсти такое великое сокровище — смиреніе? Оному много противятся враги и стараются впередъ отвести отъ покорности, какъ пишетъ святой Θεодоръ Едесскій въ 40 гл. и прочее. Ты вмѣсто того, чтобы смиряться и укорять себя, за неимѣемъ сего, о семъ смущаешься. Смиреніе многимъ временемъ пріобрѣтается, читай Іоанна Лѣствичника степень 4-я, 25 ст. и увидишь, что это не простая добродѣтель, а велие дарованіе Божіе. Пречти также у преподобнаго Касіана слово къ Леонтину игумену о разсужденіи, съ половины онаго.

Просишь перевести тебя въ другую обитель. Но я не

имѣю въ виду такой обители, гдѣ бы ты могла найти себѣ пользу. Да ты и вездѣ будешь смущаться, хотя всю вселенную обойдешь; врагъ вездѣ найдетъ матеріалъ, чѣмъ тебя смутить. Отвергай свою волю и разумъ, то и тутъ успокоишься. Родныя тебѣ не мѣшаютъ, ты къ нимъ не увлекайся, а когда будешь далеко, то объ нихъ будешь скучать и мѣста не найдешь.

Желаю тебѣ мира, здравія и спасенія, остаюсь многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

21.

Достопочтеннѣйшая о Господѣ N!

Писаніе твое получилъ и радуюсь о твоёмъ мирномъ устроеніи; дай Богъ, чтобы оно не нарушалось кознями и навѣтами вражими. Когда дѣйствія наши будутъ растворены любовію и смиреніемъ, то врагъ ничто-же успѣетъ на насъ. Также и касательно откровенія твоего скажу: надобно нудить себя и не слушать врага, внушающаго противное; зная пользу и вредъ — надобно держаться полезнаго, когда вмѣнимъ себя быти земля и пепель, то ничто не возбранитъ сдѣлать откровеніе. Гордость же сему препятствуетъ.

Мира и спасенія желаю тебѣ, и испрашивая Божіе благословеніе, остаюсь многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

22.

Пишешь ты, почтенная N, о скорби своей и о томъ, что м. игуменія не позволила тебѣ пріѣхать сюда, и, что для меня странно, не относишь сіе къ волѣ Божіей; а иначе какъ мы можемъ себя успокоивать, ежели не будетъ воли Божіей въ дѣйствіи тѣхъ, кому ввѣрено дѣло пещися о спасеніи нашемъ? Говоришь, что тебѣ очень трудно отсѣкать свою волю; но безъ этого и безъ отверженія своего разума, невозможно побѣдить вкоренившихся въ тебѣ страстей: духа преслушанія, нетерпѣнія, гордости, самолюбія, тщеславія; вся въ страстяхъ, вся во тьмѣ, въ тинѣ само-

правія обрѣтаешься.—Спрашиваешь, что тебѣ дѣлать? Уже тебѣ много говорено и писано, что одно средство къ совлеченію сихъ страстей—послушаніе, т.-е. отверженіе своей воли и разума. Оттого-то тебѣ и тяжело отсѣкать свою волю, что врагъ видитъ твою пользу и возбраняетъ себя покорити; а еще и гордость твоя сему причиною. Да ты обольстилась только своимъ правиломъ, на томъ положила все свое спасеніе, а на страсти, чтобъ имъ противиться, нимало не обращаешь вниманія. Я писалъ къ тебѣ. Если бы ты продолжала еще молитвенныя свои самочинныя правила, то могла бы изступитъ изъ ума, прельстившись своимъ моленіемъ...

Святый Іоаннъ Лѣствичникъ въ 4 степени пишетъ: «отцы» псалмопѣніе называютъ оружіемъ, молитву—стѣною, непорочныя слезы—омовеніемъ, а блаженное послушаніе назвали такою добродѣтелію, безъ которой никто изъ заплетенныхъ страстями не узритъ Господа!—Видишь, какая польза отъ послушанія, а потому врагъ и препятствуетъ оному. Прочти всю 4 степень и находи для себя пользу; понудься на отсѣченіе воли.—Ты требуешь отъ меня сказать тебѣ прямо остаться въ С., а то до тѣхъ поръ будешь колебаться мыслию, пока не услышишь рѣшительно: сиди въ С., а я знаю, что и тогда будешь колебаться разными извѣтами: то старицы молоды, то нѣтъ простоты и прочее. Ты очень самонадѣянна, что все сдѣлаешь, что скажу тебѣ; а когда говорю: отсѣкай свою волю, то и тяжело; ну скажу тебѣ: сиди въ С. и повинуйся, не составляй своей воли и свой разумъ. М. игуменія избрала для тебя добрую старицу м. М. и ты должна ей во всемъ повиноваться; я знаю ея духовный разумъ, она тебѣ весьма полезна; и не должна уже съ своимъ рассужденіемъ согласоваться, что она не такъ дѣлаетъ, не такъ говоритъ, а вспомни, что и я тебѣ даю совѣтъ повиноваться ей, ты же думаешь, что мнѣ повинуешься; исполнишь теперь это на дѣлѣ и уже не вопрошай другихъ, что такъ ли она тебѣ говорить, а просто повинуйся. Я тебѣ говорю это утвердительно, но не говорю, чтобы

это было не трудно, ибо врагъ не оставитъ возстать на тебя противу ея; смиреніе же сокрушитъ всё сѣти и козни его. О кельи для тебя положишь на м. игуменію и съ согласія м. М. какую лучше ояѣ для тебя изберуть. Если еще и не купятъ теперь, то потому что надобно усмотрѣть твоей твердости. Живя въ обители — не разсматривай, кто какъ живетъ, это не твое дѣло, а считай себя худше всѣхъ, то и будешь спокойна. Съ сестрицею твоею, о чемъ было нужно, мы побесѣдовали; не знаю могъ ли я подать ей что полезное, но Господь силенъ вразумить ее и утвердить.—Помни, что ты находишься въ духовномъ воинствѣ—воительница; враги невидимы; оружіе на нихъ сильнѣйшее—*Смиреніе*, всегда ѣ прибѣгай къ нему.

Испрашивая на тебя Божіе благословеніе, остаюсь желатель твою здравія и спасенія многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

23.

Ты, почтенная N, смутилась при поправкѣ твоихъ келій и разговоромъ съ начальницею; но ты должна помнить свое намѣреніе при вступленіи въ обитель—искать спасенія, а не возвращаться вспять при какихъ-либо встрѣчахъ скорбныхъ; чрезъ скорби-то и спасеніе наше содѣвается. Ты полагала оное имѣть въ постахъ, да въ правилахъ, исполняя которыя и утѣшалась тѣмъ мнѣніемъ, что спасаешься, а путь спасительный устланъ терніемъ скорбей. Ты взирай на Начальника и Совершителя нашего спасенія Иисуса, который вмѣсто подлежащей Ему радости претерпѣлъ крестъ. И намъ сей путь показалъ и повелѣлъ научиться отъ Него кротости и смиренію, дабы найти нашимъ душамъ покой... Когда ты испытала и находишь пользу отъ повиновенія м. М. и сожитія съ нею, то и не должна оставлять сего пути; а проси ее наставлять тебя; и отнюдь не слѣдовать и своему разуму и своей волѣ; желаю чтобъ Господь успокоилъ тебя, даровалъ разумъ истинный, остаюсь много грѣшный іеромонахъ Макарій.

Сообщено изъ Оптиной пустыни.

Свѣтъ Христовъ среди мрака человѣческихъ страданій¹⁾

Въ самомъ тяжеломъ раздумьи для христіанина есть облегченіе, въ самой печальной истинѣ—отрада. Для него свѣтъ и *во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объемлетъ* (Іоан. 1, 5).

Для усвоенія этихъ христіанскихъ идей и для проведенія ихъ въ жизни, какъ нельзя болѣе, содѣйствуетъ страданіе. Оно научаетъ насъ разсматривать дѣйствительность не съ практической только, но и съ этической точки зрѣнія, оцѣнивать факты и явленія жизни не со стороны только выгоды и пользы матеріальной, но также со стороны ихъ значенія для духовныхъ интересовъ нравственной личности. А это очень важно. Вѣдь, разумъ есть путеводитель воли. Его впечатлѣнія предшествуютъ нашимъ склонностямъ и желаніямъ, такъ что утвержденіе его въ истинѣ есть источникъ и основаніе правоты сердца. Мысль предшествуетъ дѣйствию, какъ молнія грому, и міромъ управляетъ идея. «Будемъ хорошо мыслить»,—вотъ принципъ нравственности.

Но страданіе вліяетъ на нашу нравственность и другимъ, болѣе прямымъ и непосредственнымъ образомъ. Оно побуждаетъ волю и направляетъ нравственную дѣятельность. Оно имѣетъ важное значеніе, какъ для формальной стороны сей дѣятельности, или для нашего характера, такъ и для внутренняго ея содержанія, опредѣляемаго раздвоенностью падшей природы нашей съ двухъ сторонъ:

¹⁾ Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чтенія* 1908 г.

какъ искорененіе грѣха и какъ насажденіе добродѣтели. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ страданіе является незамѣ-
нимымъ воспитателемъ.

Изъ всего дурного, что составляетъ проклятіе человѣ-
чества, нашъ собственный дурной характеръ хуже всего. Страданіе же, возбуждая нашу энергію къ устраненію не-
пріятнаго, къ преодолѣнію препятствій, къ борьбѣ и труду, тѣмъ самымъ упражняетъ наши силы въ дѣятельности и
прекрасно исправляетъ характеръ. Исправляетъ какъ въ
отношеніи энергіи, такъ и въ отношеніи чистоты. Энергія
и чистота, эти два существенныя качества христіанскаго
характера,—достигаютъ въ страданіи своего высшаго раз-
витія и полнаго объединенія, такъ что безъ чистоты ха-
рактера не бываетъ полной его энергіи, и, наоборотъ,
высшая степень энергіи обязательно предполагаетъ чи-
стоту мотива и побужденій. «Если стебель конопли, на-
ставляютъ подвижники, не будетъ продолжительно бить,
то не получитъ способности превращаться въ тончайшія
нити». «Когда бушуетъ буря, вѣра моя становится глуб-
же. Въ ураганѣ, я чувствую, сознаніе долга блеститъ лу-
чами молніи, и вѣра въ истину укрѣпляется. Возрастаю-
щая опасность увеличиваетъ лишь душевную отвагу. Стра-
даніемъ украшается подвигъ и утверждается правота» ¹⁾.
Только въ смятеніи міра, въ столкновеніяхъ и тревогахъ
образуются сильные, желѣзные характеры, способные на
всякій подвигъ, на всевозможныя жертвы до полнаго
самоотверженія. Человѣкъ твердѣетъ постепенно, мужаясь
противъ непрестанныхъ ударовъ судьбы.

Слыхали мы, что духъ нашъ крѣпнетъ въ горѣ,
Что мелкимъ людямъ мелкая бѣда
Подъ силу лишь, что на морѣ спокойномъ
Всѣ корабли равно умѣютъ плавать,
Но что душѣ геройской лишь дается
Судьбы удары съ мужествомъ сносить ²⁾.

¹⁾ В. Гюго.

²⁾ Шекспиръ.

Новослѣпленный глинаый сосудъ, но не скрѣпленный въ огнѣ, не годенъ для употребленія; малолѣтній отрокъ не способенъ къ исправленію обязанностей житейскихъ: такъ часто и души, не искушенныя различными напастьми, неспособны еще къ царствію Божію. Но, какъ крѣпкія деревья, благодаря порывамъ вѣтра, дѣлаются еще болѣе крѣпкими и твердыми, такъ и душа святая, живущая благочестиво, отъ напора искушеній и бѣдъ становится еще болѣе крѣпкою.

Такимъ образомъ, въ страданіи воспитывается христіанское терпѣніе (Іак. 1, 2—3; Рим. 5, 3), безъ котораго нѣтъ совершенства, нѣтъ спасенія, ибо только *претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ* (Мѣ. 10, 22). Только характеръ, вполне выработанная воля можетъ дѣйствительно спасти насъ; если мы этимъ не можемъ быть спасены, то должны погибнуть. *Терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши* (Лук. 21, 19),—заповѣдуетъ Христось. Бѣдный безъ терпѣнья, что лампада безъ масла. Хорошо спасенье, а послѣ спасенія — терпѣнье. Въ обдуманномъ, постоянномъ и, слѣдовательно, смиренномъ терпѣніи всѣ средства нравственнаго совершенствованія и условія лучшаго вѣка.

Всѣхъ богаче, кто терпѣть
 Научился съ дѣтства:
 Въ жизни сей негдѣ имѣть
 Лучшаго наслѣдства ¹⁾).

Но терпѣніе есть только одна сторона христіанскаго характера, всегда твердаго и энергичнаго. Полная его сила обнаруживается въ мужествѣ дѣятельномъ столько же, какъ и въ терпѣливомъ. Не пассивное только отношеніе ко злу, но живая, дѣятельная борьба съ нимъ должна руководить христіанина. *Не миръ* пришелъ принести Спаситель, *но мечъ и огонь*, огонь священной ревности по Богѣ и правдѣ. Истинное служеніе общему благу для во-

¹⁾ Л. Бутовскій.

дворенія на землѣ царства Божія, при невозможности на землѣ идеальныхъ условій, всегда будетъ итти путемъ крестнымъ. Поэтому для надлежащей силы и постоянства въ семь служеніи требуется характеръ чистый, чтобы онъ могъ осуществлять требованія царствія Божія не только въ стремленіи, но и въ страданіи. Увы! сколь многіе остаются вѣрны Господу и послушны только по виду, до тѣхъ поръ, пока внезапное горе не вторгается въ ихъ жизнь, и непрерывные удары испытаній не обрушиваются на ихъ головы. Что мы видимъ тогда въ этихъ сердцахъ, которыя были близки Богу? Что мы слышимъ изъ устъ, которыя прежде только восхваляли Его? Если это не возгласы открытаго возмущенія, то это — ропоть, или, по меньшей мѣрѣ, горькое сознаніе отчаянія, утомленія и безсилія. Тогда-то покрывало ошибки падаетъ съ очей нашихъ, и начинаемъ мы чувствовать, что не имѣли ни живой вѣры, ни чистой добродѣтели, что надобно покаяться, смириться и такимъ путемъ пройти хотя въ предверіе святилища истинно твердыхъ и непорочныхъ основаній добродѣтели, зависящихъ не отъ человѣческихъ видовъ и расчетовъ, но отъ безкорыстной любви къ Богу и добру. Такъ безъ искушенія и желѣзо обыкновенное кажется сталью, жестъ—серебромъ, и латунь или бронза — золотомъ, или смѣсь золота съ землей—чистымъ золотомъ и обыкновенное стекло—алмазомъ, но испытаніе показываетъ ихъ настоящее достоинство. И какъ во время зимы нельзя отличить деревьевъ, полныхъ жизни, отъ засохшихъ, такъ и въ настоящемъ вѣкѣ нельзя отдѣлить праведныхъ отъ нечестивыхъ; только *оружіе скорбей, проходя душу, открываетъ помышленія многихъ сердець* (Лук. 2, 35), открываетъ твердость или слабость нашу въ вѣрѣ, знаніе или невѣжество, порочность или чистоту нашего сердца, надѣяніе его на Бога или на земное, любовь къ себѣ и тлѣнному или болѣе всего къ Богу. «Кушанье познается по вкусу, а человѣкъ по искусу», говоритъ пословица. Какъ кормчаго обнаруживаетъ и испытываетъ буря, бор-

ца—ристалище; военачальника—битва,—такъ великодушнаго обнаруживаетъ несчастіе, христіанина — искушеніе. «Очень многіе называютъ себя грѣшными, даже признаютъ себя такими; но истинное понятіе человѣка о себѣ, тайно живущее въ сердцѣ его, обнаруживается нечаянно-нанесеннымъ безчестіемъ»¹⁾. Всевидящее око, *испытующее сердца и утробы* (Пс. 7, 10), проникаетъ въ глубину души, самой душѣ невидимую, и, открывая тамъ тонкій зародышъ грѣха, страсти, самоволія, самоугодія, тонкую примѣсь зла и нечистоты къ добрымъ склонностямъ и расположеніямъ, орудіемъ искушеній извлекаетъ наружу сія болѣзненные начала для ихъ уврачеванія и для возведенія души къ высшей чистотѣ. Такъ и вырабатываются въ горнилѣ искушенія высокіе мужественные характеры, которые одинаково поражаютъ какъ энергіей дѣятельности, такъ и чистотой мотивовъ.

Изъ исторіи мы также видимъ, что, когда Богъ готовитъ кого-либо изъ людей, обладающихъ въ то же время природнымъ умомъ, особенными знаніями и опытностію жизни, готовитъ поставить на высокомъ мѣстѣ службы церковной или гражданской, тогда ведетъ этого человѣка путемъ испытаній; напримѣръ, попускаетъ ему терпѣть отъ завистниковъ и клеветниковъ, стѣсненія по службѣ и проч. Такой путь жизни прошелъ Іосифъ предъ временемъ своего возвышенія въ Египтѣ; тѣмъ же путемъ, по волѣ Божіей, ведень былъ Давидъ до своего воцаренія; не иначе достигъ возвышенія и Мардохей. За то, чѣмъ дальше продолжается для кого изъ нихъ это испытательное состояніе, тѣмъ менѣе тотъ погрѣшаетъ и тѣмъ успѣшнѣе дѣйствуетъ на высокомъ мѣстѣ, которое впослѣдствіи довѣряется ему.

Кромѣ того, небесный Учитель, въ тѣхъ же педагогическихъ цѣляхъ, поражаетъ часто даже избраннѣйшихъ чадъ своихъ, дабы, подобно стираемымъ ароматамъ, ощущае-

¹⁾ Іоаннъ Лѣствичникъ.

мымъ и видимымъ образомъ являли они для всѣхъ сокрытую въ нихъ *волю благоуханія*, служили образцомъ добродѣтели для другихъ людей и содѣйствовали ихъ нравственному преуспѣванію, а чрезъ это и сами удостоились еще большихъ вѣнцовъ, большей славы... Не здѣсь ли заключается объясненіе столькихъ непонятныхъ, почти сверхчеловѣческихъ бѣдствій, которыми Богъ поражаетъ иногда своихъ наиболее дорогихъ и освященныхъ созданій. И тщетно старались бы мы понять глубокой смыслъ ихъ страданій во всей его полнотѣ, примѣняя ихъ только къ единичной судьбѣ. Дѣйствуя же вмѣстѣ, они являютъ намъ дивный смыслъ. Жизнь, почти раздавленная гнетомъ скорби, принимаетъ тогда безконечные размѣры подъ лучами духовнаго свѣта, простирающимися на невѣроятныя разстоянія... Праведный и многострадальный Іовъ служить здѣсь наилучшимъ примѣромъ.

Самъ Богъ свидѣтельствуетъ о праведной и благочестивой жизни сего мужа: *нѣтъ никого другого, какъ Іовъ на землѣ, человѣкъ непорочный, истинный, благочестивый, удаляющийся отъ всякаго дѣла лукаваго* (Іов. 1, 8). Но за всѣмъ тѣмъ Іовъ подверженъ былъ величайшимъ горестямъ; онъ потерялъ все: и богатство, и дѣтей, и самое здоровье. Пораженный тяжелой неисцѣльной проказой, всѣми оставленный, всѣми укоряемый, лежалъ онъ внѣ города,—сѣмя благочестія, сѣмя терпѣнія, удобряемое страданіями, онъ лежалъ на навозной кучѣ, ожидая того, кто возбудитъ отъ земли нищаго и съ навозной кучи подниметъ убогаго... Для чего же все это допустилъ Богъ? Для того, чтобы всѣмъ показать недосягаемую высоту добродѣтели невиннаго страдальца и вмѣстѣ съ симъ, какъ явствуетъ изъ книги Іова, посрамить окончательно діавола, этого исконнаго врага и челоуѣкоубійцу, посрамить торжественной побѣдой слабаго челоуѣка надъ тѣмъ, кто былъ нѣкогда архангеломъ. «Откуда явствуетъ его добродѣтель?» говоритъ коварно сатана. «Я сдѣлаю такъ»,—отвѣчаетъ Богъ, «что ты испытаешь его». Какъ если бы

кто сказалъ: «красота эта является отъ бѣдиль, румянъ и лазури; позволь мнѣ отнять украшеніе, чтобы тебѣ видѣть, какъ безобразно лицо, которое ты любишь», а тотъ увѣренно сказалъ бы: «иди и мой, какъ угодно, и оно явится еще прекраснѣе», такъ говоритъ и Богъ: «иди, испытай, — и ты увидишь, что оно окажется еще свѣтлѣе»¹⁾. И что же? Смотрите, въ какомъ недостижимомъ величій открылась любовь и преданность Богу великаго страсотерпца, когда онъ среди невыразимыхъ страданій только благодарилъ и славилъ Бога: *благая отъ руки Господни пріяхомъ, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. 2, 10)? *Яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1, 21). Какую непоколебимую твердость, закаленность характера обнаружилъ онъ! Какъ много на своемъ гноищѣ передумалъ и возвѣстилъ онъ намъ о міроправленіи Божиемъ! И все это богатство сокровищъ духовныхъ осталось бы для насъ сокрытымъ, если бы оружіе искушеній не вызвало ихъ наружу.

Вызывая наружу сокровенное содержаніе души, страданія тѣмъ самымъ способствуютъ намъ въ борьбѣ со грѣхомъ. Но они способствуютъ здѣсь и другимъ болѣе близкимъ, болѣе прямымъ путемъ, — они сами по себѣ искореняютъ грѣхъ, какъ говоритъ апостолъ: *страдающій плотію перестаетъ грѣшить* (1 Петр. 4, 1). Какимъ же образомъ происходитъ это, что страдающій перестаетъ грѣшить? Отвѣтъ на это даетъ намъ психологія грѣха. Грѣхъ возможенъ потому, что онъ въ какомъ-либо отношеніи привлекателенъ. Здѣсь корень искушенія. Всегда запрещенный плодъ представляется намъ, какъ и первой Евѣ, либо пріятнымъ на вкусъ (похоть плоти), либо привлекательнымъ для зрѣнія (похоть очей), либо заманчивымъ въ цѣляхъ разумѣнія добраго и лукаваго (гордость житейская) (Быт. 3, 6). Уступая подобнымъ побужденіямъ, мы отдаемъ весьма многое за сравнительно ничтожный

¹⁾ Іоаннъ Злат.

выигрышь, продаемъ, какъ Исавъ, наше первородство за блюдо чечевицы и покупаемъ веселое безуміе одного часа долгимъ раскаяніемъ послѣдующихъ лѣтъ. Не будь сего искушенія, отступленіе отъ добродѣтели, т. е., отъ нравственно должнаго или необходимаго было бы невозможно; привлекательность грѣха даетъ ему доступъ въ нашу душу; она же служитъ причиной того, что онъ легко усвоится нашей душой и прочно въ ней укрѣпляется. Вслѣдствіе этого преодоленіе грѣха одними только мотивами нравственнаго долга становится невозможнымъ (Рим. 7, 22—23). Но чего не можемъ мы сдѣлать сами, то дѣлаетъ страданіе. Черезъ страданіе спасительно сжимается грѣховная широта нашего сердца, и отъ стѣсненія сердца льются слезы, имѣющія чудесное свойство *очищать скверны сердца* нашего. «Вода смываетъ буквы, и слеза очищаетъ согрѣшенія. За неимѣніемъ воды изглаживаются буквы и другими способами: такъ и души, неимѣющія слезъ, изглаждаютъ и выскабливаютъ согрѣшенія свои печалію, воздыханіями, великимъ сътованіемъ» ¹⁾. Эти средства исторгаютъ съ корнемъ наши грѣховныя привязанности, заглаждаютъ слѣды грѣха и выжигаютъ навсегда заразу наклонности къ грѣховнымъ наслажденіямъ. «Какъ огонь черезъ многократное прикосновеніе прижигаетъ рану и останавливаетъ ея развитіе, и какъ желѣзо отсѣкаетъ гнилость, причиняя, конечно, боль, но за то доставляя пользу, такъ и голодъ, и моровыя язвы, и всѣ бѣдствія посылаются на душу вмѣсто желѣза и огня, чтобы остановить, какъ это бываетъ съ тѣлами, размноженіе болѣзней» ²⁾. Симъ путемъ страданія, подобно урагану, часто производятъ коренной переворотъ въ душѣ человѣка. Проходитъ несчастіе,—и душа кажется какъ бы обновленною: психическая энергія обращается совсѣмъ въ другую сторону, а занимавшія и порабощавшія душу грѣховныя

¹⁾ Іоаннъ Лѣствичникъ.

²⁾ Іоаннъ Златоустъ.

влеченія кажутся ей чѣмъ-то далекимъ и совершенно чуждымъ: *прежде страданія моего я заблуждалъ, а нынѣ слово Твое храню* (Пс. 118, 67).

Опытъ и исторія свидѣтельствуютъ, что самыя мрачныя тѣни отбрасываетъ человѣкъ тогда, когда онъ вполне освѣщенъ счастьемъ. Окруженный покоемъ вѣшнимъ и праведникъ можетъ по временамъ думать, будто онъ свободенъ отъ опасностей при достиженіи спасенія, и говоритъ беззаботно *во обиліи своемъ: не подвижуся во вѣки* (Пс. 29, 7). А между тѣмъ грѣхъ тогда и войдетъ въ душу, когда такъ мало думаютъ о немъ: *кто думаетъ, что онъ стоитъ, берегись, чтобы не упасть* (1 Кор. 10, 12), предостерегаетъ Апостолъ. «Отвергнувъ страданія и безчестія, не думай принести покаяніе при посредствѣ другихъ добродѣтелей: тщеславіе и настроеніе сердца, чуждое сокрушенія духа, умѣютъ служить грѣху и дѣлами правды¹⁾. Такъ тѣло, остающееся въ праздности, будь оно самымъ крѣпкимъ, расслабляется и изнѣживается. Вода стоячая гниетъ, желѣзо безъ употребленія ржавѣетъ, конь безъ работы портится. Дождь, идущій долгое время, гноитъ хлѣбныя посѣвы, если они еще молоды и нѣжны, уничтожаетъ плодъ; вѣтры же постепенно сушатъ и укрѣпляютъ всходы. То же бываетъ и съ душою. Стѣсненіе нерѣдко побѣждаетъ и самую природу. Такъ вода, стремящаяся и текущая обычно внизъ, будучи стѣсняема, поднимается вверхъ въ видѣ величественнаго фонтана и разсыпается изумрудными брызгами, переливающимися всѣми цвѣтами радуги. Когда человѣкъ живетъ въ просторѣ, изобиліи и довольствѣ, тогда онъ растетъ въ чрево свое и постепенно удаляется все больше и больше въ *страну дальнюю* (Лук. 15, 13), страну гладную, страну беззаконія и пороковъ. Тогда грѣхъ, овладѣвая нашею душою, обращаетъ на служеніе себѣ всѣ ея силы и можетъ совершенно поработить ихъ себѣ: воображеніе и

¹⁾ Преп. Маркъ-Подвижникъ.

память рисуютъ сознанию соблазнительныя картины грѣха, умъ изыскиваетъ лишь средства къ совершенію грѣха, чувство не хочетъ никакихъ удовольствій, кромѣ грѣховныхъ,—и въ результатѣ одни только грѣховныя рѣшенія воли. Даже совѣсть все болѣе и болѣе грубѣетъ по мѣрѣ того, какъ совершается зло, становясь все болѣе и болѣе неспособной произнести приговоръ, ожидаемый отъ нея. При первой совершенной ошибкѣ она говоритъ яснымъ голосомъ; кажется, что сужденіе, объявленное ею, должно было бы быть выполнено тотчасъ же; но все спокойно: свѣтъ идетъ своимъ путемъ, — и грѣшникъ ободряется. При второмъ паденіи голосъ совѣсти измѣнился и сдѣлался даже смутнымъ. Пусть еще упадетъ душа, — и совѣсть—какъ треснувшій звонокъ, она не дастъ уже больше яснаго звука. Тогда истощайте угрозы, говорите о чести,—всѣ ваши слова замрутъ. *Егда прїидетъ нечестивый во глубину золъ, не радитъ* (Прит. 18, 3). Онъ спитъ тогда тяжкимъ сномъ грѣховнымъ,—и кто разбудитъ его? Одинъ только *жезлъ жельзный* (Апок. 19, 15), жезлъ Божія посвященія въ скорбяхъ и страданіяхъ. Подобно ушату холодной воды, онъ быстро производитъ въ человѣкѣ отрезвленіе отъ грѣха, какъ отъ пьянства, пробуждаетъ въ немъ усыпленную совѣсть, которая и начинаетъ собственный судъ самоистязанія, вызывая въ памяти прошлую жизнь со всѣми нравственными пятнами, ошибками и увлеченіями, караетъ стыдомъ и угрызениемъ: «столько наемниковъ у Отца моего изобилуютъ хлѣбомъ, а я здѣсь гибну отъ голода духовнаго, гибну по собственной винѣ, своему неразумію и своеволію, ... лейтесь слезы мои горячимъ потокомъ, чтобы смыть мой позоръ, мой стыдъ, мое заблужденіе»...

Прекрасные образы того, какъ страданія очищаютъ душу, мы находимъ въ Св. Писаніи, гдѣ Богъ изображается то въ видѣ металлурга, переплавляющаго серебро и золото (Сир. 2, 1 — 5; Малах. 3, 2 — 3), то въ видѣ сѣятеля и вѣягеля, отдѣляющаго пшеницу отъ плевелъ

(Мѣ. 3, 12), то въ видѣ виноградаря, который подчищаетъ и окапываетъ неплодную смоковницу (Лук. 13, 6—9). Во всѣхъ этихъ образахъ проводится одна основная мысль, что безъ настроенія и навыка къ добру человекъ не можетъ освободиться отъ всѣхъ нечистыхъ прираженій человека ветхаго, плотскаго, грѣховнаго, если не будетъ подвергнутъ самымъ тяжкимъ страданіямъ. Ими только пробуждается совѣсть, ослабляется энергія грѣха, разбиваются всѣ цѣпи грѣховнаго рабства,—и воля тяжелая и лѣнивая неодолимо влечется къ источнику благодати, насъ исцѣляющей. Хананейка не пришла бы ко Христу, если бы ея сердце не надрывалось болѣзнию ея дочери. Іаиръ, начальникъ синагоги, не обратился бы къ Источнику воды живой безъ агоніи его ребенка. Посмотрите, кто слѣдовалъ за Христомъ въ Его служеніи, спросите эту громадную толпу, сопутствовавшую Ему во всѣ вѣка, — и вы увидите большею частью страждущихъ. Къ нимъ-то по преимуществу Христосъ и обращаетъ Свой любвеобильный призывъ: *приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные* (Мѣ. 11, 28).

Приидите ко Мнѣ! Но тотъ, кто только что поднялся отъ земли и едва сдѣлалъ одинъ шагъ, еще не пришелъ, мало того, онъ даже не шелъ. Онъ, подобно Моисею, обнимаетъ обѣтованную землю только взоромъ и желаніемъ,—но этого мало; все преддверіе ада наполнено, говорить, благими желаніями. Послѣднія, чтобы дѣйствительно принести ожидаемую пользу, должны осуществляться въ дѣятельности, направленной не только къ уклоненію отъ зла и искорененію грѣховъ, но и къ созиданію блага, къ насажденію добродѣтели. Изъ предыдущаго мы видѣли, какимъ образомъ посредствомъ страданій достигается искорененіе грѣха и нравственная чистота души. Страданія здѣсь играютъ такую же роль, какую имѣетъ для посѣва вспашка поля: ими готовится почва. И какъ здѣсь для хорошаго урожая нужно проводить глубокую борозду,—такъ и въ нравственномъ отношеніи тѣ только много

получаютъ, которые много требуютъ и много повесутъ въ жизни: *поновите себѣ поля и не спйте въ терніи* (Іер. 4, 3), наставляеть пророкъ, и другой: *расторните сердца ваши, а не одежды ваши* (Іоиль 2, 13). Когда эта подготовительная работа исполнена, наступаетъ время сѣянiя. Но и это дѣло лучше всего приурочивать къ времени скорби и страданiя, ибо «не столько дождь, падающій на сѣмена, помогаетъ имъ прозябать и возрастать, сколько дождь слезный возвращаетъ и приводитъ въ зрѣлость сѣмя благочестiя» ¹⁾. *Приблизьтесь къ Богу, и приблизится къ вамъ. Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте* (Іак. 4, 8. 9),— наставляеть Апостоль. *Ибо стьющій скудостію, скудостію и пожнетъ, а стьющій о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. 9, 6). Нужно дважды усилить страданіе, нужно его умножить, чтобы оно дало желанный плодъ по роду своему. Не нужно опускать этого удобнаго случая, а проливать обильныя слезы, слезы покаянiя, слезы удивленiя, слезы тоски по добру и святости... Тогда только, отъ приближенiя къ источнику свѣта воспламеняется горючій матеріаль въ душѣ человѣка, является сокрушеніе, чувство безсилiя, беспомощности. Тогда-то, если человѣкъ не хочетъ погибнуть въ отчаянiи и ожесточиться во злѣ, онъ просить у Бога помощи и заступленiя, — и это есть начало покаянной вѣрѣ, въ которой душа открывается для Божественной благодати, какъ цвѣтокъ открываетъ свою чашечку для солнечнаго свѣта, и отдается ея влiянiямъ; разливается тогда животворная сила въ обращенной душѣ, подобно тому, какъ разливается древесный сокъ въ вѣтвяхъ ожившаго дерева, и производитъ въ ней листья, цвѣты и плоды,—страхъ Божій, любовь къ Богу и ближнимъ и самоотверженіе.

И прежде всего «скорбныя наведенiя приводятъ къ страху Божию»,—говорять подвижники,—страху, какъ бы новыми грѣхами не навлечь на себя еще большихъ скор-

¹⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ.

бей, горшаго наказанія. И не сомнѣніемъ въ непреложности Божественной любви и Его обѣтованій обуславливается этотъ страхъ, но сознаніемъ человѣческаго непостоянства и грѣховности. Это сознаніе, какъ нельзя болѣе, усиливается страданіемъ, такъ какъ оно напоминаетъ о грѣхахъ, даже давно забытыхъ, что ясно видно хотя бы изъ примѣра братьевъ Іосифа. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ они продали праведнаго, прошло тринадцать лѣтъ, но, опасаясь наказанія и страшась за свою жизнь, они вспомнили о грѣхахъ и одинъ другому говорили: *точно мы наказываемся за грѣхъ противъ брата нашего* (Быт. 42, 21). Когда даже совершали грѣхъ, они не чувствовали этого, а когда ждали наказанія, то вспомнили о грѣхѣ. Такъ бываетъ и постоянно. Предъ громомъ и грозой маска падаетъ съ лица, самоувѣренность разбивается въ прахъ и даетъ чувствовать, какъ *страшно упасть въ руки Бога живаго* (Евр. 10, 31). Только страданіемъ научаемся мы служить Богу съ благоговѣніемъ и *страхомъ* (Евр. 12, 28); страхомъ же, какъ бы уздой, душа направляется къ добру и дѣлается неподвижной на зло: *привозди страху Твоему плоти наша*, — молятся христіане и очень основательно. «Какъ въ домѣ война, постоянно вооруженнаго, не посмѣетъ появиться ни разбойникъ, ни воръ, ни другой подобный злодѣй, — такъ и когда страхъ объемлетъ наши души, ни одна изъ низкихъ страстей не можетъ легко войти въ насъ, но всѣ удаляются и бѣгутъ, гонимыя силою страха. И не одну эту пользу получаемъ мы отъ страха, но и другую, гораздо большую этой; онъ не только отгоняетъ отъ насъ злыя страсти, но и вводитъ съ великимъ удобствомъ всякую добродѣтель ¹⁾. *Страхъ*, по свидѣтельству Писанія, *ненавидитъ неправды, досажденія и гордыни, и пути лукавыхъ* (Прит. 8, 13), вообще *отрываетъ всѣ грѣхи* (Сир. 1, 21), такъ что его можно назвать *источникомъ святой жизни* (Прит. 14, 27), началомъ премудрости (Прит. 9, 10) и «корнемъ благихъ».

¹⁾ Іоаннъ Златоустъ.

Страхъ Божій имѣеть разныя степени. Есть страхъ раба и страхъ сына: въ первомъ болѣе мучительной боязни (Іоан. 4, 18), второй болѣе проникнуть любовью (Сир. 1, 15). И въ этихъ двухъ видахъ есть различія. Самая низшая степень страха Божія, — это боязнь не столько грѣха, сколько мученія за грѣхъ; но и на этой степени спасителенъ страхъ, ибо иначе порвется послѣдняя узда, сдерживающая человѣка отъ совершенной гибели. И если справедливо, что, пока есть страхъ, любовь несовершенна (1 Іоан. 4, 18), то съ другой стороны также несомнѣнно то, что пока любовь несовершенна, долженъ быть и страхъ, въ смыслѣ сохраненія того высокаго положенія, въ которое насъ поставилъ Господь, какъ и научаеь Апостолъ: *со страхомъ и трепетомъ совершайте свое спасеніе* (Фил. 2, 12). *Работайте Господу со страхомъ и радуйтесь ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 11), — убѣждаетъ и пророкъ. Съ другой стороны, есть высшая степень сыновняго страха, страхъ Божій чистый, страхъ серафимскій, совершенно проникнутый любовью и преисполненный духовной радости. Въ этомъ усовершенствованіи страха открывается лѣстница нравственнаго восхожденія человѣка къ совершенству въ духовномъ взаимодействіи любви къ Богу и страха Божія.

И здѣсь также страданія прекрасно способствуютъ, а потому и наблюдается, что, когда Богъ желаетъ расположить сердце человѣка къ истинной любви, глубокой и продолжительной, всегда открываетъ путь къ ней страданіемъ. Родникъ сотни лѣтъ скрывался подъ тяжелымъ утесомъ, ударилъ въ этотъ утесъ молотъ грозы, — и родникъ забилъ живымъ серебромъ. Попытайтесь остановить его. Вотъ вамъ любовь, какою любятъ характеры сильные и пѣльные! Избранный сосудъ Бога Павелъ служить лучшимъ сему доказательствомъ. Знаете ли вы человѣка, болѣе страдавшаго, чѣмъ св. Павелъ, человѣка, который въ продолженіе 30 лѣтъ болѣе бы сосредоточилъ въ своемъ лицѣ мученій плоти, сердца и духа, человѣка, чья жизнь

была бы болѣе исполнена борьбы, измѣны, ненависти и презрѣнія свѣта? И однако каждое посланіе къ братіи оны начинается изъявленіемъ благодарности къ Богу, радуется среди жесточайшихъ страданій, *хвалится въ скорбяхъ* (Рим. 5, 3), *хвалится немощами и язвами*, понесенными изъ любви къ Иисусу Христу (2 Кор. гл. 11 и 12). Взгляните, далѣе, на сонмъ святыхъ, благоугодившихъ Богу. Ропталъ ли праотець Іаковъ, когда за пристрастную его любовь къ Рахили возлюбленный сынъ его Іосифъ сталъ для него причиной многолѣтняго сѣтованія? Ропталъ ли Боговидецъ Моисей въ своей исполненной превратностей жизни даже и тогда, когда за грѣхъ сомнѣнія въ могуществовъ Іеговы ему отказано было въ землѣ обѣтованной? Ропталъ ли на Бога царь Давидъ, когда былъ преслѣдованъ глубокой горечью о смерти сына за грѣхъ убійства и прелюбодѣянія (2 Цар. 12, 15)? Ропталъ ли сей вѣнценосный страдалецъ, когда за грѣхи свои долженъ былъ удалиться отъ царскихъ чертоговъ и бѣжать, какъ изгнанникъ, въ страхъ, пѣшкомъ, босой, подъ укоризнами (2 Цар. гл. 15 и 16)? Ропталъ ли, наконецъ, многочисленный сонмъ христіанскихъ мучениковъ, исповѣдниковъ, страсто-терпцевъ и подвижниковъ, учившихъ и словомъ и дѣломъ: презирати плоть, переходить бо, прилежати же о душѣ, вещи безсмертнѣй? Не побуждали ль они всѣхъ этихъ ужасовъ совершенною любовью къ Богу, которая наполняла всю широту ихъ сердца? О, если бы и въ насъ водворилась эта побѣдоносная любовь, дающая силу всегда и всюду воспѣвать хвалебно: *благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его* (Пс. 102, 2).

Къ сожалѣнію мы ропщемъ легко, а благодаримъ рѣдко: *не десять ли очистились, да девять идѣ* (Лук. 17, 17). Это грустный фактъ, указывающій намъ, какъ тяжела для насъ всякая обязанность, даже благодарной любви, выражаемой обычно въ дѣятельности богоугодной, какъ поучаетъ Спаситель: *кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня* (Іоан. 14, 21). Мы есте-

ственно склонны къ неблагодарности, мы чаще забываемъ и не чувствуемъ особенно невидимыя милости и благодаренія; мы всюду видимъ повтореніе тѣхъ же грѣховъ, неправдъ, безпечности, зла и невѣрія. Благодарность добровольно вообще въ нашихъ сердцахъ не проявляется; только въ горести и несчастіи человѣкъ понимаетъ, что Богъ одинъ есть наше приближеніе, утѣшеніе, спасеніе (Пс. 17, 3); тогда только мы глубоко чувствуемъ истину словъ Апостола: *Господи, къ кому намъ итти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни* (Іоан. 6, 68).

Равнымъ образомъ и въ отношеніи къ ближнему мы всегда правдивѣе относимся въ печали. Только въ страданіи мы научаемся состраданію; тогда только подрывается холодная логика эгоизма, и резонерство о ложной справедливости переходитъ въ симпатію, когда мы собственнымъ опытомъ узнаемъ, какое великое зло есть безчеловѣчіе, и какое великое благо есть сердце, отверстое терпящему нужду. Есть логика эгоизма, и есть логика любви. Какъ для эгоизма логично, естественно искать и находить причины для осужденія, для злобы, что логично неизбѣжно приводитъ къ разъединенію, къ борьбѣ,—такъ для любви естественно, логично искать и находить причины любить, что логично неизбѣжно приводитъ къ единенію въ братолюбіи. «Небольшимъ огнемъ смягчается воскъ,—говорить св. Іоаннъ Лѣствичникъ,—и часто случившееся ничтожное безчестіе внезапно смягчало, улаждало сердце, истребляло изъ него свирѣпость, нечувствіе и ожесточеніе». Кто не знаетъ страданія, тотъ не можетъ знать и жалости и слѣдовательно не узнаетъ глубины человѣчности, которая соединяетъ его съ братьями. Только страждущіе и страдавшіе могутъ быть утѣшителями искренними въ горѣ другихъ, и Богъ поручилъ бѣднымъ обогащать богатыхъ, создать церковь и преобразовать міръ, дабы они могли утѣшать находящихся во всякой скорби тѣмъ утѣшеніемъ, которымъ Богъ утѣшаетъ ихъ самихъ (2 Кор. 1, 4).

Но состраданіе не есть еще высшее проявленіе любви

само по себѣ: оно даже можетъ исчезнуть подъ вліяніемъ личныхъ эгоистическихъ мотивовъ, и такимъ образомъ надъ любовью восторжествуетъ своекорыстіе. Посему, мало того, чтобы мы сочувствовали чужимъ страданіямъ; нужно, чтобы мы готовы были сами пострадать для устранения или предупрежденія страданія ближняго; нужно, однимъ словомъ, самоотреченіе, которое всѣми нами, и вполне справедливо, считается самымъ вѣрнымъ признакомъ совершенной любви: *болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Способствуютъ ли страданія подобному самоотверженію? Какъ нельзя болѣе. Вѣдь всякое самоотверженіе есть отреченіе отъ какого-либо личнаго интереса, есть, слѣдовательно, лишеніе и, слѣдовательно, въ той или иной степени страданіе. Крестъ безъ любви нельзя мыслить, ви даже представить; гдѣ крестъ, тамъ и любовь. На высшей степени своего проявленія самоотверженіе сказывается въ чувствѣ общечеловѣческой нравственной солидарности, по которому даже страданія, повидимому, незаслуженныя и ничьему благосостоянію не содѣйствующія, мы принимаемъ съ полною готовностью и даже покорностью. Достигнувъ такого состоянія, мы вполне раздѣляемъ тогда мысли поэта ¹⁾: «я не противлюсь болѣе тому, что меня постигаетъ по Твоей волѣ, Вседержитель! Душа отъ печали къ печали стремится къ вѣчности... Въ Твоихъ небесахъ, въ заоблачныхъ сферахъ, въ глубинахъ этой неподвижной и спящей лазури, Ты, можетъ быть, творишь невѣдомыя намъ дѣла, для которыхъ необходимы скорби человѣка».

Не маловажную услугу на пути искорененія грѣха и насажденія добродѣтели путемъ страданій оказываетъ также чувство разочарованія въ жизни, естественно раждающееся при постоянныхъ неудачахъ житейскихъ. Разочарованіе не въ смыслѣ совершеннаго отрицанія цѣнности бытія или пессимизма, но только въ смыслѣ истиннаго

¹⁾ В. Гюго.

мнѣнія относительно превратности и условности благъ жизни. Пессимизмъ—вещь вредная въ нравственномъ отношеніи и проистекаетъ скорѣе отъ пресыщенія благами жизни, чѣмъ отъ ихъ лишенія; это мрачная мозговая паутина, которая отравляетъ намъ жизнь и веселье. И далеки отъ царствія Божія «хмурые» люди А. Чехова, утопающіе въ мертвящей тоскѣ и пустотѣ безпросвѣтной скуки. Напротивъ, христіанское разочарованіе всегда связано съ желаніемъ жить и дѣйствовать, но только при другихъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ жизни. Оно только ослабляетъ въ насъ погоню за обманчивыми благами внѣшняго міра и заставляетъ искать счастья въ томъ, что выше превратностей судьбы,—въ добродѣтели. Царствіе Божіе образуется и двигается именно разочарованіемъ, а самодовольство влечетъ за собою духовную гибель лицъ и народовъ, потерю ихъ для царствія Божія. «Праведники» Лѣскова, герои Достоевскаго и имъ подобные многочисленные искатели и подвижники правды въ русской землѣ, «люди Божіи», — вотъ, это люди царствія Божія: они отрицаютъ эту жизнь и дѣйствительность во имя иной, лучшей дѣйствительности, открытой имъ Евангелиемъ, а не ради самого отрицанія во имя пустоты душевной. Ихъ этической пессимизмъ весь проникнутъ идеализмомъ, вѣрою въ побѣду добра надъ зломъ (Мѡ. 5, 48; 6, 33; Лук. 17, 10). «Праведники» Лѣскова—это люди, не только воодушевленные прекрасными намѣреніями, но и умѣющіе осуществлять ихъ въ жизни, они-то и приносятъ другимъ несомнѣнную пользу, двигаютъ незамѣтно, но вѣрно культурные успѣхи и сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію.

Одновременно съ разочарованіемъ въ преходящихъ благахъ этого внѣшняго міра страданія поселяютъ въ душѣ страждущей надежду на иной порядокъ, когда не будетъ ни плача, ни воздыханія, когда *Господь навсегда отретъ всякую слезу отъ очей нашихъ* (Апок. 7, 17), *облечетъ въ бѣлыя одежды и дастъ финиковыя вѣтви тѣмъ*, которые пришли отъ скорби великой (Ап. 7, 14).

Откуда въ самомъ дѣлѣ несчастіе? Не отъ того ли, что мы здѣсь не на мѣстѣ, что мы созданы для неба, что земля не наше отечество, и что все, не имѣющее значенія для Бога, не имѣетъ значенія и для насъ? Не для того ли Богъ и устроилъ нашу жизнь тяжкою и трудною, чтобы мы, тѣснимые здѣшними скорбями, возжелали будущихъ благъ? Ибо если и теперь, когда со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ столько огорченій, опасностей, страховъ и заботъ, мы такъ привязаны къ настоящей жизни, то желали ль бы мы будущихъ благъ, когда бы ничего такого не было, и вся наша жизнь была бы безпечальна и безбѣдна? Если и теперь, когда земля колетъ насъ терніями и волчцами, мы болѣе или менѣе льнемъ къ землѣ, то что было бы съ нами, если бы мѣръ и земля не отталкивали насъ отъ себя? Гдѣ было бы тогда мѣсто величайшей христіанской добродѣтели—надежды? Она происходитъ только отъ скорби: *отъ скорби происходитъ терпѣніе, отъ терпѣнія опытность, отъ опытности надежда* (Рим. 5, 4). Не будь скорби, не было бъ и надежды, ибо довольные находятъ здѣсь и вознагражденіе, и утѣшеніе. И только обездоленная часть человѣчества столь естественно стремится наполнить свою дѣйствительную жизнь вѣрою въ потустороннее существованіе; только *нищіе духомъ и тѣломъ, плачущіе, кроткіе, алчущіе и жаждущіе* не только духовно, но и тѣлесно, *гонимые* людскою злобою и коварствомъ и не находящіе здѣсь ни защиты, ни справедливости,—тѣ только въ небесахъ себѣ награды ждутъ (Мѡ. 5, 5—14). Да, надежда—дочь печали, часто привудительно внушающей намъ, что мы *не имѣемъ здѣсь постоянного града, но ищемъ будущаго* (Евр. 13, 14).

Итакъ, на что мы плачемся, когда терпимъ бѣды?

Пронзенная земля даетъ свои плоды.

Страданіе, разсматриваемое нами въ своемъ дѣйствительномъ духовно-нравственномъ значеніи и покоренное, такъ сказать, нашимъ пониманіемъ, страданіе, хотя бы даже и самое сильное, не должно болѣе пугать и смущать

нась. Въ немъ огу, умѣющему видѣть, только яснѣе отражается небесное, свѣтлое лицо Спасителя!

О, неситесь же, мольбы святыя,
Къ небесамъ, къ страдавшему Творцу,
Чтобы всѣ страданія земныя
Онъ привелъ къ желанному концу ¹⁾.

Священникъ Н. Залевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ивановъ.

ВЪ ТИХОНОВОЙ ПУСТЫНИ.

— Станція «Тихонова-пустынь»...

Я возвращался съ родного юга и, услыхавъ голосъ кондуктора, рѣшилъ остаться на день въ пустыни, столь чтимой русскимъ народомъ, въ которой я еще не бывалъ. Было семь часовъ прекраснаго майскаго утра, особенно радовавшаго своимъ блескомъ и теплотою, такъ какъ нынѣшняя весна вообще была «незадачливая»: холодная, безъ цвѣтовъ на поляхъ, безъ всходовъ на большей части пашень... Да что говорить!—уже прошли дни и «Пахомія теплаго», и «Теодора житника», а близъ Воротынска еще видѣлся снѣгъ на открытыхъ мѣстахъ, и мнѣ думается—жаворонки, звонко распѣвая, умоляли солнце поскорѣе растопить снѣгъ, который совсѣмъ не присталъ маю.

Выйдя изъ вагона, ищу въ окружающей станцію зелени пустынь. Лѣса и лѣса... Но сіяющихъ крестовъ что-то не видать...

— Далеко ли пустынь отсюда?

— За восемь верстъ.

— А какова дорога?

— Все лѣсомъ. Пески да пески...

— Стало-быть, краснолѣсьемъ итти?

— Лѣсъ мѣшанный, а только сосны съ елью много...

— Такъ, говорю.—Ну, а шалить не шалить по дорогѣ?

— Сейчасъ, слава Богу, тихо. Если бы два года назадъ, тогда пришлые грабили, а сію пору не слышать о злодѣяхъ... Идите, если задумали; на пути деревня будетъ...

— Да, говорю,—пойду.

И пошеть.

Пройти восемь версть лѣсомъ—это значить, какъ нельзя лучше, «профильровать» легкія и хорошо узнать «жителей лѣса» — птичье царство, которое, по отзывамъ старыхъ крестьянъ и странниковъ, все убываетъ. Меньше перватыхъ — меньше и лѣсной поэзіи, такъ успокаивающей вашу смятенную душу...

— Бывало, въ лѣсъ-то окунешься,—говорять старики,—такъ птаха-то ажъ оглушить тебя. Всякой много было: и крупной, и малой. Бывало, лѣсъ говоритъ чрезъ нее изъ края въ край, а нынче не то: порѣдѣла Божья тварь...

Старики вздыхаютъ.

Здѣсь, въ Калужской губерніи, крестьяне объясняютъ неурожай, уменьшеніе птицъ въ лѣсахъ и рыбы, и тому подобное оскудѣніе тѣмъ, что народъ «больно хитѣръ» и «отчаянный» сталъ: все онъ истребляетъ, безъ раздумья, безъ жалости; стариной пренебрегъ, смѣется надъ примѣтами, въ которыя вѣрили дѣды; слушаетъ «ученыхъ»... оттого и жизнь стала тяжка. Я отмѣчаю это объясненіе калужанъ, такъ какъ оно, очевидно, не случайно и находить откликъ среди малороссовъ.

Отъ желѣзно-дорожной станціи переходъ черезъ колеи— и вотъ лѣсъ; онъ ласково принимаетъ васъ, какъ раньше принялъ въ себя скитъ—этотъ первый намекъ о пустыни. Скитъ находится въ сторонѣ отъ дороги, рѣзко выдѣляясь на зеленомъ фонѣ своими синими куполами. Срѣтенскій кладбищенскій скитъ, хотя и находится подъ непосредственнымъ управленіемъ настоятеля пустыни, но представляется маленькимъ самостоятельнымъ царствомъ. Въ немъ можно найти ночлегъ и получить простой обѣдъ.

Скитъ появился въ 1871 году, благодаря малоярославецкимъ помѣщикамъ Ларіоновымъ; въ то время епископомъ калужскимъ и боровскимъ былъ Григорій (Миткевичъ), извѣстный проповѣдникъ, со дня рожденія котораго недавно исполнилось сто лѣтъ.

Архіепископъ Григорій, въ мірѣ Николай Васильевичъ

Миткевичъ, былъ сынъ священника Черниговской епархіи и родился 1807 года. Нареченный во епископа калужскаго 9 декабря 1851 г. онъ съ 20 апрѣля 1869 г. возведенъ въ архіепископа и скончался 13 апрѣля 1881 г.. Въ калужскомъ Троицкомъ соборѣ — могила архіепископа Григорія. Вотъ что мы читаемъ въ «Исторической запискѣ»¹⁾ объ этомъ архипастырѣ: высокопреосвященный Григорій долѣ всѣхъ іерарховъ управлялъ калужской епархіей (болѣе 29 лѣтъ) и является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ея архипастырей. И прежде всего, почившій архипастырь былъ строгимъ блюстителемъ порядка и исполнителемъ закона. «Наше дѣло не обсуждать, а исполнять законъ»,—говорилъ онъ и былъ неумолимо требователемъ по отношенію къ самому себѣ въ исполненіи принятаго долга. По отношенію къ подчиненнымъ преосвященный Григорій былъ справедливъ и безпристрастенъ, всегда и во всемъ неуклонно вѣренъ разъ установленнымъ для себя правиламъ. Установленный имъ экзамень для ищущихъ духовнаго званія простирался на всѣхъ, не исключая и лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Вся дѣятельность его проникнута была духомъ христіанской любви, правды и милости. При различныхъ перемѣнахъ и теченіяхъ въ жизни гражданской и церковной, совершавшихся въ его время, онъ всегда стоялъ на подobaющей высотѣ своего званія.

... Частная жизнь преосвященнаго Григорія напоминала собою жизнь древнихъ отшельниковъ. Онъ отказывалъ себѣ въ мягкомъ ложѣ, почивая на голыхъ доскахъ, которыя дозволилъ покрыть суконнымъ войлокомъ лишь въ смертной болѣзни. Съ 4-хъ часовъ и почти до полуночи ежедневно пребывалъ въ подвигѣ и бдѣніи. Тотъ день преосвященный считалъ для себя потеряннымъ, когда бо-

¹⁾ „Историческая записка“ объ учрежденіи и состояніи Калужской епархіи за столѣтній періодъ ея существованія (16 октября 1799—16 октября 1899 г.), стр. 22.

лѣзья не позволяла ему участвовать въ церковномъ богослуженіи. Богослуженіе точное, по уставу церкви, было всегдашнюю потребностью его души. Почти круглый годъ питался онъ однимъ и рѣдко двумя блюдами растительной пищи и лишь по особеннымъ праздникамъ прибавлялъ къ нимъ третье блюдо, изъ мелкой рыбы. Большую часть своего содержанія онъ употреблялъ на дѣла милосердія, особенно благотворилъ вдовамъ и сиротамъ своей паствы. Онъ имѣлъ обычай въ каждый четвергъ — день памяти святителя и чудотворца Николая, — самъ раздавать милостыню нищимъ, которыхъ собиралось къ нему иногда до 100 и болѣе человекъ. То же дѣлалъ онъ и въ страстную пятницу, когда собиралось къ нему особенно много бѣдныхъ. Говорятъ, не мало было вдовъ и сиротъ, которыя получали отъ преосвященнаго нѣчто въ родѣ мѣсячной пенсіи. Онъ оставилъ послѣ себя всего 1000 рублей, которые завѣщалъ употребить на его погребеніе, прося объявить его родственникамъ, что онъ для нихъ ничего не стяжевалъ.

По любви къ паствѣ и по убѣжденію, что эта паства дана ему въ удѣлъ Верховнымъ Пастыреначальникомъ, преосвященный Григорій неоднократно отрекался отъ предлагаемыхъ ему высшихъ кафедръ, откуда предстояло ему достиженіе высшаго іерархическаго положенія... Память объ этомъ архипастырѣ долго будетъ сохраняться въ Калужской епархіи.

Не нужно говорить о томъ, что такой владыка могъ находить и легко находилъ откликъ на епархіальныя нужды въ сердцахъ калужанъ; Срѣтенскій скитъ является именно однимъ изъ такихъ откликовъ. Онъ не поражаетъ васъ ни пышной величавостью и роскошной отдѣлкой своихъ храмовъ, ни показными удобствами, но онъ привлекателенъ своимъ «вѣчнымъ покоемъ», простотой своего уклада и еще тѣмъ, что тутъ находится питомникъ, на которомъ запечатлѣлись трудъ и любовь къ природѣ безвѣстныхъ монаховъ.

Скитъ не обладаетъ достопримѣчательностями.

Покинувъ его, вы опять погружаетесь въ лѣсъ, впитываете въ себя жизненные соки, которые чернолѣсье и краснолѣсье разливаютъ для васъ каждою своею вѣткой, травою или цвѣтами, что образовали собою одинъ безконечный, великолѣпный коверъ... чудесный коверъ, потому что надъ нимъ не трудились человѣческія руки. Красоту, яркость и всю полноту создаваемого ковромъ этимъ очарованія придумали вмѣстѣ земля, солнечный лучъ и облако, можетъ быть, на весенней зарѣ, когда подъ святымъ небосводомъ впервые дрогнула пѣсня жаворонка или сѣренькій соловушка впервые закрылъ глазки, чтобы начать гимнъ на неразгаданномъ языкѣ.

И вотъ, вы идете, вдыхая атмосферныя прелести, которыми нѣтъ мѣста въ воздухѣ нашихъ большихъ, густонаселенныхъ городовъ; попадаютъ странники и богомолки, но мало. Я нагналъ двухъ старыхъ хохлушекъ изъ нѣжинскаго уѣзда. Уже не въ первый разъ плетутся онѣ къ «мылосердному Тыхону» искать забвенія отъ горестей и облегченія отъ «тажкого жыття» (т.-е. тяжелой жизни). Озими не взошли, земли мало, скоту пастись негдѣ: луговъ нема... Въ деревнѣ не на что порадоваться. Гдѣ же искать забвенія отъ мрачной повседнещины и успокоенія?—Въ монастыряхъ...

Два пути ведутъ въ каждую изъ православныхъ русскихъ обителей: одинъ путь — путь завѣдомаго, если не предубѣжденія, то строгой критики монаховъ и всего уклада даннаго монастыря; другой путь — путь между розовыми стеклами, за которыми святыня. Десятки людей ѣдутъ въ спальныхъ вагонахъ, среди комфорта, въ ту или другую обитель, — не молиться, не просить и не благодарить, нѣтъ!.. а *судить*. Мы съ вами поставимъ монаху или монастырю «каждое лычко въ строчку», безъ снисхожденія. Десятки же и сотни тысячъ крестьянъ, полуголодныхъ, а то и совсѣмъ голодныхъ, съ разбитыми ногами, послѣ пройденныхъ сотенъ верстъ, подходятъ къ святой обители

съ сердцами кристалльными, съ душой, отрясшей злобу и вражду; они ищутъ только розовыхъ стеколъ, чтобы, разъ посмотрѣвши черезъ нихъ на святыню и кто въ ней, такъ и до конца, до возврата въ родную избу видѣть ихъ въ розовомъ свѣтѣ. Пьяный монахъ, недостаточное гостепріимство и далеко не всегда добросовѣстные поборы — ничто не вызываетъ бури въ «мужицкой» душѣ. Деревня-паломникъ торопливо скользитъ по тѣни, бросаемой монастырской грѣховностью, какъ бы не замѣчаетъ ея, не желаетъ останавливаться на этомъ, отдавая всѣ свои помыслы и высокое вниманіе красотѣ и свѣту, которые совмѣстились въ иконостасахъ, въ ракахъ съ мощами, въ клиросномъ пѣніи, даже въ лубочныхъ изображеніяхъ Христа, Пречистой Дѣвы, Святыхъ... Я искренно возмутился, увидѣвъ пьянаго монаха въ ближнихъ пещерахъ Кіево-Печерской Лавры, а «мужиченко», за мною шедшій, только мягко и молвилъ: «грѣха вездѣ есть. А монахъ не человѣкъ развѣ?» И примолкнувши сталъ креститься передъ гробницей Ильи Муромца. Мнѣ вѣрится, что если бы онъ не примолкъ, онъ сказалъ бы: «тутъ ли, въ мірѣ праведниковъ, пристало разглядывать пьяныхъ, хотя бы это были и пьяные монахи?» Но «мужиченко» и я—мы были уже въ разныхъ мірахъ, далеко другъ отъ друга... И мнѣ подумалось: вотъ кому надо бы мнѣ земно поклониться—вотъ этому лапотнику: «онъ выше міра и страстей», а я...

Прошли захудалую деревню, поворачиваемъ вправо къ святому колодцу, у истока рѣчки Вепрейки, получившей свое названіе, вѣроятно, отъ вепрей (кабановъ), которыхъ въ былыя времена водилось множество въ этихъ мѣстахъ. Преподобный Тихонъ поселился именно здѣсь, покинувъ міръ¹⁾. Тутъ онъ вырылъ колодезь, окунуться въ который считаетъ необходимымъ каждый богомолецъ и богомолка. Двѣ купальни, мужская и женская, содержатъ такую холодную воду, что захватываетъ духъ. Вода чрез-

¹⁾ О св. Тихонѣ Калужскомъ см *Душеп. Чтеніе*, кн. 10, 1887 г.

вычайно чистая и почитается не только очень здоровою, но и цѣлебною; богомольцы спѣшаютъ выкупаться въ святомъ колодцѣ, причемъ говорятъ что надо погрузиться въ студеную воду не менѣе трехъ разъ, чтобы избавиться отъ хвори или окончательно укрѣпить здоровье. Погружаютъ въ воду и младенцевъ...

На святомъ колодцѣ выстроена деревянная церковь въ честь Божіей Матери Живоноснаго Источника; она воздвигнута въ 1887 году и, какъ новая, не владѣтъ ничѣмъ такимъ, что цѣнно съ точки зрѣнія любителя старины. Братскія жилища окружаютъ храмъ и немногія службы. Монахи привѣтливы.

Отсюда до пустыни двѣ версты. Ее скрываетъ лѣсная стѣна. Это доброе калужское полѣсье, выработывавшее смѣлаго, коренастаго, упornaго и по своему веселаго мужика. Какъ и встарь, здѣсь еще <засѣвки тянутся на сотни, болота на десятки верстъ, и не перевелась еще благородная птица-тетеревъ, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своимъ порывистымъ взлетомъ веселить и пугаетъ>... (Тургеневъ въ «Запискахъ Охотника»).

Прежде пустыни васъ встрѣчаетъ школа, но тутъ глазамъ открывается и красивая панорама: святыня и опѣвившая ее слобода. Синія главы обители плаваютъ въ воздухѣ; колокольня высоко взметнула сіяющій крестъ; окрестъ — синь и изумрудъ лѣсовъ и переливчатая, какъ хрусталь, пелена извиистой рѣки Угры: есть чѣмъ полюбоваться. Изысканно-причудливыхъ тоновъ юга здѣсь не видится, но зато на лицо все, чѣмъ гордится природа Великороссіи, сдержанная въ смыслѣ разнообразія красокъ, но мягкая, родная сѣверянину.

Входъ въ обитель съ запада: тамъ святыя врата. Обыкновенно во второй половинѣ мая Тихонова пустынь видѣла въ своихъ стѣнахъ многочисленныхъ богомольцевъ, но въ текущемъ году пришли десятокъ-другой, не больше. Передъ этимъ я былъ въ Кіевѣ и въ Черниговѣ — тамъ малоллюдно. Доходы монастырей вообще значительно со-

кратились, начиная съ осени 1905 года, но въ настоящее время имѣютъ большое значеніе еще два другихъ обстоятельства, а именно: печальные виды на урожай и бывшее половодье, причинившее чуть ли не повсемѣстно много бѣдъ. Деревня окончательно оскудѣла: не съ чѣмъ двинуться въ путь...

Главная святыня Тихоновой пустыни—Преображенскій соборъ съ придѣлами: во имя святителя и чудотворца Николая и преподобнаго Тихона калужскаго чудотворца. Древностью и мохомъ нѣсколькихъ столѣтій не вѣтъ отъ перковныхъ стѣнъ; живопись новая и заурядная; среди иконъ нѣтъ ни одной, писанной рукою великаго, вдохновеннаго мастера.

Величайшую драгоценность обители составляетъ рака чеканно-серебряная подъ рѣзнымъ вызолоченнымъ балдахиномъ, но мощи св. Тихона покоятся не въ ней, а подъ спудомъ. Густая завѣса полутаинственности покрываетъ это святое имя. По преданію, онъ принялъ постригъ въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ, скончался же 1492 года. (Н. П. Барсуковъ *«Источники русской агиографіи»*). А за этимъ имя калужскаго чудотворца какъ-то сплетается съ именами другихъ святыхъ Тихоновъ; въ ообенности—Луховскаго. Этому способствуетъ и то, что память свят. Тихона калужскаго празднуется въ одинъ день съ памятью святыхъ Тихона Амаѣунтскаго и Тихона Луховскаго (16-го іюня), и утрата «житія» калужскаго чудотворца. Даже въ службѣ ему замѣчается то, что относится къ костромскому преподобному. И самая служба остается подъ сомнѣніемъ въ отношеніи ея написанія; дѣйствительно: Филаретъ Черниговскій считалъ ее старинною, тогда какъ архим. Леонидъ относилъ ее къ 1805 году, когда-де ее составилъ калужскій помѣщикъ С. В. Еропкинь, а просмотрѣлъ и утвердилъ архіепископъ Теофилактъ (Русановъ).

Для меня тутъ, однако, непонятно вотъ что: какъ это могъ старинный писатель отнести къ житію св. Тихона

калужскаго слагаемыя житія св. Тихона луковскаго, если признать правильный взгляд черниговскаго архіепископа Филарета Гумилевскаго? Оба подвижника-современники, они жили въ разныхъ мѣстахъ; одновременно-ли появились въ свѣтъ житія ихъ, и развѣ одно и то же лицо писало эти два житія?... Но еще болѣе, чѣмъ смѣшеніе «житій» двухъ преподобныхъ, замѣчательно, какимъ образомъ архіепископъ Теофилактъ согласился утвердить составленную Еропкинымъ службу преподобному Тихону калужскому?

Извѣстно, что архіепископъ (впослѣдствіи экзархъ Грузіи и митрополитъ) Теофилактъ былъ выдающимся богословомъ и философомъ. Если онъ зналъ творенія западно-европейскихъ богослововъ-философовъ, которыя онъ и переводилъ на русскій языкъ, то можно-ли допустить, чтобы ему не было извѣстно житіе св. Тихона луковскаго и чтобы онъ, просматривая написанное Еропкинымъ, согласился утвердить завѣдомыя или невольныя ошибки составителя службы калужскому преподобному?

Придя въ калужскія дебри, Тихонъ поселился въ дуплѣ могучаго дуба, замѣнившимъ ему келью. Отъ дуба сохранилась лишь верхушка, находящаяся въ часовнѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пустыни. Всякій, кто бываетъ въ обители, направляется непременно и къ восьмигранной часовнѣ. Среди народа живетъ вѣра въ цѣлительныя свойства «тихонова» дуба, и вѣра эта держится также въ окрестномъ старообрядчествѣ, у котораго зародилось повѣрье, будто-бы преподобный Тихонъ уходитъ изъ своей пустыни «въ день Іоанна Предотечи» (24 іюня) въ Кіевъ къ братьямъ-преподобнымъ, которые нетлѣнно почиваютъ въ пещерахъ; будто-бы незримый обходитъ онъ «матеръ городовъ русскихъ» и благословляетъ ее на дальнѣйшее процвѣтаніе. Повѣрье извѣстно въ далекихъ, глухихъ углахъ Россіи, куда его заносили или странники, или бывавшіе въ пустыни, или-же завзжіе калужане; поэтому, на «проводы въ Кіевъ преподобнаго» собирались люди

изъ этихъ далекихъ, глухихъ угловъ—и такъ велось цѣ-
лыя эпохи до послѣднихъ лѣтъ:

Въ ризницѣ много цѣнныхъ предметовъ, а въ библио-
текѣ хранятся рѣдкія книги и рукописи, пережившія сто-
лѣтія; рукописи, относящіяся къ 16-му столѣтію и ранѣе,
погибли во время пожаровъ при нашествіи непріятеля. Во-
обще отъ пустыни,—ея храмовъ, построекъ,—не отдаетъ
сѣдою стариною, и не бросается въ глаза вамъ монастыр-
ское богатство; есть все, что нужно для зажиточнаго
хозяина; службы и угоды тамъ и сямъ, но общій тонъ сѣ-
рый «крестьянскій», не такъ, какъ въ лаврахъ, напри-
мѣръ, гдѣ чувствуется «изобиліе плодовъ земныхъ».

На кладбищѣ, кромѣ иноческихъ, видятся могилы: Рти-
щевыхъ, Шепелевыхъ, С. Н. Чернышева (1768—1814),
М. П. Брежинскаго (1787—1859), В. П. Путинцова
(1733—1802), Чемесовой († 1846), И. Н. Панютина († 1853),
А. Е. Сокаревой († 1819), С. Кирилловича Нарышкина
(1819—1855). Отдѣльно должна быть поставлена могила
князя Ивана Михайловича Воротынскаго.

Это—сынъ Михайла Ивановича Воротынскаго, отличив-
шагося при взятіи Казани, получившаго почетное званіе
«слуги государева», долгое время бывшаго царскимъ при-
ближеннымъ и въ концѣ-концовъ сосланнаго Грознымъ на
Бѣло-озеро. Князь не довхалъ туда, скончавшись въ пути.
Сынъ его, Иванъ Михайловичъ, въ концѣ царствованія
Іоанна Грознаго былъ воеводой въ Муромѣ, а потомъ въ
Казани. При Феодорѣ Іоанновичѣ, 1585 г., онъ вмѣстѣ
съ другими боярами подвергся ссылкѣ за участіе въ за-
говорѣ противъ Бориса Годунова. 1592 года возвращень,
пожалованъ въ бояре и посланъ воеводою въ Казань, гдѣ
пробылъ до 1598. Послѣ смерти Феодора Годунова, онъ
присягнулъ на вѣрность Лжедмитрію, и вмѣстѣ съ кня-
земъ Андреемъ Телятевскимъ отправленъ былъ въ Тулу къ
самозванцу для принесенія ему повинной за долгое сопро-
тивленіе. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе въ низло-
женіи Лжедмитрія, способствовалъ, по свидѣтельству ино-

странныхъ писателей, возведенію на престолъ Василя Шуйскаго и, съ переменнымъ счастіемъ, сражался съ самозванцами и поляками. Когда состоялось постановленіе Боярской Думы объ удаленіи Шуйскаго съ престола, Ивану Михайловичу было поручено объявить царю этотъ приговоръ. Въ 1611 году, по распоряженію бояръ, державшихъ сторону Сигизмунда, Воротынскій, какъ сторонникъ патріарха Гермогена, былъ арестованъ и, находясь подъ стражей, принужденъ былъ подписать грамоты, посылаемыя боярами польскому королю о присылкѣ его сына Владислава на Московское царство. Съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича Воротынскій назначенъ былъ 1614 г. воеводою въ Казань. Во время поѣздки въ Троицкую Лавру (1620—21 г.г.) Михаилъ Ѳеодоровичъ поручалъ Воротынскому управленіе Москвой. Послѣдніе годы жизни Воротынскій удалился отъ дѣлъ, принявъ схиму и умеръ подъ именемъ Іоны въ 1627 году¹⁾.

Ясно, что могила схимника Іоны, одного изъ послѣднихъ представителей давно угасшаго знатнаго рода, вызываетъ много думъ и будить прошлое, будить эпоху, яркую и мрачную и поворотившую теченіе нашей исторіи въ новое русло. Но много е говоритъ эта могила лишь немногимъ, большинство-же богомольцевъ, именно: сермяжная масса, проходятъ мимо нея, не обращая на нее вниманія. А если бы и обратили вниманіе эти люди, ну, что бы могила сказала ихъ умамъ и сердцамъ? Тьма и тьма... Трудно читать исторію во тьмѣ.

20 мая 1908.

Павель Россіевъ.

¹⁾ Большая Энциклопедія, томъ V.

ЧТО ТАКОЕ МОНАХЪ?

Что такое монахъ? *Монахъ* — греч. слово и значить — одинокій человѣкъ, живущій одиноко, неимѣющій семьи. Еще монаховъ называютъ *иноками*. Инокъ — наше славянское слово и означаетъ человѣка, живущаго иначе, иною, особенною, отличною жизнію отъ обыкновенной, — иначе, не какъ обыкновенно всѣ люди живутъ въ міру. — Что же дѣлаетъ монаховъ иными, особыми? — Да всякій монахъ, посвящая себя монашеской жизни, даетъ особые обѣты, — обѣщанія предъ Богомъ: 1) блюсти цѣломудріе или дѣвство, безбрачіе (не имѣть жены); 2) обѣтъ нестяжательности, или обѣщаніе не стяжать, не приобрѣтать себѣ имѣнія или богатства и 3) обѣтъ послушанія, т.-е. навсегда отказывается жить по своей волѣ, ради Бога, а обѣщается слушаться во всемъ и исполнять всегда волю своего начальника, настоятеля.

Монашество, или иноческая жизнь, появилось, можно сказать, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Христово Евангеліе требуетъ отъ всѣхъ насъ, христіанъ, нравственно чистой, святой, совершенной жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторымъ, особенно ревнующимъ о благочестіи и вѣчномъ спасеніи, даетъ совѣты и указанія на жизнь болѣе совершенную. Такъ, напримѣръ, всѣмъ дозволяется вступать въ законный бракъ, и бракъ христіанскій считается священнымъ, освящается таинствомъ; но почитается болѣе совершеннымъ тотъ, кто сохранить свое дѣвство въ чистотѣ и цѣломудріи. Дѣвственную жизнь освятилъ своимъ примѣромъ Господь нашъ І. Христосъ. Благовѣствуя на

землѣ людямъ пути спасенія, не обязывая къ дѣвству, безбрачію всѣхъ, Христось указаль на него, какъ на совершеннѣйшій образъ жизни, сказавъ: *есть скотцы* (не имѣющіе нужды въ женѣ), *которые сдѣлали сами себя скотцами* (т.-е. воздерживаются отъ женѣ) *ради царствія небеснаго* (Мѣ. 19, 12), и безбрачіе — этотъ высшій родъ жизни — предоставляетъ тѣмъ, которые отъ Творца природы и Духа благодати всеосвящающей получили даръ воздержанія и чистоты, говоря: *не всѣ* однако *вмѣщаютъ слово сіе* (т.-е. совѣтъ безбрачія), *но кому дано* (11 ст.), и хотя называетъ жизнь дѣвственную ангельскою, однако почитаетъ ее не для всѣхъ доступною, а только для тѣхъ, *кто можетъ вмѣстити; мойи вмѣстити, да вмѣститъ* (12 ст.).

Равнымъ образомъ, Онъ всѣмъ повелѣваетъ часть своего имущества удѣлять въ пользу бѣдныхъ, нищихъ, творить милостыню; но выше тотъ подвигъ, когда кто все свое имѣніе раздастъ нищимъ: *если хочешь совершеннымъ быти, продай имѣніе свое и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ* (Мѣ. 19, 21).

Не обязывая также никого къ совершенному отреченію отъ міра и его благъ, Спаситель повелѣваетъ однако всѣмъ Своимъ послѣдователямъ *искать прежде всего царствія Божія и правды его* (Мѣ. 12, 31), т.-е. не особенно заботиться о мірѣ и благахъ его, — заповѣдуетъ *всѣмъ отвернуться себя, слѣдовать Его ученію, идти за Нимъ*, т.-е. покорять свою грѣшную волю волѣ Божественной, Христовой.

И вотъ съ самаго начала христіанской Церкви многие изъ вѣрующихъ стремились къ достиженію высшаго духовнаго совершенства: одни добровольно отказывались отъ имущества и раздавали его бѣднымъ; другіе, подражая Приснодѣвѣ Маріи, св. Іоанну Предтечѣ, апостоламъ Павлу, Іоанну, Іакову, принимали на себя обѣтъ дѣвства, проводили время въ непрестанной молитвѣ, постѣ и воздержаніи, носили власяницы и пр. Такіе добровольные подвижники извѣстны были въ Церкви подъ именемъ *аскетовъ* (аскетъ—греч. слово—означ. подвижникъ).

Но аскеты или подвижники въ первые два вѣка не отдѣлялись отъ міра, а отказывались только отъ его благъ и наслажденій чми ради царствія небеснаго и, живя въ міру отдѣльно другъ отъ друга, не составляли изъ себя какого-либо особаго общества или сословія съ опредѣленнымъ уставомъ. Въ концѣ же III вѣка подвижничество начинаетъ принимать болѣе опредѣленный характеръ. Христіанскіе аскеты почитаютъ болѣе удобною для исполненія своихъ обѣтовъ жизнь вдали отъ міра. Поэтому они оставляли города и селенія и поселялись въ горахъ и пустыняхъ. Такіе удалившіеся отъ міра аскеты назывались *анакхоретами* (греч. отшельникъ) и *еремитами* (греч. пустынный). И вотъ такимъ образомъ появилось монашество.

Оно первоначально возникло на Востокѣ. Родиною его почитается Египеть (въ Африкѣ), а отцомъ и учредителемъ считается препод. *Антоній Великій* (Египетскій).

Препод. Антоній родился въ Египтѣ въ половинѣ III в. отъ христіанъ благородныхъ и богатыхъ и былъ воспитанъ въ страхѣ Божіемъ и благочестіи. 18 лѣтъ онъ лишился своихъ родителей и остался одинъ съ сестрою, которая была на его попеченіи. Часто посѣщаль онъ храмъ Божій, слушая тамъ со вниманіемъ слово Божіе и пѣснопѣнія церковныя. Однажды онъ шелъ въ церковь и размышлялъ о св. апостолахъ, какъ они оставили все, чтобы итти за Господомъ. Входитъ въ храмъ и слышитъ слова изъ Евангелія: *если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе свое и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ, приходи и слѣдуй за Мною* (Мѡ. 19, 21). Эти слова такъ поразили Антонія, какъ бы сказаны были Господомъ лично ему самому, и онъ рѣшился разстаться съ міромъ и его сокровищами навсегда: богатое наслѣдство, полученное отъ родителей, онъ продалъ, и деньги раздалъ нищимъ. Бывшую на попеченіи его сестру свою поручилъ извѣстнымъ ему христіанскимъ дѣвственницамъ. А самъ, оставивъ домъ и городъ, рѣшился служить Богу въ совершенномъ уединеніи и поселился въ пустынь, за.

рѣкою Ниломъ, въ пещерѣ. Сначала онъ поступилъ подъ руководство старца-отшельника, былъ смиреннымъ ученикомъ его, чтобъ научиться быть учителемъ; затѣмъ, въ продолженіи 20 лѣтъ, жилъ одинъ въ пустыняхъ, учась опытомъ надъ самимъ собою познавать и немощи человѣчeskія, и близость помощи Божіей.

Тяжела была пустынная жизнь Антонія. Въ пустынѣ Антоній проводилъ время въ трудѣ, молитвѣ и самомъ строгомъ воздержаніи... Онъ питался только хлѣбомъ съ водою, пищу принималъ по захожденіи солнца и то не ежедневно. Иногда сряду по нѣскольکو сутокъ не спалъ: ночью молился, а днемъ плелъ корзины, которыми приобрѣталъ себѣ хлѣбъ. И холодъ, и голодъ, и зной—все было имъ испытано. А главное: много приходилось ему терпѣть отъ врага рода человѣческаго—дѣвола. Дѣволу хотѣлось изгнать его изъ пустыни. И вотъ вокругъ своего уединенія подвижникъ нерѣдко слышалъ шумъ: являлись подобія львовъ, волковъ, змѣй, скорпионовъ, — всѣ они угрожали напасть на него и рвались въ его пещеру. Подвижникъ ужасался и трепеталъ. Чувство страха мѣнялось сожалѣніемъ о мѣрѣ, о розданномъ богатствѣ, объ оставленныхъ наслажденіяхъ жизни и другими волненіями помысловъ... Нерѣдко св. подвижникъ изнемогалъ, впадалъ въ уныніе, тосковалъ, плакалъ... Тогда или Самъ Господь являлся ему, или посылалъ ангела для его ободренія. *«Гдѣ Ты былъ, блажій Іисусе? Почему вначалѣ не пришелъ Ты прекратить мои страданія?»*—воззвалъ Антоній, когда Господь, послѣ одного тяжкаго искушенія, ему явился. — *«Я былъ здѣсь, сказалъ ему Господь, и ждалъ, пока не увижу твоего подвига»*.—Въ другой разъ, среди ужасной борьбы съ помыслами Антоній воскликнулъ: *«Господи! что мнѣ дѣлать? Я хочу спастись, а помыслы не даютъ мнѣ!»*—Вдругъ онъ видитъ: кто-то, похожій на него, сидитъ и работаетъ; потомъ всталъ и началъ молиться; затѣмъ опять сѣлъ за работу. *«Дѣлай такъ,—и спасешься!»* сказалъ ему ангелъ Господень. Понявъ св. Антоній, что ему нужно дѣлать въ

такихъ случаяхъ: онъ усилилъ трудъ и молитву, и чрезъ 20 лѣтъ такой борьбы и уединенной жизни въ пещерѣ достигъ наконецъ свѣтлаго и спокойнаго состоянія духа.

Сначала Антоній подвизался одинъ; но слава о его святой жизни стала распространяться. Къ нему стало стекаться много народу: одни затѣмъ, чтобы послушать его душеспасительныхъ наставленій, а другіе — чтобы поселиться близъ него... Постоянно возраставшее число учениковъ дошло до того, что безлюдная доселѣ пустыня оживилась: одни изъ пустынниковъ жили, по нѣскольку человекъ вмѣстѣ; другіе разсѣвались по пещерамъ и проводили отшельническую жизнь. Но руководителемъ всѣхъ отшельниковъ былъ Антоній. Руководя иноками, Антоній не давалъ имъ какихъ-либо общихъ опредѣленныхъ правъ для ихъ жизни: онъ бесѣдовалъ съ братіями, какъ отецъ съ дѣтьми, старался внушить всѣмъ *смиреніе, любовь къ Богу и ближнимъ, преданность воли Божіей, усиленную молитву, отрѣшеніе отъ всего земного, неусытнѣй трудъ.*

Еще при жизни Господь прославилъ св. Антонія даромъ чудотвореній и прозрѣнія. Чудодѣйственной силою вѣры приходящихъ къ нему за совѣтомъ мірянъ онъ врачевалъ; а словомъ утѣшалъ печальныхъ, училъ неразумныхъ, укрощалъ гнѣвливыхъ, всѣмъ болѣе всего внушалъ любить Господа Иисуса. Къ заступничеству его часто прибѣгали угнетенные, и оно никогда не было напрасно. Императоръ Константинъ и его сыновья искали общенія съ нимъ и просили его молитвъ.

85 лѣтъ прожилъ св. Антоній въ пустынѣ, и за это время только два раза оставлялъ ее. Являясь въ міръ, онъ поражалъ всѣхъ своимъ видомъ: казалось, что время не коснулось его; незамѣтно было въ немъ и слѣдовъ изнуренія; его лицо точно сіяло свѣтлостью и красотою; точно отражалась на немъ чистая душа, озаренная благодатію Св. Духа. Долговременное отчужденіе отъ людей не сдѣлало его грубымъ и суровымъ; тихимъ яснымъ взоромъ и кроткимъ привѣтомъ онъ встрѣчалъ всѣхъ тѣхъ, кото-

рые толпами стекались къ нему.— Не получивъ въ юности никакого научнаго образованія, св. Антоній между тѣмъ зналъ все свящ. писаніе и поражалъ вопрошающихъ знаніемъ жизни, богатствомъ духовныхъ наставленій...

И этотъ-то великій подвижникъ въ первый разъ выходилъ изъ своего уединенія въ пустынь, во время гоненія при Максиміанѣ, и былъ въ городъ Александріи (въ Египтѣ), чтобы утѣшить гонимыхъ за вѣру христіанъ и укрѣпить въ вѣрѣ малодушныхъ; — во второй разъ приходилъ въ тотъ же городъ, по случаю появленія ереси Арія, который отвергалъ Божество І. Христа и Его равенство съ Богомъ Отцомъ. И представилъ себѣ невозможно, до какой степени было важно появленіе среди христіанъ въ такое трудное и опасное для православія время такого великаго подвижника. Всѣ желали видѣть и слышать его. Толпы народа, даже язычники ходили за нимъ, ожидая благословенія и чудесъ отъ него; многіе изъ язычниковъ увѣровали во Христа. Св. Антоній, по обличеніи однихъ, по вразумленіи и утвержденіи въ вѣрѣ другихъ, возвратился опять въ свою пустыню.

Св. Антоній скончался въ глубокой старости (106 л., въ 336 г.) и за свои подвиги заслужилъ наименованіе Великаго. Онъ основалъ собственно *монашество отшельническое*. Нѣсколько отшельниковъ, находясь подъ руководствомъ одного наставника (*аввы*, евр. слово, значить *отецъ*), жили отдѣльно другъ отъ друга, или по двое, по трое, въ хижинахъ или пещерахъ и предавались здѣсь посту, молитвѣ, трудамъ на пользу свою и бѣдныхъ (плели корзины, цыновки, рогожки изъ тростника) и т. п.

Но еще при жизни Антонія Великаго появился другой родъ иноческой жизни, монашество *общежительное*. Подвижники собирались въ одну общину, несли труды, каждый по своей силѣ и способности, на общую пользу, для всей обители и всѣхъ братій ея, и подчинялись однимъ общимъ правиламъ или уставу. Такія общины назывались киновіями (греч. слово, знач. общежитіе) или монасты-

рями. Аввы или настоятели, начальники и руководители этихъ общинъ стали называться архимандритами. Основателемъ такого общежительнаго монашества въ Египтѣ почитается препод. Пахомій Великій.

Родители препод. Пахомія были язычники. Богато одаренный отъ природы, онъ получилъ въ молодости хорошее образованіе. Ко Христу же Пахомій обратился по слѣдующему случаю. Была война у императора греч. Константина Великаго съ Максентіемъ. Набирали войско. Въ число новобранцевъ поступилъ и Пахомій. На пути къ сраженію случилось войнамъ остановиться въ одномъ городѣ, гдѣ было много христіанъ. Христіане войновъ язычниковъ приняли съ радушіемъ, обласкали, накормили, успокоили. Пахомій пораженъ былъ этимъ пріемомъ и спросилъ: что это за люди? Ему отвѣчали: это — христіане; они милостивые, добрые; по заповѣди своего Учителя и Господа, они дѣлаютъ добро даже врагамъ. Сильно подѣйствовало это на Пахомія, и онъ тогда же рѣшилъ, если возвратится съ войны цѣлымъ, принять вѣру христіанскую. Война окончилась. Пахомій остался цѣлъ,— и первую его заботой было найти христіанскаго священника, который и научилъ его истинамъ вѣры Христовой и крестилъ. Воспламенившись любовію къ новой вѣрѣ и начальнику ея Христу, Пахомій уже не пожелалъ остаться въ мірѣ, а ушелъ въ пустыню Оивайдскую (въ Египтѣ), чтобы безъ всякихъ стѣсненій, съ полной свободой духа, всѣмъ сердцемъ и душою служить единому Христу. Старецъ Палемонъ, къ которому пришелъ молодой образованный Пахомій, былъ мужъ высокой подвижнической жизни и долго не принималъ къ себѣ Пахомія, указывая на неимовѣрныя трудности и скорби жизни пустынной; наконецъ, видя его искреннюю и твердую рѣшимость переносить все ради Христа и спасенія души, принялъ пришельца подъ свое руководство. И вотъ вдвоемъ они начали подвизаться въ молитвѣ, псалмопѣніи и постѣ; пропитаніе себѣ они добывали вязаніемъ власяницъ.

Случалось, старецъ замѣчалъ, что отъ усталости ученикъ его во время молитвы ночью начинаетъ дремать; тогда онъ отправлялся съ нимъ на сосѣдную гору, и они переносили тамъ въ корзинахъ съ одного мѣста на другое песокъ, и такимъ образомъ Пахомій навикалъ бодрствовать ночью, когда надобно молиться. Такъ прошло 10 лѣтъ подначальственной жизни Пахомія. Пахомію понравилось одно мѣсто въ пустынѣ, островъ рѣки Нила—Тавенна; онъ часто уединялся туда для молитвы. Однажды, во время уединенной усердной молитвы здѣсь, на островѣ, онъ слышитъ голосъ: «поселись здѣсь, и устрой обитель: къ тебѣ соберется много иноковъ». Старецъ объяснилъ ученику, что Господь, видимо призываетъ его быть теперь начальникомъ и руководителемъ иноковъ. Съ благословенія старца Пахомій построилъ на островѣ себѣ келлію и сталъ подвизаться. Въ уединеніи онъ усилилъ свои труды и подвиги. Но много скорбей пришлось перенести ему и теперь. Бѣсы страшно беспокоили его: они то внушали ему гордыя мысли, называя его *вѣрнымъ рабомъ Божиимъ*, то являлись ему въ видѣ женщины, въ видѣ звѣрей, то съ шумомъ и воплемъ трясли его келлію, однажды даже били Пахомія; но Пахомій молился, пѣлъ и читалъ псалмы, и бѣсы отступали... Наконецъ къ преподобному стала стекаться братія. Строились келліи. Была построена и церковь. Въ ней совершались всѣ молитвословія, какія можно совершать безъ священника. Въ воскресный день, когда братія пріобщалась св. Таинъ, приглашался священникъ изъ постороннихъ для совершенія литургіи. Когда братія работала въ келліяхъ послѣ молитвы, преподобный между тѣмъ самъ готовилъ пищу, работалъ въ огородѣ, служилъ больнымъ, былъ привратникомъ. Этимъ онъ поучалъ, какъ нужно управлять другими: управлять—это значитъ всѣмъ служить.

Число братіи все увеличивалось. Вскорѣ этотъ монастырь не могъ уже вмѣщать всѣхъ, желавшихъ спастись подъ руководствомъ св. Пахомія, и онъ вынужденъ былъ

основать еще нѣсколько монастырей на берегахъ Нила, не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другого. Онъ устроилъ даже одинъ женскій монастырь, гдѣ первую настоятельницею была его сестра.

Въ своихъ монастыряхъ преп. Пахомій ввелъ опредѣленные правила, обязательныя для всѣхъ,—ввелъ уставъ. Основаніями этого устава были: цѣломудріе (безбрачіе), смиреніе, отреченіе отъ всего земного и безпрекословное подчиненіе Аввѣ—(настоятелю). Монахи жили по-трое въ каждой келліи, вмѣстѣ занимались рукодѣліемъ и вкушали вмѣстѣ пищу. По нѣсколько разъ въ день всѣ вмѣстѣ собирались на молитву. У всѣхъ была одинаковая одежда: нижняя льняная—хитонъ безъ рукавовъ, верхняя—кожаная, на головѣ—волосыная (изъ шерсти) шапочка—кукуль, на ногахъ — сандалии, (подошвы привязанныя ремнями). Общественное богослуженіе совершалось два раза въ сутки—днемъ и ночью. По звуку трубы или била (била колоколь) монахи, въ тишинѣ, безмолвно стекались въ церковь. Здѣсь читали свящ. Писаніе, слушали наставленіе старца, молились, пѣли псалмы. Въ воскресенье изъ сосѣдняго селенія являлся священникъ, совершалъ литургію и причащалъ монаховъ. (Св. Пахомій и самъ не принималъ священства, и другихъ монаховъ не допускалъ къ принятію его, изъ опасенія духа любоначалія.) На работу выходили всѣ въ порядкѣ и молчаніи вмѣстѣ съ своимъ настоятелемъ. Безъ благословенія старшаго или настоятеля, никто не могъ ни начать новой работы, ни перейти съ одного мѣста на другое. Работа, исполненная тѣмъ или другимъ братомъ, принадлежала не ему, а всей общинѣ, всему монастырю. Пища принималась одинъ разъ — именно въ полдень, и состояла изъ хлѣба, овощей и плодовъ; въ воскресенье или праздникъ полагалась вечерняя трапеза. Для того, чтобы всѣ эти правила неизмѣнно выполнялись всеми иноками, преп. Пахомій положилъ не прежде принимать желающихъ поступить въ монастырь, какъ послѣ годичнаго испытанія.

Основанное на такихъ началахъ, общество монаховъ еще при жизни св. Пахомія возрасло до 7000, а чрезъ столѣтъ послѣ него до 50,000 человекъ.

Одинъ изъ учениковъ св. Антонія, св. Иларіонъ изъ Египта перенесъ монашество на свою родину въ Палестину и основалъ обитель близъ г. Газы. Отсюда монашество распространилось по всей Палестинѣ и Сиріи. Св. Василій Вел., по окончаніи своего образованія посѣтившій обители въ Палестинѣ и Египтѣ, ввелъ монашество въ своей области Каппадокии (въ М. Азіи) и далъ ему строго опредѣленный уставъ, который сдѣлался всеобщимъ на Востокѣ, въ Восточ. Церквѣ. Одинъ изъ подвижниковъ V в., Савва *Освященный* (прозванъ такъ потому, что съ званіемъ монаха, инока еще соединялъ санъ священника) учредилъ обитель близъ Іерусалима, въ скалѣ, у потока Кедронъ, и ввелъ здѣсь составленный имъ строго опредѣленный богослужебный уставъ. Восточное же монашество, изъ Азіи и Египта, перенесено было и въ Европу и нашло себѣ особенное убѣжище на горахъ Олимпійской и Аѳонской (обѣ эти горы наход. въ Греціи). На Аѳонской горѣ (она имѣетъ въ длину 30 верстъ, а въ шир. 20 верстъ) нѣтъ другихъ жителей, кромѣ монаховъ: тамъ находится около 20 монастырей, до 800 скитовъ и около 8000 подвижниковъ. Отсюда-то, съ Аѳона, монашество, съ введеніемъ христіанства, перешло и къ намъ въ Россію.

Велико значеніе монашества въ исторіи Церкви Православной и въ исторіи духовнаго христіанскаго воспитанія человѣчества! Несмотря на то, что иноки удалялись изъ міра для достиженія своего личнаго нравственнаго совершенства, однако монашество и на живущихъ среди міра имѣло великое благотворное вліяніе и сохраняетъ его до настоящаго времени. Уже одинъ взглядъ на отрѣшенную отъ всего земнаго жизнь иноковъ давалъ людямъ чувствовать, чего требуетъ отъ христіанина его званіе, и гдѣ его небесное отечество, къ чему онъ дол-

женъ стремиться и о чемъ болѣе всего въ земной жизни заботиться. Слава жизни и подвиговъ св. пустынноиковъ привлекала къ нимъ множество людей, ищущихъ наставленія и утѣшенія. Со всѣхъ концовъ христіанскаго міра, отъ простолюдина и до вельможи и царя, люди, ревнующіе о благочестивой и душеспасительной жизни, стекались видѣть эту чудную жизнь подвижниковъ или въ пустынѣ, или въ монастырѣ. Посѣтители не только сами учились у нихъ благочестію, но и рассказывали о нихъ другимъ и записывали ихъ дѣянія и слова. Собранія дѣяній и изреченія св. подвижниковъ становились учебною книгою и руководствомъ нравственности для всѣхъ христіанъ.

Помогая духовнымъ нуждамъ ближнихъ, иноки не отказывались, когда имѣли возможность, служить и временнымъ ихъ нуждамъ. Добывая себѣ трудами рукъ пропитаніе, они дѣлились избыткомъ его и съ неимущими. При монастыряхъ были страннопріимницы, гдѣ иноки принимали, питали и покоили странниковъ. Изъ иноческихъ обителей разсылалась милостыня и по другимъ мѣстамъ: узникамъ, томившимся въ темницѣ, мірянамъ, бѣдствовавшимъ во времена голода и отъ другихъ несчастій, напр., пожаровъ, наводненій, землетрясеній и т. д.—Способствуя душевному и тѣлесному благу вѣрующихъ, иночество содѣйствовало распространенію вѣры Христовой и окончательному паденію язычества. Высокая жизнь иноковъ приводила въ умиленіе и удивленіе язычниковъ и была для нихъ доказательствомъ святости вѣры Христовой. Напр. Антоній Вел., какъ выше сказано, однимъ появленіемъ въ г. Александріи, по свид. св. Аѳанасія, обратилъ къ вѣрѣ Христовой столько же язычниковъ, сколько въ другое время обращалось въ годъ. — Иноки являлись изъ пустыни въ наиболѣе нужное время на помощь пастырямъ и въ борьбѣ съ лжеученіями и лжеучителями безбоязненно обличали сильныхъ міра за уклоненіе отъ Церкви и Православія (напр. тотъ же Антоній В.

въ г. Александріи, или напр. преп. Исакій, укорявшій импер. Валента, за приверженность къ аріанскому лжеученію).

Но главная неоцѣнимая заслуга монаховъ для общества—въ непрестанной, творимой ими, молитвѣ о Церкви, Отецествѣ, о живыхъ и умершихъ. *«Иноки—это жертва Богу отъ общества»*, говоритъ одинъ архіепископъ преосв. Теофанъ затворникъ. *«Общество, предавая ихъ Богу, изъ нихъ составляетъ себѣ ораду. Въ монастыряхъ въ особенности процвѣтаетъ стройное, чинное, благолѣпное и продолжительнѣйшее священнослуженіе. Церковь является здѣсь во всей красотѣ своего облаченія»*. Здѣсь же неизсякаемый источникъ назиданія для мірянъ!—*«Монастыри»*, по мѣткому и правдивому сравненію другого нашего архіепа. Амвросія, — *«это звѣзды на церковномъ небѣ: онѣ освящаютъ и указываютъ грѣшному міру путь въ царствіе небесное!»*

Не громомъ побѣдъ и завоеваній, не потоками крови и опустошеній они стяжали себѣ вѣчную память и славу, но сокровеннымъ дѣланіемъ душеспасенія, борьбою съ грѣхомъ и діаволомъ ради славы Христовой и Его Царствія; ихъ подвиги сопровождались только ихъ слезами и воздыханіями, а на прочихъ людей они старались только низводить благословеніе Божіе. Эти, какъ бы неземныя чело­вѣчки, доказали міру, какую чудную силу являетъ природа чело­вѣческая, какая власть и могущество заключены въ душѣ и тѣлѣ чело­вѣка, когда онъ весь проникается силою благодати Христовой!

Свящ. Георгій Раевскій.

П И С Ь М А

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

къ Н. И. К.

14-го іюля 91 г.

Поздравляю всѣхъ васъ съ прибытіемъ на Вышу.

Благослови, Господи, ваше говѣніе... и помоги вамъ провести все здѣсь время душеспасительно.

Вашъ доброхоть

Еп. Теофанъ.

1 авг. 91 г.

Милость Божія буди съ вами!

Хорошо вздумалъ Илья—побыть на Вышѣ.—Ищеть помощи. Даруй ему Господи крѣпость устоять.

Онъ говоритъ, что отложилъ военную на годъ. — Мнѣ думается, что, если бъ онъ имѣлъ дѣло, ему легче бы было совладать съ собою.—Но какъ знаете, и какъ велѣть обстоятельства ваши, такъ и поступайте.

Благослови васъ Господи и Черничку—и всѣхъ...

Вашъ доброхоть

Еп. Теофанъ.

11-го авг. 91 г.

Милость Божія буди съ вами!

Упокой Господи душу усопшія рабы Твоя Леониды!—Коли она свѣтло пожила, то и поступить въ свѣтлыя обители. Да помилуетъ и спасетъ ее Господь!

Дорога—это вѣрно Рязанско-Казанская!!

Можетъ быть, и часть земли вашей пойдетъ подъ дорогу.—Это очень будетъ прибыльно.—Помоги вамъ Господи!

Не вижу, зачѣмъ вамъ загадывать — пробывать въ Моршанскѣ. Илью тамъ пристроить слѣдуетъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Самимъ же вамъ нечего тамъ и дѣлать... Илья вѣдь не трехлѣтокъ! — Къ тому же тамъ есть у васъ кто-то, кто можетъ присмотрѣть за нимъ. — Вы же прямо собирайтесь въ Саровъ и въ Дивѣевъ. — Въ Дивѣевѣ можете взять себѣ келію или въ гостиницѣ номеръ — съ платою, ... и жить тамъ, если въ монастырѣ не будетъ возможности... тамъ съ боку деревня.

Да поможетъ вамъ Господь устроиться и найти покой.
Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхоть

Е. Теофанъ.

14-го сент. 91 г.

Милость Божія буди съ вами!

Придетъ на все свое время, придетъ и на то, чтобъ побывать на Вышѣ, придетъ и на то, чтобъ въ Саровъ съ Дивѣевымъ сѣздить. Добрѣ творите, видя въ этомъ волю Божію, — и смиренно покоряйтесь ей; это самый лучший и успокоительный образъ возрѣнія на все текущее и насъ касающееся.

Илья добраго дѣла желаетъ, ища себѣ занятія. Праздное время, безъ умѣнья держать подъ руками произвольныя дѣльныя занятія, большой соблазнъ и искушеніе, при юношескихъ возбужденіяхъ произвольныхъ и непроизвольныхъ. — Если есть къ кому объ этомъ написать, напишите. А Илья уроковъ надавайте, какъ себя держать и какъ избѣгать искушеній.

Поздравляю съ просторною комнатою. И веселѣй, и здоровѣй.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхоть

Еп. Теофанъ.

Послѣ строкъ къ Черничкѣ, — приписано и вамъ нѣсколько словъ относительно Ильи.

2-го февр. 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

У, васъ—настоящая больница!—Помогай вамъ Господи управляться съ болѣзнями. О томъ, что на Вышу не удастся вамъ прокатиться, не слишкомъ сѣтуйте. Выша стоитъ—и ворота отворены. Когда ни благословить вамъ Господь посѣтитъ ее для богомолья, всегда найдете ее готовою принять васъ—утѣшить и освѣжить.

Софѣя Слѣпцовой я отвѣтилъ скоро по полученіи ея письма. Вѣрно не дошло письмо и застряло гдѣ либо тамъ въ Москвѣ.

О чемъ она писала, я забылъ,... не припомню. Но что-то очень немудреное... про какіе то вражьи нападки. Пусть идетъ наперекоръ, а не поблажаетъ врагу, слушаешь его... Благослови ее Господи!

Желаю вамъ здравія, — а всѣмъ больнымъ выздоровленія.

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

15-го февр. 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

На васъ оправдалось обѣтованіе Божіе, что упованіе смиренное не посрамится. Дождались наконецъ. Господь воздастъ вамъ утѣшеніемъ духовнымъ за ваше терпѣніе, которое не дало ослабѣть упованію.

Благослови Господи вашъ пріѣздъ и сподоби душевную получить пользу отъ видѣннаго и слышаннаго. Нынѣ въ монастырѣ только, но и около все тихо и смирно. Ни распѣваній, ни на гармоникѣ играній не слышно. Настоящее приготовленіе къ св. четыредесятиницѣ.

Вы вздумали наилучшимъ образомъ приготовиться къ

встрѣчь св. поста. Благослови Господи причаститься вамъ Св. Тайнь по вѣрѣ вашей. Черезъ это не только двери поста, но и врата небесныя отверзутся вамъ.

О бѣличкѣ очень жалѣю... Что посвѣтъ, то и пожнетъ. Дай Господи опомниться имъ обоимъ.

Благодарю за посланное, — свидѣтельство вашего неистощимаго благорасположенія.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю и я васъ съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ. — Вы уже и вкусили сей Свѣтлой радости. Торжественность Пасхальнаго Богослуженія кого не восхитить? — Земля — мѣсто скорбное, но Господу угодно, какъ окно какое открывать намъ для указанія небесныхъ радостей, и онѣ разгоняють мрачность земного пребыванія и въ небесное облакають землю; земля и небо сливаются.

Порадуйтесь! Софья—совсѣмъ стала на ноги. Да утвердить ее Господь въ ея святыхъ рѣшеніяхъ!

Книжку о. Іоанна я знаю... я назвалъ ее — утренній весенній вѣтерокъ, несущійся съ цвѣтныхъ полей.

Книжки Солищева не знаю. Но знаю, что онъ скончался и отошелъ въ прекрасномъ настроеніи духа христіанскаго.

Господь да окружить васъ утѣшеніями. Выша, Саровъ—это Божіи жилища.—Тутъ Божій небесный воздухъ. Если благоугодно Господу, Онъ, конечно, удовлетворитъ ваше скромное желаніе.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ ¹⁾.

VIII.

О необходимости старательности, предприимчивости, терпѣнія и неусыпности въ трудахъ жизни.

«Просите и дастся вамъ, ищите и найдете, стучите и отворятъ вамъ. Ибо всякій просящій получитъ, и ищущій найдетъ, и стучащему отворено будетъ» (Мф. VII, 7). Эти слова нашего Спасителя нужно всегда намъ твердо помнить. Въ нихъ заключается великое и спасительное правило для всѣхъ случаевъ и обстоятельствъ нашей жизни. Эти слова окажутъ намъ спасительную помощь и въ трудныхъ обстоятельствахъ нашей жизни. Что значать слова эти? Чему они насъ научаютъ? Собственно, приведенными словами Спаситель училъ насъ молиться Богу. Онъ училъ, что молиться нужно со всѣмъ усердіемъ, прилежно, напряженно, неослабно и неотступно. Не смущайся тѣмъ, что Богъ медлитъ исполнить твою просьбу; не унывай, когда Богъ какъ будто не слышитъ твоихъ моленій; не бросай молитвы, хотя бы и долгое время не видѣлъ ты никакой пользы отъ своей молитвы. Въ молитвѣ, по ученію Спасителя, необходимы твердость, постоянство, настойчивость, терпѣніе и старательность. «Терпѣніе и трудъ все перетрутъ»,— мудро замѣтилъ народъ про обыкновенныя житейскія дѣла. Тоже самое и въ молитвѣ. Молись

¹⁾ Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол.* Чт. 1908 г.

усиленно, терпѣливо, постоянно, и въ концѣ-концовъ Богъ услышитъ тебя, услышитъ непременно. Поручкою въ томъ слова Спасителя. «Просите», говоритъ Спаситель, «и получите, ищите и найдете, стучите и отворятъ вамъ; ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и толкующему отворено будетъ».

Но въ одной ли молитвѣ необходимы усиленная старательность, усердное напряженіе всѣхъ силъ, настойчивость, терпѣливость и неотступность? А въ жизни-то нашей, въ житейскихъ дѣлахъ и трудахъ развѣ не то же самое? Да и можно ли истинную молитву отдѣлять отъ другихъ важныхъ дѣлъ и трудовъ земной жизни? Напротивъ, не самое ли важное дѣло всей нашей жизни — молитва? Вся наша земная жизнь должна быть одной постоянной молитвой къ Богу. Какимъ это образомъ? А такимъ, что всѣ наши думы, чувства и желанія, всѣ заботы, старанія, труды и занятія,—словомъ, вся жизнь наша со всѣми ея крупными и самыми мелкими занятіями, съ ея печалями и радостями, съ трудомъ и отдыхомъ — должна освящаться молитвою къ Богу, должна направляться къ Богу, совершаться съ мыслью и памятью о Богѣ, съ однимъ постояннымъ желаніемъ исполнить волю Божию, прожить во славу и честь Пресвятаго имени Божія. Такъ именно учитъ апостолъ Христовъ, когда говоритъ: «пищу ли вы принимаете (1 Кор. X, 31), или пьете, или другое что дѣлаете,—все дѣлайте во славу Божию».

Итакъ, въ чемъ же состоитъ истинная и угодная Богу молитва? Конечно, не въ словахъ однихъ и тѣлесныхъ поклонахъ, а въ постоянной мысли о Богѣ и неустанныхъ, черезъ всю жизнь идущихъ, терпѣливыхъ трудахъ въ честь и славу Божию. Въ самомъ дѣлѣ, какой толкъ будетъ для тебя, если ты забросишь всякія дѣла и работу и будешь на словахъ молить Бога, чтобы Онъ избавилъ тебя отъ бѣдности, прокормилъ тебя и родныхъ твоихъ, справилъ и поддержалъ за тебя твое хозяйство? Услышитъ ли Богъ такую молитву? Никогда. Такою молитвою

ты только прогнѣвляешь Бога. Другой человѣкъ жалуется, что *Богъ не далъ ему здоровья*, а самъ живетъ неправильно, незаконно, не бережетъ своего здоровья, тратитъ свои силы въ излишнемъ пьянствѣ, въ безпутной, неосторожной жизни, неосмотрительно и неразумно надрываетъ свои силы въ непосильной работѣ, не охраняетъ себя отъ вреднаго дѣйствія угара, мороза, сырости. Выбѣжить человѣкъ изъ теплой комнаты безъ теплой одежды на сырость, на вѣтеръ, или напѣтся послѣ трудной горячей работы чего-либо холоднаго, или проваливается въ нетрезвомъ видѣ гдѣ-нибудь на снѣгу, на сырости,—а потомъ и жалуется, что Богъ не далъ ему здоровья. Иной человѣкъ не умѣетъ, какъ слѣдуетъ, работать: мало у него терпѣнія, мало усердія и старательности, мало внимательности и выносливости; отъ лѣности, небрежности, нетерпѣливости дѣло его плохо клеится, а онъ сваливаетъ вину на Бога: Богъ, говоритъ, обдѣлилъ меня разумомъ, споровкой, способностями, не далъ мнѣ успѣха... Богъ ли виноватъ во всѣхъ этихъ случаяхъ? Конечно, нѣтъ. Виноваты тутъ наше неразуміе, малая старательность, нетерпѣніе. То же наше нерадѣніе и неразуміе виноваты и во всѣхъ случаяхъ, когда Богъ не слышитъ нашихъ молитвъ и не посылаетъ намъ тѣхъ благъ, какіхъ мы просимъ. Дѣло въ томъ, что мы просимъ Бога чаще всего только на словахъ, а сами не стараемся и не трудимся для того, чтобы получить просимое. Неразуміе наше въ томъ, что очень часто мы хотѣли бы получить отъ Бога тѣ или другія блага даромъ, безъ нашего труда, безъ нашихъ заботъ и стараній, за одну только словесную просьбу. Однихъ словъ въ молитвѣ и въ жизни очень мало; тутъ нуженъ неустанный трудъ, неусыпное, постоянное и терпѣливое стараніе. Покажи своими заботами и трудами, что ты дѣйствительно ищешь добра въ жизни,—что ты дѣйствительно и крѣпко нуждаешься въ томъ, чего просишь, — что ты достойно просимаго; тогда Богъ услышитъ твою просьбу. Послушай, какъ говоритъ Господь про наружныхъ молитвенни-

ковъ, про одни слова и сокрушенія въ молитвѣ и жизни. «Приближаются ко Мнѣ люди эти языкомъ своимъ, и словами своими они чтутъ Меня, но сердце ихъ далеко отъ Меня; напрасно (поэтому) чтутъ Меня» (Мф. 15, 8). Тотъ же Господь сказалъ, что «не всякій, кто говоритъ Мнѣ:—Господи, Господи!—войдетъ въ царство небесное, но тотъ, кто творить волю Отца Моего» (Мф. 7 гл. 21 ст.). Даже простые умные люди учатъ насъ, что «на Бога надѣйся, а самъ не плошай». «Самъ плохъ, не дасть Богъ». «Молиться молись, а злыхъ дѣлъ берегись». «Богу молись, а разума держись».

Для успѣха въ жизни нужна молитва не на словахъ только и въ тѣлесныхъ поклонахъ, но молитва дѣятельная, разумная и терпѣливая. Для того, чтобы справиться съ бѣдствіемъ жизни, нужна усиленная молитва, т.-е. усиленный трудъ, усиленное стараніе. Молись Богу, проси Его помощи и благословенія, и съ этой помощью, съ этимъ благословеніемъ старайся и работай усерднѣе, работай терпѣливо и неустанно, работай, не покладая рукъ. Истинная и успѣшная молитва, которая поможетъ тебѣ перенести бѣдствіе и всякую тяготу жизни, это молитва, соединенная съ постояннымъ, честнымъ и разумнымъ трудомъ, благословеннымъ и освященнымъ самимъ Богомъ.

Вы скажете, что старались и трудились не меньше прежнихъ лѣтъ, но нынѣшніе труды наши пропали даромъ, остались безъ успѣха. Это все равно, что говорить: мы молились, но Богъ не услышалъ молитвъ нашихъ. Что же значить, что труды и молитвы ваши остались безъ успѣха? Это значить, что хотя молились и трудились вы и не меньше прежнихъ лѣтъ, но для нынѣшняго времени этихъ вашихъ молитвъ и трудовъ недостаточно. Для прочнаго успѣха въ жизни нужно постоянно усиливать свои труды, примѣняться къ жизни, примѣняться ко времени, выискивать новую работу, новые заработки. Если тебя постигла неудача въ одномъ дѣлѣ, если не удалась у тебя какая-либо работа, не унывай, а усиливай свое стараніе, бе-

рись за работу снова и по-новому, или ищи другой работы, другого заработка. Ищи, добивайся, примѣняйся, изворачивайся и изловчайся по всякому, и такъ всю жизнь твою. Тогда Богъ услышитъ тебя и поможетъ тебѣ. Возьмемъ въ примѣръ крестьянское дѣло — земледѣліе. Земля въ послѣдніе годы все больше и больше измѣняетъ чело-вѣку, какъ бы отказывается кормить его. Что же дѣлать? Надо стараться больше и лучше ухаживать за ней, лучше удобрять, лучше пахать, лучше сѣять. Смотри, какъ другіе люди получаютъ большіе барыши съ малаго клочка земли. Въ Безсоновѣ (село Пензенской губерніи и Пензенскаго же уѣзда) каждый клочокъ, каждый аршинъ земли стоитъ большихъ денегъ и даетъ большіе барыши, потому что люди умѣютъ обработать эту землю какъ слѣдуетъ. Въ иныхъ мѣстахъ люди разводятъ сады, устраиваютъ хорошіе огороды, занимаются травосѣяніемъ, осушаютъ болота, пески засаживаютъ деревьями и превращаютъ бесплодныя песчаныя равнины въ цвѣтуція лѣсныя рощи и богатые луга.

«Просите», говоритъ Спаситель, «и получите, ищите и найдете, стучите и отворятъ вамъ». Бѣда наша въ томъ, что очень ужъ мало шевелимъ мы мозгами, мало думаемъ, мало вглядываемся въ жизнь другихъ людей, мало стараемся, мало ищемъ. Очень ужъ боимся мы всякой новой работы; очень ужъ лежебоки мы и неподвижны.

Но «подъ лежачій камень и вода не течетъ». Жизнь мѣняется. вмѣстѣ съ жизнью должна мѣняться и работа наша. Въ одномъ дѣлѣ—неудача, поищи другого,—и такъ всю жизнь, неустанно, съ усердіемъ, стараніемъ, съ твердостью, честно и съ Божьимъ благословеніемъ. Увѣряю васъ словами Спасителя, что при терпѣніи, при усердіи и стараніи рано или поздно вы добьетесь удачи. По увѣренію Спасителя, «всякій, просящій (умѣло) получить, и всякій ищущій (усердно) найдетъ, и всякому, кто стучитъ (настойчиво), отворятъ».

Итакъ, вотъ что значать слова Спасителя: «просите, и

дастся вамъ,—ищите и найдете,—стучите и отворятъ вамъ». Спаситель не учитъ просить только на словахъ, но говорить: просите, ищите, стучите, т.-е. всячески старайтесь, неотступно просите. Онъ насъ учитъ быть терпѣливымъ въ молитвѣ и работѣ и не терять надежды, если не сразу достигнемъ мы успѣха. «Хотя пройдетъ мѣсяць и годъ и три года и больше лѣтъ, пока не получишь,— не отступай, но проси съ вѣрою», т.-е. продолжай стараться и трудиться,—поучаетъ св. Василий Великій (Твор. св. отцовъ въ русск. переводѣ, томъ IX, стр. 384).

Будемъ стараться всю нашу жизнь обращать въ одинъ непрерывный честный трудъ, въ одну неустанную и неотступную молитву, по слову Апостола: «непрестанно молитесь» (1 Сол. V, 17),—и Богъ услышитъ насъ. Онъ Самъ сказалъ: «донныѣ вы ничего не просили (какъ слѣдуетъ) во имя Мое; просите и получите, да будетъ радость ваша совершенна» (Іоан. XVI, 24).

Итакъ, «братія моя возлюбленная (заключу словами апостола), будьте тверды, неотступно преуспѣвая въ дѣлѣ Господнемъ всегда, въ увѣренности, что трудъ вашъ не останется безъ награды предъ Господомъ» (1 Кор. XV, 58).

Свящ. Іоаннъ Утѣхинъ.

БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ДНЕВНИКЪ СВ. ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

*Днесь весна душамъ, зане Христосъ
отъ гроба, якоже солнце, возсіявъ три-
дневъ, мрачную бурю отгнавъ црква
нашего. Того воспоимъ, яко прославися
(1 троп. 1-й пѣсни въ недѣлю Ѳомину).*

Періодъ времени Пятидесятницы начинается праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія или Пасхою, т. е. прохожденіемъ или «проведеніемъ», какъ объясняетъ синаксарь этого дня. День этотъ, по синаксарю,—тотъ день, въ который Господь привелъ міръ изъ небытія въ бытіе, исхитилъ Израиля изъ рукъ Фараоновыхъ, проведши его чрезъ Черное море. Въ новомъ же завѣтѣ, Господь, сошедши съ неба, вселяется во утробу Пресвятой Дѣвы, — и въ этотъ славный день исхищаетъ человѣческое естество изъ адовыхъ сокровищъ, возводитъ его на небо и даруетъ ему прежнее состояніе — нетлѣнія. Сошедъ во адъ, — «съ душою, яко Богъ», — Христосъ вывелъ изъ ада только людей праведныхъ, вѣровавшихъ въ Него. Этотъ великій праздникъ—праздникъ нашего обновленія «ради милосердія и милости Божіей», праздникъ разрушенія вражды и примиренія съ Богомъ и самими ангелами, въ честь чего и установленъ церковный обычай цѣлованія, или «христованія». Далѣе, синаксарь этого дня излагаетъ исторію Воскресенія Христа съ замѣчаніемъ, что первою свидѣтельницею Воскресенія Христова была Пречистая Дѣва Марія, которая, по повѣствованію евангелиста Матѳея (XXVII, 61), вмѣстѣ съ Магдалиною сидѣла противъ гроба.

Но такъ какъ Пресвятой Дѣвѣ, какъ Матери Воскресшаго Сына, могли не повѣрить, то евангелисты и называютъ первую благовѣстницею воскресенія Марію Магдалину. Богоматерь была и въ числѣ женъ, приходившихъ ко гробу Спасителя; въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о воскресеніи еще упоминается Марія Іосіева (Мѣ. XXVII, 56) или Іосія, сына Іосифа-обручника. Затѣмъ, синаксарь говоритъ, почему воскресеніе Господа называется «тридневнымъ» и для подтвержденія этого приводитъ два способа счисленія времени,—одинъ обыкновенный еврейскій, другой — параллельный евангельскимъ событіямъ, сопровождавшимъ страданія и смерть Христа. По первому счисленію три дня отсчитываются такъ: вечеръ четверга и день пятка образуютъ одно нощеденство; ночь пятка и суббота вся — другое нощеденство; ночь субботы и воскресенья—третье нощеденство. По второму счисленію три дня образуются такъ: въ 3 часа былъ распятъ Христось, а время отъ 6-ти ч. до 9-ти должно считать ночью, такъ какъ въ это время была тьма. Такимъ образомъ время отъ 3 хъ часовъ до 9-ти часовъ пятка признается за одно нощеденство. Продолженіе дня пятка послѣ тьмы и ночь пятка — второе нощеденство; день субботы и ея ночь— третье нощеденство.

Ни одинъ праздникъ въ году не сопровождается такою торжественностію, какъ праздникъ Пасхи. Въ Богослуженіи этого праздника почти совсѣмъ отсутствуетъ чтеніе и бываетъ только одно пѣніе.

Богослуженіе праздника Пасхи начинается утренею, которая совершается въ 12 часовъ ночи, въ воспоминаніе того, что Христось воскресъ въ первое «куроглашеніе» (синаксарій). Предъ утренею весь храмъ наполняется благовоннымъ еиміамомъ въ знакъ обилія благодати, дарованной намъ Воскресшимъ Христомъ. Предъ утренею совершается кругомъ церкви крестный ходъ въ воспоминаніе женъ-мүроносицъ, «утру глубоку» шедшихъ ко гробу Жизнодавца. Крестный ходъ потомъ входитъ въ притворъ,

гдѣ предъ заключенными вратами храма и полагается начало пасхальной утрени, въ знакъ того, что мѣроносицы получили вѣсть о воскресеніи Христа предъ дверями Его гроба. Начало пасхальной утрени полагается возгласомъ «Слава Святѣй», пѣніемъ тропаря праздника «Христось Воскресе» со стихами псалмовъ. По входѣ въ храмъ произносится великая ектенія и поется канонъ Пасхи, раздѣленный на 9 пѣсней. На каждой пѣсни совершается кажденіе священникомъ съ крестомъ и свѣтильникомъ въ лѣвой рукѣ, какъ знаменіемъ побѣды Христа надъ смертію и адомъ. Послѣ третьей пѣсни поются ипакои пѣсни: «Предварившія утро». По 6-й пѣсни—кондакъ праздника: «аще и во гробѣ», 3 раза поется пѣснь: «Воскресеніе Христово видѣвше» и «Воскресъ Іисусъ отъ гроба». Послѣ каждой пѣсни произносится малая ектенія, заканчивающаяся особенными возгласами, напечатанными въ Трїоди. На 9 пѣсни поются припѣвы праздника, а послѣ нея свѣтиленъ Пасхи: «Плотію уснувъ». Затѣмъ поется: «Всякое дыханіе» и стихиры «На хвалитѣхъ», изъ которыхъ послѣднихъ пять со стихами псалма «Да воскреснетъ Богъ» называются стихирами Пасхи. Послѣ пѣнія этихъ стихиръ, въ исполненіе словъ послѣдней: «другъ друга обьемемъ» совершается обрядъ цѣлованія или христосованія съ привѣтствіемъ: «Христось воскресе» и отвѣтомъ: «Воистину воскресе». Эти привѣтствія другъ друга вѣрующими почти тѣ-же, кои произносились и устами апостоловъ (Мѣ. XXVIII, 6—7; Лук. XXIV, 34—35). Послѣ христосованія читается огласительное слово св. Іоанна Златоустаго. Произносятся двѣ ектеніи—сугубая и просительная и затѣмъ утрени оканчивается по обычаю праздничной утрени съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто возгласа: «Слава Христе Боже, упованіе наше» поется тропарь праздника: «Христось Воскресе» и опускается возгласъ: «Пресвятая Богородице спаси насъ» и отвѣтное: «Честнѣйшую херувимъ». Согласно великому значенію праздника Пасхи и славному его воспоминанію, пѣснопѣнія его по своему

содержанію отличаются особенною торжественностію и священнымъ величіемъ. Все содержаніе пасхальныхъ пѣснопѣній представляетъ собою хвалу и прославленіе Воскресшаго Господа. Уже въ тропарѣ праздника изображается радость вѣрующихъ разрушенію смерти и ада, совершенному смертію Воскресшаго Спасителя. Въ стихахъ 66-го псалма, поемыхъ съ тропаремъ праздника въ началѣ утрени, пророчески изображается торжество Воскресшаго Господа, радость праведниковъ и гибель грѣшниковъ. Последній стихъ: «Сей день, егоже сотвори Господь», заимствуется изъ 117-го псалма, гдѣ писатель его приглашаетъ вѣрующихъ прославить Господа за избавленіе ихъ отъ враговъ и возрадоваться въ этотъ день избавленія и спасенія. Этотъ же стихъ 117-го псалма полагается и на литургіи въ качествѣ прокимна предъ апостоломъ.

Въ ирмосахъ и тропаряхъ канона Пасхи вѣрующіе приглашаются къ духовному просвѣщенію и торжеству, такъ какъ Христосъ привелъ насъ, поющихъ побѣдную пѣснь, отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небу (ирм. 1-й пѣсни канона). Очистивъ чувства, вѣрующіе въ блескѣ созерцаютъ воскресеніе Христа и поютъ Ему побѣдную пѣснь, чтобы услышать отъ Него: «Радуйтесь» (Мѡ. XXVIII, 9) (1 тр. 1 пѣсни). Вѣрующіе во Христа, какъ священосцы, встрѣчаютъ Его, исходящаго изъ гроба, какъ Жениха (2 тр. 5 пѣсни), во всепраздственную и спасительную ночь, провозвѣстницу свѣтоноснаго дня, въ которую плотски возсіялъ отъ гроба свѣтъ (3 тр. 7 пѣснь)⁴⁾. Они «съ играніемъ» воспѣваютъ Виновника умерщвленія смерти, разрушенія ада и начала новой жизни (2 тр. 7 пѣснь). Они приглашаются приобщиться царствія Христова въ нарочитый день воскресенія, день рожденія новаго винограда (Мѡ. XXVI, 29) и божественнаго веселія (1 тр. 8

⁴⁾ Присутствующіе въ храмѣ за пасхальною утренею въ знакъ духовной радости и торжества стоятъ съ возженными свѣчами. Возжигаются всѣ свѣтильники и въ храмѣ.

пѣснь). Послѣдователи Христа пьютъ новое питье не отъ неплоднаго камене, но отъ Источника нетлѣвнѣя, — Воскресшаго Христа (ирм. 3 пѣсни). Самъ пророкъ Аввакумъ приглашается вѣрующими стать вмѣстѣ съ ними на божественной стражѣ и указать свѣтоноснаго ангела, возвѣщающаго о спасеніи міра чрезъ Воскресеніе Христа (Ав. II, 1 — 4) (ирм. 4-й пѣсни). Вѣрующіе глубокимъ утромъ приносятъ Владыкѣ-Христу вмѣсто мѣра пѣснь и созерцаютъ Христа, возвѣстившаго жизнь всѣмъ (ирм. 5 пѣсни). Прообразомъ духовной радости и торжества вѣрующихъ является самъ Богоотецъ пророкъ Давидъ, скакавшій и игравшій предъ «сѣннымъ» ковчегомъ (3 тр. 4-й пѣсни).

Но не одни только люди радуются и торжествуютъ въ день воскресенія Христа. Вѣчное вселіе востанія Христова обнимаетъ собою не только міръ видимый, но міръ и невидимый. Воскресенію Христа веселится небо, и радуется земля (2 тр. 1 пѣсни). Чрезъ воскресенія Христа исполнились свѣтомъ не только небо и земля, но и преисподняя (1 тр. 3 пѣсни), гдѣ содержимые адовыми узами, видя безмѣрное благоутробіе Христа, идутъ къ свѣту «веселыми ногами», восхваляя вѣчную Пасху (1 тр. 5 пѣсни). Эта радость заключенныхъ во адѣ объясняется тѣмъ, что Христосъ сошелъ въ преисподнюю и сокрушилъ вѣчныя веревы, содержащія связанныхъ (ирм. 6 пѣсни). Къ празднованію Христова Воскресенія призывается вся тварь (1 тр. 3 пѣсни, 8 припѣвъ на 9 пѣсни).

Въ другихъ пѣснопѣніяхъ пасхальнаго канона воспоминается событіе праздника, — воскресеніе Христа, пришествіе мѣроносицъ ко гробу Спасителя и явленіе имъ Воскресшаго Христа (1 тр. 7 пѣсни), или явленіе ангела имъ при гробѣ Спасителя (ипакои) и явленіе Христа Маріи Магдалинѣ (8 ирм. 9 п.).

Изображается единеніе христіанина съ Распятымъ и Воскресшимъ Христомъ и содержитсяъ молитва къ Нему о прославленіи въ царствіи Его (2 тр. 3 пѣсни).

Прославляется Христось, явившійся какъ человекъ, развергшій дѣвственную утробу, нареченный непорочнымъ и агнцемъ, какъ безгрѣшный, сдѣлавшійся для насъ Пасхою и пребывающій истиннымъ Богомъ (1 тр. 4 пѣсни). Онъ же явился для насъ единокѣтнимъ агнцемъ, добровольно закланнымъ за всѣхъ, очистительною Пасхою и Солнцемъ Правды, возсіявшимъ изъ гроба (2 тр. 4 пѣсни). Въ 1-мъ тр. 6 пѣсни приводится параллель между безмужнымъ рожденіемъ Христа отъ Дѣвы и Его воскресеніемъ изъ гроба: въ рождествѣ Христа было сохранено дѣвство Богородицы; въ воскресеніи Его остались цѣлыми знаменія гроба. Во 2 тропарѣ 6 пѣсни прославляется добровольное пожертвованіе себя Христомъ за насъ въ жертву Богу-Отцу. Воспоминается сладчайшій гласъ Христа, обѣщавшаго пребывать съ вѣрующими до конца вѣка (1 тр. 9 пѣсни). Во 2 тропарѣ этой же пѣсни Христось называется великой и священнѣйшей Пасхою, мудростію, словомъ Божиимъ и силою, и содержится молитва къ Нему о болѣе истомъ причащеніи этой Пасхи въ невечернемъ свѣтѣ царствія Христова ¹⁾. Также величается Христось и въ первыхъ припѣвахъ на 9 пѣсни.

Въ нѣкоторыхъ изъ пѣснопѣній канона раскрывается исполненіе на Христвѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ и прообразовъ, напр., пророчества Исаи о собраніи въ Сионѣ, т. е. въ церкви всѣхъ людей изъ всѣхъ странъ для благословенія Христа во вѣки (2 тр. 8 пѣсни), и пророчества Іакова о Христвѣ Спасителѣ (Быт. 49, 9) (9 пр. на 9 п.). Трнадцатидневное пребываніе Іоны во чревѣ китовѣ прообразовало тринадцатидневное воскресеніе Христа (ирм. 6 пѣсни). Но Тотъ, Кто творилъ въ ветхомъ завѣтѣ чудеса и сохра-

¹⁾ Этотъ тропарь 9 пѣсни вмѣстѣ съ пѣснію „Воскресеніе Христово видѣвше“ и ирмосомъ 9 п. „Свѣтися, свѣтися“ читается на литургіи священникомъ по приобщеніи св. таинъ въ знакъ того, что это приобщеніе есть самая наивысшая радость для христіанина. (См. Служб. послѣд. лит. I. Златоуста).

нилъ трехъ отроковъ въ печи, Тотъ становится человекомъ и страдаетъ, какъ смертный (прм. 7 пѣсни).

Къ кондакъ праздника изображается великое значеніе смерти Спасителя, Который, хотя и свизошелъ во гробъ, но разрушилъ адову силу и воскресъ, какъ побѣдитель, привѣтствуя мѣроносицъ возгласомъ: «радуйтесь», преподавъ миръ апостоламъ и даровавъ падшимъ воскресеніе.

Въ икосѣ праздника изображаются чувства мѣроносицъ, идущихъ ко гробу Спасителя, причемъ проводится параллель между мѣроносицами, ищущими солнце, зашедшее прежде солнца во гробъ, и принесшими мѣро обвитому плащаницею,—и волхвами, принесшими дары повитому въ пеленахъ.

Въ свѣтильнѣ праздника прославляется Господь, уснувшій плотію, но воздвигнувшій Адама и упразднившій смерть.

Въ стихирахъ «На хвалитѣхъ» поются пять, такъ называемыхъ, стихиръ Пасхи, изъ которыхъ въ 1-й и 4-й содержатся похвалы празднику, а во 2-й и 4-й воспоминаются мѣроносицы, шедшія ко гробу Спасителя, и явленіе имъ ангела.

Въ стихирѣ «На слава и нынѣ» вѣрующіе приглашаются, ради великаго праздника, забыть все и простить всѣмъ причиненныя намъ обиды и оскорбленія и въ знакъ духовной радости—обнять другъ друга.

Огласительное слово св. Іоанна Златоуста представляетъ собою, можно сказать, верхъ краснорѣчія великаго церковнаго вѣтїи. Съ внѣшней своей стороны оно отличается сжатымъ, но сильнымъ и торжественнымъ слогомъ. Въ содержаніи его раскрывается мысль о великой любви и свисхожденіи Господа, принимающаго всѣхъ одинаково, кто бы когда къ Нему ни пришелъ. Эта любовь и свисхожденіе Господа особенно повѣтны и доступны всѣмъ въ великій день воскресенія, когда всѣ одинаково входятъ въ радость Господа своего: богатые и убогіе, воздержные и лѣнныя, постившіеся и непостившіеся. Всѣмъ людямъ.

«одинаково доступна радость Христова воскресенія. Никто не долженъ плакать о грѣхахъ, такъ какъ отъ гроба Христа возсіяло прощеніе всѣмъ; никто не долженъ бояться смерти, освободила бо насъ Спасова смерть. Христось даровала всѣмъ жизнь вѣчную.

Часы въ Пасху полагаются не изъ трехъ псалмовъ, но составлены изъ пѣснопѣній праздника. Въ началѣ ихъ троекратно поется: «Христось воскресе» (вмѣсто: «Приидите поклонимся»). Затѣмъ, три раза поется пѣснь «Воскресеніе Христово» (вмѣсто трехъ псалмовъ). Затѣмъ, — «Предварившія утро», — «Аще и во гробъ» — «Во гробъ плотски» — «Яко живоносець» и «Вышняго освященное» — «Господи помилуй» 40 разъ и пѣснь «Честнѣйшую». По возгласѣ іерея «Молитвами св. отецъ» — троекратное «Христось воскресе». Пѣснопѣнія часовъ поются и вмѣсто 9-го часа, повечерія и полуношницы.

Изъ обзора содержанія пасхальныхъ пѣснопѣній видно, что почти всѣ они посвящены прославленію воскресшаго Христа. Но вмѣстѣ съ воскресеніемъ Христа св. церковь въ день Пасхи прославляетъ и страданія Христа (стих. «На хвалитѣхъ» 1-го гласа) и особенно крестъ Христовъ, черезъ который получилъ радость весь міръ (пѣснь «Воскресеніе Христово видѣвше»). Въ тропарѣ, «Яко живоносець», на часахъ прославляется гробъ Христа, — источникъ нашего воскресенія, явившійся краснѣйшимъ яремъ и свѣтлѣйшимъ всякаго царскаго чертога. Кромѣ этихъ пѣснопѣній, есть пѣснопѣнія, посвященныя прославленію св. Троицы (тр. на 8 п. и припѣвъ на 9-й). Не отсутствуютъ пѣснопѣнія и въ честь Богородицы, Пречистой Матери воскресшаго Сына (прип. на 9 п. «Ангель вопіаше»); ирмосъ 9 пѣсни «Свѣтися, свѣтися», первая половина коего — обращеніе къ Сіону или церкви, заимствуется изъ пророчества Исаи (Ис. 63), и пѣснь на часахъ «Вышняго освященное».

Во время служенія пасхальной утрени священникъ облачается во всѣ священныя одежды. Св. церковь предписы-

ваетъ совершать пасхальное богослуженіе самымъ торжественнымъ образомъ, такъ какъ день Пасхи « праздни-ковъ праздни-ковъ », « торжество торжествъ » « Господь и царь субботъ » (ирм. 8. п. канона).

Такъ какъ согласно древнимъ церковнымъ правиламъ постъ четырехдесятницы долженъ оканчиваться въ полночь (Трул. соб. пр. 89; Діонис. Алекс. пр. 1-ое), до куроглашенія (чинъ послѣд. Вел. Суб.); то и литургія въ Пасху начинается порану. Начало литургіи совершается такъ же, какъ и начало утрени. На ней, какъ и на дванадесятые Господскіе праздники, полагаются особые антифоны. Первые два заимствуются изъ 65 и 66 псалмовъ, призывающихъ къ прославленію Господа всю землю. Послѣдній третій антифонъ содержитъ въ себѣ стихъ 66-го псалма. Въмѣсто « Трисвятаго » поется пѣснь « Елицы во Христа » ¹⁾. Апостольское чтеніе заимствуется изъ книги Дѣяній и повѣствуетъ о послѣднемъ явленіи Господа апостоламъ (1, 1—8) ²⁾. Евангеліе на литургіи заимствуется изъ I главы Іоанна (1—17 ст.), гдѣ Богословъ раскрываетъ возвышенное ученіе о Божествѣ Христа, которое проявилось въ Его Воскресеніи. При соборномъ служеніи это евангеліе читается на разныхъ языкахъ, преимущественно же на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ, на которыхъ было сдѣлано надписаніе надъ главою Распятаго Спасителя. Чтеніе евангелія на разныхъ языкахъ означаетъ то, что проповѣдь о Христѣ Воскресшемъ была возвѣщена по всей землѣ, всѣмъ народамъ. Благовѣстомъ колокола во время чтенія евангелія содержащееся въ немъ ученіе какъ бы возвѣщается всей твари. Въмѣсто « достойно » на литургіи поется ирмосъ 9 пѣсни канона съ припѣвомъ

¹⁾ Въ память крещенія оглашенныхъ, которое въ древности совершалось или во дни Свѣтлой Седмицы, или въ Великую Субботу.

²⁾ Съ Пасхи начинается чтеніе апостольскихъ и евангельскихъ книгъ. Чтеніе начинается книгою Дѣяній и самымъ первымъ ея зачаломъ.

«Ангель вопіяше». Вмѣсто пѣсни «Благословенъ Грядый» по первомъ явленіи Св. Даровъ поется тропарь: Христось Воскресе. Тотъ же тропарь поется и по возгласѣ священника: «Спаси Господи» вмѣсто пѣсни «Видѣхомъ Свѣтъ Истинный». Такъ же и по второмъ явленіи Св. Даровъ вмѣсто пѣсни «Да исполнятся уста наша» поется тропарь праздника. Вмѣсто «Буди имя Господне» и псалма 33-го поется «Христось Воскресе» до 12 разъ и болѣе.

Въ концѣ литургіи, по заамвонной молитвѣ, въ Пасху освящается артось (отъ *αἶρω* — поднимаю; поднявшійся, вскишій хлѣбъ). Значеніе этого хлѣба указано въ молитвѣ на его благословеніи. Какъ въ ветхомъ заветѣ въ память избавленія отъ рабства египетскаго Господь повелѣлъ Израилю заколоть агнца, такъ и въ новомъ—върующіе въ воспоминаніе Воскресенія Христа приносятъ артось, знаменующій собою хлѣбъ ангельскій, хлѣбъ живота вѣчнаго, — пищу всего міра (молитва проскомидіи). Въ молитвѣ на освященіи артоса священникъ проситъ Господа удалить отъ вкушающихъ его всякую болѣзнь и немощь. Затѣмъ, артось освящается окропленіемъ святою водою.

Собственно же историческое основаніе для принесенія артоса въ день Пасхи заключается въ томъ же церковномъ преданіи самыхъ первыхъ временъ христіанства, которое служить основаніемъ и для «чина панагій», или возношенія Богородичной просфоры. Это предположеніе сдѣлается для насъ вполне возможнымъ, если мы вспомнимъ, что въ свѣтлую седмицу возносится на трапезѣ артось такъ же, какъ Богородичная просфора въ обыкновенное время года. «Чинъ о панагій», какъ извѣстно, имѣетъ въ своемъ основаніи слѣдующее церковное преданіе: апостолы, часто возлежавшіе со Христомъ за одною трапезою, въ воспоминаніе этого и послѣ Его вознесенія откладывали въ честь Его извѣстную часть хлѣба, которую и съѣдали послѣ обѣда съ молитвою благодаренія и славословія Христа. Но послѣ Успенія Пресвятой Бо-

городицы апостолы стали откладывать известную часть хлѣба уже въ честь Ея, которая съѣдалась такъ же съ прославленіемъ и величаніемъ Ея (чет. м. 15 авг.). Отсюда, слѣдовательно, можно заключить, что принесеніе артоса въ день Пасхи есть подражаніе самому первому апостольскому обычаю, оставлять часть хлѣба за обѣдомъ въ честь Господа ¹⁾).

Вечерня въ первый день Пасхи совершается священникомъ въ полномъ облаченіи и имѣеть то же начало, какъ утренняя и литургія. На ней бываетъ входъ съ евангеліемъ и послѣ великаго прокимна, который поется на вечернѣ каждаго дня свѣтлой седмицы, читается евангеліе, повѣствующее о явленіи Воскресшаго Господа ученикамъ въ вечеръ дня Воскресенія (Іоан. XX, 19—25). Типиконъ назначаетъ читать его въ алтарѣ, но на практикѣ оно, обыкновенно, читается не въ алтарѣ, а въ царскихъ дверяхъ, причемъ священникъ стоитъ, обротясь лицомъ къ народу, въ воспоминаніе явленія Воскресшаго Христа ученикамъ.

Богослуженія перваго дня Пасхи почти безъ измѣненія повторяются во всѣ дни Свѣтлой седмицы.

Въ пятокъ Свѣтлой седмицы вмѣстѣ съ пасхальною службою положено послѣдованіе «на живоносный источникъ Пресвятой Господи Владычицы Богородицы — Никифора Каллиста». Типиконъ не знаетъ этого послѣдованія, но полагается оно, какъ объясняетъ надпись

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ православныхъ семействахъ есть благочестивый обычай откладывать нѣкоторую часть обѣденной или вечерней трапезы въ честь отсутствующаго или умершаго члена семейства. Эта часть обыкновенно и съѣдается съ молитвою за того, за кого она приносится, или же отдается нищимъ. Думается, что этотъ благочестивый обычай имѣеть двѣ основы: древнее христіанское преданіе и напоминаетъ собою „Чинъ Панагій“. Этотъ благочестивый домашній обычай ясно указываетъ на то, что при молитвахъ за умершихъ необходимы и благотворенія, совершаемыя въ память ихъ (Поучен. преосвящ. Филарета).

въ тріоди «любве ради къ Пресвятой Богородицѣ». Синаксарій этого дня говоритъ, что въ пятокъ Свѣтлой седмицы воспоминается обновленіе храма живоноснаго источника. Храмъ этотъ былъ первоначально созданъ императоромъ Львомъ Мудрымъ по слѣдующему обстоятельству: когда Левъ Великій не былъ еще царемъ, то въ одной лѣсистой мѣстности онъ встрѣтилъ слѣпца, который просилъ его указать ему дорогу. Нищелюбивый и сострадательный царевичъ взялъ слѣпца за руку, чтобы указать ему путь, но дорогою слѣпецъ захотѣлъ пить и просилъ своего царственного спутника утолить его жажду. Левъ долго искалъ воды, но не могъ найти ея, пока не услышалъ голосъ, что вода находится недалеко отъ него. Но такъ какъ Левъ и теперь не могъ найти воды, то услышалъ вторичный голосъ, повелѣвающей ему войти внутрь густого лѣса, гдѣ онъ найдетъ источникъ воды, которою утолить жажду слѣпца и помажетъ ему очи; тогда, продолжалъ голосъ, ты узнаешь, кто давно живеть на этомъ мѣстѣ. Лишь только Левъ помазалъ глаза слѣпому,—тотъ прозрѣлъ. Сдѣлавшись царемъ, Левъ и создалъ на мѣстѣ этого источника храмъ въ честь Пресвятой Богородицы, гдѣ и продолжали совершаться многія чудеса. Императоръ Юстиніанъ Великій, получивъ исцѣленіе въ этомъ источникѣ отъ водянки, въ благодарность за свое исцѣленіе создалъ новый храмъ на мѣстѣ прежняго, болѣе обширный и благолѣпный. Такъ какъ въ послѣдствіи этотъ храмъ часто подвергался поврежденіямъ отъ землетрясеній, то Василій Македонянинъ и его сынъ Левъ Мудрый вновь перестроили его. Множество различныхъ чудесъ совершалъ этотъ источникъ, исцѣляя тяжкія заразительныя и неисцѣлимыя болѣзни: онъ разрѣшалъ неплоды—даровалъ царю Зои сына, Константина Порфиророднаго; освобождалъ связанныхъ въ темницѣ, исцѣлялъ проказу и телѣсныя болѣзни. Іоанну, патриарху Іерусалимскому, даровалъ слухъ и даже воскресилъ мертваго ѳессалійца, на котораго было вылито три кади цѣлебной

воды. Сама Богоматерь покровительствовала храму, созданному надъ источникомъ; такъ, однажды, когда храмъ былъ готовъ разрушиться, явившаяся Богоматерь не допускала его до паденія до тѣхъ поръ, пока не вышель изъ храма весь народъ.

Въ пѣснопѣвнѣяхъ праздника прославляется Богоматерь, какъ источникъ чудесъ, исцѣляющій не только наши тѣлесныя немощи, но и духовныя страсти (кондакъ и свѣтильнъ праздника).

Въ свѣтлую субботу послѣ литургіи раздробляется артось, въ монастыряхъ предъ трапезою, а въ приходскихъ храмахъ онъ раздается вмѣсто антидора. Въ молитвѣ на раздробленіе артоса священникъ проситъ Господа благословить артось, какъ Онъ благословилъ пять хлѣбовъ въ пустынь, чтобы вкушающіе отъ Него «сподобились тѣлеснаго и душевнаго здравія и благополучія». Полученный артось должно употреблять до принятія обычной пищи (псал. пос. суб. свѣтл.) и ни въ какомъ случаѣ не позволяется пользоваться имъ для какого-либо суевѣрія (ув. 1723 г. іюня 15-го).

Вся святая седмица представляетъ собою одинъ свѣтлый праздникъ. Во всѣ дни свѣтлой седмицы уставъ запрещаетъ закрывать не только боковыя двери—сѣверныя и южныя, но и царскія, которыя остаются открытыми и во время причастанъ. Въ знакъ духоной радости и побѣды Христа надъ смертію и адомъ во всю недѣлю бываетъ цѣлдневный звонъ. Въ силу того же, что Христосъ даровалъ вѣрующимъ царство небесное, не закрываются и царскія двери.

Такъ какъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія есть праздникъ радости и жизни, а не слезъ и рыданія (Треб. послѣд. погреб. въ Пасху), то и при погребеніи умершихъ въ свѣтлую седмицу поются всѣ пѣснопѣвнѣя праздника, и только ектенія произносятся о умершихъ. Молебень въ Пасху святому поется также съ канономъ Пасхи.

Праздникъ Пасхи продолжается сорокъ дней, въ воспоминаніе сорокодневнаго пребыванія Господа на землѣ по воскресеніи. Поэтому, пѣснопѣнія праздника поются до Вознесенія Господня, хотя они слышатся и рѣже, чѣмъ въ свѣтлую седмицу. Каждое Богослуженіе начинается троекратнымъ пѣніемъ тропаря Пасхи: «Христось воскресе», этотъ же тропарь поется и на утрени предъ шестопсалміемъ, на которой въ будніе дни предъ канономъ поется пѣснь «Воскресеніе Христово»; въ воскресные же дни она поется трижды. вмѣсто «Достойно» на утрени по канонѣ и на литургіи поется ирмосъ 9 пѣсни «Свѣтися, Свѣтися». На той же литургіи тропарь Пасхи поется и вмѣсто пѣсни «Видѣхомъ свѣтъ истины» и на всѣхъ службахъ по возгласъ «Слава Тебѣ, Христе Боже». Молитва Св. Духу «Царю небесный» оставляется съ перваго дня Пасхи до самой Пятидесятницы.

Въ послѣдованіяхъ нѣкоторыхъ дней Пятидесятницы воспоминаются такія событія, въ которыхъ ясно открылось Божество Христа, въ пѣснопѣніяхъ этихъ дней и воспоминаются эти событія.

Такъ слѣдующая недѣля по Пасхи называется «новою недѣлею» или «недѣлею обновленія», потому что въ этотъ день въ первый разъ послѣ Пасхи воспоминается или обновляется великій день воскресенія. Этотъ обычай обновленія существовалъ и въ ветхомъ завѣтѣ у евреевъ, «да не въ забвеніи бо великія дѣла были», тѣмъ болѣе такое великое событіе, какъ воскресеніе Христово.

Эту недѣлю синаксарь называетъ еще недѣлею первою и восьмою. Первою эта недѣля называется въ томъ смыслѣ, что, обновляя событіе воскресенія, является началомъ и первою недѣлею для другихъ. Въ этомъ же смыслѣ эта недѣля называется «антипасхою» (вмѣсто Пасхи). Восьмою же она называется потому, что приходится въ восьмой день по Пасхѣ. Эта недѣля служитъ образомъ великаго дня будущаго вѣка (1 тр. 7 п. в),—дня вѣчнаго, одного, нераздѣляемаго ночью. Такъ какъ явленіе Господа учени-

камь для увѣренія Ѳомы въ истинности самаго воскресенія было въ восьмой день по воскресеніи, то св. церковь въ восьмую недѣлю и воспоминаеть это событіе. Поэтому, эта недѣля называется недѣлею апостола Ѳомы. Синаксарь этого дня содержитъ исторію указаннаго евангельскаго событія и попутно рѣшаетъ вопросъ, почему Ѳома назывался «близнецомъ». Существуетъ относительно этого три мнѣнія, по синаксарю. По первому изъ нихъ Ѳома назывался «близнецомъ» за то, что имѣлъ сросшимися два пальца—указательный и средній на правой рукѣ. По второму мнѣнію Ѳома назывался «близнецомъ» за то, что усомнился въ воскресеніи Христа, и, наконецъ по третьему мнѣнію — слово «Ѳома» переводится словомъ «близнецъ». Синаксарь соглашается съ третьимъ мнѣніемъ. Возгласъ Ѳомы: «Господь мой и Богъ мой» относился ко Христу, какъ Богочеловѣку. Явленіе Воскресшаго Господа въ восьмой день по воскресеніи было вторымъ, а всѣхъ явленій, говоритъ синаксарь, было 11. Во время Своихъ явленій Воскресшій Господь сотворилъ предъ учениками много чудесныхъ знаменій, о которыхъ ничего не говорится въ евангеліи потому, что эти знаменія по своему «преестественному» характеру — недоступны пониманію людей.

Хотя недѣля антипасхи обновляетъ праздникъ Воскресенія, но церковныя пѣснопѣнія этого дня посвящаются воспоминанію явленія Христа, а не Воскресенія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ тропарей канона, какъ въ дванадцатый Господскій праздникъ, когда онъ служится въ недѣлю. Въ пѣснопѣніяхъ этого дня, кромѣ воспоминанія явленія Христа апостоламъ, прославляется Егѳо снисхожденіе къ Ѳомѣ, дерзнувшему осязать обожествленное и нетлѣнное тѣло Спасителя (кондакъ стих. «на стиховнѣ»). Сомнѣніе апостола Ѳомы считается особеннымъ способомъ Божественнаго промысленія въ цѣляхъ увѣритъ въ Воскресеніи Христа, не только самого Ѳому, но «всѣ языки» и «всѣ концы земли» (2 и 3 тр. 7 п. канона). Вѣрующіе

въ пѣсняхъ величаютъ Христа-Спасителя, Котораго, хотя не видятъ тѣлесными очами, но вѣрятъ въ Него сердечною любовію (3 тр. 9 п. канона). Въ тропарь праздника Воскресеніе Христа изъ запечатаннаго гроба сравнивается съ явленіемъ Христа ученикамъ «дверемъ заключеннымъ». Предъ утреннимъ евангеліемъ (1-ымъ воскреснымъ) ¹⁾ полагается стихъ изъ 147-го псалма, гдѣ изображается благодѣянія Господа Сиону или Церкви. Также и на литургіи поется прокимень не воскресный гласовой ²⁾, но особенный изъ псалма 146-го, прославляющій величіе, крѣпость и разумъ Господа. Апостольское чтеніе заключаетъ въ себѣ исторію проповѣди апостольской въ Іерусалимѣ и заключенія апостоловъ въ темницу (Дѣян. V, 12—20). Евангельское чтеніе содержитъ исторію явленія Воскресшаго Господа ученикамъ въ седьмой день Воскресенія (Іоанн. XX, 19—31). Въ качествѣ причастнаго поется утренній прокимень.

Вечерня въ недѣлю Ѳомину служится съ великимъ прокиномомъ, чего не бываетъ въ другія недѣли до Вознесенія.

Пѣснопѣнія «антипасхи» вмѣстѣ съ воскресными пѣснопѣніями 1-го гласа поются до слѣдующей недѣли женьмироносиць.

Во вторникъ Ѳоминой недѣли совершается Церковію поминовеніе умершихъ, почему этотъ день называется «радоницей», такъ какъ въ этотъ день мы привѣтствуемъ

¹⁾ Утреннія евангелія по воскресеньямъ читаются обыкновенно въ опредѣленномъ порядкѣ по столпамъ, въ которыхъ евангельскія чтенія расположены соотвѣтственно пѣснопѣніямъ того или другого евангельскаго гласа. Но періодъ времени отъ Пасхи до Пятидесятницы не подчиняется этому правилу и располагаетъ утреннія евангельскія чтенія своеобразно.

²⁾ Въ періодъ Пятидесятницы проходятъ всѣ восемь гласовъ; 1 гласъ полагается въ недѣлю Ѳомину. Только вмѣсто пѣснопѣнія 7-го гласа, падающаго на недѣлю Троицы, въ этотъ праздникъ поются свои пѣснопѣнія различныхъ гласовъ. Въ послѣднюю же недѣлю „Всѣхъ святыхъ“ полагаются пѣснопѣнія 8-го гласа, хотя литургійные прокимны также располагаются своеобразно, а не по гласамъ.

умершихъ съ радостною вѣстію Воскресенія Христова. Собственно въ молитвословіяхъ и пѣснопѣніяхъ вторника не положено молитвъ о умершихъ, но совершается поминовеніе ихъ на томъ основаніи, что въ Ѳомино Воскресеніе обновляется или воспоминается и сошествіе Христа-Спасителя во адъ ¹⁾. Кромѣ того, съ понедѣльника Ѳоминой недѣли Церковь разрѣшаетъ служить сорокоусты (Тип. посл. Сырн. нед.) и панихиды, которыя не позволяется совершать во дни Страстной и Свѣтлой седмицы (Тип. послѣд. Вел. Четверга; Номоканонъ, пунктъ 169).

Съ вечера Свѣтлой субботы, или съ недѣли антипасхи начинается стихословіе псалтири, котораго не полагается въ послѣдніе три дня Страстной седмицы и въ недѣлю Свѣтлую. А съ понедѣльника ап. Ѳомы начинается въ будніе дни стихословіе пѣсни «Честнѣйшую», которая оставляется съ недѣли Лазаревой (Тип. посл. Лит. Субб.). Кромѣ того, съ этой же недѣли начинаются и пѣснопѣнія октоиха (Послѣд. пятка Ваій). Канонъ гласа о умершихъ полагается читать на повечеріи пятка.

Въ послѣдованіи понедѣльника ап. Ѳомы есть нѣкоторыя замѣчанія относительно нѣкоторыхъ церковныхъ службъ—полунощницы и утрени. Относительно первой сказано, что она поется въ кельяхъ. Но слово «мню» показываетъ, что это замѣчаніе есть личное переводчика, такъ какъ церковь назначаетъ полунощницу въ теченіе Пятидесятницы и въ храмѣ, напр., въ день преполовенія и отданія Пасхи. Относительно утрени сдѣлано замѣчаніе о томъ, что послѣ возгласа «Слава Святѣй» поется тропарь Пасхи «Христосъ Воскресе». Это даетъ нѣкоторымъ поводъ думать, что первая часть утрени—моленія за Царя опускается. Но должно сказать, что этотъ выводъ не основателенъ, такъ какъ здѣсь говорится не о началѣ утрени послѣ возгласа «Благословенъ Богъ нашъ», а о пѣніи «Христосъ Воскресе» предъ шестопсалміемъ по возгласѣ «Слава Святѣй».

¹⁾ См. величаніе въ этотъ день въ Псалтири.

Въ слѣдующее воскресеніе за Ѳоимыиъ св. Церковь воспоминаеть и прославляетъ св. женъ-мироносицъ, какъ свидѣтельницахъ Воскресенія Христова, а также тайныхъ учениковъ Господа—Іосифа и Никодима, какъ свидѣтелей погребенія. Синаксарь этого дня повѣтствуетъ намъ о жизни и дѣятельности тайныхъ учениковъ Господа; послѣ Его Воскресенія Іосифъ—тайный и одинъ «отъ семидесяти» за погребеніе Христа былъ брошенъ іудеями въ ровъ, но Божественною силою былъ восхищенъ оттуда. Послѣ этого, онъ уходитъ въ свое отечество—Аримаею, гдѣ ему, содержимому во узахъ, является воскресшій Господь. Іосифъ былъ преслѣдуемъ іудеями за свою смѣлую и безбоязненную проповѣдь о Воскресеніи Христа. Никодимъ же истину Христова Воскресенія доказалъ въ своемъ сочиненіи, гдѣ и избличилъ всѣ навѣты іудеевъ на Христа ¹⁾. Мирносоицы-жены воспоминаются Церковію, какъ свидѣтельницахъ Воскресенія Христова. Далѣе, синаксарь перечисляетъ имена мирносоицъ. Первою онъ называетъ Марію Магдалину, изъ которой Христосъ изгналъ семь бѣсовъ (Мр. XVI, 9). Послѣ Вознесенія Христа Магдалина уходитъ въ Римъ, гдѣ благовѣствуетъ ученіе о Христѣ Кесарю-Тиверію и своею проповѣдію предаеть смерти Пилата и первосвященника. Она умерла въ Ефесѣ, гдѣ и была погребена Іоанномъ Богословомъ. Мощи ея были перенесены въ Константинополь Львомъ Мудрымъ. Вторая—Соломія, дочь Іосифа обручника, жена Зеведея и мать Іоанна Богослова. Іосифъ-обручникъ имѣлъ четырехъ сыновей: Іакова Малаго, Іосію, Симона и Іуду. Отсюда и встрѣчаемъ въ Евангеліи упоминанія о Маріи Іосіевои, или Маріи Іаковлевои (Лук. XXIV, 10), какъ ихъ матери. Третья мирносоица—Іоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова. Четвертая и пятая—Марѳа и Марія—сестры Лазаря. Шестая Марія Клеопова и по-

¹⁾ Очевидно, синаксарь здѣсь разумѣеть апокрифическое сочиненіе, извѣстное подъ именемъ „Евангелія Никодима“.

свѣдѣнія Сусанна. Было много и другихъ женъ, которыя служили Христу отъ имѣній своихъ (Лук. VIII, 3).

Въ недѣлю женъ-мироносицъ вмѣстѣ съ пѣснопѣніями праздника соединяются и воскресныя пѣснопѣнія 2-го гласа. Пѣснопѣнія праздника почти всѣ посвящены прославленію женъ-мироносицъ и нѣкоторыя Воскресенія Христа (нѣкоторыя тропари канона). Но есть пѣснопѣнія, прославляющія и тайныхъ учениковъ Господа—Іосифа и Никодима (тропарь праздника «благообразный Іосифъ»). Стихъ «на Слава», на литіи 6 тр. 1-ая п. канона, 9 тр. 5 п., 5 тр. 6 п., 9 и 10 тр. 9 п. кан.). Пѣснопѣнія въ честь Іосифа аримаѳейскаго называютъ его «ревнителемъ благочестія», «совѣтникомъ» и «ученикомъ» (9 тр. 4 п. кан.) или именуютъ его такъ же, какъ и праведнаго Симеона «богопріимцемъ» (7 тр. 3 п. кан.). Мысли и чувства Іосифа при погребеніи Спасителя прекрасно изображены въ церковной пѣсни: «Тебѣ одѣющагося» («на слава» на стиховнѣ), которая, поэтому, вполне можетъ быть названа молитвою этого новаго «Богопріимца». Евангеліе ничего не говоритъ намъ о душевномъ состояніи Іосифа при погребеніи Спасителя, но необходимо предположить, что сострадательная и милосердная душа Іосифа была преисполнена теплою любовью къ своему Учителю, пострадавшему невинно и брошенному всѣми «страха ради іудейска». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преисполненъ былъ по отношенію къ своему Учителю и глубокимъ благоговѣніемъ, видя тѣ сверхъестественныя знаменія, которыми сопровождалась страданія и смерть Его. Если св. церковь почитаетъ праведнаго Симеона, какъ «Богопріимца», то и рамена Іосифа она называетъ «херувимскою колесницею», «ублажаетъ его руки и очи божественныя», «почитаеть длани», которыми онъ полагалъ во гробъ «Солнце, Слово и Бога» и память его почитаетъ (3 ст. «на Госп. Возв.», въ понед. веч. женъ-мироносицъ). Іосифу, съ муръ погребшему «міра воскресеніе», удивляются чины ангельскіе (стих. стиховна на утр. пятка мироносицъ).

Тропари праздника тѣ же, что и въ Великую Субботу, но два послѣднихъ оканчиваются благовѣстіемъ о воскресеніи Христа. Тропарь «благообразный Іосифъ» имѣетъ окончаніе: «но тридневенъ воскресъ еси, Господи, подавай мірови велию милость». Второй—«мироносицамъ-женамъ»— «но возопійте: воскресе Господь, подавай мірови велию милость»¹⁾.

На утрени предъ евангеліемъ поется обычный прокимень 2-го гласа. Евангеліе о воскресеніи и вознесеніи Господа (Марк. XVI, 9—20).

На литургіи поется прокимень предъ апостоломъ 6-го гласа. Апостольское чтеніе заимствуется изъ книги дѣяній (VI, 1—7), повѣствующее объ избраніи семи дьяконовъ, которые должны были въ лицѣ бѣдныхъ христіанъ служить Христу такъ же, какъ служили Ему мироносицы. Евангельское чтеніе повѣствуетъ о погребеніи и воскресеніи Господа въ редакціи евангелиста Марка (XV, 43—XVI, 8). Причастный, кромѣ пасхальнаго, обычный: «Хвалите Господа».

Праздникъ женъ-мироносицъ продолжается до слѣдующей недѣли, когда церковь воспоминаетъ исцѣленіе Господомъ разслабленнаго въ пятипрятворной купели Соломоновой. Воспоминается же это чудо въ это время потому, что оно совершено было Христомъ во время ветхозавѣтной еврейской пятидесятницы. Это исцѣленіе разслабленнаго Господомъ нужно отличать отъ того чуда исцѣленія разслабленнаго, которое описывается евангелистомъ Матѳеемъ (IX, 1—8). Явленіе Христа апостоламъ съ Ѳомою и память женъ-мироносицъ церковь празднуетъ для удостовѣренія истины воскресенія Христа. А исцѣленіе разслабленнаго, бесѣду съ Самарянкою и исцѣленіе слѣпо-

¹⁾ На литургіи, когда священникъ читаетъ тропарь „Благообразный Іосифъ“ послѣ великаго входа, то не прибавляетъ этого окончанія, такъ какъ въ этотъ моментъ литургіи воспоминается погребеніе Христа.

рожденнаго воспоминаются церковію потому, что это случилось въ еврейскую пятидесятницу. Есть мнѣніе, что разслабленный, исцѣленный Господомъ (Іаръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ), былъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который на судѣ у Каіафы ударилъ Христа по ланитѣ, но съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться, такъ какъ объ этомъ нѣтъ никакого замѣчанія въ евангеліи. Въ пѣснопѣніяхъ праздника воспоминается исцѣленіе разслабленнаго (стих. «Гос. Воз.» и литіи). Прославляется воскресшій Господь, своими чудесами облагодѣтельствовавшій людей (ст. «на Госп. возв.»). Содержится молитва къ Господу объ исцѣленіи нашихъ духовныхъ немощей, — разслабленія души (кондакъ). Въ недѣлю о разслабленномъ, такъ же какъ и въ недѣлю «о самарянынѣ» и слѣпомъ, нѣтъ особыхъ тропарей, посвященныхъ этимъ событіямъ, а поются тропари воскресные 3, 4 и 5-го гласа. Сверхъ сего, въ недѣлю о разслабленномъ въ канонѣ полагаются тропари архангелу Михаилу, такъ какъ, по преданію, ангеломъ, возмущающимъ воду въ купели, былъ архангелъ Михаилъ, по книгѣ Іова, покровитель еврейскаго народа.

На литургіи полагается воскресный прокимень 1-го гласа. Апостольское чтеніе повѣствуетъ объ исцѣленіи разслабленнаго Энея въ Лиддѣ и воскрешеніи Тавионы въ Іуппіи (Дѣян. IX, 32—42). Въ евангельскомъ чтеніи содержится воспоминаемое событіе (Іоан. V, 1—15).

Праздникъ о разслабленномъ отдается во вторникъ, такъ какъ въ среду бываетъ преполовленіе двухъ великихъ праздниковъ — Пасхи и Пятидесятницы, говоритъ синаксарь. Далѣе, онъ содержитъ евангельское повѣствованіе о томъ, какъ Христосъ въ преполовленіе ветхозавѣтной Пятидесятницы, въ послѣдній день праздника Кущей объявилъ себя царемъ и Господомъ—Мессіею. При разсказѣ этой евангельской исторіи синаксарь дѣлаетъ и нѣкоторыя нравственныя назиданія; такъ, говоря о томъ, что Христосъ провозносилъ Свою рѣчь во святилищѣ, синаксарь замѣчаетъ, что «святилище есть самому Богу обита-

лице»,—Господь обитаетъ тамъ, гдѣ любовь и миръ, вѣра и цѣломудріе. Поэтому и служителю Божію должно быть кроткому и миролюбивому, не сребролюбиву и не льстиву, чтобы Господа прежде въ свою душу вселить, а потомъ уже наставлять людей на путь истины (1 въ Тимое. III). И душа каждого человѣка есть святилище, согласно словамъ пророка: «Я, Господь, вселюся и нахожду въ нихъ» (Ам. IX, 11—12).

Особенность богослуженія въ праздникъ преполовенія состоитъ въ томъ, что наканунѣ его, во вторникъ вечера, полагается великая вечерня безъ стихословія «Блаженъ мужъ», но съ рядовою каеизмою. На ней полагается три париміи, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ обличеніе неблагодарности іудеевъ (IV гл. Михея); вторая — пророчество о водѣ, текущей въ жизнь вѣчную (Ис. 65 гл.) ¹⁾; третья о премудрости ²⁾, создавшей себѣ домъ и утвердившей столповъ семь.

На утрени въ день преполовенія не поется поіелей, но только великое славословіе. Въ пѣсноцѣніяхъ преполовеніе называется серединою двухъ великихъ праздниковъ Пасхи и Пятидесятницы (1-ая стих. «на Госп. возв.»; 2 тр. 5 п. 1 к.), воспоминается проповѣдь Христа (стих. на «и нынѣ» Госп. возв.); (сѣдальны утрени; кондакъ). Прославляется сверхъестественное воплощеніе Богочеловѣка и Его чудеса (1 тр. 1 п. 1 к.). Христось называется истиннымъ нашимъ праздникомъ (2 тр. 1 п. 1 к.). Воспѣвается пѣснь воскресшему (стих. въ среду преполовенія вечера «на Госп. возв.»). Обѣщается пришествіе Св. Духа (2 тр. 3 п. 1 к.). (Стих. на «и нынѣ» «на Госп. возв.»), въ четвергъ преполовенія стих. 2-я «на Госп.

¹⁾ Эта же паримія читается и въ день Богоявленія на великомъ водоосвященіи.

²⁾ Здѣсь, обыкновенно, толкователи разумѣютъ ипостасную премудрость — Господа-Христа, утвердившаго домъ (церковь) и семь столповъ, или семь таинствъ.

воззв.); 1 тр. 6 п. 1 к.). Въ праздникъ преполовенія вѣрующіе приглашаются обучиться добродѣтели (1 тр. 5 п. 1 к.; икосъ). Въ тропаряхъ второго канона и въ стихирахъ «на хвалитехъ» обличается жестокость и неблагодарность іудеевъ. Въ тропарѣ праздника содержится молитва къ Господу о напоеніи жаждущихъ душъ нашихъ водами благочестія. На литургіи поется прокимень тотъ же, что и въ недѣлю Треницы.—Апостольское чтеніе по порядку (Дѣян. XIV, 6—18), евангельское чтеніе содержитъ повѣствованіе о проповѣди Христа въ преполовеніе Еврейской пятидесятницы.

На утрени вмѣсто «Честивѣйшую» и на литургіи вмѣсто «Достойно» поется ирмосъ 9-й пѣсни «Чужде матеремъ».

Существуетъ обычай совершать въ день преполовенія малое водоосвященіе.

Въ слѣдующую недѣлю по Преполовеніи Св. Церковь воспоминаетъ бесѣду Христа съ самарянкою на кладезѣ Іакова. Воспоминаніе этого евангельскаго событія имѣетъ связь съ проповѣдію Христа въ день преполовенія: здѣсь и тамъ Христосъ одинаково объявляетъ Себя Мессіею. Синаксарь этого дня содержитъ исторію бесѣды Христа съ самарянкою и попутно дѣлаетъ въ ней нѣкоторое толкованіе на слова Христа: «пять бо мужей имѣла еси и нынѣ его-же имаши, нѣсть ти мужъ» (Іоан. IV, 18). Первое толкованіе подъ пятью мужами самарянки разумѣетъ пять книгъ Моисея, а шестой мужъ—это ученіе Христа, которымъ незаконно, такъ сказать, назидалась самарянка, такъ какъ благодать Христова не явилась во всей силѣ между всѣми народами. Другое толкованіе подъ пятью мужами самарянки разумѣетъ пять завѣтовъ Бога съ людьми: а) завѣтъ Господа съ первыми людьми въ раю; б) завѣтъ и наказаніе по изгнаніи; в) при Ноѣ; г) Авраамъ; д) Моисей, а шестой—завѣтъ Христа съ людьми. Третье толкованіе подъ пятью мужами самарянки разумѣетъ пять чувствъ, дарованныхъ Богомъ людямъ. Далѣе синаксарь

повѣствуетъ о томъ, что Христосъ оставался по приглашенію самарянъ на два дня и сотворилъ много чудесъ, о которыхъ Евангеліе не упоминаетъ, по причинѣ ихъ многочисленности. Далѣе, жена самарянина была наименована Христомъ Фотиніею (свѣтоносная). Въ царствованіе Нерона она вмѣстѣ со своими семью сыновьями была подвержена различнымъ мученіямъ и пыткамъ за исповѣданіе Христа и кончила свою жизнь, будучи разорвана двумя финиковыми деревьями, къ которымъ она была привязана. Память ея мученической кончины воспоминается Церковью 26-го февраля. Юстиніанъ Великій перенесъ устье колодца Іакова вмѣстѣ съ камнемъ, на которомъ сидѣлъ Христосъ, въ храмъ св. Софїи. Пѣснопѣнія этого дня кромѣ воскресныхъ 4 гласа посвящены воспоминанію празднуемаго событія. Христосъ бесѣдуетъ съ духовно жаждущей самарянкой въ часъ шестой, потому что въ этотъ часъ согрѣшила Ева (стих. «на Госп. воззв.»); прославляется нисхождение Спасителя, носимаго херувимами и бесѣдующаго съ блудницею (стих. «на слава» на Госп. воззв.). Въ двухъ канонахъ прославляется Господь, какъ благодатная струя живой воды, текущей въ жизнь вѣчную.

На литургїи полагается воскресный прокимень 3-го гласа и читается Апостоль о распространеніи вѣры Христовой въ Фивикїи, Кипрѣ и Антиохїи среди іудеевъ. О посольствѣ Варнавы въ Іерусалимъ, о поискахъ имъ Савла и пришествїи послѣдняго въ Антиохїю. О помощи антиохійскихъ христіанъ голодающимъ іерусалимскимъ братіямъ (Дѣян. XI, 19—26); (Дѣян. та же глава 29—30). Евангельское чтеніе содержитъ въ себѣ бесѣду Христа съ самарянкою (Іоан. IV, 5—42).

Такъ какъ праздникъ Преполовенія продолжается восемь дней, то въ первые дни недѣли о Самарянинахъ полагаются пѣснопѣнія Преполовенія, которыя оканчиваются въ среду, когда бываетъ отданіе Преполовенія. Пѣснопѣнія же о Самарянинахъ полагаются въ послѣднія три дня недѣли—въ четвергъ, пятницу и субботу.

Въ слѣдующую недѣлю по Самаряннѣ вспоминается чудо Христа—исцѣленіе слѣпорожденнаго. Синаксарій этого дня указываетъ новое основаніе для воспоминавія этого событія: послѣднее имѣетъ связь съ предыдущимъ воспоминаемъ: «вся сія отъ воды содѣяшася», т. е. во всѣхъ этихъ событіяхъ было или ученіе Христа о водѣ живой (проповѣдь въ день Преполовенія и бесѣда съ самаряною), или была чувственная вода, посредствомъ коей былъ исцѣленъ Христомъ слѣпорожденный. Синаксарій этого дня содержитъ въ себѣ исторію исцѣленія слѣпорожденнаго и приводитъ объясненіе вопроса учениковъ Господу: «Равви, кто согрѣшилъ, онъ или родители его, что родился слѣпымъ?» (Іоан. IX, 2). Этотъ вопросъ, по синаксарю, имѣлъ основаніемъ эпикурейское мнѣніе о предсуществованіи душъ, которыя за грѣхи заключались въ тѣла. Поминовеніе и твореніе брвенія Христомъ указывали на Него, какъ на Творца человѣка, образовавшаго тѣло его изъ земли. Христось исцѣляетъ глаза—главный и важный органъ тѣла, чтобы показать, что Онъ Творецъ главнѣйшаго естества человѣческаго—души. Христось помазываетъ очи плюновеніемъ, показывая, что отъ устъ исходитъ благодать. Брвеніе на очахъ слѣпорожденнаго не было смыто, но только размочено; оно и послужило средствомъ исцѣленія. Посылаетъ Христось слѣпца въ Силоамъ, чтобы больше было свидѣтелей исцѣленія. Силоамъ—купальня, которая находилась за городомъ. Въ царствованіе Езекии враги овладѣли городомъ и захватили этотъ источникъ; но вода чрезъ прорытые колодцы и рвы утекла назадъ въ городъ. Кто былъ посылаемъ пророкомъ Исаіею, тотъ доставалъ воду, которая была недоступна для враговъ. Существуетъ мнѣніе, по которому слово «Силоамъ» переводится словомъ «посылается», откуда и омовеніе слѣпого есть тоже исцѣленіе. Слѣпорожденный былъ образомъ духовной слѣпоты евреевъ и язычниковъ, для спасенія коихъ воплотился Господь, сошедши съ неба, какъ капля на руно.

Кромѣ воскресныхъ пѣснопѣній 5 гласа въ эту недѣлю есть пѣснопѣнія, посвященныя воспоминавію празднуемаго событія, въ которыхъ Христосъ прославляется не только какъ врачъ нашихъ тѣлесныхъ болѣзней, но и духовныхъ немощей (кондакъ).

На литургіи полагается воскресный прокимень 8 гласа. Апостольское чтеніе содержитъ въ себѣ повѣствованіе объ исцѣленіи бѣсноватой отроковицы, объ заключеніи апостоловъ послѣ совершенія этого чуда въ темницу и объ обращеніи ко Христу темничнаго стража (Дѣян. XVI, 16—34). Евангельское чтеніе содержитъ въ себѣ повѣствованіе объ исцѣленіи слѣпорожденнаго (Іоан. IX, 1—38).

Послѣдованіе службы о слѣпомъ продолжается три дня; въ послѣдній день, т. е. среду, бываетъ отданіе праздника Пасхи. Церковная служба въ этотъ день имѣетъ такое же начало, какъ и въ день Пасхи: священникъ дѣлаетъ начальный возгласъ, имѣя въ рукѣ крестъ и поетъ стихи «Да воскреснетъ Богъ». Отпустъ же съ крестомъ бываетъ только послѣ литургіи. Въ отданіе Пасхи кромѣ пѣснопѣній въ честь Воскресенія Христова полагается цѣлый канонъ въ честь Вознесенія Господня.

Въ Отданіе Пасхи снимается съ престола плащаница, которая полагается на престолъ предъ пасхальной утреней въ воспоминаніе сорокадневнаго пребыванія Христа на землѣ по Воскресеніи.

Въ четвертокъ 6 седмицы по Пасхѣ Св. Церковь воспоминаетъ Вознесеніе Господа Іисуса Христа. Еще прежде Своихъ страданій Господь обѣщаль послать ученикамъ Своимъ Духа Святаго, сказавъ имъ: «истину говорю вамъ: лучше для васъ, чтобы Я пошелъ, ибо если Я не пойду, Утѣшитель не придетъ къ вамъ, а если пойду, то пошлю Его къ вамъ» (Іоан. XVI, 7). Являясь въ теченіи Своего сорокадневнаго пребыванія Своимъ ученикамъ, Господь шуточаль ихъ тайнамъ царствія Божія и заповѣдываль имъ

отъ Іерусалима не отлучаться, но ждать пришествія Св. Духа (Лук. XXIV, 49). Тотъ же синаксарь приводитъ мнѣніе Епифанія Кипрскаго о томъ, что въ силу существованія до сошествія Св. Духа крещенія только водою Іоаннъ Богословъ крестилъ Богородицу, а Петръ и Іоаннъ прочихъ апостоловъ. Господь заповѣдуетъ апостоламъ оставаться въ Іерусалимѣ, чтобы ждать сошествія Св. Духа, а не въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ для того, чтобы апостоловъ не заподозрили во лжи, и чтобы, исходя уже изъ Іерусалима, ученики были бы орудіями Св. Духа и воинами Христа. Въ повѣствованіи о Вознесеніи Господнемъ синаксарь замѣчаетъ, что между учениками была Его Пречистая Матерь. Гора Елеонская отстояла отъ Іерусалима на двѣ тысячи четыреста стопы, каковое разстояніе іудеямъ позволялось проходить въ субботу, почему и гора Елеонская называется «имущою субботы путь» (Дѣян. I, 12). Указанное количество было самымъ большимъ разстояніемъ между станомъ Израиля и скиніею, куда каждый шелъ поклониться Господу въ день субботній. Изъ того замѣчанія книги Дѣяній, что гора Елеонская отстояла отъ Іерусалима на субботній путь, нѣкоторые думаютъ, что и Вознесеніе Христа было въ субботу, хотя это мнѣніе, говоритъ синаксарь, неправильное.

На вечернѣ въ праздникъ Вознесенія полагается три париміи: первая—о горѣ Господней, къ которой соберутся всѣ народы для возвѣщенія имъ пути Господня (Ис. 2); вторая—о прославленіи Христа (Ис. 12) и третья о Вознесеніи и прославленіи Его (Захар. 14).

Въ пѣснопѣвнѣяхъ праздника воспоминается пророчество Давида о Вознесеніи Господа,—ст. 23 го псалма: «возмите врата, князи, ваша, и возмитесь врата вѣчныя, и увидеть Царь Славы» (2 стих. «на Госп. Возв.»; стих. «на слава и нынѣ»; 3 стих. на Литіи; 2 тр. 1 п. 1 к.; 2 тр. 3 п. и 4-ой). Христось Своимъ Вознесеніемъ спосадилъ насъ на небесныхъ и обожилъ насъ (стих. «на Госп. возв.») 1 тр. 1 п. 1 к.; 4 тр. 3 п. 1 к.; 2 тр. 3 п. 2 к.; 2 тр. 7 п. 1 к.;

3 тр. 9 п. 2 к.). Апостолы исполняются радости по Вознесеніи Христа, который обѣщаль имъ Духа-Утѣшителя (тропарь праздника), и міръ весь—ангельскій и человѣчскій ликуетъ, славословя Вознесшаго Христа (2 тр. 4 п. 2 к.) Христовъ, вознесшись на небо, постоянно пребываетъ съ вѣрующими (кондакъ).

На утрени полагается стихъ изъ 46 псалма: «Взыде Богъ въ восклицовеніи, Господь во гласъ трубнѣмъ», который является пророчествомъ о Вознесеніи Христа (2 тр. 4 п. 2 к.). Утреннее евангеліе повѣствуетъ о явленіи Воскресшаго Господа ученикамъ, Его Вознесеніи и сидѣніи одесную Отца и о проповѣди апостольской (Лук. XVI, 9—20). Послѣ евангелія полагается пѣснь «Воскресеніе Христово», такъ какъ Вознесшійся Господь прославился чрезъ крестъ и воскресеніе (1 имр. 3 п. 1 к.) (3 стих. «на Госп. воззв.»). Катавасіей служатъ ирмосы канона Пятидесятницы. Такъ какъ праздникъ Вознесенія Господня принадлежитъ къ двенадцатымъ господскимъ, то на литургіи полагаются антифоны изъ 46, 47 и 48 псалмѣвъ. Предъ апостоломъ въ качествѣ прокимна полагаются стихи 107 псалма «Вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя...» Въмѣсто «достойно» поется ирмосъ «Тя паче ума», каковой ирмосъ поется до отданія, которое бываетъ въ пятницу слѣдующей недѣли. Въмѣсто пѣсни: «Видѣхомъ свѣтъ истинный» до отданія праздника поется его тропарь «Вознесся еси во славу Христе Боже нашъ». Апостольское чтеніе повѣствуетъ о Вознесеніи Христа (Дѣян. 1, 1—12). Евангельское чтеніе говоритъ о явленіи Воскресшаго Господа Апостоламъ и Его Вознесеніи (Лук. XXIV, 36—53).

Въ недѣлю по Вознесеніи Церковь совершаетъ память 318 отцовъ, бывшихъ на первомъ Накейскомъ соборѣ, утвердившемъ истинное ученіе о Христѣ и исповѣдывавшемъ Его «единосущнымъ и единосестнымъ Отцу». Хри-

стость былъ Истинный Сынъ Божій и, какъ совершенный человекъ, вознесся съ плотію и сълъ одесную величествія на высокихъ. Синаксарій этого дня содержитъ исторію 1-го вселенскаго собора и разсказъ о смерти Арія. Говоря о томъ, что Арій былъ лишень священства Петромъ, еп. Александрійскимъ, синаксарь разсказываетъ, что этотъ святитель видѣлъ на жертвенникѣ Самого Христа въ видѣ младенца, одѣтаго въ разорванную одежду. На вопросъ Петра, кто, Господи, разорвалъ Твою одежду, Христось отвѣтилъ, что разорвалъ Ему одежду Арій, раздѣлитель Троицы.

На вечернѣ въ честь Отцовъ полагаются париміи. Первая изъ нихъ содержитъ повѣствованіе о благословеніи Авраама, возвращающагося послѣ пораженія враговъ Мелхиседекомъ (Быт. XIV гл.). Мелхиседекъ былъ царемъ и священникомъ, чтущимъ Истиннаго Бога. По своему имени и неизвѣстности времени своего рожденія и смерти онъ прообразовалъ Христа, Вѣчнаго Царя мира. Вторая паримія говоритъ объ избраніи Израилемъ изъ своей среды начальственныхъ лицъ для управленія и суда (Второз. 1). Третья—изъ той же книги (10 гл.) содержитъ рѣчь Моисея къ Израилю объ Истинномъ Богѣ.

Пѣснопѣнія въ этотъ день полагаются воскресныя 6 гласа и въ честь Отцовъ, прославляющія ихъ, какъ хранителей апостольскихъ преданій (стих. на литіи) и обличающія нечестіе и хулу Арія, наслѣдовавшаго себѣ іудину смерть (1 тр. 6 п. к.). Въ тропарѣ въ честь Отцовъ прославляется Господь, основавшій Свѣтила Церкви—Отцовъ и черезъ нихъ наставившій всѣхъ истинной вѣрѣ. Въ апостольскомъ чтеніи (Дѣян. XX, 16—18; 28—36) содержится рѣчь ап. Павла къ Ефесскимъ пресвитерамъ, гдѣ онъ проситъ послѣднихъ пасти Церковь Божию. Въ евангельскомъ чтеніи (Іоан. XVII, 1—13) содержится перво-священническая молитва Господа объ ученикахъ.

Въ субботу 7-ой недѣли по Пасхѣ такъ же, какъ и наканунѣ воспоминанія Страшнаго Суда, св. Церковь молится

за умершихъ. Въ эту субботу поется заупокойное послѣдованіе каждый годъ одного 6-го гласа, которое и печатается въ тріоди. Въ этомъ и различіе этой субботы отъ субботы мясопустной, когда полагается заупокойная служба текущаго гласа, такъ что въ эту субботу каждодневно поются пѣснопѣвія изъ одного гласа, но различныя. вмѣсто пѣсни «Видѣхомъ свѣтъ истины» поется тропарь «Глубиною мудрости».

Въ пятидесятый день по Воскресеніи Христа воспоминается Сошествіе Св. Духа на апостоловъ, а такъ какъ чрезъ пришествіе Св. Духа мы поклоняемся Пресвятой Троицѣ (4 стих. «на Госп. воззв.»), то въ этотъ день полагаются пѣснопѣвія, прославляющія Св. Троицу. (Стих. «по Госп. воззв.»). Синаксарій этого дня говоритъ намъ, что праздникъ Пятидесятницы христіане заимствовали у Евреевъ. Въ пятидесятый день Евреи приняли законъ,—а христіане Св. Духа. У Евреевъ было три великихъ праздника. Пасха, въ память перехода ими Чермнаго моря, служившаго образомъ нашего избавленія отъ грѣха. Второй праздникъ Пятидесятница, установленный въ память путешествія Евреевъ по пустынѣ и вступленія ими въ землю обѣтованную, гдѣ они насладились земными благами; что служить образомъ нашего вступленія въ Церковь, гдѣ мы приобщаемся Тѣла и Крови Христовой. Существуетъ мнѣніе, говоритъ синаксарій, что Пятидесятница была установлена Евреями и почести ради седмичнаго числа: число 7, умноженное само на себя, даетъ 49, которое съ прибавою единицы составляетъ число 50. Отсюда у Евреевъ юбилейные года, когда они давали отдыхъ и животнымъ и даже самой землѣ. Третій праздникъ «Кущей», установленный въ память видѣнія Моисеемъ на горѣ таинственной сѣни. Во время этого праздника Евреи жили на поляхъ въ палаткахъ, убранныхъ живыми вѣтвями, что служило образомъ нашего воскресенія изъ мертвыхъ.

На вечернѣ праздника читаются три париміи, изъ которыхъ въ первой (Числ. 11) повѣствуется о дарованіи Св. Духа 70-ти мужамъ при дверяхъ скивіи. Во второй и третьей пророч. Іоила (2 гл.) и Іезекиля (36) о дарованіи вѣрующимъ Св. Духа.

Въ пѣснопѣніяхъ этого дня воспоминается Сошествіе Св. Духа. Приводится параллель между «сливаніемъ» языковъ при сошествіи Св. Духа и ихъ раздѣленіемъ при столпотвореніи Вавилонскомъ (кондакъ; 1 тр. 3 п. 1 к.), Говорится о цѣли пришествія Св. Духа (2 стих. «на Госп. воззв.»),—Его дѣйствіяхъ (стих. «на Госп. воззв.»),—Его Божеской природѣ и Личности. Содержится молитва къ Нему о духовномъ просвѣщеніи и очищеніи (свѣтилень и стих. «на стихов. «Царю Небесный»). Прославляется вся Св. Троица (2 послѣд. стих. «на Госп. воззв.»). Раскрывается отношеніе Лицъ Пресвятой Троицы между Собою по естеству и въ отношеніи нашего домостроительства (стих. на Госп. воззв. «на Слава и нынѣ»). Въ тропарѣ праздника прославляется Господь Іисусъ Христосъ, дарованіемъ премудрости чрезъ Сошествіе Св. Духа ученикамъ уловившій всю вселенную.

Въ качествѣ утренняго прокимна полагается стихъ изъ 147 псалма: „Духъ Твой Благій наставитъ мя на землю праву“. Евангеліе (Іоан. XX, 19—25) повѣствуетъ о явленіи Воскресшаго Господа ученикамъ, дуновенія на нихъ и дарованія имъ власти вязать и рѣшать. Пѣснь «Воскресеніе Христово» по Евангеліи не поется.

Вмѣсто «Честнѣйшую» поется ирмосъ 9 пѣсни канона «Радуйся Царице». Въ Трїодіи этотъ ирмосъ поется безъ припѣва, но на практикѣ предъ нимъ поется припѣвъ: „Апостолы Сошествіе Утѣшителя зряще, удивившася, како въ видѣ огненныхъ языкъ явися Духъ Святой“.

На Литургіи полагаются три антифона изъ псалмовъ 18-го, 19-го и 20-го. Вмѣсто «Трисвятаго» полагается пѣснь «Елицы во Христа»; опять въ воспоминаніе крещенія оглашенныхъ. Апостольское чтеніе содержитъ въ

себѣ повѣствованіе о Сошествіи Св. Духа на апостоловъ (Дѣян. 2, 1—11). Евангельское чтеніе (Іоан. VII, 37—52—114, 12) содержитъ въ себѣ проповѣдь Христа въ день Преполовенія Кушей о водѣ живой и о Духѣ Святомъ.

Непосредственно за литургіей въ день Пятидесятницы служится вечерня ¹⁾. Порядокъ ея обычный. Но есть нѣкоторыя особенности: а) на великой ектеніи полагаются особыя прошенія (см. послѣд. Пятидесятницы); б) читаются 5 молитвъ: первая (состоящая изъ 2-хъ молитвъ) читается послѣ великаго прокимна; въ ней мы просимъ Господа объ оставленіи нашихъ прегрѣшеній. Вторая (изъ 2 м.) читается послѣ малой ектеніи; въ ней мы просимъ Господа о дарованіи намъ Пресвятаго Своего Духа. Въ третьей (изъ 3-хъ молитвъ) мы просимъ Господа о нашихъ умершихъ братьяхъ. Всѣ молитвы читаются съ колѣнопреклоненіемъ ²⁾, и священникъ читаетъ ихъ, обратясь лицомъ къ народу. Вечерня оканчивается обычно и послѣ нея полагается особый отпускъ, на которомъ упоминается Пречистая Матерь и св. „духоносные“ апостолы.

Въ праздникъ Троицы или Пятидесятницы существуетъ обычай украшать храмы и свои дома вѣтвями деревьевъ и цвѣтами; послѣдніе служили у древнихъ христіанъ символовъ даровъ Св. Духа ³⁾.

Въ понедѣльникъ, на другой день праздника Троицы, Св. церковь прославляетъ Третье лицо Пресвятой Троицы.—Св. Духа. «Чести же ради, говоритъ синаксарь, во Всесвятому Духу и раздѣляѣтъ отъ празднованія Св. Троицы узакониша Св. отцы праздновать Ему, такъ какъ Св. Духъ Единъ отъ Троицы единочестенъ, единосущенъ

¹⁾ Это потому, что литургія въ день Пятидесятницы совершается послѣ полудня, какъ въ навечеріи Рождества, Богоявленія и Великой Субботы.

²⁾ До этого времени правиломъ 20-мъ I-го вселенскаго собора не дозволяется христіанамъ преклонять колѣна во время Богослуженія.

³⁾ Мартиньи. Словарь христіанскихъ древностей. Цвѣты.

и единославенъ Отцу и Сыну». Синаксарь этого дня содержитъ исторію Сошествія Св. Духа на апостоловъ и дѣлаетъ сближеніе между этимъ событіемъ и синайскимъ законодательствомъ. Духъ Святой сошелъ въ видѣ языковъ въ знакъ того, что орудіемъ христіанской проповѣди было одно слово. Языки эти, были апостолы, такъ какъ они были посланы отъ Бога, который есть «Огнь подаяй». Языки раздѣлились ради дарованій. Въ ветхомъ завѣтѣ Господь раздѣлилъ языки, чтобы разъединить всѣхъ; въ новомъ же завѣтѣ онъ раздѣлилъ огненные языки надъ апостолами, чтобы всѣхъ соединить во едино. Три раза, по синаксарю, сходилъ Духъ Святой на апостоловъ: прежде страсти Христовой неясно; послѣ Воскресенія чрезъ дуновение—ясно и въ Пятидесятницу—существенно.

На день Св. Духа не полагается всенощнаго бдѣнія, но только утренняя съ великимъ славословіемъ. Пѣснопѣнія въ честь Св. Духа тѣ же, что и въ праздникъ Троицы, за исключеніемъ канона на полуношницѣ, который посвященъ прославленію и молитвѣ Святому Духу.

На литургіи въ день Св. Духа поются антифоны избразительные и только «входное» праздника. Прокимень на литургіи воскресный 6-го гласа «Спаси Господи люди Твоя». Апостольское чтеніе (Еф. V, 9—19) содержитъ въ себѣ наставленіе христіанамъ «о плодахъ духовныхъ» и «жизни духовной», создателемъ чего является Св. Духъ. Евангельское чтеніе содержитъ въ себѣ ученіе Христа объ «ангелахъ хранителяхъ», Его притчу — «о погибшей овцѣ», объ отношеніи къ согрѣшающему брату, о власти церкви вязать и рѣшать, объ исполненіи святой усердной молитвы и о пребываніи Христа тамъ, гдѣ собираются въ Его Имя (Мѣ. XVIII, 10—20).

Праздникъ Пятидесятницы отдается въ слѣдующую субботу. Въ теченіе всей слѣдующей недѣли по Пятидесятницѣ не бываетъ поста въ знакъ великаго праздника.

Въ слѣдующую недѣлю по Пятидесятницѣ Св. церковь воспоминаетъ память всѣхъ Святыхъ, отъ вѣка благоугодившихъ Богу, которые замѣнили отпадшій ангельскій чинъ.

Синаксарь приводитъ три причины установленія этого праздника: искупительныя заслуги Христа и плоды Его крестной жертвы прежде всего сказались на Святыхъ. Вторая причина: было много Святыхъ, извѣстныхъ Единому Господу, но неизвѣстныхъ людямъ; св. церковь почитаетъ всѣхъ, чтобы показать, что всѣ они «о Единомъ Христѣ подвизались». Третья, историческая, причина: — царь Левъ въ память своей супруги Феопаніи создалъ храмъ въ честь всѣхъ Святыхъ, съ этого времени и установлено празднованіе всѣмъ святымъ ¹⁾).

На вечерни полагаются три париміи, изъ которыхъ въ первой говорится о прославленіи Господа людьми изъ всѣхъ народовъ (Ис. 43); во второй о промышленіи Божиємъ о праведникахъ (2 и 3 парем. изъ 3 и 5 гл. кн. «Прем. Солом.»). Въ пѣснопѣніяхъ и молитвословіяхъ церковь воспоминаетъ различные лики святыхъ и призываетъ вѣрующихъ къ подражанію имъ. Воскресная же служба состоитъ изъ пѣснопѣніи 8 гласа.

На литургіи — апостольское чтеніе содержитъ въ себѣ ученіе о значеніи вѣры въ дѣлѣ спасенія (Евр. XI, 33—XII, 2); а въ евангельскомъ чтеніи излагается ученіе о самоотреченіи и послѣдованіи за Христомъ (Мѡ. X, 32—33, 37—38; XIX, 27—30).

Съ недѣли Всѣхъ Святыхъ оканчивается пѣніе «цвѣтной тріоди» ¹⁾ и начинается пѣніе Октоиха.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ благочестивый обычай ходить въ этотъ день съ крестными ходами на кладбища и тамъ поминать усопшихъ служеніемъ панихвдъ и литій. Этотъ благочестивый обычай наглядно изображаетъ мысль о соединеніи церкви земной и небесной и заставляетъ почитать кладбища, какъ „Божія вивы“ и мѣста священныя и неприкосновенныя.

¹⁾ Тріодью называется тѣ богослужебныя книги, которыя содержатъ

Съ понедѣльника по недѣли Всѣхъ Святыхъ начинается постъ въ честь апостоловъ Петра и Павла (память коихъ совершается 29-го іюня).

Молитвами всѣхъ святыхъ и Богородицы, Господи, Твой миръ даждь намъ и помилуй насъ, яко Единъ щедръ.

Г. А. Павскій.

въ себѣ послѣдованія съ измѣняемыми молитвословіями для подвижныхъ дней круга годичнаго и между молитвословіями имѣютъ трипѣснцы, или каноны, состоящіе вмѣсто 9 пѣсней изъ 3. Цвѣтною же называется 2-ая часть тріоди потому, что она начинается недѣлею Вай, или цвѣтоносною. Или потому, что ея пѣніе начинается и совпадаетъ съ весною, когда и бездушная природа живетъ и цвѣтеть.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Къ вопросу о нищенствѣ.

Обнищаніе деревни, безработица, дороговизна жизненныхъ припасовъ и многія другія причины послужили къ увеличенію въ послѣднее время такого количества нищихъ, какого не бывало, кажется, никогда прежде. Въ Москвѣ нельзя пройти и четверти версты, чтобы не встрѣтиться, по крайней мѣрѣ, съ десяткомъ нищихъ. Попадаются нищіе всякаго рода: и слѣпые, и хромые, и алкоголики, и здоровые, и больные, и обутые, и босые, и молодые, и старые. Еще не сошелъ снѣгъ съ улицъ, а многіе нищіе ходили уже босикомъ. Вся эта толпа выпрашиваетъ копейку Христа ради, а когда проходящему подать нечего, раздражается иногда бранью, даже площадной. Нищіе стоятъ на церковныхъ папертяхъ, ежась отъ холода и сквозного вѣтра зимой, и, получивъ подаваніе, спѣшатъ въ другую церковь, чтобы и тамъ получить что-нибудь, а затѣмъ, собравъ нѣсколько денегъ, многіе изъ нихъ спѣшатъ къ «казенкѣ», чтобы «шкаликомъ», «мерзавцемъ» хоть немного отогрѣть захододѣлые члены. И такъ вся жизнь, безъ тепла, безъ просвѣта, безъ работы, безъ заботы, безъ приюта, безъ участія. За неимѣніемъ мѣстъ въ ночлежныхъ домахъ, нѣкоторые нищіе въ жестокіе зимніе холода зарываются въ навозъ гдѣ-нибудь на окраинахъ города или въ сѣно на баркахъ и тамъ проводятъ ночи. Положеніе мужчинъ, женщинъ и особенно дѣтей, которые ютятся въ грязныхъ каморкахъ, каждый день недоѣдаютъ, живутъ среди самаго грязнаго разврата, иногда бываетъ поистинѣ ужасно. Одинъ богатый человекъ, принявъ на себя обязанности приходскаго благотворителя и попечителя, послѣ обхода разныхъ притоновъ съ благотворительною цѣлью вмѣстѣ съ священникомъ, сказалъ, что намъ-де, богатымъ людямъ, положительно совѣстно жить среди такой непроглядной и безпросвѣтной бѣдности, и что онъ прежде даже и не подозрѣвалъ, чтобы люди могли жить такъ худо. Это, конечно, подвигло его на дѣла милосердія,—но что значила эта частная благотворительность въ массѣ страданій, несчастій и голода? Не была ли она только каплей въ морѣ?

«Нищихъ всегда будете имѣть съ собою», сказала Христосъ Спаситель. И нищенство существуетъ и существовало во всѣхъ, даже богатыхъ и цвѣтущихъ государствахъ. Никакія реформы, никакая благотворительность, никакія мѣропріятія не ведутъ къ полному уничтоженію нищенства. Есть люди, которые, можно сказать, рождаются для того, чтобы быть нищими, нищими проводятъ жизнь, нищими и умираютъ. Озолотите такихъ людей и вы увидите, что они опять скоро сдѣлаются нищими. Помѣстите такихъ людей въ богато устроенные и разукрашенные дворцы и вы увидите, что эти дворцы въ самомъ скоромъ времени превратятся въ самыя жалкія клоаки, въ самыя жалкіе притоны. Много, много такихъ людей, которые совершенно не могутъ обойтись безъ чужой помощи даже въ самыхъ ограниченныхъ заботахъ объ ежедневномъ пропитаніи.

Такимъ образомъ вопросъ о *полномъ* уничтоженіи нищенства въ какомъ бы то ни было и сколько бы то ни было благоустроенномъ человѣческомъ обществѣ слѣдуетъ вообще считать празднымъ. Такого вопроса и возникать даже въ настоящее время не можетъ, какъ не можетъ возникать и вопроса о полномъ уничтоженіи болѣзней и эпидемій. Это, однако, не значить, что люди, особенно тѣ, которые имѣютъ возможность благотворить, должны сидѣть сложа руки и равнодушно смотрѣть на окружающее ихъ вопіющее зло. Въ этомъ случаѣ нужно не только дѣйствовать, т. е. принимать активное участіе въ дѣлахъ благотворенія, но и разсуждать, думать о томъ, какъ бороться съ нищенствомъ. Въ виду этого намъ хотѣлось бы предложить нѣсколько практическихъ соображеній, которыя могли бы вести къ уменьшенію нищенства. Этихъ соображеній мы, конечно, не выдаемъ за что-либо новое, неизвѣстное или не проверенное на опытѣ. Мы просто пользуемся въ настоящемъ случаѣ опытомъ лучшихъ филантроповъ христіанскаго запада, гдѣ вопросы о борьбѣ съ пролетаріатомъ давно подвергались серьезной и тщательной теоретической разработкѣ и гдѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ были достигнуты на практикѣ блестящіе результаты, насколько они вообще могутъ быть блестящими въ такомъ дѣлѣ, какъ борьба съ пролетаріатомъ.

Сущность всего дѣла сводится къ слѣдующимъ двумъ практическимъ правиламъ, которыя должны, по нашему мнѣнію, служить руководящею нитью въ дѣлѣ благотворительности.

1) Каждый приходъ долженъ знать своихъ нищихъ.

2) Не слѣдуетъ благотворить нищимъ изъ чужихъ приходо-
вѣвъ.

Изъ этихъ правилъ видно, что благотворительность прежде всего должна быть приходскою или, лучше, церковно-приходскою. Это, по нашему мнѣнiю, наилучшее разрѣшенiе вопросовъ о пролетариатѣ. О нищихъ своего прихода долженъ вѣдать священникъ или другiе члены причта вмѣстѣ съ прихожанами. Каждый отдѣльный приходъ долженъ ставить себѣ въ особенную заслугу и даже честь, если въ его районѣ не будетъ нищихъ. Разумѣется, отъ нищихъ приходъ освобождается не путемъ изгнанiя ихъ изъ своей среды и вообще не какими-либо насильственными мѣрами, а исключительно путемъ благотворенiя. Установить строгую и точную регистрацiю нищихъ *только* своего прихода, по нашему мнѣнiю, дѣло вовсе не трудное, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ попечительствахъ уже выработаны готовые приемы и образцы дѣятельности подобнаго рода. Посѣщенiе личное приходскихъ нищихъ священникомъ, или кѣмъ-либо изъ членовъ причта, вмѣстѣ съ избранными приходскими благотворителями, также никакихъ трудностей изъ себя не представляетъ. Если священникъ или другой благотворитель или попечитель будутъ это дѣлать, т. е. будутъ посѣщать притоны, гдѣ ютится бѣдность, въ мѣсяцъ разъ и употреблять на это только нѣсколько часовъ, то этого будетъ довольно. Нравственное же удовлетворенiе, получаемое при такого рода посѣщенiяхъ, весьма велико. Тамъ, куда люди приходятъ съ крестомъ или во имя Христа, ихъ встрѣчаютъ всегда съ полною радостiю. Никакой обиды они здѣсь не получаютъ, никакого грубаго слова не услышатъ...

Второе изъ предложенныхъ выше правилъ—о томъ, что не слѣдуетъ благотворить нищимъ изъ чужихъ приходо-
вѣвъ, можетъ показаться благотворителямъ нѣсколько черствымъ. Дѣйствительно, мы должны сознаться, что оно противорѣчить принятымъ у насъ, русскихъ, способамъ благотворительности, когда копейки подаютъ всякому первому встрѣчному, возлагая на его собственную нравственную отвѣтственность то, пропѣетъ ли онъ эти копейки, или купить на нихъ кусокъ хлѣба своимъ маленькимъ голоднымъ дѣтямъ. Но предложенное правило можетъ показаться черствымъ только съ перваго взгляда. Дѣло въ томъ, что всякiй благотворитель долженъ не только помо-

гать нуждающимся, но, насколько возможно, и противодействовать нуждѣ. Мы должны не только уменьшать пролетаріатъ чрезъ подачу милостыни и благотворительность, но и противодействовать всячески его развитію и процвѣтанію. Вредъ, происходящій отъ неразборчивой и, такъ сказать, халатной милостыни и благотворительности слишкомъ очевиденъ, чтобы объ этомъ нужно было много говорить. При нашей халатной благотворительности милостыней пользуются пропойцы, праздношатающіеся и бездѣльники, а дѣйствительно нуждающіеся люди, слабые, больные, обремененные большими семьями, которыхъ они не въ состояніи прокормить работой, часто даже и не осмѣливаются обращаться къ этой халатной благотворительности въ виду, если такъ можно выразиться, сильной конкуренціи лицъ наглыхъ, пьяныхъ или проходимцевъ, дѣлающихъ изъ своего нищества ремесло. Многие благотворители дѣлаютъ постоянную ошибку, благотворя людямъ, которыхъ совсѣмъ не знаютъ. Извѣстны и такіе благотворители, которые, въ какихъ бы то ни было видахъ, стараются озолотить чуть ли не все человѣчество, а между тѣмъ люди, которые живутъ рядомъ съ ними, держатъ постоянно въ черномъ тѣлѣ и не только не стремятся уменьшить окружающей ихъ нищеты, а, напротивъ, изъ этой-то именно нищеты и выжимаютъ послѣдніе соки, всячески ее прижимаютъ и эксплуатируютъ. Есть богатые помѣщики, которые жертвуютъ тысячи на разныя благотворительныя дѣла, на устройство пріютовъ, больницъ и проч., а между тѣмъ крыши у крестьянъ, живущихъ поблизости отъ ихъ имѣній, совсѣмъ раскрыты, среди крестьянъ царитъ самая жалкая нищета, не возбуждающая однако ничего, кромѣ презрѣнія и отвращенія со стороны такихъ мнимыхъ благотворителей. У насъ, говорятъ, есть даже люди, которые жертвуютъ большія деньги римскому папѣ, обездоливая и презирая своихъ, своимъ потомъ и кровію создававшихъ ихъ счастье и благополучіе, ближнихъ. Господинъ или госпожа, слывшіе въ широкихъ и высокихъ кругахъ незаурядными филантропами, воспрепятствуютъ какому-нибудь бѣдному мужику, бывшему своему крѣпостному, проѣхать съ возомъ по шоссе на дорогѣ мимо своего имѣнія. Фабрикантъ жертвуетъ на дѣла благотворенія сотни тысячъ и даже миліоны, а его собственные рабочіе живутъ у него и въ грязи, и въ холодѣ, и въ голодѣ, и въ крайней нищетѣ. Въ Петербургѣ устраи-

ваются помѣщиками и вообще богатыми людьми благотворительные базары, а въ это время между прикащикомъ въ деревнѣ и бѣдными мужиками, которые стоятъ предъ нимъ безъ шапокъ, происходитъ такой примѣрно разговоръ:

— Карлъ Карлычъ, ужъ вы дайте намъ скосить полосу за болотомъ у Есакова, — все равно вамъ она не нужна. А мы вамъ заслужимъ.

— А чѣмъ ты мнѣ заслужишь? спрашиваетъ на своемъ жаргонѣ Карлъ Карлычъ. Я тебѣ не вѣрю. Ты меня обманешь еще въ запрошлый годъ.

— Не обманемъ, Карлъ Карлычъ, будьте милостивы...

— Нѣтъ, не дамъ. Пусть лучше сгниетъ все, а тебѣ не даю. Ты только и знаешь, что пьянствуй. Коли Богъ убилъ, такъ тебѣ никто помочь не станетъ. Самъ виноватый. Не дамъ.

Такъ полоса и гниетъ, а мужикамъ негдѣ накосить сѣна. Подобные случаи нерѣдки. Намъ пришлось однажды гулять по осиновому лѣсу, принадлежащему одной помѣщицѣ. На землѣ валялось множество осиновыхъ деревьевъ безъ всякаго порядка, которыя гнили. Чтобы это значило? Дѣло разъяснилъ одинъ мужичекъ. По лѣсу, сказалъ онъ, ходить можно. Но бѣда, если кто-нибудь возьметъ валяющуюся осину: засудятъ. Такъ лѣсъ этотъ постепенно и гниетъ. Сама барыня, — владѣлица имѣнія, — имъ не пользуется, на что ей эти осины? Но и другіе брать не смѣй, даже нищѣ. Такъ лѣсъ и гниетъ безъ всякой пользы...

Карлы Карлычи, завѣдующіе и управляющіе имѣніями, представляютъ изъ себя истинно-русское зло. До Карла Карлыча имѣніемъ управляетъ какой-нибудь Сидоръ Карповъ, который постоянно мирволитъ мужикамъ, дастъ имъ и покосцу покосить, и «подстоину», въ случаѣ нужды, срубить и рыбки въ барскихъ прудахъ половить. Мужики, конечно, въ долгу не остаются и отношенія вообще хороши. Но барину-помѣщику все это не нравится. Ему кажется, что имѣніе его подвергается расхищенію. И вотъ появляется вмѣсто Сидора Карпова Карлъ Карлычъ, который отличается строгими взглядами на собственность. Онъ проводитъ межи тамъ, гдѣ прежде ихъ не было, на всѣхъ лѣсныхъ дорогахъ прибавляетъ доски съ надписями: «собираніе грибовъ и ягодъ строго воспрещается» и проч. и проч. Барская собственность охраняется строго, забирается даже крестьянская курица, если она по ошибкѣ

зайдетъ въ барскій садъ или огородъ, и выдается только послѣ штрафа или выкупа. Если бы эта охрана имѣнія клонилась въ пользу барина, то мужикъ съ этимъ, можетъ быть, еще и помирился бы. Но онъ хорошо понимаетъ, что Карлъ Карлычъ, охраняя барскую собственность, на самомъ дѣлѣ эксплуатируетъ и самого барина, который вполне довѣряется ему по своей русской простотѣ и халатности. Въ результатъ — у Карла Карлыча свой собственный домикъ въ городѣ на хорошей улицѣ, или же онъ отправляется за границу, на родину, и живетъ тамъ припѣваючи, а помѣщикъ и крестьяне, послѣ его отъѣзда, видятъ, что они въ конце раззорены. Не говоримъ единственною, но одною изъ причинъ образованія деревенскаго пролетаріата бываетъ это хозяйничанье Карла Карлыча. Если бы помѣщики заботились, не задаваясь высшими цѣлями облагодѣтельствовать все человѣчество, о томъ, чтобы окружающіе ихъ ближайшіе сосѣди—крестьяне не впадали въ нищету, то, какъ намъ кажется, много золъ, происходящихъ отъ этой нищеты и развиваемой ею злобы, прекратилось бы.

Деревенскій пролетаріатъ направляется въ городъ, въ надеждѣ найти тамъ себѣ заработокъ. Это, конечно, многимъ удается, но многимъ приходится въ городѣ оставаться «на днѣ». Многие, даже и найдя себѣ работу, постепенно бѣднѣютъ отъ разныхъ причинъ и пополняютъ собою ряды нищихъ. Они должны выходить на улицу и просить милостыни, если только ихъ не приютитъ рабочій домъ или благотворительное учрежденіе. Однажды испробывавъ если не прелесть, то, по крайней мѣрѣ, безответственность и сравнительную привольность безработнаго житья отъ добровольныхъ пожертвованій, хотя бы и незначительныхъ («съ міру по ниткѣ, голому рубашка»), нищіе уже не легко принимаются за работу, если бы она была имъ и предоставлена, и во всякомъ случаѣ, сдѣлавшись профессиональными нищими, они ни въ какомъ случаѣ не пожелали бы промѣнять городского нищенства на нищенство деревенское. Этимъ объясняется, почему никакія полицейскія мѣры, вродѣ, на примѣръ, высылки въ деревню, не ведутъ къ уменьшенію городского нищенства. Нищіе, отправленные въ деревню, скоро возвращаются въ городъ, ихъ опять высылаютъ, и они опять возвращаются. Понятно, что единственнымъ противодѣйствіемъ такого рода профессиональному нищенству

можетъ служить только правильно поставленная городская благотворительность. Все иное ведетъ не къ уменьшенію нищенства, а къ его увеличенію, и, слѣдовательно, ложно по самому своему принципу. Намъ кажется, что если бы благотворительность сосредоточилась въ приходахъ,—что, конечно, отнюдь не служить помѣхой и другимъ родамъ благотворительной дѣятельности, напримѣръ дѣятельности городскихъ попечительствъ,—то зло, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ, сильно должно было бы уменьшиться. Каждый приходъ помогаетъ только *своимъ* нищимъ, которыхъ онъ хорошо знаетъ, и не считаетъ себя обязаннымъ помогать нищимъ изъ другихъ приходо́въ до тѣхъ поръ, пока въ его собственной средѣ не останется ни одного нищаго. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что при такомъ порядкѣ благотворительности, въ городѣ возможно образованіе такихъ приходо́въ, въ которыхъ не будетъ ни одного нищаго. Если бы, допустимъ, такихъ приходо́въ образовалось до двадцати или даже до десяти, то и это было бы большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ борьбы съ нищенствомъ. Во всякомъ случаѣ мы имѣли бы нѣсколько, такъ сказать, образцовыхъ приходо́въ, въ которыхъ не существуетъ нищенства. Но что же дальше? Должны ли приходскія попечительства или частные благотворители совершенно прекратить свою дѣятельность, когда увидятъ, что въ ихъ приходахъ нищихъ болѣе не существуетъ? На это можно отвѣтить, что нѣтъ. Во первыхъ, потому, что отъ появленія новыхъ нищихъ въ приходѣ послѣ ихъ исчезновенія ни одинъ приходъ не гарантированъ, а это обуславливаетъ необходимость накопленія сбереженій на случай появленія вновь нищенства. Такія сбереженія, при правильной, конечно, постановкѣ дѣла, могли бы даже навсегда обезпечить нѣкоторые приходы отъ появленія въ нихъ нищихъ, такъ сказать, застраховать приходы отъ этого зла. Во вторыхъ, при избыткѣ благотворительныхъ средствъ въ какомъ нибудь приходѣ (приходскомъ попечительствѣ), что мѣшало бы этому приходу удѣлять отъ своихъ щедротъ другимъ, болѣе бѣднымъ и богатымъ нищими приходамъ? Разница между существующей у насъ халатной благотворительностью и указанною постановкой дѣла заключалась бы въ томъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ благотворенія направлялись бы въ правильное русло, расходовались бы осмотрительно и осторожно на дѣйствительныя нужды и не

служили бы поощреніемъ попрошайничества, пьянства и праздности, а это, въ свою очередь, повело бы также къ сильному сокращенію контингента нищихъ. Единственное возраженіе, которое можно *придумать* противъ такой постановки дѣла, заключается въ томъ, что голь, какъ извѣстно, хитрая на выдумки, будетъ селиться только въ тѣхъ приходсахъ, въ которыхъ уже есть нищіе и гдѣ, слѣдовательно, должна быть въ дѣйствиі приходская благотворительность. Такіе случаи вполнѣ возможны. Бѣдная женщина приходитъ въ первый разъ въ приходское попечительство съ просьбою о помощи и ее спрашиваютъ: гдѣ ты жила прежде?—Тамъ-то, отвѣчаетъ она.—Зачѣмъ же ты сюда переѣхала? На что глядя?—Переѣхала потому, что тамъ, гдѣ я жила, не помогаютъ бѣднымъ, а у васъ помогаютъ.—При разборѣ этого случая сразу же, однако, дѣлается очевиднымъ, что онъ относится къ исключительнымъ случаямъ, потому что, если можно такъ выразиться, искусственное и намѣренное переселеніе на жительство нищихъ въ приходы, «гдѣ помогаютъ», далеко не легко,—такъ не легко, что такихъ случаевъ, хотя они и бывають, можно даже совсѣмъ не принимать въ расчетъ въ дѣлѣ приходской благотворительности. Еще менѣе возможны такіе случаи, когда весь приходъ превратился бы въ нищихъ, потому что нищенство, какъ и другіе социальныя явленія, развивается и процвѣтаетъ только въ силу извѣстныхъ законовъ, и случайностей тутъ, говоря вообще, почти не бываетъ.

Изъ сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы: заботьтесь прежде всего о нищихъ только своего прихода, имѣющихъ въ немъ постоянное жительство. Если въ вашемъ приходѣ есть два или даже одинъ нищій, то вы не имѣете *нравственного* права помогать нищимъ изъ другихъ приходовъ, вамъ неизвѣстныхъ. Если вы достигнете такого благополучія, что около васъ совсѣмъ не будетъ нищихъ, то, принимая мѣры на случай новаго появленія нищенства, вы имѣете нравственное право благотворить и чужеприходнымъ нищимъ, *непретменно* заботясь о томъ, чтобы ваши благотворенія и пожертвованія направлялись по правильному пути. Всякая халатность въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно вредна и потому должна быть оставлена.

МИХАЙЛОВСКІЙ ЗЛАТОВЕРХІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ КІЕВѢ.

Михайловскій-Златоверхій монастирь.

(Къ 800-лѣтію его существованія).

Среди кіевскихъ святынь Михайловскій Златоверхій монастырь выдѣляется своей глубокой древностью. Если позволительно сравненіе,—это баобабъ, исконный жилецъ міра; и какъ баобабъ составляетъ гдѣ-нибудь въ пустынь предметъ богатства кочующей семьи, которая дорогою цѣною продаетъ страннику воду, такъ и кіево-михайловская святыня есть предметъ богатства нашей родины, ибо она поитъ живою водою человѣческія души.

Сотни богомольцевъ, непрерывно стремящихся въ высокій Кіевъ, направляются послѣ Лавры къ святымъ вратамъ Михайловскаго Златоверхаго монастыря, странно-пріимница котораго всегда, поѣтому, кишитъ народомъ. Въ обители этой почиваютъ мощи святой Варвары-великомученицы, и на поклоненіе мощамъ-то являются православные люди; въ особенности бываетъ многолюдно по вторникамъ, когда читаютъ акаѣисты «Варварѣ, невѣстѣ Христовой прекрасной». Начало этимъ акаѣистамъ положилъ кіевскій митрополитъ Іоасафъ, самъ и сложившій акаѣистъ.

Судьба этого высокопреосвященнаго не совѣмъ обыкновенна: Іоасафъ (Кроковскій) былъ посвященъ въ кіевскіе митрополиты въ 1708 году, когда гетманъ Мазепа, пользовавшійся, какъ никто больше, довѣренностію московскаго правительства, добровольно шелъ къ бездонной пропасти и подъ анаѣему. Іоасафъ былъ посвященъ въ тайны гетмана, и легко понять, что ожидало высокопостав-

леннаго монаха, если бы онъ остался до конца сторонникомъ Мазепы; но Іоасафъ во-время спохватился. Вмѣстѣ съ другими святителями онъ произнесъ «анаѳему» измѣннику и сталъ увѣщевать малороссіянъ оставаться вѣрными Петру. Этимъ онъ искупилъ свою вину и могъ успокоиться, хотя не навсегда: митрополитъ Іоасафъ оказался замѣшаннымъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя.

Іоасафъ познакомился съ сыномъ царя Преобразователя, вѣроятно, въ 1709 году, когда Алексѣй Петровичъ водилъ въ Украину новыхъ рекрутъ. Очевидно, что знакомство перелилось въ болѣе тѣсную духовную связь, и, какъ пишетъ А. Г. Брикнеръ, — «князь Голицынъ доставлялъ царевичу книги отъ кievскихъ монаховъ и сообщалъ ему, что они исполнены къ царевичу любви и преданности». Когда рѣшалась участь царевича, и къ розыску были привлечены сочувствующіе ему, то въ числѣ ихъ оказался и кievскій митрополитъ. Іоасафа позвали въ «Петербургъ», но дорогою оно скончался въ Твери (1718 г.).

Впрочемъ, митрополитъ Іоасафъ оставилъ по себѣ вѣчную память въ Михайловскомъ монастырѣ не только составленіемъ акаѳиста святой Варварѣ-великомученицѣ, но и устройствомъ иконостаса въ трапезной церкви св. Іоанна Богослова. Полагаютъ, что и самая церковь воздвигнута имъ-же. Вообще, обитель насчитываетъ нѣсколько благотворителей съ извѣстными фамиліями. Вы уже издали видите семь золотыхъ главъ монастыря, плавающихъ въ благодатномъ воздухѣ; главный куполь несетъ къ облакамъ блестящій крестъ, о который крѣпко держится двухглавый орелъ, —этотъ символъ власти и силы. По преданію, этотъ орелъ поставленъ на крестѣ Богданомъ Хмѣльницкимъ послѣ сліянiя Малороссiи съ Москвою.

Какъ внушительнъ памятникъ ему на Софійской площади! Могучій конь вознесъ гетмана на скалу, сплошь обросшую виноградной зеленью. Хмѣльницкій вперилъ свой взоръ на Софійскій соборъ; въ божественной Премудрости ищетъ онъ истолкованiя своему дѣянiю, кото-

рое «единая, недѣлимая Россія» сумѣла оцѣнить достойно, но котораго не могли простить ему, даже мертвому, поляки. Чарнецкій, ихъ полководецъ, захвативши Субботово, приказалъ выбросить на поруганіе Богдановы кости, такъ что странно читать на южной стѣнѣ субботовскаго храма: «здесь покоится прахъ Богдана Хмѣльницкаго».

Закрѣпивъ орла на крестѣ и позолотивъ куполь, Богданъ Хмѣльницкій дарить монастырю «село Выгуровщину съ ставами» ¹⁾, сѣножатми, озерами, полями и иными всѣми акциденціями... ²⁾ зъ арендами вшелякими ³⁾ такъ пивными, яко медовыми и горилчаными ⁴⁾ (Копія актовъ). Гетманъ строго воспрещаетъ казакамъ «жебы ⁵⁾ въ жадные наименьшіе провента не встручали, а не жадными шинками не бавили». И малороссійскіе гетманы, и казацкая старшина,—пишетъ монастырской историкъ,—старались усердно вознаградить монастырь за его потерю, памятуя, быть можетъ, его заслуги православію во время уніи. Хмѣльницкій, Выговскій, Юрій Хмѣльницкій (сынъ Богдана), Брюховецкій, Мазепа и т. д., однимъ словомъ—чуть не каждый гетманъ прибавляетъ что-нибудь отъ себя къ монастырскому достоянію.

Но гетманы ли только и казацкая старшина «прибавляли что-нибудь въ монастырскому достоянію»?

Старались и другіе.

Войдемъ въ монастырь. На чистомъ дворѣ, подъ тѣнью деревьевъ, отдыхаютъ богомольцы. Говорить ли, что это сплошь крестьяне и крестьянки; усталыя, загорѣлыя, осунувшіяся лица и говоръ съ множествомъ оттѣнковъ даютъ понять безъ паспортовъ, что это уроженцы противоположныхъ концовъ Россіи; можетъ-быть, именно тѣ праведники, ради

¹⁾ Прудами.

²⁾ Акциденція—приважденность.

³⁾ Вшелякій—всякій.

⁴⁾ Горилчанный—водочный.

⁵⁾ Жебы—чтобы. „Чтобы не вмѣшивались ни въ какія малѣйшія выгоды и отнюдь не пользовались шинками“.

которыхъ Богъ щадить Содомы и Гоморры... Кажется, это единственные молитвенники за себя, т. е., за деревню, и за города, гдѣ собрано столько памятниковъ человѣческаго ума, и куда стремится «соль Русской земли», но гдѣ религиознымъ чувствамъ и христіанской настроенности находится все меньше мѣста. Войдемте туда, откуда вышли отдыхающіе паломники: въ предѣль святой великомученицы Варвары, въ Златоверхомъ Михайловомъ храмѣ.

Настоящій придѣль постройки поздней. Первоначально придѣль во имя святой Великомученицы находился въ сѣверномъ боковомъ полукружии. Въ концѣ семнадцатого вѣка генеральный судья Михаилъ Вуяхевичъ, въ послѣдствіи Печерскій архимандритъ Мелетій, выстроилъ особый придѣль: «пригради къ ветхой архангельской церкви». Придѣль этотъ былъ низокъ, ниже середины, и князь Д. Голицынъ возвысилъ его до настоящей высоты. Стѣны въ немъ расписаны при преосвященномъ Иринеѣ въ 1818 году, и нынѣ живопись эта обновлена. Иконостасъ устроенъ въ 1877 году московскимъ купцомъ Зенинымъ (старобрядцемъ?) Онъ трехъ-ярусный, золоченый ¹⁾.

Посрединѣ придѣла, въ чугунной оградѣ, красуется пышная серебряная сѣнь: колонны съ ангелами возвышаются отъ тумбъ, тоже украшенныхъ ангельскими головками. Сквозной, изящный куполъ опускается на эти колонны, вѣнчаясь золоченой короною, подъ которою, въ сіяніи, читается: *Богъ*. И на куполѣ—херувимы и серафимы. Подъ сѣнью на серебряномъ пьедесталѣ опять-таки съ херувимами съ изображеніемъ страданій поставлена серебряно-позлащенная рака. «Она имѣетъ длины два аршина и три вершка, глубины пять вершковъ и ширины у главы восемь вершковъ и у ногъ шесть вершковъ. Внутри она обита малиновымъ бархатомъ. Съ наружной стороны крышки, во всю длину ея изображена рельефно св. Великомученица въ мертвенномъ положеніи съ крестомъ въ рукахъ,

¹⁾ „Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь“, К. 1889, стр. 99.

сложенныхъ крестообразно, съ вѣнчикомъ на главѣ, украшеннымъ драгоценными камнями. Вокругъ главы другой вѣнчикъ, усыпанный мелкими стразами. Съ внутренней стороны къ крышкѣ привинчена серебряная доска съ выгравированнымъ изображеніемъ св. Варвары. На четырехъ наружныхъ сторонахъ раки изображены рельефомъ страданія св. Великомученицы, а на углахъ вверху по ангелу».

Эрихъ Лассота, отправленный римскимъ императоромъ Рудольфомъ II къ запорожцамъ въ 1594 году, отмѣтилъ въ своихъ «путевыхъ запискахъ», обозрѣвая Кіевъ: «Надъ срединою этого прекраснаго зданія (церкви св. Михаила) возвышается круглая башня съ вызолоченною крышею; хоры на внутренней сторонѣ украшены мусією, а полъ вымощенъ маленькими цвѣтными камушками. На лѣвой сторонѣ отъ дверей, ведущихъ въ главный алтарь, покоятся въ деревянномъ гробѣ смертные останки св. дѣвы Варвары, царской дочери, имѣвшей около 12 лѣтъ отъ роду, какъ казалось, судя по ея росту. Тѣло ея цѣло и все покрыто тонкимъ полотномъ, за исключеніемъ ногъ, къ которымъ я прикасался и нашелъ ихъ совершенно крѣпкими и цѣлыми. На голову ея возложена деревянная вызолоченная корона». Лѣтъ 60 спустя (1653 г.) въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ довелось быть извѣстному діакону Павлу Алепскому, и онъ отзывался о сѣни, какъ о прекрасной сѣни. «Когда Вуяхевичъ построилъ особый придѣлъ, то св. мощи были, конечно, перенесены тоже туда, но оставалась-ли надъ ними сѣнь,— неизвѣстно. Князь Голицынъ, перестроивши этотъ придѣлъ, устроилъ для мощей особую каменную площадку посреди церкви. Въ 1775 году иждивеніемъ статскаго совѣтника Шубскаго была устроена новая сѣнь, рѣзная, деревянная, позолоченная, поддерживаемая четырьмя ангелами». (Кіево - Златоверхо - Михайл. монастырь. Стр. 99—100).

Взамѣнъ этой сѣни была воздвигнута новая, которая шась встрѣчаетъ теперъ. Ее воздвигла одна изъ замѣча-

тельныхъ русскихъ женщинъ, графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. Что она не была зауряднымъ человекомъ, это ясно изъ того, что многіе относились и относятся къ ней съ враждебностью. Ея портретъ обыкновенно набрасывается съ помощью мрачныхъ красокъ; ей какъ бы не прощаютъ подчиненія ея вліянію архимандрита Фотія и обильныхъ жертвъ монастырямъ, которыхъ она знала до 400, но мнѣ вѣрится въ характеристику графини, сдѣланную Н. В. Басаргинымъ. «Графиня, какъ извѣстно ея современникамъ, была женщиной исключительно предавшейся набожности. Все ея богатство шло на добрыя дѣла, церкви, монастыри и т. д. Конечно, въ ея образѣ жизни много было восторженнаго, не совсѣмъ рациональнаго, но нельзя было отказать ей въ большихъ нравственныхъ достоинствахъ, нельзя было сомнѣваться въ чистотѣ ея убѣжденій, въ добродѣтельныхъ дѣяніяхъ и въ искренности религиозныхъ чувствъ. Она какъ-будто обрекла себя, какъ искупительная жертва, памяти своего родителя. Все время свое она посвящала молитвѣ, поклоненію св. угодникамъ и бесѣдѣ съ духовными лицами обо-его пола, изъ которыхъ нѣкоторыя не совсѣмъ прямодушно пользовались ея особенною благосклонностію и неограниченною довѣренностію». (Девятнадцатый Вѣкъ, кн. первая, стр. 195).

На сѣнь ушло 14 пуд. 18 фунт. 28 зол. серебра, и даръ своею красотою является достойнымъ святыхъ мощей, судьбу которыхъ А. Н. Муравьевъ, этотъ «Андрей незваный», какъ его называло допекавшееся имъ кіевское духовенство, назвалъ странною судьбою.—«Странная судьба священныхъ мощей Великомученицы!—Изъ родственнаго Иліополиса, отъ подошвы горъ Ливанскихъ, приплыла она въ Царьградъ и оттолѣ послѣдовала за соимянною ей царевною греческою, супругою великаго князя Святополка, въ новопросвѣщенный вѣрою Кіевъ, гдѣ устроилась для нея златоверхая обитель. Настала гроза монгольская, и скрыты были мощи подъ ступенями столпа

церковнаго; миновалась гроза, и вотъ онѣ опять возсіяли изъ-подъ спуда... Собственно говоря, это судьба многихъ св. мощей на Руси...

Въ рагѣ положена рукопись св. Димитрія Ростовскаго о чудесахъ св. Варвары и письмо св. Тихона Задонскаго.

Среди лампадъ—одна золотая, даръ Екатерины II, съ брилліантовой и жемчужной кистью. Замѣчательна своимъ украшеніемъ икона съ изображеніемъ усѣченной главы св. Варвары великомученицы. Риза сверкаетъ драгоценными камнями, перстнями, фермуарами, принесенными отъ имени императрицъ Анны и Елизаветы, царевны Анны Петровны; Шереметевой, Орловой-Чесменской, Галаганъ, Демидовой, Платовой и мн. др.

Однако, далѣе восемнадцатаго вѣка драгоценныя вещи не идутъ; это оттого, что восьмисотлѣтняя судьба монастыря вовсе не можетъ быть названа, какъ главы его, золотою. Отъ кого только онъ не терпѣлъ! Историкъ обители, не стѣсняясь, говорить, что «грабили ее свои русскіе князья, грабили татары, грабили и игумены Подоприсвѣтъ, Кызаревичъ»... А польско-еврейская кабала!.. Вѣдь извѣстно, что первоначальный проектъ памятника Хмѣльницкому требовалъ, чтобы Микѣшинъ изобразилъ гетмана на конѣ попирающимъ тѣла еврея, поляка и іезуита. Это многовѣковой тріумвиратъ, «дѣлавшій» исторію Кіевской земли... Но славянское прекраснодушіе «отпустило долги должникамъ нашимъ», и вотъ гетманскій конь попираетъ природу (скалу)—и какую природу! затканную виноградомъ! А еврей, полякъ и іезуитъ твердо стоятъ на ногахъ и исподтишка усмѣхаются, можетъ быть, надъ храбрымъ гетманомъ.

Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь основанъ 11 іюля 1108 года княземъ Святополкомъ II Михайломъ, который заложилъ въ Ольгинъ день каменную церковь въ честь архангела Михаила, «скоро потомъ кончилъ ее,

дивно украсилъ мусією и устроилъ при ней Михайловскій монастырь». На нынѣшней Михайловской горѣ «заложена бысть церкъя святаго Михаила Златоверхая», сказываетъ лѣтопись.

Великій князь кіевскій Святополкъ II Изяславичъ, въ крещеніи названный Михаиломъ, былъ, по свидѣтельству исторіи, человекъ коварный, слабый и корыстолюбивый, что, однако, не мѣшало ему пылать религіознымъ рвеніемъ. Черезъ пять лѣтъ по основаніи Михайловскаго монастыря 63-хъ лѣтній великій князь скончался, и такъ какъ монастырскій храмъ былъ уже построенъ и освященъ, то прахъ Святополка, какъ и супруги его, Варвары, погребли въ этомъ храмѣ.

Въ настоящее время объ могилы (въ запад. притворѣ средняго корабля) указываются лишь «по преданію». Средній храмовой корабль, сохранившій древнія мозаики, есть наслѣдіе святополкова времени. Подъ его сводами сомкнулись восемь, смѣнявшихъ другъ-друга, вѣковъ. Великолѣпіемъ Златоверхая церковь отличалась еще на первыхъ порахъ. Въ ризницѣ мозаики на это указываютъ, или намекаютъ.

Послѣ кончины князя—храмоздателя и щедраго благодетеля начались для обители тяжкія испытанія, которыя подвигались вообще къ Кіеву историческимъ сцѣпленіемъ вещей. Какъ жила обитель съ 16 апрѣля 1113 г., т. е. кончины Святополка, до 16-го вѣка, объ этомъ не имѣется не то что подробныхъ, но даже безспорно достоверныхъ свѣдѣній. Очевидно, что ея свѣтъ и тѣни, горе и радости сливались и вполне зависѣли отъ того или другого состоянія юго-западной Руси. Но уже нашествіе и неистовства монголовъ, усобицы князей, половецкіе вихри, наѣзды татаръ и литовское самоуправство,—уже всего этого достаточно, чтобы представить себѣ, каково тогда жилось монастырямъ и, въ частности, Златоверхому.

Чуждыя православію и кротости души находили и ис-

пытывали удовольствіе, разрушая или оскверняя, или калѣча священные наслѣдія прежнихъ столѣтій... Легко сказать, «весь старый Кіевъ лежалъ въ развалинахъ почти до восемнадцатаго столѣтія!» Малороссійскія лирическія и эпическія пѣсни, относяціяся къ этимъ временамъ, полны безысходной тоски, грусти и скорби. Если не обойтись безъ сравненія, то я бы сказалъ, что тогда юго-западная Русь была похожа на солнце, которое пили змѣи. Есть такое повѣрье у великороссовъ коренной Россіи.

Во времена уніи Златоверхій монастырь долженъ былъ напрягать крайнія усилія, чтобы не попасть въ руки уніатовъ; и онъ сохранилъ свою православную независимость.

Лучшіе, свѣтлые дни настали для него, когда игуменомъ его сталъ Іовъ (въ мірѣ Иванъ Матвѣевичъ) Борецкій, сынъ Галицкой земли. Эпитафія, приводимая Кальнофой-скимъ въ его «Teraturgia», представляетъ во весь ростъ этого дѣятеля, котораго ненавидѣли уніаты, и не жаловало «правительство», а оба вмѣстѣ обзывали поносными прозвищами: шпіонъ... возмутитель...

Вотъ эпитафія:

«Въ церкви св. архангела Михаила Златоверхаго (которую возобновилъ) Россіяне своего митрополита, дѣти отца, братія игумена, студенты мецената, убогіе милостивца, соединившись, съ взаимнымъ плачемъ, похоронили, положили и написали. 1631 года мѣсяца марта 2 дня, въ среду 2 недѣли поста.

Короли—властью,
 Богатые—сокровищами,
 Совѣтники—совѣтами,
 Іовъ Борецкій Митрополитъ—
 Благочестіемъ.
 Богатые—имуществами,
 Паны—войсками,
 Прелаты—пребендами ¹⁾,

¹⁾ Пребенды то же, что польскій fundusz: крѣпостной актъ, фондъ, капиталъ и т. д.

Іовъ Борецкій Митрополить
 Милостію Божією;
 Могуществомъ—рыцари,
 Товарами—купцы,
 Прибытками—земледѣльцы,
 Іовъ Борецкій Митрополить
 Добровольной бѣдностью;
 Богословы—писаніями,
 Философы,—природою,
 Математики—небомъ,
 Іовъ Борецкій Митрополить
 Милостынею

красуется, и когда щедрый управитель обильно раздаеть убогимъ, то все отъ Бога—небо, природу, писанія, прибытки, товары, могущество, пребены, села, достатки, совѣты, сокровища, власть, счастливый старецъ счастливо наслѣдуетъ».

«Іовъ, Борецкій Митрополить» (съ 1620) возстановилъ изъ развалинъ Михайловскій монастырь и ревностно принялся, въ качествѣ игумена (съ 1618), за украшеніе его. Это дѣлалось имъ рука-объ-руку съ возвеличеніемъ православія и съ борьбою съ униатами. И вотъ еще что: именно «съ его времени монастырь дѣлается какъ-то ближе къ народу, начинаетъ болѣе усердную службу на пользу этого народа, и тѣмъ самымъ становится ему дороже»... Съ этого времени начинается особенное тяготѣніе къ Златоверхому монастырю со стороны казачества и вообще мірянъ. Тутъ хорошо и умѣстно привести нѣсколько строкъ изъ Хомякова: «монастыри... служили разсадникомъ всякаго знанія; вліяніе иноческихъ обителей и ихъ духовной жизни давало высшее направленіе всему просвѣщенію старой Руси. Бесѣда и, такъ сказать, видъ одинъ мужей, посвятившихъ всю жизнь свою созерцанію началъ вѣры (началь по преимуществу цѣльныхъ и полныхъ) должны были возвращать къ равновѣсію и согласію всѣхъ душевныхъ силъ мысль и чувство членовъ мірскаго».

общества». Этими словами исчерпывается и смысл, и значение и Михайловской обители. Смерть митрополита Іова взбаломутила спокойную гладь монастырскаго существованія: началась борьба за митрополичій столъ, но это не отразилось на духовной, такъ сказать, прочности и на значеніи монастыря, которыя только укрѣплялись временемъ.

Казачество, гетманы (Скоропадскій и поименованные выше), царь Алексѣй Михайловичъ и другіе щедро надѣляютъ монастырь угодьями, землей, то тѣмъ, то другимъ; онъ умножается пристройками, такъ что въ настоящее время Михайловскій Златоверхій монастырь, подобно другимъ, представляетъ собою священный уголокъ и вмѣстѣ значительное хозяйство, гдѣ имѣютъ пребываніе викаріи кievской епархіи, именно: епископы чигиринскіе. Теперь обитель занимаетъ около пяти десятинъ; посмотрѣть со стороны — какой - то своеобразный улей, надъ которымъ царитъ трехъярусная колокольня. Ею осѣняются четыре храма.

Въ соборѣ («Златоверхомъ Михайловомъ»), съ придѣлами: свв. Екатерины, Варвары и во имя Введенія Богоматери во храмъ, кромѣ живописи вообще, достойны особеннаго вниманія древнія фрески на столбахъ алтарной арки; возстановленіемъ ихъ мы обязаны бывшему настоятелю, еп. Іерониму (Экземплярскому) и вѣрному другу отечественной старины А. В. Прахову.

Замѣчательенъ образъ св. архистратига Михаила, направо отъ царскихъ вратъ. Онъ осыпанъ драгоценными камнями. Этимъ образомъ,—по словамъ Муравьева,—«ознаменовалось благочестіе императора Александра, въ залогъ благодарности къ Господу, спасшему его державу отъ нашествія иноплеменныхъ. Возвратясь побѣдителемъ изъ умиренной имъ Европы, онъ принесъ ¹⁾ въ колыбель вѣры отеческой, въ древнюю обитель архистратига небес-

¹⁾ Въ 1817 году.

ныхъ Силь сію драгоцѣнную икону...» — «Св. архистратигъ изображенъ съ опущеннымъ внизъ мечомъ въ видѣ торжествующаго побѣдителя. У ногъ его сатана, уходящій въ раскрытую пропасть, на скалахъ которой отражается зарево вѣчнаго огня. Изображеніе это, по словамъ Закревскаго ¹⁾, есть весьма близкое подражаніе классической картинѣ Рафаэля...» ²⁾ Золотая риза на иконѣ представляетъ собою арку съ колоннами; она вѣситъ 10 фунтовъ и заключаетъ въ себѣ 2280 брилліантовъ, 677 розъ, 301 алмазъ, 16 хризолитовъ, 298 бирюзовыхъ камней.

Въ придѣлѣ св. Екатерины, устроенномъ на средства Петра Великаго, есть рака съ частицами мощей многихъ св. угодниковъ.

Направо отъ главнаго собора стоитъ трапезная церковь во имя св. Іоанна Богослова... на мѣстѣ бывшей женской обители. Въ трапезной церкви нѣтъ достопамятностей, какъ нѣтъ ихъ и въ Крестовой Николаевской, но объ церкви хранятъ живыя печати заботъ о благолѣвіи епископа Іеронима.

При страннопріимницѣ устроена церковь во имя Одигитрѣвской Божіей Матери.

У монастыря есть скитъ Теофаніевскій, въ урочищѣ Лазаревщинѣ; въ этомъ скиту, со времени знаменитаго Иннокентія (Борисова), бывшаго (1836—41 гг.) по сану епископа чигиринскаго настоятелемъ Михайловскаго монастыря... — такъ, говорю я,—въ Теофаніевомъ скиту съ иннокентіевыхъ временъ, до тѣхъ поръ безыменныя возвышенности и потоки стали называться палестинскими именами: Фаворъ, Елеонъ, Кедронъ. Укажутъ вамъ, впро-

¹⁾ Н. Закревскій, „Описаніе Кіева“.

²⁾ Какъ извѣстно, Рафаэль, живя при дворѣ Урбино, написалъ для герцога Гвидобальдо св. Михаила. Идеей этого произведенія была побѣда архистратига надъ злыми чудовищами. Въ картинѣ Рафаэля сказалось его знакомство съ Дантовымъ „Адомъ“. Н. Закревскій правъ: между обоими произведеніями сходство легко улавливается уже при поверхностномъ наблюденіи.

чемъ, и Сянай. Какъ красиво! Пламенная фантазія русскаго Златоуста, который оставилъ послѣ себя увлекательныя «Послѣдніе дни земной жизни Иисуса Христа», крупную жемчужину въ большой сокровищницѣ его творчества, которую, однако, при жизни истинно - православнаго святителя нельзя было напечатать: до такой степени либеральнымъ считали этотъ трудъ!... Пламенная фантазія Иннокентія обвѣяла монастырскій скитъ и, придавъ его слагаемымъ библейскія названія, тѣмъ самымъ какъ бы приблизила родину Христа къ Кіеву, колыбели нашего христіанства.

Но не одно славное имя этого писателя - витіи украшаетъ длинный списокъ настоятелей Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря: игуменовъ, архимандритовъ и епископовъ; нѣтъ, кромѣ Иннокентія (Борисова) мы находимъ здѣсь имена: Варлаама Ясинскаго (1676—77), къ которому, безспорно, примѣнимъ эпитетъ: мудрый. (Жаль, что 200-лѣтіе съ кончины его (+1707) прошло въ тѣни: тотъ, кто сгоралъ въ заботахъ о процвѣтаніи кіевской духовной академіи и способствовалъ переводу съ греческаго на славянскій языкъ «Православнаго исповѣданія вѣры», не заслуживаетъ забвенія);—Ириней Фальковскаго, который «былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ іерарховъ своего времени и много писалъ на русскомъ, славянскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ: сочинялъ богословскіе трактаты, проповѣди, толкованія св. Писанія, трактаты и статьи по философіи, хронологіи, медицинѣ, астрономіи, высшей математикѣ, исторіи, географіи, статистикѣ, архитектурѣ, писалъ псалмы, тропари, стихиры, гимны и элегіи, составлялъ учебники и календари и проч.»¹⁾ Нераздѣльно съ именами Иннокентія, Варлаама, Ириней стоитъ имя замѣчательнаго археолога и историка Порфирія Успенскаго, чей трудъ: «Книга бытія моего», въ 8 томахъ,

¹⁾ Большая Энциклопедія, т. 10.

изданъ академіей наукъ, и у него, этого труда, не много подобныхъ ему книгъ. Это кропотливое, любовное, задушевно-беззавѣтное творчество разумныхъ кротовъ, Барсуковыхъ... а гдѣ они у насъ? Сидя въ своей тѣсной рабочей комнатѣ и перелистывая письменныя наслѣдія этихъ закатившихся звѣздъ, чувствуешь досаду, что вотъ существуетъ законъ, въ силу котораго въ одинъ мигъ долженъ прекратиться обмѣнъ веществъ и всѣхъ жизненныхъ процессовъ въ организмѣ, и мудрый становится трупомъ. Какая бы мудрость ни была заложена въ самый этотъ законъ, скорбная мысль все-таки не хочетъ и не въ состояніи мириться съ дорогими утратами. Я понимаю всю глубину скорби Гамлета на кладбищѣ, когда могильщики роютъ могилу для такого прелестнаго цвѣтка, какъ Офелія. Для меня не важны его насмѣшки и усмѣшки: ихъ заслоняетъ собою великая скорбь человѣческой души. Но можетъ быть, землѣ нужно все принимать и принимать въ себя мудрыхъ, нужно во имя непрерывнаго ея творчества? Въ такомъ случаѣ, хотя мало-мальски утѣшьте способныхъ скорбѣть тѣмъ, что давайте возможность имъ, когда захотятъ, любоваться лицами дорогихъ покойниковъ. Я бы вотъ очень хотѣлъ повѣсить на стѣнѣ, надъ письменнымъ столомъ, портреты Иннокентія, Ириней, Порфирія и Варлаама, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Положимъ, Иннокентіевъ портретъ имѣется у меня при собраніи его твореній, да развѣ я его вырву оттуда? ну, а остальные трое развѣ-что случайно попадутся на глаза у букиниста. Для этого надо то-и-дѣло навѣдываться къ букинистамъ. А развѣ вездѣ они по городамъ? Но отчего бы не продавать, да подешевле, портретовъ достопамятныхъ духовныхъ лицъ въ монастырскихъ книжныхъ лавкахъ? Когда я увидалъ могилу Варлаама Ясинскаго въ «великой церкви» кіевопечерской лавры возлѣ могилы Иннокентія Гизеля и когда узналъ, что Порфирій Успенскій скончался въ Москвѣ, управляя Новоспаскимъ монастыремъ, подумалъ я: «какая же связь сохранилась съ ними у Златоверхо-Михай-

ловскаго монастыря?» И до сегодняшняго дня я не знаю: есть ли связь, и погасла или тлѣетъ въ монастырскихъ стѣнахъ память о славныхъ...

— Нѣтъ ли въ продажѣ хоть какихъ нибудь портретовъ вашихъ бывшихъ настоятелей? — спросилъ я монаха, заведующаго книжною лавкою 800-лѣтняго монастыря.

— Нѣтъ!

Должно - быть, старая Русь была болѣе отзывчива и чутка, чѣмъ нынѣшняя. Старинныя лубочныя картинки вспомнишь; — почему называли ихъ въ Сибири паяками, а въ Осташковѣ богатырями? потому, говорилъ И. М. Снегиревъ, — что онѣ большею частью представляли лица богатырей, знаменитыхъ и сановныхъ людей (пановъ).

Павелъ Россіевъ.

Свѣтъ Христовъ среди мрака человѣческихъ страданій ¹⁾.

Г Л А В А IV.

Безъ Меня не можете дѣлать ничего (Іоан. 15, 5). Научитесь отъ Меня... и найдете покой душамъ вашимъ (Мѣ. 11, 29).

Скажу ли я, однако, что мнѣ еще нужно? Да, это несравненное утѣшеніе, что Богъ даетъ намъ видѣть въ страданіяхъ Его благодѣющую руку и знать, что все содѣйствуетъ всеобъемлющему плану Божію, что въ мірѣ нѣтъ ничего бесполезнаго; и что въ нашей жизни ничего нѣтъ потеряннаго. Но гдѣ опора моему убѣжденію, что все это не есть одна иллюзія, плодъ оптимистически настроеннаго воображенія, блуждающіе огоньки радужной фантазіи? Гдѣ доказательство, что любовь есть дѣйствительный центръ и вѣнецъ всѣхъ Божественныхъ попеченій? Все это для меня сокрыто и не представляетъ, повидимому, достаточно прочнаго основанія для вѣры. Намъ говорятъ, что скорбь есть прекрасный учитель. Но почему не всѣмъ даруется этотъ учитель? Почему не всѣ люди одинаково страдаютъ? Развѣ Богъ не всѣхъ одинаково любитъ? Намъ говорятъ, что кровь есть плодоносный посѣвъ. Увы! сколько разъ кровь эта проливалась потоками по землѣ и оставляла одну только бесплодность пустыни. Намъ говорятъ, что нѣтъ рожденія безъ боли. Увы, сколько

¹⁾ Окончаніе. См. июньскую кн. *Душ. Чт.* 1908 г.

есть болей, которыя ничего не рождаютъ. Намъ говорить, что преступленіе всегда и вездѣ бесплодно, но сколько я вижу ловкихъ и удачныхъ преступленій, которыя оставляютъ по себѣ продолжительное и зловѣщее потомство... На это намъ возражаютъ, что мы должны не по событіямъ судить Промыслъ Божій, а событія по Промыслу Божию. «Въ однихъ Онъ является во всей своей благодати, въ другихъ мы не видимъ своими слѣпыми глазами этой благодати. Какъ часто, на примѣръ, и первымъ христіанамъ казалось непостижимымъ и страннымъ, что Богъ допускалъ вѣрующимъ въ Сына Его претерпѣвать гоненія отъ враговъ, жить въ бѣдахъ и напастяхъ, такъ что враги церкви готовы были стереть ее съ лица земли! Но когда гоненія прекращались, они должны были удивляться глубинѣ премудрости Божіей, ибо благодаря гоненіямъ, сѣмя Евангелія вѣдрялось и распространялось; *огненное искушеніе*, пламя костровъ возжигало огонь вѣры въ сердцахъ крестившихся; временное затменіе дѣлало лишь то, что свѣтъ Христовой вѣры являлся міру въ большемъ блескѣ; буря страданій очищала воздухъ, порывала тѣ незримыя нити, какими вѣрующіе во Христа были связаны еще съ грѣховнымъ міромъ, и предостерегала христіанское общество отъ многихъ печальныхъ явленій, отъ лжеученій и пороковъ, появившихся позже, во времена мирныя. Поэтому во всѣхъ случаяхъ и всегда мы должны смиряться», — такъ говорятъ намъ. Но легко ли дается это смиреніе, легко ли пріобрѣтается драгоценная вѣра въ любвеобильный и благодатный Промыслъ, когда все теченіе міра говоритъ, повидимому, совершенно противное? Мнѣ нужно услышать, хоть на мгновеніе, какъ бьется пульсъ этой міровой любви, какъ она проявляется въ дѣлахъ. Мнѣ хочется спросить съ Іаковомъ: *скажи мнѣ Свое имя* (Быт. 32, 27). Мнѣ хочется воскликнуть съ Іовомъ: *о, если бы я зналъ, гдѣ найти Бога и могъ подойти къ престолу Его! Но вотъ я иду, — и нѣтъ Его, назадъ и не нахожу Его*

(23, 3. 8). Я взываю съ пророкомъ Исаіей: *о, если бы небеса раскрылись,— и Онъ сошелъ на землю!*

Да, между незримымъ Творцомъ и мною разстояніе слишкомъ велико, чтобы мнѣ можно было видѣть Его любовь, созерцать ее непосредственно. Онъ Богъ сильный и неизвѣданный, ни чей глазъ Его не видѣлъ, никто не можетъ Его видѣть,... и мы бы никогда Его не познали, если бь Единородный Сынъ Его не далъ намъ возможности познать Его. Но вотъ явилось новое Откровеніе, предъ которымъ всякій свѣтъ, извѣданный нами дотогь, блѣднѣлъ и исчезалъ. На землѣ явилось Существо, свидѣтельствующее, что созерцая Его, видятъ Отца, и что Онъ есть видимое откровеніе сокровеннаго Бога. На крестѣ Богъ написалъ Свое имя и открылъ міру тайну путей своихъ, чтобы *всѣхъ привлечь къ Себѣ* (Іоан. 12, 32). Въ раскрытіи этихъ истинъ вся сущность, вся цѣль Евангелія; оно говоритъ намъ на каждой страницѣ, что Богъ есть любовь, что Его намѣреніе по отношенію къ намъ миръ и спасеніе. А знать и чувствовать, что насъ любятъ, неужели этого недостаточно? Ребенокъ, уснувшій у груди матери, можетъ видѣть дурные сны; но лишь онъ откроетъ глаза, онъ увидитъ себя на рукахъ той, которая любить его больше, чѣмъ самое себя, и онъ будетъ смѣяться надъ своимъ страхомъ.

Для одного только христіанина правда, благодать и Промыслъ Божій являются во всей своей полнотѣ и раскрываются во всей своей гармоніи, такъ какъ въ Иисусѣ Христѣ они получили законченность, стали реальными и восторжествовали. Въ Его величайшей премірной жертвѣ, въ одно вѣчное божественное днесь объявшею все прошедшее, настоящее и будущее и залившею божественною кровью весь пламень ада, уготованный грѣшному человечеству,—было принесено Богу дѣйствительное искупительное удовлетвореніе и такимъ образомъ признаны и объявлены вѣчныя права Его святости: тогда только могло быть проповѣдано грѣшникамъ милосердіе и прощеніе.

Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что и Сына Своего Единороднаго далъ, чтобы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. 3, 16). Вотъ что сдѣлалъ для насъ Богъ, и что могъ сдѣлать только Онъ одинъ... Какая философская теорія, какое положительное ученіе приносило разбитому сердцу тотъ міръ, какой приносить одинъ взглядъ на крестъ, съ котораго нашъ Искушитель любвеобильно простираетъ къ намъ длани милосердія вмѣсто заслуженнаго предъ Его правдой и святостью Божественнаго гнѣва? Онъ успокоиваетъ измученную совѣсть, излечиваетъ кровавыя раны сердца, улаживаетъ страхъ предъ смертною борьбою.

Крестъ—спасительная сила,

Крестъ—отводъ грѣховныхъ тучъ,

Крестъ—унынія могила,

Крестъ—блаженства яркій лучъ ¹⁾.

Это послѣдняя картина, которую мы ставимъ предъ нашимъ тускнѣющимъ взоромъ и, чувствуя леденящій холодъ смерти на челѣ, все же умираемъ спокойно, если душа наша съ вѣрою смотритъ на крестъ, на которомъ Христосъ отдалъ душу Свою за спасеніе дѣтей, отпавшихъ и забывшихъ Его. Къ Нему-то и должны мы всегда спѣшить за помощью въ скорби, не полагаясь на свои собственные силы, но устремляя свой взоръ, подобно Петру, только на Спасителя. Тогда мы сможемъ спокойно и торжественно ходить по вздымающимся волнамъ житейскаго моря и безстрашно среди бушующихъ вѣтровъ сомнѣнія. Намъ ободрить и поддержать Самъ Христосъ и Его благодатное слово: *Не бойся, только вѣруй. Это Я, не бойтеси!* Но если мы отвратимъ свои взоры отъ Того, въ котораго увѣровали, если мы будемъ смотрѣть скорѣе на силу и ярость страшныхъ разрушительныхъ стихій, чѣмъ на Того, Который можетъ помочь и спасти, тогда, конечно, и мы неизбѣжно потонемъ.

¹⁾ Л. Буговскій.

Образъ Христа всегда долженъ быть предъ нашими глазами прежде всего, какъ источникъ нашей силы и утѣшенія. Въ томъ-то и состоитъ все несравненное величїе христіанства, что оно не только открываетъ намъ свѣтъ истины, но подаетъ также по заслугамъ Спасителя отъ Божественной силы Его все потребное для жизни и благочестія, великія и драгоцѣнныя дарованія, дабы мы чрезъ нихъ содѣлались причастниками Божественнаго естества (2 Петр. 1, 3—4). Внѣ общенія со Христомъ нѣтъ спасенія, нѣтъ мужества въ скорбяхъ, нѣтъ утѣшенія. *Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама по себѣ, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего* (Іоан. 15, 4—5). *Я путь, истина и жизнь*, говоритъ Господь. Христосъ не ограничивается тѣмъ, чтобы показать намъ путь, открыть истину. Увы! Можно видѣть истину и умереть. Можно все понимать и быть неспособнымъ дѣйствовать. Нѣтъ, человѣку нужна сила, которая бы дѣйствовала не только на его умъ, но и на основы его внутренней жизни и его нравственнаго бытія, на эти глубины существа, въ которыхъ образуются его желанія,—однимъ словомъ ему нужна жизнь новая, безъ чего онъ будетъ больше и больше падать. Эту жизнь и даровалъ намъ Христосъ въ Своей благодати, которую и преподаетъ церковь въ таинствахъ, цѣль которыхъ исцѣлить человѣчество и весь міръ возстановленіемъ его единства съ Богомъ, такъ чтобы сотвореніе Божіе становилось вѣрнымъ образомъ Божества. Все это уже не умствованія, не разсужденія одни, которыхъ страдалецъ часто не въ силахъ понять и даже слушать, а самая ощутительная, дѣйствительная помощь, какою только и можетъ желать несчастный. Такую же помощь реальную подаетъ Христосъ страдальцамъ своею заповѣдью о любви къ нимъ, каковая заповѣдь создала всевозможныя проявленія христіанской благотворительности, гдѣ немощные получаютъ исцѣленіе, неизлечимые отраду и облегченіе, старые упокоеніе, бѣдняки пріютъ,

сироты уходъ и т. д. Чудотворныя иконы, мощи св. угодниковъ Божіихъ и всѣ вообще священнодѣйствія церкви, дышащей благодатью, какъ воздухомъ, служатъ постояннымъ проводникомъ силы Божіей, въ немощахъ совершающейся. И если Господь не изгналъ изъ нашего міра страданій и скорбей окончательно, такъ это потому, что не изгналъ еще самый грѣхъ, который можетъ быть устраняемъ только путемъ добровольныхъ усилій человѣка. Свободной воли человѣка Богъ никогда не стѣсняетъ, не насилуетъ,—вотъ почему такъ медленно евангельская закваска проникаетъ въ жизнь человѣчества, преобразуя ее постепенно по вѣчному идеалу царствія Божія. Христіанствомъ требуется забота объ уравниіи всегда каменистаго и тернистаго пути подвигомъ служенія добру, общему благу улучшеніемъ вышнихъ условій сего служенія. Отрицать это и признавать идеаломъ дѣятельности—единственно только улучшение лицъ, а не и учреждений,—значить впадать въ крайность квіэтизма и фанатической экзальтации, значить создавать себѣ искусственные кресты, что, конечно, противно христіанству. Христось не искалъ креста; Онъ только принялъ его добровольно, когда Ему приготовили его. Самъ придя для вѣнца и пропятія, Онъ однако

Чистыхъ радостей не гналъ

И, Магдалину возражая,

Дѣтей на жизнь благословлялъ.

Если же и приходится намъ страдать по волѣ Божіей, то, безъ сомнѣнія, здѣсь также кроется благая цѣль. Такъ часто добрые отцы поступаютъ съ безпечными дѣтьми своими; они гнѣваются и наказываютъ нерадивыхъ, но для того, чтобы отъ ребяческой безпечности привести къ рачительности. Вслушайте, сколько угодно, дитяти, держащему острое орудіе, чтобы оно не сдѣлало имъ себѣ вреда,—если не отнимете этого орудія, то всѣ ваши наставленія, всѣ даже угрозы останутся тщетными: такъ и Богъ остается иногда вынужденнымъ отнять у человѣка

здоровье, имущество и прочія блага, когда человѣкъ обращаетъ ихъ себѣ во вредъ. Богъ хочетъ, чтобы въ сердцахъ нашемъ не было ни Вааловъ, ни Астартъ, а потому, когда видитъ, что наша заботливость мірская переходитъ въ идолопоклонство (Кол. 3, 5), любвеобильно врачуетъ нашъ недугъ отнятіемъ земныхъ благъ. Онъ хочетъ, чтобы наше сердце не двоилось заботами между Богомъ и мамонной, а потому разбиваетъ послѣднюю, чтобы сообщить нашей дѣятельности единство направленія въ неуклонномъ слѣдованіи Тому, Кого любить мы *должны всѣмъ сердцемъ своимъ* (Мф. 22, 37). И какъ чрезъ отсѣченіе ненужныхъ сучьевъ увеличивается сила и сокъ виноградной лозы, такъ чрезъ отсѣченіе излишнихъ заботъ и попеченій увеличивается и возрастаетъ благочестіе, жизнь получаетъ единство направленія и цѣли, а чрезъ это становится счастливою въ высшемъ значеніи этого слова.

Если же столь отрадные результаты достигаются безъ слезъ, то это вполне естественно; вѣдь мы знаемъ, что нѣтъ рожденія безъ боли: *женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ* (Іоан. 16, 21). Такъ и въ каждомъ христіанинѣ должно совершаться таинственное возрожденіе новаго, святаго человѣка, обновленнаго по образу новаго Адама-Христа, какъ и говоритъ Спаситель: должно вамъ родиться свыше (Іоан. 3, 7). Это возрожденіе благодатнымъ образомъ совершается со всякимъ членомъ церкви Христовой въ таинствѣ св. крещенія. Но возродившееся тогда сѣмя слова Божія въ грѣшномъ человѣкѣ прививается туго, образуется медленно, съ перерывами, нерѣдко даже оставляя душу человѣка и совсѣмъ; внутренний, духовный человѣкъ, теряя больше и больше единства со Христомъ, поражаемый смертоносными грѣхами, совершенно подавляется человѣкомъ плотскимъ, грѣховнымъ, ветхимъ. Опять, слѣдовательно, нужно возрождать и укрѣплять въ себѣ духовнаго святаго человѣка;

но это никому не дается безъ страданія и внутренней скорби, безъ испытанія, если нужно, въ огнѣ самыхъ жестокихъ мученій. Это вотъ и означаютъ слова Апостола: *Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколь не изобразится въ васъ Христосъ* (Гал. 4, 19). Безъ страданій гордость и страсть, привязанность къ міру и его благамъ заглушили бы въ душѣ сѣмена благочестія, всѣ добрыя чувства и порывы святой любви, а потому Богъ посылаетъ испытанія даже на лучшихъ членовъ церкви, попускаетъ *многи скорби праведнымъ* (Пс. 33, 20) и очищаетъ вѣтвь, приносящую плодъ, чтобы принесла болѣе плода (Іоан. 15, 2); Онъ попускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и святому терпѣть зло, чтобы не отпалъ отъ правой совѣсти въ высокомѣріе по причинѣ данныхъ ему силъ и благодати (2 Кор. 12, 7). И все это съ тою благою цѣлью, чтобы частыя скорби и страданія, постоянныя опасности держали душу въ постоянномъ напряженіи, въ постоянномъ обращеніи и стремленіи къ Богу-Спасителю. А сохраняя и поддерживая душу въ этомъ направленіи, соблюдали бы ее по возможности отъ всякой скверны плоти и духа и дѣйствительно приближали къ Богу, приближали не однимъ только обращеніемъ и стремленіемъ, но и очищеніемъ и усовершенствованіемъ, соблюденіемъ заповѣдей Божіихъ и Богоуподобленіемъ, чтобы такъ и достигалъ человекъ *царствія Божія многими скорбями* (Дѣян. 14, 22). Жди, повѣтому, скорбей, какъ дорогихъ гостей,—наставляютъ подвижники,—безъ скорбей не спасешься.

На этомъ скорбномъ пути насъ опять встрѣчаетъ Христосъ, добровольно принявшій за предлежавшую Ему славу (Евр. 12, 2) самыя тяжкія скорби и страданія, приведшія Его ко кресту и Голгоѣ. Примѣромъ своимъ Онъ навсегда отнялъ непреодолимыя трудности пути крестнаго для насъ, послѣдователей Своихъ. Крестъ Христовъ безмѣрно превышаетъ наши собственные кресты и страданія, и чѣмъ глубже мы опускаемся въ эту бездну, всегда на-

ходимъ «Человѣка скорбей»—Христа, Который насъ предупреждаетъ. *Помыслимъ же о Потерпѣвшемъ такое надъ Собою поруганіе отъ грѣшниковъ, чтобы намъ не изнемочь и не ослабѣть душами* (ст. 3). Раздѣлять участь любимаго существа, хотя бы и самую тяжелую, должно быть сладостно и пріятно для сердца любящаго. Напротивъ, кто думаетъ, что ученикъ выше учителя своего и рабъ больше господина своего; кто не можетъ рѣшиться выпить хоть одну каплю изъ той чаши, которую Господь Іисусъ Христосъ испилъ до дна; кто не можетъ сложить къ подножію креста свои пустыя притязанія, свое свободомысліе, свою самоувѣренность, свою ничтожную славу, свое тщеславіе; кто хочетъ сидѣть на тронѣ предъ лицомъ Іисуса, пригвожденнаго къ позорному столбу,—тотъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ любви.

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты.
Сгибайся жъ, пахарь, надъ браздою,
Борись, борець, до поздней тьмы ¹⁾.

Случилось горе, злосчастіе, — и тотчасъ вмѣсто малодушнаго ропота, мы должны внимательно осмотрѣться, какая причина его, и немедленно исправляться. Если бъ и не удалось намъ открыть настоящей ближайшей причины, все же должны помнить, что безъ воли Божіей и волосъ съ головы нашей не упадетъ,—и покорно свосить по наставленію Христа: *научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ* (Мф. 11, 29). Настоящее, благотворное отношеніе къ страданію заключается только въ кротости. Страданіе таково, какимъ мы его создаемъ! Изъ двухъ злодѣевъ, распятыхъ со Христомъ, одинъ вѣруетъ, другой богохульствуетъ; одинъ исправляется, другой ожесточается. Страданіе—это теплота, «которая благопріятствуетъ проявленію жизни и

¹⁾ Хомяковъ.

въ то же время ускоряетъ разложеніе трупа»¹⁾. Это тяжелый млатъ, по выраженію поэта, который «дробя стекло, жуеъ булатъ». Это огонь, который очищаетъ золото и сожигаетъ солому. Оно вознаграждаетъ или убиваетъ. Оно подобно бурѣ и наводненію, которыя разбиваются о домъ, построенный на камнѣ, и сносятъ безъ слѣда строеніе на пескѣ (Мѡ. 7, 24—27).

Громче буря истребленья,—
 Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
 Это жертвенникъ спасенья,
 Это пламень очищенья
 Это фениксовъ костеръ²⁾.

Когда страданіе сопровождается кротостью, то оно является по истинѣ вѣстникомъ благословенія Божія. Чѣмъ болѣе христіанинъ смиряется подъ крѣпкую руку Господню, тѣмъ болѣе Богъ просвѣщаетъ его; и онъ начинаетъ все болѣе и болѣе понимать тѣ странныя и особыя назначенія, которыми Богъ велѣтъ его. Надъ кроткими страдальцами всегда исполняется многозначительное изреченіе притчей: *стезя праведныхъ, какъ свѣтило мучезарное, которое болѣе и болѣе свѣтлѣетъ до полнаго дня* (Прит. 4, 18). Многомилостивъ и щедръ Господь: по мѣрѣ кротости Онъ подаетъ терпѣніе, по мѣрѣ терпѣнія—утѣшеніе (2 Кор. 1, 5), а по мѣрѣ утѣшенія возгорается любовь къ Богу и по мѣрѣ любви возсіяваетъ въ сердцѣ радость о Св. Духѣ. А тогда, понятно, и всѣмъ скорбямъ конецъ. Вѣра, надежда и любовь—вотъ тройственный свѣтильникъ, предъ которымъ не устоитъ самый сильный мракъ скорби.

Мы должны вѣровать, т. е. хранить непоколебимое убѣжденіе въ непреложности любви Отца небеснаго и среди знаменій Его гнѣва; надѣяться, т. е. лобызгать мыслію и сердцемъ посреди развалинъ вокругъ насъ царство, кото-

¹⁾ Бл. Августинъ.

²⁾ Языковъ.

рое не можетъ быть поколеблено; любить, т.-е. на мѣсто заботы о нашемъ собственномъ счастіи ставить заботу о счастіи другихъ и вообще полагать внѣ насъ самихъ центръ нашей жизни, ибо въ томъ собственно и состоитъ любовь. Любовь есть верховное благо; она, слѣдовательно, есть и верховное утѣшеніе и она-то преимущественно предъ вѣрой и надеждой сообщаетъ пламени нашего свѣтильника лучи, наиболѣе живые и блестящіе. Кто воспринялъ Христа вѣрою, кто нашелъ на небѣ Отца, искомаго имъ, тотъ въ скорби пребудетъ всегда сильнымъ, ибо что сильнѣе вѣры, надежды и любви?

Будемъ же всегда *возирывать* въ себѣ *даръ*, который въ насъ (2 Тим. 1, 6), — свѣтильникъ вѣры, надежды и любви, — и, когда печаль начнетъ сильно угнетать нашу душу, когда ядъ ея станетъ разливаться смертельной заразой по всему нашему составу, — возведемъ очи свои горѣ, какъ возводили очи къ мѣдному змію, вознесенному Моисеемъ въ пустынь, уязвляемые зміями евреи, возведемъ очи къ Спасителю, распятому на крестѣ и *смертію смертью правшему* и будемъ звать къ Нему молитвеннымъ воплемъ погибающаго: *о, Господи, спаси же! о Господи, посети же! Скорое и извѣстное даждь утѣшеніе рабомъ Твоимъ, Иисусе!* Если же и не послѣдуетъ намъ тотчасъ отвѣта и облегченія, если Господь будетъ медлить съ избавленіемъ и какъ бы не внимать нашимъ воплямъ сердечнымъ, — то и тогда не будемъ унывать и падать духомъ (1 Сол. 5, 19); будемъ уповать смиренно, ожидать терпѣливо и всецѣло предавать себя Его волѣ: *Господи, что повелишь мнѣ дѣлать?* (Дѣян. 9, 6). *Да будетъ воля твоя!*

... Предъ Господомъ смирись,
Прими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся и молись;
Огнь Самъ носилъ вѣнецъ терновый;
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи, въ страданьи благодать.

Усвоимъ себѣ хорошо эту прекрасную мысль и не будемъ довѣрять своему сердцу, ибо оно находится въ состояніи слѣпоты отъ пристрастія къ ветхому челоуѣку; вмѣсто сего пойдемъ къ своему Создателю, Промыслителю и Искупителю безъ разсужденій и сомнѣній, пойдемъ выплакаться на Его лонѣ и удержимъ въ своей памяти то слово, съ которымъ Онъ обратился нѣкогда къ Петру: *теперь ты не знаешь, что Я дѣлаю, а уразумѣешь послѣ* (Іоан. 13, 7). Послѣ, когда въ терпѣннн и кротости вынесешь испытаніе свыше и собственнымъ опытомъ постигнешь, *что благъ Господь* (Пс. 33, 9), и «все мгновенно, все пройдетъ, а что пройдетъ, то будетъ мило». Вполнѣ же и совершенно уразумѣешь тогда, когда кончится эта цѣпь смертоноснаго тлѣнн, оковавшая душу и препятствующая паренію ея къ безсмертному назначенію, — когда вѣра и надежда упразднятся, а будетъ одна любовь, одно видѣніе, не призрачное и гадательное, какъ теперь, а совершенное и полное, когда настанетъ *новое небо и новая земля*, гдѣ будетъ *жить одна правда* (2 Петр. 3, 13), когда праведники не будутъ уже страдать отъ коварства и злобы нечестивыхъ, но *просвѣтятся, какъ солнце, въ царствіи Отца ихъ* (Мѣ. 13, 43) въ неизвѣданномъ и вѣчномъ блаженствѣ. Тогда наши страданія, печали и жертвы не покажутся намъ болѣе тяжелыми и бесполезными; тогда мы увидимъ, какъ изъ мрака ничтожества и неизвѣстности всплывутъ героическія дѣйствія и тайныя добродѣтели, которыхъ одинъ Богъ былъ свидѣтелемъ. Отъ прошедшихъ скорбей останется лишь тихое воспоминаніе, источникъ безконечнаго благодаренія къ премудрымъ и любвеобильнымъ судьбамъ Божиимъ, вполнѣ понимаемымъ уже тогда. Случая не будетъ болѣе тогда, а зданіе, которое Божественная мудрость приготовляла вѣковой работой, возвысится въ своей надзвѣздной красотѣ, какъ вѣчное святилище безконечной любви! *Спяшіе со слезами будутъ пожинать съ радостію. Съ плачемъ несшіе съмена весело возвратятся со снопами своими* (Ис. 125,

5—6). *И возвратятся избавленные Господомъ, и радость вѣчная надъ главою ихъ; они найдутъ радость и веселіе; печаль и вздохи удалятся* (Ис. 51, 11).

Будемъ выбирать для своихъ стремленій отдаленный предметъ, поставимъ цѣль свою въ будущемъ въ такомъ разстояніи, чтобы люди не могли къ ней прикоснуться. Будемъ искать радостей тамъ, гдѣ искалъ ихъ Христосъ и святые Его,—и мы не будемъ въ нихъ нуждаться, ибо *знаетъ Отецъ нашъ Небесный, что мы требуемъ всего этого* (Мѡ. 6, 32), знаемъ, что можетъ человекъ, подобно бесплодной смоковницѣ, засохнуть и ожестѣть подъ ударами гнѣвной судьбы, а потому вмѣстѣ съ *искушеніемъ* *подаетъ избыточество* Своей благодати (1 Кор. 10, 13), равно какъ и блага временной жизни въ достаточномъ изобиліи. Мы можемъ быть увѣрены, что Творецъ не сдѣлалъ бы природу прекрасною для нашего глаза и звуочною для нашего уха, если бы мы не были предназначены вполне наслаждаться ею. Только это наслажденіе не должно переходить дозволенныхъ границъ и опускаться въ область грѣха. Сіяніе солнца не будетъ имѣть для насъ значенія, если его не будетъ въ нашемъ сердцѣ,—и жалокъ тотъ, кто, оглядывая оба пути, подобно женѣ Лотовой, тоскливо смотритъ туда, откуда бы онъ долженъ бѣжать, и прибѣгаетъ, наконецъ, къ невозможной и пагубной попыткѣ служить Богу и мамонѣ.

Какъ! Богъ поразилъ насъ, и мы не узнали Его руки и Онъ являлся къ намъ напрасно? Какъ! Мы, отмѣченные Богомъ таинственной печатью скорби, изглаживаемъ этотъ божественный отпечатокъ и доходимъ до того, что начинаемъ цѣнить міръ, который, казалось, болѣе не существовалъ для насъ? Нѣтъ, да не будетъ сего. Мы знаемъ, какую цѣною мы куплены, знаемъ это и вѣруемъ во Христа, нашего Брата и Бога, Которому извѣстны всѣ наши томленія и страданія, всѣ боренія и скорби. Люди забываютъ и не чувствуютъ ни слезъ грѣшницы, ни тяжести бѣдныка, ни страданій больного; но эти горе-

сти несутся къ престолу Того, Кто всегда съ нами во всѣ дни до скончанія вѣка (Мѡ. 28, 20). Онъ говоритъ: *не отступлю отъ тебя и не оставлю тебя* (Ефр. 13, 5). *Не бойся, ибо Я искупилъ тебя; ты Мой. Будешь ли переходить черезъ воды, Я съ тобою; черезъ рѣки ли, онъ не потопятъ тебя; пройдеши ли черезъ огонь, не обожжешься, и пламя не опалитъ тебя. Ибо Я, Господь Богъ Твой, Спаситель твой,—такъ ты дорогъ въ очахъ Моихъ, многоцѣненъ и Я возлюбилъ тебя. Не бойся, ибо Я съ тобою,—такъ говоритъ Господь, Искупитель вашъ* (Ис. 43, 1—15, 14).

Какое отрадное для скорбящаго сердца обѣтованіе! Если въ неисповѣдимыхъ судьбахъ своего промысла Господь и медлитъ отвѣчать избавленіемъ и повидимому вовсе не внемлетъ воплямъ скорби нашей, спокойно почивая какъ въ оную бурную ночь въ корабль съ учениками на озерѣ Геннисаретскомъ, если даже со всѣхъ сторонъ будетъ заливаться злобными волнами корабль нашего благополучія и станемъ мы неудержимо погружаться такъ глубоко, что даже яркій свѣтильникъ вѣры, надежды и любви померкнетъ и начнетъ, подобно Петру, утопать: но и тогда, если еще теплится въ нашей душѣ хоть малая искорка, чтобы воззвать въ сокрушенномъ сердцѣ: *Господи, спаси насъ! приложи намъ вѣру* (Мрк. 9, 24),—непремѣнно пошлетъ Господь намъ Духа-Утѣшителя, *споспѣшествующаго въ немощахъ нашихъ* (Рим. 8, 26),—и раздуетъ Онъ Божественнымъ дуновеніемъ благодати нашу искорку вѣры въ широкое отрадное пламя небесной радости и мира Божія (Филип. 4, 7), — и буря утихнетъ, море уляжется. Тогда почувствуемъ мы почти осязательно руку небесной помощи съ кроткимъ укоромъ въ нашей совѣсти: *маловѣрный, зачѣмъ ты усомнился* (Мѡ. 14, 31)? За роптаніемъ послѣдуетъ въ нашей душѣ благодареніе: *Я всегда съ Тобою, Боже, воскликнетъ она. Никого на небѣ и ничего на землѣ не хочу я съ Тобою. Изнемогаетъ плоть моя и сердце мое: но Ты, Боже, твердыня сердца моего и часть моя во вѣкъ* (Пс. 72, 25—26).

Нѣтъ, Господи, Ты насъ не обманываешь, Ты не поступаешь съ нами, какъ міръ. Міръ общаетъ намъ радость, но даетъ только горечь. Ты же общаешь намъ крестъ и даешь радость. Міръ открываетъ намъ широкую дорогу, но эта дорога безнадежныхъ блужданій и обмановъ; Ты же открываешь намъ узкій путь, но онъ вѣрно ведетъ насъ къ небу. О, дай намъ всѣмъ пойти по этому пути, чтобы намъ достигнуть той истинной жизни, въ которой мы будемъ возрастать въ познаніи, въ святости, въ любви и въ которой мы будемъ безъ конца обновляться въ уподобленіи Тебѣ.

Отецъ щедротъ и упованья!
 Пошли мнѣ слезы покаянья,
 Скорбями сердце сокруши
 И смой грѣхи съ моей души ¹⁾.
 ·Вспомнись мнѣ, Забытый мною
 Просій сквозь сумракъ думъ
 И созиждется Тобою
 ·Сердце чисто, правый умъ ²⁾.

Свящ. Николай Залевскій.

¹⁾ А. Востоковъ.

²⁾ М. Филаретъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

«О Тебѣ бо и естество обновляется и время...» (Тропарь Богородицѣ 2-го іюля). Естество, т. е. самая природа человѣческая, обновлена материнствомъ Пресвятой Дѣвы. Изъ совершенно безпомощной въ борьбѣ со грѣхомъ, изъ неисцѣльно расслабленной, изъ безнадежно больной и отверженной отъ Бога наша природа стала благодатно-сильной, богорастворенной, боголюбезной. Природа человѣческая, въ которую пришелъ Господь Царь небесный, измѣнилась до неузнаваемости и процвѣла счастьемъ, силою, жизнію и святынею.

* * *

«Тростію біемъ, написалъ еси свободу вѣмъ человѣкомъ». (Окт. г. 2, Пят., утр. кан., п. 7). И самыя орудія страданій Христовыхъ представляютъ собою какъ бы нѣкіе священнодѣйственные сосуды, коими Господь совершаетъ Свое великое священнодѣйствіе искупленія человѣчества отъ власти грѣха и діавола. И ничего тутъ нѣтъ безъ значенія и безъ своего великаго смысла. Все использовано великолѣпно, премудро и таинственно-спасительно для нашего спасенія.

* * *

Божіе дѣло очень часто требуетъ *человѣческихъ* скорбей и страданій. Среди радостей и довольства оно скорѣе затеривается и не познается нами такъ живо и спасительно, какъ среди терній жизненныхъ. Съ другой стороны, того требуетъ самая природа наша, чтобы враще-

ство и благоуханіе Божіе для оказанія своего дѣйствія проникли въ самую глубь немощи и растлѣнія нашего.

* * *

Господь тамъ, гдѣ смиреніе, гдѣ благоговѣйная тишина кроткаго и молчаливаго духа. Никакіе подвиги не спасутъ и не приблизятъ къ Богу насъ и Бога къ намъ безъ смиренія и благоговѣнія. Трудъ и жизнь наша—какъ священнодѣйствіе, какъ молитва—должны быть проникнуты этимъ «богослужебнымъ» настроеніемъ.

* * *

Духовная жизнь, какъ и Царство небесное, подобна «зерну горчичному». Начинаясь малыми движеніями, она разрастается постепенно въ цѣлый огромный огонь любви и ревности, и славы Божіей и даетъ привитать подъ своими вѣтвями-добродѣтелями множествамъ другихъ людей.

* * *

Есть люди, дѣло которыхъ, взятое ими на себя, слишкомъ очевидно есть дѣло Божіе, и никакіе совѣты со стороны здѣсь не должны и не могутъ быть авторитетны. Господь Самъ—лучшій всегдашній совѣтникъ этихъ избранниковъ Своихъ и никогда не оставляетъ ихъ Своимъ руководствомъ. Быть можетъ, дѣлу ихъ не найдется послѣдователей. Это — подвигъ, и на него направляетъ только Подвигоположникъ Христосъ. Избранники часто поэтому остаются единичными, но значеніе ихъ подвига не исчезаетъ съ ихъ смертію. Звѣздою путеводною свѣтятъ они міру на цѣлыя поколѣнія, воспитывая ихъ въ высшихъ чувствахъ, мысляхъ и настроеніяхъ.

* * *

Любящимъ Бога и жаждущимъ молитвеннаго общенія съ Нимъ Господь премудро полагаетъ иногда великія препод-

ны въ условіяхъ ихъ жизни. И замѣчательно, что молитвенность, благодаря этимъ именно препятствіямъ, особенно бываетъ жарка и глубока. Отними препятствія,—и духъ молитвы уже не тотъ. Нѣкоторые жаловались мнѣ на свои семейныя обстоятельства и обязанности, что они мѣшаютъ ихъ сильному желанію молиться, ходить въ церковь, жить для Бога и своей души. Однако, не потому ли эти желанія и сильны, что закованы такими препятствіями. И Господь не потому ли далъ это желаніе, чтобы человѣкъ не закоснѣлъ въ семейной обстановкѣ, не привязался и не поработился окончательно пристрастіемъ и заботами о земномъ. Пусть это желаніе и никогда можетъ быть не осуществится для человѣка такъ, какъ ему бы хотѣлось. Но хорошо уже и то, что оно есть, дано и тревожитъ человѣка. Это и вмѣнится ему въ праведность, подвигъ и заслугу, иногда гораздо большую, чѣмъ у людей, не связанныхъ семейными заботами и не возгрѣвающихъ въ себѣ такого же желанія.

* * *

При всѣхъ скорбяхъ и страданіяхъ не слѣдуетъ терять чувства цѣнности жизни и существованія. Хотя бы все хорошее въ твоей жизни считалъ ты потеряннымъ, помни, что остается и еще многое, что можетъ скрасить жизнь, и даже еще болѣе: именно теперь-то, когда все тебѣ кажется потеряннымъ, ты и имѣешь благоприятнѣйшій моментъ приобрести все: *«иже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю»*. Умертви твое страданіе, скорбь и растерявшуюся душу покорнымъ терпѣніемъ и преданіемъ себя всецѣло въ волю Божію. И это самоотреченіе сообщитъ высшую цѣнность твоей жизни, облагородитъ твою душу высшимъ благородствомъ, обогатитъ ее неиспытанною доселѣ энергією, опытомъ и наиболѣе жизненнымъ содержаніемъ. И исполнится на тебѣ слово Спасителя: *«погубивъи душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю»*.

* * *

«Удѣлъ праведности—не простираетъ рукъ своихъ къ беззаконію» (Антиф. 4 гл. воскр.). Это высшее благородство и высшая порядочность, чистота рукъ и совѣсти—часто бываетъ удѣломъ простецовъ, возлюбившихъ праведность—и увы! далеко не всегда совпадаетъ съ сословными благородіями и аристократіями. А между тѣмъ, жалкое людское уваженіе и подобострастіе гораздо болѣе на сторонѣ послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Простецы часто не цѣнятъ, не сознаютъ и не понимаютъ, какою драгоценнѣйшею всякаго мірскаго благородства—высокою духа и жизни обладаютъ они, имѣя въ своей средѣ подобныхъ ничѣмъ не запятанныхъ избранниковъ и счастливецъ, чуткихъ къ душѣ, совѣсти и всякому дѣлу рукъ своихъ.

* * *

Каждая минута наша есть моментъ, когда мы висимъ какъ бы на волоскѣ и можемъ сорваться въ пропасть. И многіе—о, сколь многіе дѣйствительно срываются! Срываются и тѣмъ, что умираютъ внезапно и неподготовленно, и тѣмъ, что изъ добраго незапятнаннаго человѣка вступаютъ въ ряды негодныхъ и недостойныхъ людей. И хорошо еще, если Господь подастъ таковымъ покаяніе, извлекающее насъ даже и изъ глубинъ адовыхъ. О, христіанинъ! Помни не только *послѣдняя твоя*, но и *каждую минуту* твоей жизни, которая такъ легко и скоро можетъ стать твоею послѣднею и безповоротно испорченною.

* * *

Я зналъ одного больного, который однажды вдругъ говорить своимъ близкимъ, окружавшимъ его одръ: «*ничего, если я постоною? мнѣ будетъ полегче...*»—Ему сказали: «*постонай, постонай*». И онъ началъ стонать, чувствуя себя отъ этого какъ будто полегче. Страданіе, какъ электричество, значительно разрядилось отъ этого постенанія, душа облегчилась. И—почемъ знать, быть можетъ—въ эту

минуту перевѣсь отъ чашки невыносимыхъ болѣе страданій перешелъ на чашку запаса жизненныхъ силъ и терпѣнія больного? И почувствовавъ эту—пустыню ничтожную—прибыль, силы стали работать энергичнѣе, перевѣсь началъ быть больше и больше. Самое трудное въ измѣненіи инерціи и ея направленія—одинъ моментъ, но когда этотъ моментъ перейдетъ, сила инерціи уже растетъ такъ быстро, что вскорѣ же достигаетъ прежней силы въ своемъ обратномъ движеніи и направленіи. Такимъ стономъ, облегчившимъ мою душу и, быть можетъ, спасающимъ ее, измѣняющимъ мою инерцію отъ малодушія къ мужеству и терпѣнію, являются мои откровенныя высказыванія тяжести страданій, отнюдь не составляющія ропота или недовольства жизнію и ея тяготами.

* * *

Господи, какъ за уплывающимъ счастіемъ простираю я за Тобою слабѣющія руки мои! Какъ въ улетающаго Утѣшителя, весь вперяется въ Тебя безутѣшно - скорбный взглядъ мой. О, Милосердный! Не оставь меня въ жалостномъ сиротствѣ! Возвратись ко мнѣ утѣшеніями Твоими, бесѣдами Твоими въ сердцѣ моемъ, вразумленіями Твоими въ дѣлахъ моихъ!...

А. I.

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

«Страстей свободженіе».

(Къ 18-му Іюля—дню памяти преподобнаго отца нашего Іоанна многострадальнаго, и къ 26-му Іюля—дню памяти преподобнаго отца нашего Моисея Угрина).

Страстію Твоею, Христе, отъ страстей свободихомся ¹⁾, воспѣваетъ св. Церковь. Истинно такъ, ибо крестныя страданія Спасителя нашего, именуемая *страстями Христовыми*, отверзли намъ двери царствія небснаго, гдѣ нѣтъ мѣста страстямъ человѣческимъ, гдѣ *ни женятся, ни посягаютъ, но суть яко Ангели на небсѣхъ* (Марк. 12, 25), гдѣ сподобляются вѣчнаго блаженства только чистые сердцемъ... Господь нашъ Іисусъ Христось, образъ давъ намъ такъ творить, яко же и Онъ, страданіями Своими указалъ, что и всѣмъ послѣдователямъ Его надлежитъ итти путемъ крестнымъ, путемъ узкимъ: *иже хоцетъ по Мнѣ итти, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Мар. 8, 34), *внидите узкими вратами* (Мѣ. 7, 13). Всесторонняя утѣшность, гладкій, широкій путь—удѣлъ не тѣхъ, которые Христовы суть: сіи послѣдніе распинають плоть со страстями и похотями, а сыны вѣка сего — питають и грѣють ю. Воспоминаемые нынѣ преподобные Печерскіе, Іоаннъ многострадальнѣй

¹⁾ Служба воскресна, гл. I-ѣ, стихиры на стиховнѣ.

(† около 1160 г.) и Моисей Угринъ († 1043 г.), являютъ намъ высокій примѣръ побѣды духа надъ страстною плотію. Послушаемъ разсказъ о житіи своемъ самого преподобнаго Іоанна, который одному брату, находившемуся въ унынїи отъ борьбы съ страстными помыслами, говорилъ слѣдующее: «Когда я пришелъ въ монастырь сей святой Печерскій и началъ трудиться по чину святаго ангельскаго образа, то много пострадалъ, томимый страстными помыслами, и не знаю, чего не дѣлалъ спасенія моего ради. Два и три дня пребывалъ я безъ пищи, часто и по цѣлой недѣлѣ ничего не ѣлъ, томилъ себя жаждою, по ночамъ всегда бодрствовалъ, — и пребылъ я въ такомъ злостраданїи до трехъ лѣтъ, но все не находилъ желаннаго покоя. Я пошелъ въ пещеру, гдѣ почиваетъ преподобный отецъ нашъ Антоній и пребылъ тутъ день и ночь, молясь предъ его гробомъ. Тогда я услышалъ гласъ преподобнаго ко мнѣ: «Іоаннъ, Іоаннъ! тебѣ надобно затвориться здѣсь въ пещерѣ, чтобы невидѣніемъ и молчаніемъ упразднить брань, и Господь поможетъ тебѣ молитвами преподобныхъ своихъ». Съ того времени затворился я въ тѣсномъ и скорбномъ мѣстѣ семь, пребываю здѣсь уже тридцатый годъ, и только недавно нашелъ покой, а все время боролся со страстями и помыслами. Изнемогая отъ тяжести непрестающей брани, я возложилъ на себя желѣзные вериги. Наконецъ, когда этого недостаточно стало, я выкопалъ себѣ яму по плечи, и когда наступилъ великій постъ, я влѣзъ въ нее и своими руками засыпалъ себя землею, такъ что только руки и голова остались у меня свободными. Такъ, угнетаемый землею, пребылъ я весь постъ, не имѣя возможности двинуть ни однимъ членомъ тѣла, но и тутъ не нашелъ покоя страстямъ; къ тому же и врагъ спасенія навелъ на меня страхъ, желая выгнать меня изъ пещеры. Ноги мои, засыпанные землею, были какъ въ огнѣ, такъ что корчились жилы, трещали кости, жаръ обнималъ желудокъ и всѣ члены мои. Но я забывалъ лютую болѣзнь, радуясь,

что чрезъ это утихали страсти, и желалъ скорѣе сгорѣть въ огнѣ томъ Господа ради, нежели вытти изъ ямы, на поруганіе бѣсамъ. И вотъ въ то же время я увидѣлъ страшнаго и лютаго змія, который, дыша пламенемъ и искрами осыпая, хотѣлъ пожрать меня, — и много дней творилъ сіе врагъ, желая изгнать меня. Наконецъ, въ самую ночь Свѣтлаго Воскресенія Христова внезапно напалъ на меня лютый тотъ змій, такъ что и голова моя, и руки оказались въ его пасти, и опалились у меня волосы на головѣ и бородѣ, какъ ты это видишь нынѣ. Тогда я воззвалъ изъ глубины сердца: «Господи Боже, Спасителю мой! Почто оставилъ Ты меня? Помилуй мя, Владыко, единъ Человѣколюбецъ, спаси меня грѣшнаго, единственный безгрѣшный, избави меня отъ скверны беззаконія моего, да не увязну въ сѣти лукаваго во-вѣки; избави меня отъ поглощенія симъ врагомъ, который, какъ левъ, рыкаетъ, желая меня поглотить, воздвигни силу Твою и прииди спасти меня, блесни молніею и прогони врага, да исчезнетъ отъ лица Твоего!» Лишь я окончилъ молитву, тотчасъ свѣтъ Божественный, яко молнія, блеснулъ, и лютый тотъ змій исчезъ, и даже донынѣ, благодатію Божіею, я его болѣе не видалъ. Слышалъ я тогда гласъ Господень ко мнѣ: «Іоаннъ, Иоаннъ, вотъ тебѣ помощь; отселѣ внимай себѣ, чтобы не случилось тебѣ худшее и не пострадалъ ты въ будущемъ вѣкѣ». Я поклонился и сказалъ: «Господи, зачѣмъ Ты оставилъ меня здѣсь мучимымъ быти?» — По силѣ терпѣнія твоего, — послѣдовалъ отвѣтъ, — наведено было на тебя искушеніе, чтобы ты былъ выжженъ, какъ золото: выше силы не попускаетъ Богъ искушенія человѣку; крѣпкимъ и сильнымъ слугамъ назначаетъ господинъ отвѣтственную и сложную работу, а немощнымъ и слабымъ — малую и легкую. Такъ разумѣй о брани, ея же ради ты молился о себѣ. Помолись погребенному противъ тебя, да облегчить тебя отъ обладающей тебя страсти: онъ выше Іосифа и можетъ помогать страждущимъ сею страстью. — Я не зналъ

имени умершаго и началъ взывать: «Господи, помилуй меня молитвами преподобнаго сего». Уже послѣ я узналъ, что это—преподобный Моисей Угринь. И осіялъ меня свѣтъ неизреченный...» Окончивъ свое повѣствованіе, преподобный Іоаннъ пригласилъ страстнаго брата помолиться преподобному Моисею, и дѣйствительно, отъ прикосновенія кости св. Моисея къ тѣлу брата, престала въ немъ страсть...

Преклонимся мысленно и мы съ вами, братіе, предъ св. мощами великаго въ подвигѣ преподобнаго Моисея, иже много искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи. Сей св. мужъ, по происхожденію Венгерець (Угринь), еще будучи мірскимъ человѣкомъ, въ 1018 году, въ числѣ другихъ, взятъ былъ въ плѣнъ Болеславомъ, королемъ Польскимъ, и въ оковахъ отведенъ въ Польшу. На молодого и красиваго плѣнника обратила вниманіе нѣкая знатная и богатая полька, вдова, и всячески старалась завлечь его. Но Моисей съ негодованіемъ отвергъ ея предложенія. Полька выкупила его дорогою цѣною изъ плѣна, одѣла въ богатое платье и старалась ему во всемъ угождать. Моисей оставался непоколебимъ. Тогда полька заключила его въ темницу и морила голодомъ; нѣкоторые лукавые совѣтники убѣждали подвижника склониться на предложенія польки, но св. мужъ отвѣчалъ, что желаетъ посвятить себя на служеніе Богу. Полька приказала подать Моисею прекраснаго коня, показала ему обширныя свои помѣстья, но и этимъ не соблазнила раба Божія, который вскорѣ тайно принялъ иноческое постриженіе отъ руки аеонскаго іеромонаха, котораго потомъ отыскивали, но не могли найти. Узнавъ о постригѣ Моисея, полька воспылала гнѣвомъ и приказала бить подвижника палками. Не перечестъ всѣхъ жестокихъ и безстыдныхъ дѣяній безумной вдовы, но, не смотря на всѣ ея прещенія и уловленія, св. Моисей, непрестанно пребывавшій въ молитвѣ и постѣ, остался твердъ и непоколебимъ. Король Болеславъ, въ угоду знатной полькѣ, приказалъ изгнать

иноковъ изъ Польши, но самъ вскорѣ умеръ, и тогда въ Польшѣ вспыхнулъ мятежь, причемъ перебито было много епископовъ и бояръ; погибла и безстыдная полька. Вскорѣ послѣ сего преподобный Моисей возвратился въ Россію, пришелъ въ пещеру преподобнаго Антонія и жилъ тамъ богоугодно, подвизаясь въ молитвѣ, постѣ, бдѣніи и во всѣхъ иноческихъ добродѣтеляхъ, ими же до конца побѣдилъ всѣ козни нечистаго врага. За премногія же побѣды страстей нечистыхъ, воевавшихъ на сего преподобнаго, даровалъ ему Господь, еще при жизни, силу побѣждать воюющія и на другихъ таковыя страсти. И по смерти, преподобный Моисей творить чудеса, избавляя отъ страстныхъ брани всѣхъ съ вѣрою притекающихъ къ его св. мощамъ и вообще въ молитвѣ его призывающихъ. Помолимся и мы сему угоднику Божію, а вкупѣ съ нимъ и св. Іоанну многострадальному, да молитвеннымъ ходатайствомъ ихъ очистимся отъ всякія скверны плоти и духа, ибо кто изъ насъ земнородныхъ чистъ предъ лицомъ всеправеднаго Бога? Поучимся у сихъ преподобныхъ терпѣнію въ подвигѣ и извлечемъ для себя душеполезныя уроки изъ ихъ многоскорбнаго житія. Великъ Іоаннъ многострадальный многолѣтними, поистинѣ дивными трудами Господа ради, побѣдившій всѣ козни вражія и только въ концѣ жизни обрѣтшій наконецъ тотъ покой, къ которому такъ давно и усиленно стремился. Другой, слабый духомъ и вѣрою, давно бы изнемогъ, сознавъ свою немощь, и промѣнялъ бы тяжкое житіе пещерное на красная міра сего... Но не таковъ былъ Іоаннъ, ибо взиралъ онъ на мздовоздаяніе и памятовалъ слова евангельскія: *никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствѣи Божіи* (Лук. 9, 62). Чѣмъ люте были удары врага, тѣмъ съ большею силою, съ новою ревностью противостоялъ имъ Іоаннъ, истинное терпѣніе Іовле показавшій. Вотъ, высокій образецъ побѣды духа надъ страстною плотію, вотъ, наглядное примѣненіе словъ: *вся могу оукрѣпляющею мя Исусъ Христъ* (Филип. 4, 13), вотъ,

примѣръ, особенно поучительный для нашего времени, когда удѣляется столько вниманія и заботъ тѣлу, жизни же духовной—почти ничего. Безъ сомнѣнія, и въ наше маловѣрное время есть подвижники, если не въ полной мѣрѣ путемъ Іоанновымъ проходящіе свой подвигъ, то во всякомъ случаѣ стремящіеся къ одной съ нимъ цѣли. Но если достиженіе сей цѣли—удѣлъ лишь сравнительно немногихъ: *мойи вѣстити, да вѣститъ* (Матѣ. 19, 12), то наоборотъ, стремленіе проводить житіе наше свято, мирно и безгрѣшно, и приистекающее отъ сего страстей освобожденіе — должны быть свойственны всѣмъ ревнующимъ о жизни во Христѣ. Мы видимъ, что и удаленіе отъ міра не спасло Іоанна отъ страшныхъ козней вражійхъ: не предохраняютъ отъ сего стѣны монастырскія, — спасаетъ лишь всесильная благодать Божія, посылаемая только тѣмъ, кто все упованіе возлагаетъ на Господа и неотступно просить Его всесильной помощи. Итакъ, христіанинъ, не ослабѣвай въ неустанномъ призываніи имени Божія, и сіе тебѣ будетъ лучшимъ щитомъ и оградой отъ вражійхъ навѣтовъ, сіе послужитъ тебѣ небожественною дѣствицею, коею непреткновенно возможешь достигнуть горняго Іерусалима... Но обратимся къ другому воспоминаемому нами великому подвижнику — преподобному Моисею, который, какъ въ печь огненную, былъ ввергнутъ въ огонь многочисленныхъ искушеній, могъ согрѣшить, и не согрѣшилъ, былъ, можно сказать, на краю бездны, и не упалъ въ нее,—*вся вѣмни въ зметы быти, да Христа приобращаетъ* (Филип. 3, 8). И Господь нашъ Іисусъ Христосъ благодатною Своею помощью ограждалъ вѣрнаго раба Своего и давалъ ему силу и крѣпость до конца отражать всѣ стрѣлы лукаваго и вытти побѣдителемъ изъ борьбы... Такъ и намъ, братіе, въ міру живущимъ, надо быть равнодушнымъ къ сладостямъ земнымъ, не прилѣпляться къ нимъ сердцемъ, а всегда имѣть въ виду, что не все позволительно христіанину. «Легкому подлежа искушенію со стороны міра», говоритъ святитель Феофанъ, «не подда-

вѣйтесь міру, а побѣждайте его и посрамляйте покушенія его на васъ равнодушіемъ, или даже отвращеніемъ къ его прелестямъ. Близость искушенія призываетъ и обязываетъ къ мужеству въ борьбѣ, и никакъ не можетъ послужить оправданіемъ тому, кто бы чрезъ послабленіе себѣ поддавался увлеченію искушеній. Какъ бы ни было сильно искушеніе, вы обязаны побѣдить его и посрамить¹⁾. Блаженъ тотъ, кто могъ погрѣшнить, и не погрѣшилъ, сдѣлать зло, и не сдѣлалъ (Сир. 31, 11). Пускай увлекается родъ людской круженіемъ мірскимъ, ты, христіанинъ, иди своею дорогою, узнимъ путемъ, часто очень труднымъ и прискорбнымъ, но за то Христовымъ, ведущимъ ко Христу, въ Его вѣчное царствіе, гдѣ приуготовлено мѣсто только тѣмъ, кто грѣха побѣдителемъ является, кто страстямъ не порабощается..

Итакъ, братіе, взирая на великій подвигъ преподобнаго Іоанна и Моисея, помолимся симъ угодникамъ Божиимъ, да помогутъ и намъ, каждому по коегождо мѣрѣ, *страстей свободженіе* получить, да во время свое возможемъ со дерзновеніемъ внити въ оный *безстрастный покой*, идѣже всѣхъ, *страстей свободившихся*, вѣчное жилище! Не остави милость Твою отъ насъ, Господи, но *молтвами святыхъ Твоихъ* въ мирѣ управи животъ нашъ ко благому концу!

А. Зеландъ.

¹⁾ Преосв. Теофанъ, Слово къ Владимірской паствѣ, изд. 1869, стр. 348.

П И С Ь М А

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

къ Н. И. К.

26 мая 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю съ богомольемъ и еще болѣе съ имѣющимъ послѣ сего послѣдовать богомольнымъ путешествіемъ. Богъ дастъ, благополучно и къ утѣшенію вамъ исполнятся всѣ ваши предпочертанія. — Саровъ и Дивѣевъ!—Это для васъ обѣтованная земля. Эти мѣста и въ самомъ дѣлѣ содержатъ и доставляютъ очень многое изъ того, что чаемъ отъ обѣтованной земли.

Даруй вамъ Господи добрѣ провести здѣсь часы и сподобиться во спасеніе Св. Причастія.

Милостивый Господь да даруетъ вамъ все, чего ищеть душа!

Заботы Чернички о малюткѣ да благословитъ Господь.—Любовію и снисходительностію скорѣе можно смягчить сердце, отъ природы нѣсколько упорное.

Бѣличку поздравляю съ радостію. Дай Господи, чтобъ это продлилось до конца дней ихъ.

Илья—премудрый; дай ему, Господи, устоять въ добрыхъ его намѣреніяхъ. Шаткихъ мыслей да избѣгаетъ... Но одно, такъ одно.—Врагъ не дремлетъ, а все подлагаетъ вмѣсто одного—другое, третье—и т. д.

Да благословить Господь всѣхъ васъ, и да управить во благое всѣ шаги ваши и по внѣшнему быту, и по внутреннему благоустроению души къ Богу.

Буди покровъ матери Божіей на васъ!

Вашъ доброхоть

Еп. Теофанъ.

Стаканъ чайный—прекрасный. Благодарствую.

27 мая 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю съ благополучнымъ совершеніемъ вашего богомолья. Благослови вамъ, Господи, и до дома добратъся добръ...

И потомъ въ другой путь... Даруй Господи, чтобъ исполнѣ исполнилось и все то, чего ожидаете вы отъ другого богомолья. Тамъ царствуетъ батюшка отецъ Серафимъ. Его молитвами да будетъ вамъ вездѣ хорошо: и въ дорогѣ, и въ мѣстахъ богомолья.

Прошлый разъ я уже поминалъ вамъ, кому отъ меня поклоны въ Дивѣевѣ. Теперь снова прошу васъ о томъ же.

Господа молю, чтобъ Черничкѣ тамъ понравилось. Затѣмъ конецъ дѣла уже будетъ нетруденъ и несложенъ.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхоть

Еп. Теофанъ.

И всѣмъ вашимъ поклонъ и благословеніе Божіе!

6 іюня 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

А я думалъ, что вы ужъ давно въ Саровѣ и за Саровомъ. Да устроить вамъ Господь исполненіе добраго желанія вашего.

Поболѣли... Дай Господи вамъ поскорѣе оправиться. И я поболѣлъ. Не спина, а крестецъ. Что-то тамъ въ ко-

стяхъ неладно было. Нынѣ совсѣмъ ничего не осталось. А то все была ломота: повернешься — заломить, посидѣвши встанешь — тоже; ложишься — ломить, встаешь — тоже. Нынче ничего такого не было. Вѣроятно, и не повторится. Это не въ первый разъ.

Саранча!!! увы! куда пробралась! заведется... ее не выживешь. — Спаси насъ Господи!

Гостей ждете... Они не помѣшаютъ вамъ собраться 15-го въ путь?!

Сейчасъ около насъ прошли темныя тучи. Немножко покропило... Но этого мало. Даруй намъ Господи еще и еще. Ростительность немного посоловѣла.

Какъ то взглянуть теперь на васъ Лиза?!. Свысока?!... Тогда сейчасъ ее на поклоны. А если явится смиренною, любящею и радующеюся свиданію, то перекрестите ее и похвалите... дай ей Богъ счастье!

Да — Лиза съ отцемъ будетъ у Бѣлички?! А мнѣ подумалось, что у васъ, только теперь одумался. — Возьмите ее съ собою и тамъ оставьте.

А Черничка радуется, воображая какія новости встрѣтить въ путешествіи?! — Желаю, чтобъ Дивѣвъ такъ привлечь ее, чтобъ она оттуда и выѣхать не захотѣла.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброты

Еп. Теофанъ.

18 іюля 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю съ благополучнымъ совершеніемъ вашего богомольческаго путешествія. Сколько отраднaго встрѣтили! сколько утѣшеній переиспытали! сколько воодушеви-тельного влилось въ душу вашу!

Благодареніе Господу. И покоище вамъ обозначилось, на случай окончательной перемѣны вашего быта. — Это всего пріятнѣе слышать. Да даруетъ вамъ Господь и дѣ-

домъ, что подумалось вамъ, что пожелалось, и надежды получить, что обвеселяли душу вашу.—Какъ благовременно устроилась поѣздка ваша.

Е. Н. Кудрявцевой очень благодаренъ. Она иконку архан. Михаила прислала... Я иногда пишу ей... хоть очень рѣдко.—Очень радъ слышать, что наши сосѣдки съ другого боку благоденствуютъ и благодушествуютъ. Даруй имъ Господи преуспѣваніе! И то пріятно слышать, что мать Евпраксія читится, какъ опытная старица, могущая въ благопотребное время дать слово назиданія и утѣшенія.

Это я вамъ поновляю воспоминаваніе бывшаго, чтобъ продлить вамъ полученныя отрады...

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ добрототъ

Еп. Теофанъ.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ ¹⁾.

ІХ.

«Наинъ, гдѣ братъ твой Авель?»

Такими словами Господь укорилъ перваго на землѣ злодѣя Каина, который по чернотѣ своего сердца, по зависти и злобѣ убилъ своего родного брата Авеля.

Съ тѣхъ поръ пронеслась надъ землею не одна тысяча лѣтъ времени. Люди разрастались и множились, накопили разнообразныя знанія, научались строить огромные города, воздвигать могущественныя сооруженія,—научались переплывать моря, опускаться на дно моря и въ глубину земли, подниматься на воздухъ, покорять себѣ и могучихъ животныхъ, и землю съ ея силами, и вѣтеръ, и паръ, и воздухъ, и молнію. Словомъ, наука и разумъ человѣческой достигли поразительной, чудесной силы. Казалось-бы, что вмѣстѣ съ ростомъ науки, вмѣстѣ съ усиленіемъ чело-вѣческаго разума и могущества на землѣ должно бы расти и счастье чело-вѣческой жизни. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Счастливы ли живутъ люди тепершніе противъ людей древнихъ? Похоже, что нѣтъ. Отчего-же это? Оттого, конечно, что, двигая впередъ науку о видимомъ мірѣ, развивая и обогащая свой разумъ внѣшними знаніями, люди отстали въ своемъ сердечномъ образованіи и устроеніи.

Умъ чело-вѣка достигъ могущественной силы, а сердце

¹⁾ Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душепол.* Чт. 1908 г.

его до сихъ поръ еще недостаточно благоустроено, недостаточно согрѣто чувствами братства, благожелательности и любви другъ къ другу.

Сколько разъ посылалъ Богъ на землю своихъ угодниковъ, которые отъ имени Божія учили людей жить дружно, жить въ мирѣ и согласіи.

Наконецъ, для вразумленія людей Самъ Богъ сходилъ на землю, жилъ вмѣстѣ съ людьми, словомъ и дѣломъ училъ ихъ разумной, доброй и счастливой жизни. Для счастья и спасенія нашего Господь принялъ на землѣ ужасныя страданія и умеръ на крестѣ, научая насъ тѣмъ самымъ не жалѣть другъ для друга даже жизни своей.

Прошло съ тѣхъ поръ почти двѣ тысячи лѣтъ. У людей для постоянного напоминанія имъ о жизни и страданіяхъ Спасителя осталась святая книга—Евангеліе. Эта книга даетъ единственно вѣрное руководство, единственно надежный планъ для устройства жизни. Она настойчиво твердитъ людямъ отъ лица нашего Создателя и Благодѣтеля: «непокорное, но любимое Мое созданіе—несчастные люди, послушайте вашего Создателя! Образуйтесь! Опомнитесь! Поймите,—въ чемъ ваше счастье! Перестаньте враждовать, злобствовать, обманывать и давить другъ друга. Вспомните, что вы—братья между собою. Любите другъ друга, живите дружно, по-братски,—и тогда счастье, миръ и радость водворятся въ вашей жизни».

Этотъ голосъ—повторяю—раздается на землѣ уже около двухъ тысячъ лѣтъ. Но до сихъ поръ въ людской жизни гораздо больше вражды и злобы, чѣмъ любви и братства. До сихъ поръ люди сильные тѣснятъ и давятъ слабыхъ; доселѣ земля наша оглашается стонами и воплями людей безправныхъ и обездоленныхъ, которые задыхаются «въ этомъ мірѣ борьбы и наживы». Все это совершается на нашихъ глазахъ. Мы всѣ видимъ бѣдствія несчастныхъ страдальцевъ, и никому изъ насъ нѣтъ до этого почти никакого дѣла. Мы съ легкимъ сердцемъ проходимъ мимо безвыходнаго горя и непокрытой нужды несчастныхъ на-

шихъ братьевъ. Никто не протянетъ имъ руку помощи; никто не пожалѣетъ несчастнаго, не поддержитъ его свое- временно, не вступится за обижаемаго. И пока рѣдко кто думаетъ о томъ, что ему придется когда-нибудь дер- жать строгій отвѣтъ за бѣдствія и безвременную гибель ближнихъ, погибшихъ по винѣ нашего безсердечія. Сердце наше, какъ говорятъ, обросло мохомъ. Но придетъ время, когда всѣ стоны и слезы нашихъ несчастныхъ братьевъ, задавленныхъ нашимъ бездушнымъ равнодушіемъ къ чу- жому горю, отзовутся мучительно-острою болью въ на- шемъ сердцѣ. Тогда проснется наша дремлющая совѣсть; откроются наши внутренніе глаза, и мы ясно увидимъ и почувствуемъ свою вину передъ своими ближними. Тогда каждый, кто могъ поддержать несчастнаго брата и не сдѣ- лалъ этого, почувствуетъ, что онъ поступалъ немногимъ лучше перваго братоубійцы Каина. Тогда безвременная гибель нашего брата поставитъ предъ смущенною со- вѣстью безсердечнаго человѣка грозный вопросъ: «Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?»...

Приведу нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ преступнаго людскаго безсердечія и безучастія къ горю и нуждѣ ближ- няго.

Вотъ вамъ картинка—случай, о которомъ я слышалъ или читалъ гдѣ-то.

Представьте глухую зимнюю ночь въ деревнѣ. На дворѣ бѣшено бушуетъ вьюга. Деревня спитъ уже. Огни вездѣ потушены. Въ это время хозяинъ крайней из- бушки вышелъ на дворъ. Сквозь завыванія вѣтра вдругъ до него донесся откуда-то неподалеку отъ села явствен- ный человѣческій крикъ. Прислушивается... Крикъ повто- рился еще нѣсколько разъ. Кто-то кричитъ о помощи. Явное дѣло,—человѣкъ въ бѣдѣ. Можетъ быть, на него напали волки, или онъ сбился съ пути, ослабѣвъ, про- дрогъ до костей и готовъ замерзнуть. Можетъ быть, дур- ные люди творятъ надъ нимъ насиліе... Какъ было не по- торопиться на выручку къ бѣднягѣ? Если жутко и боязно

одному, такъ клигнуть сосѣдей, сдѣлать тревогу. Вѣдь, человѣкъ погибаетъ! Братъ нашъ кричитъ о помощи! Вѣдь, Самъ Господь, Который сказалъ, что все, что вы сдѣлаете для меньшихъ Моихъ братій, то для Меня сдѣлаете (Мѡ. 25, 40), призывалъ на помощь, давалъ случай сдѣлать доброе дѣло. Но нашъ крестьянинъ остался глухъ къ Божьему голосу. Постоялъ онъ, подумалъ немного, махнулъ рукою и пошелъ спать. На утро жена его пошла на гумно за кормомъ для скотины и дорѣгой наткнулась на замерзшаго человѣка.

Оказалось, что найденный покойникъ—родной братъ того крестьянина, который ночью слышалъ крики о помощи. Онъ шелъ съ военной службы домой, ночью во вьюгу сбился съ дороги, измучился, прозябъ и замерзъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ родного дома.

Что-же послѣ этого сказать о родномъ братѣ замерзшаго,—о томъ крестьянинѣ, который ночью слышалъ отчаянные крики погибающаго, но ради собственнаго своего спокойствія, что называется, пальца о палець не ударилъ для спасенія бѣдняги? Развѣ не виноватъ онъ въ гибели своего родного брата? Развѣ онъ не братоубійца? Развѣ не встанетъ передъ его совѣстью грозный вопросъ: «Кайнъ, гдѣ братъ твой Авель?»

Вотъ другой случай. Въ холодный морозный вечеръ по нарядной улицѣ большого, многолюднаго города медленно, разбитою походкой двигается жалкая фигура. Одѣта она очень легко и бѣдно. Лицо осунувшееся, заморенное. Въ глазахъ—тревожная растерянность съ примѣсю тоскливой муки и чего-то близкаго къ отчаянію... Это рабочій, котораго хозяинъ за что-то прогналъ со службы.

Читатель, конечно, не будетъ торопливъ въ осужденіи бѣдняка, потерявшаго мѣсто. Въ нашей жизни остаться безъ работы бѣдному человѣку нѣтъ ничего легче. Временное нездоровье, клевета и злоба товарищей, придирки и даже капризъ хозяина, случайная оплошность и упущеніе по работѣ, честная горячая отповѣдь на неспра-

ведливость и прижимки хозяина,—и вотъ бѣдный рабочій вдругъ можетъ очутиться на улицѣ, остаться безъ работы, безъ крова, безъ куска хлѣба.

Въ поискахъ новаго мѣста можетъ пройти не одинъ день, а цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы. А вѣдь кормиться-то нужно каждый день, да еще нерѣдко имѣя на плечахъ семью совершенно безпомощную, ничѣмъ невооруженную для борьбы житейской...

Въ такомъ поистинѣ ужасномъ положеніи очутился и нашъ рабочій. Онъ уже другой день ничего не ѣлъ: купить кусокъ хлѣба было рѣшительно вѣ на что. А между тѣмъ изъ оконъ хлѣбопекаренъ и колбасныхъ выглядывало множество румяныхъ калачей, булокъ, колбасъ, окороковъ и другихъ соблазнительныхъ припасовъ. Видъ этой вкусной и разнообразной снѣди еще болѣе раздражалъ голодъ и усиливалъ муки несчастнаго. Раздумывая, какъ-бы хоть немного утолить муки голода, бѣдняга рѣшилъ продать ремень, которымъ былъ подпоясанъ (попросить «Христа ради» духу не хватало: никогда еще не приходилось).

Въ мелочной лавчонкѣ за ремень дали 7 копѣекъ. На двѣ копѣйки нашъ знакомецъ купилъ чѣрстваго чернаго хлѣба, а пяточокъ припряталъ, чтобы расплатиться за ночлегъ гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ. Тутъ-же на улицѣ, на ходу утоливши первый голодъ, почувствовалъ бѣдняга, что пора бы ему и отдохнуть гдѣ-нибудь: и усталъ онъ страшно, прозябъ, да и время подходило позднее. Побрелъ нашъ путникъ къ постоялымъ дворамъ; въ одномъ дому попросилъ ночлега.—Съ лошадей?—спрашиваютъ его. «Нѣтъ, одинъ».—Ну такъ проваливай, братъ. У насъ и для хорошихъ людей мѣста не хватаетъ... «Да я заплачу... я не даромъ».—Знаемъ мы вашу плату... Учёны... Еще стянешь что-нибудь... Никита! крикнулъ хозяинъ работнику, проводи его за ворота, да запри калитку...

Пошелъ бѣднякъ дальше. Морозъ крѣпчалъ. Зашелъ

нашъ горемыка въ глухой переулочѣ, подошелъ къ какому-то дому, сталъ стучаться въ запертыя ворота. Минуты черезъ двѣ за воротами послышался скрипъ шаговъ, и кто-то заспаннымъ голосомъ окрикнулъ: «Кто тамъ?»—Ночевать пустите.—Калитка отворилась, и человекъ съ зажженнымъ фонаремъ въ рукахъ освѣтилъ жалкую фигуру нашего знакома. «Гдѣ же подводы?»—спросилъ отворившій калитку.—Да я одинъ; я мастеровой... ищу работы... мнѣ только переночевать-бы, — робко и дрожа отъ холода отвѣтилъ нашъ скиталецъ. «Чего-же ты, бродяга, беспокоишь добрыхъ людей? Вишь, ломится какъ въ свой собственный домъ... Вотъ шею-то намылить... — Да за что же?.. Господи... Мнѣ только бы обогрѣться... Вотъ у меня и деньги...—«Ну, нечего зубы-то заговаривать... Убирайся, покуда ребра цѣлы»... Калитка захлопнулась. Горемыка нашъ совершенно потерялъ голову. Голодовки послѣднихъ дней, страшная усталость и слабость въ тѣлѣ, горькая обида за свою безпомощность и людское бездушіе, безнадежность и отчаяніе за завтрашній день, холодъ на душѣ и ознобъ въ тѣлѣ, полнѣйшая беззащитность, безпріютность и одиночество на улицѣ въ морозную ночь,—все это разомъ налегло на измученную душу горемыки, сдавило ее какимъ-то холоднымъ кольцомъ, затуманило голову, заледенило мысли и чувства. Въ изнеможеніи или—вѣрнѣе—въ какомъ-то деревянномъ опѣпенѣніи опустился онъ на ближнюю скамейку, рядомъ съ домомъ, гдѣ ему грубо и жестоко отказали въ пріютѣ, и понемногу погрузился въ предсмертную дремоту. Скоро онъ заснулъ вѣчнымъ сномъ. Благодѣтельный морозъ сжался надъ бѣднягой; онъ избавилъ его отъ дальнѣйшихъ страданій, унесъ его изъ того міра, гдѣ безчувственные люди выгоняютъ своего брата на улицу и допускаютъ его умереть не гдѣ-нибудь въ полѣ, а на улицѣ многолюднаго города,—у воротъ дома, гдѣ передъ смертью онъ слезно, именемъ Бога просилъ себѣ короткаго пріюта. Земныя страданія замерзшаго горемыки кончились; но на

этомъ не могутъ быть кончены счеты его съ безчувственностью и жестокостью людей, по винѣ которыхъ погибъ онъ. Придетъ время, и Высшая Правда, Высшій Хозяинъ и Начальникъ жизни потребуетъ отъ бездушныхъ и безчувственныхъ людей строгаго отчета за безвременную смерть горемыки. Придетъ время, и грустная кончина выброшеннаго на морозъ и голодъ бѣдняги поставитъ предъ его безчеловѣчными убійцами страшный вопросъ: «Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?»

Пойдемъ дальше... Не задумывался ли ты, христіанинъ, надъ вопросомъ, — откуда берутся въ нашей жизни разные жалкіе люди, неспособные къ честному труду? Откуда всѣ эти убогіе, поврежденные тѣлесно и душевно, слабоумные, одержимые неизлѣчимыми пороками и болѣзнями? Если заглянуть поглубже въ исторію жизни этихъ несчастныхъ, а также познакомиться съ жизнью ихъ отцовъ и дѣдовъ, — то окажется, что очень часто эти поврежденные — дѣти поврежденныхъ и порочныхъ родителей. Отцы и дѣды этихъ «поврежденныхъ» жили разгульно, безпутно и порочно. Они не хотѣли сдерживать себя ни въ чемъ, не хотѣли отказывать себѣ ни въ какихъ порочныхъ уладахъ и утѣхахъ, жили «во всю» и понемногу втягивались въ безудержное распутство, доходили до страшныхъ излишествъ, подрывали свое здоровье, заражали кровь свою, наживали разныя болѣзни или — по меньшей мѣрѣ — сильную склонность къ разнымъ болѣзнямъ. Все это по наслѣдству передалось въ кровь ихъ дѣтей и внуковъ, понемногу росло и усиливалось, и, наконецъ, въ какомъ-нибудь внукѣ или правнукѣ (а нередко и прямо въ дочери или сынѣ) поврежденіе и болѣзнь обозначились въ полной и грозной силѣ. Уже давно замѣчено, что дѣти очень часто расплачиваются за грѣхи своихъ родителей. Въ Библии Господь прямо угрожаетъ порочнымъ людямъ наказаніемъ ихъ потомства: «И буду мстить имъ (грѣшникамъ) до третьяго и четвертаго рода». Другое библейское изреченіе неотвратимую силу наслѣд-

ственности разъясняетъ въ такой образной формѣ: «отцы ѣли кислое, а у дѣтей ихъ оскомина».

Спрашивается,—что же почувствуютъ разные безпутные и распущенные гуляки, разные беззаботные «прожигатели жизни», пьяницы и развратники, когда «въ день оный», въ день послѣдняго Страшнаго Суда увидятъ,—какую долю подготовили они своею безпутною жизнью родному семейству, роднымъ дѣтямъ и внукамъ?

Несчастные дѣтоубійцы! Сердце ихъ обольется кровью, когда предъ ихъ взорами раскроется весь леденящій ужасъ ихъ вины передъ собственнымъ потомствомъ. Затрепещутъ несчастные, когда Праведный Судія міра представитъ имъ страшную картину ужасной жизни ихъ потомковъ и скажетъ: «Смотрите,—вотъ что вы сдѣлали! вотъ ваши дѣти и потомки; вотъ эти несчастные, которые по вашей винѣ проклинали на землѣ день своего рожденія,—которые при земной жизни и сами себѣ были не рады и другимъ служили въ тягость. Они ваши дѣти, но они же и первые ваши обличители. Ихъ каторжная, адская жизнь на землѣ, ихъ безвинныя страданія лежатъ на вашей совѣсти, требуютъ возмездія. Пусть же эти безвинныя земныя муки дѣтей вашихъ, ихъ искалѣченная въ корнѣ по винѣ вашей жалкая жизнь будетъ вѣчно лежать камнемъ на вашей порочной, дѣтоубійственной совѣсти».

Содрогнется и сожмется мучительнымъ ужасомъ сердце виноватыхъ предъ родною семьею родителей, когда Господь откроетъ судъ Свой надъ всѣми дѣтоубійцами и братоубійцами. Громовымъ ударомъ отдастся въ смятенныхъ душахъ ихъ грозный гласъ Господа, обращенный вѣкогда къ первому братоубійцѣ: «Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?»

Возьмемъ теперь жизнь намъ близкую и знакомую. Возьмемъ жизнь сельскихъ обществъ. Сколько въ нашей мірской жизни творится всяческой неправды, зла, жестокости и насилія надъ своими же однообщественниками! Какъ часто на нашихъ сельскихъ сходахъ правда про-

дается чуть не за стаканъ водки! Сколько слезъ проливаютъ у насъ беззащитные бѣдняки, вдовы и сироты, которыхъ давятъ сильныя въ обществѣ «міроѣды»! Эти кулаки и міроѣды нерѣдко по какой-нибудь несправедливой тяжбѣ вынуждаютъ бѣдняковъ продавать за безцѣнокъ послѣдній клочъ земли, послѣдную скотину. Все это продѣлывается на глазахъ у общества. Порядочные и совѣстливые крестьяне хорошо видятъ неправду и беззаконіе въ дѣйствіяхъ богатаго и сильнаго міроѣда. Но именно потому, что міроѣдъ богатъ и силенъ, заступиться за обижаемаго бѣдняка ни у кого не хватаетъ духа. Наше собственное спокойствіе намъ дороже Божіей правды. Это, какъ нельзя лучше, видно изъ тѣхъ позорныхъ поговорокъ, которыми мы оправдываемъ свое трусливое невмѣшательство въ дѣла и жизнь своего общества. «Моя хата съ краю, ничего не знаю». «Мое дѣло — сторона». «Что я могу подѣлать противъ «міра?» «Только хлопотъ наживешь себѣ»...

Въ этомъ - то трусливомъ молчаніи, въ этомъ постыдномъ нежеланіи вступить и постоять за правду и заключается великое безчестіе и преступленіе наше противъ ближнихъ. Этимъ позорнымъ молчаніемъ мы прямо играемъ въ руку мірскимъ воротиламъ и разнымъ безчестнымъ дѣтелямъ, даемъ просторъ и поблажку ихъ безцеремонной дѣятельности. Тѣмъ-то и сильны разныя темныя дѣльцы въ нашей жизни, что ниоткуда не встрѣчаютъ отпора. Они смѣло высасываютъ соки и кровь изъ бѣдняковъ, потому что знаютъ нашу трусливость и угодничанье передъ денежной силой. Они прекрасно знаютъ, что насъ всегда легко запугать, подпойть, подкупить. Мы чуть не за честь для себя почитаемъ, когда какой-нибудь денежный тузъ, нажившій деньги грязными плутнями, слезами и кровью бѣдняковъ, милостиво пожметъ намъ руку, любезно поговорить съ нами, удостоить насъ своей «компаніи». По милости этого-то нашего молчанія, — по милости того, что предъ богачами и нахалами мы чаще

всего трусливо кривимъ душою, почтительно разступаемся и отдаемъ имъ на съѣденіе своихъ же однообщественниковъ,—и слабѣетъ наше общество, разоряются и идутъ «по міру» цѣлыя семейства, а ловкіе плуты торжествуютъ.

Вотъ объ этой-то винѣ нашей передъ Божеской правдой и передъ ближними, — о томъ, что мы «къ добру и злу постыдно равнодушны»,—что передъ силой мы трусливые рабы,—обо всѣхъ горькихъ для общей жизни послѣдствіяхъ нашего себялюбія и продажности и напомнятъ намъ на томъ свѣтѣ. Тогда cadaго изъ насъ спросятъ: «что ты сдѣлалъ для защиты своего бѣднаго брата отъ притѣсненій разныхъ хищниковъ? Пробовалъ ли ты хоть разъ въ жизни, хоть словомъ единымъ вступить за поруганную правду Божию, за неправедно гонимаго брата твоего? Что ты дѣлалъ, когда на глазахъ твоихъ брата твоего грабили и извѣдали разные грабители? Ты молчалъ; ты сторонился отъ вмѣшательства; ты прятался за спину другихъ; ты заискивалъ передъ богатымъ грабителемъ; ты заботился только о своемъ собственномъ спокойствіи. Это ли истинная любовь къ правдѣ Божіей? Это ли истинная любовь къ ближнему? Дѣйствительное братолюбіе сказывается въ дѣлахъ помощи и заступничества за обижаемаго, въ дѣлахъ самоотверженнаго служенія своему ближнему, въ готовности положить душу свою за други своя? Гдѣ у тебя подобныя дѣла? Гдѣ твое мужественное противодѣйствіе и смѣлая борьба со зломъ и неправдою жизни? Гдѣ твое стараніе помочь несчастному брату, осушить его слезы, вырвать его изъ когтей хищника, не дать его въ обиду притѣснителямъ? «Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?»

Наконецъ, приведу вамъ въ примѣръ себя самого. Я—священникъ. Мое дѣло учить своихъ прихожанъ доброй, разумной, Евангельской жизни, утѣшать и ободрять несчастныхъ и всѣми мѣрами заботиться о томъ, чтобы привести ввѣрennыя мнѣ души ко Христу, т. е. содѣлать ихъ вѣчное спасеніе.

И вотъ, если по моей нестарательности, лѣности и беззаботности погибнетъ хоть единая душа изъ моихъ прихожанъ,—за эту погибшую по моей винѣ душу я дамъ строгій отвѣтъ на томъ свѣтѣ и услышу обращенный ко мнѣ грозный голосъ Пастыреначальника: «Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?»

Да, братцы, холодно живется на нашей бѣдной и грѣшной землѣ. Холодно въ этомъ мракѣ и туманѣ себялюбія, безчеловѣчія, безжалостныхъ обмановъ, жестокихъ обидъ, безсердечныхъ притѣсненій и бездушнаго, безучастнаго равнодушія нашего къ горю ближняго...

Боже милостивый! да возгорится въ сердцахъ нашихъ живительный огонь любви Твоей Божественной; да оживить онъ, обогрѣетъ и размягчитъ наши зачерствѣвшія и захладовавшія души. Да придетъ къ намъ царствіе Твое,—царство добра, любви и братства!

Свящ. І. Утѣхинъ.

ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ,
Епископа Пензенскаго и Саратовскаго,
къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской и
князю и княгинѣ Мещерскимъ. ¹⁾

П и с ь м о 13-ое

Не сокрушайтесь, княгиня, нѣкоторыми недоумѣніями, но безъ сопротивленія идите въ простотѣ по слову Божию, а не человѣческому и своему—идите въ любви, по образу любви, сіяющему со креста въ церкви на всѣхъ и на вся, или со креста Голгоѣскаго, поклоняемаго еще пророкомъ Давидомъ и доселѣ поклоняемаго всѣми христіанцами. Любовь ко Іисусу Христу, возрастающая въ сердцѣ, возраститъ и умъ, просвѣтитъ и очи сердца на всѣ духовныя занятія немногочисленныя, но единообразныя и тихія, не темныя или мрачныя, но свѣтлыя и радостныя.

П и с ь м о 14-ое.

Ваши посылки—и уху, и инбирь, и арроруть—мнѣ доставилъ человѣкъ вашъ. Жаль даже человѣка въ такую мокрую погоду для меня такъ далеко шедшаго. Скажите, княгиня, чувствуете ли вы покой въ вашей совѣсти, когда такъ обременяете меня вашей любовью. Я говорю обременяете, потому что нѣтъ моихъ способовъ воздать вамъ, а остается быть должникомъ и платить не тѣмъ, что при-

¹⁾ Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душепол. Чт.* 1908 г.

емлю. Ту же любовь, которую оказываете ко мнѣ, являйте всей о Христѣ церкви—пріятелямъ и врагамъ, знакомымъ и незнакомымъ. Когда Господь сподобитъ меня возносить ему руками моими жертву хвалы — безкровную жертву благодаренія—плоть и кровь Иисуса Христа, то вотъ одно изъ воздаяній—принесу жертву сію и о вашей душѣ, упоминая ваше имя и желая, да возрастетъ любовь вапа въ мѣру любви Иисусъ—Христовой, той любви, которая любитъ и погибшихъ, ищетъ страждущихъ, сама страдаетъ за страждущихъ, распинается за поносителей, за враговъ, за распинателей своихъ. Сею любовію одушевляйтесь, княгиня, и какъ можно чаще воспоминайте любовь *распятаго на крестѣ*, живѣе, сильнѣе, пламеннѣе, постояннѣе. Пресвятая Богородица — свидѣтельница сей любви—поможетъ вамъ възгрѣвать сей даръ духовный въ сердца. Милосердіе Божіе явно научаетъ сей любви, поставивъ насъ, или лучше окруживъ насъ отвсюду предметами сей любви, одушевляющей все внутри насъ и укрѣпляющей насъ на все, что внѣ насъ, если только вѣрными ей остаемся. А невѣрность врачуетъ то скорбями, то неудачами, то напоминаніями словесными, то книжными, то случаями, встрѣчающимися очамъ нашимъ. О, Премилосердый Наставниче! Ты трудишься надъ душею нашею каждый часъ и каждую минуту—что жъ мы, Тобоюставляемые — лѣнливые ученики, ничему не научаемся, кромѣ словъ, кромѣ словъ и замѣчаній безплодныхъ.

Письмо 15 ое.

Такъ вамъ нужно благословеніе, но отъ Господа Иисуса Христа, который исходатайствовалъ и вамъ лично всѣ небесныя благословенія отъ Бога Отца. Вы идете къ покаянію. Пріемляя кающихся, кто бы они ни были, да управить путь вамъ! Въ тишинѣ утренней, хотя на постели, и въ тишинѣ вечерней передъ сномъ воспоминайте

гнуемость грѣховную, святость Бога распятаго и разрывающаго душу отъ грѣховъ, невѣрность души и непримѣяемость стоящаго при вратахъ души нашей и ударяющаго въ нихъ, дабы отверзти и внити. Воспоминайте и то, что Онъ увидеть въ таинствѣ причащенія — увидеть, когда вкусите плоть и кровь Его дражайшую. Воспоминайте и желайте, желайте чаще и крѣпче, глубже и долѣе, пламеннѣе и вѣрнѣе; воспомявая, молитесь и, молясь, надѣйтесь на Его посѣщеніе истинное, пренебесное, Божественное, непостижимое. Молясь, не вдавайтесь въ мысли о слабостяхъ, но прогоняйте ихъ молитвенною любовію, именемъ Иисуса Христа, силою не своею, но Божіею. О, если бы нѣсколько дней пребыть исполнителемъ воли Господней—не говорю нѣсколько мѣсяцевъ и даже недѣль! Суета міра, въ коемъ живемъ, непостоянство вещей, которыми окружены, хитрость врага, который непрестанно насъ ловитъ и во всемъ ставитъ намъ сѣти, слабость плоти, которая не покоряется, грѣховность души, которая непрестанно сама въ себѣ родитъ тьму и все тьмою покрываетъ, грѣховность ума, который ищетъ распространить свою область, то-есть умножить гордость, грѣховность воображенія, которое развлекаетъ или увлекаетъ къ прежнимъ порокамъ и изображаетъ новыя удовольствія, чтобы хотя ими насытить и усыпить душу, ищущую Господа, грѣховность чувствъ, которыя, какъ огна смерти, приѣмлютъ только смертное,—словомъ, все возмущаетъ благое расположеніе внутреннѣйшей воли, и потому долго въ одномъ положеніи никто быть не можетъ. Правда, что противъ всѣхъ сихъ враговъ надобно стоять, съ ними бороться и вудиться — или принуждать себя хотя понемногу. Но безопасность съ понужденіемъ просить помощи Господней, чтобы Его сила совершалась въ нашей немощи. Потому то и нужно чаще воспоминать съ желаніемъ посѣщенія Иисусъ Христовъ — какъ бы алкать и жаждать Его,—а для сего отлагается понемногу тѣлесное питіе и тѣлесная пища. Вотъ, и говѣніе. Господи Иисусе

Христе! благослови слова сія и что нужно внуши ко славу Твоею, дабы ищущіе Тебя, какимъ бы то ни было образомъ, слабо, холодно, непостоянно, грѣховно, или пламенно, крѣпко, постоянно и праведно, обрѣли, по крайней мѣрѣ, истинный путь къ Тебѣ и Пречистой Твоею плотію, святѣйшею Твоею кровію не обременяли души своей, не погубили бы и судомъ и клятвами! Для догматовъ церкви теперъ не скажу ничего, кромѣ того, что умоляю васъ, княгиня, именемъ Господа Іисуса Христа, умоляю васъ бросить свои мысли, хотя потому, что онѣ ваши, что онѣ питають самолюбіе. Церковь, составленная изъ безчисленныхъ благочестивыхъ мужей отъ первыхъ временъ христіанства, почти до лютеранства, исповѣдала, признавала, вѣрила, научала и спасала; церковь — тѣло таинственное Іисуса Христа подъ главою своею невидимую Іисусомъ Христомъ такъ вѣрила; согласитесь и вы, что вы не лучше цѣлой церкви, и молодое преобразование не превосходише постоянной, единообразной и священной древности. Словомъ, не доказываю, ибо не время, но прошу и умоляю васъ отложить ваши мысли. Надѣюсь, что онѣ, по времени угасая, угаснутъ и оставятъ послѣ себя мѣсто и свободу сіять въ сердцѣ чистѣйшему свѣту.

Вы не желали, чтобы я писалъ; я пожелалъ нарушить ваше желаніе и хотя что нибудь сказать ко славу Божіей, чтобы раздѣлить и крупицу, доставшуюся мнѣ отъ трапезы Его—крупицу, разумѣю, не мою, но Его—и притомъ крупицу псу, недостойному и сей крупицы,—крупицу не силы духовной, но словесной. — Что нужды, если на нынѣшній вечеръ обезпокою нѣкоторыми словами? Всякое безпокойство есть сѣмя покоя, разумѣю по духу во Іисуса Христа.

Прошу быть откровеннѣе или продолжать откровенность. Если встрѣтится что тяжкое—сообщить тяжесть: можетъ быть на двоихъ раменахъ тяжесть менѣе будетъ чувствительна. Можете написать и, такимъ образомъ, нѣсколько сложить съ себя то, что дѣйствительно тяжело. Впрочемъ,

пришедый призвать грѣшника на покаяніе Самъ да устроить и ваше покаяніе — искреннее, полное и потому совершенное, дабы двери сердца, единожды отверзшись вполнѣ, никогда не затворялись для Іисуса Христа—Спасителя и Посѣтителя, Царя и Бога нашего! Въ молитвахъ вашихъ вспомните хотя однажды о грѣшникѣ Иннокентіи.

П и с ь м о 16-ое.

Нужно ли приступить къ печатанію чего новаго, вы, княгиня, можете рѣшить сами, поставивъ предъ собою всѣ обстоятельства побуждающія и всѣ запрещающія въ присутствіи нелицепріятнаго Судіи, проникающаго въ самые изгибы глубины умственной и сердечной. Тотъ, кому нужно смѣсить себя съ прахомъ земнымъ, предъ неприступнымъ величіемъ и безпредѣльною Святостію Господа Бога, не захочетъ искать угожденій человѣческихъ, не постыдится посрамленія для славы Христовой, не обременится поношеніями и ношеніемъ креста, повергающаго и умъ, и сердце, и всѣ способности, и самое тѣло на землю. Подъ тяжестію истиннаго креста нельзя не пасть до земли, нельзя не смириться до самоотверженія. Вотъ, нѣкоторыя замѣчанія на вашъ вопросъ; прилагайте ихъ къ вашимъ обстоятельствамъ сами.

П и с ь м о 17-ое.

Вы немного приблизились къ покою, но борьба еще велика; еще начало волненія и бури; много ощутите покоя молитвами къ Пресвятой Богородицѣ, какъ молитвенницѣ непрестанной о душахъ нашихъ. Здѣсь вы видите отвѣтъ на то сомнѣніе, которое предложили: сказать ли о духовному смущеніе духовное, грѣхъ, отъ младенчества растущій и укрѣпляющійся до сихъ лѣтъ. Смирена-

ные каются въ самыхъ помышленіяхъ своихъ, а гордые не хотятъ каяться и во грѣхахъ; или сомнѣваются: каются ли; сомнѣваются — грѣхъ ли. Бѣдная душа моя, ослѣпляемая самомнѣніемъ, не знаетъ себя и своей слѣпоты, однако мечтаетъ, что она не слѣпа, что она во свѣтѣ, что она чиста. Это ли не гордость, это ли не ослѣпленіе, когда лгу самъ себѣ и не могу отстать отъ лжи, лгу другимъ и не сознаюсь во лжи? Еще ужаснѣе — лгу цѣлому собранію вѣрныхъ, лгу цѣлой церкви, лгу пастырямъ я и, однако, не могу разстаться съ ложью. Прочь, ложь проклятая! не вѣрю тебѣ, мысль окаянная, не вѣрю тебѣ, умъ прелестный, не вѣрю тебѣ, льстивое сердце: вы всѣ обманываете меня, вы всѣ не стоите того, что сказано о церкви, что она есть столпъ и утверженіе истины. Какъ же идти въ ту церковь, съ которою нѣтъ согласія, какъ принять духовника той церкви, которой лгу и не вѣрю, однако лжи своей не почитаю ложью? О, какъ ужасно обманывать себя и другого, какъ опасно лгать кому-нибудь! Иисусъ Христосъ ясно сказалъ въ Евангеліи: отецъ лжи есть діаволъ, который *лжу маломalz* и во истинѣ никогда не стоитъ. Впрочемъ, убѣжденія ищите у Господа Иисуса Христа, коего принять сподобляетесь, а грѣшнику и грѣшными устами, притомъ на бумагѣ, убѣждать и двигать сердце, утвердившееся нѣсколько лѣтъ, убѣждаемое многими книгами, бесѣдами, увѣреніями, лицами, убѣждать въ нѣсколько минутъ нѣтъ возможности.

Однако, вѣрно, что Господь Иисусъ Христосъ, видящій ваше сердце и близъ его стоящій, Самъ пресвятымъ словомъ Своимъ, какъ вѣркимъ жезломъ, поразить и смягчить ваше сердце до признанія въ заблужденіи! Онъ любитъ сердца чистыя, слѣдственно, и вы приступите къ Нему или бесплодно, или съ сердцемъ, очищеннымъ отъ сомнѣній; приступитъ должно, дабы не приступитъ къ осужденію, которое нами самими уготовляется, возвращается и созрѣвается.

Пусть не вывѣшній разъ, когда еще глубоко лежитъ

вода въ камнѣ, когда еще крѣпокъ корень самомнѣнія, когда еще тяжело всецѣлое смиреніе, будутъ дни посѣщенія Иисусъ Христова, будутъ его прикосновенія къ сердцу или въ тихихъ вѣщаніяхъ, или въ сильныхъ ударахъ; и тогда точно милосердіе Господне коснется глубины сердечной, раскопаетъ корень золь, извлечетъ его изъ изгибовъ и изведетъ воду слезную, покаянную, тихую въ томъ грѣхѣ, который подъ прелестною личиною таился въ грѣховной душѣ!

Оставьте меня, княгиня, въ семь увѣреніи и не препятствуйте вашему сердцу также предаваться сему увѣренію, коего прошу и молю вамъ усердный слуга.

П и с ь м о 18-ое.

Благословите Господа, княгиня, благословившаго васъ покоемъ и радостію! Его щедрая десница подаетъ не крупницами, а мѣрою преисполненною, разливающеюся, подаетъ всегда, какъ только будемъ готовы, подаетъ все, но мы не все можемъ принять. Слава всещедрости, слава всеблагому промыслу, слава безконечной любви, слава безпредѣльному милосердію, слава Иисусу Христу со Пресвятымъ и Благимъ Отцемъ и Животворящимъ Духомъ! Слава премудрому установленію пресвятаго таинства, въ коемъ столь близкое открыто соединеніе со Иисусомъ Христомъ, столь высокое и простое приближеніе къ Пренебесному Тѣлу и Крови! Слава Господу, посѣтившему и посѣщающему ваше сердце!

Ваша радость обрадовала меня, недостойнаго и слышать о толикой тайнѣ, содѣваемой въ сердцахъ человѣческихъ. Отъ духа вашего искра прилетѣла и коснулась моему трупу, отчего и не могъ не хвалить и не славить Господа, коему долженъ непрестанно имѣть и приносить, какъ жертву, и посвящать во всемъ и во всѣхъ только славу!

Минуты радости кончились вмѣстѣ съ разсѣянностію мыслей; слѣдственно, она бы не кончилась, если бы мысли.

остались въ покоѣ, хотя бы тѣло и терпѣло перемѣны. Присутствіе Іисуса Христа можетъ быть и во время всѣхъ работъ, только бы одно око устремлено было на работу, а другое къ Нему; и начало работы, и продолженіе, и конецъ должны производиться такъ, какъ бы въ присутствіи Господа; въ семь случаѣ работа прекратитъ на время и покой, и радость, но, по окончаніи, покой возвратится, а за нимъ и радость; ибо возвратится чувство ко Господу присутствующему. О! страшно и свято одно имя Его, какъ же свято и радостно должно быть присутствіе Его!

Письмо 19-ое.

На длинное вчерашнее ваше письмо не можно было отвѣчать и по должности и также по расположенію души моей, которая, будучи въ цѣпяхъ, какъ плѣнница, во тьмѣ, какъ заключенная невольница, въ скорби, какъ уголовная преступница, не могла смягчаться ни на какія ваши усилія; не могла и какъ будто не хотѣла двинуться никуда, ни для чего. Не прошла еще тяжесть первая, налегла другая; двѣ совокупившись столько стѣснили жестокое сердце, что невольно уступило усилію, или силамъ гнетущихъ.

Видно, такъ и всегда съ упрямымъ сердцемъ Господь милостиво творить смягченіе. Его послышка, иногда какъ *онь*, иногда какъ *млатъ*, иногда, какъ *бичъ*, иногда, какъ *хладъ*, иногда какъ *тьма*, иногда какъ *камень*, *бремя*, иногда какъ вода, соразмѣряется, перемѣняется и болѣе производитъ блага, нежели всѣ наши высокіе подвиги. Господи! воздвигни Ты силу Твою и приди во еже спасти меня, а отъ безсильнаго или мертвеца нечего ожидать, къ избавленію.

Сообщила ижеменія Магдалина.

Очеркъ жизни равноапостольной св. мѣроносицы МАРІИ МАГДАЛИНЫ.

(Къ 22 іюля).

„Поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали слово Божіе, и, взирая на кончину ихъ, поdraжайте въ рѣ ихъ“.

(Послан. ап. Павла. Евр. гл. 13, ст. 7).

I.

Великая равноапостольная ¹⁾ святая ²⁾ мѣроносица ³⁾

¹⁾ Въ православной христіанской церкви „равноапостольныи“ называются сотрудники и сотрудницы Апостоловъ Христовыхъ и еще тѣ праведные христіане, которые подобно Апостоламъ особенно ревностно проповѣдывали и утверждали вѣру христіанскую. За такія особыя заслуги они и сравнены почитаніемъ съ Апостолами. Слово же Апостолъ значитъ „посланникъ“, которому поручено исполнить извѣстное порученіе. Избравъ изъ учениковъ своихъ 12, Иисусъ Христосъ назвалъ ихъ „Апостолами“ (Еванг. Луки гл. 6, ст. 13), чтобы послать ихъ на проповѣдь (Еванг. Марк. гл. 3, ст. 14) и чтобы врачевать всякую болѣзнь и всякую немощь... (Еван. Матѣ. гл. 10, ст. 1—42).

²⁾ Святыми въ церкви христіанской первоначально называли всѣхъ христіанъ, всѣхъ вѣрующихъ во Христа, какъ напри- мѣръ въ посланіяхъ апостола Павла. А при личномъ упоминаніи праведника древніе христіане избѣгали ставить именованіе „святый“ (агіось, санктусъ), потому что слово это часто употреблялось въ надписяхъ языческихъ, чему подражать не хотѣли христіане. И въ календаряхъ древнихъ слово „святый“ при имени праведника, чтимаго церковью, начали употреблять только съ третьяго и слѣдующихъ вѣковъ. А въ Евангеліяхъ святость представляется какъ свойство христіанства во всѣхъ его проявленіяхъ: „да святится Имя Твое“... „Отче Святый... Святи ихъ во истинѣ Твоей“...

³⁾ Мѣроносицею Марія Магдалина названа потому, что еван-

Марія Магдалина ⁴⁾, особенно прославившаяся въ церкви христіанской своею пламенною, непоколебимо самоотверженною любовью къ Господу Иисусу Христу, была родомъ изъ богатаго въ то время города Магдалы ⁵⁾, который находился въ Галилейской ⁶⁾ области Палестины,

тѣлсты именуютъ ее первую изъ благочестивыхъ женъ, кои приходили ко гробу Христову для помазыванія Его тѣла благоуханными составами по благочестивому погребальному обычаю іудеевъ того времени. Эти составы были изъ смолистыхъ веществъ мирра нардоваго или же смирины, ладона, алая и прочихъ благоуханныхъ растений въ смѣси также и съ чистымъ оливковымъ масломъ. Умашченіемъ или же осыпачіемъ тѣла умершаго такими ароматными составами выражали любовь и почеть къ лицу умершаго.

⁴⁾ Имя Марія отъ еврейскаго Маріамъ означаетъ: „высокая, возвышенная, стойкая, превосходная, превознесенная“; а Магдалиною называютъ эту Марію по происхожденію ея изъ города Магдалы, подобно какъ благочестиваго члена синадріона Іосифа называютъ Аримаетейскимъ, по его происхожденію изъ палестинскаго города Аримаетеи. И прозваніе Магдалины присоединяютъ къ имени этой Маріи для отличія ея отъ другихъ благочестивыхъ женъ, такъ же, какъ она, служившихъ Иисусу Христу (Ев. Луки гл. 8, ст. 3) и имѣвшихъ то же имя Маріи, такъ напримѣръ Марія, сестра Лазаря, и Марія, жена Клеопы.

⁵⁾ Магдала отъ еврейскаго слова магделаа, означающаго башню, была городомъ на западномъ берегу Геннисаретскаго озера, недалеко отъ городовъ Капернаума и Тиверіады. Магдала славилась красивымъ производствомъ и издѣліями тонкихъ шерстяныхъ матерій; кромѣ того въ ней велась обширная торговля горлицами и голубями для жертвъ очищеній; преданіе приписываетъ Магдалѣ триста голубиныхъ лавокъ и вблизи цѣлую долину голубей. Богатство Магдалы было въ то время столь велико, что о подати, вносимой отъ города, упоминается, что она была столь велика, что отсылалась въ Іерусалимъ цѣлою повозкою. Нравственная испорченность жителей была также велика. Изъ множества городовъ и деревень, коими усѣяны были берега Геннисаретскаго озера, всѣ исчезли, кромѣ одной Магдалы, которая теперь называется Медждедъ и представляетъ группу грязныхъ лачугъ, сложенныхъ изъ береговыхъ камней, а на плоскихъ крышахъ домовъ сдѣланы верхніе этажи въ видѣ шалашей изъ тростника и хвороста. Но остатки древней сторожевой башни и теперь существуютъ, и мѣстоположеніе до нынѣ прекрасно: красоты природы такъ же торжественны и пробуждаютъ святыя восторги чудесъ и проповѣди Христовой на дивномъ озерѣ Геннисаретскомъ или Галилейскомъ.

⁶⁾ Галилейская область на сѣверѣ Палестины или Галилея (отъ ев-

на берегу озера Геннисаретскаго, или иначе моря Галилейскаго, ⁷⁾ между городами Капернаумомъ ⁸⁾ и Тивери-

рейскаго слова „галиль“, означающаго „область“, „округ“) во времена жизни Маріи Магдалины составляла третью область Палестины и сама Галилея дѣлилась на сѣверную, верхнюю, „языческую“, и на южную, нижнюю. Галилея занимаетъ видное мѣсто въ мировой исторіи, какъ родина и мѣсто проповѣди Христа Спасителя. Галилея имѣла около 120 верстъ отъ востока къ западу и 40 верстъ отъ сѣвера къ югу. На сѣверѣ она соприкасалась съ Сирією и горами Ливанскими, на западѣ съ Финикією; на югѣ съ Самарією, а на востокѣ границею ея была рѣка Иордань. Городовъ и большихъ селеній въ Галилеѣ насчитывалось болѣе 200 и народонаселенія до четырехъ милліоновъ, состоявшаго не только изъ іудеевъ, а также изъ смѣшенія израильтянъ съ сирійцами, финикійцами, арабами и прочими иноплеменниками, изъ коихъ многіе приняли іудейскую вѣру. По чудному климату, плодородію и богатству Галилея была самою лучшею областію Палестины. Мягкій, жителенный климатъ, самая разнообразная, дивная красота природы, неистощимое плодородіе почвы, — все это было въ Галилеѣ. И географическое положеніе, и масса путей сообщенія также благопріятствовали Галилеѣ; ее пересѣкали нѣсколько торговыхъ римскихъ дорогъ съ востока на западъ въ Дамаскъ, къ финикійскимъ берегамъ, Средиземному морю, въ Египетъ и Ассирію; другіе пути перерѣзали ее съ юга на сѣверъ. Промышленность и жизнь кипѣли въ Галилеѣ... Весьма много страницъ Евангелія отражаютъ природу и жизнь Галилеи. По родинѣ Христа Спасителя городу Назарету, дѣтству, юности и преимущественно тамъ проповѣди Его, Галилея была колыбелью христіанской вѣры. А притчи, чудеса, событія повседневной, земной жизни Иисуса Христа, — все это образы, воспроизводящія богатства и красоты природы и нравы жизни галилейской. Небо, земля, море, хлѣбныя поля, сады, цвѣты, виноградники, трава луговъ, рыбы и птицы, — все служило тамъ Спасителю основой и образомъ дивныхъ поученій Его Божественной проповѣди... А въ наше время Галилея представляетъ только развалины городовъ и селъ и совершенное запустѣніе...

⁷⁾ Галилейское море, озеро Геннисаретское и Тиверіадское море суть названіе одного и того же обширнаго озера въ Галилеѣ Палестинской... Въ книгахъ Числъ (гл. XXXIV, ст. 11) и Навина (гл. XII, ст. 3) оно называется Киннереескимъ по внѣшней формѣ овальной. Тиверіадскимъ оно называется отъ имени находящагося у его берега города Тиверіады, а Геннисаретскимъ отъ имени прибрежнаго же города Геннисаръ или Геннисарета, по красотѣ окружающей его природы. Прости-

адою ⁹⁾. По происхожденію изъ города Магдалы святую равноапостольную Марію и называютъ Магдалиною, для отличія ея отъ прочихъ благочестивыхъ женъ, упоминаемыхъ въ Евангеліяхъ съ именемъ Маріи.

ралось это озеро въ длину на 30, а въ ширину на 8 верстъ. На сѣверномъ концѣ его входитъ рѣка Іорданъ, а на южномъ она вытекаетъ. Кругомъ озера этого сосредоточенъ былъ богатый промышленный центръ Палестины; по берегамъ озера почти непрерывной линіею тянулись города и деревни съ очень многочисленнымъ населеніемъ. Вода въ озерѣ прозрачна, приятна на вкусъ и прохладна; ее разсѣкали до четырехъ тысячъ судовъ разнаго вида: военныхъ кораблей римлянъ, грубыхъ лодокъ рыбаковъ Виссаиды и позолоченныхъ шлюпокъ Ирода. Обыкновенно тихое и спокойное озеро Геннисаретское иногда отъ вѣтровъ съ горъ дѣлалось бурнымъ и опаснымъ. Оно славилось чрезвычайнымъ обиліемъ всякой рыбы, такъ что ловить ее было дозволено всѣмъ, и рыба была любимымъ тамъ кушаньемъ до того, что на обѣдѣ для одного великаго раввина было полено триста разныхъ сортовъ рыбъ. Рыбу ѣли свѣжую, соленую, сушеную; изъ нея приготовляли лакомства; совѣтами ея приготовленія и какую ѣсть, въ какое время, занимались даже раввины, наставляющіе мыть рыбу лучше пивомъ и виномъ. Ловлею и продажею рыбы занимались очень многіе; одни изъ Іерусалимскихъ воротъ назывались „рыбными“, потому что туда доставлялось масса рыбы изъ Галилеи, и рыбною торговлею занимались даже члены синедріона, нагружая рыбою цѣлыя корабли. Занятіе рыбнымъ промысломъ было не только очень выгоднымъ, а и почетнымъ... У западнаго берега озера находилась „земля Геннисаретская“ (Ев. Матѣ. гл. 14, ст. 34 и Марк. гл. 6, ст. 53), которая была первымъ и главнымъ мѣстомъ проповѣди Христа Спасителя. Самое слово Геннисаримъ означаетъ „сады изобилія“, и нигдѣ не было такихъ красотъ природы и обилія всякихъ растений и плодовъ самыхъ разныхъ климатовъ, какъ въ „землѣ Геннисаретской“. Плоды на деревьяхъ были въ продолженіи десяти мѣсяцевъ. Еврейскій историкъ того времени Іосифъ Флавій, съ восторгомъ описывая красоты озера Геннисаретскаго, дивную температуру, пальмы, виноградники, фиги, помаранцы, миндальные деревья, гранаты,—говоритъ, что времена года, по видимому, тамъ спорять за честь владѣнія этою райскою мѣстностію... А еврейскій Талмудъ учитъ, что ожидаемый Мессія явится нѣкогда изъ этого озера Тиверіадскаго или Геннисаретскаго...

⁹⁾ Капернаумъ по еврейски значить „селеніе Наума“, городъ, находившійся на западномъ берегу озера Геннисаретскаго. Въ Ветхомъ За-

Равноапостольная святая Марія Магдалина была истою галилеянкою,—а галилеянинъ, галилеянка въ проповѣди и утвержденіи христіанства означаетъ очень много особеннаго. Галилеяниномъ звали Самого Христа Спасителя, ¹⁰⁾,

вѣтъ о немъ не упоминается, потому что онъ сравнительно позднѣйшаго происхожденія и выросъ въ городъ изъ рыбацкаго селенія, благодаря подъему торговопромышленной дѣятельности. Онъ имѣлъ очень красивое мѣстоположеніе. Ироды имѣли въ немъ дворецъ; римляне имѣли военный постой и таможеню. Въ Евангеліяхъ говорится о Капернаумѣ, какъ о главномъ мѣстопребываніи Христа Спасителя послѣ того, какъ Онъ оставилъ Назаретъ, такъ что Капернаумъ сталъ называться „Его городомъ“ (Ев. Матѳея гл. IX, ст. 7). Въ Капернаумѣ и его окрестностяхъ Христосъ совершилъ множество чудесъ, произнесъ много притчей и поученій, но, несмотря на всѣ Его вразумленія, жители остались глухи къ новому благовѣстію, не соответствовавшему ихъ торговопромышленной суетѣ, не увѣровали, и Христосъ произнесъ надъ Капернаумомъ грозный судъ: „И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься“ (Ев. Матѳея XI гл., ст. 23). И нынѣ отъ Капернаума не осталось никакихъ слѣдовъ...

*) Тиверіада была городомъ на томъ же западномъ берегу Геннисаретскаго озера, нѣсколько южнѣ Капернаума, построена была въ 17 году по Рожд. Христовомъ правителемъ Галилеи Иродомъ Антипою и названа въ честь тогдашняго Римскаго императора Тиверія. Иродъ сдѣлалъ Тиверіаду своею столицею, построилъ великолѣпный дворецъ, храмъ, синагогу, амфитеатръ и окружилъ городъ стѣною. Близъ города былъ цѣлебный теплый горный ручей. Такъ какъ при постройкѣ Тиверіады были скрыты древнія гробницы, то евреи считали городъ нечистымъ, боялись селиться въ немъ, и въ первое время онъ имѣлъ вполне язычскій характеръ. Въ окрестностяхъ Тиверіады Христосъ Спаситель проповѣдывалъ послѣ насыщенія пяти тысячъ человекъ пятью хлѣбами (Ев. Іоан., гл. 6). Послѣ разрушенія римлянами Іерусалима въ 70 году, іудеи устроили въ Тиверіадѣ 13 синагогъ и высшую школу, а тиверіадскій синедріонъ сталъ высшею религіозною инстанціею. Греческая Императрица Елена воздвигла въ Тиверіадѣ храмъ съ 12 престоломъ; а съ половины V до половины VI вѣка было епископство, восстановленное потомъ во время перваго крестоваго похода. На развалинахъ Тиверіады былъ построенъ городокъ Табаріе, а въ 1837 году онъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ, и нынѣ видны только бѣдныя хижины, но евреи питаютъ къ этой мѣстности одинаково глубокое уваженіе, какъ къ Іерусалиму...

¹⁰⁾ Еванг. Матѳея гл. 26, ст. 69.

такъ какъ Онъ съ младенчества росъ и жилъ и потомъ много проповѣдывалъ въ Галилеѣ; и даже въ четвертомъ вѣкѣ Римско-греческій императоръ Юліанъ - отступникъ умеръ (въ 363 г.) со словами, обращенными ко Христу: «Ты побѣдилъ (меня), Галилеянинъ»...—Первозванные апостолы Христовы, которые навсегда оставались самыми близкими къ Спасителю, всѣ были галилеянами, исключая только одного Иуды Искариота-предателя не галилеянина. При явленіи, послѣ Воскресенія, Христа Спасителя на горѣ въ Галилеѣ многочисленному сонму (болѣе 500) вѣрующихъ, большинство ихъ состояло изъ галилеянъ, ходившихъ за Господомъ во время Его проповѣди по Галилеѣ, слушавшихъ Его ученіе, бывшихъ свидѣтелями Его чудесъ и на себѣ испытавшихъ благодать милосерднаго Цѣлителя-Исуса ¹¹). И какъ вообще галилеяне воспринимали и распространяли ученіе Христова ревностиѣ іудеевъ прочихъ областей Палестины, поэтому въ началѣ всѣхъ послѣдователей Христа Спасителя называли «галилеянами». Такъ, даже ангелы Божіи, при Вознесеніи Христа Спасителя, назвали в с ѣ х ѣ вѣрующихъ, бывшихъ на горѣ Елеонской съ апостолами, «галилеянами» ¹²). Галилеяне же такъ много и рѣзко отличались отъ іудеевъ прочихъ областей Палестины, какъ контрастно отличалась природа Галилеи отъ южной Палестины. Въ Галилеѣ природа была жизнерадостна и населеніе живое, простое; въ Палестинѣ южной—безплодная пустыня и народъ, не желающій признавать ничего, кромѣ буквы и формы правилъ. Жители Галилеи охотно воспринимали идеи духа закона, у іудеевъ же Іерусалимскихъ господствовала одна рутинная вѣдѣнность. Галилея стала родиною и колыбелью христіанства; Іудея была изсушена узкимъ фарисействомъ и близорукимъ саддукействомъ. Галилеяне были пылки, отзывчивы,

¹¹) Явленія Господа Исуса Христа по Его Воскресеніи. Въ Мин. Четья на русс. яз. книга восьмая, Синод. изд. 1907 г. стр. 514.

¹²) Дѣян. Апост. гл. I, ст. 11.

стремительны, благодарны, честны, храбры, откровенны, трудолюбивы, благотворительны, поэтичны и любили греческое мудрое образованіе ¹³⁾... И Марія Магдалина, исцѣленная Христомъ Спасителемъ, проявила въ своей жизни много прекрасныхъ отличительныхъ свойствъ своихъ родичей галилеянъ, первыхъ и ревностнѣйшихъ христіанъ.

II.

Относительно первой части жизни святой равноапостольной Маріи Магдалины извѣстно только то, что она была подвержена тяжкому, неизлѣчимуому недугу, была одержима, по евангельскимъ словамъ, «семью бѣсами» ¹⁴⁾.

¹³⁾ Даже Іерусалимскій Талмудъ свидѣтельствуетъ, что галилеяне заботились болѣе о славѣ, а жители Іудеи о деньгахъ. У галилеянъ вдова оставялась въ домѣ покойнаго ея мужа, а у іудеевъ наслѣдники удаляли ее. Отзывчивость галилеянъ къ чужой нуждѣ простиралась до того, что, напримѣръ, обѣднѣвшаго старика односельчане заботливо снабжали ежедневно той живностью, которую онъ имѣлъ обыкновеніе употреблять во время своего благосостоянія. Но ученыхъ школъ галилеяне не заводили, и потому гордые книжники и фариसेи Іудеи называли галилеянъ невѣжами и глупцами; а за неясное, неотчетливое различеніе и произношеніе галилеянами нѣкоторыхъ еврейскихъ гортанныхъ буквъ, раввины іудейскіе не допускали ихъ читать вслухъ молитвы отъ лица собранія и осмѣивали ихъ...

¹⁴⁾ Еванг. Луки гл. 8, ст. 2, слово „бѣсъ“ есть переводъ греческаго слова „демонъ“ диаволь. Въ священномъ писаніи Новаго Завѣта бѣсъ обычно означаетъ злого духа или діавола. Бѣсы, хотя вѣрують и трепещуть, и признають Иисуса Христа Сыномъ Божиимъ, но суть слуги сатаны. Среди чудесъ Христа Спасителя особенно паразительны были исцѣленія одержимыхъ бѣсами. Люди, поддавшіе подъ власть бѣсовъ, называются бѣсноватыми, страждущими отъ нечистыхъ духовъ (Ев. Матѳея гл. 4, ст. 24. Ев. Луки гл. 6, ст. 18). Исцѣленіе бѣсноватыхъ, по отношенію къ бѣсамъ, называется „изгнаніемъ“ (Матѳ. гл. 8, ст. 16), а по отношенію къ самымъ страдающимъ называется и с ц ѣ л е н і е м ъ. Вліяніе бѣсовъ на одержимыхъ ими людей обнаруживается всегда чрезъ вліяніе ихъ на тѣло; душа человѣка теряетъ при этомъ свой контроль надъ тѣломъ, между тѣломъ и душою вторгается какал

Причина и обстоятельства возникновенія этого ея несча-

то чуждая сила, которая пагубно дѣйствуетъ на тѣлесные органы души. Бѣсъ сначала поражаетъ первую систему тѣла и дѣйствуетъ чрезъ нее, производя тѣ же самые симптомы, какіе производятся и другими вліяніями, нарушающими правильную жизнь тѣла. Бѣсовская сила дѣйствуетъ не чрезъ духовную и нравственную природу, а чрезъ физическую и умственную природу. Въ Іуду Искаріота-предателя вошелъ дьяволъ, то-есть подвигъ на предательство, но Іуда не былъ одержимъ бѣсомъ. Бѣсноватость обнаруживается въ ясновидѣніи, когда одержимые бѣсами признавали Христа Сыномъ Божиимъ (Лук. 4, 34), также въ безумствѣ, въ эпилепсіи, нѣмотѣ, скорченности, въ слѣпотѣ (Ев. Марк. 5, 3; Луки 8, 27; Матѳ. 9, 32 и мног. проч.). Это дало поводъ рационалистамъ утверждать, что бѣснованіе есть только тѣлесная болѣзнь. Но то, что бѣснованіе сопровождается болѣзнями, нисколько не уясняетъ страшныхъ неестественныхъ, не физическихъ особенностей бѣснованія, въ которомъ слабый физически человѣкъ, напримѣръ, разрываетъ желѣзные цѣпи или прорицаетъ (Ев. Марк. гл. 5, ст. 4). Сходство нѣкоторыхъ признаковъ бѣснованія съ естественными болѣзнями тѣла только внѣшнее, обуславливаемое лишь общими законами жизни, нарушеніе которыхъ всегда можетъ обнаруживаться одинаково, отъ какихъ бы разныхъ причинъ они ни происходили. И это ученіе Евангелія о бѣснованіи нисколько не противорѣчитъ даннымъ физиологии и психологии. Такъ какъ душа человѣка можетъ подлежать вліянію даже вещественныхъ силъ чрезъ посредство тѣла, то тѣмъ сильнѣе она можетъ подпасть подъ вліяніе силъ духовныхъ, при неспособности души противодѣйствовать такимъ вліяніямъ; это ясно подтверждается многочисленными фактами гипнотизма. И какъ въ гипнотизмѣ одинъ человѣкъ, съ болѣе сильною волею, чрезъ внушеніе можетъ вліять на другого до степени полного обладанія имъ и лишенія его способности самоопредѣленія; такъ въ силу того же психологическаго закона и злой духъ, бѣсъ, можетъ всецѣло овладѣть душой слабого человѣка, который по своей личной грѣховности, или иной причинѣ, дѣлается жертвою страшнаго бѣсовскаго вліянія. И замѣчательно, что бѣсноватыхъ было особенно много именно предъ пришествіемъ Христа Спасителя. Это была особенность того вѣка и она отчасти объясняется именно тѣмъ, что къ тому времени достигло высшей степени напряженія то душевное безпокойство и слабость, которыя были результатомъ духовной неудовлетворенности и нетерпѣливо тревожнаго ожиданія переменъ въ этомъ невыносимо тяжкомъ состояніи. Такое душевное состояніе охватило въ то время какъ еврейское, такъ и языческое населеніе востока. И темныя силы злыхъ духовъ слѣшили раски-

стія неизвѣстны. Но Св. Евангеліе и Отцы Церкви Христовой поучаютъ, что такія особенныя тяжкія страданія Провидѣніе Божіе допускаетъ для того, чтобы «явились дѣла Божіи» (Еванг. Іоан. гл. 9, ст. 3), то есть, чтобы явились особенныя дѣйствія Божіи въ отношеніи къ людямъ и особенныя дѣйствія, совершаемыя Богомъ чрезъ Мессію Христа, каково въ настоящемъ случаѣ исцѣленіе отъ бѣсовъ, для славы Бога и Христа и для духовнаго просвѣщенія, для спасенія Маріи Магдалины. По ученію Христа Спасителя о подобныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ полагать, что Марія Магдалина была одержима бѣсами не по причинѣ грѣховъ ея, или родителей ея, а Провидѣніе Божіе допустило это для того, чтобы Господь Іисусъ Христосъ явиль дѣло славы Божіей ¹⁵⁾, явиль великое чудо исцѣленія Маріи Магдалины, просвѣтленія ея ума, привлеченія къ вѣрѣ въ Христа Спасителя и къ вѣчному ея спасенію. Причина же тяжкаго страданія Маріи Магдалины отъ бѣсовъ, какъ причины и другихъ невѣдомыхъ, непостижимыхъ для человѣка дѣйствій и попущеній Божіихъ въ отношеніи людей, заключается въ міровыхъ тайнахъ премудрости Божіей, которыхъ люди не могутъ постигнуть. Не страдая столь тяжело и неизлѣчимо, Марія Магдалина могла бы или вовсе оставаться въ сторонѣ отъ дѣла Христа Спасителя, или же относиться къ чудесамъ Христа Богочеловѣка съ любопытствомъ и удивленіемъ, но безъ живой и спасительной вѣры, и не возвысилась бы до той высшей, ничѣмъ непоколебимой любви къ Господу, за которую она была утѣшена явленіемъ Воскресшаго Христа Спасителя прежде даже всѣхъ ближайшихъ Его апо-

нутъ сѣти своего злобнаго разрушительнаго владычества, предвидя, предчувствуя скорое свое пораженіе Христомъ Спасителемъ. (Подробн. въ правосл. Библейс. Энциклопед. изд. проф. Лопухина 1901 г. томъ 2. Толков. Евангеліе и проч.).

¹⁵⁾ Еванг. Іоан. гл. 9, ст. 3 и объяснен. въ толк. Еванг. арх. Михаила.

стодовъ ¹⁶⁾). Но беспомощная въ страданіяхъ, не могла галилеянка Марія Магдалина быть равнодушна къ слуху о Чудотворцѣ, «исцѣляющемъ всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ» ¹⁷⁾. И вотъ, она спѣшитъ найти этого Чудотворца, дѣлается самовидицею, какъ «многихъ исцѣлилъ Онъ отъ болѣзней и ведуговъ, и отъ злыхъ духовъ, и глухихъ, и слѣпыхъ, и хромыхъ, и прокаженныхъ и мертвыхъ воскресилъ ¹⁸⁾,—и Марія пламенно вѣритъ въ Его всемогущество, прибѣгаетъ къ Его Божественной силѣ, проситъ себѣ исцѣленія и, по вѣрѣ, получаетъ просимое: мучительная сила злыхъ духовъ оставляетъ ее, она освобождается отъ порабощенія бѣсамъ ¹⁹⁾, и жизнь ея освя-

¹⁶⁾ Ев. Марка гл. 16, ст. 9. Иоан. гл. 20, ст. 16.

¹⁷⁾ Ев. Матѣ. гл. 9, ст. 35.

¹⁸⁾ Ев. Луки гл. 7, ст. 21, 22. Ев. Матѣ. гл. 11, ст. 5 и проч.

¹⁹⁾ Нѣкоторые толковники Св. Писанія и составители житій и даже Отцы западной церкви, объединяющіе Марію Магдалину съ извѣстною грѣшницею, которая въ домѣ Симона фарисея покаялась и получила прощеніе грѣховъ, — полагаютъ, что евангелисты Лука и Маркъ не точно выразили положеніе Маріи Магдалины, говоря, что Христосъ бѣсовъ и згналъ изъ Маріи Магдалины; такіе писатели полагаютъ, что Марія Магдалина не была одержима бѣсами, а лишь была только грѣшницею, и будто слова евангелистовъ „семь бѣсовъ“ означаютъ много грѣховъ и пороковъ (такъ полаг. наприм., блаж. Иеронимъ, Августинъ, Григорій Вел. и проч.). Но такъ перетолковывать прямые слова двухъ евангелистовъ можно на основаніи только еврейской демонологіи, по которой всѣ самыя обыкновенныя страсти человѣческія и всѣ болѣзни равнины приписываютъ злымъ духамъ. И Талмудъ еврейскій много приписываетъ безстыдныхъ пороковъ, толкуетъ о необыкновенной красотѣ и плетени волосъ Маріи Магдалины и о ея богатствѣ... Но православная, восточная церковь не смѣшиваетъ грѣшницу неизвѣстнаго имени, прощенную въ домѣ Симона фарисея, съ Марією Магдалиною и не перетолковываетъ прямыхъ словъ двухъ евангелистовъ объ изгнаніи именно бѣсовъ изъ Маріи Магдалины. А Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, основательно пишетъ: Аще бы Магдалина оною была блудницею, то вслѣдъ Христа и Его учениковъ явно грѣшницѣ, долгое время ходящей, что бы рекли ненавистницы Христовы, жидове, ищуще на Него каковыя либо вины, да Его охулятъ и осудятъ. Аще ученицы Христовы единожды узрѣвшіе Господа съ самаря-

щается Божественнымъ сіяніемъ ея Исцѣлителя, Которому Марія Магдалина вполнѣ себя и посвящаетъ, какъ пылкая благодарная галилеянка.

Съ тѣхъ поръ душа Маріи Магдалины воспыкала самою чистою и возвышенною, самою благодарною и преданною любовью къ ея Спасителю Христу, и она уже навсегда присоединилась къ Избавителю своему, всюду слѣдовала за Нимъ, чтобы воспринимать Его спасительныя наставленія и пользоваться каждымъ случаемъ служить Божественному Исцѣлителю своему. По тогдашнимъ земнымъ обстоятельствамъ, въ которыя поставилъ Себя Христось, какъ Сынъ человѣческій, Онъ нуждался въ служеніи и матеріальномъ Ему и дѣлу Его. Вѣдь, Христось родился въ бѣдности въ пещерѣ, въ которую въ Виѣдеемѣ загоняли домашній скоть, и колыбелью Его тамъ были протыя ясли ²⁰). Мать его въ жертву, полагавшуюся за новорожденнаго, могла принести въ храмъ Божій только двухъ молодыхъ голубей по семейной бѣдности ²¹). Въ маленькомъ Галилейскомъ городкѣ Назаретѣ ²²) Христось до

нынею бесѣдующа, чюдяхуся, яко съ женою глаголаше, кольми паче враждебницы не умолчали бы, егда бы видѣли явнорѣшницу по вся дни Ему послѣдующую и служащую... (Въ концѣ житія Св. Маріи Магдалины въ Чет. Мин. на 22 іюля).

²⁰) Ев. Луки гл. 2, ст. 7, 12, 16.

²¹) Ев. Луки гл. 2, ст. 24.

²²) Назаретъ (слово означаетъ „огирьскъ“, по другимъ „стражъ“, „охранитель“) былъ городкомъ въ Галилеѣ, находился на юго-западѣ отъ Калернаума и горы Фаворъ. Расположенъ былъ на горѣ, возвышавшейся на 600 футовъ надъ уровнемъ моря. Видъ съ вершинны горы по красотѣ и разнообразію былъ прекрасенъ на долины, горы и Средиземное море. Населеніе было бѣдно, невелико и не пользовалось уваженіемъ у іудеевъ (Ев. Иоан. гл. I, ст. 46). Назаретъ получилъ всемірную извѣстность, какъ мѣсто Благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ о рожденіи Сына Божія Спасителя міра. Въ Назаретѣ протекло дѣтство, юность и жизнь Иисуса Христа до самаго Его вступленія въ открытое служеніе спасенію человѣковъ. (Ев. Луки гл. 2, ст. 39—51). Отъ этого Его называли Назаряниномъ, Назареемъ (Ев. Иоан. гл. 19, ст.

29 лѣтъ жилъ также въ бѣдности, какъ усыновленный членъ семьи простого плотника. И во время проповѣди Евангелія царствія Божія, для того, чтобы въ дѣлѣ исполненія великой миссіи Богочеловѣка было возможно меньше препятствій, Христось оставилъ совсѣмъ въ сторонѣ отношенія къ семьѣ своего усыновителя Іосифа ²³⁾, въ которой воспитывался, и всякія попеченія о Своемъ материальномъ благополучіи и личной собственности. Поэтому Христось не имѣлъ никакого имущества, кромѣ носильной одежды странствующаго галилейскаго учителя вѣры, такъ что, послѣ трехъ лѣтъ Его общественнаго служенія, Христось оцѣненъ былъ только въ тридцать сребренниковъ, то - есть около 30 рублей, что составляло тогда въ Палестинѣ цѣну за самаго бѣднаго немущаго изъ рабовъ ²⁴⁾. На землѣ, которую Онъ пришелъ спасти, Христось не владѣлъ никакимъ клочкомъ земли, никакимъ домомъ. «Лисицы имѣютъ норы и птицы гнѣзда, а Сынъ человѣчскій не имѣеть, гдѣ преклонить голову» ²⁵⁾,—сказалъ Самъ Христось. Безъ жилища и имущества и обыкновенная пища Спасителя состояла, какъ пища самаго простого бѣднаго галилеянина, изъ ячменнаго хлѣба ²⁶⁾, да изловленной въ Галилейскомъ озерѣ и сваренной въ кипяткѣ

19) и даже долго христіанъ называли на востокѣ „Назарянами“. Назаретъ, разрушенный въ 13 вѣкѣ турками, потомъ былъ построенъ вновь и нынѣ имѣеть нѣсколько тысячъ жителей изъ грековъ, мусульманъ, римскихъ католиковъ и другихъ; состоя подъ покровительствомъ христіанскихъ консуловъ, служить мѣстомъ паломничества со всѣхъ странъ христіанскаго міра.

²³⁾ Ев. Матѣ. гл. 12, ст. 46—50. Марк. гл. 3, ст. 31—35. Луки гл. 8, ст. 19—21.

²⁴⁾ Ев. Матѣ. гл. 26, ст. 15. Жизнь Іисуса Христа. Профес. Фаррара изд. 1887 г. час. 1, стр. 165.

²⁵⁾ Ев. Матѣ. гл. 8, ст. 20.

²⁶⁾ Ев. Іоан. гл. 6, ст. 9. Ячменный хлѣбъ былъ хлѣбомъ бѣдняковъ, и римскимъ солдатамъ давался только въ видѣ наказанія, напримеръ, за утрату знаменъ. Евреи считали ячмень пищею лошадей и ословъ.

тамъ же на берегу рыбы, а по временамъ изъ куска дикаго меда, который жители свободно собирали. Укорь же лукавыхъ фарисеевъ, что Сынъ человѣческой любитъ «вѣсть и пить вино» ²⁷⁾),—относился къ тому, что Христось не отказывалъ раздѣлять трапезу приглашавшихъ Его, какъ общественнаго учителя, такъ какъ учителя тамъ пользовались гостепрѣимствомъ ²⁸⁾. И хотя апостолы и нѣкоторые послѣдователи Христа владѣли небольшимъ имуществомъ,—у апостола Петра былъ домъ въ Капернаумѣ,—а другіе почитатели Христа занимались нѣкоторыми промыслами, и имѣлся у нихъ общій денежный ящикъ ²⁹⁾ для оплаты расходовъ на насущныя потребности, на вспомошествованіе другимъ бѣднымъ и на милостыню нищимъ, но даже небольшія суммы на крайнія необходимости не всегда бывали тамъ у нихъ въ наличности. Такъ что, когда іудейскіе сборщики ничтожной подати на храмъ пришли къ апостолу Петру и сказали: Учитель вашъ не дастъ ли дидрахмы (только около 40 копѣекъ),—то ни у Христа-Учителя, ни у учениковъ Его не оказалось подобной ничтожной суммы... ³⁰⁾ А между тѣмъ о Христѣ и чудесахъ его «шелъ слухъ по всей Сиріи; ³¹⁾ и приводили къ

²⁷⁾ Ев. Мате. гл. 11, ст. 19.

²⁸⁾ Ев. Луки гл. 5 и гл. 7, и гл. 10.

²⁹⁾ Ев. Іоанна гл. 12, ст. 6 и гл. 13, ст. 29.

³⁰⁾ Ев. Мате. гл. 17, ст. 24—27. Да,—сказалъ Иисусъ Петру,—хотя Я свободенъ отъ уплаты дидрахмы, ибо Я—Сынъ Божій, а дидрахмы берутся для храма Отца Моего, но, чтобы намъ не соблазнить ихъ, поиди на море (озеро Геннисаретское), брось уду и первую рыбу, которая попадется, возьми, и, открывъ у нея ротъ, найдешь статиръ (монета серебряная цѣнностію въ 4 драхмы), возьми его и отдай имъ за Меня и за себя...

³¹⁾ Слово Сирія (высокая) въ еврейскомъ текстѣ означается словомъ Арамъ, подъ которымъ разумѣется Сирія и Месопотамія вмѣстѣ. Все пространство отъ рѣки Евфрата до Средиземнаго моря и отъ Таврскихъ горъ до Аравіи составляло Сирію. Долины Сиріи очень плодородны, изобилуютъ пшеницею, виноградомъ, табакомъ, оливками, апельсинами, финиками и проч. Климатъ очень здоровъ и пріятенъ. Ни одна

Нему всѣхъ немощныхъ, одержимыхъ различными болѣзнями и припадками, и бѣсноватыхъ, и лунатиковъ, и разслабленныхъ, и Онъ исцѣлялъ ихъ. И слѣдовало за нимъ множество народа изъ Галилеи и Десятиградія, и Іерусалима, и Іудеи и изъ-за Іордана»³²⁾. И среди этого множества всякаго народа изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстностей находилось много бѣдныхъ, нуждающихся не только въ пищѣ, а даже и въ одеждѣ...

Такъ вотъ, по всему этому то многія благочестивыя жены, которыя исцѣлены были Христомъ отъ тяжкихъ болѣзней и имѣли достатки отъ своихъ имущественныхъ средствъ, сопутствуя своему Благодѣтелю въ хожденіи Его съ проповѣдью Евангелія, «служили Ему имѣніемъ своимъ»³³⁾, то - есть въ случаяхъ нужды уплачивали расходы по насущнымъ потребностямъ бѣдныхъ, сопутствовавшихъ Спасителю, и, по указанію Его, оказывали необходимыя пособія нуждающимся въ матеріальной помощи. Изъ такихъ благодарныхъ женъ евангелистъ Лука называетъ Марію Магдалину первою³⁴⁾, потому что она первая подала другимъ примѣръ такого признательнаго служенія дѣлу Богочеловѣка, или же она преимуществовала предъ всѣми прочими усердіемъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. А безкорыстное, ревностное ихъ служеніе Христу Спаси-

страна не была столь извѣстна въ древности, какъ Сирія, даже своею цивилизаціею. Изъ Галилеи распростирались слава объ Иисусѣ Христѣ по всей Сиріи, какъ о великомъ чудотворцѣ... Въ предѣлахъ Сиріи находятся девять десятыхъ мѣстностей различныхъ событій изъ Свящ. Исторіи. Сирія была мѣстомъ сохраненія церкви Божіихъ и свѣтильникомъ, свѣтъ котораго сіялъ оттуда во мракѣ міра въ продолженіи двѣнадцати вѣковъ. Всѣ части Сиріи были освящены стопами Христа Спасителя, Его апостоловъ и исповѣдниковъ. Вся эта страна составляетъ огромный живой комментарий слова Божія, раскрытый для нравственнаго чтенія во всѣ времена и для посрамленія певѣрующихъ Свящ. Писанію...

³²⁾ Ев. Матѳ. гл. 4, ст. 24, 25.

³³⁾ Ев. Луки гл. 8, ст. 3

³⁴⁾ Ев. Луки гл. 8, ст. 2.

телю въ то время, когда «Онъ не имѣлъ, гдѣ головы преклонить», и отъ большинства людей видѣлъ холодность, удивленіе или вражду, — было отрадно Господу Иисусу, много утѣшало Его среди постоянныхъ трудовъ и частыхъ оскорбленій.

Особенно замѣчательна при этомъ была чрезвычайная стойкость и необыкновенное мужество, съ которыми относилась святая Марія Магдалина къ своему Избавителю. И не смотря на всякія препятствія и страшныя опасности, даже въ тяжкіе дни и часы жестокихъ страданій Христа Марія Магдалина явила себя мужественнѣе и преданнѣе апостоловъ до того, что, когда почти всѣ и апостолы; несмотря на обѣщанія свои умереть съ Нимъ, побѣждены были страхомъ отъ враговъ Господнихъ, «бѣжали» ³⁵⁾ и скрылись, — Марія Магдалина любовью побѣдила страхъ и непоколебимостью своего участія къ Страдавшему старалась смягчить тернистый путь, какимъ Онъ шелъ для спасенія міра. Жестокія страданія Спасителя, распятаго на крестѣ ³⁶⁾, усугубляли вызывающія наглыя глумленія іудей-

³⁵⁾ Ев. Матѳ. гл. 26, ст. 56.

³⁶⁾ Распятіе на крестѣ, то-есть крестная казнь, отъ древнихъ временъ и у Римлянъ служила рабскою, самою позорною, самою жестокою казнью, которую предавались смерти только измѣнники, убійцы и величайшіе злодѣи. У іудеевъ эта казнь признавалась „проклятою“ (Второзакон. гл. XXI, ст. 22 и 23 и посл. ап. Павла I Коринѳ. гл. 1. ст. 23 и проч.). По римскому обычаю преступленіе распятаго писалось кратко на дощечкѣ, прикрѣпленной сверху ко кресту. Смерть на крестѣ заключала въ себѣ все, что только есть самаго ужаснаго и самаго мучительнаго въ пыткахъ и въ смерти безъ лишенія сознанія и чувствъ: противоестественность висѣнія тѣла на гвоздяхъ дѣлала мучительнымъ всякое малѣйшее движеніе; воспалиенныя и постоянно все болѣе разрываемыя раны близъ гвоздей разѣдала гангрена; артеріи особенно на головѣ и животѣ распухали и наливались кровью, производя страшный жаръ и невыносимую жажду. Страданія распятыхъ были столь велики и ужасны, продолжаясь иногда по нѣсколькимъ днямъ, что у римлянъ обычно ускоряли приближеніе смерти ударами и пронзеніемъ копьемъ. Іудеямъ же, въ силу закона Моисея (Второзак. гл. XXI), дозволено было оканчивать страданія распятыхъ прежде солнеч-

скихъ первсвященниковъ, книжниковъ и старѣйшинъ, которые, не довольствуясь исполненіемъ ихъ гнуснаго мщенія, находясь близъ креста распятаго Христа, насмѣшливо высказывали безсовѣстные и дерзкіе упреки невинному Страдальцу, говоря: «Другихъ спасалъ (отъ смерти), а Себя Самого не можетъ спасти. Пусть спасеть Себя, если Онъ Христось, Царь Израильскій; пусть теперь сойдетъ со креста, чтобы мы видѣли и увѣруемъ въ Него!...»³⁷⁾ [Также и воины римскіе ругались надъ Нимъ и, подходя, говорили: Если Ты Царь Іудейскій, спаси Себя...³⁸⁾ И разбойники, распятые съ Нимъ, ругались надъ Нимъ, и, злословя Его, одинъ сказалъ: если Ты—Христось, спаси Себя и насъ!...³⁹⁾ И проходящіе изъ толпы злословили Его, кивая головами своими и говоря: э, разрушающій храмъ и въ три дня созидающій, если Ты Сынъ Божій, сойди со креста!...»⁴⁰⁾— И вотъ, когда такимъ образомъ глупость и дикость толпы съ низкой злобой іудейскихъ старѣйшинъ окружали распятаго Христа,—мученическій взоръ Его съ утѣшеніемъ замѣчалъ слезы благочестивыхъ женщинъ, между которыми Марія Магдалина была изъ первыхъ же⁴¹⁾. Въ этихъ сострадательныхъ слезахъ какъ бы блеснулъ для Сына че-

наго заката и было въ обычаѣ давать пить распятому вино, смѣшанное со смирною (Еванг. Марк. гл. 15, ст. 23) или съ желчію (Ев. Матѣ. гл. 27, ст. 34), которое отуманивало сознание, чтобы вѣсколько облегчить страданія; но Иисусъ Христось не принялъ, не пилъ такого напитка, облегчающаго страданія. Богатыя іерусалимскія женщины доставляли такое одурманивающее питье на свой счетъ, не обращая вниманія на личности распязаемыхъ. Возмутительную казнь распятіемъ на крестѣ уничтожилъ въ римской имперіи только императоръ Константинъ Великій.

³⁷⁾ Ев. Матѣ. гл. 27, ст. 41—43. Марк. гл. 15, ст. 31—32. Луки гл. 23, ст. 35.

³⁸⁾ Ев. Луки гл. 23, ст. 36—37.

³⁹⁾ Ев. Матѣ. гл. 27, ст. 44. Луки гл. 23, ст. 39.

⁴⁰⁾ Ев. Матѣ. гл. 27, ст. 39—40. Марк. гл. 15, ст. 29—30.

⁴¹⁾ Ев. Матѣ. гл. 27, ст. 55 и 56. Марк. гл. 15, ст. 40. Луки гл. 23, ст. 27.

ловѣческаго лучь свѣта среди мрачнаго царства грѣха и этотъ лучь отъ благодарныхъ женщинъ утѣшилъ невиннаго Страдальца свидѣтельствомъ еще не въ конецъ испорченной природы человѣческой.

День великаго искупленія Богочеловѣкомъ падшаго человечества былъ ясный. Время было уже около полудня, а по еврейскому названію временъ дня былъ часъ шестой ⁴²⁾. Но вотъ, въ этотъ ясный полдень «меркнетъ солнце, и дѣлается тьма» ⁴³⁾ до часа девятаго, то есть, по современному названію часовъ дня, до третьяго часа пополудни ⁴⁴⁾. Страшное, величественное, внушительное небесное знаменіе—угасаніе солнца, тьма, объявшая все земное среди полуденнаго яркаго свѣта, тяжело сдвинула хулителей невиннаго Христа, привела ихъ въ ужасъ и молчаніе. Знакомые же почитатели Распятаго, сначала стоявшіе вдали и смотрѣвшіе ⁴⁵⁾, приблизились къ Страдальцу, окружили крестъ Его, и изъ нихъ евангелистъ назы-

⁴²⁾ Ев. Луки гл. 23, ст. 44. Матѳ. гл. 27, ст. 45. Марк. гл. 15, ст. 33.

⁴³⁾ Ев. Луки гл. 23, ст. 45. Тьма эта не была обыкновеннымъ солнечнымъ затмѣніемъ, по извѣстнымъ естественнымъ законамъ движенія солнца и луны. Это было явленіе сверхъестественное, которое, вмѣстѣ съ послѣдующими особыми знаменіями въ природѣ, свидѣтельствовало объ исключительномъ величайшемъ значеніи событія Искупленія. Необычайность и достовѣрность этой тьмы засвидѣтельствована была тремя языческими писателями того времени: римскимъ историкомъ и астрономомъ Флегоптомъ, Юліемъ Африканомъ, историкомъ Фалломъ и еще непоименованнымъ у историкъ Евсевія четвертымъ языческимъ историкомъ. Въ ихъ записяхъ вполне совпадаютъ и часы этой тьмы съ апостольскими указаніями, и что были видны звѣзды на небѣ. Св. Іоаннъ Златоустъ, Теофилактъ и Евѳимій полагаютъ, что тьма эта произведена была массовымъ сгущеніемъ облаковъ между землею и солнцемъ дѣйствіемъ силы сверхъестественной, какъ знаменіе гнѣва Божія на нечестіе людей. (Подробн. у проф. Буткевича. Жизнь Господа нашего Иисуса Христа. Историко-критическ. изд. 1887 г. стр. 746—748).

⁴⁴⁾ Ев. Матѳ. гл. 27, ст. 45. Марк. гл. 15, ст. 33. Луки гл. 23, ст. 44.

⁴⁵⁾ Ев. Луки гл. 23, ст. 49. Матѳ. гл. 27, ст. 55. Марк. гл. 15, ст. 40.

ваетъ Марію Магдалину опять первую ⁴⁶⁾. Такимъ образомъ, Марія Магдалина у ногъ Христа Спасителя не только чудотворца, прославляемаго и воспѣтаго младенцами, но и у ногъ Иисуса Назарянина ⁴⁷⁾, униженнаго, обезчещеннаго, позорно распятаго, оставленнаго даже Его апостолами!...

И послѣ смерти Исполителя своего Марія Магдалина не покидаетъ Его: она сопровождала перенесеніе тѣла Его Іосифомъ Аримаѳейскимъ ⁴⁸⁾ и Никодимомъ ⁴⁹⁾ отъ креста ко гробу ⁵⁰⁾, была при погребеніи Его ⁵¹⁾, и когда, чтобы отдать честь по Закону Божию наступающему уже великому празднику Пасхи, оставила погребенное Его тѣло,

⁴⁶⁾ Ев. Матѳ. гл. 27, ст. 56. Марк. 15, ст. 40.

⁴⁷⁾ Надпись надъ крестомъ вины Христовой была: „Иисусъ Назорей Царь Іудейскій“.—Назорей значило Назарянинъ, мѣсто, откуда былъ распятый Иисусъ.

⁴⁸⁾ Іосифъ изъ города Аримаѳеи или Рамаѳаима, человекъ богатый, твердаго характера, безукоризненной жизни, былъ почетнымъ членомъ Іерусалимскаго Синедріона; по робости права ранѣе не рѣшался объявить себя почитателемъ Христа, но и не принималъ участія въ разговорѣ противъ Иисуса. Въ негодовавіи за распятіе Его хотѣлъ почетнымъ погребеніемъ Христа выразить свою преданность, какъ къ мученику и жертвѣ злоумышленій.

⁴⁹⁾ Никодимъ былъ знаменитымъ фарисеемъ и членомъ синедріона. Онъ посѣтилъ Христа Спасителя въ Іерусалимѣ ночью съ цѣлюю подробнѣе и свободнѣе узнать ученіе Христова, и Господь открылъ ему главныя основы ученія Евангельскаго. (Ев. Іоанна гл. 3). Онъ былъ очень богатъ, почтилъ Христа погребеніемъ, принесъ 100 фунтовъ состава изъ смирны и алоя для помазанія тѣла Христова. Впослѣдствіи принявъ крещеніе отъ апостоловъ.

⁵⁰⁾ Гробомъ называли тогда гробницы іудейскія, или пещеры, вырытыя, высѣченныя въ скалистыхъ холмахъ, внутри которыхъ устраивали ложе для погребяемаго. Близъ мѣста распятія Христа Спасителя былъ садъ Іосифа Аримаѳейскаго и въ скалѣ новая гробница, которую приготовилъ онъ для себя. Іудеи благоговѣли предъ своими гробницами, но Іосифъ безъ колебанія отдалъ ее невинному Страдальцу, торопясь окончить погребеніе, такъ какъ наступала Пасхальная Суббота.

⁵¹⁾ Ев. Матѳ. 27, ст. 61. Марк. гл. 15, ст. 47.

то пламенная, благодарная любовь Маріи Магдалины въ глубокой скорби открыла ей источникъ утѣшенія. Любовь внушила ей желаніе оказать и съ ея стороны возможную послѣднюю честь уничиженному іудеями ея Спасителю. Она покупаетъ благоуханное мѹро и ароматы ⁵²⁾, чтобы помазаніемъ тѣла погребеннаго Христа воздать Ему, по еврейскому обычаю, возможную почесть.

Предпріятіе это, давшее Маріи Магдалинѣ наименованіе еще и мѹроносицы, принадлежало ей, такъ какъ два евангелиста поставляютъ ее опять первую между нѣкоторыми другими женами, ей послѣдовавшими въ немъ, а третій—только одну ее и именуетъ ⁵³⁾ въ этомъ благородномъ дѣлѣ.

Евставій Воронецъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

⁵²⁾ Ев. Луки 23, ст. 56.

⁵³⁾ Ев. Матѹ. гл. 28, ст. 1. Марк. гл. 16, ст. 1. Іоан. гл. 30, ст. 1.

Письма профессора А. С. Павлова къ преосвященному Томскому Макарію.

Жизненные обстоятельства сразу же по окончаніи семинарскаго курса разлучили Невскаго (послѣ преосв. Макарій Томскій) и Павлова (проф. моск. университета), забросивъ перваго миссіонеромъ въ горы и дебри Алтая и направивъ втораго на служеніе наукъ въ Казани, Одессѣ и Москвѣ. Раздѣленные пространствомъ, подвизаясь на различныхъ поприщахъ дѣятельности, товарищи, по-видимому, долгое время не имѣли между собою письменныхъ сношеній. Переписка между ними началась много позднѣе, когда Мих. Невскій былъ уже викаріемъ Томской епархіи ¹⁾. Вышшею причиною и поводомъ, поддерживавшими эту переписку со стороны Павлова, являлось то обстоятельство, что многочисленные родственники его, состоявшіе на службѣ въ Томской епархіи, при различныхъ служебныхъ невзгодахъ, обращались къ нему съ просьбами о ходатайствахъ предъ преосвященнымъ Макаріемъ, какъ его товарищемъ. Несомнѣнно, что всѣ та-

¹⁾ „Точно не могу указать, писать намъ пр-ный Макарій, когда началась моя переписка съ Павловымъ; не помню, кто изъ насъ началъ такую. Весьма вѣроятно ваше предположеніе, что переписка началась съ его стороны. По окончаніи семинарскаго курса мы видѣлись съ нимъ въ Казани, когда я изъ миссіи ѣхалъ въ Петербургъ въ 60-хъ годахъ, а онъ былъ въ это время профессоромъ академіи или университета“.

кого рода просьбы и слѣдовавшія по нимъ ходатайства были неособенно пріятны Павлову, который жалуется въ одномъ изъ своихъ писемъ къ преосвященному Макарію словами Апостола (2 Кор. XI, 26) на эти *бѣды отъ сродниковъ*. Преосвященный Макарій, въ предѣлахъ возможности удовлетворяя просьбы Павлова за родственниковъ, съ своей стороны обращался къ нему, какъ специалисту, за разрѣшеніемъ тѣхъ или иныхъ каноническихъ вопросовъ, возникавшихъ въ его административно-епархіальной практикѣ. Павловъ охотно приходилъ на помощь въ этихъ случаяхъ, научно рѣшая такіе вопросы практики. Въмѣстѣ съ симъ, естественно, что корреспонденты въ своихъ письмахъ касаются воспоминаній о своей прошлой жизни, сообщаютъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о себѣ, касаются современныхъ политическихъ движеній въ обществѣ и университетѣ и пр.

Въ печатаемыхъ ниже письмахъ Павлова къ преосвященному Макарію, относящихся къ 1888—1898 г.г., мы опускаемъ все, имѣющее слишкомъ частный, интимный характеръ и сохраняемъ только то, что относится къ характеристикѣ Павлова и имѣетъ общественное и научное значеніе.

Н. Бирюковъ.

I ¹⁾.

Ваше преосвященство,
Преосвященнѣйшій владыко,
Милостивый архипастырь!

Вчера имѣлъ удовольствіе получить ваше, поистинѣ, «братски-товарищеское» письмо и портретъ, помогающій моему воображенію воскресить изгладившіяся въ немъ черты товарища моей юности Михаила Невскаго. Прежде

¹⁾ Помѣты на письмѣ преосвященнаго Макарія: „Пол. 23 окт. 1888 г. Послать Лепту, біогр. о Мак. и отчетъ. Отв. 30 янв. 1889 г.“

старости Господь поставилъ васъ на высокомъ свѣщницѣ свѣтитъ «людямъ, сѣдящимъ во тьмѣ и сѣни смертной». Портретъ вашъ повѣшенъ въ моемъ кабинетѣ на ряду съ портретами другихъ владыкъ, съ которыми я находился или нахожусь въ болѣе или менѣе близкихъ *личныхъ* отношеніяхъ (покойнаго митрополита Макарія, Саввы тверского, Леонтія варшавскаго). Тѣ были украшены высокими учеными степенями, а васъ украшаетъ смиреніе истиннаго продолжателя галилейскихъ рыбарей. *Suum cuique*. Одного архипастыря—миссіонера мы уже видѣли на митрополичьемъ московскомъ престолѣ. «Не ѹ явися», куда будетъ двигнуть Архіереемъ, прошедшимъ небеса, и вашъ свѣтильникъ съ Алтайскихъ горъ.

Письмо вашего преосвященства задаетъ мнѣ два вопроса: во-первыхъ—объ *оныхъ* подпольныхъ дѣятеляхъ, не имѣютъ ли они какой родословной связи съ университетами и университетской наукой? Повѣрьте, владыко: никакой! Въ доказательство сошлюсь на извѣстный вамъ фактъ открытія прокламацій *въ только - что открывшемся* Сибирскомъ университетѣ. Какая еще тамъ «наука» и истинно-научная дѣятельность, а *оные* успѣли уже или, по крайней мѣрѣ, пытались пустить въ молодой университетскій организмъ свой ядъ, всего сильнѣе прививающійся *именно къ духовно-недозрѣлымъ* организмамъ. «Оные» суть исчадіе столь долго царившей у насъ лже-либеральной прессы, а никакъ не университетской науки. Недоучки—болтуны и щелкопёры въ тысячу разъ хуже круглыхъ невѣждъ.

Второй вопросъ — каноническій—о новообращенномъ, женатомъ на вдовѣ или отвергнутой своимъ первымъ (нехристіанскимъ) супругомъ: можетъ ли таковой быть рукоположенъ на священнослужительскую степень? Прямой отвѣтъ дается въ 18 правилѣ св. апостолъ: «Вземшій въ супружество вдову или отверженную отъ супружества... не можетъ быти епископъ, ни пресвитеръ, ни диаконъ, ниже вообще въ спискѣ священнаго чина». Пра-

вило это, конечно, было извѣстно вамъ и до моего письма, и вы, очевидно, затрудняетесь только приложеніемъ его къ тому *особенному* случаю, который вамъ представился. То-де былъ бракъ *до крещенія!* Но благодатию крещенія изглаждается только первородный грѣхъ съ его послѣдствіями, а не *фактъ перваго нехристіанскаго брака* ²⁾. Вдова или разведенная и послѣ крещенія остается вдовою или разведенною, а не обращается въ дѣву, чего требуетъ приведенное апостольское правило отъ будущей супруги будущаго священнослужителя.

Становлюсь старъ и немощенъ. Да не умоляетъ молитва твоя, владыко святой, у престола Божія за многогрѣшнаго раба Божія, приснаго тебѣ по духу—

Алексія (Павлова).

29 сент. 1888 г. Смолен. бул. д. Смольянинова.

P. S. Миссіонерскаго отчета еще не получилъ.

II ³⁾.

Ваше преосвященство,
Преосвященнѣйшій владыко,
возлюбленный товарищъ по школѣ и отецъ по
благодати архіерейства!

Ваше любвеобильное письмо отъ 6-го минувшаго Апрѣля, отвѣтное на мою поздравительную телеграмму съ праздникомъ Пасхи и съ высокою монаршею милостью, собрало на мою уже давно посѣдѣвшую голову <угліе огненное>. Правда, мое поздравленіе было искренне—сердечное, и потому самому принесено вамъ помощію молвіеноснаго телеграфа; но прочитавъ въ вашемъ письмѣ слова: «Позволяю себѣ думать, что любовь ваша не огорчится

²⁾ Эти курсивныя слова написаны Павловымъ вмѣсто зачеркнутыхъ: „порокъ брачнаго союза“.

³⁾ Помѣта пр-го Макарія: „Получ. 14 іюня 1890 г.“

на меня за то, что вмѣсто телеграммы отвѣтствую вамъ письмомъ», я услышалъ въ нихъ нѣкоторый упрекъ своей собственной совѣсти, подсказавшей мнѣ, что обращеніе къ помощи телеграфа, было, съ моей стороны, дѣломъ не только нетерпѣвнѣ, въ подобныхъ случаяхъ понятнаго и извинительнаго, но, пожалуй, и лѣзости, отвращенія отъ всякаго писанія, каковое въ послѣднее время находить на меня довольно часто. Судь совѣсти приблизительно выразился въ такой формѣ: «послушай-ка, рабъ Божій Алексіе, вѣдь, Бійскій владыка не меньше тебя обремененъ дѣлами, да не такими, какъ ты, ученая крыса, а болѣе важными—домостроительствомъ царства Божія на сибирской землѣ,—и однакожь онъ удосужился написать тебѣ не малое по объему и великое по духовному содержанію посланіе, да еще съ нѣкоторымъ извиненіемъ, что на твою лаконическую телеграмму не отвѣчалъ таковою же. А ты... ты, рабе лукавый и лѣнливый, и теперь, черезъ двѣ недѣли послѣ полученія архипастырскаго посланія, едва-едва собрался отвѣтить на оное и готовъ былъ бы и на этотъ разъ отдѣлаться телеграммой». Ей! истину глаголю, передавая вашему преосвященству судь моей совѣсти, вызванный послѣднимъ письмомъ вашимъ, именно—вышеприведенною вашею извинительною оговоркою, которой приличнѣе было бы содержаться въ моей телеграммѣ и быть выраженной такъ: «простите, владыко святой, что поздравляю васъ не письмомъ, а телеграммой».

Можетъ быть, и теперь я не скоро бы собрался отвѣтить любви вашей, если бы *сейчасъ* не поданы были мнѣ два вашихъ подарка—«Лепта въ пользу алтайской миссіи» и «Матеріалы для біографіи» соименнаго вамъ великаго русскаго миссіонера, такъ кстати упомянутаго въ послѣдней высочайшей грамотѣ вашему преосвященству, ревностному продолжателю апостольскихъ трудовъ приснопамятнаго архимандрита Макарія. Сіи двѣ книжицы раздули вышеупомянутое «угліе огненное», собранное на главу мою письмомъ вашимъ и уже начавшее было по-

рваться охлаждающимъ пепломъ, въ палящій пламень огненный,—и вотъ я судорожно схватился за перо и пишу настоящее письмо едва-ли «въ полномъ умѣ и твердой памяти», но—несомнѣнно—въ искреннемъ раскаяніи и въ крѣпкой любви къ Бійскому владыкѣ.

Ваша правда: университетскія дѣла идутъ у насъ не совсѣмъ въ надлежащемъ порядкѣ. Я пережилъ на своемъ служебномъ вѣку около 15-ти такъ называемыхъ «студенческихъ исторій». Но зло, выражающееся въ этихъ печальныхъ явленіяхъ, едва ли такъ велико, какъ, можетъ быть, представляется съ высоты Алтайскихъ горъ. По моимъ наблюденіямъ, главною причиною всѣхъ упомянутыхъ «исторій» служитъ естественная характеристическая черта молодости—желаніе казаться старше своихъ лѣтъ. Надѣвъ университетскій мундиръ, студентъ уже начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на «мужа совершенна», рѣшителя всѣхъ соціальныхъ и даже политическихъ вопросовъ. Бѣда въ томъ, что этою слабостію молодости пользуются злонамѣренные люди, неимѣющіе ничего общаго съ университетами, и губятъ нашу учащуюся молодежь для своихъ преступныхъ цѣлей. Парализовать это вліяніе, охватывающее студентовъ *внѣ университета* со всѣхъ сторонъ, часто бываетъ не подъ силу всей нашей профессорской корпораціи.

Простите, владыко, за небрежное и безсвязное писаніе и не забывайте въ вашихъ святыхъ молитвахъ грѣшнаго раба Божія

Алексія (Павлова).

17 мая 1890 г. Смоленскій бульв., д. Смольянинова.

III ⁴).

Внше преосвященство,
Преосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырѣ!

Не суждено мнѣ и нынѣшнимъ лѣтомъ побывать въ

⁴) Помѣта пр-го Макарія: „Получ. 10 іюня 1892 г.“.

Сибири. Въ предыдущемъ письмѣ къ вамъ, на которое вы отозвались глубоко тронувшимъ меня задушевнымъ товарищескимъ отвѣтомъ съ выраженіемъ надежды на скорое наше свиданіе, я забылъ упомянуть о томъ, что минувшею зимою я перенесъ продолжительную и тяжкую болѣзнь, о которой мы во времена юности нашей и не слыхали—инфлюэнцу, соединенную съ воспаленіемъ легкихъ, которая чуть было не свела меня въ могилу. Теперь отъ этой «лихой болѣсти» осталась у меня крайняя слабость во всемъ организмѣ и небывалая прежде воспримчивость къ простудѣ. Доктора находятъ, что я могу освободиться отъ этихъ послѣдствій перенесенной мною болѣзни только въ такомъ случаѣ, если проведу наступающее лѣто гдѣ-нибудь въ тепломъ климатѣ на минеральныхъ водахъ. Рѣшено послать меня на Кавказъ, — благо не за границу, куда сначала думали — было спроводить мою немощную плоть здѣшніе эскулапы.

Заочно я довольно часто встрѣчаюсь и, такъ сказать, бесѣдую съ вашимъ преосвященствомъ чрезъ посредство Синодскихъ церковныхъ вѣдомостей, гдѣ помѣщаются ваши бесѣды, распоряженія или постороннія сообщенія о вашей неутомимой просвѣтительной дѣятельности. Дай Богъ вамъ еще въ сей жизни узрѣть и собирать въ житницу Божию обильные и благопріятные плоды вашего архипастырскаго дѣланія!

На ономъ поприщѣ, въ ономъ званіи и оными средствами и я многогрѣшный тружусь или, по крайней мѣрѣ, искренно стараюсь трудиться на благо святой матери нашей Церкви. Моей наукѣ болѣе, чѣмъ какой нибудь другой, даже чисто богословской, свойственно названіе *ancilla ecclesiae*. Я имѣю дѣло съ царствомъ Божиимъ *на землѣ*, поставленнымъ въ обыкновенныя условія человеческой жизни, хотя и дѣйствующимъ такими силами, которыхъ и врата ада не одолѣютъ. Подобно хлопотливой евангельской Марѣѣ, канонистъ не можетъ постоянно сидѣть у ногу Іисусову и слушать божественныхъ словесъ

Его, но долженъ постоянно прислушиваться и къ чело-
вѣческому слову, властно устрояющему порядокъ нашей
земной жизни. Словомъ, канонистъ долженъ быть не только
ученымъ богословомъ, но и такимъ же юристомъ, исто-
рикомъ и въ значительной мѣрѣ—философомъ, мысль ко-
торого, однакожь, должна быть въ постоянномъ и не-
ослабномъ подчиненіи вѣрѣ. Въ какія только дебри чело-
вѣческаго знанія не нужно бываетъ подъ часъ заходить
канонисту, чтобы по возможности правильно понять то
или другое явленіе въ исторіи и дѣйствующей догмѣ цер-
ковнаго права! Въ доказательство этого положенія посы-
лаю вашей любви экземпляръ своей послѣдней работы
подъ заглавіемъ: «Мнимые слѣды католическаго вліянія
въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго
церковнаго права». На первый взглядъ работа эта мо-
жетъ показаться слишкомъ спеціальною, скучною и сухою;
но все же благосклонный читатель, думается мнѣ, отдастъ
справедливость автору за трудъ, предпринятый съ цѣлію
распутать разныя историческія хитросплетенія, направлен-
ныя къ умаленію чести и достоинства нашей православ-
ной церкви.

.....
Испрашивая вашего святительскаго благословенія въ
дальній путь, пребываю крѣпко любящимъ васъ школь-
нымъ товарищемъ

А. Павловъ.

24 мая 1892 г. (въ праздникъ Св. Троицы).

Сообщ. Н. Бирюковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

Ни направо, ни налѣво.

Громадная сила—общее вѣрованіе, установившіеся взгляды, общее настроеніе, принятый обычай и всякое массовое движеніе. Каждая отдѣльная личность, выростая въ нихъ, или очутившись въ нихъ, поддается ихъ вліянію почти безотчетно, ихъ принимаетъ, невольно сживается съ ними, сродняется, считаетъ ихъ своими. Это явленіе наблюдается во всѣхъ областяхъ жизни, не исключая и религіозной.

Въ религіозной жизни это явленіе можетъ быть отраднымъ, можетъ быть и печальнымъ.

Отрадно оно тогда, когда вѣрованія, установившіеся взгляды и обычаи носятъ на себѣ печать истины, чистоты и святости. Тогда стоитъ человѣкъ на прямой дорогѣ и—разумѣется—чѣмъ тверже, тѣмъ лучше. Тогда, чѣмъ глубже проникаетъ въ сердце религіозное чувство подъ вліяніемъ окружающей обстановки, тѣмъ крѣпче вѣра. Тогда, если какія смущенія встрѣтятся на пути, они не опасны; какія-бы вѣянія мнѣній и ученій ни нападали, они могутъ только смущать душу, но поколебать не могутъ. Крѣпкое въ сердцѣ всего общества, крѣпко будетъ и въ каждомъ въ отдѣльности. Вѣра—что любовь. Коренятся онѣ въ сердцѣ, черезъ сердце достигаютъ ума.

Что крѣпко въ сердцѣ, то крѣпко и въ жизни, въ ея проявленіяхъ. Потому-то апостолъ и говоритъ: сердцемъ

вѣруютъ люди къ праведности (Рим. 10, 10). Истина вѣры принимается сердцемъ, наполняетъ его, даетъ извѣстное удовлетвореніе,—а потѣмъ уже передается она разуму—у однихъ къ свѣдѣнію и руководству, у другихъ—къ раскрытію и изслѣдованію. Если сердце ощущаетъ тепло и радость этой истины, то какія-бы ни были усилія ума противъ нея, его доводы разлетаются впрахъ. Умствованіями побиваются только умствованія; поэтому всякое вѣрованіе уступить доводамъ разума лишь тогда, когда оно основано на людскихъ измышленіяхъ. Возьмемъ въ примѣръ чувство любви. Попробуйте любую личность, увлекшуюся чувствомъ любви, убѣдить въ ложности дѣлаемаго шага и перевернуть дѣло. Великъ-ли будетъ успѣхъ? Всѣ доводы выслушиваетъ, предъ неопровержимыми истинами поникаетъ головой, во многомъ съ вами соглашается, по временамъ плачетъ,—но лишь только подошли къ рѣшительному пункту, слышите въ отвѣтъ: нѣтъ, не могу поступить по вашему. Все забывается, отъ всего отказываются, отъ отца, отъ матери, отъ друзей, отъ удобствъ и выгодъ положенія. Все привносится въ жертву чувству. Очевидно, рѣшеніе состоялось не по расчету, не на опѣянкѣ достоинствъ, а по влеченію и побужденіямъ, которыя не поддаются опредѣленію и не доступны для изслѣдованія.

Такъ крѣпко чувство любви. Такъ прочно въ жизни то, что прочно въ сердцѣ.—Поставьте на мѣсто любви вѣру, и получится то-же самое. Не только противъ вѣры, но и въ пользу вѣры одними доводами трудно что-либо сдѣлать. Доводы и доказательства разобьютъ доводы невѣрія, могутъ расчислить путь къ вѣрѣ, но не дадутъ вѣры. Поэтому походъ противъ вѣры со стороны одного ума не можетъ быть удаченъ, если сердце лежитъ къ вѣрѣ. Вѣра пребудетъ твердой, хотя-бы сознаніе было не вполне ясно и не совсѣмъ точно.—При такомъ положеніи дѣла, общность вѣрованія, общность направленія мыслей и желаній можетъ сослужить человѣку великую

службу. Она (общность), объединяя жизнь духа въ обществѣ, вселяетъ въ душу каждой отдѣльной личности особую силу, вливаетъ энергію, углубляетъ увѣренность въ исповѣдуемой истинѣ и дѣлается силой стихійной, для которой нѣтъ преградъ, нѣтъ опасностей, нѣтъ невозможнаго. На долю личной самодѣтельности остается—итти на встрѣчу этой силѣ, воспитывать, развивать въ себѣ умѣнье подчиняться общему теченію, сростаться духомъ со всѣми, усваивать себѣ то, чѣмъ живо общество,--- крѣпнуть и утверждаться въ томъ пути добра и правды, которымъ идетъ окружающее общество, итти съ нимъ шагъ—въ—шагъ, ни мало не отставая. И что не по силамъ одному, предъ чѣмъ можетъ смутиться и дрогнуть сердце одного, въ томъ поддерживаетъ примѣръ другихъ, воодушевленіе окружающихъ. Насъ поражаетъ величіемъ своимъ мученичество исповѣдниковъ Христовыхъ: сотнями и тысячами умирали они за имя Христово—шли на мученіе и смерть безъ страха и содроганія. Неужели въ средѣ ихъ были всѣ одинаково сильны? Несомнѣнно, каждая отдѣльная личность горѣла желаніемъ служить Христу,—но силы были не равны. Были вѣрующіе и не крѣпкіе духомъ. Если они выдерживали испытаніе и наравнѣ со всѣми оказывались твердыми въ исповѣданіи, то это потому, что внутренне, тайноугодно укрѣпляла ихъ благодатная сила Духа Божія, помогающая всякому добру, а совнѣ на нихъ дѣйствовалъ примѣръ и сила общаго настроенія. Сильные поддерживали слабыхъ, и слабые крѣпли. Крѣпли общимъ подъемомъ духа, вдохновлялись одними желаніями и въ дѣйствіяхъ своихъ становились одинаковыми. Славилъ они Бога едиными устами и единымъ сердцемъ, и Богъ былъ съ ними. «Гдѣ два или три собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ», сказалъ Христосъ. Посреди ихъ былъ Христосъ, все освящающій, все оживляющій и всѣхъ невидимо укрѣпляющій. При такомъ дѣйствіи объединяющей силы вѣры и несильныя души проявляютъ чудеса твердости и силы.

Но общее настроеніе и общее вѣрованіе, массовое движеніе—могутъ имѣть и дурныя слѣдствія, если въ жизни оказываются уклоненія то налѣво, когда человекъ свой законъ ставитъ выше Божьяго закона,—то направо, когда у людей только имя Божьяго закона, а нѣтъ его значенія, нѣтъ силы его. — Одинаково предосудительно какъ самомятніе знанія, которое считаетъ себя способнымъ объяснить все и повелѣвать всѣмъ, такъ и лѣнивое невѣжество, отсутствіе знанія, которое не хочетъ давать себѣ ни въ чемъ отчета и слѣпо идетъ или по протореннымъ съ дѣдовскихъ временъ дорогамъ, не разбирая, прямы-ли онѣ, или по стороннему указанію и внушенію, не всматриваясь и не разсуждая, справедливы-ли онѣ.

Преступно самомятніе, мнящее себя всесильнымъ. Единичное проявленіе его въ жизни всегда было и — разумѣется—всегда будетъ. Но, какъ единичное, оно теряется въ окружающей массѣ и не представляетъ изъ себя ничего страшнаго. Но въ жизни людей бываютъ такіе моменты, когда самомятніе охватываетъ людей въ большомъ количествѣ, какъ повальная болѣзнь. Такой, напр., моментъ переживаемъ мы теперь. Такъ сложилась наша общественная жизнь, что нужды ея возбудили общій интересъ. Поднялись всѣ на «новое строительство». Здѣсь разумъ долженъ—конечно—показать свою силу. Серіозные и спокойные и дѣлаютъ свое дѣло серіозно и спокойно. Но вмѣстѣ съ честными и добрыми силами расходились и темныя силы, злая, своекорыстная воля. Въ рукахъ злой воли и возмнилъ о себѣ разумъ, что онъ—единственный «строитель и спаситель». Все подвергнуто критикѣ и переоцѣнкѣ, все, не исключая вѣры и церкви. Началось всюду исканіе новыхъ путей. И все это было бы на своемъ мѣстѣ при соблюденіи спокойствія и серіозности; но плохо то, что многіе грозной тучей обрушились на вѣру религіозную и на вопросы богопрославленія не съ тою цѣлію, чтобы разобраться въ томъ, что кому не ясно, разобраться въ дѣйствительныхъ нуждахъ церковной жиз-

зни и исправить то, что требуетъ исправленія, а выступили съ гордымъ отрицаніемъ вѣры и евангельскаго закона, чтобы развязать руки своему своевластію, — и объявили этотъ законъ не только ненужнымъ, но и вреднымъ. Выступили съ своимъ ученіемъ, съ своими заповѣдями, которыя тѣмъ для нихъ и цѣнны, что даютъ свободу отъ исполненія требованій христіанскаго крестоношенія и сулятъ всѣмъ впереди золотыя горы, — тѣмъ и цѣнны, что не говорятъ: «распи свои страсти и похоти», а внушаютъ обратное: лови часы довольства... Довольство! Громкое слово. Сколько въ немъ сильнаго, манящаго, захватывающаго... И дрогнуло народное сердце, помутилось оно пожеланіемъ, проснулось въ немъ и громко заговорило не только давнишнее «недовольство», и всегда-то плохо скрываемое, но заговорили и низменные инстинкты... Кто не видитъ, какъ этой мутной волной захлестнуло и сбilo съ ногъ народную толпу! Съ силой толкнуло ее въ сторону, и отхлынула она отъ церкви. Какъ же это такъ? Неужели вдругъ можно вытравить изъ души вѣру. Какъ могли люди вдругъ охладѣть къ молитвѣ, церковному богослуженію, къ таинствамъ? — Поддалось сердце заманчивымъ видамъ будущаго благополучія, которые и заслонили собою все въ душѣ, а въ этотъ моментъ своенравный умъ стремительно набросился на религіозныя истины и усиленно захлопоталъ покрыть ихъ возможно — большимъ и густымъ туманомъ. Набросился на служителей церкви, обозвавъ ихъ «пособниками всѣмъ насильникамъ и притѣснителямъ», перепуталъ вопросы вѣры и жизни, вопросы догмы и церковной практики. Всюду открыто стало сказываться желаніе унижить религію, какъ тормазъ къ вѣшнему благополучію. Какъ было въ дни апостоловъ, такъ заговорили и теперь. «Кто взойдетъ на небо, чтобы свести Христа?», и — конечно, для того, чтобы показать Его народу, который безъ этого не можетъ и не хочетъ вѣровать. «Кто сойдетъ въ бездну, чтобы Христа изъ мертвыхъ возвести» (Рим. 10, 6—7), т. е. дока-

зять, что Онъ дѣйствительно когда - то жилъ, умеръ и воскресъ. Сила Божьей благодати, вѣчная жизнь, загробное воздаяніе, догматы вѣры и установленія церкви—такой предметъ, куда направлено острословіе и ядовитость изворотливаго ума. Основы, приводимыя въ пользу отрицанія, слабы и близко напоминаютъ разсказъ объ индусѣ, который оспаривалъ предъ миссіонеромъ истину бытія Божія лишь на томъ основаніи, что онъ Бога не видитъ. «Не вижу, значить — нѣтъ Его». Для разума доводъ не сильный, но сила его и подобныхъ ему внушительна для сердца, поддавашагося дѣйствию порочныхъ желаній. Такіе доводы усыпляютъ (временно) душу, обезсиливаютъ совѣсть. Можетъ быть, иной и задумался бы въ другое, болѣе спокойное, время и разобрался бы въ томъ, что внушаютъ ему, а теперь некогда: всѣ спѣшать, азартъ и нервность окружающей среды быстро захватываютъ душу и увлекаютъ. Тому, кто замѣшкался и недоумѣваетъ, стоитъ какъ бы въ нерѣшительности, тому дѣлаютъ многозначительный жестъ и говорятъ: смотри, всѣ и вездѣ такъ говорятъ, всякій передовой человѣкъ такъ мыслить. Всѣ, вездѣ, всякій! Кому же интересно быть отсталымъ! И слабые сами по себѣ доводы вырастаютъ въ большую силу. Всѣхъ мучаетъ желаніе поспѣть за передовыми.— Упорному индусу миссіонеръ справедливо возражалъ: вотъ я не вижу твоего ума, но, вѣдь, онъ несомнѣнно есть. Умъ-то есть, отвѣчалъ индусъ, а Бога нѣтъ: я Его не вижу. На безпристрастный взглядъ отвѣтъ болѣе чѣмъ странный. Но всмотритесь въ жизнь нашу, прислушайтесь къ рѣчамъ «нашихъ отрицателей», и увидите ясно, что слова и пріемъ доказательствъ, принятыя индусомъ, и по сіе время повторяются многими, только въ иныхъ видахъ и формахъ, болѣе утонченыхъ. Несообразность ихъ очевидна, но она не останавливаетъ на себѣ надлежащаго вниманія. Краснымъ полымемъ вспыхнули тлѣвшія въ глубинѣ народной души желанія и исканія.

Ринулось сердце народа впередъ., куда?., отчета себѣ дать

не можетъ. Волна поднялась и покатилаcь. И чѣмъ далѣе идетъ, тѣмъ бѣльшую массу народа захватываетъ собой: трудно, непривычно, нѣтъ силы и средствъ съ ней бороться. Въ шумѣ криковъ и ругательствъ, что всюду раздаются на все старое, въ томъ числѣ и на религію, не можетъ слышать народная душа голоса правды евангельской. Голосъ Божій подмѣненъ голосомъ модныхъ мнѣній и голосомъ интересовъ общаго движенія. Кичливый разумъ міра, горделиво присвоивъ себѣ самовластіе, не хочетъ знать никакого авторитета кромѣ самого себя. Богъ и вѣра въ промыслъ Его преданы забвенію или даже поруганію. Народная масса какъ-бы въ туманѣ, въ полуснѣ: никакъ не рассмотреть, гдѣ друзья и гдѣ враги, никакъ не станетъ твердо на ноги, чтобы вдуматься въ дѣйствительное положеніе вещей и одуматься... Такова сила массоваго настроенія, массоваго движенія... Смотришь вокругъ себя, и самъ собою напрашивается возгласъ: Господи, доколѣ-же?, неужели эта мутная волна самомянія и отрѣшенности отъ Бога надолго захватила наше общество?

Не менѣе преступно и обратное уклоненіе, уклоненіе въ сторону духовной неподвижности, не дающей отчета себѣ въ своихъ вѣрованіяхъ и взглядахъ, не желающей потрудиться надъ собой и освѣтить, осмыслить свои понятія.

Не мало у насъ на Руси такихъ угловъ и уголковъ, гдѣ слабъ свѣтъ науки. Грамотныхъ всюду найти можно, ихъ, пожалуй, и не мало, — но мало знанія и пониманія, бѣдна наша деревня наукой и книгой. По своей малоразвитости не ощущаютъ тамъ, мало сознаютъ пользу книгъ и книжнаго знанія, такъ что, когда и представляется возможность пріобрѣсть книжку, жаль деревенскому обывателю тратить на нее гривенникъ: онъ издерживаетъ его или на домашнюю нужду, или (горько вымолвить!) отдаетъ за глотокъ вина. Отсюда вполне понятно, что въ такихъ мѣстахъ народъ дикъ и грубъ,—но при этомъ не-

отъемлемое достоинство души селянина то, что въ ней жива вѣра въ Бога. Мыслить себя селянинъ не иначе, какъ христіаниномъ православнымъ, и жизнь «по Божьему» закону онъ считаетъ высшимъ долгомъ. Но темень онъ, неподвиженъ умъ его и грубо сердце. Поэтому религіозныя представленія его удивительно своеобразны и такъ извращены, что часто не имѣютъ и тѣни духа Христова. Суевѣрія простолюдина—кому это неизвѣстно—доходятъ до дикости. Но люди въ нихъ родятся, въ нихъ живутъ и сродняются съ ними. Всякая живая мысль, если и мелькнетъ у кого, она, какъ искра въ сыромъ мѣстѣ, быстро меркнетъ: общее настроеніе и привычка тушатъ и убиваютъ ее. До какого уродства доходятъ понятія и сужденія людей, какъ дики иной разъ бываютъ поступки ихъ, вотъ примѣръ, имѣвшій мѣсто въ одной изъ среднихъ нашихъ губерній въ 1907 году. Дѣло было такъ. У одного изъ селянъ долго не было дѣтей. По чьему-то совѣту обратился онъ къ ворожеѣ. Та выслушала, что - то таинственно шептала, отошла въ свой потайной уголь и вынесла снадобье. Прошелъ послѣ этого годъ, и у селянина родился мальчикъ. «Ворожея помогла», съ наивностью и простодушіемъ говорилъ онъ. Мальчику исполнилось два года. Въ эту пору началось общее броженіе, нынѣ нами переживаемое. Скорбно было всѣмъ, и у многихъ вырывался вопросъ, что за причина постигшей насъ бѣды. И вотъ, одному изъ селянъ, болѣе другихъ опытному въ книжномъ дѣлѣ, а потому и всѣми уважаемому, пришла несчастная мысль, что вся бѣда на Руси отъ антихриста, который народился: онъ гонить и угнетаетъ православныхъ. Кто же онъ и гдѣ?—Да онъ долженъ быть, разсуждаетъ начетчикъ, чадо сатаны. А вотъ... у сосѣда-то ребенокъ родился при содѣйствіи силы ворожеи, силы нечистой. Не онъ ли? Долго думалъ онъ надъ этимъ вопросомъ и рѣшилъ: онъ! Онъ — антихристъ. Эта мысль передается отъ одного къ другому, всѣ ахаютъ, вѣдыхаютъ, увѣряютъ одинъ другого и всѣ расширенными зрач-

жами смотреть на «антихриста». Время шло, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало волненіе въ обществѣ этого поселка. Всѣ открыто говорили про антихриста съ полной увѣренностью въ правотѣ своихъ словъ. Увѣрили въ томъ и отца съ матерью. Что же теперь дѣлать имъ? Отвѣтъ напрашивался самъ собой. Они—православные христіане и не должны терпѣть въ своемъ обществѣ антихриста, напротивъ, ихъ долгъ уничтожить зло. Всѣ такъ думали или нѣтъ, дѣло неизвѣстное,—но одинъ такъ сказалъ, и всѣ согласились со сказаннымъ. Всякому, кто первый разъ слышалъ объ «антихристѣ» и, такъ сказать, посвящался въ дѣло, всякому сообщали, что объ этомъ «всѣ такъ говорятъ», и что «всѣ рѣшили» извести его. Какъ ни нелѣпо рѣшеніе, но оно крѣпнеть въ сознаніи обывателей. И вотъ, въ одинъ день собирается толпа, всѣ зажигаютъ восковыя свѣчи, молятся, слушаютъ чтеніе (начетчикомъ) Евангелія, поютъ церковныя пѣснопѣнія, — а потомъ къ собравшимся мать выносить своего сына, по признанію всѣхъ «антихриста». Беретъ его начетчикъ, бросаетъ на землю, топчетъ ногами, бьетъ... и убиваетъ. Трупъ уродуютъ, выбрасываютъ и предаютъ поруганію. Убили антихриста!.. Страшно становится, кровь холодѣетъ, жогда читаешь объ этомъ. Боже мой! до чего люди дошли. Во имя и славу Христову совершаютъ преступленіе, которому по его дикости не подыщешь и названія. И неужели не нашлось ни одного благоразумнаго въ этой толпѣ, который смогъ бы усомниться въ справедливости общаго постановленія и сказать о томъ? Можетъ быть, въ рѣшительный моментъ и шевельнулось въ комъ чувство жалости или мысль о незаконности, но общее увлеченіе взяло верхъ, и дѣйствія скопомъ оказались такъ ужасны. Хотѣли ли люди зла, желали ли они видѣть мученіе ребенка, — надругаться ли надъ нимъ — была ихъ цѣль? Нѣтъ, неповинны они во всемъ этомъ. Не того хотѣли они, не тѣми мыслями воодушевлены были. Не уложились въ ихъ душахъ высокая евангельская истина,

не осилили они ее, исказили в своем понимании и сдѣлались преступниками. Виновна здѣсь духовная неподвижность, отсутствіе знанія, а, можетъ быть, и нежеланіе учиться. Такое состояніе—великое несчастіе для каждой, въ отдѣльности взятой, личности,—а когда цѣлыя общества закоснѣваютъ въ духовной лѣности и тьмѣ, то это уже страшное бѣдствіе, на борьбу съ которымъ должны стать всѣ силы болѣе просвѣщенныхъ классовъ народа, и великій грѣхъ будетъ на нихъ передъ Богомъ и передъ исторіей, если они этого не сдѣлаютъ.

Неподвижность и лѣность духовная, закоснѣлость въ старыхъ формахъ имѣютъ мѣсто и въ кругахъ болѣе развитыхъ и образованныхъ, — это тамъ, гдѣ люди страдаютъ «самомывніемъ праведности», гдѣ все «старое, принятое, писанное, уставное» считается предметомъ непрекаемымъ, закономъ, точное исполненіе котораго равносильно исполненію евангельскаго закона. Здѣсь духовная косность прикрывается радѣніемъ о церковности, стремленіемъ жить «по старинѣ», по старинѣ, когда люди были лучше и чище, и молитва была доходна до Бога, когда Русь сіяла образцами праведной жизни.

Почтенно, конечно, держаться твердо доброй старинкой въ церковной жизни, но «только доброй». Въ прежнемъ, въ старомъ есть всегда нѣчто устарѣлое, пережившее свое время, напр. временные правила и порядки, теряющіе силу и смыслъ съ измѣненіемъ условій жизни,—есть нѣчто, про что справедливо можно сказать, что «старая одежда починки требуетъ». И долгъ мыслящихъ людей умѣть выбирать себѣ чистую пшеницу, питаясь которой люди доходили до высокой чистоты сердца и святости. Великое, спасительное дѣло—проникновеніе въ жизнь духа церковности, освященіе всего мыслью о Богѣ, служеніе Ему словомъ и дѣломъ, — но велико и спасительно это, когда поклоняются Богу «духомъ и истиной», когда вѣнчаніе богопрославленіе одухотворено, проникнуто сердечностью и осмысленностью и есть плодъ живой и дѣятель-

ной вѣры, надежды и любви къ Богу. Насадители церковности въ семьѣ, въ обществѣ часто грѣшатъ у насъ противъ этой неоспоримой истины. Съ дѣтства часто приучаютъ къ одной внѣшности, не давая себѣ труда съ возрастомъ вкладывать дѣтямъ соотвѣтственно ихъ пониманію и развитію понятія объ истинахъ вѣры. Приучаютъ съ малолѣтства къ механической молитвѣ, къ формальному исполненію церковныхъ обрядовъ, не выясняя ни словомъ, ни примѣромъ смысла и значенія внѣшнихъ дѣйствій. Не ставится на первомъ мѣстѣ развитіе въ душѣ теплоты вѣры, чувства всегдашней зависимости отъ Бога, радости надежды на всемогущую Силу. И внѣшнее богочитаніе обращается въ повинность. Сила нравственнаго вліянія, сила внушенія замѣняется силой власти, и повинность отбывается по приказанію, холодно и лѣнливо. Въ дѣтствѣ выносятся часто съ затаеннымъ недовольствомъ, скукой и озлобленностью,—а съ возрастомъ обязанность богочитанія оставляется совершенно, и вмѣсто вѣры и любви къ Богу въ душѣ разрастается сила отрицанія, ожесточеніе и злоба ко всему церковному. Въ лучшихъ случаяхъ бываетъ нѣчто иное, но все же прискорбное. Такъ какъ старшіе не стремятся (или мало прилагаютъ старанія) вложить, развить, воспитать «настроеніе религіозное» въ душѣ дѣтей, а свѣшать только научить извѣстнымъ истинамъ, точнѣе: затвердить ихъ, и прежде всего заставить усвоить то, что дается легче всего, т. е. внѣшніе приемы и формы богомоленія,—то отсюда, естественно, понижается уровень общаго пониманія истины, и нравственные понятія искажаются. И вырастаютъ люди наружной фарисейской праведности, которые «строятъ гробницы пророковъ, украшаютъ памятники праведниковъ» и въ то же время не стѣсняются поднимать руку и гнать посланныхъ Богомъ «пророковъ царства Божія», оцѣживаютъ комара и поглощаютъ верблюдовъ, поѣдаютъ дома вдовъ и выстаиваютъ продолжительныя молитвы (Мѡ. 23, 14 — 29), устами чтутъ Бога, а сердце ихъ далеко отъ

Него.—Далеки отъ Бѣга отрицатели, далеки отъ Бога и такіе своеобразные церковники. А ихъ у насъ еще такъ много - много, и сила вліянія ихъ на окружающихъ, и особенно на простецовъ, громадна. Но пора взглянуть на дѣло прямыми глазами. Пусть ихъ понятія и правила остались въ наслѣдство отъ давнихъ поръ, въ томъ нѣтъ ихъ силы: ложное теперь, было ложно и давно, но только не было такъ названо по непониманію и темнотѣ; это давнее—не законъ и не можетъ имѣть обязательной силы для насъ, хотя бы его держалось окружающее большинство. «Духъ и истина»—вотъ завѣтъ Христа Спасителя.

Итакъ, ни направо, ни налево, но «нужно умѣть подчиняться, гдѣ это нужно, и сомнѣваться, гдѣ это нужно».

Свящ. Н. Орловъ.

И К О Н А.

Р а з с к а з ъ.

I.

Батюшка еще разъ оглядѣвъ свою поношенную ряску и, придерживая рукою крестъ, пошелъ вслѣдъ за важнымъ, толстымъ швейцаромъ.

«Какъ бы, спаси Богъ, не наслѣдить»,—шагая по протянутой поверхъ роскошнаго ковра бѣлоснѣжной полотняной дорожкѣ, думалъ батюшка, робко озираясь на разставленные въ роскошной пріемной кусты тропической зелени,—«спаси Богъ»...

Но вотъ и дверь. Сердце о. Николая замираетъ все больше и больше, ему хочется хотя на нѣсколько мгновений остановиться передъ дверью, но швейцаръ уже повертываетъ блестящую ручку и приглашаетъ о. Николая въ комнату княгини.

— Здравствуйте, батюшка! — слышитъ о. Николай доносящійся съ противоположнаго конца комнаты звучный голосъ княгини. На минуту въ головѣ его мелькаетъ мысль: «Ахъ, что же это я? Княгиня первая со мной здороваается... Какой я неловкій».

А княгиня уже приглашаетъ садиться. Отецъ Николай сѣлъ на кончикъ кресла и растерянно взглянулъ на княгиню.

— Ну какъ дорога, батюшка? Вѣдь, вы, кажется, изъ Васильева? Я думаю, къ вамъ теперь совсѣмъ невозможная дорога?

— Да-съ, ваше сіятельство, — дорога прямо убійственная, — проговорилъ, наконецъ, батюшка и сразу же почувствовала себя легче.

— Я къ вамъ, ваше сіятельство, собственно по такому дѣлу...

Княгиня изобразила изъ себя вниманіе.

— Сильное желаніе имѣю, сильно мнѣ хочется, ваше сіятельство, соорудить въ своемъ храмѣ икону Новоявленнаго Чудотворца, такъ желательно! — полной искренностью звучалъ голосъ о. Николая, не замѣчавшаго въ охватившемъ его одушевленіи того, что любопытство, съ которымъ встрѣтила новаго человѣка княгиня, начало на ея лицѣ замѣняться легкой тѣвью недовольства, — такъ желательно, что и сказать не могу! И мнѣ, и прихожанамъ... Угодникъ, можно сказать, такой великій... Но, вѣдь, вы, ваше сіятельство, слышали, конечно, про нашъ приходъ? Самимъ намъ это дѣло совсѣмъ не по силамъ. Не можете ли вы намъ, ваше сіятельство? Прихожане мои сильно на васъ рассчитываютъ, — несмѣло улыбнулся батюшка, — ваша благотворительность имъ хорошо, вѣдь, извѣстна: въ нашемъ приходѣ цѣлыхъ пять семей получаютъ отъ вашихъ щедротъ пособіе на бѣдность... Мы бы за ваше здоровье денно и ночью Богу молились.

— Д-да... Что же... — равнодушно-неопредѣленнымъ голосомъ тихо протянула княгиня, — помочь немного могу... Только знаете, батюшка, я помогаю больше бѣднымъ, — уже громко и твердо, поучительнымъ голосомъ заговорила княгиня, — бѣднымъ я люблю помогать, имъ принадлежать мои средства, на это я никогда не жалѣю... У васъ существуетъ приходское попечительство?

— Нѣтъ.

Княгиня уже явно поморщилась, не стараясь даже и скрыть этого.

— Но, вѣдь, у насъ... — началъ было батюшка.

— Ну, а богадѣльня?

— Нѣтъ и богадѣльни, ваше сіятельство.

Княгиня съ недоумѣніемъ глядѣла на священника.

— Но ужъ школа-то у васъ, конечно, есть? Неужели ужъ и школы-то нѣтъ у васъ?

— Есть, ваше сіятельство,—обрадовался батюшка.

— И вы тамъ занимаетесь?

— Занимаюсь, ваше сіятельство.

— Ну, а поученія въ храмѣ вы говорите, батюшка?

— Говорю.

— На какія вы темы больше говорите?

— Затрудняюсь вамъ дать отвѣтъ на это, такъ какъ слишкомъ разнообразны темы, на которыя приходится говорить. Въ настоящее время веду, напримѣръ, катехизическія бесѣды о таинствахъ.

Княгиня снова сдѣлала недовольную мину.

— Евангеліе надо больше разъяснить, батюшка! — наставительно отчеканила она,—ученіе евангельское, нагорную бесѣду... Съ Евангеліемъ совсѣмъ не знакомъ народъ! Спросите полдеревни, никто не скажетъ вамъ того, какая главная заповѣдь Христова! Надо говорить больше о любви къ ближнему, а не объ обрядахъ и таинствахъ. У насъ и безъ того формальная сторона взяла перевѣсъ въ христіанствѣ; внѣшней религіозностью совсѣмъ подмѣнили у насъ Христа и Евангеліе... Пастырямъ надо всѣми силами заботиться о томъ, чтобы выяснять истинный духъ Христова ученія, а не тянуть въ одну дудку съ деревенскими мужиками и бабами; надо поднимать ихъ до себя, а не опускаться до ихъ пониманія... Впрочемъ, вотъ вамъ все-таки на икону-то, — улыбнулась княгиня. — Не подумайте, что я—невѣрующая, нѣтъ, я въ церковь хожу и причащаюсь, и духовенство принимаю.

Батюшка принялъ отъ княгини деньги, поблагодарилъ и, раскланявшись съ княгиней, пошелъ къ двери.

— А вы читать, батюшка, любите? — остановила княгиня о. Николая въ то время, когда онъ брался уже за дверную ручку.

— Очень люблю, ваше сіятельство; жаль только, что имѣю на то слишкомъ мало времени.

— Не хотите ли, я снабжу васъ книжками? Вотъ не угодно ли?—Княгиня встала съ мѣста и, подойдя къ горкѣ, набрала цѣлую пачку мелкихъ брошюрокъ.—Прекрасныя брошюрки!—произнесла она, подавая книжки батюшкѣ,—прекрасныя, особенно вотъ эта—«Евангеліе, какъ основа жизни»... Вы не знакомы съ ней? Возьмите, пожалуйста.

О. Николай взялъ книжки, снова поблагодарилъ княгиню и вышелъ.

Въ пріемной онъ разжалъ руку и увидалъ въ ней пятирублевый золотой.

— Вотъ тебѣ и фунтъ! — сказала, выходя на улицу, батюшка.—Вотъ-те—благотворительница... На нее только и надежда-то была, а она — пятишникъ! Что теперь дѣлать-то? Поѣду на Терескинскій заводъ, счастья поищу, только наврядъ ли много обрящу...

А извѣстная на весь уѣздъ своей благотворительностью княгиня N, по уходѣ батюшки, говорила своей экономкѣ Варварѣ Александровнѣ:

— Удивительный народъ! И вотъ такимъ-то недоразвитымъ субъектамъ, съ такими дикими взглядами, поручаютъ цѣлые приходы! Ну, что ему икона? Зачѣмъ икона? Ну, помилуйте, Варвара Александровна, скажите на милость,— у него до сихъ поръ, оказывается, даже нѣтъ попечительства, а онъ—икону! Удивительный народъ!

II.

— Экое богатство-то! Помилуй, Господи! — говорилъ о. Николай, съ чувствомъ бѣдняка-голландца въ «Каннит-ферштанѣ» пробираясь по огромному фабричному двору къ фабричной конторѣ. Корпусища - то, корпусища-то! А ревъ-то, ревъ-то! Какъ только стѣны выдерживаютъ, вѣдь, такъ и ходятъ. И не особенно толсты, вѣдь...

Прошелъ батюшка мимо огромныхъ пятиэтажныхъ, стонущихъ и ревушихъ чудищъ, мимо паровой, гдѣ съ быстротой молніи лизали ремни гигантскіе маховики, загля-

нуль мимоходомъ въ топку, гдѣ въ нѣсколькихъ исполинскихъ котлахъ бурлило и влокотало адское пламя, посмотрѣлъ на 25-саженную, съ громоотводомъ наверху, трубу, изъ которой едва, едва курился дымокъ, полюбовался на блокъ, при помощи котораго два, три человекъ съ необыкновенной легкостью подымали на пятый этажъ чуть не стопудовыя тяжести и — очутился, наконецъ, въ конторѣ.

Когда о. Николай услышалъ шелканье безчисленныхъ счетовъ и увидалъ сѣдыхъ, величественныхъ конторщиковъ, съ видомъ юпитеровъ возсѣдавшихъ на высокихъ стульяхъ предъ заваленными грудями фоліантовъ конторками, то опять—и даже послѣ визита къ княгинѣ,—почувствовалъ себя неловко: ужъ слишкомъ рѣдко-рѣдко выѣзжалъ о. Николай изъ своей глуши-то.

У дверей конторы, у висѣвшаго платья, стоялъ сторожъ.

— Слушай, милый, — обратился къ нему батюшка, — какъ бы мнѣ, знаешь, повидать Сергѣя Николаича?

Сторожъ почему-то сразу же почувствовалъ симпатію къ застѣнчивому, стѣснительному батюшкѣ, — должно быть, при видѣ его, ему припомнилась далекая деревня, его родина, его изба, полати, черемуха на задворкахъ, а можетъ быть, даже и дѣтство, — а потому принялъ въ его дѣлѣ самое живое, горячее участіе.

— Вы, батюшка, должно быть, насчетъ вспомошествованія или на храмъ? Такъ я вамъ скажу, что теперь неудобно... Ужъ вы меня послушайтесь, я, значить, отъ души, потому какъ у насъ въ деревнѣ тоже свой храмъ есть и при ономъ батюшка... Они, Сергѣй Николаичъ, знаете, сейчасъ въ «чайной» и не любятъ, чтобы ихъ тамъ тревожили. Тамъ не одни они, тамъ всѣ анжинеры и прочее. Разговоры тамъ у нихъ свои насчетъ дѣловъ фабришныхъ. Ну, и неловко мѣшать-то имъ. Оно, пожалуй, и можно войти, и ходить туда, да ужъ я-то вамъ не совѣтую... Обождите малость. Лучше будетъ, вѣрнѣй. Я вамъ какъ отъ души... Вы отколь будете, батюшка?

— Да изъ Васильева, милый.

— А-а, знаю, какъ не знать... Бѣдно у васъ, батюшка?

— Бѣдно, очень бѣдно.

— Вы собственно по какому же дѣлу, насчетъ храма?

— Да какъ сказать тебѣ, милый... Пожалуй, и насчетъ храма. Икону мы хотимъ соорудить, икону Преподобнаго Серафима.

— Ахъ, какъ хорошо-то. Пошли вамъ, Господи!—просіяло лицо сторожа.—Это ужъ я вамъ въ лучшемъ видѣ предоставлю насчетъ Сергѣй Николаича. Вотъ какъ кончуть чай, уйдуть анжинеры, останется Сергѣй Николаичъ одинъ газеты проглядывать, тутъ-то я васъ и представлю, батюшка. Ужъ я знаю, когда васъ представить, я всѣ дѣла тутъ знаю,—семнадцатый годъ живу.

— По деревнѣ-то скучаешь?

— Какъ не скучать! Знаете нашу жизнь фабричную? Одна истома... Сытно-то, сытно... и тепло... да чтò въ этомъ?—сказаль сторожъ и махнулъ рукой.

За стеклянной дверью въ это время замелькали чесучевые пиджаки.

— Ну, теперь пожалуйста, батюшка,—сказаль сторожъ,—администрація тронулась изъ чайной; теперь директоръ одинъ тамъ... Вотъ сюда пожалуйста!

О. Николай вошелъ въ «чайную» и увидалъ Сергѣя Николаевича.

— Не угодно ли чайку, батюшка? — говорилъ директоръ, подвигая о. Николаю стулъ.

— Благодарю васъ, я недавно пилъ... Чтòбы не задерживать васъ, С. Ник., я прямо перейду къ цѣли моего посѣщенія, — началъ о. Николай и передалъ директору свою просьбу.

— Охъ, ужъ очень много просятъ-то насъ,—улыбнулся директоръ, — вчера былъ Никольскій батюшка насчетъ печки въ школѣ, третьяго дня о. благочинный просилъ дѣсу на сторожку, на той недѣлѣ прїѣзжалъ съ Песковъ батюшка, просилъ двухъ маляровъ да одного кровельщика

прислать, дней на пять, для ремонта въ храмъ; ужъ очень много теребять-то васъ, батюшка,—заклучилъ директоръ, доставая изъ жилетнаго кармана десятирублевый золотой.

— Благодарю васъ, Сергѣй Николаевичъ! — Батюшка откланялся и вышелъ отъ директора. Онъ очутился теперь въ томъ отдѣленіи конторы, въ которомъ по утрамъ и вечерамъ иногда засѣдали высшіе чины фабричной администраціи. Сейчасъ они были тутъ почти всѣ на лицо. Между ними шелъ оживленный разговоръ по поводу вчерашняго винта.

— Петровичъ-то, Петровичъ-то!.. безъ двухъ козырей! а? Что вы на это скажете?

— Зато мы большой шлемъ сыграли...

И т. д.

Разговоръ часто прерывался смѣхомъ.

— А, о. Николай! Вы по какому дѣлу?—увидавъ входящаго батюшку, проговорилъ толстый, грузный инженеръ, лицо котораго носило порядочные слѣды вчерашняго вечера.

— Да вотъ насчетъ иконы, Семень Иванычъ, — отвѣтилъ батюшка инженеру. Онъ хорошо зналъ Семена Иваныча, такъ какъ послѣдній очень часто ѣздилъ охотиться въ знаменитые Васильевскіе лѣса и не одинъ разъ ночевалъ у о. Николая.

— Да у васъ, небось, и молиться-то некому,—засмѣялся инженеръ, — одни зайцы да волки... Ну, да ужъ что съ вами дѣлать? Давайте листь-то... Ну, а какъ, батюшка, насчетъ лисиць?—оживленно спросилъ инженеръ,—забѣгали опять?

— Да-съ, забѣгали... и очень много.

— Надо будетъ побывать у васъ.

— Просимъ милости.—О. Николай принялъ отъ Семена Иваныча подписной листь и протянулъ его одному изъ механиковъ, красивому высокому блондину.

— Я этимъ собственно самъ-то не очень интересуюсь. У меня жена этими дѣлами завѣдуетъ, батюшка, — про-

молвилъ механикъ съ улыбкой, но все-таки подписалъ одинъ рубль.

Рубль подписалъ и молодой, близорукой инженеръ въ очкахъ, получавшій четыре тысячи и всегда охотно жертвовавшій 5 — 10 рублей на любое доброе дѣло, вродѣ покупки волшебнаго фонаря для школы или устройства какой-либо библіотеки. Одинъ изъ инженеровъ разговорился съ о. Николаемъ о попечительствѣ. — Вотъ бы вамъ съ чего начать-то, батюшка, вотъ бы вамъ съ чего начать-то! — разъ пять повторялъ онъ эти слова во время разговора съ о. Николаемъ. Подписалъ два рубля.

Вообще, за исключеніемъ 2—3 человекъ, высшіе чины заводской администраціи слишкомъ неохотно жертвовали на икону. Щедрѣ ихъ оказались мелкіе конторщики, а всѣхъ щедрѣ—сторожъ, стоявшій у платя.

— Ну что, батюшка, какъ? — говорилъ онъ, встрѣчая о. Николая, когда тотъ шелъ одѣваться.

— Да набралъ 28 рублей 50 копѣекъ,—грустно произнесъ о. Николай.

— Вотъ отъ меня, батюшка, примите рубликъ, не побрезгуйте, — сказалъ сторожъ, протягивая о. Николаю рубль.

— Господь да благословитъ твою жертву! — сказалъ, уходя, священникъ.

Вышелъ о. Николай изъ конторы, и грустно, сиротливо сдѣлалось у него на сердцѣ. Хотѣлось плакать.

— Э-эхъ, хе-хе!—съ горечью, съ болью произнесъ онъ и поскорѣ смахнулъ непрошенную слезинку. «Ишь ты, ужъ и разнервничался, какъ барыня», подумалъ про себя о. Николай. — Нѣтъ, это тебѣ, пощъ, не пристало, — уже вслухъ сказалъ онъ,—да вонъ встати и народъ идетъ.

III.

Выйдя изъ фабричныхъ воротъ, о. Николай отправился къ знакомой лавкѣ, у которой стояла его лошадь, при-

вязанная къ колодѣ. Машинально подвязалъ о. Николай черезъсѣдельникъ и поводъ и остановился въ задумчивости.

— Ну, теперь намъ съ тобой, чалый, куда ѣхать? Да, теперь куда ѣхать?.. Некуда намъ теперь больше ѣхать, чалый! Поѣдемъ въ Васильево... Не будетъ у насъ иконы... Только что теперь вотъ съ этими деньгами-то дѣлать? Ни туда, ни сюда... Эхъ, чалый... Хорошо тебѣ, что ты ничего не смѣслишь...—У о. Николая такъ защемило сердце, что онъ поскорѣе запахнулся и сталъ садиться.

— Батюшка, здравствуйте!—услыхалъ о. Николай голосъ сзади и оглянулся.

— Василий Герасимычъ! Да ты ли это? Тебя и не узнаешь, ишь ты какимъ паномъ выглядишь, — говорилъ батюшка, благословляя подошедшаго къ нему прихожанина.— Что? брата навѣститъ ѣдешь?

— Да, батюшка, получилъ письмо.

— Плохъ, плохъ онъ. Вчера я исправлялъ его. Вѣдь, ты давно, гляди, не видалъ его? Который годъ, какъ ты отъ насъ уѣхалъ-то?

— Да ужъ пять лѣтъ, батюшка.

— Ну, какъ дѣла-то твои?

— Дѣла мои, батюшка, — прямо можно говорить, — только Бога благодари. Слава Богу! Теперь ужъ свое заведеніе открылъ и восемь человѣкъ мастеровъ держу.

— О, то-то! Ишь ты, братъ, какой! Дай Богъ тебѣ, Василий Герасимычъ! Недаромъ ты и паномъ-то вырядился. Я тебя сначала и не узналъ.

— Да какъ вамъ и узнать-то было, батюшка? — вѣдь, изъ деревни-то я поѣхалъ въ худомъ пальтишкѣ да въ рваныхъ сапогахъ.

— Помню, помню, Василий Герасимычъ, — глядя въ пріятное, открытое лицо Василя Герасимыча, говорилъ батюшка.—Ты сейчасъ со станціи?

— Да. А вы сюда по какому дѣлу, батюшка?

— Да чтò, касатикъ?—лучше и не говорить... Вздумали мы, знаешь, соорудить икону... — и батюшка грустнымъ

голосомъ сталъ разсказывать В. Гер. исторію 34 рублей 50 коп.

— Ну, что мнѣ теперь на нихъ дѣлать? Самъ посуди,— заключилъ свой разсказъ о. Николай.

— А Богъ-то на что?.. Не тужите, батюшка!—Василій Герасимычъ вскинулъ головой; на его красивомъ лицѣ вдругъ заструилось высокое воодушевленіе. — Не тужите: икону соорудимъ... и въ лучшемъ видѣ...

— Да что ты, родной?!—воскликнулъ о. Николай.

— Соорудимъ, батюшка — не безпокойтесь. Слава Богу,—хватить... На все хватить...

— Ахъ, ты родной!

Радости о. Николая не было границъ.

— Соорудимъ, соорудимъ.

Икону Вас. Гер. соорудилъ за 600 рублей: 200 рублей заплатилъ художнику за письмо, а на 400 рублей сдѣлалъ великолѣпный, величественный иконостасъ. По совѣту своего кума, псаломщика, онъ сѣзидилъ съ нею въ Саровъ, гдѣ на мощахъ и освятили ее.

Въ Саровѣ Вас. Гер. крѣпко и смиренно помолился у гробницы великаго печальника земли Русской, отслужилъ заупокойную обѣдню по своимъ родителямъ—Герасимѣ и Маріи, посѣтилъ ближнюю и дальнюю пустыньки, искупался, несмотря на октябрь мѣсяць, въ святомъ источникѣ, гдѣ былъ непосредственнымъ очевидцемъ одного чуда—исцѣленія хромого, и радостный, умиленный возвратился домой.

— Ну что, какъ сѣзидилъ?—спрашивали Вас. Гер. по возвращеніи.

— Ужъ такъ хорошо, такъ хорошо!—прикладывая руку къ сердцу, со слезами говорилъ Вас. Гер.,—что и сказать не могу! Такой Угодникъ-батюшка!

«Такъ хорошо... Такой Угодникъ»... — Немного словъ, но подъ ними скрывалась цѣлая страница—и самая свѣт-

лая, лучезарная страница, въ жизни Вас. Гер.; немного словъ, но въ нихъ слышенъ былъ трепетъ сердца, къ которому прикоснулись благодатные персты Серафима.

Слишкомъ трудны для передачи тѣ великіе моменты въ жизни человѣческаго сердца, когда къ нему прикасается Господь. «Добро намъ здѣ быти!» — вѣдь, вотъ то единственное, что нашелся сказать о своемъ душевномъ состояніи и Петръ во время Преображенія; а ну-ка вообразите, что въ то время переживала его великая душа!

IV.

Икону привезли не прямо въ Васильево: ее предварительно поставили въ часовнѣ деревни Ивановки, находящейся въ верстѣ отъ Васильева. На другой день къ этой часовнѣ былъ крестный ходъ. Съ хоругвями, съ иконами вышли васильевцы встрѣчать образъ Новоявленного Чудотворца; высыпали всѣ отъ мала до велика; пришло много жителей изъ сосѣднихъ деревень.

Когда крестный ходъ сталъ подходить къ часовнѣ, хмурое, покрытое тяжелыми свинцовыми облаками небо нѣсколько раздернулось, и кроткіе лучи осенняго солнышка освѣтили вынесенную изъ часовни икону. Всѣ увидали благостный образъ любвеобильнаго старца, въ балахончикѣ и лапоткахъ, стоящаго среди дремучаго лѣса на колѣняхъ на камнѣ, съ молитвенно воздѣтыми за грѣшный, тонущій въ порокахъ и отчаяніи, міръ руками.

Послышался возгласъ священника, слышалось пѣніе, слышались также плачь и всхлипыванія, вздохи и шепотъ:

— Угодникъ, батюшка, великій Угодникъ Божій, заступникъ нашъ милосердый!..

Смиренная душа толпы изливала скорбь о своей грѣховности, о своей отдаленности отъ предначертаннаго Богомъ идеала. Ей кого-то и чего-то было жалко, было невыразимо грустно, но эта грусть растворялась сладкимъ

умилениемъ, которое являлось въ сердцѣ при взглядѣ на молившагося старца. «Будто нашли люди что-то знакомое; родное, но до сихъ поръ затаенное на днѣ души каждаго; не въ себѣ нашли, въ другомъ, но это все равно; почувствовали они, что можетъ быть человѣкъ прекрасенъ, и есть такой человѣкъ», и вотъ образъ его, такъ недавно еще среди нихъ жившаго, стоитъ предъ ними. «И все, что было въ каждомъ прекраснаго, все это поднялось у нихъ, и они облили свой идеалъ слезами восторга и радости».

Неслось и вопило къ Угоднику и горе...

— Батюшка ты нашъ... Угодничекъ... Кормилецъ! — шептали натерпѣвшіеся, изстрадавшіеся люди.

— Батюшка! Батюшка! — стонущимъ, молящимъ воплемъ вырывалось изъ изболѣвшей, надтреснутой души Марьи, жены сапожника Мирошки, горькаго пьяницы. — Дѣтки-то, дѣтки-то мои!.. Батюшка! — надо было лично слышать, какъ голосомъ, близкимъ къ тупому, безвыходному отчаянію, произнесено было послѣднее слово, чтобы судить о мукахъ сердца мученицы Марьи.

Надо было для этого также слышать и шепотъ старухи Митревны, бившей себя костлявыми руками по исхудавшему тѣлу. — «Одинъ, какъ перстъ одинъ... и то непутевый, кормилецъ»!..

Отслужили у часовни молебень и крестнымъ ходомъ пошли къ церкви. Началась торжественная всенощная, которую о. Николай служилъ вмѣстѣ съ пріѣхавшими къ нему на праздникъ родственниками-священниками. Церковь была набита биткомъ. Передъ образомъ Чудотворца горѣли безчисленныя свѣчи. Отъ человѣческаго дыханія въ церкви было слегка душно и влажно, по запотѣвшимъ стѣнамъ и окнамъ кое-гдѣ струились потоки; но горячѣй, единодушной, народной молитвы былъ полонъ храмъ. Это чувалось какъ-то неволью. Молитва людской толпы какъ бы носилась въ воздухѣ, охватывала всѣхъ, завладевая даже равнодушными и холодными. Не замѣчали, поэтому,

люди странной, маленькой, полуиспуганно-озиравшейся по сторонамъ, фигурки человѣка съ взъерошенными волосами, хотя онъ и невольно обращалъ на себя вниманіе, не замѣчали его неприглядной одежды, его суетливыхъ движеній, того, какъ этотъ человѣкъ нѣсколько разъ порывисто мѣнялъ свое мѣсто, а потомъ, вставши, повидимому, прочно на одномъ мѣстѣ, вдругъ сталъ безпокойно оглядываться назадъ и потомъ вдругъ пошелъ къ церковному ящику. Вздумавъ поставить, глядя на другихъ, свѣчу передъ образомъ, этотъ человѣкъ купилъ за двѣ копейки свѣчку и пошелъ къ подсвѣчнику. Подошелъ, протянулъ руку со свѣчей, но никакъ не могъ зажечь ее, несмотря на всѣ усилія, какія употреблялъ для этого: свѣча ходуну ходила въ его рукахъ. Пробившись напрасно цѣлую минуту у подсвѣчника, онъ, наконецъ, съ большимъ стыдомъ отдалъ поставить свѣчу близъ стоявшей женщины и, забившись въ толпу, сталъ разсматривать икону.

V.

Это былъ Мирошка.

Онъ попалъ въ церковь совершенно случайно, изъ любопытства: хотѣлось взглянуть на икону, про которую такъ много и съ такимъ восторгомъ говорятъ на деревнѣ,—тѣмъ больше, что онъ сегодня, да и вчера, не пьанъ, что случилось съ нимъ довольно рѣдко. Попавши въ церковь, онъ сначала почувствовалъ себя тамъ страшно неловко, такъ какъ не былъ въ ней около пятнадцати лѣтъ, но потомъ нѣсколько оправился. Давно невиданная обстановка залитого огнями храма, дружное пѣніе крестьянлюбителей, соборное служеніе—все это сразу непривычнымъ образомъ поразило Мирошку. Но болѣе всего поразили его образъ новоявленнаго Чудотворца.

Темный лѣсъ, камень, вдохновенный старецъ въ бѣлой сіяющей одеждѣ съ большимъ крестомъ на груди, кроткія неземныя черты его лица, его воздѣтыя руки и... его

взглядъ, которымъ онъ глядитъ прямо, прямо въ душу Мирошки.

— Хорошая икона! — въ смущеніи отводя взглядъ отъ иконы, шепотомъ произнесъ Мирошка и перемѣнилъ мѣсто, но старецъ опять глядѣлъ на него, глядѣлъ, какъ живой и какъ будто только на него одного. Удивительный былъ у него взглядъ: кроткій, но вмѣстѣ и строгій, безмѣрно-благостный, но вмѣстѣ и неодобрительно взирающій на лохмотья и трясущіяся руки Мирона и—милостивый, безъ конца милостивый, безгранично жалвющій Мирошку взглядъ. Мирону стало жутко. Чтобы не встрѣчаться взглядомъ со старцемъ, онъ принялся усиленно, усиленно креститься; но глядѣлъ на него старецъ,—чудилось Мирону,—прямо на него, въ его черное сердце глядѣлъ онъ.

— Дивный Господній старецъ! — произнесъ про себя Миронъ и почувствовалъ, какъ въ его душу стало спускаться давно не бывшее тамъ благоговѣніе къ этому храму, къ этому святому мѣсту, къ этому дивному образу.

— Ишь батюшка—на голомъ камнѣ!—посмѣлѣе взглянулъ на икону Миронъ. — А вонъ и крестикъ... Господи, Господи!..

Душа Мирона стала размягчаться. Чѣмъ-то новымъ, далекимъ, давно забытымъ, схороненнымъ гдѣ-то на днѣ души, чѣмъ-то безконечно-чистымъ и идеальнымъ повѣяло на него, небесной лазурной полосой нависло надъ духовнымъ существомъ его. Какъ будто въ мрачный сырой погребъ заглянулъ ясный лучъ солнца и нѣсколько освѣтилъ его. Но освѣтилъ робко, остановился въ нерѣшительности, итти или нѣтъ ему дальше по гнилому подземелью? Давно изнывавшее, томившееся въ разной мерзости и затхлости подземелье залюбовалось лучемъ, а лучъ, обрадовавшись этому, усилился и еще больше освѣтилъ подземелье. Но первое время сознаніе Мирона по отношенію къ лучу еще бездѣйствовало. Слишкомъ неожиданно было появленіе гостя въ порочной, затвердѣвшей въ грѣхѣ

душѣ. Миронъ пока еще не сознавалъ того, что съ нимъ творится. Одно пока онъ ясно ощущалъ всѣмъ существомъ своимъ, одно,—то, что въ его душу просится что-то свѣтлое, сіяющее, лучезарное, согрѣвающее, что-то невыразимо дорогое, въ чемъ слышались отзвуки дѣтскихъ лѣтъ, когда онъ не былъ оборваннымъ, грязнымъ пьяницей, а чистымъ и невиннымъ ребенкомъ, — ласки матери и дѣтскія игры на усѣянномъ цвѣтами лугу, первое хожденіе въ храмъ Господній, въ который онъ потомъ не заглядывалъ по десятку лѣтъ, и первая исповѣдь, школа, добрый учитель и багюшка, говорившій про Бога, про Христа Страдальца за грѣхи людскіе, про царство небесное,—мечты отрочества объ этомъ лучезарномъ царствѣ, для достиженія котораго они съ Гришей попovichемъ хотѣли бѣжать въ прекрасную мать-пустыню, блескъ, красота и великолѣпіе этого царства, его свѣтъ, надвинувшійся сейчасъ на него, однимъ словомъ все то, что вмѣстѣ слилось для него теперь въ этомъ кроткомъ, любвеобильномъ ликѣ благостнаго старца, безконечно любящемъ и милующемъ.

А служба Божія шла своимъ чередомъ. Когда-то давно-давно, въ пору золотого дѣтства и непорочной юности слышанные мотивы трогали душу Мирона, трогала, захватывала и молитва окружающихъ. А лучъ все усиливался и усиливался, и когда, наконецъ, открылъ его въ душѣ своимъ сознаніемъ Миронъ, онъ уже настолько ярко игралъ тамъ, что Миронъ понялъ, откуда онъ, что это за свѣтъ въ его душѣ?

Миронъ, при приближеніи этого свѣта, почувствовалъ испугъ, въ его душѣ что-то тревожно забѣгало, засуенилось, сжалось и пугливо полѣзало въ ея отдаленные углы. Ему, Мирону, нужно было теперь надавить усиліемъ воли на эти углы, выгнать оттуда врага, излевать его.

Но, вѣдь, то, что запряталось въ углы, было невыразимо дорого Мирошкѣ, сроднилось, крѣпко срослось съ его душой. У него не хватало духу поднять на это ругу, не было силъ для этого.

Но ему и невыразимо жаль было отстранить отъ себя полосу свѣта, которая стояла передъ нимъ, надвигалась на него. Свиньи Гадаринскія были дороги, милы, но не хотѣлъ Миронъ сказать Гнавшему ихъ: отойди отъ предѣловъ моихъ. Нѣтъ! Онъ не могъ сдѣлать этого. Слишкомъ влекло его къ себѣ царство свѣта своей неизъяснимой красотой и обаятельностью.

Что дѣлать? Что было дѣлать? Минуты казались вѣчностью, ибо въ нихъ рѣшалась генеральная битва чело-вѣка со грѣхомъ, добра со зломъ, правды съ ложью, Бога съ дьяволомъ... Аrenoю борьбы было сердце чело-вѣка,—слабаго, обезсиленнаго порокомъ, потерявшаго послѣднія крохи воли. Духъ Мирона метался туда и сюда. Его бросало и въ жаръ, и въ холодъ, крупныя капли холоднаго пота выступили на его лбу.

Былъ страшный, роковой моментъ, когда онъ хотѣлъ повернуть изъ церкви на улицу... Онъ уже сдѣлалъ было и движеніе туда, но, взглянувъ на залитый огнями, лучезарный ликъ небожителя, Миронъ усиліемъ воли пресѣкъ это движеніе и остался въ храмѣ.

Кроткій, ясный взглядъ Угодника глядѣлъ на него, поощрялъ, ободрялъ его въ его ужасной борьбѣ, тянулся, льнулъ къ его душѣ.

Могъ ли Миронъ повернуться къ нему спиной? Не могъ онъ этого сдѣлать, но не могъ и выдавить изъ души то проклятое и милое, ненавистное и беззавѣтно дорогое, что лежало въ ней,—не могъ.

А Угодникъ стоялъ передъ нимъ, глядѣлъ на него, и вотъ къ нему то, мощному, могучему, и обратился за помощью Миронъ, упавъ передъ нимъ на колѣни, зарывъ передъ нимъ, забившись объ полъ головою...

Подмога пришла почти тутъ же, пришла скорая, бодрая, кроткая, ласковая. Съ нею Миронъ быстро одолѣлъ себя и облегченно, всей грудью, вздохнулъ.

Врагъ былъ прогнанъ и исчезъ. Остался тихо плачущій, крѣпко молящійся, но уже новый чело-вѣкъ.

Пьяница сталъ человѣкомъ. А въ это время запѣли величаніе Преподобному:

«Величаемъ ты, преподобне отче Серафиме»...

Запѣли стройно, торжественно. Звуки были,—такъ слышалось Мирону,—какіе-то особенные, побѣдные, и Миронъ съ неземной отрадою и умиленіемъ въ глубинѣ души сознавалъ то, что эти звуки ему уже не чужіе, не далекіе отъ него, какъ прежде, а близкіе ему, родные. Это его несказанно радовало и утѣшало, наполняло сердце Мирона такимъ сладкимъ, неизъяснимымъ умиленіемъ, что его бросило въ трепеть.

Потомъ пошли приглядываться къ образу. Пошелъ съ другими и Миронъ и первый разъ въ жизни почувствовалъ нѣкоторую неловкость отъ того, что на немъ была одежда не какъ на людяхъ... Онъ старался теперь забиться еще глубже въ толпу, замѣшаться въ ней, чтобы не было видно вотъ этихъ рваныхъ рукавовъ, которые онъ такъ тщательно прячетъ, и вотъ этихъ изорванныхъ петель, истрепаннаго ворота.

Но зато это еще крѣпче заставляетъ его твердить:— Батюшка, поддержи, укрѣпи! Батюшка, не оставь, не кинь!

Кончилась всеобщая.

Миронъ еще разъ помолился передъ образомъ и вышелъ изъ церкви, полный твердой рѣшимости начать новую жизнь.

— Поможетъ, поможетъ, чуетъ сердце мое, что поможетъ батюшка, — увѣренно шепталъ онъ, когда предъ нимъ подымалась во весь ростъ трудность будущей жизни.—Поможетъ...

А кругомъ стояла тихая, тихая ночь. На небѣ тихо и царственно-покойно совершали свое согласное звѣздное теченіе звѣзды; сіялъ во всемъ дивномъ, неизобразимомъ великолѣпнѣ неподобный Оріонъ, сверкали семь звѣзд Большой Медвѣдицы, кротко мигала кучка Плеядъ, гигантской дугой протянулся богатырь Млечный Путь. Глянулъ сапожникъ на небо и — залюбовался имъ, словно первый разъ въ жизни увидалъ его...

— Господи!.. красота-то, красота-то!.. Дивны дѣла Твои!
 А потомъ опять:—Помоги мнѣ, окаянному!..
 Но вотъ и домъ его.

VI.

Худая, покосившаяся избушка... Бѣдность, скудость, нищета во всемъ, полураздѣтыя ребятишки, запуганныя и блѣдныя, мученица жена, съ слѣдами недавнихъ синяковъ, шарахнувшаяся, при видѣ его, кошка, сидѣвшая у двери. У Мирона не хватило силъ отворить дверь. Онъ потихоньку ушелъ на задворки и, ринувшись тамъ въ кустъ полузасохшей крапивы, навзрыдъ заплакалъ горячими слезами, снова призывая высшую Помощь, а усилиями воли еще болѣе стараясь приблизить себя къ лучезарному идеалу. Онъ ощущалъ, что этотъ идеалъ уже царить теперь въ его душѣ, уже сильно, твердо укрѣплена занятая позиція, не такъ страшенъ будетъ теперь натискъ врага...

Наплакавшись досыта въ крапивѣ, Миронъ отворилъ дверь въ избу, неспѣша перекрестился на иконы, раздѣлся и полѣзъ на печь.

— Конечно, конечно,—шепталь онъ,—теперь ужъ не сверну, навѣки вѣковъ конечно...

Затушили огонь.

Миронъ не зналъ, долго ли спалъ онъ на печкѣ,—должно быть, недолго, потому что, когда онъ проснулся, на церковной колокольнѣ били полночь. Тихо было въ избѣ, такъ тихо, что было слышно, какъ въ переулкѣ за печкой шуршали тараканы. Слышалось ровное, мѣрное дыханіе дѣтей, слегка постукивали рублевые часики. Лампадка потухла, и въ избѣ было темно какъ въ погребѣ...

Тихо и темно, и вотъ — о ужасъ! — вмѣстѣ съ этимъ пробужденіемъ и этой темнотой въ душѣ Мирона опять откуда-то появились темные призраки. Область лучезарнаго опять отошла, куда-то далеко, далеко, а они, эти прежніе господа, дружной, сплоченной массой, безобраз-

ные и зловѣщіе, полѣзли опять на Мирона да такъ, что у него почти и слѣдовъ не осталось отъ давешней рѣшимости. А въ душѣ его въ это время были: холодъ, пустота, смятеніе; молиться онъ не могъ..

— Вотъ те разъ!—шепталъ въ отчаяніи, ломая пальцы, Миронъ.—Вотъ те разъ... А я думалъ... Нѣтъ, ужъ видно—гибнуть мнѣ... Гдѣ же подняться изъ такого омута?..

И Миронъ, леденѣя, сознавалъ, что все давешнее ушло, исчезало изъ-подъ его ногъ, уползало, какъ уползаетъ земля изъ-подъ ногъ стоящаго на трясинѣ.

«Все... Все... И даже Угодникъ батюшка... И Угодникъ уходитъ»... — Въ воображеніи Мирона, при воспоминаніи объ Угодникѣ, мелькнулъ свѣтлый, сіяющій, залитый огнями ликъ Преподобнаго, припомнилось, какъ онъ глядѣлъ на него во время всеобщей, взгляды его любвеобильный.

— И Угодникъ уходитъ!—въ отчаяніи до боли стиснулъ руки Миронъ. — И онъ!.. Батюшка, отецъ Серафимъ!—какъ утопающій изъ влекущей его страшной бездны, воскликнулъ Миронъ...—Батюшка, что мнѣ дѣлать? Спаси!.. Не могу...

Отъ легкаго вскрика отца проснулся въ зыбкѣ ребенокъ. Горько, словно жалуясь на кого то, заплакало въ темнотѣ дитя. Уставшая, намучившаяся за день, жена спала крѣпко, а дитя плакало, жаловалось. Миронъ—чего не дѣлалъ около 15 лѣтъ—слѣзъ съ печки и сталъ было качать зыбку, но въ это время проснулась уже и Марья.

— Дашуткѣ, это ты?—окликнула она, думая, что зыбку качаетъ старшая дѣвочка.

Миронъ молчалъ; ему было неловко.

— Дашутка?.. Дувяшка?..

— Это я, Марья...

— Ты это?—послышался изумленный, нѣсколько испуганный голосъ Марьи, которая еще давеча замѣтила, что съ ея мужемъ творится что-то особенное.—Нешто, полѣзай на печь.

— Спи, спи, все равно ужъ, я покачаю... Сейчасъ заснетъ,—кроткимъ голосомъ сказалъ Миронъ.

Отъ звуковъ этого голоса сладко-сладко замерло сердце Марьи: «Господи, батюшка! ужъ не вразумилъ ли его Угодникъ Божій? Качаетъ да еще говорить: спи, спи»...— Но вѣдь такого голоса и такихъ словъ Марья не слыхала двадцать лѣтъ! «Батюшка, Угодникъ Божій!»— Она встала.— Нешто, Миронъ Яковлевичъ, я покачаю...

«Миронъ Яковлевичъ... Вотъ ужъ какъ стали меня звать,—подумалъ Миронъ и почувствовалъ къ себѣ нѣкоторое уваженіе, — Мирона Яковлевича дождался, только еще подумалъ бросить пить и то ужъ чего дождался»,— съ горечью сказалъ про себя Миронъ и почувствовалъ, что въ душѣ его, въ отдаленныхъ ея тайникахъ, опять гдѣ-то шевельнулось то, *давешнее*.

— Ты бы вотъ лампадку зажгла, — сконфуженно сказалъ Миронъ,—а то потухла,—добавилъ онъ.

— Хорошо, хорошо, сейчасъ, сейчасъ, — возбужденно, съ полной готовностью, радостнымъ голосомъ отвѣтила Марья. Руки ея дрожали, пока она оправляла лампадку; она не вѣрила себѣ, думала, что все это ей снится.

Засвѣтилось передъ потемнѣвшимъ образомъ Богоматери тихое, кроткое пламя; заходили, затрепетали по темнымъ стѣнамъ, потолку и полу свѣтлыя, слегка красноватыя полосы. Стали видны головки спящихъ на полу дѣтей. Въ избѣ—только сейчасъ замѣтилъ это Миронъ— какъ ни было бѣдно, а ради праздника было прибрано: хозяйка-то Марья была хотя и горькая, но рѣдкостная.

Когда загорѣлась лампадка, Миронъ перекрестился и сталъ глядѣть на образъ. Теперь ему яснѣе стала вспоминаться всеобщая и что произошло за ней.

А если бы онъ наблюдалъ за своей душой, то могъ бы замѣтить, что то, давешнее, что только что шевельнулось въ ней, сейчасъ стало понемногу расти и шириться, опять наполняя собою душу. Призраки опять полѣзли изъ нея вонъ и на этотъ разъ гораздо скорѣе: теперь ужъ имъ не впервой приходилось убираться оттуда.

Ребенокъ въ это время затихъ.

— Вотъ Марья... не могу справиться... помолись за меня...—сказалъ, отходя отъ люльки, Миронъ.

Марья сразу поняла все и въ горячѣй, неудержимой молитвѣ тутъ же упала передъ образомъ. Упала около нея, спустя минуту, и Миронъ. Въ душу его опять хлынуло тепло, опять онъ могъ съ жаромъ молиться. На этотъ разъ онъ молился даже жарче, чѣмъ въ храмѣ, а несчастная Марья—такъ та вся застыла, замерла въ пламенномъ порывѣ. За успѣхъ этой совмѣстной молитвы можно было ручаться заранѣе, заранѣе можно было сказать, что она пронзитъ небеса и прогонитъ темныя полчища демоновъ. Эта молитва опять укрѣпила Мирона, и еще тверже, еще сильнѣе созрѣла въ его душѣ рѣшимость. Онъ рѣшилъ на утро отслужить молебень Угоднику и посовѣтоваться съ батюшкой, что и сдѣлалъ.

— Дай тебѣ, Господи, укрѣпи тебя, Богъ! — говорилъ, благословляя на прощанье Мирона о. Николай.— Поговѣй; а натошакъ пей святую воду.

Начать говѣнье Миронъ рѣшилъ съ завтрашняго же дня, благо подходилъ Рождественскій постъ. А сегодня,— сегодня онъ безотлучно, какъ гадаринскій бѣсноватый при Христѣ, находился при иконѣ, даже не ходилъ и обѣдать, удовольствовавшись одной просвирой, а вмѣсто чаю пилъ послѣ каждаго молебна святую воду.

Свѣтлымъ, лучезарнымъ пятномъ сіялъ, остался на всю послѣдующую жизнь этотъ день въ памяти Мирона. Да и не для него одного онъ былъ такимъ. И все Васильево вспоминало этотъ день, какъ иногда вспоминаетъ семья дорогого гостя, который хотя и ушелъ, но оставилъ послѣ себя въ семьѣ миръ, отраду, какой-то особый благоуханный покой. Гость ушелъ, но тихія, кроткія рѣчи его еще рѣютъ въ воздухъ, обаяніе его свѣтлой личности еще разлито среди оставшихся, еще памятенъ всѣмъ и нѣжить душу его любвеобильный, ласкающій взглядъ.

И это несмотря на то, что день былъ осенній и пасмурный; все время моросилъ небольшой теплый дожди-

чекъ; носить иконы было въ высшей степени трудно, такъ какъ глинистую васильевскую почву сильно развело, и скользили ноги. А вѣдь кромѣ Угодника носили еще огромный, саженный образъ Божіей Матери, который было поднять въ силу только 20 — 25 человѣкамъ. Съ этими двумя иконами обошли все Васильево, — служба у домовъ молебны, — спустились съ ними подъ гору и въ Прудки, спустились по такой дорогѣ и по такой кручи — чуть не въ четверть версты длиной, — по которой съ трудомъ спускались лошади. Ходили до десяти часовъ темной ноябрьской ночи и, благодаря этому обстоятельству, обычной попойки, почти всегда и вездѣ сопровождающей «молебствія», не произошло. Праздникъ кончился тихо, «свято, мирно, безгрѣшно».

Въ одиннадцатомъ часу вошли подъ гулъ колоколовъ, въ сопровожденіи двухъ большихъ фонарей, въ храмъ, поставили тамъ иконы и чинно разошлись по домамъ.

Для Мирона началась новая, человѣческая жизнь. Милосердый Господь, руками Своего великаго Угодника поднималъ со дна, мрачной, вонючей, нравственной помойки свой образъ и, возставивъ его красоту, показалъ ему лучезарное сіяніе Своего, залитого яркимъ солнцемъ, дня...

Ожилъ Миронъ. Увидала свѣтъ Божій и его бѣдная, загнанная, забытая жена-мученица, поздоровѣла, пополнѣла. Ожили, вздохнули и его запуганныя дѣтки, похорошѣли; исчезли подъ ихъ глазками черные круги.

И уже къ Рождеству, вмѣсто обычной рвани и ломотьевъ, на нихъ появились новенькія кумачовыя рубашки, сшитыя на выданное къ празднику княгиней пособие, которое прежде обычно пропивалось Мирономъ.

Николай Никитскій.

Р Ъ Ч Ъ

къ воспитанницамъ 4-й Московской женской гимназіи,
окончившимъ курсъ ученія въ 1908 году.

Труды вашего ученія, дорогія наши питомицы, кончились. Вы оставляете училище, въ которомъ протекли лѣта вашего дѣтства и юности и вступаете въ новую, самостоятельную жизнь. Въ нашихъ бесѣдахъ съ вами, продолжавшихся два года, мы старались утвердить васъ въ знаніи истинъ Божественнаго ученія Христова и въ преданности святой церкви.

Теперь, прощаясь съ вами, въ напутствіе на новую жизнь обращаюсь къ вамъ въ послѣдній разъ съ совѣтомъ апостольскимъ, который прошу васъ запомнить и принять къ сердцу.

Вотъ это наставленіе Апостола: *стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь.*

Вы знаете, какое время мы переживаемъ нынѣ. Наша русская революція направлена не противъ только государственнаго строя, но и противъ религіи. Невѣріе съ ожесточеніемъ нападаетъ на церковь. Религія, говорятъ, суевѣріе, предрасудки, выдумка. Религія выдумка! Это старинная теорія: религію будто выдумали жрецы по корыстнымъ побужденіямъ. Не хотятъ обратить вниманіе, что религія явилась раньше жрецовъ. Изъ исторіи ветхозавѣтной церкви мы знаемъ, что до Аарона жрецовъ не

было. Вотъ и ближайшій примѣръ. И у насъ на Руси во времена язычества сначала жрецовъ не было, а религія была.

Религія выдумка! Какое легкомысліе! Можетъ ли выдумка, если это ложь, держаться повсюду цѣлыя тысячелѣтія? Нѣтъ! Религія есть всеобщее явленіе, всемірный фактъ. Еще у Цицерона читаемъ: «есть, говорить онъ, народы безъ городовъ, безъ укрѣпленій, безъ наукъ, безъ искусствъ, но не найдете ни одного народа, который не имѣлъ бы какой-либо религіи».

Чѣмъ же это объясняется? Тѣмъ, что религія есть необходимая потребность человѣческаго духа. Какъ созданная по образу Божію, душа наша во глубинѣ своего существа всегда обращена къ Богу подобно тому, какъ магнитная стрѣлка всегда обращена къ сѣверу, или какъ цвѣты всегда устремляются къ солнцу. Только наша суетность и чувственность отдаляютъ насъ отъ Бога. Какъ облако закрываетъ отъ насъ свѣтъ солнца, такъ и мгла нашей чувственности закрываетъ отъ насъ свѣтъ лица Божія. Ибо только чистые сердцемъ зрятъ Бога. Якоби, извѣстный философъ прошедшаго столѣтія, учить, что какъ внѣшній міръ мы познаемъ посредствомъ чувственного зрѣнія, такъ высшій духовный міръ непосредственно открывается нашему внутреннему оку. Мы видимъ Бога, говорить онъ, непосредственно, такъ что бытіе Его не нужно и доказывать.

Гдѣ же причина отрицанія бытія Божія и высшихъ духовныхъ истинъ?

Вотъ какъ рассуждаетъ объ этомъ знаменитый государственный мужъ Англіи Гладстонъ. Главная причина, содѣйствующая усиленію невѣрія въ наше время, говоритъ онъ, не интеллектуальная, а нравственная. Ее слѣдуетъ искать въ преобладаніи матеріальнаго и чувственнаго надъ сверхчувственнымъ и духовнымъ. Корень зла не въ наукѣ дѣйствительной или мнимой, а въ низшихъ наклонностяхъ человѣческой природы. Возрастающая въ насъ сила чувственныхъ и мірскихъ влеченій—вотъ что даетъ

невидимаго союзника всякому аргументу сомнѣнія и невѣрія, вотъ что пріобрѣтаетъ массу учениковъ отрицательнымъ ученіямъ.

Вы знаете, конечно, сколько въ настоящее время распространяется сочиненій противорелигіознаго содержания, — сочиненій, которыя прежде были запрещены въ продажѣ. Напримѣръ, въ окнахъ книжныхъ магазиновъ выставлены теперь: «Жизнь Іисуса Христа» Штрауса, яраго врага христіанства; «Жизнь Іисуса Христа» популяризатора теоріи Штрауса. Сочиненіе Ренана—это не дѣйствительная, а выдуманная жизнь Іисуса Христа, это романъ, искаженіе евангельской исторіи. Но при всемъ легкомысліи Ренанъ владѣетъ мастерствомъ изложенія и изяществомъ рѣчи. И вотъ почему иные зачитываются имъ и даже вѣрующіе увлекаются, не видя въ сочиненіи его ничего противнаго Евангелію и не замѣчая сокрытаго въ немъ яда и богохульства. Въдъ Ренанъ превозноситъ Іисуса Христа, какъ великаго человѣка, какихъ еще не являлось. «Это исполинъ», восклицаетъ онъ. «Я преклоняюсь предъ нимъ». Последними словами онъ и оканчиваетъ свою книгу. Какое лукавство! Но по Ренану Іисусъ Христосъ — только человѣкъ изъ Назарета. Ученіе Его, преисполненное мира и любви, Ренанъ объясняетъ вліяніемъ прекрасной Галилейской природы. Божественности въ Іисусѣ Христѣ не признаетъ, такъ издѣваясь надъ чудомъ воскресенія: «страсть Маріи Магдалины дала міру воскресшаго Христа» Ренанъ даже поставляетъ Іисуса Христа на одной степени съ Буддой и Магометомъ.

Эти сочиненія Штрауса и Ренана за границею давно опровергнуты. По поводу ихъ образовалась цѣлая апологетическая литература. А у насъ для многихъ они явились новостію и, какъ новость, привлекательными; для не твердыхъ же въ знаніи христіанскаго вѣроученія представляютъ великій соблазнъ.

Встрѣчаясь съ подобными сочиненіями, враждебными христіанству, не увлекайтесь ими. Относитесь къ нимъ кри-

тически. Вы имѣете руководящее начало. Провѣряйте эти теоріи ученіемъ Евангелія и церкви. Не хотѣлось бы говорить, но нельзя не коснуться современной беллетристики. Теперь на книжномъ рынкѣ явились литературныя произведенія, отличающіяся крайнимъ развращеніемъ и цинизмомъ. Авторы этихъ сочиненій во имя свободы освободились отъ совѣсти и нравственности. Справедливо одинъ современный талантливый критикъ называетъ эту литературу пакостью. Совѣтую вамъ и не брать въ руки такого рода сочиненій.

Вся испытующе, по слову Апостола, добрая держите. Будьте—тверды, непоступны.

Протоіерей Димитрій Пивницкій.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Замѣчательное совпаденіе.

Въ одной изъ понедѣльныхъ газетъ («Солнце жизни») вниманіе наше остановилось на слѣдующемъ, конечно, случайномъ совпаденіи двухъ корреспонденцій изъ Франціи.

Въ одномъ столбцѣ читаемъ:

«Новыя десять заповѣдей».

Парижская газета «*Matin*» проектировала образцы новыхъ школьныхъ дипломовъ взамѣнъ нынѣшнихъ, какіе выдаются оканчивающимъ курсъ ученія и образованія въ школахъ высшихъ, среднихъ и низшихъ. Оригинальная мысль газеты заслуживаетъ вниманія по своей идеѣ. «Каждый—гов. газета—обыкновенно сохраняетъ у себя полученный дипломъ. Такъ пусть каждый съ юныхъ лѣтъ до старости бережетъ дипломъ не какъ полученную награду, а какъ программу, которой онъ долженъ слѣдовать въ качествѣ гражданина всю свою жизнь».

Программа же эта—завѣтъ «демократіи», которую каждый долженъ памятовать всегда.

На такомъ дипломѣ должны быть выписаны слѣдующія десять заповѣдей.

I.

Школа создала нынѣшнюю Францію. Она—ея старшая дочь.

Школа бесплатна.

Нѣтъ болѣе классовыхъ различій.

Школа свѣтская. Нѣтъ болѣе различій вѣроисповѣд-ныхъ.

II.

Ты вошелъ въ школу и въ ней останешься всю жизнь.

III.

Не признавай за дѣйствительное то, въ чемъ ты не убѣдился самъ.

IV.

Духовная чистота—первѣйшая изъ добродѣтелей.

V.

Уважай себя самъ. Уважай свою душу и тѣло. Аеиня-не говорили: «не переставай рвѣзцомъ совершенствовать твою статую».

VI.

Каждому человѣку—только потому уже, что онъ человѣкъ—принадлежитъ право на жизнь.

Право жить—есть право на трудъ, право пользоваться свободой и красотой.

VII.

Будь свободенъ.

Свобода есть право дѣлать все то, что указываетъ разумъ и что не причиняетъ вреда другому.

VIII.

Дѣлай другимъ то, что хочешь, что бы дѣлали тебѣ другіе. Солидарность—это братское единеніе въ поступкахъ, единеніе постоянное, методическое и регулярное, выражающее социальный долгъ, требуемый всѣми отъ каждаго и ради всѣхъ.

IX.

Учиться—означаетъ созидать. Образовать женщину—значитъ создать семейный очагъ.

X.

Люби отечество, какъ самого себя. Отечество—это ты самъ во всей полнотѣ.

Въ другомъ столбцѣ того же № 3 читаемъ:

20,000.

(Письмо изъ Парижа).

«Роковыя цифры.

Въ нихъ ужась.

Отъ нихъ пахнетъ трупомъ. Трупомъ цѣлой націи.

Это балансъ «развитія» населенія Франціи за истекшій годъ.

Балансъ отрицательный—въ бухгалтеріи жизни. Балансъ положительный въ бухгалтеріи смерти. На счетахъ смерти это торжество, блестящая побѣда, Аустерлицъ смерти надъ французскимъ народомъ:

Умерло 793000, родилось 774000.

793000—774000=19000.

Почти двадцать тысячъ человѣкъ Франція потеряла въ одинъ только годъ.

Эти кричащія, зловѣщія, какъ Мани-факель-фаресь, даты начерталъ передъ общественнымъ сознаніемъ Франціи на страницахъ парижской прессы депутатъ департамента Сены Messiny.

И Франція встревожилась. Хотя ея постепенное вырожденіе для нея не сюрпризъ: о немъ ей выразительно говоритъ статистика послѣдняго столѣтія. На протяженіи всего его число рожденій уменьшается. Сначала эта деградація идетъ медленно, но уже съ 1876 года приобретаетъ фарсированный характеръ. Въ 1801 г. родилось во Франціи 1,007,000; въ 1876 г. родилось 967,000, въ 1900—860,000, а въ прошломъ году — 774,000. Объ руку съ регрессомъ рождаемости идетъ прогрессъ смертности¹⁾.

Что внушило редактору «Солнца жизни» мысль—помѣстить въ одномъ номерѣ газеты эти параллели жизни современной Франціи—трудно понять: вѣроятно, нѣчто «несознательное», случайное... Но это несознательное оказалось умѣе его сознанія.

Вѣдь, сомнѣніе не можетъ возникнуть, что публикуя «новыя десять заповѣдей», онъ руководился мыслью рекомендовать ихъ русской школѣ въ качествѣ завѣта новой жизни и отдѣлится отъ старыхъ - престарыхъ заповѣдей Закона Божія. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было помѣщать такую ужасную статистику вымиранія Франціи.

¹⁾ Солнце жизни № 3, 19 мая.

Такъ назыв. *новыя* заповѣди прививаются французскою школою уже давненько, и ужасающая статистика вымиранія прогрессируетъ какъ разъ параллельно съ прогрессированіемъ прививки т. н. новыхъ заповѣдей.

Въ результатъ у читателя возникаетъ мысль о другой параллели—между отрѣшеніемъ французской школы отъ заповѣдей Закона Божія и вымираніемъ дочери ея—современной французской націи. Вмѣстѣ съ тѣмъ невольно припоминаются и грозныя слова древняго пророка:

Два зла сотвориша людие Мои: Мене оставиша, источникъ воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержать (Перем. 2. 13).

Н. Заозерскій.

Прот. Іуст. Ольшевскій, епархіальный наблюдатель церковн. школъ и мисс. Полтав. епархіи. Въ вѣрѣ ли вы? (Къ вопросу о переоцѣнкѣ духовныхъ цѣнностей у интеллигентныхъ христіанъ). Публичныя богословскія чтенія, веденныя въ г. Полтавѣ въ теченіи великаго поста 1907 года. Спб. 1908 г.

Первая глава небольшой книжки, длинное заглавіе которой мы выписали, трактуетъ о характеристикѣ переживаемаго времени, какъ критическаго момента, о значеніи манифеста 17 *апрѣля* (октября?), о неустойчивости возрѣвній, возведенной въ принципъ (?), о типѣ интеллигента, отношеніи интеллигентовъ къ религіи, по Тютчеву, новохристіанствѣ, главныхъ особенностяхъ въ религіозно-нравственныхъ возрѣвнїяхъ интеллигентныхъ христіанъ, значеніи этихъ особенностей, о задачѣ предлагаемыхъ очерковъ. Затѣмъ, вмѣсто семи смертныхъ грѣховъ, въ слѣдующихъ семи главахъ идетъ рѣчь о «семи предразсудкахъ» противъ религіи свѣтскаго общества, изъ которыхъ каждый, по словамъ автора, «способенъ быть предметомъ нарочитой и подробной рѣчи», хотя въ «предлагаемыхъ очеркахъ» онъ и пытается подвергнуть ихъ только «краткому разбору, главнымъ образомъ путемъ положительнаго изложенія возрѣвній, соответствующихъ ученію православной церкви». Въ послѣдней (IX) главѣ книжки

излагается заключеніе автора, который высказываетъ предположеніе, что можетъ быть по поводу предложенныхъ имъ очерковъ кто-нибудь и «повторить восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ слѣдовавшихъ за Христомъ учениковъ его (Его?): «жестоко слово сіе» (стр. 73). Можемъ увѣрить достопочтеннаго автора, что никто, прочитавъ его книжку, такого восклицанія не повторить, а просто найдетъ книжку довольно вялою, скучною и отчасти заслуживающею такъ называемой леты забвенія, потому что ничего новаго, живого, интереснаго въ этой книжкѣ не содержится. Съ нѣкотораго времени у нашихъ проповѣдниковъ и ораторовъ развилась, по нашему мнѣнію, весьма дурная привычка—изображать въ общихъ выраженіяхъ и достаточно плоско недостатки современнаго общества и затѣмъ опровергать ихъ при помощи такихъ же общихъ фразъ. У насъ теперь почти не встрѣчается ораторовъ и проповѣдниковъ, которые смотрѣли бы на свѣтское общество болѣе свѣтлыми глазами, сказали бы, что есть много хорошаго не въ одной церковно-приходской, а и въ свѣтской школѣ, не только въ средѣ духовенства, а и въ средѣ свѣтскихъ людей. Проповѣдники, которые видятъ въ средѣ окружающихъ ихъ христіанъ только дурное, занимаются только обличеніями и предлагаютъ свои, взятые съ запылившихся библіотечныхъ полокъ, рецепты, постоянно отталкиваютъ отъ себя современное общество вмѣсто того, чтобы привлекать его и къ себѣ и къ свѣту Евангелія. Къ числу такихъ лицъ, повидимому, принадлежитъ и прот. Ольшевскій. Воображаемъ скуку, какую чувствовала полтавская публика, слушая его лекціи. Книжка его на какое-нибудь широкое распространеніе рассчитывать не можетъ, хотя и написана довольно грамотно.

Впрочемъ, высказывая все это, мы отнюдь не хотимъ въ чьемъ-либо упрекнуть именно одного только о. Ольшевскаго. Недостатки, замѣтные въ его лекціяхъ, не его личные,—ихъ можно назвать скорѣе общими. Среди книгъ, написанныхъ въ извѣстномъ духѣ и съ извѣстной точки зрѣнія, книжкѣ о. Ольшевскаго можно отдать даже преимущество и, конечно, найдутся и такіе читатели, которыхъ и она можетъ заинтересовать. Обстоятельство, что она первоначально напечатана была на страницахъ такого почтеннаго и интереснаго журнала, какъ издающееся въ С.-Петербургѣ «Миссіонерское обозрѣніе», можетъ даже отчасти служить и ея рекомендаціей. Характеризуя

книжку вышеозначеннымъ отзывомъ, мы хотимъ только сказать, что лучше и плодотворнѣе будетъ для дѣла, если наши проповѣдники оставляютъ принятую ими точку зрѣнія, или, какъ выражаются нѣмцы, Standpunkt, будутъ меньше тратить трудовъ на обличеніе чужихъ прегрѣшеній,— иногда даже повидимому вымышленныхъ,—и займутся болѣе благодарною дѣятельностію положительнаго раскрытія разныхъ сторонъ христіанскаго вѣроученія или чего-либо подобнаго. Перечитайте проповѣди Златоуста, митрополита Московскаго Филарета, Іоанна Смоленскаго, Иннокентія и другихъ знаменитыхъ витій нашей церкви, сочиненія которыхъ должны служить образцомъ для нашихъ проповѣдниковъ,—гдѣ у нихъ вы найдете общія, длинныя и скорбныя, разсужденія о томъ, напримѣръ, что современное имъ общество заражено невѣріемъ, что говоря словами о. протоіерея Ольшевскаго, «теченія духовной жизни очень неблагопріятны для вѣры и церкви», что у «современнаго человѣка ясно обнаруживается неправильное пониманіе самаго существа христіанской религіи», что «боятся иные молиться и посѣщать Богослуженіе»...—«боятся, чтобы молитвенное дѣло не обратилось у нихъ въ механизмъ и привычку» и т. д. Намъ кажется, что подобные вопросы и характеристики были даже и чужды упомянутымъ знаменитымъ проповѣдникомъ, хотя недостатки, указываемые о. прот. Ольшевскимъ, были, безъ сомнѣнія, свойственны и ихъ времени, какъ и всякому другому. Если они принимались что-либо обличать, то обличали совсѣмъ не такъ, какъ обличаютъ современные намъ проповѣдники. У нихъ слово было обыкновенно съ благодатью, *приправлено солью*, и они лучше нашихъ проповѣдниковъ знали, какъ отвѣчать каждому (Кол. 4, 6). У послѣднихъ же, въ ихъ рѣчахъ, вообще мало благодати и рѣчи эти мало приправлены солью. Если о. Ольшевскій не отступаетъ отъ этой современной проповѣднической моды, то въ этомъ, можетъ быть, и не его вина. Однако стоило бы ему перемѣнить, хотя бы нѣсколько, свой Standpunkt и свою точку зрѣнія, отъ него можно было ожидать дѣльныхъ и хорошихъ произведеній, которыя дѣйствительно могли бы быть полезны его слушателямъ и, можетъ быть, почитателямъ.

Проф. И. Бердниковъ. О протестантскомъ и православномъ приходѣ въ Финляндіи. Спб. 1908. Ц. 1 руб.

Въ своей почтенной книгѣ проф. И. Бердниковъ говоритъ сначала объ организаціи протестантскаго прихода въ Финляндіи и приходскомъ управленіи, о порядкѣ назначенія пасторовъ, приходскомъ письмоводствѣ, церковномъ имуществѣ и проч. Далѣе идетъ рѣчь объ особенностяхъ вышняго положенія и внутренняго склада жизни православнаго прихода въ Финляндіи. По силѣ Высочайшаго указа Императора Александра I Свят. Синоду 1811 года, православная церковь въ Финляндіи должна была сохранить свое значеніе господствующей вѣры и остаться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Свят. Синода и епархіальной власти. Этимъ пунктомъ указа устранялось вмѣшательство мѣстной финляндской власти во внутреннюю жизнь православныхъ приходовъ. Такой порядокъ, конечно, и утвердился бы на практикѣ, если бы въ скоромъ времени Финляндіи не дана была автономія во внутреннихъ ея дѣлахъ. Финляндцы прониклись мыслию о ней до фанатизма и всячески стремились и стремятся осуществить ее, пользуясь для этого каждымъ удобнымъ случаемъ. Въ результатѣ—довольно незавидное положеніе православія въ Финляндіи, судя по сообщеніямъ, какія даетъ въ своей книгѣ проф. И. Бердниковъ. Финляндцы относятся къ русскимъ государственнымъ учрежденіямъ свысока, а къ православной вѣрѣ—съ полнымъ пренебреженіемъ (стр. 24). Они не могутъ переварить въ своихъ головахъ мысли о господствующемъ положеніи у нихъ православной церкви. Довольно нагляднымъ показателемъ государственнаго положенія православной церкви въ Финляндіи служить календарный вопросъ. Въ Финляндіи принято руководствоваться грегорианскимъ календаремъ. Отъ этого ѣтъ практической жизни происходитъ не мало неудобствъ. Православные вынуждаются закрывать свои лавки въ лютеранскіе праздники изъ опасенія штрафа за несоблюденіе праздничнаго покоя. Въ православные же праздники, не исключая и двенадесятыхъ—Рождества Христова, Крещенія, Срѣтенія, Благовѣщенія, Вознесенія—лавки православныхъ открыты, потому что торговцы находятъ не-

выгоднымъ соблюдать праздничный покой и по лютеранскому, и по православному календарю, а лютеране не обращаютъ никакого вниманія на православные праздники, не исключая и самыхъ великихъ праздничныхъ дней. Есть много и другихъ неудобствъ. Лица православнаго исповѣданія не допускаются къ преподаванію исторіи въ краѣ. Если бы преподаватель исторіи лютеранинъ привялъ православіе, то онъ долженъ быть уволенъ отъ должности. Въ семидесятыхъ приблизительно годахъ XIX столѣтія случилось въ Гельсингфорсѣ такое происшествіе: финляндцами былъ остановленъ крестный ходъ, иконы были отобрааны у духовенства, и надъ ними совершено кощунство. Это не только не повлекло за собою никакого наказанія, но и дало финляндскому правительству поводъ воспретить на будущее время всякіе крестные ходы. Не останавливаются финляндцы даже предъ самымъ кощунствомъ надъ православной святыней, вапримѣръ, они пляшутъ предъ похороннымъ шествіемъ съ неприличными тѣлодвиженіями, бросаютъ грязью въ крестный ходъ, заходятъ въ православную церковь во время богослуженія, смѣются надъ службой, шумятъ, кощунствуютъ, изображаютъ бутылкой кажденіе, покупаютъ церковную свѣчу, закуриваютъ ея папирску и продолжаютъ курить въ церкви во время богослуженія (стр. 32). Валаамскій монастырь терпитъ отъ финляндцевъ иногда большія непріятности. Бывали путешественники въ этотъ монастырь (финляндскіе), изъ такъ называемыхъ господъ, которые въ ночное время устраивали кадрили въ большомъ корридорѣ монастырской гостиницы и, посѣщая церкви, обнаруживали свое пренебреженіе (вѣроятно и сказать нельзя какое). Вообще фактическое отношеніе финляндцевъ къ православной вѣрѣ и церкви глубоко оскорбительно для русскихъ. Въ городѣ Або имя русскаго обратилось въ ругательное названіе, православному священнику на улицѣ нерѣдко приходится слышать бранныя слова: русская собака и проч. Многіе изъ русскихъ не выносятъ постояннаго, жестокаго нравственнаго истязанія, начинаютъ скрывать свое православіе, казаться лютеранами, подражать имъ въ ихъ привычкахъ и образѣ жизни. Естественно, если русская гражданская и церковная законодательная власть, пѣлымъ рядомъ постановленій, старалась обезпечить положеніе православія въ Финляндіи. Остальныя страницы книги посвящены изложенію и разбору этихъ постановле-

ній. Въ концѣ книги авторъ полемизируетъ преимущественно съ г. Папковымъ по вопросамъ объ «обновленіи православныхъ приходовъ» и съ похвалой отзывается о мѣропріятіяхъ Орловскаго епарх. начальства.

Въ книгѣ проф. И. Бердникова дѣйствительная жизнь финляндскихъ какъ лютеранъ, такъ и православныхъ, заслонена приводимыми имъ разными законными постановленіями. Другими словами, авторъ смотритъ на эту жизнь не какъ историкъ, а какъ юристъ и спеціалистъ по каноническому праву. Но, конечно, отъ юриста нельзя и требовать, чтобы онъ вникалъ въ причины и явленія жизни такъ, какъ это дѣлаютъ историки. Книга г. Бердникова представляетъ изъ себя весьма цѣнный вкладъ въ русскую литературу по предмету каноническаго права, она написана ясно, трезво и увлекательно и, безъ сомнѣненія, съ интересомъ будетъ прочитана всѣми, для которыхъ близки судьбы православія въ нашихъ окраинахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ НАЧИНАЕТСЯ СЪ 15-го НОЯБРЯ СЕГО 1907 г.

Одобренный и рекомендованный Св. Синодомъ, Министр. Народн. Просв. и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній.

ПОДПИСНАЯ ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г. Ноты, даваемые за годъ
ЦѢНА на ежемѣсячный музыкальный журналъ журналомъ,

4р. „МУЗЫКА и ПѢНІЕ“ стоятъ въ
въ годъ. (XIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ). отдѣльной
продажѣ около 75 руб.

ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВЪ ГОДЪ:

1. Около 200 страницъ текста. Въ этой части (литературной) примутъ участіе гг. Бахлановъ, Бернштейнъ, Гольцисонъ, Лебедевъ свящ., Лисицынъ свящ., Магоп (псевд.), Молчановъ, Курдюмовъ, Смирнова, Стрельманъ и мног. друг.

II. Болѣе 600 страницъ нотъ содерж. болѣе 400 пьесъ. Эта часть (музыкальная) состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ: 1) Церковное, школьное и хоровое пѣніе. 2) Романсы на 1 и 2 голоса съ аккомп. фортепіано. 3) Фортепіан. соч. и нов. танцы. 4) Пьесы для скрипки, віолончели и др. инструментовъ домашнего оркестра.

Въ этой части (музыкальной) примутъ участіе слѣд. русскіе композиторы: гг. Гольцисонъ, Гродскій, Каваченко, Компанейскій, Крыжановскій, Лисицынъ св., Панченко, Курдюмовъ, Сениловъ, Черновъ и мног. друг.

Редакція предполагаетъ дать въ этомъ году серію сочиненій Глинки.

Изъ иностранной музыки въ журналъ помѣщается только все выдающееся. Кроме того въ 1908 году подписчики получаютъ:

Полную оперу для фортепіано **ДЖ. ВЕРДИ** **БЕЗПЛАТНО** популярнѣйшую оперетту для фортепіано **ДЕГАРА**

„Риголетто“ или „Веселая вдова“

съ подведеніемъ русскаго и итальянскаго текстовъ, съ подведеніемъ русскаго и нѣмецкаго текстовъ, или одну изъ слѣдующихъ оперъ для фортепіано: Жизнь за Царя, Русланъ и Людмила, Фаустъ, Кармень, Аида, Гугеноты, Травиата и Тангейзеръ. Для пѣнія съ фортепіано: Паяцы и Пять Сотникъ. Оперетокъ—Птички пѣвчія, Прекрасная Елена, Красное Солнышко и Корневильскіе Колокола.

Опера или оперетта по желанію можетъ быть замѣнена одною изъ слѣдующихъ духовныхъ премій:

„Всенощное бдѣніе“ А. ВЕДЕЛЯ,

Стоящее въ отдѣльной продажѣ 2 р. 50 к.

или сборникъ пѣснопѣный на архіерейскомъ служеніи сост. С. Молчановъ, или кругъ церковныхъ пѣснопѣній обычныхъ распѣвъ для народа въ переложеніи на два и на три голоса свящ. *Николая Курлова*, или одинъ изъ выпусковъ Исторической Хрестоматіи, въ которую входятъ знаменитыя соч. Веделя, Дегтярева, Сарти и др. Нежелаемый отдѣлъ

можно замѣнить по выб. однимъ изъ 100 альбомовъ музык. пьесъ и романсовъ или однимъ выпускомъ Исторической Хрестоматіи.

Съ перваго номера начнется печатаніемъ знаменитый концертъ Ар. Л. Веделя: „Боже, придоша“.

4 р. въ годъ съ дост. и перес. по всей Россіи — 5 руб., за границу — 6 р. Допуск. разср. по одному руб. Пробный номеръ **4 р.** высыл. за 60 к. марк. Подробн. объясн. и списокъ альбомовъ высылается **БЕЗПЛАТНО**.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Музыка и Пѣніе“ Спб. Садовая, 22.

Редакторъ М. А. Гольцисонъ.

Издательница А. С. Ильина.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичные лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всемъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ заведеній Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ А. Александровъ.

У автора (С.-Петербургъ, Невскій просп., № 180, кв. 5), въ конторѣ *Церковнаго Вѣстника* (Спб. Шлиссельбургскій просп., д. 4, кв. 8) и въ книжныхъ магазинахъ И. Л. Тузова (Спб. Гостиный дворъ, по Садовой ул., № 45), „Новаго Времени“, В. В. Попова (Спб., Невскій просп. №№ 55 и 119) и др. можно приобретать слѣдующія сочиненія и изданія ординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи

Николая Никаноровича Глубоковскаго:

1) **Блаж. Θεодоритъ**, епископъ киррскій, въ 2-хъ томахъ; I: его жизнь и II: литературная дѣятельность (съ обзорніемъ времени и событій 3-го, 4-го и 5-го вселенскихъ соборовъ, съ разсмотрѣніемъ раскольническаго „*Θеодоритова слова*“ и пр.). Москва 1890. *Мастерская* диссертация, удостоенная Св. Синодомъ *полной* Макаріевской преміи. Цѣна I т. 3 р., перес. 40 коп., II т. 4 р., перес. 45 коп., за оба тома 7 р. 50 коп. съ перес.

2) **Благовѣстіе христіанской свободы** въ посланіи св. Ап. Павла къ Галатамъ. Сжатое и общедоступное обзорніе. Спб. 1902. Книга удостоена Св. Синодомъ *полной* Макаріевской преміи. Цѣна 2 р., пер. 35 коп.

3) **Благовѣстіе св. Апостола Павла** по его происхожденію и существу; книга первая: Введеніе; Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла; „Евангеліе“ Павлово и іудейско-раввинское богословіе, апокрифы и апокалиптика. Спб. 1906. Цѣна 4 р. 50 коп., перес. 75 коп.

4) **По вопросамъ духовной школы** (средней и высшей) и объ Учебномъ Комитетѣ при Св. Синодѣ. Спб. 1907. Цѣна 1 р., пер. 20 коп.

5) **Своеобразная защита Учебнаго Комитета**. По поводу книги о семъ ревизора Д. И. Тихомирова и въ связи съ вопросомъ о преобразованіи Учебнаго Комитета и ревизорскаго института. Спб. 1908. Цѣна 50 к. съ перес.

6) **Знаменательный день въ жизни сельскаго пастыря** о. В. М. Попова (съ 5 гравюрами). Спб. 1902. Цѣна 70 коп., пер. 20 коп.

7) **Дорогой памяти** неутомимаго искателя правды — писателя и изобрѣтателя врача Матвѣя Никаноровича Глубоковскаго († 1903, XII, 11), съ портретомъ его. Спб. 1904. Цѣна 50 коп., съ перес. 60 коп., при чемъ *вся выручка предназначается на достойное увѣковѣченіе памяти М. Н. Глубоковскаго*.

8) **Моломская Михайло-Архангельская церковь** Вологодской губ., Никольскаго у. (1889 — 1904 гг.), съ 3 портретами и 7 снимками. Спб. 1904. Цѣна 50 коп., перес. 20 коп.

П Р И Р Е Д А К Ц І Я
„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ“

МОЖНО ПРИОБРѢТАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ протоіерея **Д. Ѡ. Касицына** редактора журнала „Душеполезное Чтеніе“ съ приложеніемъ портрета, факсимиле и рисунка. Москва. 1902 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ ЯЗЫЧЕСТВА. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Проф. М. Д. Акад. А. И. Введенскаго, т. (стр. XII+752). Цѣна 3 руб. съ пересылкой.

Полное собраніе РЕЗОЛЮЦІЙ ФИЛАРЕТА, Митрополита Московскаго. (Съ приложеніемъ портрета М. Филарета) съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. И. Н. Корсунскаго и протопресвитера В. С. Маркова. Томъ I. (XX+2+619 стр.). Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Томъ II (вып. 1, 2 и 3). Цѣна 2 р. съ пересылкой.

Д. Б. ЕПИСКОПА ВИССАРИОНА: 1) Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1895 году. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 2) Костромскія поученія за 1897 годъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 3) Костромскія поученія за 1898 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к. 4) Костромскія поученія за 1899 годъ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп. 5) Костромскія поученія за 1900 годъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. 6) Костромскія поученія за 1901 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 7) Костромскія поученія за 1902 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 8) Костромскія поученія за 1903 годъ. Цѣна 80 коп. съ перес. 1 руб. 9) Костромскія поученія за 1904 годъ. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. 10) Толкованіе на париміи изъ новозавѣтныхъ книгъ. 1895. Ц. 40 к., съ перес. 50 к. 11) Толкованіе на париміи изъ книгъ пророковъ: Іереміи, Іезекіиля, Даниила, Іоня, Іоны, Михея, Софоніи, Захаріи и Малахіи. 1892 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 12) Толкованіе на париміи изъ книги пророка Исаи. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к. 13) Голосъ пастыря. 1893. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 14) Духовная пища. Сборникъ для религіознаго чтенія. 1891. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 15) Изъясненіе молитвы Господней. Ц. 15 к. 16) Христіанскіе уроки. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 17) Сборникъ для назидательнаго чтенія. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 18) Духовный свѣтъ. Второе изданіе. Ц. 1., съ пер. 1 р. 20 к. 18) О вечернѣ. Два публичныхъ чтенія. Изд. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. Монтеанизмъ, новаціанство, донатизмъ и вліяніе ихъ на раскрытіе ученія о Церкви. Изслѣдованіе *Д. Касицына*. Выпускъ первый 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сназаніе о житіи оптинскаго старца іеросхимонаха отца Амвросія. Архим. Григорія (Борисоглѣбскаго). Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Письма оптинскаго старца іеросхимонаха о. Амвросія. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Святитель Ѡеофанъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни. И. А. Крутикова. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Высокопресвящ. Иннокентій, Арх. Таврической. Ц. 1 р. съ пересылк.

Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 60 к. съ пересылкой.

Христіанство и социальная реформа. Ц. 15 к. съ пересылкой.

Указатели къ Душеполезному чтенію: за 1860—1869 гг., 1880—1889 годовъ, по 15 к. за каждое десятилѣтіе.

Кромѣ сихъ книгъ тамъ же можно приобрѣтать слѣдующія брошюры Епископа ВИССАРІОНА:

1. **Грѣхи чувствъ:** зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе и внутреннее чувство. Ц. 6 коп. 2. **Раздоръ между мужемъ и женой.** Ц. 5 к. 3. **Духовное завѣщаніе.** Ц. 4 к. 4. **Гордость.** Ц. 4 к. 5. **Старость.** Четвертое изданіе. Ц. 7 к. 6. **Братья и сестры.** Ц. 4 к. 7. **Сверкови и невѣстки.** Ц. 5 к. 8. **О христіанскихъ именахъ.** Ц. 3 к. 9. **Изреченія слова Божія, располагающія къ покаянію.** Третье изданіе. Ц. 2 к. 10. **О тѣлесныхъ дѣйствіяхъ при богослуженіи и молитвѣ** (стояніе, колѣнопреклоненіе, паденіе ницъ, воздѣяніе рукъ, поклоненіе лицомъ на востокъ, крестное знаменіе). Третье изданіе. Ц. 3 к. 11. **Радости и скорби родителей о дѣтяхъ.** Пятое изданіе. Ц. 2 к. 12. **Многочадіе и безчадіе.** Четвертое изданіе. Ц. 3 к. 13. **Святость брачнаго союза.** Изданіе второе. Ц. 4 к. 14. **Дружба.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 15. **О путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ.** Второе изданіе. Ц. 3 к. 16. **Лица безбрачныя.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 17. **Утѣшеніе и совѣты людямъ, живущимъ въ бѣдности.** Пятое изданіе. Ц. 2 к. 18. **Доброе имя.** Шестое изданіе. Ц. 2 к. 19. **Женихи и невѣсты.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 20. **Отчимы и мачехи, пасынки и падчерицы.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 21. **Изъясненіе краткихъ изреченій, употребляемыхъ въ богослуженіи.** Четвертое изданіе. Ц. 5 к. 22. **Нѣчто о вечеринкахъ и балахъ.** Изд. 2-е. Ц. 4 к. 23. **Убогіе.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 24. **Сиротство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 25. **Вдовство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 26. **Инокъ ПАРФЕНІА. Число раскольниковъ.** Ц. 2 к. 27. **Преосвященнаго ІЕРЕМІИ—отшельника. Врачевство духовное отъ міра собираемое** (52 стр.). Ц. 10 к. 28. **Врачи и ихъ пациенты.** Второе изданіе исправленное и дополненное. Ц. 5 к. 29. **Лѣствица добродѣтелей.** Уроки христіанскаго усовершенствованія по руководству **Лѣствицы** преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы. **Лѣстичника** (52 стр.). Цѣна 10 к. 30. **Высокое значеніе храма Божія.** Изданіе второе. Цѣна 4 коп.

Всѣ 30 брошюры (въ нихъ около 825 стран.) съ пересылкой 1 р. 25 к.

При выпискѣ книгъ и брошюры сразу на 25 и болѣе рублей 20% оуступки и пересылка на счетъ редакціи.

Нѣкоторые спрашиваютъ **Душеполезное Чтеніе за всѣ годы его изданія**, но, вмѣсто изданія за **сорокъ восемь лѣтъ**, полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** имѣются только за четырнадцать лѣтъ, за 1887, 1888, 1893, 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904,

1905 и 1906 годы, которые и продаются по **2** рубля, каждый годъ, съ пересылкой.

ВѢЧНЫЙ ГОРОДЪ.

(Къ тысячелѣтію Чернигова).

Прошлое.

6-го августа Черниговъ празднуетъ тысячелѣтіе своего существованія.

Тысячелѣтній, вѣчный городъ, бывшая гордость и бывшій оплотъ бывшей Сѣверянской земли, переступилъ за грань новаго тысячелѣтія, блещетъ золочеными главами своихъ древнихъ святынь. Онъ тихъ и величавъ, словно весь ушелъ въ себя и перебираетъ въ памяти прошлое. Тысяча лѣтъ... десять столѣтій... Какъ много утрачено природою съ тѣхъ поръ, какъ рука монаха занесла впервые слово «Черниговъ» въ лѣтопись! Что общаго между нынѣшней и тою жизнью, которая воистину была борьбою? Такъ она далеко отошла отъ насъ, что даже памятливая исторія не рѣшается утвердительно отвѣтить на вопросъ: кто-же именно далъ городу свое имя, полуполегендарный-ли Сѣверянскій князь Черный, или неоглядный черный гай, или другой кто?

Вѣрнѣе предполагать, говорить, — что князь Черный. Согласимся. Но не доказываетъ-ли это, что города Старога Свѣта совсѣмъ не похожи на города Новаго Свѣта, которые при всемъ своемъ великолѣпнн и почти сказочномъ развитіи не имѣютъ, однако, исторіи? Васъ можетъ поразить въ Новомъ Свѣтѣ то обстоятельство, какъ это американцы нетерпѣливы, какъ они неустанно понукають свой геній къ творчеству, но не старайтесь тамъ услы-

шать голосъ старухи-исторіи: это вамъ не удастся. Новый Свѣтъ—историческій житель со вчерашняго дня. Американскіе города поразительны, какъ показатели цезарскихъ чертъ англо-саксовъ. Они приходятъ, американцы, и, увидавъ пустыню, побѣждаютъ ее: ихъ города красуются сегодня тамъ, гдѣ наканунѣ была сплошная дичь. Откуда же тутъ взяться исторіи, эпосу, легендѣ? Въ старомъ Свѣтѣ и—въ частности—у насъ не то. Чуть-ли не девять-десятихъ изъ общаго числа русскихъ городовъ покрыты сѣдиною, которая густѣла съ вѣками. Тѣмъ-то города эти и драгоцѣнны. Черниговъ—въ ихъ семьѣ. Его исторія—исторія Сѣверской земли, исторія собиранія Руси, откровеніе богатырства, духовной мощи и величія предковъ,—качествъ, проявившихся не случайно, а по всякому поводу. Въ такомъ городѣ все имѣетъ свою судьбу: пядь земли, связь улицъ и проулочковъ, святыня.

Вотъ, напримѣръ, златоглавый Спасопреображенскій соборъ, гдѣ съ 1896 года тысячи благочестивыхъ людей поклоняются нетѣннымъ мощамъ святителя Θεодосія (Углицкаго). Глядя на византійскій станъ собора съ пылающими на солнцѣ маковками, вы думаете: какъ пышна эта святыня! А въ воздухѣ слышится отвѣтъ: а давно-ли пышной-то стала?... Въ самомъ дѣлѣ, пятью годами старшій братъ кievской Софіи, Спасопреображенскій соборъ былъ заложегъ Мстиславомъ, сыномъ Краснаго Солнышка-Владимира, а оконченъ въ 1031 году ¹⁾; но даже при архіепископѣ Лазарѣ Барановичѣ (+1693) онъ былъ покрытъ соломой, такъ какъ отъ первоначальной крыши не осталось слѣда. Преосвященный Лазарь неоднократно дѣлалъ св. Синоду энергичныя представленія объ отпускѣ суммы на устройство желѣзной крыши, указывая, что дождь протекаетъ сквозь своды, и собору грозитъ разрушеніе, но Синодъ такъ и не внялъ представленіямъ;

¹⁾ Вел. Кн. Мстиславъ (Константинъ) Владимировичъ + 1036 г. погребенъ въ Спасопреображенскомъ соборѣ.

Дуинь - Барковскій помогъ покрыть святыню гонтомъ, и только Екатерина II, посѣтившая Черниговъ, распорядилась о покрытіи собора желѣзомъ и объ устройствѣ иконостаса. Теперь соборъ приковываетъ къ себѣ вниманіе: въ его благолѣпніи отразилась любящая душа великаго народа.

Въ зависимости отъ того, какая кровь течетъ въ жилахъ, въ зависимости отъ воспитанія и отъ темперамента можно пламенѣть любовью къ древнему городу или быть только теплымъ, но надо имѣть камень вмѣсто сердца, чтобы относиться равнодушно къ этому вѣчному старцу. Не забудемъ, что доблесть Сѣверскихъ князей порсидила знаменитое «Слово о полку Игоревѣ, Игоря Святославля, внука Ольгова». Не забудемъ, что замученный въ Ордѣ Михаилъ былъ черниговскимъ княземъ, и что съ этой каедрой на страницы исторіи пошли святители и такіе свѣточи въ темныя времена пробужденія нашего самопознанія и самосознанія, какъ свв. Дмитрій и Θεодосій, Лазарь Барановичъ, управлявшій черниговской каедрой 36 лѣтъ слишкомъ и пришедшій черниговскую епархію въ цвѣтущее состояніе какъ въ религіозно - нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, архимандритъ Іоанникій Голятовскій, Іоаннъ Максимовичъ — основатель Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ и многіе другіе.

Въ 1892 году исполнилось 900-лѣтіе епископской каедрой въ Черниговѣ; былъ изданъ, съ рисунками, «Юбилейный сборникъ», который легко достать и который нелѣнвые и любопытные имѣютъ возможность прочесть. Въ недавнее время на этой каедрѣ молился извѣстный Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ - историкъ, кристалльная душа. Онъ скончался въ 1866 году, но память о немъ жива досель; и какъ же ей не жить? Филаретъ въ послѣдній разъ объѣзжалъ по епархіи, когда сильная холера въ губерніи повергла въ уныніе народонаселеніе. Его отговаривали отъ задуманной поѣздки, но, въ виду именно тяжелаго общаго унынія, онъ считалъ объѣздъ свой *благовременнымъ* и *бла-*

потребнымъ. Предположено было имъ обзрѣть почти половину губерніи, и, такимъ образомъ, онъ долженъ былъ возвратиться не ранѣе какъ къ 26 августа. При прощаніи, на вопросъ соборнаго протоіерея: когда его ожидать? онъ отвѣчалъ: «19-го буду».—Владыко, вы не успѣете.— «Нѣтъ, я не замышкаюсь».

Фигареть служилъ благоговѣйно и всегда при освященіи даровъ плакалъ. 7 августа въ селѣ Фастовцахъ онъ служилъ въ послѣдній разъ и рыданіемъ своимъ при освященіи даровъ навелъ трепеть на предстоящихъ. 8-го онъ заболѣлъ холерою и въ 4-мъ часу утра 9-го, послѣ елеосвященія, по желанію его совершеннаго, скончался, а 19-го благочестивые черниговцы на своихъ раменахъ везли въ городъ печальную колесницу съ прахомъ своего знаменитаго архипастыря ¹⁾).

Девять столѣтій епархіальной, или точнѣе, церковной жизни неразрывно связаны съ жизнью гражданскою. Жизнь Черниговскаго княжества и Сѣверской земли есть забота о церковномъ строительствѣ; жизнь епархіи есть забота о Черниговѣ-городѣ, о Черниговской губерніи, поскольку нужды ихъ не укрывались отъ вниманія пастырей душъ; такимъ образомъ, изъ заботъ распускались пышные цвѣты, привлекательные цвѣты духовной дѣйствительности, коль скоро на святительской каедрѣ появлялись Лазари Барановичи и имъ подобные, и упованія на болѣе свѣтлое будущее, коль скоро владычная каедра по чему-либо должна была не уклониться, нѣтъ, а съ меньшей энергіей пасти словесныхъ овецъ и насаждать просвѣщеніе среди засельниковъ края, въ духъ Христова ученія. Путь «ученія книжнаго» указанъ еще Владиміромъ Святымъ. Князь-христіанинъ, князь равноапостольный, не могъ благословить тьмы, и вотъ почему уже въ его время, по словамъ лѣтописи, «бысть училищъ книжныхъ множество». По указанному Владиміромъ пути должны были

¹⁾ См. „Рус. Архивъ“. 1882, кн. I, стр. 191.

пойти и пошли послѣдующіе князья и святители; какъ могли, какъ умѣли, каждый по мѣрѣ силъ, они боролись съ тьмою и богатырствовали, строя обще-Россійское государственное зданіе; но время усложняло борьбу, усложняло задачу строительства, и «множество училищъ книжныхъ» — съ точки зрѣнія древняго учителя — теперь показалось бы не болѣе, чѣмъ оптическимъ обманомъ. Какъ-бы то ни было, дѣло просвѣщенія далеко еще не закончено, и дѣльные округа остаются безъ разумныхъ понятій о Богѣ, въ цѣлыхъ десяткахъ приходоу съдовласые люди произносятъ молитвы, младенчески разумѣя смыслъ ихъ. Въ 1892 г. самъ черниговскій епископъ Веніаминъ свидѣтельствовалъ, что, напримѣръ, въ Стародубскомъ уѣздѣ, въ 28 приходоу нѣтъ школъ... Другими словами: тутъ не можетъ быть рѣчи не только объ апоееозѣ грамотности, но даже нѣтъ и посадокъ ея, нѣтъ распашекъ для знанія, но пустыри, поросшіе сорной травой невѣжества. Конечно, за 16 лѣтъ положеніе нѣсколько измѣнилось, но много-ли? И вотъ въ чемъ наше горе, и вотъ куда долженъ бы былъ итти каждый свободный рубль изъ кошелька достаточнаго русскаго челоуѣка...

Ближайшій сосѣдъ Кіева, Черниговъ, не смѣетъ сравнивать себя съ нимъ: мѣстоположеніе Кіева единственное въ Россіи. Кіевъ прекрасенъ, царственно — хорошъ и никакой другой городъ, кромѣ Москвы, не переполненъ такъ, какъ онъ, историческими воспоминаніями. Кіевъ — европеецъ въ смыслѣ внѣшняго благоустройства; Черниговъ простоватъ, какъ провинціалъ, глуховатъ и лѣннивъ, но и онъ, всею своею панорамою, не можетъ не волновать нашихъ сердецъ; безъ Чернигова немислима Русская исторія, безъ этого 1000-лѣтняго города не полна была бы самая Русь.

Земля Черниговская хранитъ въ своихъ нѣдрахъ потоки крови и слезъ, проливая которыя, предки наши закрѣпляли славное зданіе своей государственности; въ сѣверянскихъ лѣсахъ, чудится, еще бродятъ тѣни могучихъ, тѣни истинныхъ патриотовъ; имъ не лежитъ въ могилахъ, имъ

противень,—чудится,—отдыхъ и послѣ смерти; кажется, они это, а не лѣса, невнятно шепчуть что-то, разгоняють лѣнь и праздность, надвигающіяся на насъ, потомковъ, какъ надвигаются грозовыя тучи надъ плодотворящею природою; они, какъ-бы устами лѣса, твердятъ: «работай, строй себя, великая Россія, иди путемъ, который указанъ тебѣ нами, отнятыми вѣчностью прежними строителями. Вѣрь, не Вавилонскую башню мы закладывали, а вѣчное зданіе, міру на удивленіе!» И мы не въ состояніи оспаривать священныя тѣни, развѣ только отвернулись-бы отъ справедливости. Въ эпоху Черниговскаго княжества—Черниговъ считался важнѣйшимъ послѣ Кіева удѣломъ, и голосъ его князя отдавался не только за Десною, но за Волгою, въ отчизнѣ «старога казака», излюбленнаго народомъ богатыря Ильи. Да, вся восточная страна кланялась князю Черниговскому, око котораго не однажды зарилось на столъ Кіева, вопреки волѣ судьбы.

Кротъ роется въ землѣ, совы любятъ почную тьму, но орлы прямо глядятъ на солнце. Они горделивы и для того рождены. Законъ историческаго размѣщенія отдалъ сѣверянамъ землю по берегамъ кипучаго воднаго пути, который обезпечилъ имъ лучшую долю. Въ виду сплнхъ волнъ, носившихъ на своихъ гребняхъ торговыя суда, сѣверяне не могли оставаться ни своего рода кротами, ни своего рода совами; дѣятельность захватила ихъ, столкнула съ сосѣдями и дальними людьми и, понятно, расширила ихъ умственные горизонты. Смыслъ жизни и красота христіанскаго вѣроученія рано были постигнуты ими, и еще на утренней зарѣ нашей государственности Черниговъ выдѣлялся, какъ свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ. Уже тогда у него надо было учиться какъ торговать; уже тогда, при первыхъ Владиміровичахъ онъ раздавалъ жемчужины изъ сокровищницы христіанства: въ Черниговѣ, вѣдь, была своя епископія; уже тогда черниговскіе Селяниновичи будоражили землю-матушку, ея темныя, жирныя цѣдины—сохами, которыя остались такими же и черезъ 1000 лѣтъ. Во главѣ

умнаго народа стоялъ и умный князь. Это было почти обязательнымъ правиломъ, продиктованнымъ еще классической древностью. Дѣйствительно, въ героической Греціи наследственное право владыки всегда соединялось съ тѣлеснымъ и душевнымъ его превосходствомъ. Вѣдь, только героямъ всѣ повиновались безпрекословно. Но какъ же князю было не выдѣляться надъ народомъ, если для этого первоначальнаго общества не было ничего слаще и краше всемогущества личной свободы. Князь служилъ такимъ образомъ какъ-бы рулемъ для народа и фарватеромъ, по которому должна была правильно и закономѣрно течь свобода. Но князь былъ вмѣстѣ и водителемъ, и отдушиной для выхода героическихъ и воинственныхъ стремленій своего народа. Отъ того онъ долженъ былъ таить въ себѣ мудрость змія и имѣть орлиный взоръ, не боящійся ослѣпительнаго солнечнаго шара. Въ частности, что касается до сѣверянъ, то Творецъ надѣлилъ ихъ горячею кровью; поэтому, Черниговъ участвовалъ въ княжескихъ усобицахъ и не сторонился отъ бранной потѣхи, когда на него надвигался врагъ: татаринъ, ляхъ, кочевникъ-степнякъ. Про всякаго припасалась силушка, на всѣхъ она и расходовалась. А такъ какъ борьба и встрѣча съ ворогами происходили изъ столѣтія въ столѣтія, то немудрено—сила и надломилась. Въ удѣльной передрагѣ много было ей израсходовано, много ушло и на степную дичь: татарскія орды нахлынули—и православная земля затрусилась и стала пить, пить свою-же кровь. Правда, небо по-своему вознаградило черниговскій удѣлъ: послѣдній князь его Михаилъ Всеволодовичъ вознесся до жилищъ праведныхъ и, погибнувъ подъ ножами разъяренныхъ ордынцевъ, воскресъ въ сонмѣ святыхъ.

Послѣ татарщины начались иныя мытарства. Размножившаяся княжеская семья неволью раздробила черниговщину; удѣльное дерево теряетъ вѣтвь за вѣтвью. Могучее нѣкогда княжество становится ульемъ, составленнымъ изъ мелкихъ сотъ, откуда легче доставать медъ лакомкамъ.

Появилось Брянское княжество—потянуло къ себѣ Черниговъ; показалаь на историческомъ полѣ сильная Литва—та беретъ его себѣ; потомъ—можайскій, затѣмъ—московскій князья, опять—польско-литовское государство. Такъ расшатанная твердыня переходить изъ рукъ въ руки, пока наконецъ, въ 1654 году, не отходитъ навсегда къ Россіи—«подъ Вѣлаго Царя». Ровно двѣсти лѣтъ назадъ (1708 г.) Черниговъ находился подъ началомъ Кіева, въ 1781 г. образовалось черниговское намѣстничество, а въ 1802 году черниговская губернія. Такова вкратцѣ исторія Сѣверской земли.

Въ теперешнемъ Черниговѣ.

Книжный складъ черниговскаго земства имѣетъ недурной запасъ работъ по фольклору; увѣсистые томы и легковѣсныя книжечки раскрываютъ всю обильную совокупность всѣхъ живущихъ въ украинскомъ народѣ преданій, повѣрій, сказокъ, поговорокъ, былинъ, пѣсенъ и т. п., но во всемъ этомъ, вѣдь, больше ума, остроумія, находчивости, разсудка и лишь немного души, главная сила которой ушла «въ дѣло Божіе». Она—подъ сводами древнихъ церквей: въ позолотѣ иконостасовъ и ризъ, въ стѣнной живописи, въ тяжелыхъ паникадилахъ и свѣщникахъ и въ аркахъ колоколенъ, гдѣ колокола умѣютъ говорить и пронизывать чуткое сердце «малиновыми» мелодіями. Душа народа отражается на лицахъ тѣхъ святыхъ, которые когда-то давно ходили по этой землѣ, скорбѣли ея скорбями, радовались ея радостями. Святые: Димитрій (Ростовскій), Θεодосій (Углицкій), князь Михаилъ, бояринъ его Θεодоръ, Борисъ и Глѣбъ, Игорь Ольговичъ—вотъ идеалы мудрости и величія въ глазахъ народа; въ тѣхъ—земскихъ—книгахъ есть и усмѣшка, и злоязычіе, и насмѣшка, въ этихъ-же книжкахъ, что житіями прозваны,—злобы нѣтъ и насмѣшки нѣтъ, и злоязычія нѣтъ, а только высшая любовь и богоугодничество. Итакъ, чего не из-

даетъ земство, то издастъ мѣстное братство св. Михаила князя Черниговскаго. Восполняя одно другое, оба издательства почтенны. Они сторожатъ прошедшія судьбы и охраняютъ истинно-цѣнное, безъ чего Черниговщина представляла бы совершенно стершуюся монету.

Въ настоящее время городъ Черниговъ ведетъ мелкую торговлю; такъ этимъ ли ему гордиться? Не безграмотная выѣска любопытна, а вотъ эта сѣренькая улица, которая ползетъ къ Елецкому монастырю и называется издавна Красною, т. е. красивою; дорогъ валъ, дороги кирпичи въ соборныхъ и монастырскихъ стѣнахъ, живуче какъ древняя Русь, не смѣшивающаяся съ нынѣшней Россіею, гордая въ своихъ развалинахъ, краснорѣчивая въ своей нѣмотѣ. Сама она не лѣзетъ въ глаза, но русскій человѣкъ тотъ, въ комъ не остыла и не погасла любовь къ тѣмъ корнямъ, которые дали такое дерево, что ему понадобилась шестая часть всей суши. Такъ царственно раскинулись вѣтви на сѣверъ, на востокъ, на югъ и на западъ.

Памятники прошлаго собраны, главнымъ образомъ, на соборной площади. Я осматривалъ ихъ въ лучшую пору—въ маѣ, начавъ съ Спасопреображенскаго собора. Онъ сохранилъ византійскую внѣшность, но внутри утратилъ почти - что все, что дали ему первоначальные строители. И все-таки онъ прекрасенъ и полонъ настроенія, которое передается и вамъ, какъ-только вы отдались воспоминаніямъ. Воспоминанія растутъ по мѣрѣ того, какъ вы обходите соборъ; отъ паперти—къ мощамъ святителя Θεодосія, отсюда, вдоль стѣнъ и около колоннъ (мраморныхъ, но обложенныхъ кирпичемъ), проходите за шагомъ шагъ, все говоря себѣ: здѣсь погребень Ярославъ! здѣсь—Глѣбъ Святославичъ, тамъ: Мстиславъ Владиміровичъ, Святославъ Ярославичъ, Олегъ, Владиміръ Давидовичъ, Святославъ Ольговичъ и Игорь Ольговичъ, и блаженный Константинъ, митрополитъ Кіевскій. Сколько любопытныхъ страницъ изъ исторіи удѣльнаго періода!... Съ лѣвой сто-

роны—отъ входа въ соборъ—«красный теремъ», старинная Дума или старинный Сенать.

За Спасопреображенскимъ стоитъ Борисоглѣбскій соборъ. Площадь широкая. По ней ходили и Никола Святоша, и Муромецъ Илья и мало-ли еще какіе великіе люди!

Какъ Спасскому, такъ и Борисоглѣбскому собору судьба выпала тяжкая: жгли и разоряли его; становился онъ и достояніемъ доминиканцевъ; словомъ — отражалъ на себѣ испытанія Украйны, съ конца XI или начала XII вѣка, когда его построили византійскіе искусники. Этотъ соборъ—даръ потомству отца препод. Николы Святоши, князя Давида Святославича. Давидъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ: святитель Черниговскій Теофтистъ ставилъ его въ примѣръ враждующимъ князьямъ. Въ издревле монастырскомъ Борисоглѣбскомъ храмѣ и погребенъ князь Давидъ. Есть преданіе, что, когда погребали князя, на небѣ появилась звѣзда. Прахъ Давида внесли для отпѣванія въ Спасскій соборъ, но звѣзда вдругъ отошла и остановилась надъ Борисоглѣбскою церковью. Митрополитъ Теофтистъ и прочее духовенство поняли, что это знакъ не въ Спасскомъ, а въ Борисоглѣбскомъ соборѣ хоронить князя Давида. И перенесли его къ Борису и Глѣбу и тамъ почили. Возлѣ отца положенъ и сынъ, князь Изяславъ.

До перенесенія въ Спасскій соборъ здѣсь находились св. мощи Θεодосія (Углицкаго). Теперь можно видѣть могилу незабвеннаго Лазаря Барановича, усердіемъ котораго Борсоглѣбскій соборъ былъ приведенъ въ надлежащее состояніе послѣ того, какъ доминиканцы были изгнаны отсюда. Хорошъ иконостасъ у Бориса и Глѣба далеко незаурядны и пошехоновскія иконы. Главнѣйшая святыня—икона Рѣпницкой Божіей Матери (мѣстечко Рѣпки отъ Чернигова въ 35 верстахъ). Впереди лѣваго клироса видится мозаичный образъ святителя Николая Мирликійскаго чудотворца—привесенъ, какъ знакъ вѣрнопопданни-

чества дворянства въ память 25 лѣтія царствованія императора Николая Павловича.

Любители стариннаго искусства и поклонники умной выдумки останавливаются передъ царскими вратами средняго иконостаса. <Они серебряныя, кованыя, чеканной работы, вылитыя въ 1702 году частію изъ серебрянаго идола, найденнаго въ землѣ при копаніи въ 1701 году фундамента для теперешней соборной колокольни, частью же на пожертвованія Черниговскаго полкового судьи Карпа Мокріевича. Гербъ послѣдняго находится на бляшкѣ сихъ вратъ съ буквами: К. М., а на другой бляшкѣ, вблизи первой, имѣется надпись: <року 1702>,—это годъ устройства царскихъ вратъ. На лѣвой сторонѣ сихъ царскихъ вратъ, внизу, изображенъ въ полулежащемъ видѣ Іессей, а на правой—царь Давидъ. Отъ нихъ идутъ вверхъ вратъ серебряныя вѣтви. Между вѣтвями вверху на лѣвой сторонѣ — Богоматерь, на правой — архангелъ Гавріиль. Ниже евангелисты—Матѳей и Маркъ, еще ниже—князя Борисъ и Глѣбъ, затѣмъ евангелисты: — Лука и Іоаннъ. Во всю высоту вратъ, на растворѣ ихъ, — серебряная колонна, на коей (снизу вверхъ) изображены: Соломонъ, Ровоамъ, Іосафатъ, Іорамъ, Озія, Іоасаамъ, Ахазъ, Езекиа, Іосія, Аммонъ. Вверху колонны — Христосъ Спаситель, сидящій на дугѣ, съ шаромъ въ подножіи, съ сіяніемъ изъ камней>.

Изъ преосвященныхъ, кромѣ Лазаря Барановича, успокоился на вѣки подъ сводами древняго храма еще владыка Амвросій Дубневичъ (+1750 г.).

Въ виду соборовъ—два памятника—бюста: Царю-Освободителю и Царю-Миротворцу, открытыя въ 1894 году.

Кстати сказать, Черниговъ посѣтили въ разное время Петръ Великій, Павелъ Петровичъ съ супругою Марією Ѳеодоровною, Екатерина II, Александръ Павловичъ съ Константиномъ Павловичемъ въ бытность князьями, Николай Павловичъ, Константинъ Николаевичъ, Александръ Николаевичъ съ государынею Маріей Александровною.

«Великолѣпный князь Тавриды», Потемкинъ любопытствовалъ видомъ Спасскаго собора и, конечно, подогрѣлъ только въ Екатеринѣ II то чувство, которое подсказало ей оказать благодѣяніе этой святынь.

Въ сторонуѣ, на городской окраинѣ стоитъ Елецкій монастырь въ честь Успенія Богоматери (Елецкій отъ слова ель, на которой чудесно явилась икона Пречистой). Онъ основанъ 1060 года на Болдиной горѣ. Черезъ 9 лѣтъ послѣ возникновенія первой церкви сюда явился Антоній, будущій Печерскій преподобный, и подалъ князю Свято-славу совѣтъ создать здѣсь монастырь; князь послушался— и вотъ создалась обитель, которая теперь именуется первоклассною. Надо-ли говорить о томъ, что судьба, готовившая всяческія испытанія Черниговскому княжеству, запасла много бѣдъ и для Успенской Елецкой обители, которая, однако, мужественно и стойко встрѣчала ихъ, несла въ теченіе ряда вѣковъ и вынесла, сохранивъ все свое величіе и укрѣпивъ еще болѣе свое значеніе? Были лютые враги у дома молитвы, были и преданные друзья христіанства, пѣстуны святыхъ мѣстъ. Въ каменной оградѣ Елецкаго монастыря живетъ и вѣчно будетъ жить благодарная память о благодѣтеляхъ: архимандритахъ Іоанникіи Голятовскомъ и Димитріи (Туптало), впослѣдствіи митрополитѣ Ростовскомъ, Θεодосіи и Іоаннѣ Максимовичѣ, а также «генеральномъ обозномъ» Василии Андреевичѣ Дупинѣ-Борковскомъ. Они каждый по-своему, служеніемъ или денежной помощью, возвеличивали монастырь, и добрая слава о немъ, какъ мѣстъ строгаго подвижничества, летѣла далеко за предѣлы черниговскаго края.

Убогая келья св. Димитрія и св. Θεодосія встрѣчаетъ богомольцевъ, стоя на видномъ мѣстѣ. Ихъ смиреніе величественно. Большой просторъ для работы мысли, для воспоминаній, среди которыхъ не затеривается выраженіе покойнаго кіевскаго митрополита Платона, который будто бы не любилъ нынѣшняго кіево-печерскаго монашества

(оттого, говорятъ, и не захотѣлъ быть погребеннымъ въ Лаврѣ), но часто зато уносился къ временамъ, когда церкви были сплошь деревянныя, а монашество и духовенство—золотое. Тамъ—въ угаснувшихъ вѣкахъ,—отдыхало сердце этого святителя, пока не перестало биться въ старческой груди; и тогда онъ ушелъ къ «золотымъ» служителямъ алтаря и молитвенникамъ; остался только слѣдъ его — подъ кровлю Софійскаго собора въ Кіевѣ дека съ именемъ.

Елецкій монастырь особенно посѣщаемъ бываетъ по средамъ, когда богомольцы стекаются, чтобы слушать акаѳистъ предъ иконою Божіей Матери.

На кладбищѣ Елецкаго монастыря много достопамятныхъ могилъ.

Отрадно проводить часы въ монастырскомъ храмѣ. Много, многое онъ говорить! между тѣмъ, было время, когда здѣсь «птицы вили гнѣзда»,—и какъ же должно было волновать и терзать золотое монашество такое запустѣніе! «Но въ испытаньяхъ Божьей кары, перенеся судьбы удары, окрѣпла» обитель. «Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куегъ булатъ».

Троицко-Ильинскій храмъ съ пещерами, въ одной изъ коихъ спасался Антоній, также издавна является мѣстомъ поклоненія для многочисленныхъ богомольцевъ, стекающихся сюда отовсюду. Нынѣшняя церковь не древняя, святославова стройка. Ту разрушили враги русской земли, этой же не насчитывается полныхъ 300 лѣтъ (съ 1643 г.). Антоній оставался въ пещерѣ три года и ушелъ въ Кіевъ, на Печерскъ, гдѣ его ожидало сіяніе святости. Все тотъ же благодѣтель, Лазарь Барановичъ, позаботился о послѣдующихъ поколѣніяхъ и создалъ Троицко-Ильинскую обитель.

По рассказамъ, монастырскій колодезь ископанъ при Антоніи, и можно только дивиться, какъ это стародавніе простые монахи умѣли находить въ глубинахъ земли отличную воду, когда въ наше время ученые техники, инже-

неры далеко не всегда удачно этого добиваются. И сколько смысла въ копаніи колодца костлявыми, изсохшими иноческими руками! Жажда Бога, жажда угожденія Ему—вотъ во что уходитъ смыслъ иноческаго житья,—и жажда воды, подательницы жизни. Не стоитъ жить безъ жажды Богоугожденія, нельзя жить безъ воды. Такъ пускай-бы и приходила смерть. Ну, вѣтъ просфоры, вѣтъ акриды или дикаго меда, вѣтъ воды,—лечь и умереть. Просто, вѣдь. А богобоязнь? Развѣ этакая смерть не была-бы равнозначаща самоубійству? Ужасно! Одно дѣло—борьба съ прелестями и благами земного гошенія, но другое дѣло—накладываніе на себя рукъ. Въ первомъ случаѣ—величіе и торжество духа надъ плотью, во второмъ—слабоволіе и жертва преступному чувству... Ни преп. Антоній, ни преп. Ѳеодосій Тотемскій, ни преп. Никола Святоша ¹⁾, чьи церкви открыты для входящихъ въ пещеру, не могли спуститься до земного, до страстей, рожденные, чтобы взлетѣть до седьмого, по слову апостола, неба.

Отъ бывшаго Троицкаго монастыря естествененъ переходъ къ архіерейскому дому. Черниговская кафедра знала многихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ архипастырей, изъ числа которыхъ въ недавнее время особенно прославился Филаретъ Гумилевскій, выдающійся ученый, богословъ и историкъ церкви. При нашей скромности, часто граничащей и обусловленной просто—невѣжествомъ, подобныя дѣятели остаются безъ полновѣсной оцѣнки; ихъ могилы часто съ трудомъ, чаще—случайно только отыскиваешь, тогда какъ они должны бы были служить предметами особой заботливости со стороны хотя-бы живыхъ, т. е. дѣйствующихъ соотечественниковъ, пахарей на той-же нивѣ. Впрочемъ, высокіе помыслы какъ-будто стали уже неприложимы къ нашему времени. Соображенія не идутъ дальше «таблицы умноженія».

Въ Спасскомъ соборѣ мнѣ бросилось въ глаза немного-

¹⁾ Святоша—уменьшительное: Святославъ.

людство богомольцевъ. Отчего-бы? Отвѣтъ нашелся во вздохахъ крестьянскихъ.

— Провѣздъ сталъ дорогъ.

— Развѣ прежде дешевле было?—говорю я.

— Куда! И сравнивать нельзя. Бывало, на пароходѣ ѣхали за двугривенный разстояніе, которое теперь оплачиваемъ рублемъ.

— Давно-ли такъ стало?

— Не болѣе 2-хъ лѣтъ.

— Какъ же это случилось.

— Пароходчики стакнулись.

Говорятъ, однако, что черниговскій кафедральный соборъ такъ богатъ, что могъ бы войти въ соглашеніе съ пароходствомъ по Деснѣ, отъ удешевленія провѣзда увеличился-бы въ числѣ богомолецъ. Для Чернигова хуже не было-бы. Однако, владѣя святыми мощами Θεодосія, соборъ не позаботился до сихъ поръ объ устройствѣ сколько-нибудь приличной страннопріимницы; богомольцу предоставляется ночевать, гдѣ-угодно; при темнотѣ и запуганности, и забитости нашего мужика легко объегоривать его всякому «темному дѣльцу».

Я зашелъ въ чайную, у подошвы вала. Подали «приборъ», чайникъ съ «порціей» чаю, два-три куска сахару. За все, помнится, 4 копейки. Для меня недорого. Но малороссъ-крестьянинъ сидѣлъ рядомъ и обижался. «Хиба жъ такъ можно?»

— Дороговато?

— А не вже-жъ ни? Звисно, дорогенько.

Для него дорого уже потому, что въ деревенскихъ чайныхъ на копейку дешевле. А развѣ содержатели ихъ станутъ торговать безъ барыша?

Послѣ соборовъ и монастырей стоитъ взглянуть на домъ Мазепы и побывать въ замѣчательномъ музеѣ В. В. Тарновскаго. Прогулка по Чернигову вообще на скуку не наведетъ. Много зелени, довольно птичьяго пѣнія. На Деснѣ у пароходной пристани оживленіе не прекращается въ

теченіе всего лѣтняго дня. Съ вала, на которомъ, у входа въ городской садъ, стоятъ пушки, по преданію, подаренныя городу Петромъ Великимъ, открывается панорама милого, тихаго, живописнаго Задесновья. Впрочемъ, такъ же тихъ днемъ и городъ. Только вечеромъ, съ окончаніемъ «трудовъ праведныхъ», бульвары и улицы оживаютъ. Изъ душныхъ магазиновъ, квартиръ и конторъ выходятъ черниговцы пить вечернюю прохладу, и вамъ бросается въ глаза преобладаніе еврейскихъ лицъ надъ русскими. Отъ того и шумливо становится на улицахъ и въ городскомъ саду.

Тысячелѣтіе Чернигова ознаменовывается между прочимъ археологическимъ съѣздомъ съ обширной и крайне разнообразно и любопытно составленной программой. Это 14-й съѣздъ, во время котораго предполагается сдѣлать раскопки кургановъ въ чертѣ города и побывать въ Новгородъ-Сѣверскъ и въ Любечъ.

Изъ Чернигова въ половодье пароходы ходятъ до Новгородъ-Сѣверска, или Новгородка. Древностью происхожденія онъ спорить съ Кіевомъ и Черниговомъ и уже въ одиннадцатомъ вѣкѣ значился, какъ завидный удѣлъ Сѣверской земли. Теперь это красивый, но заурядный уѣздный городокъ, полный, однако, княжескихъ тѣней. Таковъ и Любечъ, на Днѣпрѣ, платившій дань Олегу. вмѣстѣ съ нимъ любечане прибывали княжескій щить «на вратахъ Цареграда». Преподобный Антоній Печерскій родился въ Любечѣ и тутъ-же началъ иноческіе подвиги. Пещеру его показываютъ и теперь. Въ мѣстечкѣ, принадлежащемъ Милорадовичамъ, семь православныхъ церквей. Жителей 3 тысячи (въ Новгородъ-Сѣверскѣ—9 тысячъ, въ Черниговѣ—около 30-ти). Бываютъ ежегодно 4 ярмарки. Промышленный духъ мѣстечка затѣнилъ старину, сотканную изъ удѣльно-княжескихъ раздоровъ. Торговля споконъ-вѣка въ Любечѣ: его купцовъ зналъ еще Константинъ Багрянородный (X вѣка). Лодки любечанъ, нагруженныя товарами, доплывали до Константинополя. Любечъ слылъ и не-

даромъ пристанью Чернигова. Къ числу достопамятностей его принадлежитъ еще Мазепина гора; на ней находился его замокъ съ затѣями во вкусъ ассирійской Семирамиды. Отъ бывлой гетманской роскоши сохранились кое-какіе лишь слѣды.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что торжество 1000-лѣтняго Чернигова это праздникъ могучей Русской государственности. Корни крѣпки и здоровы; слѣдовательно, дерево должно расти и все крѣпнуть. Да благоухаетъ оно въ мирѣ!

П. Россіевъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Чистота души позволяетъ оставаться невозмутимымъ и невредимымъ въ самомъ пеклѣ искушеній, какъ Іосифъ, влекомый на грѣхъ развратницей египтянкой, или какъ Симеонъ юродивый (21 іюля). Но если ты еще не окрѣпъ въ этой внутренней чистотѣ, бойся: и самая малая искра можетъ опалить тебя и стать для тебя началомъ огня неугасимаго...

* * *

Исповѣдь—великая тайна духовнаго союза отца духовнаго съ духовнымъ сыномъ или дочерью. Узнавая ихъ жизнь со всѣми ея немощами и тяготами—не изъ любопытства, не по простой словоохотливости, а въ естественной сердечной жаждѣ найти духовную поддержку, врачество, совѣтъ, утѣшеніе,—духовникъ невольно исполняется къ кающемуся чувствомъ отвѣтной отеческой жажды помочь ему всѣмъ умѣніемъ своего сердца, слова и дѣла.

* * *

Путникъ услаждаетъ трудности своего пути мыслию о его цѣли. Такъ полезно намъ почаще и повнимательнѣе размышлять о цѣли нашего труда и о его плодахъ. Къ чему мы идемъ или должны итти, и *какъ* идемъ и *туда* ли придемъ, не взяли ли мы ложнаго направленія, которое приведетъ насъ совсѣмъ не къ той цѣли? И сколько ра-

дести и утѣшенія сокрыто для насъ въ концѣ нашего пути, если мы идемъ по нему вѣрно, неутомимо и безропотно!..

* * *

Царица Небесная Сама познала всѣ скорби воспитанія Сына, Который—хотя и былъ Богъ, и гораздо менѣе, по видимому, долженъ былъ доставлять заботъ Своей Пречистой Матери, однако — Онъ, благоволивъ взять на Себя всю беспомощность дѣтскаго возраста, обрекъ и Матерь Свою на всѣ материнскія скорби и тяготы. И поэтому Матерь Божія, познавъ эти скорби и тяготы, справедливо можетъ почитаться Покровительницею земныхъ матерей и помогать молитвенно просящимъ Ея помощи и содѣйствія въ ихъ святомъ, великомъ, трудномъ и многоскорбномъ дѣлѣ.

* * *

Люди! Люди! Какъ мнѣ скучно со многими изъ васъ. Какъ мало интересны ваши разговоры, ведомые только для нарушенія молчанія, безъ нужды и смысла, «для поддержанія разговора»... Какъ бы я хотѣлъ уйти отъ всего этого! Какъ вы много отнимаете у меня драгоценнаго невозвратнаго времени, котораго не должно быть жаль только для спасительной бесѣды, для молитвы, для истинной помощи ближнему!

* * *

Безпричинная тоска, овладѣвающая душою человѣка, есть зовъ къ Богу, къ соединенію съ Нимъ душою и сердцемъ. А мы часто заглушаемъ эту тоску «радостями» житейскими, которыя только удаляютъ отъ Бога еще болѣе и способны со временемъ привести насъ лишь къ тому адскому состоянію, которое создается полнымъ разединеніемъ, удаленіемъ и отчужденіемъ отъ небеснаго Жениха душъ нашихъ.

* * *

Храненіе мира и любви съ окружающими насъ—выше многихъ подвиговъ и молитвъ. Терпѣливое, покорное и благодушное несеніе жизненнаго креста въ этомъ настроеніи недаромъ Господь поставилъ выше подвиговъ величайшаго изъ подвижниковъ христіанскихъ.

* * *

Самовнушеніемъ мы много можемъ надѣлать себѣ страданій, всякихъ скорбей, болѣзней, немощей. И мы иногда весьма этимъ пользуемся, такъ какъ намъ нравится показаться другимъ страдающими, скорбящими, болящими. Это не есть, впрочемъ, сознательное притворство, потому что мы и сами пресерьезно сознаемъ и чувствуемъ себя такими, какими желаемъ, чтобы насъ видѣли другіе. Это—гипнозъ, отъ котораго проснуться можно только употребивъ всю волю надъ собою и сознавъ недѣльность своего гипнотическаго состоянія.

* * *

Хорошая мирная христіанская кончина дается за хорошую, чистую, святую покаянную жизнь. За всякое новое нехорошее дѣяніе, мысль или чувство—знай это!—уменьшаются надежды и права твои на такую кончину. Въ этой мысли остерегись и пожалѣй грѣшить, чтобы за всякій твой грѣхъ не лишиться тебѣ этой милости Божіей.

* * *

Угодники Божіи—великіе, неложные, дивные проповѣдники дѣйствительнаго пришествія Христова и Его великихъ дѣлъ на землѣ. Сонмъ ихъ—это величественнѣйшая живая иллюстрація проповѣди евангельской, которая безъ словъ говоритъ въ его пользу и значеніе гораздо краснорѣчивѣе всякой проповѣди и слова человѣческаго.

* * *

Слышитъ Господь молитву и въ состояніи расслабленія. Напомни ему въ это время лучшее прошлое, принеси жажду лучшаго будущаго, исповѣдай немощь свою, излей сокрушеніе твое, и Онъ услышитъ тебя...

* * *

Ослабленіе духовной жизни въ человѣкѣ сопровождается упадкомъ его здраваго благодушія, духовной радости, серьезности, благоговѣнія и умиленія. Человѣкъ становится совсѣмъ не тотъ. Жизнь какъ-то надламываетъ, развинчиваетъ его, дѣлаетъ неустойчивымъ, чѣмъ-то смутнымъ, неопредѣленнымъ, безформеннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этотъ моментъ онъ можетъ особенно легко принять совершенно обратное прежнему направленіе и настроеніе, которое быстро можетъ привести человѣка совсѣмъ въ жизнь погибельную, съ потерю всякихъ устоевъ, до вѣры въ Бога включительно.

* * *

Въ великихъ произведеніяхъ человѣческаго генія ясна великая сила и живая мысль Божія и красота Его не исповѣдимыхъ совершенствъ. Невольное чувство уваженія и преклоненія людей къ этимъ произведеніямъ есть результатъ благоговѣнія человѣческой природы предъ прелепкомъ славы Божіей и величія Его совершенствъ.

* * *

«*Не введи во искушеніе*»... Иногда такъ могутъ создаваться обстоятельства, что невозможно бываетъ или весьма трудно не согрѣшить, при всемъ нежеланіи и противномъ грѣху настроеніи. Этихъ-то толкающихъ въ грѣхъ обстоятельствъ мы и должны остерегаться и молить Бога о избавленіи отъ нихъ.

* * *

Монашество по идеѣ своей — есть «бойкотъ» міру со всѣми его прелестями и земными благами, бойкотъ не

злостный, но сознательно-разумный, трезвый, убѣжденный и благодушный, ради строжайшаго и цѣлостнѣйшаго служенія одному истинному Господу душъ нашихъ и Отцу небесному.

* * *

Чѣмъ умнѣе, развитѣе, даровитѣе человѣкъ и чѣмъ убѣжденнѣе видитъ себя такимъ, тѣмъ непростительнѣе для него всякое лукавство, неискренность, самомиѣніе и лицемиѣріе. Это—его духовное паденіе, часто гораздо болѣе гнусное, чѣмъ даже плотской грѣхъ и потеря цѣломудрія... Господь попускаетъ каждому искувиться въ томъ, въ чемъ каждый себя считаетъ наиболѣе сильнымъ, и силъ искушенія соразмѣряетъ не только величіе вѣнца за побѣду, но и тяжесть позора за пораженіе.

* * *

Черезъ Θому увѣряетъ Господь воскресеніе Свое. Черезъ Θому же увѣряетъ и воскресеніе Своей Пречистой Матери. Апостолы невольно должны были припомнить тотъ первый случай съ Θомою, кончившійся побѣдой вѣры надъ невѣріемъ. И теперь, хотя быть можетъ Θома и не высказывалъ упорнаго своего невѣрія въ новое чудо, онъ употребляется вновь для увѣренія человѣчества и въ этомъ чудѣ, подобномъ первому.

* * *

Великое совершается иногда въ столь скромномъ и маломъ, что и не подозрѣваешь ничего. Особенно таково свойство величія Божія — избирать для своего проявленія вещи простыя и несовпадающія съ человѣческими представленіями о величіи, чтобы не смѣшалось и не было принято и уничтожено Божіе за человѣческое.

* * *

Тяжела борьба, невыносимо искушеніе, но — какая и награда за побѣду, которая и сама уже есть величайшая

награда для души! Вся тяжесть забывается, вся горечь услаждается отраднымъ чувствомъ побѣды надъ грѣхомъ, соблазномъ, искушеніемъ, которые — какъ враги злые и плѣнители—отлучаютъ насъ отъ Бога, свободы и счастья жизни.

* * *

*«Ты еси ангеловъ радость, Ты еси человекѣвъ слава, Ты—
вѣрныхъ надежда, Владычице всепѣтая, представительнице
наша (стих. воскр. гл. 7)!.. Сознаешь ли все это ты до-
статочно ясно, человекѣ? Исповѣдуешь ли эту истину—
святую и отрадную для тебя, какъ ничто на свѣтѣ, со
слезами умиленія и благодаренія Богу о виновницѣ сего
твоего счастья и славы? Часто ли, всегда ли доводишь
это до твоего сердца, мятущагося въ скорбяхъ, страда-
ніяхъ и тяготахъ жизни, но имѣющаго дивное врачество
отъ этихъ страданій въ одномъ молитвенномъ воплощѣ къ
нашей представительницѣ и заступницѣ?»*

А. I.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ ¹⁾.

Х.

Никто не смущайся малостью своего таланта и тяготою своей жизни.

Въ Евангеліи разсказывается, какъ одинъ человѣкъ, отправляясь въ далекую сторону, поручилъ имѣніе рабамъ своимъ. Одному онъ далъ пять талантовъ, другому два, иному одинъ. Возвратившись, хозяинъ потребовалъ отъ рабовъ отчета. И вотъ первые два раба оказались вѣрными и старательными. Господинъ наградилъ ихъ. А послѣдній, который получилъ одинъ талантъ, не захотѣлъ смотрѣть за порученной ему долей хозяйскаго имущества, не захотѣлъ работать надъ ней подобно своимъ товарищамъ. Онъ зарылъ данный ему талантъ въ землю, и разгнѣванный господинъ велѣлъ бросить лѣниваго и негоднаго раба въ темницу.

Мысль притчи въ своей выразительной простотѣ и ясности доступна пониманію каждаго школьника. Мы—рабы Господни. По волѣ Господа намъ поручено на время Его собственное помѣстье — земля, на которой мы живемъ пока. Для хозяйничанья въ Божьемъ имѣніи каждому изъ насъ даны отъ Господа свои таланты, свои силы и способности. Эти силы и способности у людей неравны и неодинаковы: одному дано больше, другому меньше. Въ соотвѣтствіе

¹⁾ Продолженіе. См. июльскую кн. *Душепол.* Чт. 1908 г.

съ этимъ и разные участки Божьяго владѣнія поручены разнымъ людямъ для завѣдыванія; разные должности и обязанности возложены на насъ Богомъ. Но какое бы мѣсто ни занимали мы въ жизни, какъ бы скромны ни были наши силы, — каждый изъ насъ обязанъ съ честью занимать свое мѣсто, обязанъ всѣ свои силы и способности — всѣ безъ остатка — вкладывать въ уходъ и обработку того участка, той полосы, которые отмежеваны ему въ Божьей экономіи. Говоря иначе, обязанность каждаго изъ насъ использовать порученный ему участокъ и данныя ему силы наивозможно полнымъ и лучшимъ образомъ. Наша обязанность всеусердно, съ напряженіемъ всѣхъ силъ и способностей работать въ Божьемъ мірѣ. Долгъ каждаго изъ насъ безъ устали, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, бороться со зломъ въ себѣ, въ другихъ и въ мірѣ, нести свои силы на служеніе Божіей правдѣ, добру и красотѣ.

Придетъ время, — Господь всѣхъ насъ позоветъ къ отчету. И тогда тотъ, кто внесъ больше усердія и старанія въ сторону полезной работы, получить и высшую награду, хотя бы талантъ его, его дѣло и силы и были самые маленькіе. Наоборотъ, — тѣ, которые не всѣ свои силы вложили въ работу, которые трудились недостаточно рьяно, недостаточно настойчиво и не сдѣлали всего добра, которое могли бы сдѣлать по своимъ силамъ, — подвергнутся осужденію и взысканію, во исполненіе словъ Господа: «кому много дано, съ того много и спросится» (Лк. XII. 48). Тогда скромный, невидный, но честный и добросовѣстный труженикъ почтенъ и превознесенъ будетъ болѣе блестящихъ и громкихъ дѣятелей, не развернувшихъ всѣхъ своихъ богатыхъ силъ. Первый сдѣлалъ все, что могъ, — весь капиталъ, какимъ владѣлъ, пустилъ въ оборотъ и полезную работу. Вторые сдѣлали гораздо больше перваго, но не все, что могли; всего своего долга передъ Богомъ они не уплатили, и за это подвергнутся справедливому униженію и посрамленію. Такъ оправдывается Евангельское обѣтованіе: «и будутъ первые послѣдними, и послѣдніе первыми» (Мѣ. XIX. 30).

Утѣшьтеся же всѣ маленькіе, слабосильные, несчастные, обдѣленные судьбою люди! Не смущайтесь своимъ слабосиліемъ. Дѣлайте, что можете, съ усердіемъ, съ любовью, — и ваши маленькія дѣла могутъ въ свое время снискать вамъ великую награду. «Отъ одной свѣчи», говорятъ, «Москва сгорѣла». Ничтожнѣйшія, повидимому, причины приводятъ иногда къ неожиданнымъ и огромнымъ послѣдствіямъ. Невозможно предвидѣть и учесть всѣ тѣ послѣдствія, какими могутъ иногда окончиться такія крохотныя дѣла, какъ доброе слово, удачно отвѣтившее на душевную боль другого человѣка, или подача во-время какой-нибудь копейки, даже стакана воды нуждающемуся. Только злой духъ можетъ нашептывать намъ такія черныя и гибельныя мысли, что мы теперь ни на что не годны, никому не нужны, что жизнь наша отнынѣ совершенно излишня и бессмысленна, что самое лучшее оборвать ее и покончить съ собой. Избави Богъ всѣхъ насъ отъ этого пагубнаго малодушія и отчаянія. Всѣмъ намъ нужно твердо укрѣпиться въ той мысли, что, пока ты живъ, твоя жизнь зачѣмъ-нибудь да нужна. Можетъ быть, въ самомъ позорѣ и безвыходности твоего настоящаго положенія и заключается смыслъ твоей жизни для даннаго времени. Пусть твоя личная жизнь разбита, для тебя лично бессмысленна и невыносима; она можетъ быть нужна для другихъ. Можетъ быть, твое положеніе вызоветъ благотворныя мысли въ другихъ людяхъ, дастъ имъ когда-нибудь тѣ или иные спасительные уроки. То же самое нужно сказать и о безнадежно больномъ человѣкѣ, о калѣкѣ, который ничего уже не можетъ сдѣлать добраго и не только не можетъ, но и живетъ прямо въ тягость и себѣ, и другимъ. Повидимому, въ такой жизни нѣтъ уже рѣшительно никакого смысла. Такъ выходитъ, по крайней мѣрѣ, по нашему разумѣнію. Но вотъ Высшій Міровой Разумъ, Высшій Смыслъ жизни поддерживаетъ до времени и угасающую жизнь безнадежно больного. Значитъ, и этому человѣку нужно зачѣмъ-то пожить пока и помучиться. Кто пору-

чится, что болѣзнь эта, кромѣ того или иного благотворнаго значенія для самого страждущаго, не отразится безчисленными слѣдами въ душахъ другихъ людей въ формѣ, наприм., вразумленія, предостереженія и пр.?!

Вообще, въ жизни нашей множество запутанныхъ, загадочныхъ и непонятныхъ для насъ явленій, которыя создаются или направляются Богомъ къ тому, чтобы на нихъ такъ или иначе «явились дѣла Божіи» (Іоан. IX. 4),— чтобы чрезъ нихъ раскрылась хоть отчасти предъ нашими глазами та или иная тайна мірозданія.

Не торопись же самовольно прерывать свои страданія. Предоставь Высшему Разуму распутать запутавшуюся нить твоей жизни и направить ее къ возможно - наилучшему концу. Въ этой покорности Высшему Водительству, Высшей Волѣ, можетъ быть, и заключается весь смыслъ твоей жизни, весь *талантъ* твой для даннаго момента. Используй этотъ талантъ, какъ слѣдуетъ, и ты не останешься безъ награды.

Въ свое время распутается вся путаница нашей жизни, раскроются всѣ тайны и загадки бытія, разрѣшатся кажущіяся ея противорѣчія. Тогда и тебѣ станетъ ясно твое мѣсто въ жизни; ты поймешь смыслъ твоихъ мученій и преклонишься предъ Міроправителемъ въ чувствѣ Его безконечной премудрости, благодати и милосердія къ тебѣ.

Благолѣпное убранство храмовъ Божіихъ — дѣло великой важности.

Мы переживаемъ страшно тяжелое, темное, болѣзненное время. Душа современнаго человѣка какъ бы сдвинулась съ своего мѣста. Перепутались у людей понятія о добрѣ и злѣ. Повторяется въ нѣкоторомъ родѣ исторія столпотворенія Вавилонскаго. Каждый говоритъ на своемъ языкѣ. Каждый думаетъ и поступаетъ по своему. Разучились люди различать, гдѣ добро, гдѣ зло, — что бѣло, что черно. Происходитъ какая-то ломка въ людскихъ понятіяхъ, такъ называемая «переоцѣнка цѣнностей». Что прежде считалось святымъ и высокимъ, то теперь отвергается, оплевывается, топчется въ грязь.

Образчикомъ такого извращенія въ людскихъ понятіяхъ могутъ служить разсужденія современныхъ умниковъ (молоканъ и другихъ раціоналистовъ) объ украшеніи и благолѣпніи храмовъ Божіихъ. По этимъ разсужденіямъ дорогое убранство и красота храма — дѣло излишнее, ненужное, почти вредное. Богу—говорятъ—не нужны ни серебро наше, ни золото. Дѣло не въ богато украшенныхъ стѣнахъ, не въ драгоценностяхъ, а въ сердцѣ человѣка, въ его доброй жизни. Молиться Богу можно и въ скромномъ, даже бѣдномъ храмѣ. Не лучше ли излишнія деньги употребить на помощь бѣднымъ, на школы, на богадѣльни, читальни и другія добрыя дѣла?

Вотъ вамъ модныя нынѣ разсужденія. Съ перваго взгляда, они—эти разсужденія—резонны и разумны. Именно этою-то кажущеюся благовидностью приведенныя раз-

сужденія и подкупаютъ въ свою пользу малодумчивыхъ простаковъ. Чтобы и изъ васъ кто не заразился этими обольстительными по виду, а въ сущности гнилыми мыслями, я и поговорю съ вами о значеніи убранства и благолѣпія въ храмъ Божию.

Вотъ видите ли: Самому Богу, конечно, не нужны никакія наши земныя украшенія. Нужны и важны эти украшенія для насъ самихъ. Красота, нарядность, убранность—вообще великая и благодѣтельная сила. Она имѣетъ огромное воспитательно-облагороживающее и возвышающее душу значеніе. Все наше духовное развитіе, все истинное просвѣщеніе человѣка и направляется къ тому именно, чтобы скрасить, приварядить и облагородить нашу жизнь, ввести въ нее побольше красочности и высшаго изящества, — всего того, что ласкаетъ нашу душу, сообщаетъ ей отраду и благородство. Любованіе истинною красотою, наслажденіе ею такъ же необходимы для души нашей, какъ необходима пища для тѣла. Безъ этой пищи душа наша заболѣваетъ, черствѣетъ, сохнетъ, съуживается. Наоборотъ, красота, подобно яркому лучу солнца, согрѣваетъ, расширяетъ и окрыляетъ нашу душу, способствуя могучему разцвѣту всѣхъ высшихъ силъ ея и способностей. Стремленіе къ истинной красотѣ въ концѣ концовъ есть стремленіе къ Самому Богу. Ибо Богъ-то и есть Высшая, Истинная Красота. Все истинно прекрасное въ человѣкѣ поэтому приближаетъ и роднитъ его съ Богомъ. Въ томъ-то и будетъ состоять райское блаженство, ожидающее праведниковъ на небѣ, что они будутъ перенесены изъ этой жизни, гдѣ вѣчныя «бѣдность, да несовершенства», да уродливости, въ царство вѣчной, неумирающей и совершеннѣйшей красоты, свѣта и радости.

Потребность въ той или иной прибранности и нарядности присуща даже и дикимъ, малообразованнымъ людямъ. Наши отдаленные предки—славяне—посѣтили прекрасный греческій храмъ (Софійскій въ Константинополѣ) и рассказывали потомъ князю Владиміру, что когда они

стояли въ греческомъ храмѣ, то чувствовали себя какъ бы перенесенными на небо. О томъ же храмѣ разсказываютъ, что сами дикіе турки, когда овладѣли главнымъ греческимъ городомъ и въ ожесточеніи все въ захваченномъ городѣ жгли и разрушали, были поражены дивною красотою Софійскаго храма и не посмѣли дотронуться до его украшеній.

Мы съ вами тоже любимъ нѣкоторую прибранность и нарядность въ одеждѣ, въ домахъ, любимъ картины, музыку, любимъ красоту человѣческаго лица, чувствуемъ красоту въ Божьемъ мірѣ. И насъ съ вами уродливость и безобразіе коробятъ, отталкиваютъ, внушаютъ отвращеніе, гадливость; тогда какъ красота—наоборотъ—плѣняетъ, чаруетъ, притягиваетъ съ властною силою. И намъ съ вами знакомы минуты восхищенія, восторга и умиленія отъ того или иного соприкосновенія съ прекрасными явленіями въ жизни Божьяго творенія (природы) или въ жизни человѣческой. Какую, на примѣръ, отраду доставляютъ намъ разсказы изъ жизни святыхъ, разсказы о славныхъ дѣяніяхъ разныхъ «великихъ» людей, истинныхъ благодѣтелей человѣчества!

Къ сожалѣнію, въ нашей будничной жизни слишкомъ мало всего того, что красить и благородить жизнь человѣческую. Наша жизнь сѣра, тускла, убога, груба, часто уродлива и безобразна. Все это невольно пригнетаетъ, принижаетъ, огрубляетъ и душу нашу, опустошаетъ ее. Мы живемъ не на вершинахъ свѣтлой мысли, не на вершинахъ возвышенно-бодраго настроенія,—а въ низинахъ и смрадныхъ болотахъ, въ атмосферѣ маленькихъ дѣлишекъ, узенькихъ желаній, ничтожныхъ и часто пошлыхъ интересовъ, въ атмосферѣ маленькихъ скорбей, суетныхъ радостей. Жизнь, поистинѣ, «сѣуженная», сведенная почти до уровня низшей животной жизни. Холодно и тоскливо въ такой жизни. Нѣтъ въ ней возвышенной радости, потому что нѣтъ того, чего такъ жадно просить душа человѣческая: нѣтъ цвѣтистости, нарядности въ нашихъ

обыденныхъ чувствованіяхъ, мысляхъ, разговорахъ и дѣяніяхъ.

Вы, конечно, безъ труда согласитесь, что если нарядность и возможное благолѣпіе необходимы и въ нашей обыденной обстановкѣ, то тѣмъ болѣе приличны и необходимы убранство и благолѣпіе для храма Божія. Вѣдь, храмъ Божій не простое человѣческое жилище. Это «домъ Божій». Пусть же своимъ прекраснымъ убранствомъ храмъ Божій напоминаетъ намъ истинное жилище Божіе, напоминаетъ и зоветъ насъ къ небу, возноситъ наши души въ іремірную область — вѣчное обиталище красоты неизреченной.

ХІІ.

Полюбите школу и не пренебрегайте воспитаніемъ дѣтей своихъ.

(Къ родителямъ предъ началомъ школьнаго ученія).

„Отцы! не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни“ (Ефес. VI, 4).

„Блаженъ человекъ, который снискалъ мудрость, и человекъ, который приобрѣлъ разумъ; потому что приобретение ея лучше приобретения серебра, и прибыли отъ нея больше, нежели отъ золота; она дороже драгоценныхъ камней, и ничто изъ желаемого тобой не сравнится съ нею. Домостроеніе въ правой рукѣ ея, а въ левой у нея—богатство и слава; пути ея—пути пріятные, и всѣ стези ея мирныя“ (Притч. III, 11—17).

„Человѣческое достоинство дано вамъ въ руки, — сохраняйте его; оно унижается вмѣстѣ съ вами, съ вами же оно должно и возвышаться“

(Шиллеръ).

Скоро начнется въ нашей школѣ ученіе. Отслужимъ молебень. Приводите и присылайте дѣтей. Да отнеситесь къ этому дѣлу посерьезнѣе. Святой долгъ каждаго родителя сдѣлать все возможное, чтобы изъ своего ребенка приготовить современемъ полезнаго, честнаго и разумнаго человѣка-работника. Русская умная поговорка гласитъ: «не тотъ отецъ и мать, кто родилъ, а тотъ, кто вспоилъ,

вскормилъ и *добру научилъ*. «Умѣль дитя родить, умѣй и научить»,—совѣтуетъ другая поговорка. Даже птицы и животныя обучаютъ своихъ дѣтенышей тому, что нужно для ихъ жизни. «Взгляните на кошку, на собаку, на медвѣдя, лисицу, слона, курицу, ястреба!.. Развѣ всѣ эти животныя не воспитываютъ своихъ дѣтенышей, не сообщаютъ имъ тѣхъ или другихъ приемовъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго существованія ихъ? Развѣ кошка не обучаетъ молодыхъ котятъ тому, какъ нужно прыгать, какъ подкрадываться къ добычѣ, какъ мыться? Развѣ курица не учитъ цыплятъ тому, какъ разгребать землю и искать въ ней корма? Кто хоть когда-либо наблюдалъ, какъ воробы обучаютъ своихъ птенцовъ искусству летать, какъ они садятся передъ выскочившимъ изъ гнѣзда птенцомъ и помахиваютъ предъ нимъ крылышками,—тотъ пойметъ, что великая задача воспитанія, какъ инстинктъ (темное природное влеченіе), вложена во все живое царство» («Физическое и духовн. воспитаніе» прив.-доц. М. Гольдштейна). Для человѣка, который привыкъ считать себя высшимъ существомъ на землѣ, царемъ и вѣнцомъ живого царства, который гордится своимъ умомъ, высокимъ развитіемъ своихъ духовныхъ силъ и способностей, — для человѣка, говоримъ мы, вопросы воспитанія должны быть близки особенно. И это тѣмъ болѣе, что жизнь человѣческая съ каждымъ годомъ все болѣе усложняется и затрудняется. Въ виду этой все разрастающейся сложности и тяготы жизни, на родителей падаетъ тяжелая задача подготовленія своихъ дѣтей къ этой жизни и ко всѣмъ ея невзгодамъ и неожиданностямъ. А ихъ такъ много, такъ много... «Не учась», говорятъ, «и лаптя не сплетешь». Какъ же наши дѣти, безъ подготовки и наученія, будутъ плести страшно сложную и запутанную ткань своей жизни? Какъ обезпечить подрастающему поколѣнію возможность здоровой и разумной человѣческой жизни? Какъ вооружить его необходимыми орудіями и силами для суровой «борьбы за существованіе»,—борьбы за блага и радости жизни? Какъ

застраховать своихъ дѣтей отъ той весьма нерѣдкой у насъ участи, когда человѣкъ — это «разумное Божье созданье» — влачить жалкое существованіе голоднаго животнаго, а то и прямо выбрасывается за бортъ жизни, обезсиленный и раздавленный въ этой безопадной и ожесточенной свалкѣ за кусокъ хлѣба, — той свалкѣ, которая называется нашей жизнью? Всѣ эти и подобные имъ вопросы въ наши дни являются вопросами первостепенной важности, приобретаая подчасъ поистинѣ грозное значеніе, характеръ жгучей остроты и мучительной напряженности... Во всякомъ случаѣ стыдъ и позоръ будетъ для человѣка, если въ заботахъ о воспитаніи своихъ дѣтей онъ окажется ниже животныхъ. И не только стыдъ. Небреженіе о воспитаніи дѣтей страшно пагубно; оно не только уродуетъ и калѣчитъ въ корнѣ жизнь злосчастныхъ дѣтей нашихъ, но и на головы небрежныхъ родителей сплошь и рядомъ привлекаетъ тяжелое горе и великія бѣдствія даже въ здѣшней земной жизни. Въ нашей жизни не рѣдкость, когда непочтительный, дурной сынъ бьетъ старика-отца или мать, выгоняетъ ихъ изъ дому. Откуда такое зло? Виноваты тутъ чаще всего сами родители. Въ свое время они не заботились о добромъ воспитаніи своего сына. Росъ ихъ сынъ безъ присмотра, безъ разумнаго руководства, росъ сорванцомъ, уличнымъ забіякой, воришкой, — росъ среди дурныхъ примѣровъ уличной и домашней жизни. Что же мудренаго, если изъ дурнаго сѣмени выросъ дурной плодъ? «Что посеешь, то и пожнешь». По данному вопросу мы находимъ у извѣстнаго нашего писателя-проповѣдника слѣдующія прекрасныя строки: «дѣти, тѣ или другія ихъ качества — дурныя или хорошія, — есть тотъ капиталъ, которымъ жизнь расплачивается съ родителями за ихъ труды по воспитанію дѣтской души. И при этой расплатѣ жизнь никогда не обманываетъ отцовъ. Родители имѣютъ дѣтей такими, какими ихъ заслужили». Въ другомъ мѣстѣ той же книжки читаемъ: «Господь послалъ на землю живую душу, довѣрилъ вамъ, вашей семьѣ

Свое дитя, отдавъ его вамъ въ ученье. Какъ вы его воспитали? Его ошибки, вины и погрѣшности — чья прежде всего вина?» «Долги дѣтей», продолжаетъ тотъ же писатель, «должны быть записаны на нашъ счетъ, за нихъ должны расплачиваться мы..., потому что грѣхи дѣтей есть прежде всего наши грѣхи».

Недостаточный уходъ за дѣтьми, небреженіе объ ихъ разумномъ и добромъ воспитаніи налагаетъ на насъ великую отвѣтственность и угрожаетъ намъ неминуемымъ взысканіемъ и со стороны Господа. Жизнь самаго малаго человѣка находится подъ особой охраной и покровительствомъ небеснаго Творца и Высшаго Начальника жизни. Поэтому за изломанную и исковерканную по винѣ нашего небреженія дѣтскую жизнь мы неизбѣжно дадимъ въ свое время строгій отвѣтъ предъ Жизнеподателемъ и Владыкой міра. Евангеліе не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, предостерегая насъ словами Спасителя: «блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ; глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ выну (всегда) видятъ лице Отца Моего небеснаго» (Мѣ. XVIII, 10).

Въ то же время забота о дѣтяхъ составляетъ и священнѣйшій нашъ долгъ передъ жизнью вообще, передъ родиной и всѣмъ человѣчествомъ. Въ дѣтяхъ — вся наша надежда, все наше будущее. Дѣти — это будущіе работники, будущіе строители жизни, отъ которыхъ будутъ зависѣть всѣ новые порядки, все будущее благоденствіе государства. «Жизнь для своего развитія, движенія и устроенія требуетъ разнаго рода силы, и эта сила — основа жизни—дается новыми поколѣніями. Дѣти, новыя поколѣнія, какъ новыя волны прибоя, все дальше и дальше забѣгаютъ на сушу, захватываютъ новыя пространства, поднимаютъ выше уровень общественной жизни, съ большей легкостью подхватываютъ на свою спину новыя и новыя тяжести. Если же сила волны ослабѣетъ, и высокій прибой смѣнится лѣнливымъ колыханьемъ, — жизненный корабль, какъ бы онъ великъ ни былъ, невольно замедляетъ

свой бѣгъ и можетъ попасть въ мертвую спячку, въ полный штиль. Вотъ почему вопросъ о дѣтяхъ, о будущихъ гребцахъ на кораблѣ жизни, о топливѣ, которое въ жизненномъ механизмѣ можетъ развить то одну, то другую жизненную силу, есть самый существенный вопросъ нашего будущаго, и, по возможности, точный показатель на всходы дѣтей болѣе важенъ для насъ, чѣмъ весенній показатель всходовъ яровыхъ и озимыхъ». Отъ насъ зависитъ, и мы обязаны всемѣрно позаботиться о томъ, чтобы изъ нашихъ дѣтей выросли полезные, честные и разумные работники, выросли честные граждане, способные бороться за счастье свое и своей родины. Этимъ мы окажемъ великую услугу государству, послужимъ созданію на землѣ лучшей, разумной и возможно счастливой жизни. «Не тотъ народъ могучъ и имѣетъ свѣтлое будущее, у котораго сильная армія, а тотъ, гдѣ задачи воспитанія поставлены правильно». Эти слова французскаго писателя (Жюль Симона) являются не пустою фразою. Въ образованіи и воспитаніи молодого поколѣнія заключается дѣйствительно огромная сила, залогъ будущаго преуспѣванія и процвѣтанія государства. Только образованіе помогаетъ намъ овладѣвать міромъ. Когда во второй половинѣ прошлаго столѣтія французы были на голову разбиты нѣмцами (при Седанѣ), многіе честь этой побѣды нѣмцевъ приписывали не превосходству ихъ грубой военной силы, а превосходству ихъ образованія. Французовъ побѣдили, говорятъ, не нѣмецкіе солдаты и полководцы, какъ таковые; *побѣдилъ* ихъ нѣмецкій *школьный учитель*. Многіе народы давно оцѣнили огромныя заслуги предъ государствомъ тѣхъ родителей и воспитателей, которые умѣютъ привить своимъ дѣтямъ и питомцамъ истинное просвѣщеніе и добрые навыки. Кажется, японцы (или китайцы) хорошо поняли, что доброе поведеніе человѣка, его полезная служба въ жизни подготовляются его родителями,—тѣми заботами, которыя въ свое время были вложены въ обработку человѣка его родителями. Поэтому у нихъ существуетъ (или существо-

валь) весьма интересный и глубоко-поучительный обычай: за крупныя государственныя заслуги человека награждать его родителей или, въ случаѣ ихъ смерти, чествовать ихъ память какимъ-нибудь общественнымъ торжествомъ или открытіемъ памятника.

Итакъ, вы видите, что просвѣщеніе молодого поколѣнія, обогащеніе его полезными знаніями и добрыми навыками составляютъ самое надежное средство къ преуспѣванію нашей жизни. «Образованіе», по словамъ древняго мудреца Платона, «самое дорогое сокровище, которымъ можетъ владѣть человекъ». «Знаніе», говоритъ Гитопадеза, «есть самое дорогое изъ всѣхъ сокровищъ: его не могутъ ни украсть, ни уничтожить». И премудрый изъ людей пишетъ: «главное—мудрость; приобрѣтай мудрость и всѣмъ имѣніемъ твоимъ приобрѣтай разумъ» (Притч. IV, 7). Вы сами говорите, что «ученье—свѣтъ, а неученье—тьма».

Къ сожалѣнію, очень часто при всемъ желаніи познаться воспитаніемъ своихъ дѣтей, у насъ нѣтъ къ тому ни умѣнья, ни времени. Вотъ тутъ-то и приходитъ къ намъ на помощь школа. Тамъ съ дѣтьми занимаются лица, нарочно на то поставленныя, особо подготовленныя къ дѣлу образованія и воспитанія (такъ называемые «спеціалисты»). Эти лица—учителя и воспитатели—только и заняты однимъ дѣломъ, — уходомъ за порученными имъ ребятами и ихъ наученіемъ. Для насъ школа должна быть дорога особо. Мы лично по своей неподготовленности или неимѣнію времени часто не въ состояніи дать образованіе и доброе воспитаніе своимъ дѣтямъ. Школа вмѣстѣ съ приходскимъ храмомъ — единственный свѣтъ для деревенскихъ жителей. Школа въ деревнѣ—дорогое святилище, своего рода храмъ, очагъ духовнаго тепла и свѣта. Она, какъ и церковь, ведетъ человека къ разумной, доброй, спасительной жизни. Школа и храмъ работаютъ въ нашей жизни заодно, рука въ руку. Они ведутъ человека къ свѣту, къ разуму, къ жизни по-Божьи, къ счастью и вѣчному спасенію.

Правда, наши начальныя школы на дѣлѣ даютъ немного. Но вѣдь на то онѣ и *начальныя*. Онѣ даютъ только *начало*. Въ нихъ научаютъ только читать, писать, считать—и то въ самыхъ скромныхъ начальныхъ размѣрахъ. Безспорно, что «умѣть читать и писать, знать ариметику и грамматику еще далеко не значитъ быть образованнымъ человѣкомъ; эти первоначальныя науки служатъ намъ такъ же, какъ ножи, вилки и ложки при ѣдѣ; но сами по себѣ эти орудія все-таки далеко не составляютъ нашего объѣда» (Джонъ Лѣббокъ. «Идеалы жизни». Стр. 106). Все это такъ. Но отсюда еще далеко не слѣдуетъ, чтобы ножи, вилки и ложки были совершенно бесполезны и излишни при обѣдѣ. Не утрачиваютъ своей цѣны и наши начальныя школы изъ-за того только, что онѣ начальныя. Вѣдь, во всякомъ дѣлѣ необходимо свое начало, необходима своя азбука. Безъ первыхъ шаговъ не едѣлаешь дальнѣйшихъ. Да и трудно за три учебныхъ зимы сдѣлать въ нашей школѣ что-нибудь больше того, что она въ общемъ дѣлаетъ. Настоящее образованіе, широкое просвѣщеніе даются десятками лѣтъ упорной работы надъ собою при пособіи множества учителей-спеціалистовъ. Вы скажете, что грамотность, которая дается нашей школой, въ крестьянской жизни «ни къ чему»: все равно — выйдетъ ученикъ-крестьянинъ изъ школы, у него нѣтъ ни книгъ, ни времени возиться съ книгами. Ему надо пахать, жать, косить, добывать кусокъ хлѣба семьѣ своей, добывать средства къ жизни въ неблагодарномъ, непрерывномъ и изнурительномъ трудѣ. Тутъ ужъ не до книгъ... Да, это очень прискорбно, если бывший школьникъ забываетъ даже и то, чему онъ научился въ школѣ. Но неужели такъ-таки и нельзя пособить этому горю? Мнѣ кажется,—отъ самого человѣка зависитъ не растерять полученныя въ школѣ знанія, а укрѣпить ихъ и расширить самостоятельно. Было бы положено начало, было бы сообщено умѣнье пользоваться книжкой, — старательный человѣкъ всегда найдетъ возможность приложить къ дѣлу это умѣнье.

Книжки всегда найдутся въ той же школѣ, у священника, въ церкви. И если человѣку и не придется поучиться дальше своей школы, все же умѣнье обращаться съ книжкой, умѣнье написать дѣловую записочку, записать что-либо для себя на память, прочитать чужое письмо—пригодятся человѣку не одинъ разъ въ жизни. Кромѣ того, школьное образованіе помогаетъ человѣку хоть нѣсколько понимать церковныя молитвы, церковную рѣчь и чрезъ то участвовать въ церковномъ богослуженіи болѣе сознательно и разумно.

Но дѣло не въ одномъ образованіи. Едва ли не болѣе дорога школа тѣмъ, что прививаетъ человѣку добрыя на-выки и привычки. Тутъ на первомъ мѣстѣ нужно поста-вить привычку толково и разумно распоряжаться своимъ временемъ. Время — драгоцѣнный даръ Бога. На разум-номъ, экономномъ и дѣловомъ провожденіи времени дер-жится, прежде всего, весь достатокъ, все благополучіе земной жизни. «Время — деньги», — говорятъ практичныя американцы. Отъ того, какъ мы распорядимся своимъ вре-менемъ здѣсь, на землѣ, будетъ зависѣть и наша загроб-ная вѣчная участь. Между тѣмъ, въ нашей жизни наблю-дается поразительная безпечность и небрежность въ поль-зованіи временемъ, преступная безтолковщина и безпеч-ная растрата драгоцѣннаго времени. Пропадаютъ у насъ въ бездѣльи цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы (особенно зимой). Работать правильно, ровно, не надрываясь, экономить свое время, дорожить каждымъ часомъ жизни, стараться сдѣлать какъ можно больше, не растрчивая своихъ силъ неразумнымъ и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ времени работы и отдыха, — такъ работать мы не умѣемъ. Мы и отдыхаемъ и работаемъ, такъ сказать, полосами, запоемъ. То ужъ по горло уходимъ въ работу, ночей не досыпа-емъ и ухлопываемъ себя въ усиленной, чрезмѣрной и спѣшно-лихорадочной работѣ,—то забрасываемъ дѣла на цѣлые мѣсяцы, предаваясь излишнему и вредному отдыху.

Школа всѣмъ строемъ своей жизни стремится хоть нѣ-

сколько ослабить нашу удивительную распушенность и беспорядочность, — эту коренную болѣзнь русскаго чело-вѣка. Въ школѣ все строго распредѣлено по часамъ. Тамъ вся жизнь держится на строгомъ порядкѣ. Для всякаго дѣла тамъ указано свое время. Правильно чередуется время молитвы, время занятій и время отдыха... Нѣсколько минутъ на отдыхъ. Тутъ можно порѣзвиться, поиграть, поразмяться, освѣжиться. Затѣмъ часъ занятій. Начался урокъ, и отъ ученика требуется сидѣть смирно и занимать дѣломъ: слушать учителя, напрягать вниманіе, — напрягать память, сообразительность, — сосредоточиваться на дѣлѣ, — приводить въ порядокъ и движеніе всѣ почти умственные силы. Въ школѣ чело-вѣкъ на дѣлѣ познаетъ и пріучается исполнять золотое правило, которое гласитъ, что «всему свое время» (Екклесіаст. III, 1). Тамъ вся жизнь расположена по разумной поговоркѣ: «время дѣлу, а потѣхѣ часъ». Всякая несвоевременная шалость, непосѣдчивость, разсѣянность, лѣность, беспорядочность — преслѣдуются въ школѣ во время урока и такъ или иначе караются... Итакъ, изо дня въ день въ теченіе всего учебнаго времени. Быть не можетъ, чтобы постоянный, серьезный и настойчивый призывъ чело-вѣка къ порядку, къ усидчивости, къ работѣ, къ внимательности — на протяженіи трехъ учебныхъ зимъ не оставилъ никакихъ добрыхъ слѣдовъ на упорядоченіи чело-вѣка. И мы видимъ на дѣлѣ, какъ неотесанный, грубый, своевольный, необузданный и безудержный уличный мальченка — въ школѣ понемногу и постепенно отесывается, обламывается, шлифуется, муштруется, пріучается до нѣкоторой степени обуздывать себя, сдерживать на время неумѣстные порывы и движенія, пріучается къ труду, къ усидчивости, къ аккуратности, пріучается держать себя прилично, говорить и объясняться толковѣе и складнѣе.

Что тутъ особенно важно и дорого, — это именно обуздываніе себя и *приневоmваніе*. Въ жизни нашей нельзя обойтись одной легкой и пріятной работой; нельзя огра-

ничиться работой *по своему* выбору, по своимъ склонностямъ, по своему расположенію. Нельзя дѣлать *только* то, что самому тебѣ *нравится*, къ чему тебя тянетъ въ данное время. Иной разъ работа и непріятна, противна до тошноты, а справить ее *требуется*. Жизнь сурова и беспощадна. Безжалостно, съ неумолимою желѣзною необходимостью ломаетъ она наши склонности, расположенія и капризы... Школа какъ разъ и начинается съ того (да и кончается тѣмъ же), что заставляетъ человѣка *переламывать* себя, ставить его въ опредѣленные рамки, въ тиски своего рода, на каждомъ шагу пріучаетъ его не своевольничать, не жить по своимъ прихотямъ и капризамъ, — дѣлать не то, что тебѣ хочется, а что *велятъ*, что *укажутъ*. Послушаніе, повиновеніе, исполнительность, вся такъ называемая нравственная и внѣшне-школьная дисциплина, — вотъ гдѣ корень благодѣтельнаго вліянія школы на человѣка. Отъ школьника постоянно требуется привычка приневоливать себя, творить надъ собой спасительное *насиліе*. Въ школѣ ученикъ постоянно призывается наблюдать въ своей жизни то правило, что «на всякое хотѣнье есть терпѣнье». Хочется ученику пошалить, тянетъ его побѣгать, порѣзвиться, хочется поѣсть, — подожди, когда урокъ кончится. А сейчасъ, пока идутъ занятія, хочешь — не хочешь — занимайся, слушай, работай. Такимъ образомъ школьный режимъ, школьные порядки до нѣкоторой степени закаляютъ характеръ человѣка, пріучаютъ его къ самообладанію, къ выдержкѣ, укрѣпляютъ его волю, научаютъ его драгоценнѣйшему искусству — владѣть собою, управлять своими желаніями, быть господиномъ своихъ наклонностей и поступковъ. Стѣсняя первобытную дикую свободу ребенка, школа въ концѣ концовъ ведетъ насъ къ высшей, спасительной, чисто христіанской свободѣ, — къ свободѣ отъ мелочныхъ, дрянныхъ и дурныхъ позывовъ нашей въ корнѣ поврежденной природы. Въ этомъ пунктѣ школа вплотную соприкасается съ евангельскимъ завѣтомъ — руководствомъ для спасительной жизни всѣхъ людей. По

Евангелію къ спасительной жизни ведутъ «тѣсныя врата и узкій путь» (Мѡ. VII, 13), — ведетъ насъ ко спасенію постоянное стѣсненіе себя, насиліе надъ собою, самоограниченіе, самопринужденіе, добровольное *отступленіе* отъ себя дурного глаза и блудливой руки (Мѡ. XVIII, 8—9), смиренное «плѣненіе» кичливаго разума въ «послушаніе вѣры» (Римл. XIV, 25). Въ отказѣ отъ собственной воли (относительно), въ послушаніи и повиновеніи волѣ учителя — говоритъ я вамъ — заключается и сила школьнаго воздѣйствія. А отъ привычки уважать и исполнять распоряженія и приказанія учителя естественный переходъ къ преклоненію передъ Высшимъ, міровымъ и непререкаемымъ авторитетомъ (маленькимъ представителемъ котораго является въ школѣ учитель). Такимъ образомъ понятно, что *добрая* школа своей разумной дисциплиной ставитъ человѣка прямо на единственно-спасительный «крестный» путь жизни, — на путь послушанія и покорности Высшей волѣ, Высшему Разуму. Она стремится вѣдрить въ сердце человѣка тотъ спасительный «страхъ Божій», въ которомъ — по Соломону — «начало премудрости» (Притч. 1, 7).

Прибавьте сюда тѣ правила и навыки добраго поведенія, прилежанія, вѣжливости, бережливости, правила *добраго* товарищества, дружной совмѣстной работы, благожелательности, помощи и взаимной поддержки. Прибавьте правила правдивости, честности, мягкаго, ласковаго обхожденія. Прибавьте (наконецъ) всѣ тѣ добрые навыки и правила, которыя внушаются, поощряются и прививаются къ школьнику на каждомъ шагѣ его школьной жизни, во всякое время и по всякому поводу. Вздѣсьте и оцѣните все это какъ слѣдуетъ, — и вы безъ труда согласитесь, что школа наша не такъ ужъ плоха и малоцѣнна, какъ это кажется съ перваго раза. Пусть образованіе и школьное развитіе, сообщаемыя нашей начальной школой, дѣйствительно скудны и мизерны, — пусть знанія, выносимыя изъ нашей школы, нищенски убоги; пусть школьникъ

мало успѣть собственно въ «грамотѣ», въ книжномъ наученіи. Даже и въ такомъ случаѣ хожденіе въ школу не будетъ совершенно бесполезнымъ для человѣка... Вѣдь, у человѣка не одна тѣлесная жизнь, не однѣ тѣлесныя потребности. «Не о хлѣбѣ единымъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божиихъ» (Мѡ. IV, 4). За школой и помимо собственно образовательнаго ея дѣйствія остаются не малыя заслуги, которыя заключаются въ добромъ воспитательномъ вліяніи школьной жизни на человѣка, въ его внутреннемъ упорядоченіи и облагороженіи, въ прививкѣ ему тѣхъ добрыхъ правилъ и навыковъ, изъ которыхъ слагается истинно-хорошій человѣкъ и полезный въ жизни работникъ. Будемъ благодарны и на этомъ. Безъ школы мы не сумѣли бы (вѣдь, это правда) и этого маленькаго воспитанія дать своимъ дѣтямъ. Рось бы нашъ ребенокъ, какъ плодовое деревцо *безъ ухода*,—деревцо, исковерканное бурями, обломанное снѣгомъ и прохожими, обглоданное животными, обросшее мохомъ и лишаями, беспорядочно распустившее свои одичавшіе сучья, тронутое болѣзью и гнилью въ самой сердцевинѣ. Какъ ни какъ, а все-таки въ школѣ дичекъ-мальченка, наподобіе деревца у садовника, хоть нѣсколько обрѣзывается, подчищается, обстригается, выпрямляется. Все-таки онъ не остается совсѣмъ безъ призора, безъ ухода, безъ руководства и попеченій о ростѣ болѣе или менѣе правильномъ. И за то спасибо.

Научитесь же, отцы и матери, цѣнить свою школу. Посылайте въ нее ребятъ съ охотою и радостію. Внушайте и дѣтямъ уваженіе къ школѣ. Пусть они знаютъ, что тамъ ихъ ждутъ хоть не большіе, но все-таки *свѣтъ и добро*. А сообщить этотъ свѣтъ и добро (повторю еще разъ) своимъ дѣтямъ—святая обязанность каждаго человѣка. Не чей иной, а нашъ собственный, прямой и кровный интересъ—позаботиться, чтобы нашъ ребенокъ выросъ «родителемъ своимъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу».

Свящ. Іоаннъ Утѣшинъ.

Очеркъ жизни св. равноапостольной муроносицы **МАРІИ МАГДАЛИНЫ** *).

И вотъ среди ночного еще сумрака ⁵⁴⁾ перваго дня недѣли, послѣ скорбной субботы, среди опасности отъ озлобленныхъ іудеевъ, уже покушавшихся наложить руки на учениковъ Христовыхъ, и въ то время, когда апостолы Распятаго съ разбитою душею заперлись въ своемъ помѣщеніи, — Марія Магдалина съ нѣкоторыми благочестивыми женами, презирая угрожающую опасность, безстрашно идетъ ко гробу Спасителя, неся ароматы и миро ⁵⁵⁾,

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душетол. Чтенія* 1908 г.

⁵⁴⁾ Ев. Іоан. гл. 20, ст. I.

⁵⁵⁾ Ев. Луки гл. 23, ст. 56. Марк. гл. 16, ст. I.—Мурра, смирна есть благоуханная смола изъ бальзамнаго дерева, растущаго въ Аравіи, Египтѣ и Абиссиніи. Смола эта отчасти сама собою истекала изъ дерева, отчасти добывалась посредствомъ надрѣзыванія коры дерева. Она масляниста, сгущаясь получала цвѣтъ бѣложелтый, отвердѣвъ же, становилась красноватою; вкусъ этой смолы острогорькій, запахъ особенно ароматичный до того, что производилъ круженіе въ головѣ и потерю сознанія. Мурра, или смола, эта по способности ея противостоять всякому гніенію у іудеевъ и египтянъ употреблялась на мазаніе и бальзамированіе тѣлъ умершихъ (Еванг. Іоан. гл. 19, ст. 39). Въ Ветхомъ Завѣтѣ миро для священнаго помазанія составлялось изъ смирны, то-есть смолы сомотечной корицы и тростника пахучихъ, изъ квасси и оливковаго масла. (Исход. гл. 30, ст. 23—25). Этимъ миромъ, по повелѣнію Божію, были помазаны Скинія Завета, потомъ Ааронъ и сыновья его для священнаго служенія Богу, а послѣ помазывались миромъ и цари, и пророки. Помазаніе миромъ есть внѣшній, видимый

приготовленные для помазанія тѣла Христова, чтобы оказать Почившему послѣднюю дань любви и почитанія. Остражѣ, приставленной іудеями къ пещерѣ гроба Христова, и о запечатаніи первосвященниками входа въ нея Марія Магдалина не знала, такъ какъ все это произошло уже послѣ удаленія всѣхъ почитателей Иисуса изъ сада ⁵⁶⁾ Іосифа Аримаѳейскаго. Но теперь, на пути изъ Іерусалима къ пещерѣ гроба Христова, Марія Магдалина вспомнила, что входъ въ ту пещеру былъ закрытъ Іосифомъ и Никодимомъ такимъ большимъ, тяжелымъ камнемъ, котораго не въ силахъ отвалить отъ входа ни она, ни спутницы ея. И вотъ въ смущеніи отъ этого препятствія мѣроносицы «говорятъ между собою: кто отвалить намъ камень отъ дверей гроба» ⁵⁷⁾?.. — Размышляя объ этомъ, Марія Магдалина, опередя прочихъ мѣроносицъ и подойдя ближе къ пещерѣ гроба, взглянувъ, вдругъ видитъ, что смущавшій ее камень уже отваленъ отъ входа въ пещеру гроба ⁵⁸⁾...

У іудеевъ того времени камень, закрывавшій доступъ ко гробу умершаго, считался неприкосновеннымъ, какъ бы священнымъ. И отваленіе камня отъ входа въ пещеру гроба Христова показывало, что съ тѣломъ погребеннаго

знакъ освященія предмета и сообщенія помазуемому человѣку даровъ и силъ Духа Божія. И въ православной христіанской церкви отъ временъ Апостоловъ существуетъ таинство мѣропомазанія, чрезъ которое вѣрующему при помазаніи освященнымъ мѣромъ его головы, плечъ, глазъ, ушей, губъ, рукъ и ногъ во имя Свят. Духа подаются ему дары Св. Духа, возвращающіе и укрѣпляющіе его въ жизни духовной. Священнымъ мѣромъ помазуются христіанскіе храмы и Цари при коронаваніи на великое царственное ихъ служеніе...—Кромѣ мѣрры, евреи при погребеніи умершихъ употребляли еще ароматическіе порошки, которыми осыпали пелены и самое ложе, на которое полагалось тѣло. Такие ароматы въ порошокъ, кромѣ мѣра, были приготовлены для гроба Христова и мѣроносицами.

⁵⁶⁾ Матѳ. гл. 27, ст. 62—66.

⁵⁷⁾ Ев. Марк. гл. 16, ст. 3.

⁵⁸⁾ Ев. Іоан. гл. 20, ст. 1. Марк. гл. 16, ст. 4.

тамъ произошло что-то особенное. Что же именно?— Проще и прежде всего была мысль, что тѣло Іисуса взято кѣмъ-либо изъ этой пещеры Іосифа Аримаѳейскаго и могло быть положено въ другомъ мѣстѣ. И эта мысль лишиться увидѣть еще разъ своего Спасителя, хотя мертвымъ, и лишиться возможности воздать Ему послѣднюю честь, столь поразила Марію Магдалину, что она немедля же, не входя въ пещеру, побѣжала назадъ въ Іерусалимъ, чтобы извѣстить апостоловъ Петра и Іоанна о случившемся при гробѣ Христовомъ. Она была увѣрена, что извѣщенные ею апостолы примутъ самое дѣятельное участіе въ разысканіи тѣла Іисуса: «Унесли Господа изъ гроба, и не знаемъ, гдѣ положили Его», — говорить она апостоламъ ⁵⁹⁾. — И дѣйствительно, ревностнѣйшіе апостолы Петръ и Іоаннъ тотчасъ пошли ко гробу ⁶⁰⁾. Они побѣжали оба вмѣстѣ,

⁵⁹⁾ Ев. Іоанна гл. 20, ст. 2.

⁶⁰⁾ Въ описаніи осады Іерусалима въ 70 году Титомъ Флавіемъ Веспасіаномъ, провозглашеннымъ тогда же Римскимъ Императоромъ, гробница Іосифа Аримаѳейскаго была упомянута устроенной по типу обыкновенныхъ одиночныхъ пещерныхъ еврейскихъ гробницъ. Это и со стороны подтверждаетъ, что Гробъ, гдѣ погребенъ былъ Христосъ, былъ высѣченъ въ природной скалѣ, внутри невысокаго холма въ видѣ двухъ камеръ или частей: входной и еще собственно погребальной. Входъ въ пещеру устроенъ былъ по обыкновенію на востокъ и задвигался, закрывался большимъ камнемъ. Мѣсто погребенія во второй части пещеры высѣчено было въ видѣ лежа, или прилавка къ стѣнѣ, или лежанки, по правую сторону отъ входа. Высота усыпальницы была нѣсколько выше роста человѣческаго, а высота входа около трети роста человѣка. Разстояніе гробницы Іосифа отъ Голгофы было около 17 сажень (или 120 фут.)... Около половины второго вѣка Римскій императоръ Адріанъ, рѣшивъ эллинизировать Іудею, приказалъ засыпать всѣ неровности мѣстности и холмы Іерусалимскіе, и потомъ на мѣстѣ христіанскихъ святынь воздвигнуты были языческія капища для Юпитера и Венеры. Но въ 333 году, по повелѣнію императора Константина Великаго, капища эти были срыты, насыпи свезены и тогда пещера съ гробомъ Христовымъ была открыта въ неприкосновенности. Великолѣпный богатѣйшій храмъ окружилъ эту христіанскую святыню, но внѣшность пещеры Св. Гроба была измѣнена: чтобы

но Иоаннъ бѣжалъ скорѣе Петра и пришелъ ко гробу первый и, наклонившись, увидѣлъ лежащія пелены, но не вошелъ въ пещеру гроба. Вслѣдъ за нимъ приходитъ Симонъ Петръ и входитъ во гробъ, и видитъ пелены лежащія и платъ, который былъ на главѣ Иисуса, не съ пеленами лежащій, но особо, въ другомъ мѣстѣ, — и все сложенное въ порядкѣ. Тогда вошелъ и Иоаннъ, увидѣлъ и, молча, увѣровалъ, что Христосъ воскресъ; такъ какъ если бы кто перенесъ тѣло Иисуса въ другое мѣсто, то сдѣлалъ бы это, не обнажая его, равно какъ если бы кто похитилъ его, то не сталъ бы заботиться о томъ, чтобы снять платъ, свить его и положить на другомъ мѣстѣ, но взялъ бы тѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно лежало; да и смирна съ алоемъ, употребленныя Никодимомъ при погребеніи Христа, очень крѣпко приклеиваютъ пелены къ

удобнѣ помѣстить ее въ храмъ, самую гробницу отдѣлили отъ скалы и входной (вестибюльной) части, такъ что сохранена была только погребальная часть пещеры... Затѣмъ съ седьмого столѣтія Персы, Евреи, Арабы и Турки, побѣждая грековъ, употребляли всѣ средства стереть съ лица земли погребальное ложе Богочеловѣка, и хотя большая часть стѣнъ и верхъ пещеры были уничтожены, по самое ложе и нижняя часть стѣнъ пещеры несокрушимо устояли до настоящихъ дней, какъ подлинныя и несомнѣнныя памятники, освященные пребываніемъ въ нихъ Христа Спасителя. И до конца дней многогрѣшной земли это освященное каменное ложе будетъ привлекать къ себѣ вѣрующіхъ, давать имъ отраду, успокоеніе и отпускать съ примиренной душой припадающихъ къ нему!...—Точныя измѣренія Правосл. Палестинск. Русс. Общества въ 1886 году даютъ слѣдующее о мѣстѣ сооруженій при Св. Гробѣ Христовомъ: толщина двери пещеры Св. Гроба—1 аршинъ и 1 верш., высота двери—1 арш. и 14 верш., такъ какъ послѣ пожара 1808 года она была увеличена въ высоту, но на старинныхъ рисункахъ, какъ и первоначально, она имѣла квадратную форму и входить можно было только на колѣнахъ и наклоняться, чтобы заглянуть внутрь пещеры, а ширина этой двери и теперь только 13 вершковъ; длина пещеры Св. Гроба—2 аршина и 14 верш., ширина вмѣстѣ съ ложемъ—2 аршина; ширина святого ложа 1 арш. и 5 верш., высота ложа отъ пола 13 вершковъ, толщина мраморной на немъ доски—1 верш., высота пещеры внутри около 4 аршинъ.

тѣлу, — посвящаетъ св. Іоаннъ Златоустъ ⁶¹⁾... — Но не съ одинаковымъ чувствомъ отошли апостолы отъ опустѣвшаго гроба своего Учителя:—Петръ, вмѣсто вѣры, только съ удивленіемъ «пошелъ назадъ, самъ въ себѣ дивясь происшедшему» ⁶²⁾.

Когда въ такомъ еще смутномъ и слабомъ настроеніи апостолы ушли отъ опустѣлаго гроба Христова, къ нему возвратилась опять Марія Магдалина. Дойдя до пещеры гроба, она стала плакать и, безутѣшно скорбя, наклонилась ⁶³⁾ въ низкій входъ пещеры, чтобы еще взглянуть туда, гдѣ былъ погребенъ ея Спаситель. И тамъ видятъ въ бѣломъ одѣяніи сидящихъ двухъ ангеловъ ⁶⁴⁾, одного

⁶¹⁾ Ев. Іоан. гл. 20, ст. 3—9. Житія Свят. на русск. яз. изд. Моск. Син. Тип. 1906 г. кн. 8 апр. стран. 490.

⁶²⁾ Ев. Луки гл. 24, ст. 12.

⁶³⁾ Ев. Іоан. гл. 20, ст. 11.

⁶⁴⁾ Ев. Іоанна гл. 20, ст. 12 и слѣд. слово „Ангель“ означаетъ: „вѣстникъ, посланникъ“ и употребляется въ Свящ. Писаніи въ много-различныхъ значеніяхъ. Но въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ слово „Ангель“ въ Библии означаетъ личныя, духовныя существа, совершеннѣйшія челоуѣка и сотворенныя Богомъ, которыя возвѣщаютъ людямъ волю Божию и исполняютъ на землѣ Его велѣнія. Ангелы сотворены Богомъ прежде творенія видимаго намъ міра, они духовны и если не безтѣлесны, то имѣютъ нѣкое особенно легкое эфирное тѣло. Для ангеловъ не существуютъ челоуѣческія пространственныя условія, они не вездѣсущи. Въ совершенствѣ они ограничены и, несмотря на быстроту и глубину разумнѣя, они невсесвѣдущи; несмотря на чистоту и святость, ангелы могутъ подвергаться искушеніямъ, потому что сотворены свободными, почему могли свободно устоять въ добрѣ, какъ свѣтлыя ангелы, и пасть, какъ ангелы—злые духи. Ангелы предстоятъ предъ лицомъ Божиимъ, непрестанно славятъ Его, исполняютъ Его волю и наслаждаются блаженствомъ. Ангеловъ неисчислимое множество, и между ними имѣются разныя достоинства и степени совершенства... Вся исторія челоуѣчества и народа Божія совершается при служеніи Ангеловъ, и они являютъ въ важные моменты въ исторіи ветхаго и новаго Заветъа Божія, служа Іисусу Христу и Его Церкви, для чего ангелы принимаютъ видимый, доступный для челоуѣковъ образъ. Поэтому евангелисты Маркъ и Лука, повѣствуя о явленіи мурносоисамъ ангеловъ, называютъ ихъ „мужами“ (Ев. Луки гл. 24, ст.

у главы и другого у ногъ, гдѣ лежало тѣло Иисуса. И они говорятъ ей: жена! что ты плачешь?.. — Марія отвѣчаетъ имъ: унесли Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его...—Горе Маріи было столь велико, что она не сообразила, что съ ней говорятъ не люди, а ангелы, принявшіе видъ людей для облегченія ея горя свѣтлымъ торжественнымъ праздничнымъ своимъ видомъ на мѣстѣ печальнаго погребенія Христа, и она отвѣчаетъ имъ все тѣми же словами, какими говорила апостоламъ объ исчезновеніи изъ гроба тѣла Христова. А ангелы, торжественнымъ свѣтлымъ явленіемъ своимъ подготавливая Марію Магдалину къ возвѣщенію дивнаго воскресенія Христова, однако не говорятъ ей, какъ прочимъ мѣроносицамъ, что Тотъ, Кого она съ такою ревностію разыскиваетъ, славно воскресъ, потому что Господу угодно было причислить саму Марію Магдалину къ непосредственнымъ вѣстникамъ воскресенія Христова.

И вотъ въ то время, когда Марія Магдалина, въ отвѣтъ своемъ ангеламъ, повѣдала имъ причину своего плача, Христось Спаситель внезапно появился позади Маріи, отчего ангелы приняли особо почтительное къ Нему положеніе; Марія же Магдалина, замѣтя въ нихъ перемѣну, обратилась назадъ и увидѣла «Иисуса стоящаго, но не узнала, что это Иисусъ»⁶⁵).—Тягота горестныхъ мыслей и обильныя слезы мѣшали ей хорошо рассмотреть стоящаго позади нея, да, очевидно, и Самому Христу Спасителю не угодно было, чтобы она сразу узнала Его, какъ не вдругъ открылъ Онъ Себя Эммаускимъ путникамъ⁶⁶), и теперь Марія Магдалина приняла Его за са-

4) и „юношей“ (Ев. Марк. гл. 16, ст. 5) по формѣ, по образу явленія, въ которой созерцали этихъ ангеловъ мѣроносицы. Церковью православною ангелы почитаются, какъ приближенные къ Богу слуги и исполнители Его воли.

⁶⁵) Ев. Иоанна гл. 20, ст. 14.

⁶⁶) Ев. Луки гл. 24, ст. 13—32.

довника ⁶⁷⁾ сада Іосифа Аримаѣйскаго, въ которомъ помѣщалась эта пещера св. гроба.

Неузнанный же Марією Магдалиною Христось говорить ей: «жена, что плачешь? Кого ищешь?».. — Слыша въ этихъ словахъ сострадательное участіе къ ея скорби, Марія отвѣчаетъ довѣрчивою просьбою: «Господинъ! если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его, и я возьму Его» ⁶⁸⁾.

Какъ много самоотверженной любви и глубочайшей преданности выразила Марія Магдалина въ этихъ краткихъ и простыхъ словахъ. Она не называетъ предполагаемому садовнику Іисуса Христа Его именемъ, а только говоритъ: «Его»... Она столь высоко чтитъ своего Учителя сама, что, полагаетъ, и другіе должны знать Его и Имъ интересоваться. Она умоляетъ мнимаго садовника открыть ей, куда унесено тѣло Іисуса, такъ какъ садовникъ этого сада долженъ былъ знать тайну исчезновенія этого тѣла изъ гробницы Іосифа. Похищеніе не могло произойти безъ его вѣдома, потому что ему былъ порученъ этотъ садъ. А если бы самъ Іосифъ, владѣлецъ сада, переложилъ бы тѣло въ другое мѣсто, то это также не могло бы совершиться безъ вѣдома садовника. И Марія Магдалина проситъ у этого садовника указанія мѣста нахождения тѣла Христова, чтобы ей взять Его: «Я возьму Его», — говоритъ она...—При безмѣрной любви къ Господу Марія совсѣмъ забываетъ о своихъ слабыхъ силахъ и надѣется взять и унести сама тѣло своего Спасителя. Усердіе и любовь ея такъ велики и пламенны, что она считаетъ себя чрезмѣрно сильною. И, не получа быстро отвѣта на свой живой вопросъ, Марія Магдалина, какъ свойственно очень обеспокоенному человѣку, опять обратилась въ сторону ангеловъ, желая, можетъ быть, отъ нихъ слышать что-нибудь объ Іисусѣ или чтобы узнать при-

⁶⁷⁾ Ев. Іоанна гл. 20, ст. 15.

⁶⁸⁾ Ев. Іоанна гл. 20, ст. 15.

чину, побудившую ихъ принять особенно благоговѣйное положеніе. Господь же, тронутый высотой и силой ея любви, уже знакомымъ Маріи благодатнымъ голосомъ, называетъ ее по имени: «Марія»⁶⁹⁾!

Теперь Марія Магдалина услышала тотъ памятный на всю жизнь голосъ ея Спасителя, силою котораго Онъ изгналъ изъ нея толпу бѣсовъ,—тотъ небесный голосъ, который проникалъ и оживлялъ всякую душу, тотъ дивный голосъ, который услаждалъ души слушателей Его небеснымъ блаженствомъ. И Марія почувствовала теперь близкое присутствіе Божественнаго Учителя, въ Которомъ заключались всѣ блага ея, все ея счастье, и несказанная радость наполнила всю душу Маріи. Отъ полноты счастья она не могла говорить и, опять обратясь къ Господу, просвѣтленнымъ взоромъ узнала Его и, съ восторгомъ воскликнувъ только одно слово: «Учитель!»⁷⁰⁾—бросилась къ ногамъ Христа Спасителя...

Въ радостномъ восхищеніи Марія Магдалина еще не могла себя представить и сознать всего величія Христа Воскресшаго. И потому Господь, чтобы просвѣтлить ея помысленія и научить объ измѣненіи чрезъ воскресеніе уже и плоти Его, кротко сказалъ ей: «Не прикасайся ко Мнѣ»⁷¹⁾, ибо Я еще не восшелъ къ Отцу Моему)...—Ма-

⁶⁹⁾ Ев. Иоанна, гл. 20, ст. 16.

⁷⁰⁾ Ев. Иоанна, гл. 20, ст. 16.

⁷¹⁾ Ев. Иоанна гл. 20, ст. 17. Въ тотъ же день, только нѣсколько времени послѣ перваго явленія Маріи Магдалинѣ, Христосъ Спаситель не воспретилъ ей же, Маріи Магдалинѣ, съ прочими мѣроносицами, ухватить ся за ноги Его, Христа Спасителя (Ев. Матѳ. гл. 28, ст. 9 и проч. Луки 24, ст. 10 и проч.); также вечеромъ того же дня Христосъ предлагалъ ученикамъ осязать Себя, показавъ имъ раны на рукахъ и на ногахъ Своихъ (Ев. Луки гл. 24, ст. 39 и проч.). Изъ этихъ обстоятельствъ слѣдуетъ заключить,—полагать отцы Церкви и толковники,—что запрещеніе прикосновенія при первомъ явленіи Маріи имѣло основаніемъ простоту тогдашнихъ ея мыслей, съ коими она устремилась къ Господу. Подобно прочимъ ученикамъ, она не ожидала и не понимала воскресенія Христа Спасителя и вдругъ видитъ Его

рія Магдалина восторженно выразила поклоненіе челоуѣчеству своего Спасителя и Учителя, а Христось, запрещеніемъ ей прикасаться, возвышаетъ, освящаетъ ея помышленія, научаетъ болѣе благоговѣйному обращенію и даетъ разумѣть Маріи Магдалинѣ, что время для тѣснѣйшаго духовнаго общенія съ Нимъ настанетъ тогда, когда Онъ совсѣмъ скроется отъ чувственныхъ очей Своихъ учениковъ и взойдетъ на небо къ Богу Отцу Своему. А такъ какъ и прочіе ученики Христовы, при вѣсти о воскресеніи Его, могли подумать, что теперь Онъ уже навсегда останется съ ними на землѣ и, быть можетъ, осуществитъ ихъ и народныя мечты о великомъ іудейскомъ земномъ царствѣ, то Христось Спаситель посылаетъ Марію Магдалину предостеречь ихъ отъ такихъ мыслей и мечтаній. Удостоуѣряя теперь апостоламъ воскресеніе Христово яснымъ созерцаніемъ ею Воскресшаго и Его рѣчью, она посылается Господомъ возвѣститъ имъ, что Христось уже недолго будетъ на землѣ, что Ему съ самымъ прославленнымъ тѣломъ надлежитъ вскорѣ взойти къ Богу Отцу. Но, чтобы вѣсть объ этомъ удаленіи не привела ихъ въ смущеніе и скорбь, Господь повелѣваетъ Маріи Магдалинѣ сказать ученикамъ Его, что Отецъ Его, къ Которому Онъ восходитъ, есть вмѣстѣ и ихъ Отецъ, милостиво называя ихъ при этомъ Своими братьями: «Иди къ братьямъ Моимъ и скажи имъ: восхожу къ Отцу Мо-

предъ собою живымъ. Какое смятеніе мыслей и возбужденіе душевное должно было произойти въ ней при этомъ явленіи умершаго живымъ,— и она устремляется ко Христу, чтобы осязаніемъ увѣриться въ томъ, что видятъ ея глаза, и чтобы удержать Его, столь пламенно искомагаго... Христось же, зная, что происходило тогда въ мысляхъ и душѣ Маріи Магдалины, кротко устраняетъ искреннѣйшее, но неумѣстное въ ея мысляхъ, а законному желанію ея удостовѣриться,— Онъ-ли предъ нею,—удовлетворяетъ удостовѣреніемъ слова и порученіемъ возвѣститъ о воскресеніи Его апостоламъ... (Толковое Евангеліе издан. еписк. Михаила, кн. 3 съ подроб. объясн. изд. 1887 г. стран. 536—537 подъ строк. текста).

ему и Отцу вашему и къ Богу Моему и Богу вашему»⁷²⁾...— Сказавъ такъ, Христось сталъ невидимъ. А обрадованная, ошастливленная «Марія Магдалина идетъ и возвѣщаетъ все⁷³⁾, случившееся съ нею апостоламъ Христовымъ, и съ восторгомъ утѣшаетъ ихъ скорбь дивными словами: «Христось воскресъ!» — Вотъ поѣтому-то, какъ первая, посланная отъ Самого Господа, благовѣстница совершившагося Христова воскресенія, Марія Магдалина церковью христіанскою признана—«равноапостольною».

Здѣсь свѣтлѣйшая черта всего дивнаго служенія Маріи Магдалины церкви Христовой. Въ утро воскресенія Христова она удостоена была видѣть Господа Воскресшаго первая и зъ всѣхъ учениковъ и ученицъ Его⁷⁴⁾ и первая же, по непосредственному повелѣнію Господа, сдѣлана вѣстницею, проповѣдницею для нихъ воскресенія Его. Апостолы проповѣдывали воскресеніе Христово міру,— Марія Магдалина проповѣдывала воскресеніе Христово самимъ апостоламъ: — она была апостоломъ для апостоловъ!.. Святые огцы церкви провидятъ въ этомъ обстоятельствѣ особенную тайну и премудрость Провидѣнія Божія. «Жена, — учитъ св. Григорій Богословъ, — изъ устъ

⁷²⁾ Ев. Іоанна гл. 20, ст. 17.—Изъ такихъ словъ Воскресшаго ученики должны были понять, что царство Иисуса Христа не земного міра, что его должно отличать отъ земныхъ царствъ и въ Христѣ воскресшемъ видѣть не земного Царя, а небснаго; но апостолы даже и послѣ разъясненія этого и предупрежденія Господа все-таки еще не оставляли своихъ народныхъ несбыточныхъ надеждъ и спрашивали Его даже предъ вознесеніемъ; „не въ сіе-ли время, Господи, возстановляешь Ты царство Израилу“ (Дѣян. Свят. Апостоль гл. 1, ст. 6).

⁷³⁾ Ев. Іоанна гл. 20, ст. 18.

⁷⁴⁾ Ев. Марка гл. 16, ст. 9. Іоан. гл. 20, ст. 14—17.—Св. Евангелисты умалчиваютъ о явленіи Воскресшаго Матери Божіей, но Церковь содержитъ въ своемъ преданіи то вѣрованіе, что Божіей Матери прежде женъ мучоносицъ сообщено было ангеломъ о воскресеніи Христовомъ и что Ей, возставъ изъ гроба, Христось явился прежде всѣхъ людей. Выраженіе этого вѣрованія церкви находится въ пасхальныхъ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ.

змія приняла первую ложь, и жена же изъ усть Самого Воскресшаго Господа первая услышала радостную истину, дабы чья рука растворила смертное питье, та же самая подала и чашу жизни»...

Освященная созерцаемъ Воскресшаго, восторжествовавшего надъ смертію, побѣдоноснаго Христа, пламенная Марія Магдалина и безъ словъ была полнымъ, рѣшительнымъ свидѣтелемъ воскресенія Христова. Но благодатной ея вѣсти о воскресеніи Иисуса-Учителя апостолы и всѣ, бывшіе съ ними въ домѣ Іоанна Богослова ⁷⁵⁾, не повѣрили. Они «печалились, плакали и, услышавъ, что Христосъ живъ, и что она видѣла Его, не повѣрили» ⁷⁶⁾.—Почему же?..

Марія Магдалина пользовалась полнымъ, несомнѣннымъ довѣріемъ апостоловъ. Кромѣ того и между прочими мученицами, которыя послѣ нея также извѣстили учениковъ Христовыхъ о сообщенномъ имъ при гробѣ Господнемъ ангелами возстаніи изъ мертвыхъ ихъ Учителя ⁷⁷⁾,—были мать апостола Іоанна Богослова и мать апостола Іакова, и Марѳа, и Марія сестры Лазаря съ прочими благочестивыми женами, которыя всѣ пользовались также полнымъ довѣріемъ апостоловъ; но они «не повѣрили и имъ, почтя разсказъ ихъ за мечтаніе» ⁷⁸⁾... Столь велико было тогда уныніе небольшого общества ближайшихъ учениковъ Христовыхъ!..—Послѣ того, какъ первосвященники іудейскіе

⁷⁵⁾ „Въ Іерусалимѣ у апостола Іоанна Богослова былъ собственный домъ на горѣ Сіонъ. Тамъ находились и всѣ прочіе апостолы. И по Вознесеніи Спасителя тамъ было средоточіе новой христіанской жизни. Въ этотъ новый Сіонъ обращались всѣ христіане за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній... (Св. Апост. Іоаннъ Богословъ, его жизнь и труды. Іеромон. Евдокима, издан. 1898 г. стран. 195).

⁷⁶⁾ Ев. Марк. гл. 16, ст. 10 и 11. Іоан. гл. 20, ст. 18.

⁷⁷⁾ Ев. Луки гл. 24, ст. 9—11 и 4—8. Матѳ. гл. 28, ст. 5—7. Марк. гл. 16.

⁷⁸⁾ Ев. Луки гл. 24, ст. 9—11. Марк. гл. 16, ст. 1. Матѳ. гл. 28, ст. 1.

взяли и распяли ихъ Учителя-Исуса, а апостолы разбѣжались и скрылись, они внезапно лишились всего, всѣхъ своихъ личныхъ и народныхъ надеждъ; въ нихъ затмилась вѣра въ Исуса-Мессію, въ Его силу и славу; съ потерю вѣры, потерялось и мужество духа; угнетало ихъ и сознание неисполненнаго долга предъ Христомъ-Учителемъ, Котораго они малодушно оставили одного въ рукахъ враговъ, и разбѣжались ⁷⁹⁾, и, не имѣя никакой поддержки ни въ себѣ, ни внѣ себя, они думали больше уже о сохраненіи своей собственной безопасности «страха ради отъ іудеевъ» ⁸⁰⁾... До смерти Христовой они все «надѣялись, что Онъ,—Учитель ихъ,—есть Мессія, Который избавитъ Израиля» ⁸¹⁾, откроетъ славное земное царство Израильское, но позорная Его смерть на крестѣ совсѣмъ разрушила эти ихъ надежды и мечты. Въ глазахъ всѣхъ людей того времени распятіе было самою ужасною и позорною смертію, оно было знакомъ страшнаго «проклятія», по закону Моисея ⁸²⁾, и въ душахъ учениковъ Исуса послѣ распятія Его осталась вѣра въ Него только какъ въ пророка, «Который былъ сильный въ дѣлѣ и словѣ предъ Богомъ и всѣмъ народомъ» ⁸³⁾... — Въ тяжело угнетенномъ сознаніи учениковъ Христовыхъ не укладывалась мысль о томъ, что истинный Мессія, Христосъ, Сынъ Божій можетъ умереть, какъ человѣкъ, и такъ, какъ Исусъ дѣйствительно умеръ на крестѣ. И хотя они видѣли чудотворное воскрешеніе Исусомъ дочери Іаира ⁸⁴⁾, сына вдовы Наинской ⁸⁵⁾ и Лазаря ⁸⁶⁾, но вотъ Самъ Исусъ умеръ,

⁷⁹⁾ Ев. Матѣ. гл. 26, ст. 56. Марка гл. 14, ст. 50.

⁸⁰⁾ Ев. Іоан. гл. 20, ст. 19—Исторія Еванг. А. В. Горскаго, изд. 1883 г. стр. 338—359.

⁸¹⁾ Ев. Луки гл. 24, ст. 21.

⁸²⁾ Второзакон. Моисея гл. XXI, ст. 23 и Посл. апост. Павла I Коринѣ. гл. 1, ст. 23.

⁸³⁾ Ев. Луки гл. 24, ст. 19.

⁸⁴⁾ Ев. Марк. гл. 5, ст. 41.

⁸⁵⁾ Ев. Луки гл. 7, ст. 11—17.

⁸⁶⁾ Ев. Іоан. гл. 11, ст. 44 и проч.

какъ и прочіе пророки, то и воскреснуть можетъ Онъ только со всѣми людьми въ послѣдній день; а чтобы ранѣ этого чудотворцы пророки сами воскресали, не было примѣра никогда... — Петръ же и Іоаннъ, бѣгавшіе къ гробу Христову, ничего не могли сообщить, какъ только то, что онъ былъ пустъ. О видѣніи ангеловъ и Воскресшаго сообщали только все женщины... Томительное, глубоко тяжкое, положеніе!.. И вотъ болѣе пылкій апостоль Петръ опять идетъ къ святому гробу, не давая себѣ отчета, не зная, — зачѣмъ пошелъ, такъ какъ самъ уже видѣлъ тамъ пустое мѣсто, гдѣ былъ погребенъ Христосъ. Но теперь онъ скоро возвратился и съ восторгомъ возвѣстилъ ученикамъ: «Воистину воскресъ Христосъ!.. Я самъ видѣлъ Его: Онъ и мнѣ явился на пути» ⁸⁷).

Теперь, казалось, довольно было свидѣтелей, очевидцевъ Воскресшаго для увѣренія истины воскресенія Христова, и многіе ученики радостно повѣрили, но все-таки еще не всѣ ⁸⁸). А Марія Магдалина съ прочими мѣроносицами,

⁸⁷) Ев. Луки гл. 24, ст. 33. Перв. Послан. ап. Павла Коринѣ. гл. 15, ст. 5.

⁸⁸) Даже послѣ явленія Воскресшаго Христа въ Эммаусѣ, засвидѣтельствованнаго еще двумя учениками, многіе „не повѣрили и имъ, пока въ тотъ же вечеръ въ самомъ домѣ апостола Іоанна, гдѣ собрались ученики, и несмотря на затворенныя двери, явился Христосъ и упрекалъ ихъ за невѣріе и жестокосердіе, что видѣвшимъ Его воскресшаго не повѣрили“ (Ев. Марка гл. 16, ст. 13 и 14). Это обстоятельство имѣетъ величайшую важность въ повѣствованіяхъ о воскресеніи Господа, именно какъ неопровержимое доказательство истинности Его воскресенія. Видно, что Апостолы не ошиблись въ этой истинѣ, не могли обмануться, и что это не мечта ихъ, не плодъ восторженности или разстроеннаго воображенія. Апостолы не вѣрили, и нужны были упреки имъ Самого Воскресшаго и дозволеніе осязать Себя и ѣсть съ ними, чтобы побѣдить это невѣріе, и если потомъ Апостолы повѣрили и проповѣдывали о дѣйствительномъ воскресеніи ихъ Учителя и Господа, то это воскресеніе—истина несомнѣнная, и никто уже не можетъ упрекнуть учениковъ въ легковѣріи“... (Толковое Евангеліе изд. арх. Михаила 1871 г. вв. 2-я стр. 199—200 подъ строк. текста)

сіяющія счастьемъ и презирая всѣ опасности отъ неистовыхъ враговъ Іисуса Христа, не могли оставаться спокойными на одномъ мѣстѣ и, переходя изъ дома въ домъ, отъ однихъ учениковъ Христовыхъ къ другимъ ⁸⁹⁾, въ чистотѣ, простотѣ, глубинѣ и вѣрности любви къ своему Исцѣлителю и Учителю, восторженно повторяли несчетное число разъ отрадное благовѣстіе: «Христось воскресъ! Воистину воскресъ!» И благодатно, быстро стало рости изъ сѣмени самага меньшаго изъ всѣхъ зерновыхъ сѣмянъ огромнѣйшее дерево Церкви Христовой ⁹⁰⁾. Малая горсть

⁸⁹⁾ Свящ. Истор. Новаго Завѣта Сост. Докт. Богосл. и профес. М. И. Богословскимъ изд. 1859 г. стр. 236.—Свѣтл. Христово Воскресеніе. Профес. Царевскаго. Изд. 1897 г. стр. 19.

⁹⁰⁾ Христось Спаситель сказалъ: Царство небесное, Божіе, подобно зерну горчичному, которое посѣяно и хотя меньшее изъ всѣхъ сѣмянъ, но, когда выростетъ, становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы и укрываются въ тѣни вѣтвей его... (Ев. Матѣ. гл. 13, ст. 31—32.—Марк. гл. 4, ст. 31.—Луки гл. 13, ст. 19). Здѣсь Христось говорилъ о зернѣ горчицы не обыкновенной, не травяной, не нашей однолѣтней (синапсисъ), но объ особой восточной многолѣтней, изобильно растущей въ Палестинѣ и называемой въ ботаникѣ — „фитолакка додекандра“, сѣмя которой малѣйшее, а химическіе элементы тѣ же, что и однолѣтней горчицы, и употребляются на тѣ же потребности, какъ обыкновенная травяная горчица; въ Сѣверной Америкѣ древесная многолѣтняя горчица фитолокка называется лѣсною горчицею... Евреи, когда хотѣли обозначить какую-либо самую малую вещь, говорили, что она, какъ горчичное зернышко величиною. Вышеупомянутою краткою притчею Господь показаль образъ распространенія евангельской проповѣди. Хотя ученики и ученицы Его были всѣхъ безсилнѣе, всѣхъ униженнѣе, но какъ сила въ нихъ сокровенная была велика, то проповѣдь ихъ распространилась во всю вселенную. И церковь Христова, въ началѣ малая, для міра непримѣтная, распространилась на землѣ такъ, что множество народовъ, какъ птицы въ вѣтвяхъ дерева горчичнаго, укрываются подъ сѣнію ея. То же бываетъ съ царствомъ Божіимъ и въ душѣ человѣка: вѣяніе благодати Божіей, въ началѣ едва примѣтное, при рачительности человѣка, болѣе и болѣе охватываетъ его душу, которая и дѣлается потомъ храмомъ Божіимъ, вмѣстилищемъ разнообразныхъ добродѣтелей... (Толковое Евангеліе издан. Арх. Михаила 1870 г. книга 1-я, стран. 245—246 подѣ

искренно преданныхъ Христу Спасителю учениковъ и ученицъ, изъ коихъ самую ревностнѣйшею была святая равноапостольная мѣроносица Марія Магдалина, восторжествовали надъ надменнымъ суемудріемъ язычества, овладѣли цѣлыми царствами съ ихъ царями и Божественное учение Христово пронесли изъ края въ край—во всю вселенную земли ⁹¹⁾, повторяя торжественныя слова перваго благовѣстія святой Маріи Магдалины: «Христосъ воскресъ! Во истину воскресъ»!..

Вотъ, христіане, важнѣйшія черты жизни святой равноапостольной мѣроносицы Маріи Магдалины, не подлежащія никакому сомнѣнію, такъ какъ онѣ засвидѣтельствованы самимъ словомъ Божиимъ въ святомъ Евангеліи.— Для чего же онѣ сохранены и предлагаются Церковью, для чего читаютъ ихъ. — Не для прославленія ли святой Маріи Магдалины? — О нѣтъ! Святые, живущіе во славѣ небесной, въ высокой и вѣчной славѣ Божіей не имѣютъ нужды въ славѣ земной, въ ничтожной славѣ отъ челоувѣковъ. Но такимъ воспоминаніемъ ихъ земного житія, подвиговъ и добродѣтелей дается намъ, самимъ намъ, наставленіе и побужденіе къ богоугодной жизни и къ душеспасительнымъ подвигамъ. Черезъ св. апостола Христова Павла Господь повелѣваетъ намъ: «Поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали слово Божіе; и, взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ» ⁹²⁾. И вотъ святая церковь Христова сохраняетъ намъ и предлагаетъ нашему вниманію очерки жизни святыхъ людей для нашего самоиспытанія, самоусовершенствованія и спасенія черезъ подражаніе вѣрѣ и духу этихъ Божіихъ святыхъ, «дабы мы не облѣнились, но подражали тѣмъ, кото-

строк. текста.—Библейск. естествен. исторія ботан. и Зоолог. М. Сибирцева, изд. 1867 г. стр. 133—137.

⁹¹⁾ Дѣян. Апостолов. гл. 1, ст. 8 и Объясн. въ Толков. Апостолѣ арх. Михаила изд. 1886 г.

⁹²⁾ Послан. ап. Павла къ Евреям. гл. 13, ст. 7.

рые вѣрою и долготерпѣніемъ наслѣдуютъ обѣтованія Божія»⁹³)... Святая равноапостольная мученица Марія Магдалина самоотверженно исполнила первую и главную заповѣдь Христа Спасителя: «возлюбила Господа всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душою своею, всѣмъ разумніемъ своимъ и всею крѣпостію своею»⁹⁴). Осуществленіе святою Маріею Магдалиною при всякихъ обстоятельствахъ такой истинной всецѣлой любви къ Господу служить жизненнымъ образцомъ для любви каждаго христіанина къ Богу Спасителю нашему. И по примѣру святой Маріи Магдалины всѣ мы, христіане, должны имѣть и проявлять въ жизни постоянную самоотверженную любовь къ Богу всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣми желаніями, стремленіями и силами души своей и всѣмъ разумніемъ, всѣми познавательными способностями своими, должны мы всецѣло прилѣпляться къ Господу Спасителю нашему. Сила любви нашей къ Богу должна быть такова, чтобы никто и ничто не могло отлучить насъ отъ этой любви: «ни жизнь, ни смерть, ни высота, ни глубина, никакая тварь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее»⁹⁵).

Евставій Воронецъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

⁹³) Послан. ап. Павла къ Евреям. гл. 6, ст. 12.

⁹⁴) Ев. Марка гл. 12, ст. 30—33. Мате. гл. 22, ст. 37—40.

⁹⁵) Послан. апос. Павла къ Римлянам. гл. 8, ст. 38 и 39.

П И С Ь М А
ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

къ Н. И. К.

2 авг. 92 г. Воскресенье.

Милость Божія буди съ вами!

Вѣрно въ сію минуту вы или причащаетесь, или уже причастились.—Да будетъ сіе вамъ во спасеніе!

Благодарствую за картинку и водицу,—спаси Господи!

У васъ ничего холернаго не видится и у насъ тоже.

Въ Шадѣ будто было что-то,—но не расширяется. Да хранитъ всѣхъ насъ Господь!

Мирны будьте и упованіемъ на милость Божию оградите душу свою отъ страховъ и тревогъ.—И смерть придетъ, — все же она отъ Господа, всегда милостиваго и всячески благо наше устрояющаго.

Черничку заставьте говѣть въ сей постъ. Церковныхъ службъ вѣрно у васъ въ церкви нѣтъ; пусть дома справляетъ поклонами и молитвою Іисусовою... и вечерню, и утреню, и часы, и обѣдницу.

Спаси, помилуй и сохрани Господи всѣхъ васъ!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

23 авг. 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

Даруй Господи, чтобы голова не беспокоила васъ и не мѣшала вамъ исполнять свои добрыя начинанія. — Но все отъ Господа и ко благу нашему. *О всемъ благодарите*,—слово апостольское.

Сонъ вашъ хорошъ; но что онъ означаетъ, трудно опредѣлить... Это ангель вашъ хранитель вамъ представляетъ, и смыслъ видѣннаго есть ангельскій. Предайте себя въ волю Божию. Я не вижу здѣсь никакого указанія на смерть.

Илія молится, постится. Это хорошія дѣла. Но что онъ при этомъ другихъ заповѣдей не исполняетъ, это очень дурно. Видно, молитва не умягчаетъ его сердца, и постъ не смиряетъ. Ему думается, что онъ во святые попадетъ, и относится къ другимъ, какъ къ грѣшникамъ. Напомните ему, что не добръ относящіяся къ родителямъ дѣти, особенно къ матерямъ, отклоняютъ отъ себя Божіе благословіе и ввергаютъ себя въ опасность потерять благоденствіе... какъ наказаніе.

За присланное благодарствую. Яблоки велю печь... Сырыя ѣсть въ холерное время опасно. Яички не мѣшаютъ и варенье тоже.

Спаси васъ Господи...

Посылаю Августъ Душеп. Чтенія... Іюль же, если не у васъ... вѣрно не приславъ мнѣ.

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

29 авг. 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

Опять скорбите! — Ну — что жъ?—Къ терпѣнію поводъ; терпѣніе же въ духъ Христовомъ есть высокая добродѣтель; въ настоящемъ же случаѣ оно гораздо цѣннѣе, по-

тому что оно не отъ васъ, ни отъ окружающихъ, а прямо отъ Господа. Благослови вамъ Господи войти сердцемъ въ сей порядокъ Божія о насъ промышленья... и изъ сего почерпнуть успокоительныя помышленія. Господь, видящій ваше внутреннее, да не оставляетъ васъ своими утѣшеніями!

Причащались... буди сіе вамъ во спасеніе. И еще хотѣли причаститься, — и это было бы вамъ во благо, по живой вѣрѣ вашей и благоговѣйству, съ какимъ всегда приступаете къ сему таинству.

Собираетесь въ Арзамасъ. Благослови Господи! Въ Дивѣевѣ чаете или желали бы притяжать келлію... Будь Господь и въ семъ вамъ помощникомъ.

Машу пріютить ищите. Уговорите отца опредѣлить ее въ какое-либо воспитательное заведеніе. Благослови ее Господи!

Благослови Господи васъ — всѣ дѣла ваши и добрыя намѣренья!

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

11 сент. 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю васъ съ радостію исполненія вашего желанія побывать на Вышѣ. Матерь Божія не останется въ долгу предъ вашею къ ней вѣрою и благоговѣйствомъ.

Собираетесь исповѣдаться и причаститься. Благослови Господи совершить первое и удостоиться второго, — все по благодати Господа нашего Иисуса Христа—Спасителя нашего, ищущаго спасенья нашего.

А кавалеру вашему желаю, вмѣстѣ съ очищеніемъ совѣсти, утвержденія въ добрыхъ намѣреніяхъ и положенія въ сердцѣ твердыхъ рѣшеній благоугождать Господу по-христіански.

Сосѣди наши нынѣ отѣхали въ Тамбовъ. Предъ отѣздомъ извѣстили, что С. П. Б—кій митрополитъ Исидоръ скончался. Онъ былъ святой владыка, во всѣхъ отношеніяхъ, и отличался вниманіемъ ко всѣмъ, кротостію и тихостію. Ума же былъ большого. Помяните его въ молитвахъ своихъ, да упокоитъ Господь душу его со святыми.

Государю большой трудъ — кого избрать. Ибо хоть обыкновенно Ему указываютъ подходящихъ лицъ, но выборъ ему принадлежитъ и рѣшеніе. Да вразумитъ его Господь!

Благослови васъ Господи! желаю вамъ духовныхъ благъ потребныхъ.

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

13 сент. 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

Многоуважаемая княгиня!

Нынѣ вы причащались Св. Христовыхъ таинъ. Поздравляю. Благодать Богообщенія, сообщаемая симъ таинствомъ, да пребудетъ въ васъ, утѣшая, укрѣпляя и руководя васъ!

А теперь вы, полагаю, за всеюношней!—Увидите восхитительный обрядъ воздвиженія креста. Если не видали, онъ произведетъ на васъ возбудительное впечатлѣніе.

Да низойдетъ на васъ въ часъ сей благодатное восхищеніе, воодушевленіе и обрадованіе, памятное на многіе дни!

Съ прошлою почтою получилъ письмо отъ Софьи Ник. Слѣпцовой. Она въ очень добромъ настроеніи. Написала стихи, какъ хананейка просила Господа о дочери, — и получила просимое. Очень хорошіе и съ очень хорошимъ приложеніемъ.—Думаю отослать ихъ аеонцамъ для напечатанія въ ихъ листахъ.

О смерти С. П. Б. митрополита вѣрно ужъ слышали... Онъ былъ св. владыка, — дивнаго духовнаго устроенія. Теперь кого-то Богъ пошлетъ на мѣсто его?

Благослови васъ Господи!

Вашъ доброхоть

Еп. Теофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Очень радъ, что вы наконецъ нашли нѣчто, что, какъ надѣетесь, можетъ установить между вами согласіе и миръ. Благослови Господи! Я ничего не понимаю въ имущественныхъ сдѣлкахъ. И могу только желать, чтобъ сдѣланное было надежно и прочно.

Что не имѣете отвѣта отъ родственника московскаго, не дивитесь. Онъ заваленъ подобными прошеніями, и есть юноши, которые уже работаютъ въ канцеляріи изъ-за надежды получить мѣсто. Увеличить же число писцовъ съ жалованьемъ онъ не можетъ, потому что число это опредѣлено... А можетъ быть, они тамъ съ Павломъ ухитряются, какъ бы раздвинуть сидящихъ на скамьѣ и опростать мѣсто Ильѣ.

О бѣличкѣ жалѣю по причинѣ дурости ея благовѣрнаго. Лиза настоящія чувства являетъ, скорбя о сумасбродствѣ дяди... Да утѣшитъ Господь бѣличку въ ея постоянномъ горѣ.

Благослови Господи всѣхъ васъ... и успокой наконецъ.

Вашъ доброхоть

Еп. Теофанъ.

P. S. О Саровѣ я прочиталъ—все возможно... сначала, а потомъ подумалось: невозможно. Предать сіе въ волю Божію.

Милость Божія буди съ вами!

Кончился курсъ вашего врачеванія. Поздравляю. Теперь Самъ Врачъ душъ и тѣлесъ съ вами. Мужайтесь убо и благодушествуйте.

Ваше намѣреніе—въ Саровъ и въ Дивѣевъ—очень хорошо. Дай Господи, чтобъ оно исполнилось.

Вотъ вамъ 5 книжекъ Митерикона для Дивѣева: 2 матушкѣ игуменіи, одну казначеѣ, двѣ Аннѣ и Екатеринѣ Александр. Тракавскимъ, а прочимъ послѣ, когда монахини привезутъ свѣчи, тогда и въ монастырскую библіотеку.

Благослови васъ Господи и черничку, и будущаго фельдмаршала, и всѣхъ вашихъ.

Всѣхъ вамъ благъ отъ Господа желаю.

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

Если не придется побыть въ Дивѣевѣ, то книжки себѣ возьмите,—или раздайте кому...

Вотъ иконки — онѣ все время были на престолахъ подъ крестомъ со святыми мощами.

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

Святость долга.

Уяснить себѣ, понять и внять долгу—обязанность каждаго честнаго человѣка вездѣ и всегда. Но эта обязанность становится самонужнѣйшей въ такъ называемыя «переходныя времена», когда совершается переломъ во взглядахъ, въ направленіи мысли, во всемъ порядкѣ и складѣ жизненномъ.

Въ такіе моменты неизбежна борьба: старое борется съ новымъ, какъ, напр., теперь у насъ. Когда въ установившійся укладъ и правопорядокъ проникаютъ мысли и требованія новыя, съ прежними во многомъ несогласныя, тогда, естественно, происходитъ раздѣленіе въ обществѣ. Одни члены общества требуютъ свято и въ неприкосновенности соблюдать все старое: въ немъ видятъ истину и въ истовомъ повиновеніи этой истинѣ видятъ залогъ мира, порядка и общаго благополучія. Другіе, съ инымъ кругозоромъ, критически смотрятъ на это «старое» и, не видя въ немъ неприкосновенной святости, но усматривая серьезныя погрѣшности разрабатываютъ свои, новые пути къ общему благополучію. И массѣ народной предстоитъ нелегкая задача—разобраться въ этомъ спорѣ, взвѣсить все и «за», и «противъ» того, что услужливо предоставляютъ вниманію народа обѣ стороны, предстоитъ твердо установить уголь зрѣнія, подъ которымъ нужно разсматривать дѣйствительность и опредѣлять себѣ дорогу.

Казалось бы, что дѣло очень просто: гдѣ истина, туда и иди, а истина несомнѣнно—всегда проста, пряма и до-

ступна какъ разуму, такъ и непосредственному чутью человѣка. Но на дѣлѣ выходить не такъ. Различіе образованія и воспитанія, разность силъ, степени воспримчивости, разность положенія и цѣлей—всегда группируютъ людей въ отдѣльные кружки съ своей, особой, исключительной фізіономіей,—раздѣляютъ ихъ и заставляютъ стоять за «свое», отстаивать правоту своихъ взглядовъ. Это и есть отдѣльныя партіи. И онѣ воюютъ, борются.

Войной встрѣчаемъ и мы наступившій «моментъ». Въ этой борьбѣ есть хорошая сторона: война рождаетъ героевъ, выдвигаетъ на дѣятельность лучшія, болѣе крупныя силы, а самый споръ служитъ выясненію истины. Это тамъ, гдѣ выступаютъ на поле борьбы съ надлежащей подготовкой, въ соответствующемъ вооруженіи и съ прямымъ, правильнымъ пониманіемъ долга. Немного не такъ у насъ.

По первымъ же выступленіямъ для всѣхъ стало ясно, что горе наше въ дикой страстности, невыдержанности, въ недостаточной вдумчивости, а подчасъ и упрямствѣ, бѣда отъ безпринципности. Масса народная, а часто и руководители, стоятъ нетвердо, обнаруживаютъ большую склонность къ колебанію при напорахъ вѣтра. Личное перепутывается съ общественнымъ. Споры только обостряютъ отношенія, плодятъ злобу и ненависть. Нѣтъ у насъ чувства мѣры, сознанія необходимости во всемъ послѣдовательности и постепенности, нѣтъ терпѣнія, — отъ работы готовы прятаться за чужую спину, но настоятельно хотимъ, чтобы другіе о насъ заботились и для насъ работали. Твое, говоримъ, пусть будетъ моимъ, а мое... тоже моимъ. Нѣтъ подъема духа, нѣтъ любви къ родинѣ, нѣтъ идейности: измельчали цѣли, корысть и эгоизмъ заѣли людей. Поэтому «узелъ» у насъ часто рубятъ, а не развязываютъ, забывая или не желая видѣть, что этотъ узелъ затянуть не пеньковой крутью и тканью, а сѣтью живыхъ душъ, людскихъ нервовъ, личныхъ взглядовъ и привычекъ.

Когда такимъ образомъ разрубается общественный узелъ, когда потоки слезъ смѣшиваются съ потоками крови, когда тяжело становится всёму дышать,—въ такое-то тревожное и безпринципное время особенно цѣнны честные, безкорыстные люди долга, добра и справедливости, которые и словомъ, и дѣломъ напоминаютъ народу о святости долга, пробуждаютъ уснувшую энергію духа народнаго и показываютъ, что скорби креста, налагаемаго долгомъ, если и несуть по временамъ слезы, то это—святыя слезы мученичества, которыя отираются сознаниемъ, что честно исполненный каждымъ долгъ есть прочный фундаментъ для личнаго покоя и благополучія, равно какъ и для счастья и мощи всей родной страны.

И такіе богатыри духа не перевелись на Руси. Прислушайтесь, напр., къ рѣчамъ, раздавшимся на дняхъ при гробѣ одного изъ членовъ Государственной Думы (Петрово-Соловово). Какое единодушіе, какая искренность и воодушевленіе слышится въ нихъ. Вся суть ихъ можетъ быть выражена кратко: «въ Таврической дворецъ вошелъ одинъ изъ крупныхъ помѣщиковъ, членъ партіи, предводитель привилегированнаго сословія, — а ушелъ изъ дворца и ушелъ изъ жизни народный представитель, охранитель правъ народныхъ, имя котораго всегда будетъ близко и дорого всёму истиннымъ друзьямъ обновленія родины». Чѣмъ же онъ заслужилъ такой отзывъ? — Заслужилъ искреннимъ желаніемъ служить истинѣ и добру, — тѣмъ, что былъ человѣкъ широкой терпимости, умѣлъ уважать чужія убѣжденія и права, былъ поборникъ правды и защитникъ культуры,—его слово было всегда словомъ мира, любви и человѣчности. Онъ говорилъ: «если хотите успокоить страну, то устраните тотъ хаосъ, ту спутанность понятій и мнѣній и желчную озлобленность, которыя въ ней царятъ. Не вносите смуту взаимнымъ раздраженіемъ, чтобы не совершить исторической ошибки и преступления противъ родины». Спокойный и разсудительный—онъ въ то же время всецѣло былъ преданъ труду самъ и дру-

гихъ призывалъ трудиться. «Работайте, говорилъ онъ, съ помощію Божіей, не покладая рукъ, кому гдѣ суждено, работайте честно, съ разумомъ и терпѣніемъ. И только тогда близка будетъ заря лучшихъ дней, лучшей жизни, лучшихъ порядковъ... Умеръ онъ, и политическіе противники, преклоняясь предъ силой его духа, говорятъ: «онъ былъ противникъ, но не давалъ чувствовать въ себѣ противника».

Такъ говорятъ послѣ смерти. А при жизни пожиналъ ли онъ лавры? Жизнь честнаго исполнителя долга—всегда подвигъ, соединенный со скорбями и мученіями. Какой бы шагъ онъ ни сдѣлалъ, вездѣ его встрѣтятъ враги: то съ одной стороны раздается ругательное «красная тряпка!», то съ другой — презрѣніе и насмѣшки. Но что все это тому, кто отдалъ себя служенію не людямъ, а правдѣ и долгу! Вѣдь, онъ не почета, не награда, не выгодъ ждалъ отъ работы: онъ все сложилъ къ подножію блага народа и отчизны. Онъ зналъ, что несетъ крестъ, возложенный народнымъ довѣріемъ, и въ этомъ сознаніи черпалъ себѣ силу, находилъ утѣшеніе и поддержку. Высокое состояніе духа!

Къ этому призывается и каждый гражданинъ. И это высокое состояніе духа возможно, какое бы въ обществѣ положеніе ни занималъ человѣкъ, хотя бы мѣсто поденнаго рабочаго. Будь только богобоязненъ, безупречно честенъ, трудолюбивъ и трезвъ. Исполни по совѣсти тотъ долгъ, который на тебя возложенъ, и ты внесешь въ общее строеніе государственнаго дѣла свою посильную лепту. Изъ отдѣльныхъ капельъ составляется большой водоемъ: такъ, если и каждый гражданинъ дастъ отъ себя долю трезвости мысли и честнаго труда,—то обще-государственная атмосфера скоро очистится отъ тѣхъ міазмовъ, которые довели родину до позора Цусимы и расплодили туневство, грабежи и разбой.

Конечно, высота духа не есть случайный даръ, она—подвигъ, плодъ усиленной работы надъ собой. Чтобы имѣть

силу служить идеѣ правды и долга, быть выносливымъ въ трудѣ и не теряться въ затрудненіяхъ и искушеніяхъ, надо воспитать въ себѣ любовь къ труду, воспитать сознаніе высоты и истины того дѣла, которому отдается трудъ, — развить убѣжденіе въ святости долга и святости самаго труда, развить сознаніе отвѣтственности за свои поступки предъ совѣстью, предъ обществомъ и передъ Богомъ, искать истину, а не себя усладить, служить интересамъ долга, а не погрязать въ мелочахъ своекорыстія. Для такъ развитыхъ и такъ настроенныхъ душъ при полнотѣ убѣжденія не будетъ ни страха, ни двоязычія, ни двухъ дорогъ, не будетъ и усталости.

Чтобы яснѣе представить себѣ и—такъ сказать—осознать силу сознанія святости долга, взглянемъ на другіе примѣры подвижниковъ долга.

Возьмемъ языческое время. За четыреста лѣтъ до Р. Христова жилъ мудрецъ Сократъ, человѣкъ съ сильнымъ умомъ, съ отзывчивой душой, человѣкъ рѣдкихъ правилъ честности и прямоты. Развitiемъ и понятіями своими онъ стоялъ много выше современниковъ и хотѣлъ, чтобы всѣ люди болѣе трезво смотрѣли на жизнь. Онъ училъ народъ, наставлялъ всѣхъ, обличалъ. Особенно больно приходилось отъ него обидчикамъ слабыхъ. Не опускалъ онъ случая обличать роскошь, расточительность, праздность, лѣность. Понималъ онъ темноту язычества и его заблужденія, и самъ не вѣрилъ, что истуканъ и кумиръ есть богъ, и другимъ внушалъ тѣ же мысли. Онъ проникъ умомъ своимъ истину безсмертія души и стремился вложить въ слушателей стремленіе одухотворять, осмысливать жизнь... Болѣя душой за темноту окружающихъ его людей, мудрецъ посвятилъ себя дѣлу просвѣщенія. Сколько онъ видѣлъ злобы за свои обличенія отъ богатыхъ и знатныхъ, сколько обидъ и притѣсненій перенесъ отъ ярыхъ язычниковъ и особенно отъ жречества. Но ничто не поколебало его рѣшенія. Онъ продолжалъ свое дѣло, несмотря ни на что. Злоба враговъ дошла до высочайшей степени:

его рѣшили погубить. Привлекають его къ суду, обвиня въ «поруганіи» боговъ (преступленіе, каравшееся въ то время смертной казнью). Предъ судомъ, составленнымъ изъ враговъ его, мудрецъ не сталъ приводить оправданій, а только обратился къ народу и сказалъ: «69 лѣтъ училъ я на площадяхъ и въ храмахъ; если кто слышалъ отъ меня что-либо безбожное, или видѣлъ отъ меня дурное, пусть скажетъ». Всѣ молчали. Хотя предъявленные обвинения не подтвердились, тѣмъ не менѣе судъ вынесъ обвинительный приговоръ. Старецъ спокойно выслушалъ рѣшеніе суда. Когда послѣ этого темничный слуга—во исполненіе воли суда—принесъ питье, отравленное ядомъ (такъ предавали смерти въ то время), Сократъ безъ колебанія взялъ кубокъ и выпилъ.

Кого не поразить это спокойствіе и безстрашіе предъ глазами смерти, кого не удивить стойкость духа и терпѣніе въ трудѣ этого мудреца! И все это дало ему убѣжденность въ правотѣ и святости своего дѣла, ясное сознаніе принятаго долга. Онъ шелъ съ обличеніями ко всѣмъ, потому что любилъ всѣхъ. Не зналъ онъ устали тѣломъ, потому что бодръ былъ духомъ. Не зналъ онъ страха отъ угрозъ темныхъ и злыхъ людей, потому что свѣтъ истины и добра блисталъ предъ его глазами. Намѣченная цѣль жизни, какъ свѣтлая звѣзда на темномъ фонѣ ночи, всегда была предъ нимъ и никогда не померкала: хотя вела она его тяжелымъ путемъ скорбей, но была его радостью и вдохновеніемъ.

Возьмите далѣе какое угодно время,—вездѣ легко усмотрѣть повтореніе описанной исторіи. Взгляните..., куда угодно взгляните, и понынѣ всюду увидите, что не легко честному исполнителю долга, но онъ высокъ и силенъ чрезъ сознаніе правоты своего дѣла. — Взгляните, напр., на мужей науки. Большую и лучшую часть жизни проводятъ ученые въ упорномъ трудѣ, обслѣдуя ту или иную область науки. Трудъ кропотливый.

Насъ поражаетъ, напр., какъ иной массу времени про-

водитъ надъ крыломъ какого-нибудь насѣкомаго, или какъ иной бьется цѣлыми мѣсяцами съ какимъ-нибудь «союзнымъ реченіемъ». Но имъ это необходимо по ходу ихъ работы. И въ этой кропотливости вся жизнь проходить. Затрачивается громадный запасъ силы, усердія и вниманія, напрягается до высочайшей степени энергія ума. Зачѣмъ? Конечно, не грозитъ никому неминуемой бѣдой несовсѣмъ правильное пониманіе какого-либо «союзнаго реченія», и открытіе истиннаго смысла его не озолотитъ міра. Понимаетъ это—несомнѣнно, и труженикъ. И все-же упорно трудится. Онъ хочетъ въ общее строеніе науки привнести и то, что въ состояніи добыть. Пусть это будетъ не камень крупный, а лишь маленькая песчинка, даже часть песчинки,—онъ, (труженикъ), великъ безкорыстіемъ и честностью труда. Онъ трудился по совѣсти, по разуму, по правдѣ, и сдѣлалъ, что могъ. Если-бы и другіе—въ другихъ областяхъ знанія и жизни—сдѣлали то-же, то земля скоро зацвѣла бы всѣми цвѣтами райской радости и довольства.

Но этотъ путь ученаго труда, помимо своей изнурительной усидчивости, сколько огорченій и невгодъ несетъ иной разъ труженику. Новая мысль, смѣлое сужденіе, открытое слово какъ часто заносятъ надъ человѣкомъ затронутую властную руку, карающую и гнетущую... Многие всю жизнь видятъ одно гоненіе... Но идутъ своимъ путемъ. Тяготѣніе къ истинѣ, исканіе правды, глубокое сознаніе, что все это—священная обязанность всякаго разумнаго существа, вливаютъ въ человѣка силу все терпѣть, все переносить, чтобы только видѣть свѣтъ истины и торжество ея.

Такова сила сознанія святости долга.

Въ переживаемый нами моментъ бурнаго броженія мнѣній и ученій, когда шаткость понятій и дряблость народной души съ каждымъ днемъ обнаруживаются все болѣе и болѣе, когда разнузданность и дерзость заносятъ пята, чтобы вытѣснить истину и честность, непростительно грѣшить предъ родиной всякій, кто изъ личныхъ видовъ криво-

толкуеть понятіе о долгѣ и забываетъ святость его: онъ служитъ не Богу правды, а ненасытной алчности мамы,—грѣшить всякій, кто по близорукости не хочетъ понять духа времени, выяснить особенности его, точно опредѣлить свое мѣсто и свою дорогу: его лѣнность и неподвижность обнаруживаютъ, что онъ—не сынъ и даже не пасынокъ родины, а врагъ ея.

Къ тѣмъ и другимъ св. Апостолъ и обращаетъ свое увѣщаніе: «подражайте мнѣ, какъ Я Христу» (1 Кор. 4, 9—16),—т. е. сознайте величіе и святость своего долга передъ собой, передъ обществомъ и передъ Богомъ. Сознайте и въ этомъ сознаніи найдете побужденіе и силу къ исполненію долга. Смотрите: Христось, по предвѣчному Божію совѣту пришедшій на дѣло спасенія людей, совершилъ его въ трудѣ, скорбяхъ и терпѣніи. И мы, принявшіе крестъ долга евангельскаго, ради Христа терпимъ голодъ, жажду, наготу и побои, но не тяготимся тѣмъ, а охотно и радостно несемъ свой крестъ; злословятъ насъ, мы находимъ силу благословлять злословящихъ, гонятъ насъ, и мы терпимъ: такъ Самъ Богъ помогаетъ честнымъ исполнителямъ долга. И всякій пусть не боится трудовъ и скорбей долга; подражай Апостолу, какъ онъ Христу, и тогда благословеніе Божіе и благословеніе родины почіетъ на трудахъ твоихъ.

Свящ. Н. Орловъ.

ПРОЩАНИЕ СЪ УЧЕНИКАМИ.

(Рѣчь на актѣ при выпускѣ учениковъ Московскаго ремесленнаго училища—художественно-слесарнаго—имени Григорія Шелапутина).

Любезные воспитанники!

Въ эти торжественно-прощальные часы я имѣю потребность особенно подробно побесѣдовать съ вами. Оставляя школу, вы вступаете въ самостоятельную жизнь, дѣлаетесь самостоятельными гражданами. Считаю нужнымъ въ напутствіе на вашу новую жизнь высказать вамъ отъ доброжелательнаго сердца отеческія наставленія и предостереженія.

Прежде всего скажу вамъ: уважайте свой ремесленный трудъ, къ которому вы получили призваніе и спеціальную подготовку; не гнушайтесь на первыхъ порахъ самую малую должность: гениальный нашъ писатель Гоголь говорилъ, что всякій, кто добросовѣстно исполняетъ хотя бы самую скромную должность, есть уже полезнѣйшій гражданинъ. Всякая должность такъ же необходима въ государствѣ, какъ необходимъ самый малый винтикъ въ сложной большой машинѣ. Помните, что, какъ я уже неоднократно говорилъ, физическій трудъ освятилъ Своимъ Божественнымъ примѣръ Самъ Христосъ, Который занимался плотническими работами,—освятила Божія Матерь, которая значительную часть времени удѣляла рукодѣлью,—освятили св. апостолы и многіе подвижники. Но совѣтую вамъ уважать свой спеціальныи трудъ, я хотѣлъ бы предохранить васъ отъ той профессиональной гордости, кото-

рая замѣчается у людей, принадлежащихъ къ классу рабочихъ. Мнѣ приходилось среди своей приходской паствы слышать отъ людей рабочаго класса, особенно изъ юныхъ, такія рѣчи: «мы, рабочій классъ,—главная сила въ государствѣ, потому что трудами нашихъ мозолистыхъ рукъ создается вся культура; поэтому мы должны задавать тонъ всѣмъ другимъ классамъ, диктовать условія жизни всѣмъ прочимъ сословіямъ». Они, люди рабочаго класса, правы въ томъ, что ихъ физическій — мускульный трудъ существенно необходимъ; но нельзя не видѣть того, что они слишкомъ преувеличиваютъ значеніе своего труда.

Наблюдая дѣятельность фабрикъ, заводовъ и разныхъ техническихъ предпріятій, мы видимъ, что современное производство въ большинствѣ случаевъ слагается изъ дѣйствія двухъ силъ: труда рабочаго и дѣйствія машинъ. Но кто изобрѣлъ машины? Кто вѣдаетъ ихъ? Не люди физическаго — мускульнаго труда, но люди такъ называемаго интеллигентнаго труда, люди науки и знаній. Я цѣню трудъ вагоновожатаго электрическаго трамвая, но еще болѣе цѣню тѣхъ, которые приспособили электричество къ потребностямъ передвиженія. Я цѣню трудъ желѣзнодорожнаго рабочаго, но еще болѣе цѣню тѣхъ геніевъ науки, которые изобрѣли паровыя машины. Я преклоняюсь передъ этими геніями не потому только, что они геніальны, не потому также, что создали много удобствъ въ жизни для человѣчества, но еще и потому, что они облегчили самый трудъ рабочаго. Не читали ли вы, какъ прежде бурлаки тянули на своей груди суда по Волгѣ?! Какой это тяжелый, можно сказать, каторжный трудъ! Но съ изобрѣтеніемъ пароходовъ необходимость въ такомъ трудѣ рабочаго прекратилась. И чѣмъ дальше будетъ идти наука, тѣмъ болѣе она облегчитъ трудъ рабочаго и даже возвыситъ самое его достоинство. И надо отдать честь людямъ науки, что они терпѣливо переносили невзгоды жизни на своемъ тернистомъ, но славномъ пути. Эти люди, которые покорили для служенія человѣку стихіи природы: паръ,

воду, электричество, огонь, часто бывали непонятны своимъ современникамъ, казались имъ бездѣльниками, потому что цѣлые дни, мѣсяцы и годы носились съ своими напряженными думами, чуждаясь обыденнаго человѣческаго труда. Трудъ этихъ людей не поддается какому-либо обыкновенному учету, наприм., учету количества рабочихъ часовъ, потому что плоды умственнаго труда зависятъ отъ глубины духовныхъ дарованій и отъ степени внутренней энергіи, которая не подлежитъ обыкновенному учету количества работы. Но всѣ эти люди оставили вѣчный и прекрасный слѣдъ въ человѣчествѣ.

Впрочемъ я увѣренъ, что вы изъ практики своего учебнаго курса вынесли убѣжденіе въ пользѣ науки въ дѣлѣ техники. Вы въ маломъ видѣ изучали здѣсь математику, но, вѣроятно, вывели заключеніе, что, если бы побольше изучили ее, еще болѣе приобрѣли бы пользы для своего дѣла. Математика, повидимому, самая отвлеченная наука; работа по этой наукѣ почти исключительно происходитъ въ области ума; кабинетные ученые, занимающіеся чистой математикой, въ большинствѣ случаевъ люди, незнающіе физическаго—мускульнаго труда, но однако эта отвлеченная наука стоитъ въ основѣ всей техники и механики!—Затѣмъ, когда вы вступите въ жизнь, вы на практикѣ увидите, что въ техникѣ преимущественное значеніе имѣетъ знаніе. Мы видимъ, что простой чернорабочій, какъ бы ни были сильны мускулы его рукъ, зарабатываетъ въ день 80 — 90 коп., а механической рабочей до 2 р. 50 коп. въ день. Въ чемъ же преимущество послѣдняго? Въ знаніи.

Все это я говорю не за тѣмъ, чтобы уничтожить трудъ рабочаго, трудъ мускульный и физическій, но я хочу отдать справедливое и труду интеллигентному, труду научному. Повторяю вамъ—цѣните и уважайте свой ремесленный трудъ, но также уважайте и дѣятелей труда умственнаго, и не только въ области техники, специальной для васъ, но и во всѣхъ другихъ общеобразовательныхъ об-

ластяхъ: идите рука объ руку съ ними, признавайте для себя ихъ руководящее значеніе. Говорю вамъ, — продолжайте свое самообразование за предѣлами школы: образованность возвыситъ ваше челоуѣческое достоинство и увеличитъ цѣнность самаго вашего труда. Помните, что у челоуѣка всюду и во всемъ духъ выше тѣла.

Это первое, на что я хотѣлъ обратить ваше вниманіе. Во-вторыхъ, считаю долгомъ сдѣлать вамъ слѣдующее увѣщаніе.—Ради всего святого прошу васъ, берегите въ своихъ душахъ дѣтскую вѣру въ Бога и во Христа; не позволяйте, чтобы кто-либо разрушалъ въ вашихъ сердцахъ эту святыню. Къ прискорбію нужно сказать, что въ настоящее время особенно сильный походъ противъ религіи именно среди рабочаго класса. Приглядываясь къ жизни рабочихъ въ истекшіе тревожные годы, я узналъ, что особымъ вниманіемъ пользовалась книжка о христіанствѣ Бебеля, главы германской социаль-демократіи. Бебель отрицательно относится къ христіанству, старается всячески разрушить авторитетъ христіанства, стремится доказать, что будто бы христіанство держало народы въ рабствѣ и угнетеніи, что будто представители христіанства всегда держали сторону только имущихъ и состоятельныхъ и съ пренебреженіемъ относились къ нуждамъ неимущихъ и обездоленныхъ классовъ. Но должно возразить, что Бебель намѣренно закрываетъ глаза на самыя первыя страницы исторіи христіанства. Мы съ вами читали книгу Дѣяній Апостольскихъ. Изъ нея мы знаемъ, что послѣ первыхъ проповѣдей св. апостола Петра, когда тысячи людей обратились ко Христу, первое вниманіе апостольскихъ христіанъ было направлено на нуждающихся. Въ 4-й главѣ Дѣяній Апостольскихъ пишется: *у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося* (Дѣян. 4, 32—34). Апостольскіе христіане, горячо увѣровавъ во Христа, смотрѣли другъ на друга, какъ на родныхъ брать-

евъ, и потому у нихъ съ первыхъ же дней въ ихъ многотысячной семьѣ совершенно непринужденно установилась братская жизнь. Хотя пламень огненной любви первыхъ христіанъ значительно оскудѣлъ въ настоящее время, однако мы и сейчасъ видимъ, что глубоко религіозные люди не жалѣютъ огромныхъ средствъ для помощи нуждающемуся люду. Множество церквей, учебныхъ заведеній, больницъ, клиникъ, богадѣлень, пріютовъ выросли, такъ сказать, изъ сѣмянъ, посеянныхъ чувствомъ христіанскаго братолюбія. Отсюда слѣдуетъ, что нужно не разрушать вѣру Христову, а какъ можно болѣе ее укрѣплять, какъ можно болѣе возгрѣвать въ сердцахъ людей. — Говорятъ еще, что будто христіанство держитъ народы въ рабствѣ, потому что оно учитъ терпѣнію. Но вотъ вамъ краснорѣчивое опроверженіе такого мнѣнія. Георгъ Вашингтонъ говорилъ: «народъ безъ религіи — пропавшій народъ». А, вѣдь, Вашингтонъ былъ основателемъ свободнѣйшаго изъ государствъ въ свѣтѣ — Соединенныхъ Штатовъ. Совершенно справедливо Вашингтонъ утверждаетъ, что народъ безъ религіи — пропавшій народъ. Когда въ народныхъ массахъ прекращалась религіозная вѣра, тогда быстро разнуздывались дикіе инстинкты, тогда пробуждался звѣрь въ человѣкѣ, а когда пробудится звѣрь въ человѣкѣ, то онъ становится люте всакаго хищнаго животнаго.

Говорятъ еще, что религія есть принадлежность невѣжественныхъ людей. Неправда. Знаменитый англійскій философъ Бэконъ говорилъ: «глубокое изученіе науки ведетъ къ Богу, и только мелкое и поверхностное знаніе ведетъ къ безбожію». Мы знаемъ изъ исторіи, что многіе знаменитые ученые были глубоко религіозные люди. Знаменитый естествоиспытатель Ньютонъ всегда, когда произносилъ имя Божіе, съ благоговѣніемъ снималъ съ себя шляпу. Еще недавно совершалось празднованіе 25-ти-лѣтія со дня кончины знаменитаго русскаго ученаго, доктора Пирогова, получившаго всемірную извѣстность. Ему поставленъ памятникъ въ Москвѣ; въ память его періодически бывають

съѣзды врачей. Пироговъ оставилъ послѣ себя записки, изъ которыхъ видно, что онъ былъ глубоко религіозный человѣкъ. Въ одномъ мѣстѣ записокъ мы читаемъ: «если бы у меня отняли вѣру, то я мгновенно сошелъ бы съ ума».

Знаменитые всемірные поэты были тоже глубоко религіозные люди; напримѣръ, нашъ лучшій поэтъ Пушкинъ. Онъ въ юности вольнодумствовалъ и даже по временамъ кощунствовалъ, но скоро отрезвѣлъ и понялъ, что бессмертный человѣческій духъ не можетъ жить безъ Бога. Въ своемъ стихотвореніи «Безвѣріе» онъ подробно изобразилъ, какое томленіе и пустоту души, какое одиночество испытываетъ невѣрующій человѣкъ, особенно когда его постигаютъ удары судьбы. Иногда у Пушкина жажда Бога, жажда молитвы доходила до желанія отшельничества. Увидавъ однажды монастырь, ютившійся на вершинѣ одной высокой горы Кавказа, Пушкинъ восклицалъ:

Туда бѣ, сказавъ «прости» ущелью,
Подняться въ вольной вышинѣ,
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

(Монастырь на Казбекѣ).

Другой гениальный русскій поэтъ — Лермонтовъ, отличавшійся бурнымъ и неукротимымъ характеромъ, увлекаемый мятежнымъ духомъ юности, тоже, какъ и Пушкинъ, отдалъ дань вольнодумству, но и онъ въ трудныя минуты жизни искалъ утѣшенія въ молитвѣ къ Богу. Вы, вѣроятно, знаете наизусть слѣдующее его стихотвореніе:

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Заканчивается это стихотвореніе слѣдующими стихами:

Съ души, какъ бремя, скатится,
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко.

Кромѣ поэтовъ и знаменитые художники міра были религіозны. Извѣстно, что гениальнѣйшій изъ живописцевъ міра Рафаэль писалъ картины преимущественно религіознаго содержанія.

Итакъ, несправедливо утвержденіе, что религія есть принадлежность только невѣжественныхъ и неразвитыхъ людей.

Повторяю вамъ, твердо храните въ себѣ вѣру въ Бога, во Христа, вѣру въ безсмертіе души и загробную вѣчную жизнь. Читайте, возможно чаще, Новый Заветъ, которымъ вы запаслись здѣсь, въ школѣ. Пусть эта книга жизни будетъ вашею настольною книгою. Продолжайте далѣе изучать исторію церкви, которую вы здѣсь изучали неполно. Подробное изученіе церковной исторіи дастъ вамъ возможность оцѣнить все величіе христіанства, всю заслугу его передъ страждущимъ человѣчествомъ. — Усердвѣе посѣщайте храмъ Божій. Старайтесь еще развить въ себѣ навыкъ, кромѣ наружной молитвы, молиться и внутреннею молитвою—своими собственными словами къ Богу, по слову апостола: *всякою молитвою и прошеніемъ молитесь во всякое время духомъ* (Ефес. 6, 18). Внутреннюю молитву можно творить всегда, при всякихъ состояніяхъ: и при занятіяхъ, и при отдыхѣ, ходя, сидя, лежа. Пусть внутренняя молитва непрестанно теплится въ сердцахъ вашихъ, какъ тихій огонекъ лампы передъ святою иконою.

Затѣмъ, считаю нужнымъ, юные друзья ¹⁾ мои, присокупить и еще нѣсколько совѣтовъ.

Вы вступаете въ классъ ремесленниковъ. Старайтесь всячески блюсти себя отъ тѣхъ пороковъ, которые господствуютъ въ этомъ классѣ: воздерживайтесь отъ сквер-

¹⁾ Кончившіе курсъ въ возрастѣ отъ 17-ти до 21 года.

нословія, грубости и пьянства. Особенно берегитесь пьянства. Это бичъ, подрывающій въ корнѣ и здоровье, и благосостояніе человѣка и зловредно отражающійся на потомствѣ. Будьте въ этомъ отношеніи новыми людьми. Будьте поборниками трезвости. Участвуйте въ кружкахъ и обществахъ трезвости и сами создайте ихъ.—Въ матеріально-экономической своей жизни будьте воздержны и бережливы. Человѣкъ склоненъ развивать въ себѣ тысячи разныхъ прихотей и дурныхъ привычекъ, на удовлетвореніе которыхъ не хватитъ никакого заработка. Мы знаемъ, что, наприм., увлекающіеся азартными играми могутъ въ нѣсколько часовъ спускать сотни и даже тысячи рублей.

Чтобы не развивались въ васъ дурныя наклонности и страсти, стремитесь свой досугъ употреблять на удовлетвореніе духовныхъ потребностей. Пользуйтесь сокровищами наукъ и изящныхъ искусствъ для своего освѣженія и отдыха. Читайте полезныя книги, проводите время въ умной бесѣдѣ, посѣщайте общедоступныя лекціи, музеи и т. подобн. Вы здѣсь любили находить себѣ отдыхъ въ пѣніи и инструментальной музыкѣ. Занятіе музыкою—дѣло, заслуживающее одобренія и съ религіозной точки зрѣнія. Св. Царь и пророкъ Давидъ самъ игралъ на инструментахъ и призываетъ въ своихъ псалмахъ прославлять Бога въ музыкѣ. *Хвалите Его во струнахъ и органъ*, восклицаетъ онъ. Но и въ музыкѣ не стойте на низкой ступени, избѣгайте пустыхъ или вульгарныхъ пьесъ,—и въ музыкѣ ищите серьезнаго и возвышающаго душу.—Если вы будете себѣ искать отдыха и освѣженія въ духовныхъ удовольствіяхъ—литературныхъ и художественныхъ,—то вы предупредите развитіе въ себѣ дурныхъ наклонностей и прихотей.

Въ заключеніе, прошу васъ: не порывайте нравственной связи съ воспитавшею васъ школою. Слѣдите за успѣхами и судьбою этой школы и по выходѣ изъ нея: радуйтесь ея радостями, печальтесь ея печальми. Храните благодарность къ вашимъ учителямъ: благодарность есть

высокое и святое чувство. Храните благодарность и къ тѣмъ благодѣтелямъ, на средства которыхъ устроена эта школа. Поминайте въ своихъ молитвахъ и того отошедшаго въ вѣчность юношу ¹⁾, въ память котораго для васъ, юныхъ, созданъ этотъ первый въ Москвѣ образецъ ремесленнаго училища съ художественно-слесарною спеціальностью.

Священникъ С. Лебедевъ.

¹⁾ Григорія Павловича Шеланутина, скончавшагося на 26-мъ году жизни въ бытность студентомъ университета; въ память него, его родителями устроены въ Москвѣ: Мужская Гимназія и три ремесленныхъ училища, изъ которыхъ одно съ художественно-слесарною спеціальностью находится на Міусской площади.

Письма профессора А. С. Павлова къ преосвященному Томскому Макарію *).

IV⁵).

Ваше преосвященство,
Преосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастыръ и отецъ!

Давно я не имѣлъ случая и повода писать вамъ. И теперь побуждаюсь къ этому не весьма важнымъ поводомъ, а тѣмъ, что вмѣстѣ съ сямъ письмомъ посылаю вамъ свою брошюру—отвѣтъ профессору Бердникову на его полемику противъ моего ученія, основаннаго на положительныхъ данныхъ практики православной церкви, о воспріемничествѣ и духовномъ родствѣ. Вопросъ—самъ по себѣ неважный, но раздутый казанскимъ канонистомъ (моимъ ученикомъ и преемникомъ на академической и университетской кафедрѣ,...) до значенія чуть не церковнаго догмата. Давно замѣчено, что ученые споры не приводятъ къ соглашенію и нерѣдко даже затемняютъ самыя простыя и ясныя вещи.

Не помню, писалъ-ли я вамъ, что прошлою зимою меня постигла тяжкая и опасная болѣзнь—инфлюэнца съ воспаленіемъ легкихъ. Чуть было не отправился *ad patres*. Но искусство врачей, моихъ сослуживцевъ, а главное—милос-

*) Продолженіе. См. июльскую кн. *Дух. Чит.* 1908 г.

⁵) Помѣта пр-го Макарія: „Отв. 21 іюля“.

сердіе Всеблагото Жизнодавца, оставило меня въ живыхъ для болѣе тщательнаго приготовленія къ вѣчности, сообразно указаніямъ нашей святой вѣры. По выздоровленіи, врачи послали меня весною на Кавказскія минеральныя воды, гдѣ я прожилъ слишкомъ два мѣсяца (съ конца мая до половины августа), купаясь въ Кисловодскомъ источникѣ Нарзанѣ, которому приписывается главнымъ образомъ укрѣпляющее дѣйствіе на нервную систему. А нынѣшнюю весну, почти всю, провелъ въ Кіевѣ, командированный туда министромъ въ качествѣ предсѣдателя юридической испытательной комиссіи при тамошнемъ университетѣ. Теперь семья моя живетъ на дачѣ подъ Москвою, а я все еще корплю въ Москвѣ, изговоря подробный отчетъ министру о Кіевскихъ экзаменахъ, послѣ предварительнаго *личнаго* доклада ему о томъ же предметѣ. Надо бы отдохнуть. Но, вѣрно, надо мною исполнится вѣщее слово одного изъ нашихъ поѣтовъ: «Подожди немного, отдохнешь и ты!» То будетъ отдыхъ до всебудущей трубы архангельской.

Съ искреннѣйшею товарищескою и — позвольте мнѣ, преосвященнѣйшій, употребить это выраженіе — *дружескою* радостію слѣжу я, по довольно частымъ сообщеніямъ Синодскихъ «Церковныхъ Вѣдомостей», за вашими архипастырскими трудами и путешествіями по отдаленнымъ краямъ вашей епархіи, не издавшимъ доселѣ ни одного изъ прежнихъ своихъ архіереевъ. Вѣрую и уповаю, что Небесный Пастыреначальникъ благословитъ успѣхомъ всѣ ваши благія начинанія и апостольскія путешествія, и къ концу дней вашихъ, которые въ руцѣ Божіей, вы будете имѣть утѣшеніе видѣть обильные плоды вашего дѣланія на нивѣ Христовой — тамъ, гдѣ вы являетесь первымъ сѣятелемъ на ней.

Теперь находится въ Москвѣ, въ Екатерининской больницѣ нашъ товарищъ по семинаріи (тоболякъ) священникъ Василій Серебренниковъ. Онъ пріѣхалъ сюда, когда я находился еще въ Кіевѣ, и разыскалъ мою квартиру.

Вмѣсто меня, жена моя помогла ему кое-какъ устроиться въ названной больницѣ, которая имѣетъ значеніе *университетской* клиники и въ которую не легко попасть безъ вліятельнаго ходатайства. По пріѣздѣ изъ Кіева я посѣтилъ болящаго, но никакъ не могъ признать въ немъ своего семинарскаго товарища. Вижу въ этомъ обстоятельствѣ несомнѣнный признакъ моей уже давно начавшейся старости, когда у каждаго начинаютъ съ особенною живостию возникать впечатлѣнія ранняго дѣтства, а не зрѣлой юности. Напримѣръ, я теперь весьма ясно представляю себѣ лица моихъ училищныхъ товарищей (томичей), напримѣръ Александра Невскаго, Окорокова, Хаовыхъ и др., но забываю товарищей семинарскихъ и академическихъ. Отецъ Серебренниковъ теперь поправляется и скоро выпишется изъ больницы. Онъ многое рассказалъ мнѣ о судьбѣ моихъ товарищей; чуть ли не треть ихъ уже померли.

Memento mori, рабъ Божій, Алексіе!

Испрашивая вашего святительскаго благословенія и молитвъ у престола Господня, пребываю къ вамъ, дорогой мой владыко, крѣпко и горячо любящимъ товарищемъ

А. Павловъ.

24 іюня 1893 г.

V.

18 января 1895 г. (Смоленскій бульв. д. Духовскаго).

Ἄγιέ μου Δέσποτα,

на предложенный вами вопросъ: «Совершившій невольное убійство и осужденный за сіе на церковную епитимию можетъ ли быть рукоположенъ во священника?» нахожу прямой отвѣтъ въ 5-мъ правилѣ св. Григорія Нисскаго. Въ немъ, между прочимъ, сказано: «Невольное убійство признано достойнымъ снисхожденія, но не похвальнымъ. Сіе сказалъ я, дабы явнымъ сотворити, яко

аще кто, хотя невольное, будетъ *оскверненъ* убійствомъ, таковаго, какъ уже содѣлавшагося *нечистымъ* чрезъ *нечистое* дѣло, *правило признало* (въ подлинникѣ: *ὁ καὼν ἀπερῆναι*) недостойнымъ священническаго благодати» (привожу эти слова по «книгѣ правилъ», издаваемой Св. Синодомъ). Обращаю особенное вниманіе вашего преосвященства на подчеркнутыя слова, коихъ смыслъ ясенъ: «совершившій невольное убійство имѣетъ *нечистыя* руки, каковыми не можетъ быть приносима *пречистая* и *безкровная* жертва». Такъ, говоритъ св. Отець, *καὼν ἀπερῆναι*. Какой *καὼν*? Св. Григорій Нисскій могъ назвать канонемъ и *обще*—церковную практику своего времени; но болѣе вѣроятно, что онъ имѣлъ въ виду 62-е правило св. апостоловъ: «Аще кто изъ клира въ сварѣ кого ударитъ *и единымъ удареніемъ* убіетъ (значить, убіетъ *невольное*), да будетъ изверженъ за продерзость свою». Если уже *состоящій* въ клирѣ за совершенное имъ невольное убійство извергается изъ своего сана и ему не дается возможности загладить эту невольную вину епитимією, по исполненіи которой онъ снова могъ бы приступить къ священнослуженію, то какъ можетъ быть *принятъ* въ клирѣ мірянинъ, уже «оскверненный убійствомъ»? Епитимія очищаетъ эту «скверну» только для возстановленія *общихъ* церковныхъ правъ невольнаго убійцы, но не для полученія имъ священства. Почему и св. Отець, сославшись на правило, не допускающее невольныхъ убійць къ принятію благодати священства, вслѣдъ затѣмъ *особо* говоритъ объ епитиміи за такое убійство.

Само собой понятно, что могутъ быть разные виды невольнаго убійства и, сообразно съ этимъ, разные виды церковной епитиміи за сію вину. Но практика древней Вселенской церкви понимала приведенныя правила только въ *общемъ* ихъ смыслѣ: «невольный убійца не можетъ быть клирикомъ». Вотъ нѣсколько примѣровъ этой практики, приведенныхъ Вальсамономъ въ толкованіи на 43-е правило Василія В. «Я видѣлъ священника, который былъ

извержень синодомъ за то, что другого священника, взявшаго противъ воли его книгу изъ его церкви, схватилъ и стремительно вырвалъ у него свою книгу, отъ чего случилось то, что священникъ, у котораго была отнята книга, палъ въ обморокъ и тутъ же умеръ. Другой монахъ и священникъ изъ Стирійскаго монастыря подобнымъ же образомъ былъ извержень за то, что жестоко отплатилъ нѣкоторому монаху, оскорбившему его, и случилось, что тотъ, который былъ оскорбленъ такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ *выслушалъ* обиду (итакъ оскорбленіе было нанесено только *словомъ*), застоналъ и испустилъ духъ. Подобнымъ же образомъ былъ извержень и архіерей за то, что убилъ агарянина, во время войны поднявшаго на него мечъ».

Можетъ быть, эти примѣры пригодятся вамъ для сужденія о томъ лицѣ, ищущемъ священства, о которомъ вы спрашиваете меня.

.....

На дняхъ былъ у меня вашъ о. Сергій (бывшій нашъ студентъ Петровъ) ⁶⁾. Ёдетъ изъ Казани въ Петербургъ по дѣламъ Киргизской миссіи. Много услышалъ отъ него поучительнаго.

.....

Владыко! вы моложе меня лѣтами. И если вы жалуетесь на недуги старости, то что же есмь азъ? Вѣрьте, однако, въ мою любовь, *никогда же отпадающую*, какъ и я вѣрю въ вашу. Помолитесь за грѣшнаго раба Божіа
вашего послушника

А. Павлова.

⁶⁾ Съ 12 февраля 1899 г. епископъ Бійскій, Викарій Томской епархіи, съ 20 января 1901 г. епископъ Омскій; съ 6 сентября 1903 г. состоитъ епископомъ Ковенскимъ, викаріемъ Литовской епархіи.

VI 7).

10 февраля 1895 года, въ 2 часа дня.

Преосвященнѣйшій владыко,
Любвеобильнѣйшій архипастырь!

Сейчасъ отправилъ къ вамъ поздравительную телеграмму по случаю наступающей завтра сороковой годовщины вашего служенія въ священномъ санѣ. Я назвалъ эту годовщину *поистинѣ* юбилейною, такъ она установлена закономъ Божиимъ, даннымъ церкви ветхозавѣтной, ⁸⁾ и не вижу причины, почему бы человѣческому закону не слѣдовать этому предписанію закона Божія, тѣмъ болѣе, что существуетъ же у насъ законъ о награжденіи знакомъ отличія за *сорокалѣтнюю* безпорочную службу царю и отечеству.

Въ телеграммѣ я, конечно, не могъ выразить всего, что хотѣлъ бы сказать вамъ, въ качествѣ вашего школьнаго товарища, по поводу вашего юбилея. Между прочимъ, изъ помѣщенной сегодня въ *Москов. Вѣдомостяхъ* краткой біографической статьи о васъ я узналъ одно знаменательное для меня обстоятельство. Оказывается, что оба мы въ одномъ и томъ же (1842) году ⁹⁾ двигались съ своими родителями въ Сибирь: вы — изъ Владимирской губерніи, я — изъ Симбирской. Вамъ было около 6 лѣтъ, мнѣ — около 10. И вашъ, и мой родитель были тогда причетниками. Могли ли они предвидѣть, куда Господь поведетъ ихъ сыновей, шесть лѣтъ сидѣвшихъ бокъ-о-бокъ на семинарской скамейкѣ? А мы съ вами, владыко, можемъ теперь съ вѣроятностію ожидать, что за

7) Помѣта пр-го Макарія: „Пол. 27 февраля. Огв. 1 марта“.

8) Очевидно, обмолвка: по ветхозавѣтному закону (Лев. XXV гл.), юбилейнымъ былъ не сороковой, а *пятидесятый* годъ.

9) Это было въ 1843 г.

призывомъ одного изъ насъ изъ сего міра въ иной не замедлить послѣдовать и призывъ другого. По соображенію съ среднею человѣческою долголѣтностію, моя очередь должна быть первою. Трепещу при мысли услышать изъ устъ Судіи - Міродержца: «ты былъ и усиливался быть вездѣ *первымъ* ученикомъ и вообще *первымъ* между равными тебѣ,—и вотъ теперь оказываешься *первымъ* грѣшникомъ. Пріими же, окаянный, маду свою!» Подъ вліяніемъ этой мысли, я и написалъ мою привѣтственную телеграмму къ вамъ и немедленно дополняю свой привѣтъ усердною мольбою къ твоему святительству не забывать меня въ святыхъ молитвахъ своихъ предъ престоломъ Божиимъ, да не отвратитъ Господь лице Свое отъ моего окаянства, да сподобитъ меня скончать дни живота моего въ спасительномъ покаяніи и въ полномъ внутреннемъ общеніи съ святою церковію. «Много бо можетъ молитва праведнаго споспѣшествовать спасенію и его замого и того, за кого онъ воздѣваетъ преподобныя руцѣ свои».

Приложивый разумъ приложитъ болѣзнь, сказалъ Премудрый: болѣзнь не только тѣлесную, какою страдаю уже нѣсколько лѣтъ, но и духовную, потому что человѣческій разумъ не умудрилъ меня во спасеніе.

.....
 Радуюсь, что мои племянники *обрѣли благодать предъ очима вашима*. Академическая атмосфера пригласъ отцу Михаилу (младшему) не по его чистой душѣ ¹⁰⁾.

Вашего преосвященства, бывшій товарищъ, а теперешній послушникъ

А. Павловъ.

Съ восторгомъ прочиталъ въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* вашу рѣчь, обращенную къ любителямъ и устроителямъ театральныхъ зрѣлищъ *не во—время*.

¹⁰⁾ Рѣчь идетъ о преосвященномъ Макаріи (Павловѣ), нынѣ епископѣ Лѣвтомъ.

VII ¹¹⁾.

Ваше преосвященство,
Преосвященвѣйшій архипастыр!

Вмѣстѣ съ вашею отвѣтною телеграммою на мое поздравленіе васъ съ библейскимъ (сорокалѣтнимъ) юбилеемъ ¹²⁾, я получилъ отъ васъ пакетъ съ проэктомъ вашего предложенія Консисторіи относительно погребенія самоубійцы. Въ письмѣ, сопровождающемъ этотъ проэктъ, вы благоувѣтливо отдаете оный на мой судъ, просите меня, по доброй товарищеской памяти, не только внимательно прочитать его, но и сдѣлать въ немъ, гдѣ найду нужнымъ, поправки и дополненія. Проэктъ не только прочитанъ съ полнымъ вниманіемъ, но и сравненъ съ мнѣніями, отзывами и письмами приснопамятнаго великаго іерарха Русской церкви — Московскаго митрополита Филарета, а равно и съ дѣйствующими у насъ церковными правилами и гражданскими законоположеніями, и въ результатъ этого чтенія и сравненія сложилось у меня такое убѣжденіе: проэктъ, *по существу* своему, не нуждается ни въ какихъ поправкахъ и дополненіяхъ. Онъ обдуманъ и продуманъ всесторонне и соображенъ не только съ положительными предписаніями церковныхъ правилъ и законовъ, но и съ высшими требованіями архипастырскаго долга, внушающаго вамъ не закрывать глазъ на печальныя явленія въ современной жизни, вызывающія нареканія на православную іерархію со стороны раскольниковъ и вообще производящія соблазнъ въ церковномъ обществѣ, и, съ другой стороны, не быть, по слову премудраго, «правымъ вельми», не запрещать того, что прямо и безусловно не запрещается церковными прави-

¹¹⁾ Помѣта пр-го Макарія: „Получ. 3 марта 1895 г.“.

¹²⁾ См. выше примѣчаніе 8-е.

лами. Довлѣтъ родственникамъ самоубійцы, если его погребеніе, при недостаточно выясненной причинѣ самоубійства, совершено будетъ священникомъ только съ пѣніемъ «Святый Боже», и если затѣмъ поминовение несчастнаго будетъ *тайно* совершаемо на проскомидіи, впредь до архіерейскаго разрѣшенія служить по немъ панихиды *открыто*.

Но, не находя возможнымъ сдѣлать въ проэктѣ какія-нибудь измѣненія *по его существу*, я позволилъ себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предложить на ваше благоусмотрѣніе нѣкоторыя стилистическія поправки въ немъ, которымъ, впрочемъ, не придаю какой-нибудь важности. Проэктъ можетъ быть напечатанъ и въ своемъ первоначальномъ видѣ; а если вы найдете нужнымъ еще разъ пройти по нему своею авторскою рукою, въ видахъ улучшения его литературной формы, то смѣло скажу вамъ: онъ долженъ быть *непрѣмьно напечатанъ*. Saepe stylum vertas!

.....

Но вотъ какую просьбу я высказываю прямо и смѣло: не забудьте, владыко, прислать мнѣ помера вашихъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей*, въ которыхъ будутъ напечатаны а., описаніе торжества вашего юбилея и б., возвращаемый при семъ проэктъ.

Вашего преосвященства,

Милостивѣйшаго архипастыря
нижайшій послушникъ

А. Павловъ.

8 апрѣля 1895 г.

VIII ¹³.

Преосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырь!
Христосъ воскресъ!

Состою у васъ въ большомъ долгу, но надѣюсь, что «вся простите мнѣ воскресеніемъ». Объ этомъ долгѣ на-

¹³⁾ Помѣта пр-го Макарія: „Получ. 6 мая“.

помнилъ мнѣ вчера полученный отъ васъ № *Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*, въ которомъ напечатано ваше распоряженіе о погребеніи самоубійць. По этому поводу я вспомнилъ, что не отвѣчалъ на послѣднее ваше письмо (отъ 1 марта) и не поблагодарилъ васъ за присылку мнѣ съ вашею собственноручною надписью книжицы о Чевалкова: «Памятное завѣщаніе». Изъ письма я узналъ, что старше васъ на три года (родился 12 мая 1832 г.), а книжицу прочиталъ, во время говѣнья на страстной, съ живѣйшимъ интересомъ: она открыла мнѣ цѣлый невѣдомый для меня міръ, въ которомъ вы обращались такъ долго, проповѣдуя слово Божіе людямъ, сидящимъ во тьмѣ и сѣни смертной. Кромѣ о. Макарія (Невскаго) я встрѣтилъ въ ней и другого товарища — о. Іоанна Смольянинова, если не ошибаюсь, теперь уже покойнаго. Книжица, на мой взглядъ, должна быть весьма поучительна и для лицъ, стоящихъ у кормила высшаго государственнаго и церковнаго управленія. Она ясно показываетъ, чего можно ожидать отъ Сибирскихъ миссій, если онѣ и безъ особенно дѣятельной поддержки со стороны лицъ, власть имущихъ, могутъ претворять алтайскихъ дикарей—«черновѣрцевъ» въ священниковъ Чевалковыхъ.

Съ нынѣшняго года, повидимому, должна начаться новая эпоха въ исторіи Сибирскихъ миссій. Учрежденіе Омской епархіи* и въ ней — Киргизской миссіи служить доказательствомъ, что правительство обратило, наконецъ, серьезное вниманіе на святое дѣло просвѣщенія тамошнихъ инородцевъ свѣтомъ евангельской вѣры. «Жатва многа», Богъ дастъ, найдутся и «дѣлатели». Переведенный въ Омскъ преосвященный Григорій—мой старшій сослуживецъ по Казанской духовной академіи. Миссіонерскимъ дѣломъ онъ никогда не занимался, но благодать Божія, «оскудѣвающая восполняющая», поможетъ и ему воздѣлать въ своей епархіи духовный виноградникъ, подобный алтайскому ¹⁴⁾.

¹⁴⁾ Примѣчаніе А. С. Павлова: „Благо и ближайшій дѣлатель въ

.....

 Во вторникъ послѣ Оминой недѣли уѣзжаю на полтора мѣсяца въ Одессу, командированный туда г. министромъ по дѣламъ службы. На сей дальній путь и предстоящіе за нимъ труды испрашиваю вашего архипастырскаго благословенія и святыхъ молитвъ.

Старый и уже дряхлѣющій школьный товарищъ вашего преосвященства

Алексѣй Павловъ.

P. S. Въ упомянутомъ вашемъ распоряженіи допущена одна корректурная ошибка, именно въ концѣ 2-го пункта (стр. 8) напечатано: «а отъ погребенія самоубійць сознательныхъ и *страдавшихъ* душевными болѣзнями отказывались». Предъ словомъ «страдавшихъ» пропущена частица «не». Не найдете ли нужнымъ, владыко, распорядиться, чтобы эта ошибка была исправлена въ одномъ изъ ближайшихъ №№ *Вѣдомостей*?

IX ¹⁵).

Ваше преосвященство,
 Преосвященнѣйшій владыко,
 Милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Давно я не имѣлъ случая напомнать вамъ о своемъ, по милости Божіей, все еще продолжающемся, хотя и многоскорбномъ, пребываніи въ семь мірѣ. За то нынѣш-

нововасажденномъ виноградникѣ—вашъ ученикъ о. Сергій уже имѣетъ опытъ въ семь дѣлѣ.—Это о. Сергій Петровъ, о которомъ упомянуто выше, въ примѣчаніи 6-мъ, состоявшій въ 1895 г., въ санѣ архимандрита, начальникомъ Киргизской миссіи.

¹⁵) Помѣта преосвященнаго Макарія: „Даю предложеніе консисторіи о выпискѣ книги. 9 февр. 1898 г., 5 февр. 1898 г. Отвѣтъ 10 февр. Приглашаю къ себѣ въ домъ, если пріѣдетъ въ Томскъ; помѣщеніе въ угловомъ кабинетѣ“.

нимъ лѣтомъ предполагаю, если Господь продлитъ дни мои, поклониться вамъ лично и принять ваше святительское благословеніе. Въ качествѣ своего предтечи, посылаю вамъ теперь свою новую книгу—«Номоканонъ при Большомъ Требникѣ». Книга эта стоила мнѣ многолѣтняго упорнаго труда и немалыхъ расходовъ, и я надѣюсь, что «не вотще потрудихся надъ нею», а съ пользою для церковной науки и для самой св. церкви. Впрочемъ, оставляю ее на судъ вашего преосвященства и желаю, чтобы этотъ судъ былъ бы столь же *милостивъ*, сколько *искрененъ и справедливъ* мой отзывъ объ изданныхъ вами правилахъ касательно погребенія самоубійцъ, отзывъ, изложенный въ примѣчаніи на 178 статью Номоканона. Если моя книга дѣйствительно «обращаетъ благодать предъ очима вашима», то я почтительнѣйше просилъ бы васъ рекомендовать ее для выписки въ библіотеки болѣе состоятельныхъ приходскихъ церквей вашей епархіи. При выпискѣ не менѣе 20 экземпляровъ, я готовъ сдѣлать съ объявленной цѣны (3 р.) скидку 20%, но пересылку не могу принять на свой счетъ и полагаю производить ее съ наложеннымъ платежемъ. Повторяю по чистой совѣсти, что кромѣ упорнаго труда, изготовленіе и изданіе книги стоило мнѣ и значительныхъ расходовъ, которые, по всей справедливости, должны быть возмѣщены.

Племянникъ мой, сынъ Красноярскаго о. протоіерея Василія, вѣдвшій минувшимъ лѣтомъ изъ Казани (гдѣ онъ состоитъ студентомъ университета) на свиданье съ отцомъ, по пути завѣзжалъ къ своей роднѣ въ Томскъ и вывезъ оттуда неутѣшительную вѣсть, что вы, владыко, часто недомогаете и даже будто бы высказывали намѣреніе удалиться на покой. Да укрѣпитъ Господь ваши тѣлесныя силы въ мѣру силъ духовныхъ и да не двигнетъ вашего свѣтильника съ мѣста, на которое онъ тою же Вседержащею рукою поставленъ!

Въ упованіи на милость Господню, дерзаю закончить это письмо словомъ: «до свиданья».

Испрашивая вашего архипастырскаго благословенія и молитвъ, пребываю вашего преосвященства, преосвященнѣйшаго владыки и любезнѣйшаго товарища искреннѣйшимъ почитателемъ

А. Павловъ.

20 января 1898 г. Москва, Неопалимовскій переулокъ, д. Ѳедорова.

«Содержаніе писемъ А. С. Павлова» самъ преосвященный Макарій, въ своемъ письмѣ отъ 8 апрѣля, изложилъ такимъ образомъ:

1. Подпольная литература и дѣятели ея, въ связи съ волненіями въ университетахъ (Письмо отъ 29 сент. 1888 г., 17 мая 1890 г.).

2. Значеніе трудовъ канониста и отвѣты на вопрошенія: а) Можетъ ли новообращенный, женатый на вдовѣ, быть рукоположенъ во іерея; б) Можетъ ли невольный убійца быть рукоположенъ во іерея и с) одобреніе проекта о погребеніи самоубійць (Письма: 29 сент. 1888 г., 24 мая 1892 г., 18 января 1895 г. и 16 февраля 1895 г.).

3. Взглядъ на дѣло алтайской миссіи и «Памятное завіщаніе» о. М. Чевалкова (Письмо 8 апрѣля 1895 г.).

4. Привѣтствіе съ 40-лѣт. служенія и воспоминанія дѣтства (Письмо 10 февраля 1895 г.) и юности (Письма 29 сент. 1888 г., 24 іюня 1892 г.).

5. Послѣдній трудъ и желаніе побывать въ Сибири (несбывшееся) (Письмо 20 января 1898 г.).

† 1898 г.

Сообщ. Н. Бирюковъ.

С Е Л О М Ъ .

(Изъ жизни сельскаго духовенства).

Какъ-то лѣтъ семь тому назадъ, еще до войны и забастовокъ, мнѣ пришлось въ лѣтнее время провести нѣсколько дней у моего дальняго родственника, священника одного изъ сель Коломенскаго уѣзда.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней родственникъ пригласилъ меня итти съ нимъ въ гости къ мельнику Егору Иванычу, жившему на другомъ концѣ села.

Пошли втроемъ: священникъ, я и матушка.

Село не особенно большое, дворовъ тридцать. По случаю праздничнаго дня много народу было на улицѣ.

— Слушай, Анна Николаевна, — сказалъ священникъ супругѣ, — я вижу, ты намѣреваешься селомъ итти? Пойдемъ лучше задворками: не люблю я селомъ ходить.

— Ну, чего «не люблю»? Не все ли равно тебѣ? Я новые ботинки надѣла, а на задворкахъ роса скоро ляжетъ, — недовольнымъ голосомъ говоритъ Анна Николаевна, молодая женщина лѣтъ тридцати.

Что было дѣлать? Пришлось итти селомъ.

— Эхъ, народъ теперь вездѣ торчитъ! — сердито отмахнулся батя. — Ну, чего не пошла задворками?

Дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ около домовъ, на травѣ и на завалинкахъ, видѣлись кучки людей. При приближеніи священника крестьяне вставали съ завалинокъ и, снявши шапки, почтительно кланялись священнику; встрѣчные подходили подъ благословеніе.

Торопливо и смущенно о. Александръ отвѣчалъ на поклоны крестьянъ, какъ-то неловко, словно конфузясь, благословлялъ встрѣчныхъ и спѣшилъ дальше. Ему, очевидно, какъ можно скорѣе, скорѣе хотѣлось пройти селомъ.

Пройдя половину села, о. Александръ увидалъ стоящую за срубомъ толпу мужиковъ чловѣкъ въ 15 и, какъ бы обходя встрѣчную лужу, быстро повернулъ на другую сторону улицы.

— Да, вѣдь, тамъ же хуже итти, экой какой!—недовольно говорила матушка, направляясь за мужемъ на другую сторону.

Въ одномъ мѣстѣ батюшку остановили четверо крестьянъ. Подойдя подъ благословеніе и не надѣвая шапокъ, они заговорили съ священникомъ относительно съемки церковныхъ луговъ.

О. Александръ старался быть вѣжливымъ и любезнымъ въ разговорѣ съ крестьянами, говорилъ имъ иногда даже «вы»; но чувствовалось какъ-то невольно, что какая-то стѣна стоитъ между нимъ и крестьянами. О. Александръ, очевидно, не умѣлъ, не могъ подойти къ народу, не умѣлъ говорить съ нимъ. Отъ всей этой любезности вѣяло какой-то неискренностью и фальшью. О. Александръ чувствовалъ, повидимому, это и самъ и еще больше конфузился, и часто опускалъ глаза въ землю. Кончивъ бесѣду съ мужиками, онъ облегченно вздохнулъ и пошелъ дальше.

— Къ Марьѣ бы зайти кстати, — сказала Анна Николаевна, — а то опять полоть уйдетъ; ищи тогда полемойку-то къ празднику.

— Послѣ, послѣ! — горячо запротестовалъ батюшка. — А то лучше — одна сходишь или Арину пошлемъ... Пойдемте поскорѣй къ Егору Иванычу-то... Ахъ, поскорѣй бы это село кончилось!..

Шелъ я за о. Александромъ и вспоминалъ, какъ лѣтъ двадцать-тридцать назадъ, по тому же селу и къ тому же Егору Иванычу ходилъ я еще мальчишкой, котораго вела

за руку тетка, съ покойнымъ дядею, тоже священникомъ.

Выйдемъ изъ дому часовъ въ 5—6 и часа, по крайней мѣрѣ, полгора идемъ по селу, а всего какая-нибудь четверть версты.

Еще выходя только изъ дому, тетка, обыкновенно, уже усердно начинала просить дядю:

— Егоръ Алексѣичъ, только пожалуйста ты поскорѣй селомъ, касатикъ!

— Ладно, ладно.

Входя на улицу, тетка опять напоминала:

— Ужь пожалуйста, отецъ, не задерживай, а то идемъ, идемъ каждый разъ.

— Ладно, ладно, губернаторша, — такъ въ шутку любилъ называть попадю о. Егоръ.

На завалинкахъ, какъ и сейчасъ, сидѣлъ народъ и тоже, вставая, кланялся священнику.

— Здравствуй, здравствуй, Пименычъ!.. Здравствуй, Иванъ!—привѣтливо отвѣчалъ дядя у одной избы, приподымая шляпу.—Здравствуй, Антипычъ!—первый говорилъ дядя сидящему у слѣдующей избы слѣпому старику, выползшему изъ избы на завалинку. — На солнышко погрѣться вышелъ?

— Ахъ, батюшка, отецъ родной! это ты? Здравствуй, здравствуй, родимый!

— Погрѣться, молъ, вышелъ? — говорить дядя, останавливаясь.

— Погрѣться, погрѣться, родимый... Дай тебѣ, Богъ, добраго здоровья,—умиленно говоритъ старикъ.

— А внучата-то гдѣ же? Убѣгли, небось, на рѣчку?

— На рѣчку, на рѣчку.

— Пойдемъ, попъ,—начинаетъ тянуть мужа за рукавъ матушка.

— Сейчасъ, сейчасъ.

— Ну, прощай, Антипычъ... Дай я тебя благословлю, сердешнаго... Во имя Отца и Сына... — Дядя еще что-то хочетъ сказать старику, но тетка чуть не тащитъ его за рукавъ.

— Пойде-емъ, попъ... Опять та же исторія, — сокрушенно говоритъ она, обращаясь ко мнѣ. — Двѣ только избы прошли, а тамъ еще 30; опять раньше семи не попадемъ на мѣсто.

— Ну, что, Домна? какъ корова-то? — спрашиваетъ стоящую у слѣдующей избы бабу дядя.

— Да словно получше теперь стало.

— Ну, слава Богу! Ты приди,—я еще ладонку-то дамъ.

— Ну, твои какъ, Василий, дѣла?—спрашиваетъ дядя, благословивши подошедшаго крестьянина. — Письма все еще нѣтъ?

— Все нѣтъ, батюшка,—сокрушенно говоритъ Василий.

— Ахъ ты, касатикъ... Ишь дѣло какое... А ты вотъ что, голубчикъ, сдѣлай: попробуй-ка послать заказнымъ. Можетъ, вѣдь, на почтѣ пропадаютъ письма-то? Можетъ, живъ и здоровъ твой Петръ-то.

— Это какъ заказнымъ?

— Да такъ, двѣ марки.

— Только, баишь, двѣ?

— Двѣ, двѣ.

— И ужъ не пропадетъ?

— Ни за что!

— Такъ я ужъ пошлю, пошлю!—оживляется, сразу веселѣетъ печальный Василий.—Адресу-то также писать?

— Также, также, только наверху напиши: заказное, да внизу еще пропиши... Да ты лучше приди ко мнѣ, я тебѣ и напишу.

— Дай тебѣ Богъ добраго здоровья!

— Пойде-емъ, попъ!

— Сейчасъ, сейчасъ.

— Завтра утречкомъ или въ обѣдъ придешь, я и напишу, тутъ недолго,—оборачивается на ходу дядя.

А у одной изъ слѣдующихъ избы дядю уже издали привѣтствуетъ завидѣвшая его безногая Аоимья.

— Здравствуй, касатикъ!—кричитъ она.

— Здравствуй, баушка, здравствуй!

— Ты ужъ, ради Бога, только поскорѣй съ ней, — за-ранѣ предвидя продолжительную остановку, говорить ма-тушка.

— Во имя Отца и Сына...—подходя къ завалинкѣ, благословляетъ дядя параличную. — Ну, что? все терпишь, бабушка?

— Терплю, терплю... — говорить сіяющая Афимья,— какъ я рада, что тебя-то увидала, касатикъ! Словно сол-нышко засіяло...

— Трудно тебѣ, бабушка... трудно... Ну, да знаешь? Вѣдь, не все терпѣть,—придетъ и конецъ, такъ вѣдь?

— Такъ, такъ, касатикъ... — улыбаясь во весь ротъ, говорить Афимья.

— А оттерпится казакъ, атаманъ будетъ; такъ вѣдь, родимая?.. Спаситель-то батюшка какъ страдалъ! А зато царство-то, царство-то небесное какое приготовилъ!.. Ну, терпи, терпи, родимая! Дай я тебя еще благословлю... Во имя Отца...

— Спаси тебя, батюшка Отецъ небесный!—съ льющи-мися слезами умиленія говорить старуха.

— Егоръ Алексѣичъ!—тихонько напоминаетъ матушка.

— Сейчасъ, сейчасъ... Слушай, попадья, — ты пришли Афимьюшкѣ-то какъ-нибудь медку, а? Пришлешь? Вотъ тебѣ попадья медку хочеть прислать, — не дожидаясь отвѣта, говорить дядя.

— Пошли тебѣ, матушка... — кланяется съ завалинки теткѣ убогая, бѣдная старушка.

Дядя тронулся дальше, вездѣ ласково, радушно здоро-ваясь съ крестьянами и называя ихъ по именамъ, благо-словляя подходящихъ, — а къ кому и самъ подойдетъ, благословить, кидая на ходу вопросы, входя въ ихъ нужды.

— Ну что, продалъ лошадь, Федорычъ?

— Продалъ, батюшка.

— За сколько?

— За шестьдесятъ рублей.

— Такъ... Теперь что же?—срубъ ставить будешь?

— Срубъ буду ставить, батюшка.

— Такъ.

Черезъ двѣ, три избы.

— Ну что, Никита?—взидилъ на базарь-то?

— Взидилъ, батюшка!

— Какъ? хорошо продалъ-то?

— Да ничего.

— Та-акъ.

У слѣдующей избы:

— Здравствуй, Архипъ! Купилъ жеребенка-то?

— Купилъ, батюшка.

— Что, Петровичъ? аль опять лихорадка?—увидя блѣднаго мужика въ полушубкѣ, спрашиваетъ дядя.

— Опять колотить.

— Попадья, тамъ у тебя гдѣ-то еще словно есть порошковъ пять хины-то? Пришли ему. Ишь какъ бѣдняга мается: зеленый весь... Ты, Петровичъ, пришли уже мальчишку. На ночь же и прими нынче.

— А, Еремеевна! — увидавъ идущую навстрѣчу старушку, обрадовался дядя,—ну, какъ сходила, милая? Народу-то, народу-то, небось, валить къ Преподобному!.. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! — благословилъ дядя Еремеевну.

— То-ись, ужаси сколько народу!—говорить, поцѣловавъ руку, Еремеевна,—столько народу, столько народу!

— Радость-то, радость-то, небось, какая!

— Ужъ такая ли радость, отецъ, такая!—умиленно говоритъ старушка,—что и сказать не могу!

— Давно ли пришла-то?

— Оте-ецъ!—умоляетъ попадья,—да пойдемъ же ради Господа! Въдъ, ужъ битый часъ идемъ...

— Сейчасъ, сейчасъ, голубка! — начинаетъ торопиться батюшка.—Ефимъ! прислали сыну паспортъ-то?—кидаетъ онъ стоящему у телѣги крестьянину.

— Нѣтъ еще.

— Да что же они? Ты бы...

— Егоръ Алексѣичъ!—начинаетъ уже терять терпѣніе матушка.

— Пойдемте, пойдемте... Усталъ, полковничекъ? — любовно, нѣжно обращается ко мнѣ дядя.

— Нѣтъ, ни чуточки!—молодцевато говорю я, тая отъ ласки дяди.

— Ты у меня молодецъ, не какъ тетка!—ласково улыбается онъ женѣ.—Ну, пойдемте, пойдемте поскорѣй...

Но уже и безъ того конецъ села. Вонъ и домъ мельника съ рѣзными ставнями. Но недалеко отъ пруда, у ветель, играютъ въ бабки ребятишки.

— Батюшка! Батюшка!—запрыгали ребятенки, побросали бабки и ну тѣсниться къ дядѣ.

— Во имя Отца и Сына... Во имя Отца... и Святаго Духа... Во имя...—кого благословляетъ, кого треплетъ по головѣ дядя. — Ишь подъ ветлы спрятались, плуты? Въ холодокъ... а?—дядя весь сіяетъ; мнѣ чудится, что даже и лицо-то его преобразается: онъ сильно любилъ дѣтей.— А ты, Митюшка, небось всѣхъ ловчѣй въ бабки играешь, а?—говоритъ онъ бойкому, востроносому мальчугану съ всклокоченными волосами.

— Я-то?—шмыгнувъ носомъ, отвѣчаетъ Митюшка, — я завсягды безъ промаху!

— Ишь ты, братъ, какой! Ну-ка, ударь, я посмотрю,—говоритъ батюшка.

Митюшка торжествующе беретъ бабку и бьетъ. Валяются три, четыре гнѣзда.

— Молодецъ, Митюшка!.. Э, да у тебя, я вижу, и свинчатка есть? Ну-ка, дай, я пробью, — дядя засучиваетъ рукавъ раски и кидаетъ бабку. — Э, нѣтъ, ужъ гдѣ мнѣ? Старъ сталъ, дѣтки! А въ ваши года куда какъ ловокъ былъ въ бабки играть... Ну, играйте, играйте, дѣтки! Господь надъ вами... Только смотрите, не деритесь,—уже серьезно говоритъ батюшка.—Помните, я вамъ говорилъ?

— Нѣ-ѣ! — дружно отвѣчаютъ ребятишки.— Мы ни за что не будемъ... Только вотъ Митюшкѣ не вели!

— Митюшка, я знаю, не будетъ,—увѣренно говорить дядя, глядя на Митюшку.

— Ни почему не буду, батюшка!—торжественно говорить Митюшка,—ни въ жисть!

— Ну, Господь надъ вами! Играйте, играйте... Пойдемъ, полковничекъ!

Такъ шель селомъ мой дорогой дядя къ мельнику Егору Иванычу.

Николай Никитскій.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧЕСТЬ БОЖІЕЙ МАТЕРИ, совершаемый 17-го августа въ Геосиманскомъ скиту, близъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Геосиманскій скитъ, близъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, основанъ митрополитомъ Филаретомъ въ 1844-мъ году.

Названіе Геосиманскаго онъ носитъ потому, что главный храмъ въ немъ посвященъ воспоминанію погребенія Богоматери въ Геосиманіи, близъ Іерусалима.

Внѣшнимъ поводомъ къ посвященію его въ честь Божіей Матери и къ самому названію скита Геосиманскимъ послужило то обстоятельство, что сюда была перенесена изъ села Подсосенья ¹⁾ пришедшая въ ветхость деревянная церковь во имя Успенія Богоматери, замѣчательная по древности своего построенія и по имени своего строителя ²⁾. Съ построеніемъ въ селѣ Подсосеньи каменнаго храма, деревянный храмъ оказался ненужнымъ и постепенно пришелъ въ ветхость.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ истекшаго столѣтія возникъ вопросъ объ окончательной сломкѣ этой деревянной церкви.

Озабоченный сохраненіемъ этого замѣчательнаго памят-

¹⁾ Село это находится въ 7 верстахъ отъ Лавры и въ трехъ отъ Спасо-Виоанскаго монастыря.

²⁾ Выстроена она знаменитымъ дѣятелемъ въ эпоху смутнаго времени преподобнымъ Діонисіемъ, архимандритомъ Лавры, въ 1616 году вскорѣ послѣ изгнанія поляковъ изъ Москвы.

ника древности тогдашній намѣстникъ Лавры, архимандритъ Антоній, на разсмотрѣніе котораго, по порученію м. Филарета, поступило это дѣло, предложилъ перенести ее на такъ называемую «Корбуху»³⁾ на мѣсто прежде бывшаго деревяннаго дворца.

«Церковь на Корбухѣ», писалъ по этому поводу м. Филаретъ архимандриту Антонію,—на мѣстѣ дома, будетъ ли у мѣста и для какой цѣли? Не найдутся ли два-три человека безмолвствовать при ней, и въ такомъ случаѣ не лучше ли поставить ее подалѣе? (См. письма м. Филарета къ намѣстнику Лавры, архимандриту Антонію, ч. II, стр. 92).

Мысль великаго святителя отвѣчала давнишнему желанію архимандрита Антонія основать скитъ подъ вѣдѣніемъ Лавры въ качествѣ ея общежитнаго отдѣленія.

Такимъ образомъ, говоря словами м. Филарета, «родилась мысль въ уединеніи сего урочища устроить малый храмъ, въ которомъ поселились бы нѣсколько братій, особенно расположенныхъ къ безмолвію и къ болѣе строгому отреченію отъ своихъ желаній и собственности» (См. бесѣду, произнесенную м. Филаретомъ при освященіи храма во имя Филарета Милостиваго въ Геосиманскомъ скиту 28 сент. 1860 г.—Слова и рѣчи, т. V, стр. 508).

Самая мысль назвать скитъ Геосиманскимъ принадлежить архимандриту Антонію, на что послѣдовало согласіе м. Филарета:

«Добрѣ было бы, писалъ онъ архимандриту Антонію 3-го сентября 1843 года, если бы Матерь Божія благоволила быть Геосиманскому скиту» (Письма м. Филарета къ архимандриту Антонію, ч. II, стр. 93).

Итакъ, «древній» (Успенскій) «храмъ, его же небрегоша имѣвшіе его, перенесенъ сюда и бысть во главу сей новой обители»⁴⁾ и, какъ мы сказали выше, послужилъ поводомъ и къ самому названію скита.

³⁾ Мѣстность въ 2¹/₂ верстахъ отъ Лавры къ востоку.

⁴⁾ Слова м. Филарета въ упомянутой бесѣдѣ, т. V, стр. 509.

Въ словѣ «на обновленіе древняго храма Успенія Пресвятыя Богородицы», произнесенномъ м. Филаретомъ въ Геесиманскомъ скиту, онъ такимъ образомъ объясняетъ смыслъ этого наименованія:

«Двѣсти двадцать семь лѣтъ стоялъ сей деревянный храмъ ⁵⁾, бывъ созданъ Лаврой преподобнаго отца нашего Сергія, въ начальствованіе преподобнаго отца нашего Діонисія, и тогда еще предоставленъ въ покровительство Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы въ память славнаго Ея Успенія, дабы по сей памяти Она съ благоволеніемъ призирала на него, какъ на Свою Геесиманію (Филаретъ—«Слова и рѣчи», т. IV, стр. 314).

Храмъ во имя Успенія Пресв. Богородицы въ Геесиманскомъ скиту былъ освященъ м. Филаретомъ 28 сентября 1844 года ⁶⁾.

Подъ Успенскимъ храмомъ тогда же была устроена «подцерковная хранина» ⁷⁾ съ назначеніемъ служить мѣстомъ для чтенія псалтири — съ тѣмъ, чтобы «псалтирь Давидова день и ночь издавала бы здѣсь свои святыя и освящающіе звуки, сопровождаемые молитвой о мирѣ и благѣ церкви, царя, отечества, великой обители и благотворящихъ ей» ⁸⁾.

⁵⁾ Т.-е. съ 1616 (— годъ основанія) до 1843 г. (— годъ, въ которомъ приступлено къ перенесенію его на новое мѣсто).

Впрочемъ, авторъ статьи „Село Подсосенье“ іеромонахъ Арсеній и вслѣдъ за нимъ проф. Голубинскій полагаютъ, что деревянная церковь, перенесенная изъ села Подсосенья въ скитъ, построена не въ 1616, а въ 1871-мъ году (на мѣсто построенной въ 1616 году. См. упомянутую статью іеромонаха Арсенія въ *Москов. Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1878 г. № 34 и книгу проф. Голубинскаго—„Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра“, стр. 360—361).

⁶⁾ Такимъ образомъ 28-го сентября прошлаго года исполнилось *шестьдесятъ лѣтъ* со времени основанія скита.

⁷⁾ Выраженіе м. Филарета въ письмѣ къ архим. Антонію (Письма, ч. II, стр. 186).

⁸⁾ См. упомянутую бесѣду, произнесенную м. Филаретомъ при освященіи храма во имя св. Филарета Милостиваго въ Геесиманскомъ скиту лова и рѣчи, т. V, стр. 508).

Затѣмъ возникла мысль объ устроеніи здѣсь церкви, и уже въ слѣдующемъ году на этомъ мѣстѣ былъ устроенъ храмъ въ память Геосиманскаго моленія Спасителя и освященъ м. Филаретомъ 8 іюля 1845 года (См. Слово м. Филарета по освященіи храма Господа нашего Іисуса Христа въ честь и память Геосиманскаго моленія. Филареть— «Слова и рѣчи», т. IV, стр. 395—401).

Съ теченіемъ времени въ скиту явились многочисленныя пристройки, и въ настоящее время онъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: 1) собственно скита, въ которомъ находится упомянутая Успенская перковь, перенесенная изъ села Подсосенья, 2) пещерь и 3) Боголюбивой киновіи⁹⁾; но средоточіе Геосиманскаго скита все же составляетъ Успенская церковь, поэтому Успеніе Божіей Матери и является главнымъ скитскимъ праздникомъ.

Кромѣ того, въ скиту установлено 17-го августа особое частное празднованіе въ честь Божіей Матери. Объ этомъ частномъ празднованіи мы и будемъ теперь вести рѣчь.

Побужденіемъ къ этому для насъ служить ближайшимъ образомъ то обстоятельство, что хотя скитскій праздникъ 17-го августа и пользуется большою извѣстностью среди жителей Сергіева-Посада и многочисленныхъ богомольцевъ, посѣщающихъ скитъ въ этотъ день, но тѣмъ не мѣнѣе большинство изъ нихъ имѣетъ довольно смутныя и неопредѣленныя представленія относительно смысла и дѣли этого празднованія.

Въ предлагаемомъ трудѣ, въ виду исполнившагося въ прошломъ году шестидесятилѣтія со времени основанія скита, мы намѣрены представить историческую справку

Это чтеніе псалтири было заведено въ скиту съ самаго его открытія и впервые было начато самимъ храмоздателемъ м. Филаретомъ.

⁹⁾ Перечисленіе храмовъ, находящихся въ Геосиманскомъ скиту, см. въ книгѣ проф. Голубинскаго — „Препод. Сергій Радонежскій“, стр. 289—291.

по поводу этого празднованія и постараемся, по возможности, выяснитъ его смыслъ и значеніе.

Скитскій праздникъ въ честь Божіей Матери, совершаемый 17-го августа, установленъ со временъ м. Филарета и при его непосредственномъ участіи «въ воспоминаніе», какъ сказано въ путеводителѣ скита, «Вознесенія Божіей Матери на небо, о которомъ апостолы получили извѣщеніе въ третій день послѣ Ея Успенія» (См. Путеводитель по Геосиманскому скиту, что близъ Свято-Троицкія Сергіевскія Лавры. М. 1887 г., стр. 40).

На такое знаменованіе праздника указываетъ самъ м. Филаретъ въ письмахъ, писанныхъ по поводу его къ наѣстнику Лавры, архимандриту Антонію:

«Предстательствомъ Преподобнословенныя Матери Господней, да благословитъ Господь вамъ и намъ празднованіе славнаго Ея Успенія и восхожденія на небо», пишетъ онъ, въ виду скорого наступленія скитскаго праздника, въ письмѣ къ архимандриту Антонію отъ 13 августа 1847 г. (См. «Письма м. Филарета къ архимандриту Антонію», ч. II, стр. 329).

«Зрю въ скитъ», пишетъ онъ тому же архимандриту Антонію 17 августа 1861 года.

«Радуйся, Богоблагодатная! Даруй Твою нетлѣнную радость по прославляющихъ Твое на небо восхожденіе и притекающихъ къ Тебѣ съ вѣрою» (Письма м. Филарета... ч. IV, стр. 304).

Къ этому дню приуроченъ особый чинъ богослуженія, имѣющей тѣсную связь съ великимъ событіемъ, воспоминаемымъ православною церковью 15-го августа.

Какъ чинопослѣдованіе этого праздника (собственно все-нощное бдѣніе), которое имѣетъ свои своеобразныя особенности, такъ и самая исторія и источники, на которыхъ оно основывается, представляютъ собою интересную страницу въ исторіи православнаго богослуженія позднѣйшаго времени, тѣмъ болѣе, что установленіе этого праздника

связано у насъ съ именемъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ іерарховъ 19-го столѣтія.

Невольно возникаютъ вопросы: откуда перешелъ къ намъ и что такое представляетъ собою этотъ праздникъ, какая цѣль имѣлась въ виду при его установленіи, какъ она осуществлялась на практикѣ, каково отношеніе этого праздника къ празднику Успенія?

Нѣкоторымъ отвѣтомъ на эти вопросы могутъ служить письма м. Филарета къ намѣстнику Лавры, архимандриту Антонію, вызванныя этимъ дѣломъ.

Эти письма свидѣтельствуютъ о томъ, что мысль объ установленіи въ Геосиманскомъ скиту особаго праздника въ честь Богоматери сильно занимала м. Филарета, и онъ настойчиво стремился къ ея осуществленію.

По его собственному признанію, работая надъ редактированіемъ той службы, которую онъ хотѣлъ приурочить къ 17-му августа, онъ оставлялъ свои другія должностныя дѣла въ надеждѣ, что «годится эта поспѣшность на тотъ случай, если онъ не доживетъ до праздника; чтобы Всемилостивая Матерь Божія вмѣнила ему сіе хотя въ малѣйшее участіе въ Ея праздникѣ» (См. Письма м. Филарета къ архим. Антонію, ч. II, стр. 273).

Оригиналомъ для этой службы митрополиту Филарету послужилъ Палестинскій чинъ богослуженія ⁴⁰⁾.

⁴⁰⁾ Съ тѣмъ только различіемъ, что упомянутая служба въ Палестинѣ совершается въ навечеріи дня Успенія Божіей Матери. См. статью: О богослуженіи въ навечеріи дня Успенія Пресвятой Богородицы, при гробѣ Ея въ Геосиманіи, близъ Іерусалима въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Любителей Духов. Просвѣщенія 1871 годъ, июль.

Впрочемъ, кромѣ Геосиманскаго скита, служба эта отправляется и въ Троице-Сергіевой Лаврѣ и также приурочивается къ 15-му августа (См. ниже, въ примѣчаніи, подробное оглавленіе службы Іерусалимскаго послѣдованія, редактированной м. Филаретомъ).

Насколько намъ извѣстно, чинъ этой службы, кромѣ того, совершается въ Костромскомъ Богоявленскомъ женскомъ монастырѣ (по всей вѣроятности, со временъ тамошней игуменіи Маріи Давыдовой, ревностной почитательницы м. Филарета), если не ошибаемся, въ Але-

Переводъ сдѣланъ по его указанію профессоромъ Холмогоровымъ ¹¹⁾ при участіи и подъ редакціей самого митрополита (См. Письма м. Филарета къ архим. Антонію, ч. II, стр. 268, 272 и дал.).

М. Филаретъ, какъ видно изъ его писемъ къ архимандриту Антонію, работалъ надъ редактированіемъ Іерусалимскаго послѣдованія въ концѣ 1846 года (письма его по этому поводу къ намѣстнику Лавры помѣчены октябремъ, ноябремъ и декабремъ 1846 года), для того, чтобы приурочить эту службу къ свитскому празднику въ будущемъ году (См. Письма Филарета... ч. II, стр. 272—275, 278—279, 280).

Слѣдовательно, въ 1847 году впервые по тому послѣдованію совершалась служба этого праздника, и съ тѣхъ поръ, повидимому, она и получила тотъ видъ, по которому она донынѣ совершается; но издана она въ свѣтъ уже много позднѣе, лишь послѣ смерти м. Филарета, въ 1872 году ¹²⁾.

Имѣя подъ руками эту службу, мы укажемъ на ея существенныя особенности и на тотъ источникъ, откуда она была заимствована; при этомъ мы будемъ имѣть въ

ксандро-Маринскомъ домѣ призрѣнія при Троице-Сергіевой Лаврѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Но приурочивается ли эта служба къ 15-му августа или, подобно Геесиманскому скиту, къ 17-му, намъ неизвѣстно.

¹¹⁾ Изъ профессоровъ Казанской духовной академіи. Въ то время онъ проживалъ въ отставкѣ въ Сергіевомъ-Посадѣ.

¹²⁾ „Служба Успенію Пресвятыя Богородицы“. Москва. Въ Синодальной типографіи, на Никольской улицѣ. 1872.

На второмъ заглавномъ листѣ ея содержится болѣе подробное ея оглавленіе: „Похвалы, или священное послѣдованіе на святое преставленіе Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, поемое въ седьмой-надесять день мѣсяца августа каждагодно въ скитѣ Геесиманіи, а въ Лаврѣ отправляемое пятнадцатаго августа“.

На оборотѣ этого же заглавнаго листа значится: переложено съ греческаго въ 1846 году профессоромъ Холмогоровымъ и исправлено святителемъ Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ.

виду и тѣ отступленія, которыя были сдѣланы м. Филаретомъ отъ своего оригинала, и постараемся выяснитъ, чѣмъ они обусловливались.

Послѣ этихъ общихъ предварительныхъ замѣчаній мы перейдемъ къ разсмотрѣнію скитской службы, совершаемой 17-го августа, съ другой болѣе частной стороны—со стороны тѣхъ пѣснопѣній, которыя входятъ въ составъ послѣдованія этой службы и какихъ нѣтъ ни въ какой другой церковной службѣ; именно покажемъ, какое отношеніе имѣютъ эти пѣснопѣнія къ празднику, какія съ ними связываются событія въ исторіи христіанской церкви и т. п.

Въ заключеніе мы надѣемся выяснитъ смыслъ и значеніе этого скитскаго праздника, его связь и соотношеніе съ праздникомъ Успенія Божіей Матери и его мѣсто въ ряду другихъ помѣстныхъ праздниковъ православной церкви.

Главные и существенныя особенности богослуженія скитскаго праздника въ честь Божіей Матери касаются собственно всенощнаго бдѣнія ¹³⁾.

Въ общемъ онѣ сводятся къ слѣдующему:

На великой вечернѣ, послѣ обычныхъ стихиръ праздника Успенія на Господи возвахъ, поются «ины стихиръ изъ Іерусалимскаго послѣдованія», составленныя по образцу службы великой субботы.

На утрени бываетъ благословеніе хлѣбовъ, и съ чтеніемъ шестопсалмія соединяется чтеніе сказанія «о Успеніи Пресвятыя Владычицы наша Богородицы», болѣе или менѣе подробное, смотря по усмотрѣнію настоятеля ¹⁴⁾.

¹³⁾ Относительно литургіи, какъ увидимъ ниже, онѣ далеко не столь существенны.

¹⁴⁾ Это чтеніе, которое слѣдуетъ непосредственно по возгласѣ: Благословеніе Господне на васъ..., не представляетъ собою чего-нибудь опредѣленнаго, установленнаго разъ навсегда. Оно можетъ быть и изъ

Передъ пѣніемъ тропаря «на Богъ Господь», послѣ великой ектеніи, предстоятель выходитъ изъ алтаря, неся образъ Успенія Пресв. Богородицы, за нимъ слѣдуютъ священники въ облаченіи; образъ полагается на аналогіи, предстоятель раздастъ свѣчи братіи, и молящіеся также возжигаютъ свѣчи.

Предстоятель кадитъ образъ при пѣніи особыхъ тропарей изъ Іерусалимскаго послѣдованія, составленныхъ также по образцу службы великой субботы ¹⁵⁾.

Затѣмъ возглашаетъ канонархъ на 5-й гласъ: *Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ, и читаются 17 каѳизма: «блаженни непорочнии» и «похвалы Богоматери», раздѣленные на три статьи, составленные по образцу похвалъ, читаемыхъ на утрени въ великую субботу ¹⁶⁾.*

Послѣ 17-й каѳизмы и похвалъ Богоматери поются «Благословенны», содержаніемъ которыхъ служить воспоминаніе восхожденія Богоматери на небо ¹⁷⁾.

Вотъ главнѣйшія особенности всенощнаго бдѣнія праздника ¹⁸⁾.

Четии-Минеи, и изъ Пролога и вообще изъ любой духовно-нравственной брошюрки или листка, содержащихъ сказаніе объ Успеніи Божіей Матери.

¹⁵⁾ Именно по подобію тропарей: *Благообразный Іосифъ..., Егда снишелъ еси къ смерти, животе безсмертный..., Мцроносицамъ женамъ, при гробѣ представъ, ангелъ вопіаше... Составлены тропари послѣдованія: Благообразныхъ ученикъ ликъ..., Егда снишла еси къ смерти живота, Мати безсмертная..., Священнымъ ученикомъ въ Геѳсиманіи тѣло Матере Божія носящимъ...*

¹⁶⁾ Объ этихъ похвалахъ Богоматери мы будемъ имѣть случай говорить ниже.

¹⁷⁾ Т.-е. припѣвъ: „Благословенная Владычице, просвѣти мя свѣтомъ Сына Твоего“, поемый на 5-й гласъ, предшествуетъ тропарямъ: Ангельскій соборъ удивися, зри Тебе въ мертвыхъ вмѣнившуюся... и другимъ тропарямъ, составленнымъ по подобію тропарей воскресныхъ.

¹⁸⁾ Изъ другихъ менѣе значительныхъ особенностей службы не мѣшаетъ упомянуть еще о слѣдующей: канонъ, составленный, подобно

Наутріе, передъ водоосвященіемъ читается акаѳистъ на Успеніе Пресв. Богородицы ¹⁹⁾, и по водоосвященіи окропляются кресты и малые хлѣбы для раздачи народу.

Послѣ литургіи бываетъ крестный ходъ внутри монастыря со святыми иконами,—именно предносятся двѣ главныхъ иконы: Черниговской Божіей Матери и плащаница Божіей Матери ²⁰⁾, иконы дванадесятихъ праздниковъ и нѣсколько мѣстныхъ.

канону Успенія, изъ канона Космы Махомскаго и Іоанна Дамаскина, поется такимъ образомъ, что ирмосъ приходится изъ канона Космы („преукрашенная Божественною славою“), а дальнѣйшіе тропари изъ того и другого канона (сначала изъ Космы, потомъ изъ Дамаскина безъ повторенія). Ирмосъ Дамаскинова канона является заключеніемъ и служить катавасіей.

¹⁹⁾ Такъ было во времена м. Филарета и такъ значится въ службѣ, имъ редактированной.

Въ послѣднее время, насколько намъ извѣстно, этотъ акаѳистъ, по распоряженію покойнаго митрополита Іоанникія (въ его бытность митрополитомъ Московскимъ), перенесенъ на всенощное бдѣніе.

Именно тамъ онъ читается послѣ шестой пѣсни канона.

²⁰⁾ По всей вѣроятности, она ведетъ начало отъ временъ м. Филарета. По крайней мѣрѣ, изъ его писемъ къ намѣстнику Лавры, архимандриту Антонію, мы знаемъ, что къ нему обращались за совѣтомъ, слѣдуетъ ли писать особый образъ для праздника 17-го августа. Митрополитъ хотя и выразился въ томъ смыслѣ, что въ этомъ нѣтъ особой нужды, однако не отклонилъ этого предложенія, предоставивъ его на усмотрѣніе самого намѣстника, выразивъ при этомъ желаніе видѣть образъ, если онъ будетъ написанъ (Письма Филарета... ч. II, стр. 275).

Происхожденіе свое эта плащаница получила, несомнѣнно, съ стока.

Одинъ изъ русскихъ путешественниковъ по святой землѣ въ своемъ описаніи празднованія дня Успенія Божіей Матери въ Геосиманіи, близъ Іерусалима, изображаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ одинъ изъ образовъ Божіей Матери, находящійся въ церкви „Гробницы Божіей Матери“, который, какъ оказывается изъ его дальнѣйшаго изложенія, участвуетъ въ качествѣ главной святыни праздника въ крестномъ ходу, совершаемомъ въ Геосиманіи 15-го августа: „Передъ каменнымъ погребальнымъ ложемъ, въ углубленіи обширной пещеры, покоится на оригинальныхъ носилкахъ образъ Пресвятой Дѣвы Аеои-

Послѣ крестнаго хода богомольцамъ раздаются хлѣбцы, кипарисные кресты и ложки работы скитскихъ братій ²¹⁾.

Къ вечернему и всенощному богослуженію навануѣ 17-го августа, равно какъ и въ самый день праздника къ литургіи, открывается входъ въ скить и женщинамъ, которымъ единственно лишь въ эти дни въ году дозволяется входить въ скить ²²⁾ (т.-е. именно въ переднее отдѣленіе

скаго письма, выпиленный изъ дерева“, именно (какъ онъ поясняетъ въ примѣчаніи), „изъ цѣльной доски иконы вырѣзанъ точно очертанный силуэтъ Богоматери“ (*Московскія Вѣдомости* за 1892 г. № 138.—Русскій туристъ „по святой землѣ“).

Можетъ быть, подъ этимъ нѣсколько изысканнымъ выраженіемъ „точно очертанный силуэтъ Богоматери“, столь свойственнымъ въ устахъ свѣтскаго писателя—неспециалиста по части богослуженія, слѣдуетъ видѣть подобнаго же типа плащаницу, которая участвуетъ въ крестномъ ходу 17-го августа?

²¹⁾ Такъ сказано въ чинѣ „Послѣдованія“. Въ дѣйствительности же, если не ошибаемся, богомольцамъ раздаются одни хлѣбцы.

²²⁾ Такъ было установлено со времени основанія скита, и м. Филаретъ твердо настаивалъ на этомъ, какъ на основномъ правилѣ скитскаго общежитія. Вотъ, напр., интересный отрывокъ по этому поводу изъ его письма къ архимандриту Антонію (отъ 4 августа 1847 г.):

„Г-жѣ Наумовой, за нарушеніе безмолвія пустыни, объявилъ я назначенную епитемію недопущенія въ скить 17-го августа и не измѣнилъ сего рѣшенія по ея оправданію, что она пришла къ пустынѣ по дорогѣ, проложенной возящими лѣсъ, и что кто-то изъ монашествующихъ объявилъ ей сіе дозволеннымъ“ (Письма Филарета... ч. II, стр. 329).

Исключеніе изъ этого м. Филаретъ дѣлалъ для монахинь, которыя допускались иногда къ литургіи въ скитскую церковь, но и на это каждый разъ требовалось особое разрѣшеніе митрополита. „Игуменья Рождественская“ (т.-е. Рождественскаго монастыря), пишетъ опъ къ архим. Антонію, просить позволенія посѣтить скить. Для монахини и игуменіи, кажется, можно дать дозволеніе быть тамъ у литургіи, и довольно (Письма м. Филарета... ч. II, стр. 210—211), и въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ къ намістнику онъ проситъ „прошенія у скитянь“ въ томъ, что „на часъ нарушилъ ихъ безмолвіе, дозволивъ игуменіи слушать литургію въ скитѣ“ (тамъ же, стр. 212).

Игуменья „Зачатейская“, очевидно, не имѣвшая на то разрѣшенія, не была допущена въ скить:

„Бѣда не въ томъ“, пишетъ по этому поводу м. Филаретъ архи-

его, или скитъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ два же другія отдѣленія—въ пещеры и киноію—доступъ для женщинъ свободенъ всегда).

Мы изложили тѣ отличительныя особенности, которыми выдѣляется празднованіе 17-го августа въ Геосиманскомъ свиту.

Теперь, согласно намѣченной нами программѣ, мы должны показать, въ чемъ состояли труды м. Филарета по редактированію Іерусалимскаго чинослѣдованія, въ чемъ онъ отступалъ отъ своего подлинника и чѣмъ онъ при этомъ руководствовался.

Всего естественнѣе для достиженія этой цѣли было бы просто сравнить Іерусалимское послѣдованіе богослуженія въ подлинникѣ съ Холмогорово-Филаретовскимъ.

Но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками не только греческаго подлинника, но даже его полного перевода.

Послѣдованіе на Успеніе Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, совершаемое при гробѣ Ея въ Геосиманіи, близъ Іерусалима, изданное при Читеніяхъ въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія за 1871 годъ ²³⁾, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ своему оглавленію, потому что оно содержитъ лишь часть (правда, большую) Іерусалимскаго послѣдованія, именно «похвалы Богоматери», раздѣленные на три статьи и «Благословенны».

Въ виду всего этого, не задаваясь особенно широкими цѣлями, мы постараемся на основаніи писемъ м. Филарета намѣтить лишь его общіе принципы, которыми онъ руководствовался въ своемъ трудѣ по редактированію

мандриту Антоію въ томъ же письмѣ, „что скорбѣть будетъ Зачатейская игуменья, которую туда не допустили, а въ томъ, что по поводу моего разрѣшенія“ (т.-е. разрѣшенія, даннаго Рождественской игуменіи) „будутъ вамъ докучать о разрѣшеніяхъ и колебать правило. Будемъ тверже при помощи Божіей!“ (тамъ же).

²³⁾ Слѣдовательно, за годъ до появленія въ свѣтъ „Послѣдованія“ м. Филарета.

Іерусалимскаго послѣдованія, и черезъ сравненіе его «похвалъ Богородицы» съ букввальнымъ переводомъ ихъ Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв. наглядно показатъ, какимъ образомъ онъ ихъ осуществлялъ на практикѣ.

Въ письмахъ къ архимандриту Антонію м. Филаретъ пишетъ, что онъ «не могъ подчиниться рабски мыслямъ греческаго послѣдованія, потому что изданіе не представляетъ церковнаго утвержденія».

По его собственному признанію ему «хотѣлось соединить словенскій видъ рѣчи съ ясностью», и въ виду этого онъ «иногда перемѣнялъ порядокъ словъ и немногія слова употреблялъ нѣсколько новыя, вмѣсто болѣе древнихъ, темныхъ или обоюдныхъ для нынѣшняго понятія» (Письма м. Филарета... ч. VI, стр. 273—274).

И дѣйствительно, сличая между собой и сравнивая «похвалы Божіей Матери», какими онѣ являются въ букввальномъ переводѣ Чтеній въ Общ. Любит. Дух. Просв. и въ редакціи м. Филарета, не трудно убѣдиться въ томъ, что м. Филаретъ всего менѣе былъ способенъ рабски слѣдовать своему оригиналу.

Даже самое содержаніе статей у Филарета не вполне точно соотвѣтствуетъ статьямъ послѣдованія Іерусалимскаго.

Напр., третья статья Іерусалимскаго послѣдованія служитъ исключительно выраженіемъ благоговѣйныхъ христіанскихъ чувствъ, возносимыхъ лицу Пресвятой Дѣвы Маріи по поводу Ея погребенія, блаженнаго Успенія и преставленія на небо. Но въ ней вовсе нѣтъ никакихъ историческихъ подробностей, связанныхъ съ воспоминаніемъ этихъ знаменательныхъ событій въ христіанской церкви.

Въ редакціи же м. Филарета находится не мало стиховъ, относящихся прямо къ самымъ событіямъ погребенія, успенія и восхожденія на небо Божіей Матери.

Митрополитъ Филаретъ нерѣдко съ болѣею рельефностью и силой отбѣиваетъ мысли, содержащіяся въ послѣ-

дованіи Іерусалимскомъ. Искусно пользуясь при этомъ тѣми же источниками, которые, очевидно, имѣли подъ руками составители Іерусалимскаго послѣдованія, онъ часто повѣствованіе о какомъ-либо событіи изъ жизни Богородицы въ послѣдованіи Іерусалимскомъ пополняетъ новыми подробностями для болѣе яснаго выраженія той или другой христіанской истины.

Для примѣра беремъ повѣствованіе о Ѳомѣ, содержащееся въ Іерусалимскомъ послѣдованіи (по переводу Чтеній въ Об. Л. Д. Просв.), и въ послѣдованіи Филаретовскомъ ²⁴⁾).

По переводу Чтеній въ Общ. Л. Д. Просв. По редакціи м. Филарета.

Ѳома не явися изволеніемъ Божіимъ, Всенепорочная, къ Твоему погребенію, да увѣмы преставленіе Твое.

Онъ, хотяи поклониться благочестно пренепорочному святому тѣлу Твоему, обрѣте гробъ Твой онаго праздника.

Поясъ честный, во свидѣніе Твоего съ плотію нынѣ преставленія, вручаеши, Дѣво, Ѳомѣ.

Аще и нынѣ паки не преспѣ Ѳома близнецъ, но танинъ сподобися преславнымъ воскресеніемъ Христа.

Проницательный, острый, тонкій до послѣднихъ мелочей умъ м. Филарета не терпѣлъ ничего неопредѣленнаго, неточнаго, всего, что можетъ быть перетолковано въ другую сторону.

Сжатость и точность въ выраженіи понятій, кажется, всего менѣе могутъ быть признаны отличительными свойствами какъ Іерусалимскихъ «похвалъ Богоматери», такъ и другихъ пѣснопѣній этой службы, составленныхъ по образцу службы великой субботы.

Рабская зависимость отъ этой послѣдней службы въ

²⁴⁾ Въ Іерусалимскомъ послѣдованіи объ этомъ говорится въ первой статьѣ, у м. Филарета во второй:

нихъ всего болѣе сказала въ томъ, что здѣсь нерѣдко Божіей Матери приписывается то, что собственно принадлежитъ Рожденному Ею ²⁵⁾).

Вышедшія же подъ редакціей м. Филарета «Похвалы Богоматери» отличаются, несомнѣнно, болѣею ясностью и точностью въ раскрытіи понятій по сравненію со своимъ оригиналомъ.

Мы могли бы въ подтвержденіе этого привести многочисленные примѣры, но это завело бы насъ слишкомъ далеко, поэтому мы ограничимся лишь немногими.

Вотъ, напр., одни и тѣ же стихи «Похвалъ Богоматери» въ буквальномъ переводѣ Чтеній въ Общ. Л. Д. Просв. и въ редакціи м. Филарета.

По переводу Чтеній въ Общ. Въ редакціи м. Филарета.

Л. Д. Просв.

Маріамъ, како умираеши? Како во гробѣ обитаеши, родшая Подателя жизни, воскресившая мертвыя изъ тлѣнія?

Маріамъ, како умираеши, жизнь вѣрныхъ, како же гробъ вмѣсти Твое тѣло, вмѣстившее невмѣстимое всѣми?

Скончаеаешься, умирающею челоуѣческимъ уставомъ, предѣлы естества побѣдив-

Рождествомъ Твоимъ, Дѣво, грозное смерти устремленіе остановившая, како ны-

²⁵⁾ Вотъ самый типичный тому примѣръ, указанный самимъ м. Филаретомъ въ письмѣ къ архимандриту Антонію: въ фѣнсіпніяхъ Іерусалимскаго послѣдованія, переведенныхъ Холмогоровымъ, встрѣчается выраженіе о Божіей Матери „*во адъ сниде*“.

Вотъ что пишеть по этому поводу, между прочимъ, м. Филаретъ: изреченія о сошествіи во адъ я переложилъ такъ, чтобы въ нихъ не представлялось новаго догмата, но чтобы они могли быть здраво истолкованы по общепринятымъ понятіямъ. Напр., вмѣсто *во адъ сниде*, я поставилъ *въ темная сниде*. Что въ первомъ выраженіи сказано греческимъ словомъ, то во второмъ сказано словомъ русскимъ. Но въ темная сходженіе можетъ значить положеніе въ могилѣ, и только. Составъ же стиха симъ не повреждается (Письма Филарета къ архим. Автоію, ч. II, стр. 274—275).

шая Твоимъ Рождествомъ, нѣ нашествію смерти уступаеши?
Чистая Дѣво Мати.

Стамну, примшюю иногда небесную манну, нынѣ, Дѣво, приемишь Тя гробъ, вину жизни (ст. 1).

Достойно есть величати Тя, Богородице, сокровище добродѣтелей бывшую и всяческихъ дарованій Божіихъ (ст. 2).

Однимъ словомъ, если бы мы вздумали указывать на всѣ отступленія отъ своего оригинала, допущенныя м. Филаретомъ въ его «Похвалахъ Богоматери», намъ пришлось бы выписать почти цѣликомъ «Похвалы Богоматери», какими онѣ являются въ подлинникѣ (по переводу Чтеній въ Общ. Л. Д. Просв.) и въ переводѣ, редактированномъ м. Филаретомъ.

Пѣснопѣнія, входящія въ составъ службы Іерусалимскаго послѣдованія (какъ это отчасти можно видѣть изъ вышесказаннаго), представляя собой простую передѣлку службы великой субботы,—не особенно высокаго достоинства, но онѣ до такой степени передѣланы м. Филаретомъ, что являются въ его изложеніи совершенно въ иномъ видѣ. Въ цитованномъ письмѣ къ архимандриту Антонію (Письма Филарета... ч. II, стр. 273) м. Филаретъ далъ слишкомъ скромную оцѣнку своего труда по редактированію Іерусалимскаго послѣдованія: не въ простой перемѣнѣ «порядка словъ» и не въ одной замѣнѣ однихъ словъ другими выразился этотъ трудъ; сравнивая «Похвалы Богоматери» Іерусалимскаго послѣдованія съ «Похвалами», вышедшими подъ редакціей м. Филарета, нельзя не видѣть въ послѣднихъ руки великаго мастера слова, глубокаго проникновенія м. Филарета въ самый духъ церковныхъ пѣснопѣній; при этомъ ему удалось успѣшно выполнить

Златая стамна, въ ней же манна небесная соблюдеся, предложися отъ земли Богоотроковица Маріамъ къ Богу (ст. 1).

Достойно есть величати Тя Жизнодавца, возвеличившаго живоносное преставленіе Матери Твоея Чистыя (ст. 2).

поставленную имъ себѣ задачу «соединить словенскій видъ рѣчи съ ясностью», избѣжать неопредѣленныхъ и неточныхъ выраженій Іерусалимскаго послѣдованія и замѣнить ихъ такими, какія «могутъ быть здраво истолкованы по общепринятымъ понятіямъ».

Такимъ образомъ, въ общемъ м. Филарету удалось устранить тѣ существенные недостатки, которые прежде всего бросаются въ глаза при ознакомленіи съ текстомъ Іерусалимскаго послѣдованія.

Теперь мы переходимъ къ одному изъ самыхъ важныхъ отступленій м. Филарета отъ Іерусалимскаго чина нѣсколько въ иномъ родѣ, чѣмъ тѣ, съ которыми намъ приходилось доселѣ имѣть дѣло.

Разумѣемъ различія во времени совершенія Іерусалимскаго чина у насъ въ Россіи, въ Геесиманскомъ скиту, и на востокѣ при гробѣ Божіей Матери въ Геесиманіи, близъ Іерусалима.

На востокѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется переводчикъ «Похваль Богородицы» Іерусалимскаго послѣдованія въ своемъ краткомъ (и очень поверхностномъ) введеніи къ переводу послѣдованія, это богослуженіе приурочено къ навечерію дня Успенія Божіей Матери ²⁶).

Интересно знать, какого рода соображеніями руководился м. Филаретъ, перенося Іерусалимское богослуженіе въ Геесиманскомъ скиту на 17 августа и на всенощное бдѣніе наканунѣ этого дня.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ самой службѣ, редактированной м. Филаретомъ, именно въ содержаніи пѣснопѣній, обращенныхъ къ лицу Пресв. Богородицы.

Восхожденіе на небо Пресв. Дѣвы Маріи—это центральное событіе для всѣхъ этихъ пѣснопѣній ²⁷).

²⁶) См. упомянутую выше статью—„О богослуженіи въ навечеріи дня Успенія Пресв. Богородицы при гробѣ Ея въ Геесиманіи, близъ Іерусалима“ (Чтенія въ Общ. Л. Д. Просв. за 1871 г. июль).

²⁷) Всѣ другія событія, воспоминаемая въ пѣснопѣніяхъ,—описаніе

Оно воспѣвается и въ стихирахъ, и въ тропаряхъ Іерусалимскаго послѣдованія, и въ «Похвалахъ Богоматери», и въ «Благословенныхъ».

Мы не будемъ приводить примѣровъ въ доказательство этого, потому что намъ тогда бы пришлось исчерпать почти все содержаніе пѣснопѣній, составляющихъ отличительную особенность службы.

Надобно думать, что подобнаго рода соображенія побудили м. Филарета, вопреки Іерусалимскому чину, приурочить въ Геосиманскомъ скиту эту службу къ особому дню, согласно съ древними преданіями христіанской церкви, которыя повѣствуютъ, что восхождение Божіей Матери на небо было на третій день послѣ Ея Успенія.

«Съ исторіей Геосиманія», пишетъ онъ въ письмѣ къ архим. Антонію, «согласно было бы праздновать третій день по днѣ Успенія» (См. Письма м. Филарета къ архим. Антонію, ч. II, стр. 152) ²⁸⁾.

послѣднихъ дней земной жизни Богородицы, Ея погребенія и Успенія—здѣсь какъ бы группируются около этого событія.

²⁸⁾ Считаемо нелишнимъ здѣсь подъ строкой въ объясненіе статей Іерусалимскаго послѣдованія о Пресв. Дѣвѣ Маріи изложить самое событіе Успенія Богородицы, какимъ оно представляется по преданіямъ, наиболѣе распространеннымъ въ нашей церкви.

Послѣ Вознесенія на небо Господа І. Христа Пресв. Дѣва Марія осталась, согласно завѣщанію Сына, на попеченіе Іоанна Богослова (ср. Іоан. 19, 25 — 27), постоянно пребывавъ въ подвигахъ поста и молитвы.

День кончины Ея былъ Ей открытъ Господомъ:

„Слава вѣчной жизни начинала уже просвѣчивать сквозь самую смерть Пресв. Дѣвы. За три дня явился небесный вѣстникъ призвать Ее въ вѣчность и принесть Ей знаменіе ожидающаго Ее рая. Чудесно собрался соборъ Апостоловъ, чтобы почтить Ея преставленіе и погребеніе. Достойные видѣли Самого Божественнаго Ея Сына съ небесными ангелами, пришедшими принять душу Ея“ (Филаретъ — Слова и рѣчи, т. V, стр. 21 — 22). Согласно Ея желанію тѣло Пресв. Дѣвы было погребено на Елеонской горѣ, въ селеніи Геосиманія, близъ Іерусалима, между гробами Ея родителей и обручника Іосифа ^{а)}.

^{а)} Въ Геосиманскомъ саду, нѣсколько въ сторонѣ отъ пещеры, гдѣ,

Такимъ образомъ, м. Филареть установилъ въ Геэси-манскомъ скиту особое помѣстное празднованіе въ честь Божіей Матери.

Но, вводя это празднованіе, онъ, повидимому, не считалъ нужнымъ дать ему особое опредѣленное и точное

по преданію, молился Христось до кровавого пота, доселѣ показываютъ поклонникамъ погребальный вертепъ Пресв. Дѣвы Маріи, гдѣ находится гробъ Ея. Этотъ вертепъ состоитъ въ общемъ владѣніи православныхъ, латинявъ и армянъ (См. Елисеѣвъ—„По бѣду-свѣту“, т. I, стр. 324—325. Спб. 1894 г.).

„Въ третій день отъ смерти, по подобію Христову, проявлено Ея полное воскресеніе. Земнаго тѣла не стало во гробѣ Ея“ (Филареть, тамъ же).

Изъ апостоловъ при кончинѣ и погребеніи Божіей Матери не присутствовалъ одинъ Ѳома; онъ прибылъ къ прочимъ апостоламъ уже послѣ Ея погребенія, въ третій день послѣ Ея преставленія. Когда онъ пожелалъ открыть гробъ Ея, то онъ оказался пустымъ.

„Матерь Начальника Воскресенія послѣдовала за Нимъ въ воскресеніе въ третій день по Своемъ Успеніи“, „преданіе увѣряетъ, что Она, какъ Онъ въ третій день послѣ Своего погребенія, одѣвъ погребальныя пелены оставила во гробѣ Своемъ“ (Филареть—Слова и рѣчи, т. IV, стр. 396 и 395). И, такимъ образомъ, „какъ прежде невѣріе Ѳомы обращено въ доказательство достовѣрности воскресенія Христова, такъ теперь умедленіе Ѳомы обращается въ средство къ прославленію вознесенія Богоматери (Филареть — Слова и рѣчи, т. III, стр. 197).

Преданіе прибавляетъ къ этому еще одну подробность, не вошедшую въ Іерусалимское послѣдованіе, но нашедшую себѣ мѣсто въ службѣ, редактированной м. Филаретомъ.

Послѣ того, какъ святое тѣло Богоматери въ третій день послѣ Ея Успенія было взято на небо, Ѳома, находившійся дотолѣ въ Индіи, внезапно былъ поставленъ на горѣ Елеонской и, увиди, что блаженное тѣло Божіей Матери направляется къ небу, сталъ взывать: о, Матерь святая, Матерь благословенная, Матерь непорочная! Если только обрѣлъ я благодать, потому что вижу Тебя, то возвесели раба Твоего милосердіемъ, когда спѣшишь къ небу.

Тогда Она съ небесной высоты бросила Ѳомѣ тотъ поясъ, какимъ опоясали апостолы Ея святѣйшее тѣло (См. статью свящ. А. Смирнова — „Апокрифическія сказанія о Божіей Матери и дѣяніяхъ апостоловъ“. *Православное Обозр.* за 1873 г., т. I).

наименованіе, и оно не установилось относительно него даже доселѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если вы будете разспрашивать о празднованіи 17-го августа въ Геосиманскомъ скиту даже скитскую и лаврскую братію, то (говоримъ это по собственному опыту) не получите отъ нихъ яснаго отвѣта: одни

На одномъ изъ склоновъ Елеонской горы поклонникамъ доселѣ показываютъ камень, на который Пресв. Богородица спустила апостолу Ѳомѣ Свой поясъ по Своемъ восхожденіи на небо.

Въ русской и греческой церкви въ честь этого пояса установленъ 31-го августа праздникъ — Положеніе честнаго пояса Пресв. Богородицы. (О немъ, равно какъ о церковныхъ преданіяхъ, связанныхъ съ судьбою этого пояса и мѣстахъ его хранения, см. у прот. Дебольскаго—„Дни богослуженія православной католической восточной церкви“, т. I. Изд. 7, стр. 144—145 (Спб. 1882 г.).

Довольно подробное изложеніе древнихъ сказаній объ Успеніи Божіей Матери содержится въ словѣ м. Филарета въ день Успенія Божіей Матери на текстъ церковнаго пѣсноушнїя: соборъ ученикъ и божественныхъ апостолъ... т. IV, стр. 562—566; здѣсь событіе Успенія и вознесенія на небо Богоматери излагается на основаніи сказаній о семъ событіи Діонисія Ареопагита, Ювеналія Іерусалимскаго, Андрея Критскаго и Іоанна Дамаскина ^{б)}).

Опытъ критической оцѣнки древнихъ сказаній объ Успеніи Богоматери сдѣланъ въ упомянутой статьѣ свящ. А. Смирнова—„Апокрифическія сказанія о Божіей Матери“. *Прав. Обозр.* за 1873 г., т. I.

^{б)} Св. Діонисій въ приписываемомъ ему сочиненіи „О Божественныхъ именахъ“ представляется какъ современникъ сему событію, который присутствовалъ на погребеніи Богоматери. На это есть указаніе въ одной изъ стихиръ Іерусалимскаго послѣдованія, редактированнаго м. Филаретомъ, въ выраженіяхъ, однако, довольно невразумительныхъ:

„Егда трие священники, *Ареопагитъ оный* и *Герофей съ Діонисіема*, (?) Твое Божественное увидѣша, всенетлѣнная, Успеніе, тогда, слезы точнее, глаголютъ сице: како стерпимъ страданіе въ мірѣ, въ Тебѣ бо, о Дивная, Сына Твоего мнѣхомъ зрѣти и утѣшахомся“.

Современные ученые, впрочемъ, не находятъ возможнымъ сочиненія, приписываемыя Діонисію Ареопагиту, отнести къ письменности мужей апостольскихъ. По ихъ мнѣнію, эти сочиненія написаны не ранѣе конца IV-го или начала V-го вѣка.

изъ нихъ скажутъ, что въ этотъ день мы празднуемъ Успеніе Божіей Матери, другіе—Вознесеніе.

Въ путеводителѣ къ Геосиманскому скиту, какъ мы видѣли, сказано, что этотъ праздникъ установленъ «въ воспоминаніе Вознесенія Божіей Матери на небо (см. указ. Путеводитель по Геосиманскому скиту, стр. 40). Подобнымъ же образомъ, упоминая о скитскомъ праздникѣ 17-го августа, называютъ его Вознесеніемъ Божіей Матери проф. Голубинскій въ своей книгѣ «Преп. Сергій Радонежскій» (стр. 291) и авторъ книги *Русскій паломникъ*.—«Святая мѣста, чтимыя православнымъ русскимъ народомъ», г. Тихомировъ (Москва 1886 г., стр. 694).

Но, по нашему мнѣнію, подобное названіе скитскаго праздника едва ли можетъ быть освящено высовимъ авторитетомъ того, кто ввелъ у насъ этотъ праздникъ.

По крайней мѣрѣ, въ своихъ письмахъ, писанныхъ по поводу этого праздника къ архимандриту Антонію, м. Филаретъ ни разу не называетъ его этимъ именемъ; онъ называетъ его обыкновенно «праздникомъ Успенія и восхожденія на небо Божіей Матери» (Письма къ архим. Антонію, ч. II, стр. 329), праздникомъ Успенія и воскресенія Божіей Матери (ч. III, стр. 220, ч. IV, стр. 47).

Свою единственную, извѣстную въ печати бесѣду, произнесенную 17-го августа въ Геосиманскомъ скиту, онъ озаглавилъ какъ бесѣду *на празднованіе Успенія и въ третій день явленія Божіей Матери Апостоламъ*²⁹⁾ (Филаретъ—Слова и рѣчи, т. IV, стр. 163—166).

Достойно вниманія то обстоятельство, что, говоря о празднованіи 17-го августа, м. Филаретъ непосредственно связываетъ его въ самомъ наименованіи съ праздникомъ Успенія.

Это, по нашему мнѣнію, всего болѣе отвѣчало его задачѣ и тѣмъ побужденіямъ, которыми онъ руководился,

²⁹⁾ Произнесена, по всей вѣроятности, въ 1852 г., когда она впервые была напечатана въ Прибавленіи къ твореніямъ св. отецъ.

вводя у насъ «новое частное празднованіе» въ честь Божіей Матери ³⁰).

Въ самомъ дѣлѣ, въ названіи этого празднованія Вознесеніемъ Божіей Матери едва ли есть нужда, такъ какъ въ самомъ церковномъ наименованіи дванадесятаго Богородичнаго праздника Успеніемъ Божіей Матери выражается достаточно опредѣленно вѣрованіе церкви въ Вознесеніе на небо Божіей Матери.

«Въ словѣ Успеніе», пишетъ м. Филаретъ въ одной изъ своихъ проповѣдей на день Успенія, «содержится указаніе на церковное преданіе, что Божія Матерь въ третій день по Своемъ преставленіи отъ земли явилась Апостоламъ въ небесной славѣ, и это былъ не одинъ духъ Ея, но купно съ воскресшимъ тѣломъ, котораго поэтому уже не обрѣлось во гробѣ Ея» (Филаретъ—Слова и рѣчи, т. V, стр. 133) ³¹).

У протестантовъ праздникъ Успенія носить названіе Вознесенія Маріи (Maria Himmelfahrt).

Но идея, выражаемая протестантскимъ названіемъ праздника Вознесеніемъ Маріи, постоянно соединяется у насъ въ церковномъ сознаніи съ праздникомъ Успенія и выражается тамъ достаточно полно.

Просматривая календари западныхъ церквей, мы видимъ, что, напр., въ средніе вѣка, названія Assumptio S. Mariae

³⁰) Выраженіе самого м. Филарета. Одно время онъ даже думалъ отнести скитскій праздникъ къ ближайшему воскресному дню по днѣ Успенія и писалъ по этому поводу къ архимандриту Антонію: „праздновать въ скитской церкви ближайшій послѣ праздника Успенія Пресвятѣя Богородицы воскресный день хорошо тѣмъ, что новое частное празднованіе присоединилось бы къ готовому общему празднику“ (Письма къ архимандриту Антонію, ч. II, стр. 152).

³¹) Подобнымъ же образомъ и протоіерей Никольскій въ своей книгѣ „Пособіе къ изученію устава богослуженія православ. церкви“ (изд. 5. Спб. 1894 г.) прямо говоритъ, что св. церковь пребываніе Божіей Матери во гробѣ и вознесеніе Ея съ тѣломъ на небо именуеть Успеніемъ (стр. 561).

и dormitio, Himmelfahrt и Entschlafen (т.-е. Вознесение и Успение) мирно уживались одно подлѣ другого, выражая одну и ту же идею (См. Piper. Die Kalendarien und Martirologien der Angelsachsen, S. 73, 74, 79. 94).

Но утвердившееся въ нашей православной церкви названіе праздника Успеніемъ Божіей Матери, выражая собою вѣрованіе церкви въ вознесение Богоматери съ тѣломъ на небо, служить въ то же время живымъ выраженіемъ ея исконнаго вѣрованія, которое лежитъ въ основѣ самаго церковнаго празднованія, — вѣрованія въ то, что смерть не есть уничтоженіе нашего бытія, а только переходъ отъ земли на небо, отъ тлѣнія и разрушенія къ вѣчному безсмертію.

Эту мысль, связывая ее непосредственно съ церковнымъ наименованіемъ праздника Успеніемъ Божіей Матери, весьма сильно и ярко развиваетъ м. Филаретъ въ одной изъ своихъ проповѣдей на день Успенія.

Изложивши событіе Успенія Богоматери, онъ пишетъ:

«Таково событіе, которое нынѣ воспѣваетъ соборъ церковный торжественно, впрочемъ подѣ смиреннымъ наименованіемъ Успенія Божіей Матери, представляющимъ болѣе смягченную мысль о смерти, нежели мысль о торжествѣ и славѣ. Что же при этомъ думаетъ мать церковь? Чего желаетъ? Конечно, не думаетъ высочайшей славѣ небесной доставить приращеніе ничтожною землею славою. Насъ хочетъ она поставить въ созерцаніе какъ бы на рубежѣ между жизнью и смертію, между землею и небомъ, между временемъ и вѣчностью. Каждому изъ чадъ своихъ хочетъ она сказать: смотри за предѣлѣ гроба; помышлай на землѣ о небесномъ; во времени помни вѣчность; поучайся этому изъ жизни и Успенія Божіей Матери» (Филаретъ—Слова и рѣчи, т. V, стр. 22).

Поэтому едва ли есть необходимость для обозначенія помѣстнаго празднованія, совершаемаго 17-го августа въ Геесиманскомъ скиту въ честь Богоматери, вводить наименование—Вознесение Божіей Матери, наименование, во-

обще чуждое православной церкви; и намъ думается, что названіе этого праздника, данное въ вышеупомянутой бесѣдѣ, произнесенной м. Филаретомъ 17-го августа въ Геосиманскомъ скиту, всего болѣе отвѣчаетъ своему назначенію.

Такимъ образомъ, по мысли осторожнаго и мудраго святителя русской церкви, праздникъ 17-го августа долженъ имѣть непосредственную связь съ праздникомъ Успенія въ качествѣ «новаго частнаго празднованія въ честь Божіей Матери».

Первоначально это былъ лишь скитскій праздникъ, какъ постоянно называетъ его м. Филаретъ въ своихъ письмахъ къ архимандриту Антонію. Но затѣмъ, какъ мы видѣли, изъ Геосиманскаго скита чинъ этой службы перешелъ и въ другія, правда, пока немногія мѣстности Россіи; и намъ думается, что нѣтъ препятствій къ тому, чтобы онъ получилъ у насъ въ Россіи болѣе широкое распространеніе,—ближайшимъ образомъ въ обителяхъ мужскихъ и женскихъ, въ которыхъ праздникъ Успенія Богородицы является храмовымъ праздникомъ.

Свящ. М. С—кій.

ПРОФЕССОРЪ А. П. ЛЕБЕДЕВЪ.

(Некрологъ).

Русская церковно-историческая наука понесла тяжелую и вознаградимую утрату: 14 іюля въ 11 часовъ вечера, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, скончался, на 65 году жизни, профессоръ Московскаго Университета (ранѣе—Московской духовной Академіи) по кафедрѣ церковной исторіи Алексѣй Петровичъ Лебедевъ.

Алексѣй Петровичъ родился въ 1844 году и былъ сынъ бѣднаго сельскаго священника Рузскаго уѣзда Московской губерніи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Перервинскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ учился не блестяще, но Московскую духовную семинарію, куда онъ поступилъ по окончаніи курса въ училищѣ, онъ окончилъ уже первымъ ученикомъ. Отсюда (въ 1866 году) онъ перешелъ въ Московскую духовную академію, которую окончилъ въ 1870 году вторымъ магистрантомъ. Время, въ которое А. П. учился въ академіи, было переходнымъ временемъ въ жизни академій: старый уставъ 1814 года доживалъ послѣдніе дни, готовилось преобразование академій, и, въ ожиданіи этого преобразованія, естественно, академическая жизнь не могла итти нормальнымъ порядкомъ. Время своего ученія въ академіи А. П. съ свойственнымъ ему юморомъ живо изобразилъ въ своей рѣчи-некрологѣ покойнаго профессора академіи И. Д. Мансветова ¹⁾. Какъ разъ съ окончаніемъ Алексѣемъ Петрови-

¹⁾ „Профессоръ Моск. дух. акад. И. Д. Мансветовъ“ (*Моск. Церк. Вѣдом.* 1886 г. № 1; *Правосл. Обзор.* 1886 г., т. I).

чемъ курса въ академіи совпало введеніе въ ней новаго академическаго устава 30 ноября 1869 года ¹⁾. Сразу явилось нѣсколько свободныхъ кафедръ, и осенью того же 1870 года, въ которомъ А. П. окончилъ курсъ въ академіи, онъ былъ избранъ академическимъ совѣтомъ доцентомъ по кафедрѣ церковной исторіи. Одновременно съ нимъ получили кафедры въ той же академіи И. Д. Петропавловскій, А. П. Смирновъ, Н. А. Елеонскій и П. И. Цвѣтковъ. Магистерское сочиненіе А. П. было написано однако не по церковной исторіи, а по апологетикѣ. Сочиненіе это: «Превосходство откровеннаго ученія о твореніи міра предъ всѣми другими объясненіями его происхожденія» было удостоено лестныхъ отзывовъ со стороны профессоровъ А. В. Горскаго, В. Д. Кудрявцева и Е. В. Амфитеатрова и первой преміи митрополита Литовскаго Іосифа (въ 1871 году) со стороны академическаго совѣта, хотя въ цѣломъ видѣ осталось ненапечатаннымъ;—только отрывки изъ него были напечатаны въ духовныхъ журналахъ и *Русскомъ Вѣстникѣ* въ 1872—74 гг. Въ 1874 году А. П. былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1879 году представилъ на степень доктора Богословія (и получилъ ее) сочиненіе подъ заглавіемъ «Вселенскіе соборы IV и V вѣка. Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіемъ школъ александрійской и антиохійской». Нѣкоторые новые (въ особенности для того времени) взгляды и приемы, внесенные А. П. въ это сочиненіе, возбудили ожесточенную полемику; книга на нѣкоторое время подверглась даже запрещенію и долго не была допускаема къ переизданію, чѣмъ и пользовались букинисты, бравшіе за нее огромную цѣну.—Въ томъ же 1879 году А. П. былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ академіи, а въ 1891 году—и чле-

¹⁾ Уставъ этотъ въ 1869 году былъ введенъ лишь въ С.-Петербургской и Кіевской академіяхъ. Въ Московской и Казанской академіяхъ онъ былъ введенъ уже въ слѣдующемъ 1870 году.

номъ академическаго правленія. Въ 1895 году, онъ былъ немедленно приглашенъ въ Московскій университетъ на ту же кафедру и черезъ три года получилъ званіе заслуженнаго профессора Университета и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ былъ также почетнымъ членомъ всѣхъ четырехъ духовныхъ академій, разныхъ ученыхъ обществъ.

Какъ профессоръ, А. П. пользовался въ академіи громкою славой. Лекціи его, глубоко содержательныя и интересныя, въ особенности благодаря его замѣчательному знанію святоотеческой литературы, раскрывали передъ переполнявшими аудиторію слушателями новые горизонты и казались нерѣдко цѣлымъ откровеніемъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что самъ А. П. находилъ излишнимъ систематическое чтеніе лекцій.—«Зачѣмъ онъ — говорилъ онъ, напр., пишущему эти строки: — все это студенты могутъ узнать изъ моихъ же книгъ и другихъ сочиненій. Вотъ если появится новая книга, съ которою нужно познакомить студентовъ или новое открытіе въ наукѣ—вотъ тогда я собралъ бы студентовъ и прочиталъ бы имъ объ этомъ лекцію; остальное же время, употребляемое ими теперь на лекціи, они могли бы съ гораздо болѣею пользою употребить на самостоятельныя занятія».

Ученое труженничество и литературно-научная плодovitость Алексѣя Петровича были поистинѣ изумительны ¹⁾. Это былъ не только труженикъ,—это былъ прямо ученый подвижникъ. Имъ написано всего до двухсотъ большихъ статей (въ разныхъ духовныхъ журналахъ) и книгъ, составившихъ бы въ отдѣльныхъ изданіяхъ болѣе десяти тысячъ страницъ ²⁾. Но только лишь крупныя свои труды онъ издавалъ отдѣльно. Укажемъ содержаніе второго,

¹⁾ Покойный А. П. былъ почти постояннымъ сотрудникомъ *Душеполезнаго Читенія* еще съ того времени, когда журналъ редактировался прот. В. П. Нечаевымъ (послѣ преосв. Виссаріономъ). *Ред.*

²⁾ Полное—до 1895 года—перечисленіе его ученыхъ трудовъ дано въ статьѣ И. К.: „Двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности

десятитомнаго изданія его важнѣйшихъ сочиненій — «Собранія церковно-историческихъ трудовъ» (Москва, 1897—1905 гг.). Томъ 1-й. «Церковная историографія въ главнѣйшихъ ея представителяхъ съ IV по XX вѣкъ». Т. 2-й. «Эпоха гоненій на христіанъ и утверженіе христіанства при императорѣ Константинѣ Великомъ». Т. 3-й. «Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ». Т. 4-й. «Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ». Т. 5-й. «Исторія раздѣленія церкви въ IX, X и XI вѣкахъ». Т. 6-й. «Очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ». Т. 7-й. «Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка». Т. 8-й. «Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ отъ паденія Константинополя до нашего времени», въ двухъ половинахъ. Т. 9-й. «Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія (изъ давнихъ временъ христіанской церкви)». Т. 10-й. «Духовенство древней вселенской церкви отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка». — Но и изъ его статей многія могли бы составить собою цѣлыя книги, какъ, напр., «Братья Господни» (*Душеполезн. Читен.* 1904—5 гг.). Работы А. П. касались не одной только древней исторіи: имъ было написано много статей по новой и новѣйшей церковной исторіи; живо отозвался онъ и на современное церковно-обновленческое движеніе. Покойнымъ данъ былъ первый на русскомъ языкѣ полный и систематическій научный курсъ по общей церковной исторіи, составляющій не только необходимое, но даже настольное пособіе для всякаго серьезно занимающагося церковною исторіей. — Принималъ участіе А. П. и въ богословскихъ чтеніяхъ въ Московскомъ Епархіальномъ домѣ. Не говоримъ уже о невѣроятномъ количествѣ написанныхъ имъ отзывовъ о семестровыхъ студенческихъ, кандидатскихъ ¹⁾, магистерскихъ и докторскихъ

проф. А. П. Лебедева (1870—1895 гг.) — *Богослов. Вѣстн.* 1895 г. № 11.

¹⁾ Студенты (академіи) очень любили брать у А. П. темы для кан-

сочиненіяхъ—отзывовъ, нерѣдко весьма обширныхъ и обстоятельныхъ. И все это — при необыкновенной слабости зрѣнія, грозившей покойному одно время даже полной слѣпотой.

Но при всемъ своемъ поистинѣ изумительномъ кабинетномъ труженничествѣ, Алексѣй Петровичъ отнюдь не былъ затворникомъ или анахоретомъ. Совершенно напротивъ, это былъ человекъ въ высшей степени общительный и живой,—до такой степени живой, что не сказать объ этомъ въ его хотя бы даже краткой біографіи значило бы не сказать о немъ половины. Простота, доступность и словоохотливость его были поистинѣ необыкновенны. Всѣмъ рѣшительно интересующійся, благожелательный (но при этомъ прямой и стойкій), онъ очень любилъ поговорить и пошутить — иногда даже въ лекціяхъ и публичныхъ рѣчахъ; — шутка его (нерѣдко и надъ самимъ собой) была обыкновенно незлобивая и добродушная ¹⁾. Для него ничего не стоило, напр., проговорить — рѣшительно обо всемъ—цѣлыхъ два часа съ студентомъ, пришедшимъ къ нему за книгой. Онъ аккуратно посѣщалъ всѣ официаль-

дидатскихъ сочиненій и, конечно, имѣли для этого основанія. У А. П. такимъ образомъ всегда было изрядное количество пишущихъ ему кандидатскія (а потомъ нерѣдко и магистерскія) сочиненія студентовъ и, слѣд., немало и дѣла съ ними.

¹⁾ Напр., читая (на лекціи) объ одномъ древнемъ ученомъ, который говорилъ, что для мудреца довольно и одного слушателя, А. П. вполголоса, какъ бы въ скобкахъ, прибавляетъ: „мудрое правило, которымъ нерѣдко приходится руководиться ученымъ мужамъ и въ настоящее время“ (намекъ на неисправное иногда посѣщеніе студентами профессорскихъ лекцій). Или, напр., приходитъ А. П. въ бібліотеку, которой былъ довольно частымъ посѣтителемъ, и обращается къ бібліотекарю—пишущему эти строки — съ такими словами: „Вотъ гдѣ настоящіе-то труженики, вотъ гдѣ нужные-то люди,—не то что мы. Вы одинъ день не придете въ бібліотеку — такъ тутъ Богъ знаетъ, что будетъ, а мы цѣлые полгода можемъ не ходить на лекціи, и никто о насъ не вспомнить и не пожалѣетъ — даже рады будутъ“. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести немало.

чныя собранія, на которыхъ долженъ былъ присутствовать по обязанности, и очень охотно—собранія обществъ, которыхъ былъ членомъ, напр., Отдѣла Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія по устройству публичныхъ богословскихъ чтеній, равно какъ и самыя чтенія. Не отказывалъ себѣ покойный и въ умѣренныхъ развлеченіяхъ, главнымъ образомъ, впрочемъ, въ ежедневной, по возможности, прогулкѣ и, по возможности же, съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, чтобы можно было поговорить. Его крупная фигура, съ нѣскольکو неувѣренною, вслѣдствіе сильной близорукости, походкой, на первый взглядъ казалась нѣскольکو суровою; но первые же звуки его звонкаго и веселаго голоса и его шутливой рѣчи разсѣивали это впечатлѣніе.

Алексѣй Петровичъ вообще рѣдко выѣзжалъ изъ Сергіева посада, а потомъ—изъ Москвы, проводя обыкновенно и лѣто за ученою работою. Въ послѣдніе годы онъ по лѣтамъ иногда уѣзжалъ въ климатическій курортъ Погулянку, на берегу Западной Двины, гдѣ необыкновенный чистый воздухъ, съ крайне малымъ содержаніемъ пыли, былъ очень благопріятенъ для его больныхъ глазъ. Но нынѣшнее лѣто, занятый ученою работою, онъ не поѣхалъ изъ Москвы и, къ несчастію, гдѣ-то заразился рожистымъ воспаленіемъ лица. Болѣзнь приняла очень опасный оборотъ, и въ нѣскольکو дней свела Алексѣя Петровича въ могилу. Передъ смертію онъ сказалъ протоіерею П. Н. Сахарову: «помолись за меня!»—Отпѣваніе тѣла почившаго, въ приходской церкви св. Спиридонія на Спиридоновкѣ, 17-го іюля, совершалъ преосвященный Анастасій, викарій Московской епархіи въ сослуженіи съ товарищемъ почившаго по академіи протоіереемъ П. Н. Сахаровымъ и нѣсколькими священниками. Послѣ заамвонной молитвы, прот. П. Н. Сахаровымъ было сказано слово, передъ отпѣваніемъ говорилъ свящ. Д. И. Ромашковъ. Во время отпѣванія были произнесены рѣчи—пишущимъ эти строки, и профессоромъ Московской духовной академіи А. А. Спас-

скимъ, характеризовавшимъ его какъ ученаго, а на могилѣ—доцентомъ А. И. Покровскимъ и студентомъ Н. П. Кудрявцевымъ. Погребень Алексѣй Петровичъ на кладбищѣ Андроньева монастыря, гдѣ находятся и могилы его родныхъ, которыя онъ любилъ навѣщать при жизни.

Такъ, одинъ за другимъ, сходятъ въ могилу живые люди, благіе дѣлатели и труженики на нивѣ духовнаго просвѣщенія. Да упокоитъ ихъ Господь въ Своихъ небесныхъ обителяхъ, и да будетъ имъ вѣчная память!

Свящ. Н. Колосовъ.

С Л О В О

предъ отпѣваніемъ профессора Императорскаго Московскаго Университета, дѣйствительнаго статскаго совѣтника
Алексѣя Петровича Лебедева.

При видѣ этого гроба, намъ припоминается такое евангельское обстоятельство.

«Господи, спаси мя»,—возопилъ апостолъ Петръ, когда, плавая по морю Галилейскому, спустился съ своей ладьи въ море и увидѣлъ предъ собою грозное стремленіе волнъ морскихъ.

«Господи, спаси мя»,—не испытываетъ ли подобнаго чувства и каждый умирающій, спускаясь съ своей жизненной ладьи въ море вѣчности и видя предъ собою начало новой области бытія, міра духовнаго, во многомъ отличнаго отъ нашей обыкновенной здѣсь жизни?

«Господи, спаси мя»,—не слышится ли этотъ вопль еще яснѣе для насъ, хотя и не выражаясь въ обыкновенныхъ звукахъ,—воплъ изъ этого гроба, когда почившій неожиданно и для самого себя, и для всѣхъ окружающихъ его, долженъ былъ встрѣтить смерть и переселиться въ другую жизнь? Кончина его послѣдовала всего чрезъ нѣсколько дней отъ начала постигшей его болѣзни. «Вотъ какое тяжелое положеніе случилось со мной», говорилъ онъ мнѣ прерывающимся, затрудненнымъ голосомъ за нѣсколько часовъ до смерти: «скажи мнѣ, гдѣ выходъ изъ моего положенія?...» Затѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ, съ

едва переводимымъ дыханіемъ, онъ сказалъ мнѣ: «помолись за меня».

Съ глубокою грустію мы присутствуемъ при этомъ гробѣ. Но къ нѣкоторому утѣшенію нашему, мы вспоминаемъ проведенную почившимъ жизнь.

Жизнь его прошла далеко не безслѣдно. Она отдана была учено-литературному труду, труду энергичному, регулярному, среди котораго мало было развлеченій, а если они допускались, то затѣмъ, чтобы съ свѣжими силами приняться опять за трудъ. Болѣе тридцати лѣтъ онъ занимался избранною имъ отраслюю — древнею церковною исторіею. Сколько за это время написано имъ книгъ, статей въ духовныхъ журналахъ: плодovitость необыкновенная! Можно сказать, что обслѣдована была имъ избранная отрасль почти со всѣхъ сторонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дано новое направленіе въ изслѣдованіи многихъ вопросовъ, безпристрастное, непредубѣжденное, истинное, что уже получило высокую оцѣнку отъ людей свѣдущихъ. Болѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ его учебной дѣятельности сколько вышло учениковъ, пользовавшихся его научнымъ руководствомъ; гдѣ они всѣ, разсѣявшіеся теперь по разнымъ мѣстамъ, которые могли бы сообщить намъ о живомъ впечатлѣніи, производимомъ его чтеніями,—а чтенія эти, кромѣ того, что были глубоко содержательны, отличались легкимъ, живымъ языкомъ, что придавало особенную занимательность и интересъ для слушателей.

Кромѣ прямыхъ своихъ церковно-историческихъ занятій, покойный былъ многосторонне развитой человекъ, съ твердымъ умомъ и широкою начитанностію, чуткій ко всѣмъ вопросамъ общественной жизни. Съ нимъ можно было бесѣдовать съ пользою и удовольствіемъ о многихъ предметахъ и слышать трезвый разсудительный взглядъ.

Велико было богатство умственныхъ дарованій почившаго. Но что мы знаемъ относительно другихъ душевныхъ свойствъ его? Недавно въ Москвѣ провожали въ могилу громко заявившаго о себѣ въ другой области

профессора Университета ¹⁾, о которомъ его почитателями сказано было, что онъ обладалъ *рѣдкими качествами* души—прямотою и правдивостію. Подобное же мы должны сказать и о нашемъ почившемъ другѣ и знакомомъ — Алексѣѣ Петровичѣ: эти два примѣра подходятъ одинъ къ другому и заслуживаютъ вниманія и уваженія. Прямота и правдивость были отличительными свойствами почившаго, свойствами тѣмъ болѣе цѣнными, что они не такъ часто встрѣчаются въ людяхъ въ наше время, довольно изоглавшееся, довольно фальшивое. Чуждый хитрости и лукавства, говорившій и поступавшій согласно своимъ убѣжденіямъ, человѣкъ честнаго и благороднаго характера, — таковъ онъ былъ въ средѣ товарищей, въ отношеніяхъ къ студентамъ, въ обращеніи со всѣми, съ кѣмъ онъ соприкасался по своей службѣ и дѣятельности. И знавшіе эти свойства его располагались къ нему, отдавали ему должное.

Но не было ли въ немъ недостатковъ? Да развѣ кто свободенъ отъ недостатковъ? Развѣ кто представляетъ собою совокупность только однихъ совершенствъ? Почившій и самъ сознавалъ свои слабыя стороны. Но кто не признаетъ, что слабыя стороны въ немъ съ избыткомъ искупались многими его положительными качествами?...

«Господи, спаси мя», вотъ вопль умирающаго чловѣка. Этотъ вопль слышится нашимъ сердцемъ и отъ лежащаго предъ нами во гробѣ. Однако, вѣрующій ли онъ былъ чловѣкъ?—отъ нѣкоторыхъ иногда слыхали мы вопросъ. Зная его близко, можемъ отвѣтить, что свойственный ему либерализмъ имѣлъ, такъ сказать, ученый, а не жизненный характеръ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ держался строго критическаго взгляда, что требуется вообще сущностію науки; въ отзывахъ о лицахъ и событіяхъ историческихъ онъ называлъ ихъ своимъ именемъ, а въ жизни своей онъ былъ вѣрующій хри-

¹⁾ А. А. Остроумовъ.

стіанинъ. Онъ, напр., каждый годъ приступалъ къ исповѣди и приобщенію св. таинъ. Предсмертныя слова его, обращенныя ко мнѣ: «помолись за меня», подтверждаютъ его религіозную настроенность.

«Господи, спаси мя»... Что же должны дѣлать мы, слышащіе этотъ вопль нашего умершаго друга и знакомаго? Должны отозваться помощію, какъ стоящіе на берегу и видящіе утопающаго человѣка. Помолимся отъ всего сердца о почившемъ, да покроетъ Господь Своею милостію его согрѣшенія и да приметъ его, какъ вѣрнаго раба, не зарывшаго данный ему талантъ въ землю, ревностно и плодотворно въ своей области потрудившагося и оставшагося честнымъ и благороднымъ человѣкомъ.

17-го іюля 1908 г.

Протоіерей П. Сахаровъ.

Р Ъ Ч Ъ

при отпѣваніи профессора Императорскаго Московскаго Университета, д. с. с. Алексѣя Петровича Лебедева, 17-го іюля 1908 года.

Я думаю, что для многихъ изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, покойный Алексѣй Петровичъ Лебедевъ былъ близокъ и дорогъ не какъ профессоръ только Императорскаго Московскаго Университета, но прежде и больше всего какъ профессоръ Московской Духовной Академіи. Да, мы, ученики его, собрались нынѣ сюда, къ этому гробу, чтобы отдать послѣдній долгъ признательности и благодарности почившему нашему учителю!..

Та пора, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ въ Духовной Академіи была блестящая пора расцвѣта его таланта, его силъ и способностей. И могли-ли мы, его ученики, которыхъ онъ имѣлъ у себя въ столь большомъ количествѣ и, притомъ, въ разныхъ званіяхъ и состояніяхъ, забыть то счастливое время пребыванія нашего въ Академіи, когда съ ученой кафедрой ея раздавались слова, — увы нынѣ замолкнувшія на вѣки, — незабвеннаго нашего профессора? На его лекціяхъ, изъ-подъ его блестящаго пера, выходили всегда одна другой интереснѣе и занимательнѣе картины изъ древней исторіи христіанской церкви, а также картины изъ средней исторіи Византійской Греческой церкви. Вся эта эпоха церковной жизни была освѣщена имъ такъ ярко и живо, такъ мастерски и умѣло, что невольно привлекала насъ къ нему на лек-

ціи въ качествѣ слушателей и цѣнителей его профессорскаго таланта. Несомнѣнно, имя почившаго профессора Лебедева гремѣло тогда въ стѣнахъ Московской Духовной Академіи, какъ имя знаменитаго профессора, достойнаго преемника и замѣстителя приснопамятныхъ профессоровъ той же Академіи: Горскаго, Голубинскаго, Кудрявцева и другихъ. Тогда же онъ получилъ, можно сказать, славу первокласснаго профессора по исторіи церкви,—славу, которая распространялась не въ предѣлахъ только нашего отечества, а и далеко за предѣлами ея. Да, это былъ ученый профессоръ въ полномъ смыслѣ этого слова, стоявшій на высотѣ своего таланта и славы!

Въ тотъ же періодъ его жизни произошло и то, что онъ началъ готовить себѣ учениковъ по каедрѣ того спеціального предмета, которымъ занимался самъ. И мы знаемъ, что у него образовался цѣлый рядъ такихъ славныхъ учениковъ, которые не прерывали съ нимъ духовнаго общенія и питались до самаго послѣдняго времени разрабатываемою имъ все глубже и глубже наукою исторіи христіанской церкви. Одни изъ этихъ учениковъ заняли потомъ соотвѣтственныя каедры въ родной ему Московской Академіи, а другіе—въ иныхъ разсадникахъ богословской науки.

Не всѣ мы, здѣсь присутствующіе малочисленные ученики, окружающіе сейчасъ гробъ съ прахомъ почившаго нашего учителя, и не всѣ безчисленные ученики его, разсѣянные по разнымъ краямъ нашего отечества, можемъ подражать ученымъ трудамъ и подвигамъ почившаго профессора. Не всѣ могутъ быть въ такомъ положеніи, въ какомъ находился онъ. Это, конечно, дается не всякому изъ насъ, а только такимъ избранныкамъ науки, какимъ былъ почившій и другіе, ему подобные. По слову Апостола, «дары различны, и служенія различны, и дѣйствія различны... Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, иному вѣра, иному дары испѣлій, иному чудотворенія, иному пророчество, иному различ-

ніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ» (1 Кор. XII, 4—10). Но всё мы можемъ и должны подражать одному достолюбезному качеству души почившаго нашего учителя—профессора, которое проходить, такъ сказать, красною нитью чрезъ всю его жизнь и дѣятельность. Это именно—необыкновенному его трудолюбію и изумительной его усидчивости въ трудахъ и занятіяхъ по излюбленному имъ предмету. Да, это былъ не ученый только мужъ, докторъ богословія, профессоръ—историкъ, кропотливо разрабатывающій свою спеціальную науку, но и трудолюбивый и усердный работникъ литературнаго вообще дѣла, взятаго имъ на свои рамена отъ юности и веденнаго все время съ честію и достоинствомъ! Это былъ въ строгомъ смыслѣ слова ревностный и неустанный труженикъ пера, не щадящій своего здоровья и силъ физическихъ для того только, чтобы дарить отъ времени до времени своихъ учениковъ и почитателей сокровищами науки и знанія. Это былъ анахоретъ—подвижникъ, замкнувшійся отъ міра въ четырехъ стѣнахъ кабинета и не промѣнявшій науку на мірскія визменныя радости и удовольствія, окружавшія и манившія его къ себѣ, что не мѣшало ему быть, однако, человѣкомъ общества, особенно въ ту пору его жизни, когда онъ сталъ профессоромъ Университета. Это былъ глубоко-вѣрующій, скромный въ образѣ жизни своей человѣкъ-христіанинъ, умѣвшій сочетать въ душѣ своей вѣру и науку вмѣстѣ. Это былъ, наконецъ, преданный сынъ Церкви Православной, чтившій и любившій ее и ея достойныхъ пастырей и архипастырей, какъ, напримѣръ, покойныхъ—протоіерея Горскаго и митрополита Филарета, къ которымъ онъ питалъ особое расположеніе и къ которымъ относился съ полнымъ, достойнымъ ученаго только мужа, безпристрастіемъ. Для болѣе вѣрнаго и точнаго изображенія характеристики этихъ духовныхъ лицъ почившій посвятилъ нѣсколько литературныхъ ученыхъ трудовъ своихъ. А въ послѣднее время, со-

стоя уже профессоромъ въ Университетѣ, онъ приглашалъ, какъ извѣстно, ко вступленію въ члены имѣющаго открыться по его инициативѣ Филаретовскаго отдѣленія при Историческомъ Обществѣ Московскаго Университета всѣхъ такъ или иначе интересующихся жизнію и дѣятельностью покойнаго Митрополита Филарета.

Выпуская въ свѣтъ полное собраніе своихъ сочиненій, почившій профессоръ обѣщалъ намъ въ концѣ его помѣстить свои автобіографическія записки. Не знаемъ, удалось ли ему письменно довести до конца эту свою работу. И появятся ли когда-нибудь въ печати въ полномъ видѣ эти самыя автобіографическія записки, интересныя во многихъ отношеніяхъ, какъ для характеристики самого почившаго профессора, такъ и для характеристики тѣхъ лицъ-событій и эпохъ, которыхъ онъ касается. Несомнѣнно, онъ пролили бы много свѣта на нѣкоторыя, темныя еще пока, стороны изъ церковно-общественной жизни прошлаго столѣтія. Но эту тайну почившій унесъ отъ насъ съ собою въ могилу. Вообще, этотъ гробъ, стоящій предъ нами, сокрылъ отъ насъ великое умственное богатство и драгоценное сокровище знанія, какимъ обладалъ во время жизни лежащій въ немъ теперь послѣ смерти. Смерть, какъ тать, похитила его отъ насъ внезапно и неожиданно. Впрочемъ, къ утѣшенію нашему нужно сказать здѣсь; со смертію его не все рушилось и погибло окончательно. Умеръ профессоръ Лебедевъ, но не умерли его безсмертныя ученныя творенія, которыя оставилъ онъ намъ въ наслѣдіе и которыя, дѣйствительно, останутся навсегда съ нами и при насъ. Къ нему—этому достоянію почившаго—будутъ приходить и будутъ пользоваться имъ въ жизни многіе, не ближайшіе только, а и отдаленные потомки наши, какъ приходили къ нему и пользовались имъ мы, его современники.

Воздавая должное по заслугамъ почившаго, говоря послѣднее прости дорогому и незабвенному нашему профессору, дадимъ у гроба его твердый обѣтъ—такъ же тру-

даться по мѣрѣ дарованій своихъ, не щадя здоровья и силъ, какъ трудился онъ, — трудиться для блага Церкви и Родины на томъ поприщѣ жизни, на какомъ cadaго изъ насъ поставилъ здѣсь Господь; такъ же преслѣдовать не свои личныя цѣли и интересы, а цѣли и интересы вѣры и науки, Церкви и Отечества, какъ дѣлалъ это постоянно почившій.

Братіе! «Проходить образъ міра сего», — какъ мы слышали сегодня въ Апостольскомъ чтеніи, — «время уже коротко» (I Кор. VII, 31. 29): оно летитъ быстро и незамѣтно. Міровыя событія совершаются и проходятъ мимо насъ съ поразительною скоростью и неожиданностью. Такъ называемая общественная жизнь даетъ о себѣ знать весьма чувствительно и осязательно. Мы ли, современные русскіе люди, вкусившіе науки и познанія, останемся ко всему этому глухи и равнодушны, останемся неподвижны и бездѣтельны въ жизни? Да не будетъ сего!

Свящ. Д. Ромашковъ.

Р Ъ Ч Ъ

при отпѣваніи профессора А. П. Лебедева.

Смерть человѣка, пользовавшагося нашимъ уваженіемъ или много сдѣлавшаго въ жизни, всегда тяжела и при-скорбна — даже въ томъ случаѣ, если почившій въ последнее время уже удалился отъ дѣлъ или былъ уже далеко отъ насъ. Что же сказать о смерти человѣка, еще не стараго, бодрого, полного духовныхъ силъ, умершаго въ полномъ расцвѣтѣ своей дѣятельности — какъ почившій Алексѣй Петровичъ. Еще недавно мы были вмѣстѣ на одномъ собраніи.

Мнѣ кажется — я не ошибусь, если скажу, что почившаго можно характеризовать слѣдующими немногими словами: онъ былъ ученый труженикъ и человѣкъ.

Да, онъ былъ прежде всего ученый труженикъ. Человѣкъ большого ума, выдающейся учености и изумительнаго трудолюбія и продуктивности, онъ былъ крупною величиною въ наукѣ, которую обогатилъ столькими капитальными трудами, онъ былъ украшеніемъ профессорской каведры и пользовался заслуженною почетною извѣстностью не только въ Россіи, но и далеко за границей. Смерть его составляетъ большую потерю для науки вообще, а для русской церковно-исторической науки потерю прямо вознаграждаемую. Не нужно забывать и объ изящной и доступной формѣ, въ которую онъ умѣлъ облекать свои ученые труды и лекціи; его трудолюбіе будетъ казаться еще изумительнѣе, если вспомнить о крайней слабости его зрѣнія: одно время онъ былъ близокъ даже къ полной слѣпотѣ.

Но говорить о почившемъ только какъ объ ученомъ

труженикъ значило бы говорить о немъ лишь на половину. Почившій былъ не только ученый труженикъ, но и человѣкъ или, лучше сказать, столько же человѣкъ, сколько и ученый. Да, это былъ *человѣкъ* — въ полномъ смыслѣ этого слова, живой, бодрый, веселый, всѣмъ рѣшительно интересующійся, доброжелательный, — при всемъ своемъ изумительномъ кабинетномъ трудолюбіи отнюдь не чуждавшійся общества и при этомъ стойкій и прямой. Простота и доступность его были поразительныя. Для него не существовало разницы въ общественномъ положеніи собесѣдника: съ начальствомъ, съ студентами, съ простымъ служителемъ онъ былъ совершенно одинаковъ. — Я зналъ почившаго давно и близко — еще студентомъ Академіи и ученикомъ его и потомъ, во время совмѣстной съ нимъ службы въ Академіи, и послѣ, до самой его кончины, и всегда помню его однимъ и тѣмъ же одинаково простымъ, любезнымъ, привѣтливымъ и доброжелательнымъ.

Въ заключеніе, надъ этимъ незакрывшимся еще гробомъ, и мнѣ хотѣлось бы разсвѣять одно предубѣжденіе, существовавшее относительно почившаго. Нѣкоторые считали его человѣкомъ малорелигіознымъ. Это была вопіющая неправда: почившій Алексѣй Петровичъ былъ человѣкъ искренно вѣрующій; онъ только уважалъ науку и свободу изслѣдованія и говорилъ, и писалъ обыкновенно лишь то, что думалъ и въ чемъ былъ убѣжденъ. — Между прочимъ — трогательная черта въ характерѣ почившаго — онъ любилъ навѣщать своихъ родныхъ, погребенныхъ на кладбищѣ Андроньева монастыря, своихъ «покойничковъ», какъ онъ обыкновенно шуточно выражался. Нынѣ онъ — самъ покойникъ, самъ присоединяется къ нимъ и идетъ туда уже навсегда, или, какъ говоритъ Писаніе, прилагается къ отцамъ своимъ. Да будетъ же легка надъ нимъ земля, — а отъ насъ, его учениковъ и почитателей да будетъ ему вѣчная благодарная и молитвенная память!

Связи. Н. Колосовъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Нужно ли высшее образование духовенству?

Подъ этимъ заглавіемъ въ № 156 *Русскихъ Вѣдомостей* помѣщена статья «Профессора», гдѣ онъ возражаетъ противъ послѣдовавшаго недавно распоряженія высшей духовной власти, по которому дозволеніе духовнымъ лицамъ обучаться въ высшихъ учебныхъ свѣтскихъ заведеніяхъ представляется несоответственнымъ истиннымъ задачамъ пастырскаго служенія.

Многое въ этой статьѣ представляется намъ преувеличеннымъ. Если, напр., въ прежнее время встрѣчались у насъ духовныя лица, — даже въ средѣ іерарховъ, — занимавшіяся наукой, то они встрѣчаются и теперь. Если, однако, наша богословская дисциплина ничтожна по сравненію съ западной, то это можно съ полнымъ правомъ сказать едва ли и не о всѣхъ другихъ дисциплинахъ, у насъ разрабатываемыхъ, за исключеніемъ развѣ только русской исторической и церковно-исторической дисциплины, въ которой мы проявляли свою самостоятельность. Наши математика, физика, химія, гражданская исторія, языковѣдѣніе, медицина и проч. — все это въ большинствѣ случаевъ только шестіе на помочахъ науки запада или пережевываніе старой жвачки. Ни въ какомъ случаѣ нельзя говорить, что наша богословская наука отстала въ этомъ отношеніи отъ свѣтскихъ наукъ, преподающихся въ нашихъ свѣтскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ упрекъ исключительно нашей богословской наукѣ мы считаемъ незаслуженнымъ. Что касается «высшаго образованія» нашего духовенства, то мы раздѣляемъ взгляды г. профессора и думаемъ, что духовенству дѣйствительно нужно высшее образованіе. Въ послѣднее время у насъ

стала намѣчаться тенденція, довольно сильная, игнорировать высшее образованіе для духовенства, относиться къ нему съ презрѣніемъ. Результаты этой тенденціи не вполне еще замѣтны, но, конечно, они рано или поздно дадутъ себя знать. То незначительное уваженіе, какимъ духовенство еще пользуется, будетъ, если вышеозначенная тенденція станетъ продолжаться, имъ потеряно. Развитія низшихъ инстинктовъ въ средѣ духовенства, при крайнемъ измельчаніи или отсутствіи мысли, слѣдуетъ ожидать.

Мы вполне сознаемъ, что духовенству нужно высшее образованіе. Но какое? Думается, что прямымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ слѣдующій: прежде всего высшее (и среднее) богословское образованіе. И оно, конечно, у насъ найдется, — стоитъ только расширить нѣсколько тѣ узкія двери, которыя нарочно устроены съ тою цѣлю, чтобы затруднить къ нему доступъ. Облегчить доступъ къ богословскому образованію нужно, конечно, не въ смыслѣ поощренія невѣжества, или поощренія разныхъ проходимцевъ, которые шли, идутъ и пойдутъ въ высшія богословскія школы съ цѣлю полученія только диплома, а доступъ серьезнымъ людямъ, жаждущимъ дѣйствительнаго богословскаго образованія. Это самое лучшее, что можно придумать для возвышенія уровня нашего духовенства. Не мѣшаетъ при этомъ обратить вниманіе и на ту простую истину, что образованіе духовенства во многомъ зависитъ и отъ «средствъ», какими духовенство для этого располагаетъ. На мѣдные гроши многого не сдѣлаешь и большого образованія не получишь. Въ наше время мракобѣсія, обскурантизма образованному духовенству (какое еще у насъ осталось) хотять зажать ротъ, хотять придавить его и въ матеріальномъ отношеніи. Но даже одинъ западный ученый отрицательнаго направленія и тотъ говоритъ, что объ обеспеченномъ содержаніи духовенства слѣдуетъ заботиться въ интересахъ самой же религіи.

Что касается высшаго свѣтскаго образованія духовныхъ лицъ, то его, повидимому, слѣдуетъ считать придаткомъ, далеко не лишнимъ, но все же такимъ, безъ котораго можно и обойтись. Мы ничего не можемъ возразить противъ того, чтобы священники, діаконы, псаломщики и монахи слушали, напр., лекціи по медицинѣ и другимъ естественнымъ наукамъ въ нашихъ университетахъ, и даже находимъ, что это было бы полезно. Несовмѣстимость съ духовнымъ саномъ «пролитія крови» при вскрытіи тру-

повь или хирургическихъ операціяхъ, мы, вмѣстѣ съ г. «профессоромъ» считаемъ нелѣпостью, простымъ, и даже не умнымъ, предлогомъ, выставленнымъ съ цѣлю прекратить въ высшія свѣтскія учебныя заведенія духовнымъ лицамъ. Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ практическихъ неудобствахъ, сопряженныхъ съ поступленіемъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія духовныхъ лицъ. Ни для кого не тайна, что въ нихъ идутъ лица, мало связанные съ собственно церковной и пастырской дѣятельностью и вообще мало ей преданныя. Въ силу какихъ бы условій они ни сдѣлались духовными, цѣль ихъ (можетъ быть только за рѣдкими исключеніями) одна—выйти изъ ненавистнаго положенія духовнаго лица, положенія, какое создалось для нихъ обстоятельствами. Обучаясь въ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, они однако не оставляютъ до времени и церковныхъ мѣстъ или дѣятельности. Послѣднія, т.-е. доходы, съ нихъ получаемые, служатъ для нихъ только *средствомъ* для изученія свѣтскихъ наукъ,—и какъ только получится для нихъ возможность занять другое какое-нибудь доходное мѣсто, они, конечно, не замедлятъ и оставить свое прежнее служеніе церкви. Такое «стремленіе къ просвѣщенію» свидѣтельствуетъ, конечно, отнюдь не объ идеалахъ, а лишь объ упадкѣ той церкви, которая терпитъ или вынуждается терпѣть у себя подобныя ненормальныя явленія. Явленія эти не новы и существуютъ не у однихъ только насъ. Даже такой консервативный органъ, какъ *Русское Обозрѣніе*, выставляя недостатки современной греческой церкви, когда то говорилъ, что «половина архіерейскихъ кафедръ тамъ не занята; изъ богословскаго факультета при университетѣ не вышло ни одного священника; на этомъ факультетѣ числятся бѣдняки, ради полученія церковныхъ стипендій, но слушающіе лекціи на другихъ факультетахъ; изъ семинаріи братьевъ Ризаріевъ число священниковъ прямо ничтожно; огромная часть священниковъ—прямо невѣжды и жизнь ихъ жалкая. Обычное явленіе: священникъ, чтобы снискать пропитаніе, держитъ кабачекъ; здѣсь онъ подаетъ шары у билліарда для играющихъ, а жена его разноситъ закуски и напитки гостямъ» (см. *Моск. Церк. Вѣд.* № 41, 1906 г., 15 окт.). У насъ, положимъ, дѣло до такихъ порядковъ еще не дошло, но, какъ кажется, можетъ дойти, если будетъ продолжаться существующая «церковная политика». Мы находимъ, что эту «церковную политику» слѣдовало бы из-

мѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы не препятствовать духовнымъ лицамъ поступать въ какія бы то ни было высшія свѣтскія учебныя заведенія. Но на это время пользованіе доходами отъ церкви должно быть воспрещено. Если они пожелаютъ возвратиться къ служенію церкви, то въ этомъ имъ можно было бы не препятствовать. Вообще же слѣдовало бы заботиться о замѣщеніи лучшихъ мѣстъ лицами образованными. Пролазничества, унижительнаго для духовенства, ни въ какомъ случаѣ не нужно было бы поощрять. А въ заключеніе все-таки скажемъ, что вопросъ о свѣтскомъ образованіи духовныхъ лицъ — вопросъ очень сложный и трудный, и однимъ взмахомъ пера его, пожалуй, не разрѣшишь. Намъ кажется, что при рѣшеніи его правда и справедливость должны быть на первомъ мѣстѣ. Увлеченія же вообще должны быть оставлены. Печатаю статью о высшемъ образованіи духовенства, г. профессоръ, повидимому, нѣсколько не свободенъ отъ этихъ увлеченій и ожидаетъ благихъ результатовъ тамъ, гдѣ ихъ, по многимъ соображеніямъ, можетъ и не быть.

СОДЕРЖАНІЕ II ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1908 г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ и АВГУСТЪ.

	<i>Стран.</i>
1. ХРИСТАНСКАЯ ЗАПОВѢДЬ О ЛЮБВИ—„НОВАЯ“ ЗАПОВѢДЬ. (Противъ Геккели, Саладица и др.). Проф. А. Бронзова.....	4—17 146—165
2. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока). А. І... 18—22 166—171 341—345	468—473
3. СВѢТЪ ХРИСТОВЪ СРЕДИ МРАКА ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ СТРАДАНІЙ. Священника Н. Залевскаго.....	23—48 215—234 326—340
4. ВЕЛИКІЙ СТАРЕЦЪ И НЕСТЯЖАТЕЛЬНЫЙ ИПОКЪ-СКИТНИКЪ. (Браткій біографическій очеркъ жизни и дѣятельности преподобнаго Нила Сорскаго). П. Нечаева... .	40—70
5. ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА ЗАТВОРНИКА КЪ Н. И. К.....	71—76 258—261 353—356 510—515
6. ПОБОРНИКЪ ПРАВДЫ СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ. (Къ 9 мая). П. Н. К... .	77—80
7. УРОКИ ХРИСТАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО. (Къ 10-му мая—дню памяти св. отца нашего Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго). А. Зеланда.....	81—83
8. ЗАТОПИЛО. Влад. Соколова.....	84—89
9. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. VII. О помощи какую мы можемъ оказать отошедшимъ отъ насъ покойникамъ. Свящ Іоанна Утѣжина.....	90—94
10. 23 ПИСЬМА ОПТИНСКАГО СТАРЦА ОТЦА МАКАРІЯ КЪ ГОСПОДѢ С. И. N. Сообщено изъ Оптиной пустыни.	95—100 209—214
11. ЧУДЕСНЫЙ ЛОВЪ. Свящ. Георгія Раевского.....	101—108
12. ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ, ЕПИСКОПА ПЕНЗЕНСКАГО И САРАТОВСКАГО, КЪ ГРАФИНѢ АННѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ И КНЯЗЮ, И КНЯГИНѢ МЕЩЕРСКИМЪ. Сообщила игуменія Магдалина.....	109—117 174—179 368—375

13. РАЗСМОТРѢНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ВОЗРАЖЕНІЙ ПРОТИВЪ РЕЛИГІОЗНАГО ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ. Проф. П. К.... 118—134
14. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Изъ области таинственнаго.—Какъ и чѣмъ писали въ древности?—Оливеръ Лоджъ, ректоръ Бирмингамскаго Университета. Сущность вѣры въ связи съ наукой. Пер. съ 7-го англійскаго изданія..... 135—142
15. ПОУЧЕНІЕ ВЪ НЕДѢЛЮ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ (изъ посмертныхъ бумагъ Епископа Виссаріона)..... 143—145
16. ПОХВАЛА СВ. АПОСТОЛУ ПАВЛУ. (Къ 29 іюня). Гером. Валентина (Ляхоцкаго)..... 180—185
7. ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. I. Христіане дѣлаются, а не рождаются. II. „Господи силъ, съ нами буди“. Свящ. Н. Орлова. 186—196
1. ДНИ ЛУКАВЫЕ. Свящ. Н. Колосова..... 197—209
1. ВЪ ТИХОНОВОЙ ПУСТЫНИ. Павла Россіева..... 235—245
2. ЧТО ТАКОЕ МОНАХЪ? Свящ. Георгія Раевского.... 246—257
21. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. VIII. О необходимости старательности, редирижчivosti, терпѣнія и неуспынности въ трудахъ жизни. Свящ. Іоанна Утѣхина..... 262—267
22. ГОСЛУЖЕБНЫЙ ДНЕВНИКЪ СВ. ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ, І. А. Павскаго..... 268—302
23. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Къ вопросу о нищенствѣ. 303—310
24. МАЙЛОВСКІЙ-ЗЛАТОВЕРХІЙ МОНАСТЫРЬ. (Къ 800-лѣтію его существованія). (Съ приложеніемъ двухъ рисунковъ Павла Россіева..... 311—325
25. УРОКЪ ХРИСТІАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТРИАРХА ПЕЧЕРСКАГО. (Къ 18-му іюля — дню памяти преподобнаго отца нашего Іоанна многострадальнаго, и къ 26-му іюля — дню памяти преподобнаго отца нашего Моисея Угрина). Зеландъ..... 346—352
26. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. IX. „Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?“ Свящ. Іоанна Утѣхина..... 357—367
27. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ МУРОНОСИЦЫ МІИ МАГДАЛИНЫ. (Къ 22 іюля). Евстаеія Воронца..... 376—394
494—509
28. ПИСЬМА ПРОВѢССОРА А. С. ПАВЛОВА КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ МОСКОВСКОМУ МАКАРПО. Сообщ. Н. Бирюковъ..... 395—402
533—545
29. ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. Свящ. Н. Орлова..... 403—414
30. ИКОНА. Разсказъ Николая Никитскаго..... 415—436
31. РѢЧЬ КЪ ВОСТАНАННИЦАМЪ 4-й МОСКОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ Окончившимъ курсъ ученія. Протоіерей Діонісія Пѣвняцкаго..... 437—440
32. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Замѣчательное совпаденіе. Проф. Н. Зарскаго. — Прот. Іуст. Ольшевскій, епархіальный викарій, директоръ церковн. школъ и мисс. Полтав.

- епархіи. Въ вѣрѣ ли вы? (Къ вопросу о переоцѣнкѣ духовныхъ цѣнностей у интеллигентныхъ христіанъ). Публичныя богословскія чтенія, веденныя въ г. Полтавѣ въ теченіи великаго поста 1907 года. Спб. 1908 г. — Проф. И. Бердниковъ. О протестантскомъ и православномъ приходѣ въ Финляндіи. Спб. 1908..... 441—449
33. ВѢЧНЫЙ ГОРОДЪ. (Къ тысячелѣтію Чернигова). П. Россиѣва..... 451—467
34. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. X. Никто не смущайся малостью своего таланта и тяготою своей жизни. XI. Благозѣпное убранство храмовъ Божіихъ — дѣло великой важности. XII. Полюбите школу и не пренебрегайте воспитаніемъ дѣтей своихъ. Свящ. Иоанна Утѣхина..... 474—493
35. ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. Свящ. Н. Орлова..... 516—523
36. ПРОЩАНІЕ СЪ УЧЕНИКАМИ. (Рѣчь на актѣ при выпускѣ учениковъ Московскаго ремесленнаго училища — художественно-слесарнаго—имени Григорія Шеллапутяна). Священника С. Лебедева..... 524—532
37. СЕЛОМЪ. (Изъ жизни сельскаго духовенства). Николая Никитскаго..... 546—553
38. ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧЕСТЬ БОЖІЕЙ МАТЕРИ, СОВЕРШАЕМЫЙ 17-го АВГУСТА ВЪ ГЕОСИМАНСКОМЪ СКИТУ, БЛИЗЪ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ. Свящ. М. С—каго..... 554—577
39. ПРОФЕССОРЪ А. П. ЛЕБЕДЕВЪ. (Некрологъ). Свящ. Н. А. Колосова..... 578—584
40. СЛОВО ПЕРЕДЪ ОТПѢВАНІЕМЪ ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО СТАТСКАГО СОВѢТНИКА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЛЕБЕДЕВА. Протоіерея П. Сахарова.... 585—588
41. РѢЧЬ ПРИ ОТПѢВАНІИ ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, Д. С. С. АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЛЕБЕДЕВА, 17-го іюля 1908 года. Свящ. Д. Ромашкова..... 589—593
42. РѢЧЬ ПРИ ОТПѢВАНІИ ПРОФЕССОРА А. П. ЛЕБЕДЕВА. Свящ. Н. А. Колосова..... 594—595
43. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Нужно ли высшее образованіе духовенству?..... 596—599
- ОБЪЯВЛЕНІЯ.